



Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

AP
50
R95
N. 972
Feb.
1872

AP

50

R95

v. 97²

Feb

1872

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY



0262-R93/3

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY



3 1924 106 814 225

15 Мар 1872.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ.

1872

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМИТИЧЕСКИХЪ НАРОДОВЪ.
Д. А. Хвольсона.
- II. ЗАБЫТЫЙ ВОПРОСЪ. Романъ. Часть первая. Гл. XII—XXI. В. М. Маркевича (Б. Лъвицкаго).
- III. ПОСЛѢ ОСАДЫ. (Окончаніе.) Г.
- IV. ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ РЕНАНА И ТЭНА. Р.
- V. ЯДОВИТОЕ ВЕЩЕСТВО И ЦѢЛЕБНОЕ НАЧАЛО ВЪ ВОЗДУХЪ. Читаніе доктора Лендера.
- VI. ЗАМѢЧАНІЯ НА ВОСПОМИНАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ХВОСТОВОЙ. Е. А. Ладыженской.
- VII. ИСТОЧНИКИ ПОВАЛЬНАГО РАСПРОСТРАНЕНІЯ БОЛѢЗНЕЙ. Санитарный очеркъ. Н. И. Соловьева.
- VIII. ЖИЗНЬ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Джона Форстера. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. I—III.
- IX. ДЕКРЕТЪ КУТНОГОРСКИЙ. Историческій романъ. Юсифа Каэтана Тыла. Съ чешскаго. Гл. I—VII.
- X. СМѢСЬ: I. Новая пьеса Сарду *Рабагасъ*.— II. Юность и воспитаніе Австрійскаго императора.— III. Успѣхи воздухоплаванія.— IV. Проектъ туннеля подъ Паде-Кале.— V. Респираторъ для пожарныхъ.— VI. Коллекція герцога Эдинбургскаго.— VII. Экспедиція сэръ-Самюэля Бекера.— VIII. Работа женщинъ въ Лоуэлль.— IX. Глава мормоновъ предъ судомъ.— X. Богумиль Дависонъ.— XI. Домъ Наполеона въ Чизельгёрстѣ.— XII. Грозная комета.— XIII. Нѣсколько словъ о Русскомъ Собраніи въ Варшавѣ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ВѢРА. Повѣсть. Автора романа *Гостиница Сень-Жакъ*.
Часть первая. Гл. I—XIII.
- БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе первой части.



114728C

186

ew

X



ХАРАКТЕРИСТИКА

СЕМИТИЧЕСКИХЪ НАРОДОВЪ

I.

1

Слѣдя при изученіи исторіи разныхъ народовъ за отдѣльными явленіями ихъ вѣшной и внутренней жизни, мыслящій историкъ, ищущій объясненія ихъ стремленій, цѣлей и идеаловъ, не можемъ не предложить себѣ вопроса: почему дѣйствовалъ извѣстный народъ именно такъ, а не иначе, почему у него были эти, а не другія стремленія и цѣли, почему въ умственныхъ его произведеніяхъ проявляется то, а не другое направленіе, и почему вся его жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, различна отъ жизни другаго народа? Чтò было причиной такого различія, или въ нерѣдкихъ случаяхъ и совершенной противоположности? О случайности здѣсь не можетъ быть рѣчи. Какъ въ природѣ такъ и въ исторіи все совершается по опредѣленнымъ, непреложнымъ законамъ, и то чтò называется случайностію есть случай не предвидѣнный, не предугаданный нами, нерѣдко потому именно что мы *не могли* его предвидѣть, его предугадать. Одна лишь близорукость усматриваетъ въ малыхъ, и даже въ великихъ происшествіяхъ господство случайностей:

Послѣдуемъ при изученіи историческихъ явленій примѣру естествоиспытателей, которые при каждомъ изъ наблюдаемыхъ ими явленій спрашиваютъ, о ихъ причинахъ, чтобъ этимъ

лутемъ дойти до открытiя тѣхъ общихъ законовъ непремѣнными послѣдствiями которыхъ слѣдуетъ считать эти явленiя. Можетъ-быть что при внимательномъ разсмотрѣнiи въ исторiи народовъ отдѣльныхъ ея явленiй и намъ удастся отыскать нѣкоторые общiе законы объясняющiе причины различiя народностей.

Въ чемъ же состоятъ основныя причины имѣющiя своимъ послѣдствiемъ разность въ дѣятельности и стремленiяхъ народовъ?

Нѣкоторые говорятъ что разность эта основывается на разности религiи, что *религiя* налагаетъ свою печать на народность, руководитъ дѣйствiями народа. Но съ этимъ объясненiемъ мы не можемъ согласиться, по двумъ причинамъ. Во первыхъ, потому что, какъ мы видимъ, влiянiе одной и той же религiи на разные народы было различное; во вторыхъ, потому что одна и та же религiя у каждаго отдѣльнаго народа имѣетъ свое особенное развитiе. Такъ напримѣръ, благое влiянiе христіанства на такъ-называемые сѣверные народы было гораздо значительнѣе чѣмъ влiянiе его на культурные народы древняго міра. Народы сѣвера при своемъ нашествiи на образованныя страны юга, безъ сомнѣнiя, должны были нравственно погибнуть и физически ослабѣть, еслибы не нашли для себя въ христіанствѣ нравственной опоры. Последнее предохранило ихъ отъ физической и нравственной гибели и дало возможность къ развитiю новѣйшей культуры. На образованные же народы древняго міра христіанство далеко не имѣло того благотворнаго влiянiя которое оно имѣло на сѣверные народы, и если оно и не уничтожило древней образованности, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки, то по крайней мѣрѣ, ускорило ея разложенiе, потому что главное основанiе христіанства, по его характеру, совершенно противоположно культурѣ исключительно языческой. Чтобы христіанству имѣть возможность благотворно влiять на образованные народы древняго міра, вся образованность послѣднихъ должна была совершенно переработаться, что конечно не могло обойтись безъ нѣкоторыхъ потерь.

То же самое можно сказать и относительно магометанства и буддизма, потому что влiянiе и этихъ религiй было различное, смотря по народности на которую онѣ влiяли.

Каждая новая религiя, возникающая у образованнаго или полуобразованнаго народа, всегда есть плодъ извѣстной новой формы образованности, есть представительница новой идеи. Но по-

слѣдствіа вліанія этой новой религіи зависятъ преимущественно отъ характера народа который ее принимаетъ, отъ того какъ онъ смотритъ на новую форму образованности, на новую идею, и какъ ее примѣняетъ, подобно тому какъ и успѣхъ посѣва зависитъ не только отъ сѣмени, но и отъ почвы на которую оно пало.

Съ другой стороны, мы видимъ что одна и та же религія развивается совершенно различно у разныхъ народовъ, у каждаго получаетъ свой отличительный характеръ, такъ что иногда трудно понять какимъ образомъ одна и та же идея можетъ настолько различно отражаться въ своихъ проявленіяхъ.

Я не стану указывать здѣсь на различныя формы христіанства проявившіяся въ православной, католической, протестантской, несторіанской, якобитской и абиссинской церквахъ; замѣчу только что даже и въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ исповѣданій христіанство имѣетъ свои особенныя направленія. Православіе Славянъ имѣетъ другой характеръ чѣмъ православіе Грековъ, католицизмъ италіанскій рѣзко отличается отъ католицизма въ Германіи, въ послѣдней онъ не тотъ что во Франціи, гдѣ онъ опять совершенно другаго характера чѣмъ въ Испаніи. Такъ и магометанство получило у Персіанъ—мы поговоримъ о томъ ниже еще подробнѣе—характеръ совершенно отличный отъ характера магометанства у Арабовъ.

Въ противоположность тому мы замѣчаемъ у родственныхъ народовъ одинаковыя религіозныя направленія и сходныя религіозныя учрежденія, несмотря на то что исповѣдуемая ими тайны религіи зиждутся на совершенно разныхъ, иногда даже противоположныхъ основаніяхъ. Позже намъ представится случай привести тому убѣдительные примѣры. Поэтому религія, несмотря на ея значительное вліаніе на характеръ народности, тѣмъ не менѣе опредѣляетъ его не безусловно, напротивъ, она сама подвергается измѣненію согласно съ возрѣніями и природными наклонностями народа.

Законы и государственныя учрежденія, говорятъ другіе историки, имѣли самое значительное вліаніе на народы и характеръ ихъ. Развитие народовъ, говорятъ, бываетъ другое въ странахъ пользующихся либеральными учрежденіями, и другое въ странахъ гдѣ свободное движеніе особи и право ея располагать собою стѣснены разными мѣропріятіями; другое въ автократическихъ, другое въ конституціонныхъ и другое въ республиканскихъ государствахъ. Подобное мнѣніе основано

однако на смѣшеніи послѣдствій съ причинами. Но вопросъ состоитъ именно въ томъ, отчего у одного народа развились именно эти законы и учрежденія, а у другаго совершенно противоположныя. Отчего мы видимъ у одного народа сильную аристократію, у другаго демократію, въ одномъ государствѣ самоуправленіе, въ другомъ крайнюю централизацію, въ одномъ стѣснительные законы, въ другомъ полную свободу особи? И въ государственной жизни повторяется то же явленіе какое мы замѣтили въ развитіи религій, именно что одни и тѣ же законы и учрежденія имѣли у одного народа самое благотворное вліяніе, между тѣмъ какъ для другаго они были пагубны. Мы знаемъ что либеральныя учрежденія обезпечили за англійскою расой процвѣтаніе, а для испанской были пагубны, приготовили ей смуты и безпорядки. Равнымъ образомъ видимъ мы что самоуправленіе у одного народа способствовало благосостоянію личности и истинной свободѣ, у другаго же послужило лишь для усиленія гнета и упроченія произвола. Слѣдовательно и въ отношеніи къ законамъ и учрежденіямъ все зависитъ отъ почвы на которую падаетъ сѣмя.

Другое, но столь же ошибочное мнѣніе было высказано въ новѣйшее время и нашло много приверженцевъ. Утверждали что *климатъ, свойство почвы, положеніе страны вліяютъ на характеръ, судьбу и дѣйствія народа и предопредѣляютъ ихъ*. Главный представитель этого мнѣнія, какъ извѣстно, Англичанинъ Бокль, * на ученіе котораго стали, въ особенности у насъ, смотрѣть какъ на новое научное откровеніе. Въ пользу этого мнѣнія, кажется, говоритъ многое, но при болѣе внимательномъ изученіи историческихъ фактовъ, по моему убѣжденію, оно оказывается совершенно ложнымъ въ своихъ основаніяхъ. Каждый пойметъ что жители внутреннихъ странъ не могутъ быть мореходцами, что, напротивъ, обитатели острововъ и прибрежій бываютъ ими въ большей или меньшей мѣрѣ; далѣе, что люди живущіе на обширныхъ равнинахъ, гдѣ нѣтъ минераловъ, не могутъ заниматься горнымъ промысломъ, а жители степей принуждены заниматься скотоводствомъ и кочевать, между тѣмъ какъ горцы ведутъ жизнь преимущественно осѣдлую, что, наконецъ, чувство само-

* Бокль имѣетъ своего предшественника въ лицѣ мавританскаго Араба Ибнъ-Хаседуна, писавшаго въ XIV столѣтіи свое обширное *Введеніе ко всеобщей исторіи*.

сохраненія побуждаетъ жителя холодной, безплодной страны къ дѣятельности, и что, напротивъ, островитянинъ Южнаго океана, будучи сытъ отъ немногихъ плодовъ добываніе которыхъ ему не стоить никакого труда, не принужденъ работать и поэтому проводить свою жизнь въ праздности. Но подобныя наблюденія не вѣрны и основываются на смѣшеніи обстановки въ которой проявляется характеръ народа съ самимъ характеромъ, потому что климатъ, свойство почвы, положеніе страны суть только условія при которыхъ проявляется характеръ народности, отъ нихъ онъ получаетъ свой особенный видъ, но онъ не *создается ими*. Мореходство не есть черта Англійскаго народа, но лишь одно изъ условій при которыхъ проявляется предприимчивость отличающая эту націю. Еслибъ Англичане жили въ другой странѣ, то предприимчивость ихъ обнаружилась бы въ другомъ отношеніи. Они и Американцы сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ и при переселеніи въ Южную Америку или на острова Южнаго океана не перестаютъ быть дѣятельными и предприимчивыми. Уроженцы же этихъ странъ остались бы и въ Англии и въ Сѣверной Америкѣ тѣми же лентяями которыми они являются на своей родинѣ.

Не трудно было бы найти въ исторіи безчисленные примѣры для подтвержденія того что народы жившіе одинъ за другимъ въ одной и той же странѣ тѣмъ не менѣ представляютъ намъ совершенно разныя явленія.

Возьмемъ Египетъ. Этой узкой полосѣ земли, растянutoй между двумя прилегающими къ ней съ запада и востока пустынями и имѣющей на сѣверѣ открытый доступъ къ широкому морю, положеніе ея и ежегодно повторяющіяся наводненія изъ ея рѣки дали особенную, ясно опредѣленную физіономію, а между тѣмъ какое различіе представляютъ намъ древній Египетъ фараоновъ и Египетъ халифовъ магометанъ! Въ древнее время эта страна процвѣтаетъ, отличается избыткомъ своихъ силъ, предприимчивостью своихъ жителей и высокимъ развитіемъ въ средѣ ихъ искусства, а въ позднѣйшее время эта же самая страна представляетъ собою для наблюдателя картину нищенства и ничтожности. Вспомнимъ о значеніи древнихъ Египтянъ въ культурномъ и художественномъ отношеніяхъ для другихъ народовъ древняго міра, учителями и образцами которыхъ они стали, и что, можно спросить, изобрѣли и творили Египтяне

время халифовъ, Алидовъ, Мамелюковъ и Турокъ? Тѣми сооружены пирамиды и созданы творенія грандіознаго искусства служація и нынѣ предметомъ удивленія, тѣми проведены каналы, изобрѣтены письмена, разрабатывались математика, астрономія и медицина, а этими разрушались пирамиды и великолѣпныя могилы древнихъ царей, сооруженныя по ихъ повелѣнію зданія и другія художественныя произведенія, и залуцены древніе оросительныя каналы. Но за то преемники фараоновъ изучали коранъ и углублялись въ толкованія на него.

Немного дальше на сѣверъ отъ Египта, на восточномъ берегу Средиземнаго моря, жилъ небольшой народъ, который также занималъ узкую полосу земли, имѣвшую въ длину не болѣе 300 верстъ и въ ширину не болѣе 4 или 6 верстъ, но за то какое важное значеніе приобрѣлъ себѣ этотъ народецъ въ исторіи! Его промышленность была самая развитая въ древнемъ мірѣ, его суда плавали на всѣхъ извѣстныхъ тогда моряхъ, и его колоніи и факторіи были распространены отъ Индіи до береговъ Атлантическаго океана и отъ предѣловъ южной Аравіи до Кавказа. Флотъ его нерѣдко соперничалъ съ флотомъ Греціи, въ самое цвѣтущее ея время, въ арміяхъ его служили Персы съ дальнихъ странъ Востока, жители Малой Азіи и Африки. Мы говоримъ здѣсь о Финикіянахъ, купцовъ которыхъ пророки называли „князьями“ и „именитыми людьми страны“. Но, говорятъ нѣкоторые, Финикіянамъ у себя дома, въ своей маленькой землѣ, нечего было вѣсть, оттого они и были принуждены искать, на своихъ карабляхъ, въ чужихъ странахъ пролитанія и добычи. На это мы отвѣтимъ что и позднѣйшіе обитатели этой бѣдной полосы земли не имѣли излишка въ продовольствіи, однако все-таки оставались у себя дома и по преданіямъ ислама изучали отношеніе своего пророка къ многочисленнымъ его женамъ и рабынямъ или занимались другими вопросами подобной же важности.

Почти на томъ же мѣстѣ гдѣ нѣкогда стоялъ Карфагенъ нынѣ находится Тунисъ. Но кто можетъ намъ указать на тунисскихъ Ганнибаловъ, Асдрубаловъ, Гамилькаровъ? Кто видѣлъ Средиземное море кишацимъ тунисскими кораблями? Кто видѣлъ тунисскія войска на переходѣ ихъ черезъ Альпы или подъ стѣнами трепещущаго Рима? Но за то на почвѣ древняго Карфагена живетъ жалкій бей, не платящій своихъ долговъ, за то его Ганнибалы и суффеты * прилежно изучаютъ Бейдавіево

* Суффеты были высшія должностныя лица Карфагенской республики.

толкованіе на коранъ и заучиваютъ писанную стихами грамматику Ибнъ-Малика.

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Древніе Финикіане рано поселились въ Испаніи и основали тамъ большую колонію, изъ которой высылали въ разныя стороны свои военные корабли, свои арміи и своихъ колонистовъ. Слѣды заложенныхъ ими въ Испаніи въ огромныхъ размѣрахъ рудныхъ колей сохранились по сей день. Древніе Баски были храбры, стойки и упрямы, какъ и въ наше время, однако несмотря на то что не были лишены нѣкоторой образованности, они во всемъ далеко отставали отъ своихъ сосѣдей Финикіанъ. Въ послѣдствіи, въ этой странѣ жили Готы и Арабы вмѣстѣ, а между тѣмъ въ степени образованности и въ умственномъ и религіозномъ направленіяхъ этихъ двухъ народовъ существовала большая разница, не только пока они жили рядомъ, но и позже, когда первые вытѣснили послѣднихъ. Испанія именно представляетъ намъ самое убѣдительное доказательство несостоятельности упомянутой теоріи. Ни одна изъ европейскихъ странъ, говоритъ Бокль, болѣе Испаніи не походитъ на тропическія страны. Въ этихъ послѣднихъ преобладаютъ зрѣлища природы которыя, воспламеняя воображеніе, споспосбствуютъ развитію суевѣрія и удерживаютъ человѣка отъ изслѣдованія ихъ причинъ, другими словами, затрудняютъ разработку естественныхъ наукъ. Никакой другой части Европы, продолжаетъ Бокль, природа не дала того прямаго назначенія быть убѣжищемъ суевѣрія какъ именно Испаніи. По поводу этого изреченія, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, весьма даровитый и глубокомысленный писатель * спросилъ: отчего Испанія, предназначенная, по мнѣнію Бокля, силой природы къ совершенному упадку, такъ сильно процвѣтала при Арабахъ? Наука и искусство, въ средніе вѣка, будучи въ сосѣдственныхъ странахъ почти изгнаны, находили въ Испаніи многочисленныхъ воздѣлывателей, веселая поэзія и глубокомысленныя и смѣлыя изслѣдованія возвышали умъ, сила и прелесть облагораживали сердце, ремесла и всякаго рода предпріятія на пользу общаго благосостоянія находили самую дѣятельную поддержку, могометане и Евреи отличались возвышеннымъ и свѣтлымъ умомъ, искры котораго нрѣдко заронялись въ среду Испанцевъ-христіанъ и т. д. Послѣ

* Geügerъ, *Jüdische Zeitschrift für Wissenschaft und Leben* т. IV, стр. 264.

изгнанія Мавровъ, процвѣтавшее при нихъ земледѣліе пришло въ упадокъ, богатыя земли превратились въ пустыни, которыми онѣ частью и остались до настоящаго дня. Съ изгнаніемъ Евреевъ изъ Испаніи тамъ исчезли промыслы, торговля и предпріимчивость, такъ что нѣкоторые города лишились всякаго значенія. Это изгнаніе было частью и причиною умственного упадка страны, потому что своимъ сильнымъ развитіемъ въ XV столѣтіи испанская литература была обязана частью Евреямъ, которые, вслѣдствіе претерпѣваемыхъ ими преслѣдованій, въ концѣ XIV столѣтія, большими массами стали переходить въ христіанство и, по сознанію историка испанской литературы Amados del Rios, были причиною ея процвѣтанія. Послѣ удаленія Евреевъ изъ Испаніи, цѣлыя округа остались тамъ безъ врачей, такъ что необходимость заставляла выплывать ихъ изъ дальнихъ странъ, съ назначеніемъ имъ высокаго жалованья.

Что же было причиною что изъ двухъ разныхъ племенъ, жившихъ при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, одно заявило о себѣ въ областяхъ искусства и поэзіи, науки и промышленности, другое же отличалось тупымъ, ограниченнымъ умомъ и лѣнностью? Причину этого различія въ направленіяхъ двухъ народностей нельзя искать въ климатѣ, въ свойствахъ почвы и въ географическомъ положеніи страны служившей для нихъ полрищемъ.

Въ чемъ же состоитъ настоящая причина различія въ развитіи и дѣятельности народовъ жившихъ при одинаковыхъ вѣдшихъ условіяхъ? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ мы изберемъ опять путь естествоиспытателей, утверждающихъ что цѣлаго нельзя понять не изслѣдовавъ частныхъ. Оставимъ пока въ сторонѣ народности и обратимъ наше вниманіе на отдѣльныя особи.

Не только народности, но и особи другъ отъ друга различаются въ своихъ возрѣвнѣхъ, понятіяхъ, направленіяхъ, наклонностяхъ и дѣйствіяхъ; къ этому наблюденію намъ ежедневно представляется случай. И въ этомъ случаѣ вопросъ: почему это такъ? имѣетъ свое полное основаніе. Нѣкоторые полагаютъ прежде что человѣкъ, при появленіи на свѣтъ, не болѣе какъ *tabula rasa*, что воспитаніемъ изъ него можно сдѣлать все что угодно. Но несостоятельность подобнаго взгляда слишкомъ явна, и не требуетъ доказательствъ. Ежедневно мы видимъ предъ собою примѣры тому что личности

пользовавшіяся лучшимъ воспитаніемъ и имѣвшія предъ собою лучшіе примѣры сдѣлались людьми самыми порочными, и наоборотъ, что изъ лицъ не получившихъ никакого или лишь дурное образованіе выходятъ люди отличные и добродѣтельные. Религія, климатъ, воспитаніе и общественное положеніе не объясняютъ намъ этого явленія, потому что указанное нами различіе замѣчается у членовъ одного и того же семейства. Слѣдовательно, религія, климатъ и т. д. обусловливаютъ только одну *форму* въ которой проявляется характеръ извѣстной личности: главнымъ же основаніемъ ея служитъ природный нравъ, который, до извѣстной степени, можетъ быть смягченъ и измѣненъ, но никоимъ образомъ не созданъ. Съ нравомъ съ которымъ рождается человѣкъ онъ уходитъ и въ могилу. Человѣкъ добродушный не сдѣлается злымъ, осмотрительный легкомысленнымъ, твердый непостояннымъ, скулой щедрымъ и т. д. и т. д. Воспитаніе можетъ привить человѣку знанія, хорошія или дурныя воззрѣнія и мнѣнія и предразсудки, которые, конечно, не могутъ остаться безъ вліянія на образъ его дѣйствій, на природный его *характеръ*, природныя его наклонности. Возрастъ и воспитаніе, въ особенности религіозное, въ состояніи смягчить ту или другую черту характера и, нѣкоторымъ образомъ, измѣнить ее, но никоимъ образомъ не передѣлать. Общественное положеніе также можетъ вліять на способъ которымъ выражается характеръ, но также не переиждитъ его, потому что если человѣкъ низшаго класса поприщемъ для своихъ надувательствъ избираетъ толкучій рынокъ, а человѣкъ средняго класса продажи свои совершаетъ на биржѣ или въ качествѣ директора банка, и, наконецъ, человѣкъ изъ высшаго слоя общества невѣрными донесеніями обманываетъ главу государства и общественное мнѣніе, то всѣ трое дѣлаютъ, въ сущности, одно и то же, и только способъ которымъ они это дѣлаютъ у каждаго, смотря по его общественному положенію, различный. Поэтому можетъ казаться только смѣшнымъ, если отъ непостояннаго требуютъ постоянства и выдержки, отъ легкомысленнаго благоразумія и разсудительности, или отъ труса мужества: это столь же нелѣпо какъ ожидать отъ дурака мудрости. Характеръ человѣка столь же мало можетъ превратиться въ свою противоположность какъ левъ, въ рыбу. Но человѣкъ получившій подъ вліяніемъ ложныхъ и пагубныхъ ученій и мнѣній своей среды дурное направленіе можетъ наставленіями быть исправленъ. И

милостію Божескою и озареніемъ святою вѣрой можетъ произойти въ чловѣкѣ переломъ къ лучшему, но не всякій окажется достойнымъ этой милости, этого озаренія.

Слѣдовательно, мы видимъ что дѣйствія людей опредѣляются преимущественно природными ихъ характерами, и что всѣ прочія условія ихъ жизни имѣютъ на нихъ одно второстепенное вліяніе, то-есть вліяютъ на способы которыми выражаются и проявляются ихъ характеры. Но народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ особей и поэтому нельзя отрицать что каждый народъ имѣетъ свой особенный, болѣе или менѣе ясно опредѣленный, характеръ. Отдѣльный народъ не что иное какъ собирательная большая личность. Каждое племя, въ свою очередь, состоитъ изъ разныхъ народныхъ особей, и никто не станетъ оспаривать что существуютъ извѣстныя черты характера общія цѣлымъ группамъ народовъ и цѣлымъ племенамъ. Что одинъ народъ дѣйствовалъ такъ, а другой совершенно иначе, что въ одномъ народѣ развилось одно направленіе, въ другомъ другое, и что всѣ эти дѣйствія и направленія народовъ завязаны отъ ихъ природнаго характера и природныхъ ихъ качествъ и склонностей,—все это никто не станетъ оспаривать. Дѣло въ томъ: преобладаетъ ли въ народѣ разумъ или сердце, или находятся оба въ равновѣсіи, дѣйствуетъ ли онъ осмотрительно или легкомысленно, любитъ ли онъ порядокъ или небреженъ и нерачителенъ, показываетъ ли онъ стойкость и выдержку въ своихъ предпріятіяхъ или же нелостояненъ и т. д. Эти добрыя или дурныя качества народовъ опредѣляли ихъ нравственныя и внѣшнія дѣйствія и обуславливали то высокое или низкое положеніе которое занимаетъ каждый изъ нихъ. Всѣ прочія обстоятельства имѣли также свое вліяніе, но это вліяніе было лишь второстепенное и отражалось единственно на образѣ явленій. Если отдѣльные великіе мужи совершали великія дѣла и являются преобразователями своего народа, то возможную почву для своей дѣятельности, то-есть гдѣ народъ былъ способенъ къ принятію образованности. Изъ Готтентотовъ ни Алфредъ Великій, ни Петръ Великій не были бы въ состояніи создать историческіе народы. Изъ плохой глины лучшей художникъ не произведетъ ничего изящнаго, и на песчаной почвѣ не взойдетъ и лучшее сѣмя пшеницы.

Почему это такъ устроено мудрымъ Провидѣніемъ что одинъ народъ съ большими дарованіями, другой съ меньшими, а тре-

тій совершенно ихъ лишень, отчего одинъ имѣеть эти, а другой другія превосходства, это такъ же трудно намъ знать какъ и то почему одинъ плодъ съ горькимъ, а другой со сладкимъ вкусомъ, отчего одно растеніе имѣеть цѣлительныя, а другое вредныя и разрушительныя соки. Взоръ нашъ способенъ обнимать лишь небольшую часть какъ пространства, такъ и времени; но милосердному Провидѣнію извѣстно все прошедшее и самая дальняя будущность, равно какъ безграничное пространство. Въ своей премудрости Оно имѣло свои причины почему неравномѣрно распредѣлило духовныя дары между народами земнаго шара: безъ сомнѣнія, это было необходимо для гармоніи цѣлаго. Вслѣдствіе разности въ стелени даровитости отдѣльныхъ народовъ образуется нравственная зависимость одного отъ другаго, которая побуждаетъ ко взаимному соревновенію и къ гуманности. Познаніе же и гуманность суть конечныя цѣли къ которымъ должно стремиться челоуѣчество.

То же постоянство характера которое мы замѣчаемъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, мы видимъ и въ отдѣльныхъ народахъ. Главныя черты характера каждаго современнаго народа существовали и у его предковъ тысячу или даже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Народъ котораго я не хочу назвать характеризуется даровитымъ историкомъ слѣдующими словами: „и въ общинахъ его недостаетъ согласія и твердаго управленія, нѣтъ серіознаго гражданскаго духа и послѣдовательности въ общихъ стремленіяхъ. Единственный порядокъ которому подчиняется этотъ народъ есть военный, потому что узы дисциплины освобождаютъ отдѣльную личность отъ тяжкаго труда самосмиренія. Главныя его качества—*личная храбрость*, въ которой онъ превосходитъ всѣ прочіе народы, *свободный бурный духъ*, доступный всякому впечатлѣнію, живой умъ съ крайнею подвижностью; недостатокъ стойкости, сопротивленіе порядку, хвастовство и постоянная междоусобица—послѣдствія безграничнаго самолюбія. Выше всего цѣнится сраженіе и игривая находчивость ума. Предметомъ хвастовства ему служить все, даже рана: послѣдняя нерѣдко послѣ пораженія расширяется для того только чтобы щеголять съ широкимъ рубцомъ. Въ особености они склонны къ поединку.“

Какой народъ изображенъ въ этихъ словахъ? Не Французы ли это? Да и нѣтъ. Представленное изображеніе относится къ древнимъ Галламъ временъ Камилла и Юлія Цезаря. Но оно

можетъ быть отнесено и къ современнымъ Французамъ. Правда что у древнихъ Галловъ не существовало привилегированной императоромъ демократіи, отлично организованной тайной полиціи, залгавшейся офиціозной печати, тѣ явленія которыя мы недавно видѣли у современныхъ Французовъ; но послѣдніе не насладились бы этими дарами, еслибы не имѣли такъ много сходства со своими предками—Галлами.

Обратимся опять къ Испаніи. Глядя на Фердинанда Католическаго и его преемниковъ кажется будто они только продолжаютъ то что начато было царями вестготскими Реккаредомъ, Сисебутомъ, Хинтиллой, Рецесвинтомъ и другими, именно искорененіе всякаго раскола въ Испаніи, будто и не существовало между послѣдними и первыми промежутка времени многихъ столѣтій, въ теченіе которыхъ происходила самая ожесточенная борьба съ чужою вѣрой и чужимъ народомъ, завладѣвшимъ всею страной и основавшимъ въ ней новую культуру и цивилизацію, влиянію которой даже подверглись сами Испанцы.

Взглянемъ на Востокъ. Тамъ мы встрѣчаемся съ народомъ который въ священныя книги свои уже 2500 лѣтъ тому назадъ постоянно увѣщается не лгать, вѣроятно потому что онъ нуждается въ этомъ увѣщаніи. Несмотря на то что съ того времени народъ этотъ смѣшался съ Греками, Арабами Турками, Монголами и принялъ другую религію, онъ все-таки остался самымъ живымъ народомъ всего Востока. Одинъ изъ его древнихъ царей, Камбизъ, разорялъ храмы египетскихъ боговъ, другой, Ксерксъ, уничтожалъ греческіе храмы; третій, Дарій, сынъ Гистаспа, сражался со своимъ предшественникомъ, Гаутамой, также изъ-за религіи. И современные Персіане гораздо фанатичнѣе своихъ собратьевъ по религіи—Арабовъ.

Если характеръ народа остается постояннымъ въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій, то, естественнымъ образомъ, и его дѣянія, его духовное направленіе, его умственные произведенія должны быть въ совершенной зависимости отъ природныхъ чертъ характера, отъ природныхъ его наклонностей. Ежедневныя наши наблюденія надъ отдѣльными личностями мы можемъ повторять и на отдѣльныхъ народахъ. То что предопредѣляетъ судьбу отдѣльныхъ лицъ, то управляетъ и судьбами цѣлыхъ народовъ и племенъ.

II.

Намъ казалось необходимымъ предпослать это, можетъ-быть слишкомъ обширное введеніе, потому что изложенныя здѣсь мнѣнія, до которыхъ мы дошли, подобно другимъ, путемъ самостоятельнаго изученія и собственныхъ наблюденій, не принадлежатъ къ числу общепризнанныхъ и только съ недавняго времени начинаютъ распространяться. Но такъ какъ характеръ семитическихъ народовъ, насколько мы его понимаемъ, долженъ служить лишь средствомъ къ объясненію внѣшней и внутренней дѣятельности этого племени, то нельзя было не указать на источникъ и ключъ къ объясненію принятыхъ нами во вниманіе явленій ихъ жизни.

По словамъ одного знаменитаго историка, представителями древняго міра были народы обитавшіе вокругъ Средиземнаго моря. Принявъ во вниманіе болѣе обширный кругъ историческихъ явленій, то-есть расширивъ его до предѣловъ всеобщей исторіи, мы найдемъ что главными представителями чело-вѣчества были преимущественно слѣдующія три племени: *индо-европейское* или *арійское*, затѣмъ *семитическое* и, наконецъ, *урало-алтайское*. О послѣднемъ мало что можно сказать: разрушало оно много, а создало мало; жило оно на счетъ другихъ племенъ, само же ничего не производило. Оно не расширило кругозора чело-вѣчества никакими новыми идеями и его благосостоянію не спослѣствовало никакими новыми открытіями. Нѣкоторые народы этого племени, напримѣръ *тюркскіе* и *угорскіе*, правда, успѣвали достигнуть государственнаго устройства, но государственность ихъ была самая элементарная. Если же эти племена, отъ времени до времени, какимъ-нибудь толчкомъ приводимы были въ движеніе, то лишь для того чтобы, налетая, подобно саранчѣ, на культурные народы, разносить повсюду куда приходили опустошеніе и разрушеніе. Подъ нанесенными ими съ надмѣнною хитростью и изысканною жестокостью тяжкими ударами гибли матеріальные и нравственные труды многихъ столѣтій и поколѣній. Когда же пылъ ихъ утихалъ и угасалъ, они или подвергались поглощенію народовъ которыхъ покорили, или основывали себѣ гдѣ-нибудь новую отчизну, предоставляя чужимъ народамъ водвореніе у нихъ культурныхъ и образовательныхъ началъ. Но имѣ

самимъ человѣчество ничѣмъ не обязано, они много причиняли вреда и мало приносили пользы; да если и бывала отъ нихъ когда-либо польза для человѣчества, то развѣ въ томъ отношеніи что они, подобно бурѣ, очищали воздухъ. Другіе народы этой расы, какъ напримѣръ финскіе, даже не достигали государственнаго развитія: роль ихъ въ исторіи была пассивная.

Настоящими представителями культурныхъ расъ являются *Арійцы* и *Семиты*. И тѣ и другіе создали исторію. Правда что еще до появленія ихъ на поприщѣ исторіи уже существовало нѣсколько центровъ культуры, какъ, напримѣръ, Египеть и страны гдѣ были изобрѣтены клинчатые письмена—можетъ быть южная Халдея. Но вліяніе на нашу исторію со стороны культуры разившейся въ этихъ странахъ, древнее население которыхъ принято называть *халитскими*, можно считать лишь посредственнымъ, тогда какъ вліяніе двухъ другихъ племенъ на участь всего человѣческаго рода до настоящаго времени еще продолжается, и дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи еще не скоро прекратится.

Арійское племя обнимаетъ довольно значительное число отдѣльных народныхъ семействъ живущихъ отъ Индіи, Персіи и Кавказа до западныхъ береговъ Исландіи и въ послѣднее время даже во всѣхъ частяхъ Америки. Эти семейства преимущественно слѣдующія: индійское, иранское, малоазійско-кавказское, греческое или пелазгійское, италійское или романское, германское, славянское съ литовскимъ и кельтское. Степени родства этихъ семействъ между собою не одинаковы, и, кромѣ того, историческое значеніе каждаго изъ нихъ настолько различно что одно или другое можетъ быть названо майоратнымъ владѣльцемъ, потому что въ извѣстное время оно завладѣвало всѣмъ умственнымъ запасомъ своего племени, а братьевъ-соплеменниковъ своихъ оставляло ни при чемъ. Каждое изъ упомянутыхъ народныхъ семействъ дѣлится на нѣсколько народностей, изъ которыхъ каждая пережила свою особенную историческую судьбу и приобрѣла себѣ особенное положеніе въ мірѣ. Случалось даже что въ средѣ одного отдѣльнаго народа та или другая отрасль превосходствомъ своихъ способностей успѣвала отличатся предъ другими отраслями, какъ напримѣръ, Іонійцы между Греками, или Латины между Италійцами.

Первая роль между народами арійскаго племени выпала на долю Грековъ, вслѣдствіе умственнаго ихъ превосходства и энергичности ихъ характера. Богатыя дарованія этого народа мы находимъ раздѣленными между индійскимъ и италійскимъ семействами: первое отличалось своими умственными способностями, второе энергичностью своего характера. Позже удалось другимъ семействамъ выступить на первый планъ историческаго поприща и частію сохранить за собою пріобрѣтенное ими значеніе, сдѣлавшись представителями новой образованности, основанной на образованности предшественниковъ. Нѣкоторыя же семейства Арійцевъ только недавно пробудились отъ своей исторической бездѣтельности и, можетъ-быть, предназначены Провидѣніемъ положить основаніе будущей образованности.

Характеристика арійскаго племени не входитъ въ планъ настоящаго опыта, потому что, выражаясь точно, мнѣ не всѣ умственныя его произведенія извѣстны на основаніи собственнаго изученія, но съ исторіей и литературой семитическихъ народовъ, я знакомился въ теченіе всей своей жизни, посвятивъ себя ихъ изученію съ искреннею любовію и полною преданностью. Принадлежа самъ къ этому племени и привыкнувъ, насколько это возможно человѣку, при его природныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, относиться ко всему объективно, я льщу себя надеждой что буду въ состояніи охарактеризовать семитическое племя лучше другаго, пріобрѣтшаго въ наукѣ большее значеніе чѣмъ я. Но я, однако, не премину проводить иногда параллели между обоими племенами, для того чтобы выставить на видъ значительное различіе ихъ другъ отъ друга. Менѣе разнообразная картина представляется нашимъ взорамъ при созерцаніи судебъ семитической расы. Она не заключаетъ въ себѣ такого значительнаго числа семействъ какъ арійская. Съ другой стороны, Семиты не успѣли занять такого широкаго пространства какое занимаютъ Арійцы. Первые, напротивъ, въ своихъ обиталищахъ всегда составляли сплошную массу, мало или почти совсѣмъ не разбѣдиненную чужими народностями. Къ этому племени принадлежатъ слѣдующія семейства: 1) *южное или аравійское*, въ свою очередь распадающееся на: а) *южное аравійское или шимъаритское* семейство, къ которому можно причислить и *Абиссинцевъ*; б) *среднее аравійское*, и в) *сѣверное аравійское*. 2) Вторую семью семитическаго

племена составляютъ *средне-семитическія* или *хананейскія* народности, главными представителями которыхъ слѣдуетъ признать Евреевъ и Финикіянъ: языки ихъ различаются другъ отъ друга не болѣе чѣмъ нарѣчія одного языка. 3) Третья семья *сѣверная* или *арамейская*, обитавшая въ Сиріи и сѣверной Месопотаміи и частью въ восточныхъ предѣлахъ Малой Азіи. 4) Четвертую семью, которую нѣкоторые ученые несправедливымъ образомъ не отдѣляютъ отъ третьей, я бы назвалъ *восточною семитическою* или *ассирійско-вавилонскою*; она получила, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части, цюплеменную примѣсь, именно отъ древнѣйшаго населенія занятой ею страны, бывшаго, вѣроятно, хамитскаго происхожденія.

Подобно тому какъ у Аріицевъ, и у Семитовъ отдѣльныя народности не въ одинаковой мѣрѣ были одарены умственными способностями, но майоратныхъ владѣльцевъ, забиравшихъ все для себя и не оставлявшихъ ничего своимъ братьямъ-одноплеменникамъ, между ними не было, потому что всѣмъ упомянутымъ нами семьямъ семитическаго племени предоставлялась болѣе или менѣе значительная роль въ исторіи, и не одна изъ нихъ не спала зимнею спячкою. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ Абиссинцы, подвергшіеся, какъ кажется, въ значительной степени смѣшенію съ Неграми.

Подобно Грекамъ, рано пріобрѣтшимъ въ средѣ Аріицевъ важное значеніе, и древніе Израильтяне своими великими умственными и душевными способностями и своимъ идеализмомъ успѣли отличиться отъ прочихъ Семитовъ и, кромѣ того, сохранившимися въ священныя ихъ книгахъ возвышенными ученіями просвѣтить значительную часть человѣческаго рода. Вслѣдъ за Израильтянами энергичностью своего характера и предприимчивымъ своимъ духомъ отличились ближайшіе ихъ сосѣди—Финикіане. Прочіе семитическіе народы также имѣли свои замѣчательныя достоинства; послѣднее мѣсто между ними, кажется, занимаютъ Арамейцы.

III.

Прежде чѣмъ заняться выполненіемъ предстоящей мнѣ задачи, я долженъ упомянуть о вышедшемъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ изъ-подъ пера весьма талантливаго писателя замѣчательномъ трудѣ, въ которомъ высоко образованный

историкъ-философъ изобразилъ картину семитическихъ народовъ. Говорю я здѣсь о Ренанѣ и его сочиненіи *Histoire générale et système comparé des langues sémitiques*, которое, несмотря на нѣкоторые свои недостатки, навсегда останется прекраснымъ произведеніемъ. Упомянутое сочиненіе, отличающееся французскимъ изяществомъ и примѣрною ясностью слога и вмѣстѣ съ тѣмъ почти нѣмецкою основательностью, нашло себѣ и внѣ предѣловъ отечества своего автора, въ особенности въ Германіи, многихъ почитателей. Характеристика семитическаго племени Ренана, почти безъ исключенія, была признана за единственно вѣрную, такъ что въ каждой книгѣ въ которой говорится о Семитахъ мы находимъ его слова пережеванными до пресыщенія. Единственными противниками Ренана оказались люди посвятившіе себя исключительно изученію языковъ, словесности и исторіи семитическихъ народовъ. Это сравнительно незначительное число ученыхъ, голосъ которыхъ однако имѣеть въ этомъ случаѣ особенный вѣсъ, съ самаго начала высказалось противъ Ренановскаго взгляда на Семитовъ, и вмѣстѣ съ ними и автора настоящаго опыта. Вслѣдствіе встрѣченнаго имъ съ этой стороны противорѣчія, Ренанъ, въ особой статьѣ, озаглавленной *Nouvelles considérations sur le caractère générale des peuples sémitiques et en particulier par leur tendance au monothéisme*, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, правда, измѣнилъ свой взглядъ на семитическое племя и при этомъ случаѣ отвѣсся къ нему съ большею справедливостью чѣмъ въ вышеупомянутомъ большомъ трудѣ. Но его *Nouvelles considérations* появились въ специальномъ журналѣ (*Journal Asiatique*) и поэтому остались неизвѣстными большинству публики, тогда какъ первое его сочиненіе приобрѣло себѣ общую извѣстность. А такъ какъ на мѣстѣ гдѣ уже стоитъ домъ нельзя выстроить другаго, то мнѣ прежде чѣмъ изложить свой собственный взглядъ на Семитовъ необходимо высказаться о взглядѣ Ренана, котораго, вслѣдствіе общаго его распространенія и знаменитости автора, нельзя оставить здѣсь безъ вниманія.

Мы не скрыли питаемаго нами къ даровитости Ренана и къ многосторонности его таланта уваженія, но при этомъ мы не можемъ умолчать о томъ что замѣчаемъ въ немъ иногда отсутствіе одного необходимаго для историка качества: безпристрастія въ религиозныхъ вопросахъ. Этотъ недостатокъ въ авторѣ исторіи семитическихъ языковъ впрочемъ объясняется его біографіей. Ренанъ воспитывался въ

католической семинаріи, гдѣ въ немъ видѣли будущій столбъ католическаго ученія. Какъ извѣстно онъ не оправдалъ этой надежды, а, напротивъ, сталъ противникомъ церкви. Вотъ почему, кажется намъ, онъ не въ состояніи относиться безпристрастно къ религіознымъ вопросамъ, и, такъ какъ Семиты, какъ извѣстно, были основателями трехъ положительныхъ религій, то онъ и къ обсужденію этого племени не могъ приступить безъ нѣкоторыхъ предубѣжденій, а, напротивъ, съ извѣстными предвзятыми мыслями. Вслѣдствіе чего онъ объ извѣстныхъ явленіяхъ судить на основаніи ложныхъ предположеній. При сужденіи о цѣломъ племени представителями котораго являются нѣсколько болѣе или менѣе разнородныхъ народностей, нельзя ссылаться на особенныя характеристичныя черты то одного, то другаго народа, для того чтобъ изобразить все племя. При подобной задачѣ слѣдуетъ выставлять только то что обще всѣмъ народностямъ изображаемаго племени. Но Ренанъ не придерживался этого правила, напротивъ, онъ, тѣмъ или другимъ способомъ, старался устранить всякую выдающуюся черту семитическаго характера которая не подходила къ его системѣ.

Посмотримъ какъ Ренанъ характеризуетъ Семитовъ.

Онъ ихъ называетъ низшимъ племенемъ—„*race inférieure*“—стоящимъ много ниже арійскаго. Онъ замѣчаетъ за этимъ племенемъ „*absence de complexité des nuances*“, затѣмъ „*sentiment exclusif de l'unité*“. Семиты, по его мнѣнію, неспособны понимать разнообразія, многовидности, поэтому, говоритъ онъ, они дошли инстинктивно до монотеизма.

У нихъ не было ни мифологіи, ни философіи, ни науки. Политеизмъ и философія, по его мнѣнію, результатъ способности понимать многовидность. Въ дѣтскомъ возрастѣ человечество создало политеизмъ, въ зрѣломъ философію. Пророчество и откровеніе суть произведенія семитическаго племени, Аріиды же развили ученіе о воплощеніи.

Семитамъ, говоритъ Ренанъ далѣе, недостаетъ силы воображенія, поэтому у нихъ нѣтъ эпоса, нѣтъ драмы, и поэзія ихъ субъективна.

Семитовъ характеризуетъ простота—„*simplicité*“—неспособность создавать что-нибудь великое и цѣлое: поэтому, говоритъ Ренанъ, они никогда не вели обширной торговли, не основали большихъ организованныхъ государствъ, поэтому у нихъ не было ни аристократіи, ни феодальной системы, ни

военной организаціи. Въ военномъ отношеніи Семиты всегда имѣли мало важное значеніе, и военными ихъ вождями всегда были лица духовныя, напримѣръ Абдель-Кадеръ.

Ренанъ отрицаетъ у Семитовъ всякій спиритуализмъ. Религіозную нетерпимость, которая будто неизвѣстна Аріѣцамъ, онъ считаетъ плодомъ семитическаго духа, за который человѣчество не можетъ быть очень признательно.

Нравственная распущенность и рѣзкій эгоизмъ—по словамъ Ренана, Семиту знакомы только обязанности къ самому себѣ—отличительныя свойства представителей этого племени: примѣрами тому для него служатъ нѣкоторыя библейскія личности.

Эту характеристику Ренанъ заключаетъ слѣдующими словами: „Ainsi la race semitique se reconnaît presque uniquement à des caractères négatifs: elle n'a ni mythologie, ni épopée, ni science, ni philosophie, ni fiction, ni arts plastiques, ni vie civile; en tout absence de complexité, de nuances, sentiment exclusif de l'unité.“

Во второмъ изъ упомянутыхъ его сочиненій, въ которомъ онъ старается опровергнуть возраженія сдѣланныя противъ его характеристики Семитовъ, Ренанъ относится къ послѣднимъ съ нѣкоторою долей справедливости, и признаетъ что они часто сражались за идею, и что человѣчество обязано имъ многими благами. Но тѣмъ не менѣе онъ налегаетъ на свою прежнюю характеристику, и читателю остается только недоразумѣвать какимъ образомъ племя столь бездарное и съ подобнымъ дурнымъ, эгоистическимъ направленіемъ было способно воодушевляться изъ-за идеи и могло принести человѣчеству такъ много благъ.

Характеристика Семитовъ представленная Ренаномъ не вѣрна, и явленія семитической жизни толкуются имъ въ превратномъ видѣ. Между тѣмъ на основаніи этой характеристики были даже сдѣланы выводы которыхъ самъ Ренанъ не имѣлъ въ виду; образовалась во Франціи школа которая, основываясь на мнимомъ превосходствѣ Аріѣцевъ надъ Семитами, стала открыто противоборствовать семитическому монотеизму и почти приглашала возвратиться къ аріѣскому политеизму. Разсмотримъ здѣсь ближе нѣкоторыя частности характеристики Ренана. По Ренану, племя семитическое есть „низшее племя“. О подобномъ вопросѣ трудно спорить, потому что такого рода сужденіе часто совершенно субъективное.

Считаемое Французомъ совершенно глупымъ Англичанинъ можетъ считать весьма разумнымъ, и наоборотъ. А между тѣмъ, каждый изъ нихъ, со своей точки зрѣнія, можетъ быть совершенно правымъ.

Неужели древніе Вавилонцы были такъ бездарны,—народъ изобрѣвшій мѣры и вѣсы, дѣлавшій съ VIII столѣтія до Р. Х. астрономическія наблюденія, которыя по большей части оказались вѣрными до секунды, народъ заложившій у себя обширную систему канализаціи, которая превратила его землю въ рай, народъ возводившій зданія снискавшія себѣ удивленіе всего міра? Можно ли назвать древнихъ Ассирійцевъ бездарными—ихъ которые въ зодествѣ и ваяніи произвели творенія достойныя сравненія съ греческими? Многіе изъ жившихъ между Арабами путешественниковъ утверждаютъ что послѣдніе очень даровиты. Въ пользу такого мнѣнія, кажется, говоритъ высокая степень процвѣтанія которой достигла въ средніе вѣка цивилизація Арабовъ, когда они съ величайшею ревностію занимались всѣми отраслями науки. Только способныя, даровитыя личности находятъ наслажденіе въ научныхъ занятіяхъ.

Пусть Ренанъ думаетъ что Финикіяне, при всемъ своемъ историческомъ значеніи, были народъ безъ дарованій, мы, съ своей стороны, не можемъ объявить Ханну, Хамилькара, Аннибала бездарными. Правда что Ренанъ старается Финикіянь, такъ упрямо не поддающихся его системѣ, исключить изъ ряда семитическихъ народовъ, но мы имѣемъ право спросить, на какомъ основаніи онъ это дѣлаетъ? Говорили же они языкомъ семитическимъ, божества ихъ и города носили имена семитическія. Какое же другое доказательство требуется для опредѣленія происхожденія народа коли не его языкъ? Правда что незначительные остатки Еврейскаго народа, въ разныхъ странахъ Европы, говорятъ разными языками, но причина тому извѣстна. Если же многочисленный народъ, достигшій съ самыхъ отдаленныхъ временъ значительнаго распространенія, говоритъ однимъ языкомъ, то послѣдній непременно долженъ служить доказательствомъ въ пользу его происхожденія.

А Евреи? Неужели и они народъ безъ даровитости? Полагаю что даже самые злые ихъ враги, начиная съ Хамана до композитора Вагнера, не откажутъ Евреямъ въ признаніи за ними даровитости. Эта ихъ даровитость составляетъ ихъ счастье и несчастье; она одна изъ главныхъ причинъ зависти и нена-

висти къ Евреямъ. Глузду не завидуютъ и его рѣдко ненавидятъ.

О внутренней жизни древнихъ Арамейцевъ мы, правда, не многое знаемъ, такъ что о степени ихъ даровитости нельзя сказать ничего положительнаго; но извѣстно что Сирійцы много занимались изученіемъ грамматики, философіи и наукъ вообще, что они неоднократно переводили Платона и Аристотеля и что они нѣсколько столѣтій сряду были единственными представителями науки и въ послѣдствіи сдѣлались наставниками Арабовъ.

Взглянемъ на вопросъ о мнимой неспособности Семитовъ съ другой стороны. Это племя основало три религіи: іудейство, христіанство и исламъ: оно дало человѣчеству Священное Писаніе и Коранъ. Философъ Гегель сказалъ что все существующее разумно. Я не соглашаюсь съ этимъ изреченіемъ, однако скажу что все существующее должно было существовать и какъ существующее должно въ себѣ имѣть настолько жизненной силы, что существованіе его сдѣлалось необходимостью, ибо въ противномъ случаѣ оно бы не существовало. Господствовавшая въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій идея имѣла право на существованіе и, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовала духовнымъ потребностямъ тѣхъ между которыми она господствовала, потому что указами и полицейскими распоряженіями за идеей нельзя обезпечить продолжительнаго господства. Кто полагаетъ противное, тотъ плохо знаетъ человѣчество и исторію. Оставимъ богословіе въ сторонѣ и, ставъ на историческую точку зрѣнія, скажемъ: такъ какъ Библия тысячи лѣтъ признается священною книгою со стороны миллионовъ людей, между которыми были и есть тысячи высокообразованныхъ мужей, такъ какъ эти миллионы съ давнихъ временъ находятъ въ ней для себя наставленія, утѣшенія и вдохновенія, то Библия, слѣдовательно, и есть книга которая такъ долго могла и можетъ еще нынѣ соотвѣтствовать духовнымъ потребностямъ людей. Въ противномъ случаѣ Библия не занимала бы въ теченіи тысячелѣтій подобнаго положенія въ человѣчествѣ. Разсуждая здѣсь не съ богословской точки зрѣнія, мы и за Кораномъ можемъ признать немаловажное значеніе для человѣчества. Будучи основаннымъ на Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, онъ служилъ распространенію не одной великой истины и причинилъ много добра. И то племя которое обогатило человѣчество столькими благотворными идеями, возвыситься до которыхъ не были въ

состояніи даже самые образованные народы древняго міра, неужели это племя, которому человечество столь многимъ обязанно—въ чемъ и сознается самъ Ренанъ—есть племя низшее—*race inférieure*? Это невозможно! Но Ренанъ искалъ у Семитовъ того что для него имѣеть цѣнность и не нашелъ въ той мѣрѣ въ которой бы желалъ. Поэтому онъ ихъ и объявилъ низшимъ племенемъ. Но имѣеть ли даровитый естествоиспытатель право называть даровитаго историка ограниченнымъ потому лишь что послѣдній мало смыслилъ въ его наукѣ. Въ дѣйствительности Семиты настолько же даровиты какъ Аріицы, разница только въ томъ что ихъ даровитость другаго свойства нежели даровитость послѣднихъ. Ренанъ затѣмъ утверждаетъ что Семиты лишены способности понимать многовидность, вслѣдствіе чего они будто склонны познавать единство. Не могу не сознаться что рѣшительно не понимаю какимъ образомъ такой ученый какъ Ренанъ могъ высказать подобное мнѣніе. Напротивъ, каждый неразвитый умъ во множествѣ явленій видитъ одно лишь несвязное множество, и только болѣе развитый умъ старается отыскать для нихъ общее основаніе. Слѣдовательно для пониманія многовидности не требуется никакой способности. Это доступно каждому ребенку; но требуются способности чтобы подвести различные предметы подъ извѣстныя категоріи, и затѣмъ обобщить эти различныя категоріи. Великая задача современнаго естествознанія состоитъ именно въ томъ чтобъ обобщить массу явленій: свѣтъ, теплота, электричество и магнетизмъ для несвѣдущаго четыре совершенно различныхъ силы, для естествоиспытателя же они не болѣе какъ различныя явленія одной силы.

Что же касается дальнѣйшихъ частныхъ въ Ренановой характеристикѣ Семитовъ, то мы ниже увидимъ какія изъ нихъ вѣрны и какія не вѣрны и насколько имъ не поняты были различныя явленія въ кругу общественной, политической и умственной жизни Семитовъ. Одну только частность мы здѣсь не можемъ оставить безъ вниманія: это именно его мнѣніе о *религіозной нетерпимости*, будто бы совершенно неизвѣстной Аріицамъ, и названной имъ плодомъ семитическаго духа. Нетерпимость является не только у Семитовъ, но и у Аріицевъ, и если она у первыхъ обнаруживается чаще, то причина къ тому кроется въ свойствѣ семитическихъ религій, а не въ характерѣ ихъ представителей. Религія противоборствующая каждой другой религіи и считающая ее ученіемъ ложнымъ не мо-

жетъ выказывать той терпимости которую обнаруживаетъ религія не имѣющая народнаго характера. Греки не могли страдать нетерпимостью относительно чужихъ божествъ, потому что они не отрицали чужихъ божествъ, а считали ихъ лишь чужими, но за то они безпощадно наказывали всякое непочитаніе собственной религіи, почему философъ Анаксагоръ, Алкивиадъ и другіе преслѣдовались. Происходило даже публичное сожженіе въ Аѣнахъ книгъ считавшихся нерелигіозными. Противъ Евреевъ между Греками и Римлянами существовала злая ненависть, потому что ихъ считали презирающими боговъ. Какимъ они изъ-за религіи подвергались преслѣдованіямъ со стороны Антіоха Эпифанія, во времена Маккавеевъ, общеизвѣстно. Брамины-Аріиды нѣсколько столѣтій сряду жестоко преслѣдовали буддистовъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи ихъ совершенно истребили. Подобнымъ же образомъ свирѣльствовали древніе Персы во времена Камбиза противъ храмовъ и боговъ египетскихъ, а во времена Ксеркса противъ греческихъ. Отъ религіознаго фанатизма Сассанидовъ-Аріидцевъ также много терпѣли Евреи и христіане. Но іудейство нисколько не заботилось о язычествѣ другихъ народовъ, и только въ своей собственной странѣ Евреи не терпѣли идолопоклонства, потому что въ то время послѣднее было, въ передней Азіи, соединено съ разными пороками, которые могли соблазнительно дѣйствовать на ответственный народъ. Еврей и нынѣ чуждъ прозелитизма. Исламъ выказываетъ нетерпимость лишь противъ язычества, потому что онъ считаетъ его ложью, но за то терпитъ іудейство и христіанство, потому что не считаетъ ихъ лжеученіями, а предполагаетъ въ нихъ содержаніе неполныхъ истинъ. Слѣдовательно нетерпимость свойственна Семитамъ не болѣе какъ Аріидцамъ. Но Аріидцы не могли заботиться о распространеніи истинъ своихъ религіи, потому что въ ихъ вѣрованіяхъ не было такихъ истинъ которыя они бы могли считать исключительно своими. Впрочемъ слѣдуетъ еще замѣтить что Персіянцъ-мусульманцъ, хотя онъ Аріидецъ, несравненно болѣе склоненъ къ фанатизму чѣмъ Аравитянцъ.

IV.

Особенности каждаго народа зависятъ преимущественно отъ четырехъ причинъ, именно: 1) отъ склада его ума, 2) отъ организаціи его нервной системы, 3) отъ взаимнаго отношенія его

умственныхъ и сердечныхъ способностей, то-есть отъ того, имѣють ли тѣ или другія превѣсь, или находятся онѣ въ полномъ равновѣсїи; наконецъ 4) отъ относительнаго распре- дѣленія въ народѣ духовныхъ силъ, то-есть обладаетъ ли ими только малое число особей или же онѣ раздѣлены равномѣрно въ цѣлой массѣ. Съ этихъ четырехъ точекъ зрѣнія и постараюсь я рассмотретьъ сущность характера семитическихъ народовъ.

Что касается ума, то слѣдуетъ замѣтить что Семиты не обладаютъ такимъ богатствомъ и разнообразіемъ идей какъ Аріецъ; но за то у него здравый, практической, можно бы сказать, математической складъ ума и извѣстная острота, до- ходящая иногда до чрезвычайной колкости. Рѣдко Семиты вносили въ общечеловѣческую сокровищницу вклады новыхъ идей и понятій, созданныхъ однимъ отвлеченнымъ умомъ, какъ то посчастливилось Аріейцамъ, но за то добытыя ими идеи они разрабатывали до тончайшихъ мелочей и развивали ихъ съ крайнею послѣдовательностью.

Въ отношеніи къ нраву и организаціи нервной системы, за Семитомъ слѣдуетъ признать глубокое чувство: онъ весьма впечатлительнъ, что сообщаетъ его характеру особенную жи- вость, даже страстность, вслѣдствіе которой онъ скоро вооду- шевляется идеей. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣятеленъ и предприим- чивъ.

Разсматривая отношеніе свойствъ его сердца и ума другъ къ другу, замѣчаемъ что впечатлительность и страстность Се- мита умѣряются разумомъ: умъ и сердце у него въ извѣст- номъ равновѣсїи, предохраняющемъ его отъ крайнихъ увле- ченій. Семиты, поэтому, какъ будто бы переходить отъ од- ной крайности въ другую; тогда какъ у Аріейца преобладаетъ одно изъ двухъ, умъ или сердце, у Семита рядомъ съ проница- тельнымъ умомъ замѣчаешь теплую поэтическую душу, рядомъ со спокойнымъ мышленіемъ страстную восторженность.

Наконецъ, касательно распределенія умственныхъ спо- собностей въ народѣ, слѣдуетъ указать на гораздо меньшее у Семитовъ чѣмъ у Аріейцевъ число великихъ, выдающихся изъ общей массы, личностей, такъ-называемыхъ геніевъ, но за то у первыхъ большинство даровитѣе чѣмъ у послѣднихъ. По- этому между Семитами встрѣчается сравнительно меньшее число тулоумныхъ и глупыхъ.

Вслѣдствіе этихъ особенностей Семитовъ обнаруживаются у нихъ слѣдующія выдающіяся черты:

Трезвость души и умѣренная дѣятельность воображенія.

Рѣзкая обособленность отдѣльной личности.

Теплота и искренность души, впечатлительность ея и, въ слѣдствіе того, воспріимчивость въ отношеніи къ гуманнѣмъ идеямъ, склонность къ благотворительности, мгновенное воодушевленіе идей, затѣмъ признаніе превосходства духа и идеи надъ физическою силой, болѣе осмысленное пониманіе внѣшняго міра, и склонность къ идеализму.

Этими качествами объясняются для насъ разныя явленія въ бытѣ, исторической жизни, учрежденіяхъ и умственной дѣятельности семитическихъ народовъ. Разсмотримъ въ чемъ и насколько выразилось каждое изъ этихъ качествъ.

Душевная трезвость. Она отражается въ разныхъ сферахъ внутренней жизни Семитовъ, именно въ религіи, наукѣ, искусствѣ и поэзіи.

Религіозныя воззрѣнія и понятія Семитовъ просты и легко доступны пониманію. Пока они не приходятъ въ соприкосновеніе съ иноплеменниками, замѣчается въ нихъ гораздо менѣе склонности къ грубому суевѣрію чѣмъ въ Аріицахъ. Уже въ *Пятикнижьи* возбраняется всякаго рода колдовство и кудесничество, а также и вѣрованіе во влияніе свѣтилъ на участь людей. Раввины которые не подвергались влиянію параизма запрещали всякаго рода заклинанія, употребленіе тайныхъ, чародѣйствующихъ цѣлительныхъ средствъ и талисмановъ, вѣрованіе въ счастливые и несчастливые дни, въ хорошія и дурныя предзнаменованія. Равнымъ образомъ, и настоящій Аравитянинъ пустыни, по единогласному заявленію путешественниковъ, мало склоненъ къ суевѣрію.

Крайне трезва и однообразна, насколько она намъ извѣстна, и миѣологія Семитовъ, то-есть Финикійцъ, Вавилоняцъ, Асирійцевъ и Арабовъ. Въ ней мы не видимъ того разнообразія и того богатства какими отличается миѣологія греческая, которая, въ свою очередь, гораздо трезвѣе и проще индійской. То же самое можно сказать о космогоніи Семитовъ: чтобы въ томъ убѣдиться, стоитъ только сравнить космогонію Вавилоняцъ, какъ она изложена у Бероза и Евдема, или космогонію Финикійцъ у Санхоніатона, съ космогоніей греческою у Гезіода, или индійскою, въ законахъ Ману и въ Магабгаратѣ.

Религіозная восторженность, религіозное изуверство встрѣчаются у Семитовъ гораздо рѣже чѣмъ у Арійцевъ, и тамъ

гдѣ встрѣчаются не имѣютъ того крайняго направленія, какое имѣютъ у Аріидевъ. По свидѣтельству Лукіана, въ Малой Азіи, жрецы великой богини Кибелы, въ пылу порывовъ религиозной восторженности, схватывались за мечи и сами себя изувѣчивали. Нѣкоторые изъ неоплатониковъ возбуждали въ себѣ эту восторженность и воображали что видятъ божественныя явленія. Извѣстно что жизнь магометанскихъ суфи и дервишей, которые почти всѣ Персіане или Турки, проходить въ почти непрерывной восторженности и частомъ истязаніи плоти. Подобныя явленія рѣдки между Семитами вообще, въ особенности же между Арабами, несмотря на то что они также магометане.

То же можно сказать о проявленіи *мистицизма*. Иудейство довольно долгое время чуждалось его, какъ и магометанство у Арабовъ; напротивъ магометанство у Персовъ-Аріидевъ совершенно пропитано мистицизмомъ: восторженный и мистическій суфизмъ получилъ у нихъ свое начало и до настоящаго времени распространяется преимущественно между ними. Для этого мистицизма Арабы слишкомъ трезвы, и если нельзя отрицать что преданія о Мухаммедѣ и Али и у нихъ также разукрашены разказами о чудесахъ, то все-таки не въ томъ мистическомъ, фантастическомъ направленіи какъ у Персовъ, у которыхъ легенды объ упомянутыхъ герояхъ ислама, насчетъ чудесности изложенныхъ въ нихъ происшествій, нисколько не уступаютъ легендамъ о Шекьямуни у буддистовъ-Аріидевъ.

То же направленіе видно и въ *научной дѣятельности* Семитовъ. Остановимся на ихъ *философіи*. Тутъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя ея практическое направленіе у Семитовъ.

Вспомнимъ о доводахъ въ пользу существованія Бога, приводимыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. „Поднимите глаза ваши къ небу“, восклицаетъ великій пророкъ, „и посмотрите кто сотворилъ эти звѣзды!“ Псалмопѣвецъ поетъ: „Небеса проповѣдуютъ славу Божию, и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь“. Эти слова дышутъ простотой; но авторъ, какъ природный Семитъ, находитъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне убѣдительными. Семиты занимались только тѣми философскими вопросами, которые, такъ - сказать, имѣли непосредственное практическое значеніе для жизни, и никогда не философствовали они наобумъ о непостижимомъ. Такъ, философія Ара-

бовъ останавливалась преимущественно на двухъ вопросахъ, названныхъ ими *Таухидъ* и *Таадиль*, вопросахъ о томъ какъ согласить, волевыхъ, атрибуты Бога съ идеей о его абсолютномъ единствѣ, и вовторыхъ, ученіе о всевѣднѣи Божіемъ съ ученіемъ о свободной волѣ. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ не могло не имѣть большого практическаго значенія для исповѣдующихъ единобожіе и для вѣрующихъ въ оба упомянутыя, мнимо другъ другу противорѣчація ученія. Великіе вопросы человѣчества, какъ, напримѣръ, вопросъ о сотвореніи міра вещественнаго Богомъ невещественнымъ, и отношеніи къ Нему человѣка, Семиты рѣшали просто и разумно, причемъ сумѣли предохранить себя какъ отъ пантеизма, такъ и отъ фантастическихъ эманационныхъ ученій. Ренанъ утверждаетъ что у Семитовъ не было никакой философіи, и что философія Арабовъ была не что иначе какъ греческая философія писанная на арабскомъ языкѣ. Но это совершенно невѣрно, потому что никто не можетъ доказать что ученія Семитовъ о сотвореніи міра, объ отношеніи человѣка къ Богу, равно и семитическое міросозерцаніе не суть произведенія философскаго мышленія. Лишь одною формою въ которой излагаются Семитами эти философскія ученія они различны отъ философіи Аріѣдцевъ древнихъ и новыхъ временъ. Что же касается философіи Арабовъ, то я уже много лѣтъ тому назадъ обратилъ вниманіе г. Ренана на то что Арабы еще долго до своего знакомства съ философіей греческою занимались упомянутыми двумя вопросами. И въ новѣйшее время одинъ глубокой знатокъ ислама и магометанской словесности А. Кремеръ доказалъ что Арабы прошли всѣ виды философіи, начиная отъ Скота Эригены до Канта и Шеллинга, и исчисливъ всѣ положенія христіанско-европейской философіи о Богѣ, спрашиваетъ: „развѣ всѣ эти выводы яснѣе выводовъ магометанскихъ мыслителей? Обогащаютъ ли они кругъ человѣческихъ представленій положительнымъ понятіемъ?“ Этика у Семитовъ кристаллизовалась въ незатѣливыхъ и дѣльныхъ изреченіяхъ, и надобно сознаться что этимъ путемъ Семиты дошли до болѣе удачныхъ выводовъ чѣмъ Греки своею развитою діалектикой.

Вмѣсто того чтобы заняться рѣшеніемъ слишкомъ отвлеченныхъ, неудоборѣшимыхъ вопросовъ, они занялись преимущественно положительными науками, именно астрономіей, математикой, медициной и т. л., и въ этихъ отрасляхъ знанія Семиты отчасти были первоначальными учителями Аріѣдцевъ, а

вслѣдъ затѣмъ ихъ трудолюбивѣйшими и даровитѣйшими учениками. Если же Ренанъ утверждаетъ что у Семитовъ не было никакой науки, то подобное положеніе не могло не поразить всѣхъ знакоковъ семитическихъ литературъ, которымъ извѣстно что въ арабской и еврейской, и, частью, въ сирійской литературахъ есть тысячи сочиненій относящихся къ астрономіи, математикѣ, медицинѣ, химіи, землѣвѣднію, ботаникѣ, зоологіи и пр. Въ послѣдствіи Ренанъ объяснился насчетъ настоящаго смысла этого сужденія: онъ хотѣлъ, какъ утверждаетъ, сказать этимъ только что во всѣхъ этихъ наукахъ Семиты не шли по имъ самими избранному пути и что они самостоятельно не развивали этихъ наукъ. Но и подобное сужденіе невѣрно, потому что измѣреніе пространства и времени есть изобрѣтеніе Вавилонянъ. Какъ мы уже выше замѣтили, послѣдніе дѣлали весьма точныя астрономическія наблюденія въ то время когда въ Греціи еще не было и тѣни науки. Уже въ началѣ VI столѣтія существовала, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, въ Вавилоніи научная литература. * Царь Соломонъ писалъ о деревьяхъ, отъ кедра что на Ливанѣ до иссола вырастающаго изъ стѣны, о животныхъ и о птицахъ, о пресмыкающихся и рыбахъ. ** Кароленецъ Маго еще въ VI столѣтіи до Р. X. писалъ большое сочиненіе о сельскомъ хозяйствѣ, обнимавшее 18 книгъ и показавшееся Римлянамъ столь важнымъ что, по приказанію сената, было переведено Динисіемъ уроженцемъ Утики на греческій, и затѣмъ съ греческаго на латинскій языкъ. Греческіе агрономы Лепасея и Паксамъ пользовались этимъ сочиненіемъ Маго. Колумелла называетъ его *pater rusticafurus* (отцомъ земледѣлія) и говоритъ о его сочиненіи съ большою похвалою. Что же касается научной дѣятельности Семитовъ въ средніе вѣка, то несомнѣнно что они нѣкоторымъ отраслямъ науки, какъ на примѣръ математикѣ и астрономіи, дали дальнѣйшее развитіе, о достоинствѣ же ихъ работъ въ другихъ отрасляхъ еще нельзя судить, потому что относящіеся сюда труды Арабовъ и Евреевъ пока не изслѣдованы, именно вслѣдствіе того что ориенталисты мало знакомы съ естественными науками, а естествоискусники съ восточными языками.

Искусство Семитовъ, по своему характеру, сходно съ ихъ философіей и грамматикой. И въ немъ то же отсутствіе возвышенныхъ

* Книга Давида I, 4 и 17.

** III Книга Царей тоже IV, 33.

идей, но оно плываешь удивительнымъ, до крайней отчетливости доведеннымъ исполненіемъ мелочей. Стоитъ только вспомнить объ Алгамбрѣ. Когда автору въ первый разъ случилось видѣть изваянія изъ этого дворца калифовъ въ Кордовѣ, при разсмотрѣніи этой отчетливой рѣзбы онъ невольно вспомнилъ о нѣкоторыхъ преніяхъ въ Таммудѣ, объ арабскихъ грамматикахъ и изложеніяхъ логики, въ которыхъ опредѣленія понятій настолько же точны, насколько бѣдны они мыслями. Такъ-называемому готическому стилю въ зодчествѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его частностяхъ, приписывается происхожденіе арабское, и при сравненіи его съ греческимъ стилемъ, именно въ заимствованныхъ у Арабовъ частностяхъ, за нимъ нельзя признать какой-либо возвышенности идеи; но съ другой стороны, нельзя и не восхищаться искуснымъ исполненіемъ въ немъ подробностей.

Поэзія Семитовъ по преимуществу лирическая: въ ней намъ представляется мгновенное, сильное изліяніе чувствительной, раздражительной и страстной души. Такими являются поэтическія творенія древнихъ и средневѣковыхъ Евреевъ, равно и Арабовъ. Тотъ же почти характеръ имѣютъ стихотворенія Генриха Гейне. Эпоса въ настоящемъ смыслѣ слова у Семитовъ нѣтъ. Хотя нѣкоторое начало эпического образа изложенія можно замѣтить въ такъ-называемыхъ *книгахъ о побѣдахъ*—кутубъ-эль-футухъ Арабовъ, то-есть въ сочиненіяхъ содержащихъ романтическіе разказы о великихъ походахъ премниковъ Мухаммеда и объ отличившихся въ нихъ герояхъ но и на этихъ повѣствованіяхъ опять отразилось вліяніе трезвости семитического духа, въ особенности если сравнить ихъ съ эпопеями Аріидцевъ, напримѣръ Магабгаратой, Рамаяной, или съ легендами о Буддѣ, въ которыхъ игрѣ фантазіи нѣтъ предѣловъ. Первые относятся къ послѣднимъ какъ человѣкъ выпившій двѣ рюмки вина относится къ человѣку выпившему его двѣ бутылки. При этомъ не могу не упомянуть что первый поэтъ давшій нѣмецкому роману трезвое направленіе, былъ *Еврей*: говорю объ Ауэрбахѣ и его разказахъ изъ сельскаго быта. Не берусь рѣшить не носятъ ли на себѣ преимущественно семитическаго отпечатка и извѣстныя музыкальныя творенія послѣдняго времени. Имѣю здѣсь въ виду произведенія Мендельсона-Бартольди, Мейербера и другихъ композиторовъ, въ которыхъ знатокъ музыки, можетъ-быть, найдетъ больше лиризма чѣмъ эпического спокойствія, и, несмотря на отсутствіе въ нихъ грандіозныхъ идей, не откажетъ имъ въ своемъ

удивленіи, именно ради тщательной въ нихъ отдѣлки частностей. Рѣшеніе этого вопроса предоставляю специалистамъ по исторіи музыки, но а priori можно бы было предположить что и въ этой сферѣ оправдывается живучесть семитическаго характера.

V.

Второю отличительною чертой Семитовъ признаю я рѣзкую обособленность у нихъ отдѣльной личности, противящейся всякому поглощенію другою личностію, и не терпящей надъ собою чужой воли, напротивъ, отличающейся постоянно сильною стойкостью. Последнее свойство дало политико-соціальной, равно и научной и религіозной жизни Семитовъ особенный чеканъ.

Наблюдая надъ общественною и государственною жизнью семитическихъ народовъ, нельзя не замѣтить того особеннаго уваженія которымъ пользуется отдѣльная личность со стороны другихъ, всего общества или самого государства. Особи предоставлена большая свобода, и всѣ пользуются равенствомъ предъ закономъ, доказательства чему можно найти въ Моисеевыхъ политическихъ и соціальныхъ учрежденіяхъ, а также въ жизни и законахъ Арабовъ.

По той же причинѣ между Семитами никогда не существовало *потомственной аристократіи* пользовавшейся какими-либо преимуществами, привилегіями предъ другими слоями общества. Равнымъ образомъ Семитамъ остался чуждъ феодализмъ. Но за то у нихъ всегда признавалась *духовная аристократія*, основанная на личномъ достоинствѣ. Были между Арабами благородные роды и племена, или, выражаясь точнѣе, между ними существовали роды и племена считавшіе себя благороднѣе другихъ, но преимуществами, привилегіями, между ними никто не пользовался. А что между Аріицами существовали и еще существуютъ инаго рода отношенія—это общеизвѣстно.

По той же причинѣ въ семитическомъ обществѣ нѣтъ дѣленія на *касты*, и нѣтъ духовенства замкнутаго въ касту. Тамъ же гдѣ водвореніе обособленнаго духовенства удавалось, тамъ это совершалось не безъ сильнаго противодѣйствія со стороны народа и только послѣ продолжительной борьбы съ нимъ; при первой же возможности, замкнутость духовенства устранилась. У Арабовъ-язычниковъ жрецъ назывался *калти*, то-есть предвѣщатель, слѣдовательно обладающій

искусствомъ ворожбы. По арабскимъ постановленіямъ въ исламѣ, каждый свѣдущій въ религиозныхъ законахъ можетъ быть духовнымъ лицомъ. Извѣстно что Моисей ввелъ у Израильтянъ потомственное духовенство, но еще при его жизни образовалось сильное противодѣйствіе подобному учрежденію. Многіе знатные мужи, которыхъ называютъ старшинами общества призываемыми на сходку—людьми именитыми—и во главѣ которыхъ стоялъ Корей, близкій родственникъ Моисея, противились послѣднему и Аарону, и говорили имъ: „Полно вамъ; все общество, всѣ святы, и среди ихъ Господь, почему же ставите вы себя выше народа Господня?“ До самыхъ временъ царя Давида священническія поколѣнія не могли пріобрѣсти себѣ долнаго признанія, и даже около того же времени мы очень часто видимъ что жертвоприношенія совершаются лицами не принадлежащими къ роду священниковъ. Объ этомъ упоминается безъ всякаго осужденія. Лишь послѣ того когда царствующій родъ успѣлъ облизить свои виды и выгоды съ видами и выгодами священническихъ поколѣній, какъ это часто бываетъ, послѣднимъ удалось пріобрѣсть для себя признаніе отъ народа, да и то не безъ колебанія со стороны послѣдняго. Но за то еврейскіе священнослужители были не только совершителями обрядовъ при жертвоприношеніяхъ, они были вмѣстѣ съ тѣмъ и наставниками народа, вслѣдствіе чего пользовались отличіемъ не только на основаніи общественныхъ преимуществъ своей касты, но и ради своихъ личныхъ достоинствъ. Въ царствѣ десяти колѣнъ потомственность священническаго сана сохранялась не долго, и скоро была тамъ устранена навсегда; въ Иудеѣ же даже самъ царь сталъ зачинщикомъ противодѣйствія потомственному духовенству, противодѣйствія, оставшагося однако же безъ успѣха. Кромѣ того его противоборниками были и пророки, а во времена втораго храма, демократической партіи фарисеевъ мало-по-малу удалось устранить священниковъ отъ учительскихъ должностей, причемъ партія эта старалась лишить ихъ и отличій которыми они пользовались въ религиозномъ отношеніи, возлагая на свою среду нѣкоторыя изъ обязанностей предписанныхъ исключительно священникамъ. Послѣ разрушенія втораго храма, послѣдніе потеряли всякое значеніе, и до настоящаго времени на должность раввина избирается тотъ кто своими знаніями и благочестіемъ отличается отъ всѣхъ другихъ. Что же касается Аріидцевъ, то ихъ склонность къ дѣленію общества на касты, кажется мнѣ, не требуетъ особыхъ

доказательствъ: она даже до настоящаго времени обнаруживается въ цеховомъ правѣ. Въ Индіи, какъ всѣмъ извѣстно, брамины составляютъ особую касту, и у Персовъ маги принадлежали къ особому племени.

Вслѣдствіе указаннаго постояннаго между Семитами стремленія каждой личности къ обособленности, видимъ мы у нихъ по преимуществу демократическія государственныя учрежденія, община у нихъ пользовалась самоуправленіемъ. На этомъ началѣ равенства основаны и государственно-общественныя постановленія Моисеева закона: всему народу и каждой общинѣ предоставлялось самоуправленіе, удѣлявшее отчасти и во времена царей. Арабскій царь, шейхъ или начальникъ племени — не болѣе чѣмъ *primus inter pares*, ограниченное въ своихъ дѣйствіяхъ лицо, предсѣдательствовавшее на сходкѣ. Онъ избирался, и должность его не была потомственной. Въ первое время ислама даже самъ халифа опирался на чисто демократическихъ началахъ, и только съ помощью Персовъ-Арійцевъ удалось халифамъ приобрести деспотическую власть; государственныя имущества и доходы принадлежали всѣмъ мусульманамъ и дѣлились ежегодно между ними, что называлось *ата* (atha). Выборъ халифа былъ свободный; обязанность его состояла въ управленіи государственнымъ имуществомъ и равномерномъ распредѣленіи его между мусульманами. Кромѣ свѣтскихъ, онъ и его намѣстники имѣли еще духовныя обязанности. Въ отношеніи къ послѣднимъ главною ихъ задачей было распространеніе и укрѣпленіе ислама. Халифу Омару хотѣли было отказать въ повиновеніи за то что при дѣлежѣ добычи онъ взялъ себѣ большій кусокъ сукна чѣмъ далъ другимъ, а причиной низверженія его преемника Османа была самовластная раздача государственныхъ земель. Пока Мекка оставалась столицей халифовъ, это отношеніе правителей къ управляемымъ сохранялось. По перенесеніи столицы въ Дамаскъ и восшествіи на престолъ халифскій Омеядовъ, послѣдніе стали посягать на превышеніе своей власти: Арабы отвѣчали на то неоднократно возстаніями. Образовались страстныя политическія партіи извѣстныя подъ названіемъ *хавариджъ*, имѣвшія рѣшительно республиканское направленіе. Даже монархическая партія между Арабами считала отношеніе свое къ Халифу основаннымъ на договорѣ, отъ котораго можно отказаться. Деспотизмъ халифовъ начался собственно со времени перенесенія Аббасидами столицы въ Багдадъ. Здѣсь главная масса населенія состояла изъ Персовъ-

Арийцевъ, здѣсь халифы стали окружать себя персидскими войсками и персидскими министрами, напиримѣръ Бармекидами, служившими престолу въ трехъ поколѣнiяхъ. Безпокойныя и непокорныя арабскія войска были по племенамъ расположены въ разныхъ лагеряхъ внѣ города. Халифы очень хорошо понимали что отъ Семитовъ можно всего ожидать кромѣ единства и единодушiя, и что потому арабскихъ племень имъ опасаться нечего. Персы-шииты сдѣлались нѣкоторымъ образомъ легитимистами, представителями и защитниками самодержавныхъ замысловъ халифата. Но за то многія арабскія племена, замѣчая въ халифахъ подобныя стремленiя, стали удаляться въ степь, и извѣстные подъ именемъ *Карматовъ* раскольники подготовили страшное возстанiе противъ халифовъ, одержали надъ ихъ войсками большiя побѣды и въ теченiе полутора столѣтiй боролись противъ новаго, не семитическаго духа правленiя. Но, обнаруживая деспотическiе приемы, халифы все-таки считали нужнымъ заботиться о томъ чтобы показать будто они остались вѣрными первоначальной идеѣ халифата, и продолжали требовать отъ начальниковъ племень утверждени своихъ, избранныхъ ими самими, наслѣдниковъ. Впрочемъ, независимость и самоуправленiе общины существовали у Семитовъ, и въ особенности у Арабовъ при каждомъ образѣ правленiя, даже во времена сильнѣйшаго деспотизма халифовъ. Тогда какъ Аббасиды въ Багдадѣ съ помощiю Персiанъ-Арийцевъ властвовали деспотически, и визирь, первый государственный сановникъ, былъ у нихъ не болѣе какъ низкiй рабъ, игрушка прихоти своего господина, въ Испанiи, при Омеядахъ и среди арабскаго населенiя, отношенiя были совершенно другаго рода. Здѣсь господствовала еще древняя арабская свобода, и начальники арабскихъ родовъ, богатые арабскiе землевладѣльцы, со своимъ многочисленными приверженцами и клиентами, нисколько или лишь мало заботились о халифѣ въ Кордовѣ, не заискивали его милости, не обращали вниманiя на его приказанiя и выказывали ему оппозицию при каждомъ случаѣ. Здѣсь визирь не былъ пользующимся мгновенною благосклонностию своего господина и боящимся гнѣва его, рабомъ, котораго во всякое время можно было съ выеоты его могущества низвергнуть въ пропасть величайшаго бѣдствiя, но онъ былъ, какъ напиримѣръ въ наши времена министръ въ Англии, свободный самостоятельный мужъ, который ни въ какомъ случаѣ не сносилъ обиды

со стороны своего государя. Разказываютъ что одинъ изъ халифовъ въ Кордовѣ позволилъ себѣ посмѣяться надъ бородой своего визиря, и за то ему пришлось выслушать слѣдующія слова: „Государь, сказалъ разсерженный министр, должность подобную моей желать только потому чтобы быть защищеннымъ отъ обидъ; но кажется что именно моя должность подвергаетъ меня имъ, поэтому прошу васъ принять ее отъ меня обратно; я могу обойтись безъ васъ, довольствуясь своимъ дворцомъ, котораго вы не можете отнять у меня“. Съ этими словами гордый министр оставилъ озадаченнаго халифа, не кланаясь ему. Халифъ старался помириться съ обиженнымъ визиремъ, но напрасно. Подобныя отношенія существовали тамъ гдѣ жили настоящіе Арабы. Халифъ, съ помощью своихъ личныхъ приверженцевъ и кліентовъ, своихъ придворныхъ поэтовъ и литераторовъ—людей нѣсколько похожихъ на продажныхъ журналистовъ нисшедшей въ могилу Французской имперіи—старался настроить общественное мнѣніе въ свою пользу и приобрести популярность. На Востокѣ же халифы не нуждались въ подобныхъ средствахъ, такъ какъ персидскія войска изъ Хорасана или тюркскія полчища другими, болѣе энергичными средствами заботились о поддержкѣ авторитета государя.

При рѣзкой обособленности семитической личности, не удивительно что она никогда не поглащалась государствомъ. Идею Семитовъ о государствѣ можно назвать *современною*: она основывалась на требованіи отъ государства защиты для каждой отдѣльной личности. Не то было у Аріидцевъ: даже въ *республикахъ* древняго міра особь не имѣла своего собственного значенія, она болѣе или менѣе поглащалась государствомъ. Даже Платонъ и Аристотель согласны въ томъ что особь обязана искать лучшаго для себя счастья въ *государствѣ*: только для него ей жить, и только ему ей служить. Государство на подобныхъ основаніяхъ какъ Спартанское совершенно невысказано между Семитами.

Постоянныя войска у Семитовъ большею частію также не было: у нихъ были ополченія, собиравшіяся изъ-за какой-нибудь общей идеи или изъ-за личныхъ матеріальныхъ интересовъ. Сила же въ постоянномъ войскѣ основывается на строгой дисциплинѣ, требующей отъ отдѣльнаго воина полной покорности волѣ начальствующаго. Но подобное требованіе

Семиту не по натурѣ: онъ повинуется лишь тамъ, гдѣ видитъ свою выгоду или тогда когда его къ тому принуждаютъ. Добровольно онъ подчинится развѣ лишь тому чье умственное превосходство признаетъ беспорно. Семиты рѣдко сами служили въ наемныхъ войскахъ, но часто принимали таковыя къ себѣ на службу. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ гдѣ они сами поступали къ другимъ на службу, тамъ нанималось не отдѣльное лицо, которое въ такомъ случаѣ было бы принуждено пожертвовать своею личностью; но нанималось цѣлое племя подъ начальствомъ своего шейха, конечно при значительно распущенной дисциплинѣ и съ условіемъ что можетъ идти домой когда ему заблагоразсудится. Въ первое время своего царствованія, когда царь Давидъ дѣйствовалъ освободителемъ, у него были исключительно національныя войска; въ послѣдствіи же, когда его военныя предпріятія стали расширяться и сдѣлались наступательными, онъ былъ принужденъ принимать къ себѣ на службу чужія, по видимому, не семитическія войска. То же самое повторилось и съ Маккавеями. Въ первое время халифата войска состояли изъ однихъ Аравитянъ; каждый кто могъ дѣйствовать копьемъ былъ воиномъ, сообщая съ своимъ племенемъ и подъ непосредственнымъ начальствомъ избраннаго имъ шейха; каждый былъ, такъ-сказать, воиномъ на свой счетъ: кто поумнѣе—изъ-за богатой добычи, прочіе—ради распространенія ислама. Въ позднѣйшія же времена магометанства, когда большія войны стали предприниматься изъ-за личныхъ интересовъ халифовъ, когда дѣло шло о томъ быть ли Эмину или Мамуну халифомъ, тогда сражались преимущественно Персіяне и позже Турки. Въ тѣхъ, относительно рѣдкихъ, случаяхъ гдѣ Арабы сражались за власть того или другаго лица, они или имѣли въ виду личныя цѣли, какъ на примѣръ интересы своего колѣна, или же они временно увлекались страстями партіи и затѣмъ скоро отрезвлялись. Такъ случилось и при большой междоусобной войнѣ послѣ смерти халифа Османа, когда Али и Моавья воевали изъ-за власти и дѣло дошло до страшнаго кровопролитія. Арабы тогда скоро оломнились, сказавъ себѣ что личное честолюбіе двухъ мужей причина пролитія столь многой крови, и фанатики рѣшились убить обоихъ соперниковъ. Другіе принудили послѣднихъ къ соглашенію, третьи же самовольно оставили армію, объявляя обоихъ соперниковъ недостойными обладанія властью и утверждая

что глава государства долженъ быть назначенъ на основаніи свободныхъ выборовъ, что имъ все равно какому семейству будетъ принадлежать избираемое лицо, и что даже рабъ, если онъ лично этого достоинъ, можетъ быть избранъ. Нѣкоторые даже утверждали что вообще главу государства считаютъ лицомъ лишнимъ, что его можно смѣнить, коль скоро онъ окажется безбожнымъ или несправедливымъ правителемъ.

Эта рѣзкая обособленность личности, этотъ крутой, своевольный нравъ Семита развили многія темныя стороны въ его нравѣ и жизни. Имъ же объясняются и замѣтный у народовъ этого племени недостатокъ въ единствѣ и единодушіи и отсутствіе въ государственномъ ихъ строѣ и общественномъ бытѣ строгаго порядка. Тамъ гдѣ никто не хочетъ подчиняться волѣ другаго, гдѣ каждый дѣйствуетъ слушая только самого себя, тамъ не можетъ быть плотнаго народнаго единства. У Семитовъ единство возможно не далѣе какъ въ родѣ-племеніи (совокупности нѣсколькихъ родовъ) и то лишь пока оно немногочленно: коль скоро оно дѣлается многочленнымъ, оно распадается на два и больше коленъ, которыя начинаютъ жить независимо другъ отъ друга.

По той же причинѣ Семиты рѣдко основывали большія государства, а если это имъ удавалось, то лишь на непродолжительное время, потому что отдѣльныя части государства не находились въ тѣсной связи между собою, не поглащались имъ, а жили каждая своею особенною жизнью. И это явленіе объясняется характеромъ Семита. Гдѣ нѣтъ единой воли, тамъ большія предпріятія не осуществимы, а безъ нихъ созданіе большаго государства не мыслимо. Правда что Ассирійцы и Вавилоняне, а позже и халифы основали большія государства, но они не подрывали самостоятельной жизни отдѣльных областей, и въ послѣднихъ за національными царьками оставались наследованные ими престолы. О централизациі, о подавленіи мѣстной народности въ областяхъ, никто не думалъ. Совершенно въ другомъ направленіи дѣйствовали Ахемениды, Александръ Македонскій, Римляне и даже Сассаниды. Въ основанныхъ Семитами государствахъ всегда господствовала децентрализациія, у Арііцевъ же почти до настоящаго времени—централизациія. Нелогичный лапа, предъ которымъ личность должна отказаться въ нѣкоторомъ отношеніи отъ своей инди-

видуальности, у Семитовъ сущая невозможность, тогда какъ около ста миллионъ Арійцевъ признають его. Нѣчто подобное встрѣчаемъ у Персіанъ, у которыхъ, больше чѣмъ у другихъ магометанъ, распространилось, въ сущности противное магометанству, ученіе о непогрѣшимомъ духовномъ главѣ, называемомъ имамомъ, которому слѣдуетъ безпрекословно повиноваться. Германскія племена, у которыхъ обособленность личности рѣзче чѣмъ у другихъ Арійцевъ, поэтому и больше ихъ походятъ на Семитовъ. Вслѣдствіе этого конституціонныя формы правленія прочнѣе и существеннѣе у германскихъ чѣмъ у романскихъ народовъ, автономія и децентрализація у первыхъ болѣе развиты чѣмъ у послѣднихъ. Поэтому и протестантизмъ и свобода изслѣдованія въ религіозныхъ вопросахъ распространены наиболѣе у Германцевъ, поэтому и ученіе о непогрѣшимости папы встрѣтило больше всего противорѣчія со стороны нѣмецкихъ католиковъ.

Къ недостаткамъ Семита вытекающимъ изъ рѣзкой обособленности его личности слѣдуетъ также отнести и его эгоизмъ, его преувеличеніе собственнаго достоинства, его жадность; послѣдняя однако у него идетъ рука объ руку съ расточительностью. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одной слабой чертѣ, которую однако лучшая и красивѣйшая половина человѣческаго рода, пожалуй, не признаетъ за таковую: говорю о страсти Семита къ прекрасному полу. Не хочу утверждать чтобы страсть эта была чужда и Арійцамъ; но Араба можно назвать истиннымъ виртуозомъ въ любви. Поэтому и нечего удивляться что у Семитовъ многоженство столь обыкновенное явленіе.

Если, вслѣдствіе своей сильной впечатлительности, Семитъ, съ одной стороны, способенъ къ состраданію, гуманности и глубокой любви, то съ другой стороны, онъ въ состояніи столь же сильно ненавидѣть и мстить. Кровная месть—чисто семитическій порокъ, и хотя она является и у народовъ другихъ племенъ, у Арабовъ однако она получила совершенно юридическое основаніе, и сила преданія сохранила у нихъ на этотъ счетъ извѣстные законы. При встрѣчѣ на дорогѣ Арабы обыкновенно не сообщаютъ другъ другу своихъ именъ и своего происхожденія, изъ боязни чтобы не обнаружилось что праотецъ одного былъ убитъ праотцемъ другаго, и что поэтому на одного изъ нихъ ляжетъ долгъ совершенія кровной мести.

Моисеевъ законъ заботился по возможности искоренить этотъ обычай.

Рѣзкая обособленность личности Семита оказала вліяніе на его науку и поэзію. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что эта черта въ характерѣ Семита дѣлаетъ его способнымъ индивидуализировать, обособлять отвлеченные предметы. Хотя Семитовъ и нельзя назвать настоящими изобрѣтателями алфавита, во всякомъ случаѣ однакожь за ними заслуга вполне сознательнаго и вѣрнаго примѣненія неясной въ началѣ идеи Египтянъ и распространенія употребленія буквъ для письменъ. Семиты нашли также средства опредѣлять вѣсь предметовъ и измѣрять пространство и время, то-есть ихъ слѣдуетъ считать изобрѣтателями мѣръ и вѣсовъ. Намъ это кажется дѣломъ не труднымъ, потому что понятія о вѣсѣ и мѣрахъ знакомы намъ съ дѣтства, но тѣ которые первые возымѣли мысль измѣрять предметы столь неосозательные какъ пространство и время—совершили великое открытіе. Вавилонянамъ-Семитамъ принадлежить эта честь; отъ нихъ идетъ дѣленіе времени на нашихъ часахъ. Всѣ же эти открытія основываются на способности индивидуализировать предметы.

Поэзія Семита преимущественно субъективная, вслѣдствіе чего при описаніи имъ величественнаго явленія природы, напримѣръ восхожденія солнца или тому подобнаго, мы отъ него узнаемъ болѣе о чувствахъ которыя онъ имѣлъ при созерцаніи описываемаго явленія, чѣмъ о самомъ явленіи. Впечатлительность Семита придаетъ его поэзіи необыкновенную силу и искренность. Какъ уже замѣчено, онъ почти не создавалъ *эпопей* и никогда не сочинялъ *драмъ*. Мнѣніе что *Пѣсня-Пѣсней* есть драма, можно сказать, нелѣпость.

Личность съ рѣзко выдающимися чертами характера всегда будетъ въ состояніи удачно изобразить собственныя свои чувства и впечатлѣнія, но къ описанію чужихъ она не способна: для того ей необходимо выйти изъ своей обособленности, что для подобной личности дѣло нелегкое. Безъ этой же способности и созданіе эпопей или драмы не мыслимо. Поэтому Евреи до настоящаго времени, за немногими исключеніями, были плохіе драматурги. Геніальный лирикъ Генрихъ Гейне драмы писалъ слабенькія, а единственная драма написанная Бертольдъ Ауэрбахомъ какъ произведеніе драматическое не имѣетъ большой цѣны.

Въ *религиозномъ* отношеніи рѣзкая обособленность личности у Семитовъ отражается въ ихъ идеѣ о божествѣ. Они преклонялись предъ свѣтлами, предъ извѣстными духами (*дѣжинами*) и наконецъ предъ единымъ, личнымъ Богомъ находящимся внѣ вселенной. Богъ и вселенная у Семитовъ совершенно разныя личности. Обоготворенія силъ природы у нихъ почти не встрѣчалось. Личности ихъ божествъ не ступовываются, а имѣютъ свои ясно опредѣленныя черты, подобно тому какъ и собственная личность Семита рѣзко обособлена. У Аріидцевъ же понятіе о божествѣ выражается пантеизмомъ и политеизмомъ. Что послѣдній есть не что иное какъ обоготвореніе отвлеченныхъ силъ природы, для того не требуется особыхъ доказательствъ. Но на одно обстоятельство я долженъ обратить вниманіе читателей, именно на то что народъ скорѣе измѣняетъ свою религію согласно со своимъ характеромъ и природнымъ духомъ, чѣмъ наоборотъ. Аріидцы-мусульмане, слѣдовательно исповѣдники единобожія, не меньше своихъ языческихъ одноплеменниковъ склонялись къ пантеизму и основали пантеистическія секты въ предѣлахъ ислама. Упомяну здѣсь о Персіанахъ-пантеистахъ, Хелладусѣ, Шограверди, Джелаль-единѣ, Руми и о другихъ многочисленныхъ Персіанахъ-суфи, пантеистическія ученія которыхъ нашли себѣ между Персіанами ревностныхъ послѣдователей и даже мучениковъ.

Въ ближайшей связи съ понятіемъ о божествѣ у Семитовъ находятся и ихъ теоріи о сотвореніи міра. Семиты,—не только монотеисты, но и политеисты,—понимали сотвореніе міра какъ свободное личное дѣйствіе божества, и міръ какъ отдѣльный отъ божества предметъ его творенія. У Аріидцевъ же, въ чемъ одни древніе Персы представляютъ нѣкоторымъ образомъ исключеніе, космогонія и теогонія сливаются; сотвореніе міра понимается какъ самотвореніе и саморазвитіе міра; съ этимъ понятіемъ болѣе или менѣе связаны теогоническія начала и въ сущности оно не что иное какъ идея о пантеизмѣ, и истеченіи. У Семита сотвореніе міра есть *creatio*, у Аріидца *formis*, *natura*.

Затѣмъ мы видимъ также у Семитовъ точное разграниченіе понятій о божествѣ и человѣкѣ: индивидуальность и того и другаго рѣзко обособлены и не могутъ сливаться одна съ другою. Обоженіе героевъ и вообще обоготвореніе людей—явленія весьма рѣдкія у семитическихъ народовъ. Совершенно

противное видимъ мы у Аріидевъ, потому что у нихъ, начиная съ низшаго человѣка и кончая высшимъ богомъ, предполагался непрерывный рядъ ступеней, такъ что для нихъ нѣтъ точной опредѣленной грани между человѣкомъ и богомъ. Человѣкъ съ которымъ не далѣе какъ вчера еще охотились и пьянствовали—завтра же бывшими своими товарищами признается за бога. Поэтому и ученіе о воплощеніяхъ божества, находящееся въ связи съ обоготвореніемъ человѣка, весьма распространено между Аріидцами; но въ особенности достойно замѣчанія что то же ученіе встрѣчаемъ мы у Персіанъ-мусульманъ. У Персіанъ-магометанъ ученіе о воплощеніи божества въ человѣческомъ тѣлѣ было очень распространено, и у нихъ образовались различныя секты; главныя ученія которыхъ вкратцѣ выражаются словами: *таухидъ*, то-есть сліяніе съ божествомъ, затѣмъ *хольмъ*, то-есть пребываніе божества во вселенной и въ человѣкѣ, и *ташаббохъ*, то-есть уподобленіе человѣка богу и отождествленіе его съ нимъ. Али у нихъ почитается какъ богъ или какъ воплощеніе бога. Кромѣ того у нихъ сложилась своего рода мистическая божественная пятерица изъ Мухаммеда, Али, Фатимы и ея сыновей Гассана и Гуссейна. Ученіе объ имаматѣ, въ который вѣруеть большая часть Персовъ, основано на томъ предположеніи что почитаемые ими святые, имамы, суть непрерывныя божескія откровенія въ человѣческомъ видѣ, и что душа каждаго имама послѣ смерти переходитъ въ тѣло его преемника. Подобныя ученія встрѣчаются и у буддистовъ. Такимъ образомъ мы видимъ что одинаковыя религіозныя ученія и понятія существуютъ у Аріидевъ-единобожниковъ и Аріидевъ-политеистовъ или пантеистовъ.

Пророкъ и пророчество являются почти только у Семитовъ. И у Аріидевъ были святые мужи и восторженные предвѣщатели, но, за исключеніемъ Зороастра подвергшагося въ извѣстной степени семитическому вліянію, они были совершенно не то что пророки у Семитовъ. У Аріидевъ прозорливцемъ былъ человѣкъ приводившій себя тѣлеснымъ или душевнымъ возбужденіемъ въ восторженное состояніе и, нѣкоторымъ образомъ, погружавшійся въ божество или сообщавшійся съ нимъ въ свидѣніяхъ. Пророкъ Семитъ, напротивъ, былъ рѣзко обособленная человѣческая личность, стоявшая лицомъ къ лицу предъ неменѣе обособленною божественною личностью, имѣвшая съ нею, какъ полагали, непосредственныя сношенія, дого-

варивавшаяся съ нею и даже требовавшая у ней отчета въ ея дѣйствіяхъ. На отношеніе своего бога къ своему пророку Семиты смотрѣли какъ на отношеніе царя къ любимому имъ слугѣ. Пророкъ Семитъ былъ и оставался человѣкомъ стремившимся приобрести себѣ расположеніе и любовь своего бога; а подвижникъ Аріецъ очень часто считался, даже у Персіанъ-мусульманъ, воплощеніемъ божества, и не только у язычниковъ, но и у мусульманъ онъ стремился къ соединенію съ божествомъ и старался быть имъ поглощеннымъ, что у Персіанъ-мусульманъ называлось *таухидъ* и *фанъ* — „соединеніе“ и „исчезновеніе“, то-есть исчезновеніе собственной личности и полное ея поглощеніе богомъ.

Богъ Семита, какъ только-что было замѣчено, столь же рѣзко обособленная личность какъ и самъ Семитъ. Вслѣдствіе этого взгляда на божество у Семитовъ и не развилось ученіе о неизбѣжномъ рокѣ (*fatum*), потому что богъ ихъ имѣетъ полную свободу дѣйствія. Равнымъ образомъ и ученіе о свободной волѣ человѣка нашло наибольшее распространеніе у Семитовъ. Моисеевъ законъ особенно налегаетъ на то что человѣкъ пользуется полною свободой въ своихъ дѣйствіяхъ, за которыя онъ и несетъ полную отвѣтственность. Въ исламѣ Арабы уже рано начинаютъ заниматься рѣшеніемъ вопроса о предопредѣленіи и свободной волѣ. Между магометанами мутаселиты были главными представителями ученія о свободной волѣ, и правовѣрный исламъ нѣсколько его измѣнилъ, но не отрицалъ. У Персовъ-магометанъ же это ученіе нашло себѣ мало приверженцевъ даже между тѣми которые склонялись къ ученіямъ мутаселитовъ, и фатализмъ распространялся больше всего у нихъ и у Турокъ. Слѣдовательно, индивидуальность Семита выражалась настолько же въ его религіозной, насколько она проявлялась въ его политической жизни.

Съ самаго начала распространенія между Семитами ученія о безсмертіи души, у нихъ господствовало вѣрованіе въ личное существованіе послѣ смерти; у Аріидцевъ же это ученіе понималось въ грубо-матеріальномъ видѣ, какъ напримѣръ у Грековъ и Римлянъ, или Аріидцы-мусульмане, вмѣстѣ съ Аріидцами-язычниками, понимали безсмертіе и желали его какъ сіянія со вселенной, подобно исчезанію капли въ морѣ. У буддистовъ это высшее желанное счастье называлось *нирвана*, что обозначало то же самое что у Персіанъ-мусульманъ *фанъ*, то-есть „исчезновеніе“. Аріецъ, личность котораго всецѣло поглощалась

государствомъ, такъ же точно желать для себя поглощенія вселенною и исчезновенія въ ней. Семитъ же, который противился поглощенію своей личности государствомъ и требовалъ отъ послѣдняго чтобъ оно служило ему, не прельщался поглощеніемъ его вселенною и исчезновеніемъ въ ней.

Еще менѣе нравятся Семитамъ *аскетизмъ* и *отшельничество*. Къ первому они были мало склонны, хотя оно иногда у нихъ встрѣчается; а къ послѣднему питали отвращеніе. Говоря вообще, налагать лишенія на себя, въ особенности же отказываться отъ радостей семейной жизни, не по части Семита. „Будешь ѣсть и будешь сытъ, и станешь хвалить Бога“, говорится въ *Пятикнижьи*, но „поститься и хвалить Бога“ въ немъ не требуется отъ Еврея. „Жена какъ сладостная лоза посреди дома, сыны какъ вѣтви масличнаго дерева вокругъ стола, а самому сидѣть подъ лозой и смоковницей“—вотъ предметъ желаній Семита. Имѣть многихъ дѣтей и, по возможности, много женъ, онъ считаетъ величайшими радостями въ жизни, безбрачіе же ему противно. Что возможно оставаться холостымъ для него вообще и въ особенности для Араба вещь непостижимая, неслыханная. То же самое было и у Евреевъ почти до новѣйшаго времени, и даже теперь статистика западныхъ странъ доказываетъ что между Евреями гораздо большее число брачныхъ союзовъ чѣмъ между христіанами. Семитамъ-мусульманамъ иночество совершенно неизвѣстно, такъ что Арабы говорятъ: „въ исламѣ нѣтъ иночества“. Хотя и между ними были люди жившіе въ одиночествѣ и называвшіеся *зугада*, однако число ихъ было вообще относительно малое, и эти немногіе отшельники предавались одиночеству лишь на старости лѣтъ, вкусивъ вполне, или даже въ излишкѣ, радости жизни. Считаемо еще особенно достойнымъ замѣчанія явленіе—рѣдкость случаевъ самоубійства между Арабами, которые впрочемъ всегда отличались мужествомъ. Трезвый умъ и отвращеніе ко всякаго рода лишеніямъ непременно должны предохранять человѣка отъ подобнаго отчаяннаго поступка.

Въ противоположность тому мы видимъ у различныхъ арійскихъ народовъ, исповѣдующихъ чѣтыре, по основнымъ ихъ началамъ совершенно различныя, вѣры, сильную склонность къ изнуренію плоти и къ монашеству. Аскеты и иноки встрѣчаются между христіанами, мусульманами-Арійцами, то-есть Персами, и равнымъ образомъ между брахманстами и буддистами.

Остается упомянуть еще объ одномъ явленіи въ религиозной жизни Семитовъ, которое, надо думать, находится въ непосредственной связи съ рѣзкою обособленною семитической личности: это отсутствіе въ религіяхъ Семитовъ, то-есть въ іудействѣ и исламѣ, всякихъ строго опредѣленныхъ догматовъ, отъ которыхъ бы не допускалось отступленія ни на волосъ, каковыя сложились у Аріидцевъ. Подобныя догматы не по душѣ тому кто не охотно подчиняется извѣстному порядку и не безъ сопротивленія терпитъ духовныя узы. Нельзя отрицать что въ обѣихъ указанныхъ религіяхъ существуютъ извѣстныя основныя ученія отъ которыхъ нельзя отступать, какъ напримѣръ ученіе о единствѣ Божіемъ, объ откровеніи, о провидѣніи, о наказаніи и награжденіи, но больше чѣмъ ихъ признанія ничего вообще не требуется. О томъ какъ ихъ понимать писали и спорили много, но сами ученія никогда не получали строгой опредѣленности, а предоставлялось каждому отдѣльно понимать ихъ по-своему. Съ усиленіемъ при дворѣ богдаскихъ халифовъ вліянія Персовъ, то-есть Аріидцевъ, явились и попытки къ ближайшему опредѣленію этихъ основныхъ ученій, но при этомъ постоянно встрѣчалось сильное сопротивленіе со стороны мусульманъ Семитовъ, такъ что то что сегодня принималось, завтра же отвергалось. Поэтому мы и замѣчаемъ то странное явленіе что у Евреевъ и мусульманъ о разныхъ обрядахъ писались цѣлыя тысячи книгъ, и относительно малое число ихъ о догматахъ вѣры. У Аріидцевъ было наоборотъ.

VI.

Третьею отличительною чертой въ характерѣ Семитовъ мы выставили *теплоту и искренность души, ея впечатлительность и, вслѣдствіе того, восприимчивость въ отношеніи къ гуманнѣмъ идеямъ, склонность къ благотворительности, мгновенное воодушевленіе идей, затѣмъ признаніе превосходства духа надъ матеріальною силой*, и отсюда склонность къ идеализму. Эта особенность у Семитовъ, въ противоположность Аріидцамъ, обнаруживается въ слѣдующихъ явленіяхъ:

Семиты, въ особенности Евреи, творцы новыхъ религиозныхъ понятій и воззрѣній, которыя остались почти неизвѣстными даже наиболѣе образованнымъ изъ Аріидцевъ-язычниковъ. Языческія религіи основывались на мысли что божество

обладаетъ большимъ могуществомъ, въ состояннн причинять добро и зло, что слѣдовательно, необходимо стать въ хорошее отношеніе къ этой власти, для чего употреблялись различныя, большею частью грубыя, чувственныя средства; религія представляла что-то въ родѣ соглашенія между слабымъ, нуждающимся въ помощи человѣкомъ и сильнымъ, дарующимъ помощь богомъ. Религія какъ дѣло сердца, религіозная сердечность, любовь къ Богу и полная преданность Ему, представленіе что Богъ всемилосердъ — все это созданія впечатлительнаго и чувствительнаго Семита, и въ особенности древнихъ Евреевъ, которымъ человѣчество за то должно быть безконечно благодарно. Религіозныхъ гимновъ подобныхъ псалмамъ нѣтъ ни у одного народа, ни въ какой литературѣ, и могли они явиться только у народа первенствующаго въ средѣ впечатлительныхъ Семитовъ. Религіозныя гимны Грековъ и древнихъ Индійцевъ относятся къ гимнамъ Евреевъ какъ цвѣтки полевые къ лиліямъ и благоухающимъ розамъ.

Съ понятіемъ о божествѣ даже наиболѣе образованные народы древности соединяли исключительно идею о могуществѣ и иногда о справедливости, но никогда о нравственности. Народъ семитическій, и въ этомъ случаѣ олять Евреи, настаивилъ человѣчество понимать Бога какъ начало нравственное, какъ идеаль святости и чистоты. Отъ этого же народа распространились ученія о нравственности, и мы и нынѣ отыскиваемъ ихъ не въ твореніяхъ языческой древности, а въ Библии.

Равнымъ образомъ и ученія о гуманности, о снисходительности и милосердіи къ бѣднымъ и безпомощнымъ, о томъ что даже съ рабами и животными слѣдуетъ обходиться кротко, всѣ эти благотворныя ученія исходятъ преимущественно отъ народа семитическаго, и,—рѣшаюсь высказать это, хотя ожидаю возраженія,—еще въ настоящее время соблюдаются Семитами больше чѣмъ Аріицами. Я этимъ не хочу сказать что упомянутыя ученія были совершенно неизвѣстны народамъ древности, но они не имѣли у нихъ того высокаго значенія и не вошли въ ихъ плоть и кровь какъ у народовъ исповѣдующихъ основанныя Семитами религіи. У какихъ писателей древности можно встрѣтить наставленія о любви къ ближнему, о помощи бѣднымъ и страждущимъ и о кроткомъ обхожденнн даже съ рабами и животными? Въ законахъ Ману, правда, тамъ и сямъ встрѣчаются подобныя ученія, но на ряду съ ними самыя же-

стокиа, немилосердыя наставленія противъ ларій и смѣшанныхъ касть. Что даже иностраный рабъ не можетъ быть тѣлесно увѣченъ, что убіеніе его слѣдуетъ быть наказано смертію, что даже скоту слѣдуетъ давать день для отдыха, предписывается *Пятикнижіемъ*. Моисеевы предписанія что не слѣдуетъ запрягать вмѣстѣ вола и осла, силы которыхъ не равны, что молотящему волю нельзя заграждать рта, илуть дальше требованій нашихъ обществъ покровительства животнымъ. Развѣ существуютъ у насъ, хотя мы христіане, предписанія въ родѣ того что служащія для первыхъ потребностей жизни вещи не могутъ быть отобраны въ пользу кредитора, что напримѣръ отобранная подушка должна быть возвращена на ночь собственнику, какъ это предписываетъ Моисеевъ законъ? Даже въ раввинской литературѣ среднихъ вѣковъ встрѣчаются тысячи предписаній настаивающихъ на любви къ ближнему, кротости и милосердію даже къ рабамъ и животнымъ. Подобно тому и въ Коранѣ встрѣчается множество такихъ мѣстъ въ которыхъ предписывается преимущественно раздача милостынь какъ одна изъ самыхъ важныхъ обязанностей. И какъ исполняются Семитами на дѣлѣ эти предписанія? Гораздо усерднѣе чѣмъ Аріицами, отвѣтимъ мы. Нѣтъ еврейской общины въ которой бы не было одного или нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ. Благотворительность Евреевъ на Западѣ Европы вошла почти въ пословицу, такъ что безпристрастные христіане со стыдомъ указываютъ на склонность къ благотворительности у Евреевъ. Къ травлямъ Евреи питають отвращеніе; они не могутъ понять какъ можно лгичку, вылетѣвшую, можетъ-быть, чтобы принести кормъ своимъ пленцамъ, рѣшиться убить ради удовольствія или для того чтобы полакомиться. И до уженія Еврей не охотникъ, потому что ему становится больно глядя на рыбу висающую жабрами на остромъ крючкѣ и бьющуюся на воздухѣ. И для магометанъ раздача милостынь имѣетъ большое значеніе, и благочестивые мусульмане усердствуютъ въ основаніи больницъ, каравансараевъ и колодезевъ на караванныхъ путяхъ.

Противъ всего этого мнѣ возразятъ что, вопервыхъ, эти ученія исходили не отъ всѣхъ Семитовъ, но прежде всего отъ Еврейскаго народа и, вовторыхъ, что послѣдній дошелъ до ихъ исполненія не самъ, а Божескимъ откровеніемъ. Мы на это отвѣчаемъ что Божеское Провидѣніе для исполненія своей воли избираетъ всегда наилучшія орудія, и что народъ, даже

еслибъ онъ былъ надаровитѣйшій, только тѣмъ въ состояніи отличиться для чего зародыши встрѣчаются у всего племени. Самый даровитый изъ семитическихъ народовъ никогда не создасть въ областяхъ науки и искусства того что создали Греки-Арійцы. Эти же не были въ состояніи исполнить того что сдѣлано Евреями въ указанномъ отношеніи. Ни одинъ народъ не выйдетъ изъ предписанныхъ его племени умственныхъ границъ. Умственные произведенія Евреевъ встрѣчаются въ зародышѣ болѣе или менѣе у всѣхъ прочихъ семитическихъ народовъ, равнымъ образомъ какъ греческія у прочихъ Арійцевъ.

У Арійцевъ предметомъ эпоса служатъ герои и ихъ дѣянія, войны и битвы. Это направление замѣчается въ Гомерѣ и въ индійскомъ эпосѣ, въ Нибелунгахъ и въ Шахнаме, въ скандинавскихъ сагахъ и въ русскихъ былинахъ. Героями же семитическихъ сказаній являются мудрецы, пророки, подвижники, и эти сказанія сложились на тему: „мудрость и благочестіе“. Царь Соломонъ, который почти никакихъ войнъ не вель, у Израильтянъ все-таки, послѣ Давида, наиболѣе прославившійся царь, именно за свою мудрость. Нѣкогда, говоритъ народное преданіе, явился ему Господь Богъ во снѣ и сказалъ: „Проси что тебѣ дать“. Царь не сталъ просить ни долгой жизни, ни богатства, а просилъ: „Даруй рабу Твоему разумное сердце чтобы судить народъ Твой и различать что добро и что зло.“ Слава о невойнолюбивомъ, а мудромъ царѣ дошла до крайнихъ предѣловъ Симовой земли, и царица отдаленнаго семитическаго народа прибыла къ Соломону чтобы подивиться его мудрости и испытать ее умными загадками. Царь-Семитъ не сталъ забавлять свою царскую гостью охотами и смотрами войскъ, какъ это дѣлали цари-Арійцы, но за то былъ разыгранъ турниръ на умственной аренѣ. И съ царемъ Тира, по свидѣтельству Иосифа Флавія, Соломонъ вель ученую переписку, въ которой они другъ другу предлагали трудные вопросы. Имена великихъ героев ислама, какъ Халида, Соадабенъ Вакасъ, Окхи и другихъ, услѣвшихъ, въ теченіи немногихъ лѣтъ, создать государство не уступавшее въ объемѣ тому надъ которымъ, послѣ усилій многихъ столѣтій, владычествовали нѣкогда Римляне, имена этихъ полководцевъ забыты мусульманами, но за то каждому изъ нихъ хорошо извѣстны имена тѣхъ лицъ которые передавали потомству священные преданія (*агль-эль-гадисъ*) асхабовъ, то-есть сподвижниковъ Мухаммеда, ихъ

преемниковъ и преемниковъ преемниковъ, передававшихъ настоящія или мнимыя ученія пророка; каждый мусульманинъ знаетъ эти имена; онъ знаетъ великаго знатока хадисовъ, Хасана Эль-Баери, но ему неизвѣстно имя великаго героя Халида. Это направленіе Арабовъ также характеризуется и огромнымъ богатствомъ ихъ литературы въ біографическихъ сочиненіяхъ. Въ послѣднихъ встрѣчаются жизнеописанія преимущественно такихъ мужей которые были дѣятелями на поприщѣ ума, какъ ученые и поэты. Каждый большой городъ, каждая область имѣли собранія біографій своихъ знаменитостей. Но еще арабскій ученый жившій въ Испаніи въ XI столѣтіи, Ибнъ-Хазень, выразилъ удивленіе: отчето жители Хорасана, Табаристана, Джорджана, Кермана, Рея и другихъ областей въ которыхъ населеніе было почти исключительно арійское, не имѣли подобныхъ сборниковъ жизнеописаній своихъ ученыхъ. Вѣроятно что послѣдніе пользовались на своей родинѣ меньшею извѣстностью, меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ ихъ собратья по наукѣ въ странахъ населенныхъ Семитами.

У Арійцевъ основателями владѣтельныхъ домовъ были могучіе герои, счастливые военачальники, отличившіеся храбростію и воинскими подвигами. Даже въ нашемъ столѣтіи, на глазахъ нашихъ отцовъ, удалось основать династію челоѣку главная заслуга котораго состояла въ томъ что онъ былъ величайшимъ полководцемъ своего времени. Высокообразованный народъ былъ настолько ослѣпленъ блескомъ его военныхъ успѣховъ что, на свою же бѣду, избралъ въ преемники ему одного изъ его родственниковъ, не имѣвшего съ нимъ ничего общаго кромѣ имени. Совершенно другое видимъ у Семитовъ. У нихъ, за немногими исключеніями, основателями династій были мудрецы-подвижники или ихъ потомки, настоящіе и мнимые, или вообще представители новыхъ идей. Притязанія на халифство со стороны Алидовъ, Омеядовъ и Аббасидовъ основывались на ихъ ближайшемъ или дальнѣйшемъ родствѣ съ пророкомъ и на заслугахъ ихъ предковъ въ распространеніи и поддержкѣ ислама. Алиды, въ X столѣтіи, основываютъ въ Египтѣ могущественное государство, и только потому что были потомками Мухаммеда. Основателемъ династіи Альморавидовъ, властвовавшихъ въ сѣверной Африкѣ и затѣмъ въ Испаніи, былъ миссіонеръ распространившій исламъ среди Берберовъ. Династія Аль-Мохаддовъ въ Испаніи основана святошей проповѣдывавшимъ новое ученіе о единствѣ Божіемъ,

отчего она и получила свое имя. Могущественные князья—Карматы выступили обвинителями ислама и достигли тѣмъ власти. То же самое случилось въ наши дни съ Вахабитами, о которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ получили мы интересныя свѣдѣнія отъ путешественника Пельгрева (Palgreve). И основатель этого сильнаго царства въ средней Аравіи взялся за мечъ какъ приверженецъ реформатора ислама, ученія котораго онъ хотѣлъ распространить, и, поэтому, захватилъ власть въ свои руки. Наслѣдники его еще въ настоящее время выдаютъ себя за представителей возобновленнаго ислама. При распаденіи халифата, когда образовалось множество мелкихъ государствъ, основателями новыхъ династій, въ восточныхъ областяхъ, гдѣ обитали Аріѣцы, были или способные полководцы или бывшіе ловкіе намѣстники халифовъ, а въ западныхъ населенныхъ Арабами провинціяхъ, по преимуществу благочестивые мужи, подвижники и представители какого-нибудь новаго ученія.

Соединеніе духовнаго главы и свѣтскаго правителя въ одномъ лицѣ есть учрежденіе по преимуществу семитическое.

Царь у Семитовъ пріобрѣталъ свѣтскую власть потому только что былъ представителемъ духовной. У Аріѣцевъ главною принадлежностію идеала царя была храбрость, у Семитовъ же—мудрость, справедливость и благочестіе. Царь Давидъ у Евреевъ не потому чествуется что былъ героемъ и освободителемъ Израильтянъ отъ ихъ враговъ, а за свое благочестіе, за то что онъ былъ святой лѣвеедъ. Его военные подвиги ставятся ему даже въ вину: когда онъ задумалъ постройку храма, пророкъ сказалъ ему: „Ты пролилъ много крови и велъ большія войны, ты не долженъ строить дома имени Моему, потому что ты пролилъ много крови на землю, предъ лицомъ Моимъ.“ Въ повѣствованіяхъ о царяхъ Израильскихъ упоминаются большею частію только тѣ изъ ихъ дѣяній которыя были угодны Богу или возбуждали Его гнѣвъ; о военныхъ ихъ предпріятіяхъ почти не говорится, или только вкратцѣ и мимоходомъ. Равнымъ образомъ и Маккавеевъ чествовали не за ихъ геройскіе подвиги, а за то дѣло за которое они сражались, то-есть за то что они ратовали за идею. И память Али почитается между Арабами за великое его благочестіе, за мнимую его *мудрость*. Историки арабскіе сходятся въ этомъ съ библейскими, и въ своихъ сказаніяхъ о халифахъ упоминаютъ о веденныхъ ими войнахъ лишь настолько насколько онъ велся для защиты

и распространения ислама. Кроме того, упоминается относительно халифов о их строгости в исполнении религиозных обрядовъ, сколько кто изъ нихъ дѣлалъ ежедневно за молитвой поклоновъ и колѣнопреклоненій (*ruka'atъ* и *serfa'atъ*), сколько разъ отправлялся въ Мекку, много ли раздавалъ милостыни, основывалъ ли школы и больницы, призывалъ ли ко двору своему ученыхъ и поэтовъ и награждалъ ли ихъ щедрою рукой, наконецъ, былъ ли самъ постомъ и витіею, и т. д. Слѣдовательно, достоинства за которыхъ хвалили властелина и отсутствіе которыхъ въ немъ порицалось были чисто духовныя. Уже ранѣе было указано на то что халифа считали преимущественно духовнымъ главой, что на его обязанности лежало исполненіе священно-служительскихъ дѣйствій по пятницамъ и чтеніе молитвы въ мечети. То же самое дѣлали его намѣстники въ провинціяхъ.

Въ племени которое въ такой мѣрѣ цѣнило дары духа, случаи мученичества должны были встрѣчаться чаще чѣмъ у другихъ племенъ. Истинно великими являются предъ нами образы мужей которые, какъ напримѣръ пророки Исаія, Іеремія и др., всю свою жизнь посвящали служенію возвышенной, нравственной идеѣ, изъ-за нея страдали, переносили гоненія, подвергались лишеніямъ, и несмотря на то, не переставали проповѣдывать свою идею предъ лицомъ сильныхъ сего міра. Иудеи, во времена первыхъ Маккавеевъ, были первый и единственный народъ древняго міра рѣшившійся въ большихъ массахъ умереть за идею. Подобнаго явленія Греки совершенно не понимали; всѣ писавшіе между ними о Евреяхъ не могутъ не надивиться этому явленію и прибавляютъ что этотъ страшный народецъ предпочитаетъ смерть нарушенію постановленій своей вѣры насчетъ субботнаго дня. Когда, въ послѣдствіи, полусумашедшій Каллигула приказалъ повсюду выставлять свой обликъ и отъ всѣхъ своихъ подданныхъ требовалъ чтобъ они ему поклонялись, всѣ стали исполнять это требованіе, и только одни Иудеи осмѣлились не повиноваться приказу императора: съ полнымъ сознаниемъ они шли на встрѣчу неминуемой гибели. Иудейскіе послы, прибывшіе въ Римъ чтобы просить о помилованіи своего народа и о его освобожденіи отъ исполненія цесарскаго требованія, стали посмѣшищемъ для придворныхъ, которые никакъ не могли понять что цѣлый народъ рѣшился умереть за метафизическую идею. Сколько Евреи за свою вѣру терпѣли до новѣйшаго

т. хvii. 16

времени, сколько тысячъ этого народа погибло на кострахъ—это всѣмъ извѣстно. И у Арабовъ было не мало мучениковъ-фанатиковъ за вѣру. У Арійцевъ мученичество является преимущественно со времени водворенія проповѣданнаго Семитами христіанства. Въ древнемъ же мірѣ являются почти только мученики за государство, потому что послѣднимъ личностью вообще поглащалась; но мученичество за отвѣченную идею въ древнемъ арійскомъ мірѣ—рѣдкое исключеніе.

Народное образованіе почти во всѣ времена, частью и въ настоящее; у семитическихъ народовъ считалось дѣломъ величайшей важности. Обучать дѣтей, распространять знаніе и въ особенности *основывать первоначальныя школы*, считается, какъ въ іудействѣ, такъ и въ исламѣ, обязанностію религиозною, дѣломъ богоугоднымъ. Получать деньги за обученіе было не только дѣломъ неприличнымъ, но и грѣшнымъ. Платили учителю только за трату имъ времени, въ виду того что учительствованіе лишаетъ его возможности зарабатывать другимъ путемъ средства къ жизни. Обязательное обученіе было введено у Евреевъ еще во времена Иисуса Христа, а двумя столѣтіями раньше у нихъ почти вездѣ уже существовали первоначальныя школы, содержавшіяся, повидимому, на общественныя средства. Городъ въ которомъ нѣтъ школы, по Талмуду, слѣдуетъ отлучить отъ общества или даже разрушить. „Первоначальными школами, говоритъ тамъ дальше, держится свѣтъ“;—изреченіе, безъ сомнѣнія, весьма справедливое. Стихъ изъ книги пророка Даниила: „Просвѣщающіе другихъ будутъ сіять какъ свѣтъ небесный, и обратившіе многихъ къ правдѣ—какъ звѣзды, во вѣки вѣковъ“, относится раввинами къ учителямъ въ первоначальныхъ школахъ, которые, конечно, обучали безъ или почти безъ возмездія. По предписаніямъ равниновъ, слѣдуетъ учителя, которому обязанъ учившійся у него существенною частью своего знанія, чтить больше чѣмъ отца, ибо, говорятъ они, этотъ даль тебѣ одну тѣлесную жизнь, тотъ же умственную. И въ самомъ дѣлѣ, до настоящаго дня нѣтъ Еврея который бы не давалъ учителя своимъ дѣтямъ мужескаго пола. Объ обученіи самыхъ бѣдныхъ дѣтей и сиротъ заботится община. Тѣ же возрѣвныя существуютъ и въ исламѣ, основанномъ, какъ извѣстно, также Семитами. Въ то время когда въ Европѣ многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ не умѣли ни читать, ни писать, владѣтельныя и частныя лица у Арабовъ соперничали между собою въ

учрежденіи первоначальныхъ школъ и медресе; послѣднія были чѣмъ-то какъ бы посредствующимъ между низшими, средними и высшими учебными заведеніями—и въ основаніи публичныхъ библіотекъ. Въ Исламіи, во время халифовъ, существовали частныя и публичныя библіотеки, каталоги которыхъ состояли изъ нѣсколькихъ томовъ. У Семитовъ и ученый пользовался гораздо большимъ уваженіемъ чѣмъ у Аріицевъ. Дворы какъ халифовъ въ Багдадѣ и Кордовѣ, такъ и мелкихъ арабскихъ князей, были сборными мѣстами поэтовъ, богослововъ, языковѣдовъ, историковъ и другихъ ученыхъ. Владѣтельные лица обнаруживали необыкновенную ревность въ привлеченіи къ своимъ дворамъ знаменитыхъ ученыхъ и отличныхъ поэтовъ, которыхъ они иногда даже черезчуръ щедро награждали. Пріемныя арабскихъ князей и вельможъ, во время процвѣтанія арабской культуры, имѣли большое сходство съ парижскими гостинными въ XVIII вѣкѣ. Даже многіе князья считали за особенную честь быть писателями.

Красное слово сказанное кстахи восхищаетъ Семита. „Золотыя яблоки, говорится въ притчахъ Соломоновыхъ, въ серебряныхъ корзинахъ (или съ серебряными наръзками) — слово сказанное удачно.“ Такое слово нерѣдко бывало причиною отбѣны смертной казни. У арабскихъ историковъ встрѣчается много тому примѣровъ. Красивый стихъ приводитъ Семита въ невыразимый восторгъ, до ольяненія. Племя арабское среди котораго появился новый поэтъ по случаю такого радостнаго событія получаетъ отъ другихъ племенъ депутаціи съ поздравленіями.

Слѣдуетъ считать явленіемъ особенно достойнымъ замѣчанія что Семиты были первые которые, поклоняясь Богу, не творили Ему изображенія и остались вѣрными этому принципу. Первоначально и у Семитовъ встрѣчаемъ поклоненіе кумирамъ, но когда возникла борьба между врагами кумировъ и поклоняющимися имъ, то первые восторжествовали. Не обнаруживается ли этимъ фактомъ особенная наклонность Семитовъ къ нравственному пониманію вѣшняго міра?

Семиты лучше Аріицевъ-язычниковъ умѣли различать душу отъ тѣла; поэтому безсмертіе души понималось ими гораздо нравственнѣе чѣмъ тѣми. Аріиды видѣли, какъ я уже ранѣ замѣтилъ, въ безсмертіи души поглощеніе послѣдней вселенною, исчезновеніе, подобно тому какъ капля теряется въ морѣ, или же понимали его грубо-матеріально. Поэтому

мы видимъ что арійскіе народы стоявшіе на высокой степени образованности, какъ Греки и Римляне, клали своимъ мертвымъ въ могилу не только пищу и питье, но и всѣ тѣ предметы которые при жизни служили ихъ потребностямъ и привычкамъ.

Свойство идеаловъ народа больше всего выражается въ его желаніяхъ и надеждахъ. При чтеніи книгъ древнихъ Израильтянъ намъ представляется явленіе совершенно-необыкновенное. Чего желалъ и на что надѣялся этотъ народъ? Онъ желалъ и надѣялся что настанетъ время въ которое всѣ народы „перекуютъ свои мечи въ сошники и колья свои въ серпы; не подниметъ меча народъ на народъ, и не будетъ больше учиться воевать“ (кн. Исаиу II, 4; кн. Михея IV, 3); время когда „миръ будетъ царствовать и вся земля будетъ преисполнена разумѣніемъ и познаніемъ“. Какого же мнѣнія о подобномъ идеалѣ народы арійскіе, болѣе полуторы тысячи лѣтъ знакомые со Священнымъ Писаніемъ, въ которомъ видятъ самое слово Божіе? Скоро ли настанетъ время когда государства найдутъ возможнымъ передѣлать лущки въ машины, а казармы превратить въ народныя училища?

Хотя самъ Семитъ, я, однако, въ своемъ очеркѣ не скрывалъ слабыхъ сторонъ въ характерѣ своего племени, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на хорошія его стороны. Но несмотря на всѣ свѣтлыя черты въ характерѣ Семитовъ, культура ихъ, по вышеуказаннымъ причинамъ, осталась одностороннею. И наша современная цивилизація была бы таковою же, еслибъ одни Семиты были нашими учителями и путеводаителями. Но, къ нашему счастью, образованность наша сложилась изъ соединенія культурныхъ стихій двухъ племенъ, семитическаго и арійскаго: она ведетъ свое настоящее начало собственно съ XVI столѣтія, когда на Западѣ Библия и классическая литература нѣкоторымъ образомъ снова были открыты. Отъ Израильтянъ, занимавшихъ между Семитами въ духовномъ отношеніи высшую степень, мы получили, чрезъ христіанство, хлѣбъ насущный, то-есть *чистыя понятія о Богѣ и ученіе о человечколюбіи и нравственности*; отъ Грековъ, которые въ томъ же отношеніи были первенствующими между Арійцами, намъ досталось все то что служитъ къ улучшенію и услажденію человеческой жизни, то-есть *искусство въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова и наука*. Въ нашемъ умственномъ развитіи мы уже догна-

ли Грековъ, во многихъ отношеніяхъ мы даже превзошли ихъ. Но до уломянутыхъ идеаловъ древняго Израильскаго народа дойдуть, вѣроятно, лишь наши правнуки, но все-таки дойдуть, несмотря на то что вся Европа готовится, повидимому, стать подъ ружье въ казармы. Да будетъ суждено тѣмъ кому Богъ ввѣритъ нашу защиту, исполнять эту обязанность согласно съ требованіями обстоятельствъ и къ общему благу. На насъ же ученыхъ, которымъ, по милости Божіей, дана возможность посвящать всю свою жизнь изслѣдованію истины и распространенію и расширенію знанія, на насъ, мужахъ мира и науки, лежитъ священная обязанность *подготовлять* на словахъ и на письмѣхъ то время когда „мечи будутъ перекованы въ плуги, когда настанетъ царство вѣчнаго мира, и земля исполнится знаніемъ“.

Д. ХВОЛЬСОНЪ.

ЗАБЫТЫЙ ВОПРОСЪ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XII.

Максимичь разбудилъ насъ съ Керети часу въ восьмомъ. На дамской половинѣ, докладывалъ онъ, всѣ давно встали, завтракъ готовъ и лошадей запрягаютъ. Я быстро соскочилъ съ постели и съ радостнымъ чувствомъ принялся одѣваться. День стоялъ великолѣпный, въ растворенное окно, сквозь вѣтви моей старой липы, проникалъ въ комнату свѣжій, пахучій вѣтерокъ. Никогда, кажется, не чувствовалъ себя такимъ бодрымъ, такимъ счастливымъ какъ въ это утро. Печальный видъ матушки, которую мы застали съ Анной Васильевной, Настей и Левой въ столовой за завтракомъ, досадливо кольнулъ меня: онъ словно отзывался упрекомъ. „За что? думалъ я, — и изъ чего это, право, папанъ вѣчно безлокоится, вѣдь не на вѣкъ же мы расстаемся!“ А тутъ еще Настя, подлѣ которой мнѣ пришлось сидѣть за столомъ, пристала ко мнѣ:

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

— Ты такой противный и равнодушный, une figure endimanchée, quand papa est dans la reine, — гадко смотреть на тебя.

— А ты завистливая дѣвчонка и больше ничего! отвѣчалъ я.

Настя посмотрѣла на меня совершенно озадаченная, на рѣсницахъ ея показались слезы, — она ужасно обидѣлась, — но сдержалась и повернувшись ко мнѣ плечомъ сказала только:

— Я на дерзости не отвѣчаю.

— Ну, конечно, вы царевна, въ родѣ друга вашего Галечки Галага! отпустилъ я ей „шпильку“.

Настя мигомъ обернулась, все лицо ея озарилось насмѣшкой, и глядя мнѣ прямо въ глаза сказала:

— А ты теперь *надсмѣгаешься* надъ Галечкой, потому что ты...

Она не договорила.

— Потому что что? переспросилъ я, чувствуя въ то же время что краснѣю по уши.

— Я знаю, расхоталась Настя и значительно качнула головой.

— Что ты знаешь?

— Не скажу!

„О, Боже мой, опять то же, *encore cette femme!* тоскливо шевельнулось во мнѣ, — и Настя и папа, всё думаютъ что я“...

Матушка между тѣмъ о чемъ-то шопотомъ переговаривала съ Мг Керети. „Обо мнѣ, навѣрное!“ думалъ я глядя на нихъ, и досада все болѣе и болѣе овладѣвала мною.

— Фу ты, душно, смерть мнѣ! влетѣла, залыхавшись, въ столовую тетушка Фелисата Борисовна, и всёмъ своимъ грузнымъ тѣломъ опустилась въ кресло. Она была одѣта совсѣмъ по-дорожному, въ какой-то сверхъ платья полумужской шинели въ рукава, съ огромнѣйшимъ мѣшкомъ въ рукѣ и краснымъ фуляромъ, притетнутымъ сзади къ челу и развѣвающимся по ея плечамъ.

— Пора бы, кажется, и ѣхать! воскликнула она. — А то отъ жары здѣсь умрешь!

— Вы бы манто скинули, кротко предложила ей матушка.

— Шокорно благодарю, — это чтобы мнѣ простудиться! фыркнула въ отвѣтъ тетушка.

— Да вѣдь вы еще не завтракали?

— Когда же это я такъ рано завтракаю! Успѣю въ каретѣ заласлась про случай, и тетушка указала на свой мѣшокъ.

— Что же, мы готовы, сказала, вздохнувъ, матан.

— Съ Богомъ, съ Богомъ! заторопилась Анна Васильевна, все время до этого болтавшая съевой, къ обоюдному, какъ видимо было, удовольствію ихъ.

Всѣ встали, обернулись къ образу, помолились, потомъ опять сѣли, и поднявшись перекрестились и направились въ переднюю. Тамъ уже возлились, толкались и шмыгали люди съ подушками, мѣшками и всякимъ господскимъ добромъ.

— Фрося, Фро-о-о-ся! кричала Фелисата Борисовна, точно ее ножомъ рѣзали.

— А я туточки! отвѣчала ей, продираясь сквозь толпу, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, младшая и любимѣйшая изъ горничныхъ тетюшки.

— А ты, курносая, вѣчно фуляръ мой забудешь подать. Поди сейчасъ, отыщи!

— А на что жъ мины шукаты, когда жъ вы іого на очилоть соби начѣплили? отвѣчала балованная дѣвочка, закрывая рукавомъ свои сверкающіе зубы, чтобы не прыснуть отъ смѣха.

Не она, такъ всѣ остальные тутъ бывшіе громко расхохотались, даже Анна Васильевна, видимо лобавившаяся тетюшки и осторожно избѣгавшая разговоръ съ нею. Фелисата Борисовна быстро закинула руку за голову, дернула платокъ, вырвавъ вмѣстѣ съ нимъ кусокъ изъ своего кисейнаго чепца, и, раздраженная общимъ смѣхомъ, тутъ же наложила на Фросю опалу, приказавъ ей оставаться въ Тихихъ Водахъ подъ строгимъ присмотромъ ключницы Мавры Ивановны, а вмѣсто Фроси ѣхать съ нею въ городъ толстой Хиврѣ, съ тѣмъ только чтобы толстая Хивря отнюдь не смѣла въ городъ ходить о босу-ногу, какъ это она дѣлала постоянно въ деревнѣ, а непременно взяла бы съ собой башмаки и чулки, давно ей купленные тетюшкой, но и по сю пору лежащіе не надѣванными въ сундукъ Хиври. Толстая Хивря, очевидно обрадованная, кинулась со всѣхъ босыхъ ногъ своихъ за сундукомъ въ котормъ хранились ея башмаки съ чулками, а тетюшка, поймавъ за рукавъ Леву, хотавшаго звончѣе всѣхъ присутствовавшихъ, прочла ему достоодолжную нотацію, главный смыслъ которой заключался въ томъ что она давно бы его, сквернаго мальчишку, выскла, не будь только его баловницъ, подъ которыми, разумѣется, слѣдовало понимать матушку и Анну Васильевну.

Бѣдная Анна Васильевна, встрѣтившись съ разгнѣваннымъ взглядомъ тетушки, ужасно струсила.

— А ну же, идемъ садиться, идемъ скорѣе! залетела она, поблѣднѣвъ и дергая меня за куртку.

Лева вырвался изъ рукъ тетушки и въ одинъ скачекъ очутился въ двухмѣстной калыскѣ Анны Васильевны, первой поданной къ крыльцу.

Анна Васильевна даже перекрестилась, занявъ въ ней свое мѣсто, такъ рада она была что ушла отъ тетушки. Я помѣстился рядомъ, а Лева между нами. Мг Керети слѣдовалъ въ брикъ съ Сильвой и съ Максимычемъ на козлахъ. Грузная четверомѣстная наша карета шестерикомъ, съ матушкой, тетушкой, Настей и съ Хиврей на запяткахъ, догоняла насъ съ трудомъ, тяжело качаясь съ боку на бокъ на огромныхъ своихъ рессорахъ.

На пятой верстѣ, у креста поставленнаго на перекресткѣ трехъ *шляховъ*, экипажи остановились. Всѣ изъ нихъ вышли, кромѣ Фелисаты Борисовны, изнемогавшей отъ жары и скинувшей съ себя не только уже шивель, но и чепчикъ.

— Умираю, смерть моя! громко охала она въ своемъ углу, обмахиваясь большою вѣтвью, которую откуда-то успѣла ей добыть толстая Хивря, пока матушка, вся въ слезахъ, обнимала и благословляла насъ съ братомъ.

— Помни что ты не ребенокъ, Борисъ, да и не взрослый тоже, и веди себя какъ слѣдуетъ порядочному мальчику въ твои годы, чтобы мнѣ съ отцомъ твоимъ не стыдно за тебя было, говорила она мнѣ, долго и нѣжно цѣлуя меня.—Объщай мнѣ что когда увидимся, ты мнѣ все откровенно, какъ ты всегда это дѣлалъ до сихъ поръ, расскажешь про себя, все что бы ни было съ тобою, хорошее и дурное, все! Общаешь?

— Общаю, татап, говорилъ я растроганный, цѣлуя ея руки, но не смѣя взглянуть ей въ лицо. Помоги мнѣ только, Боже, сдержатъ обѣщаніе, думалъ я, хотя въ эту минуту твердо былъ увѣренъ что ничего не сдѣлаю такого что пришлось бы мнѣ потомъ скрывать отъ матушки. Но я припоминалъ вчерашнія ея слова Аннѣ Васильевнѣ. Если вдругъ ей захочется „влюбить меня въ себя“, какъ же мнѣ быть тогда и какъ это разказать потомъ татап?

Нетерпѣливые возгласы тетушки изъ кареты положили конецъ нашимъ прощаніямъ. Всѣ размѣстились опять по своимъ мѣстамъ, лошади тронули, и экипажи наши развѣхались въ

разныя стороны. Долго еще слѣдилъ я за матушкиною колымагой, подымавшей за собою цѣлыя облака пыли, пока не исчезла она за первыми хатами казеннаго села, на которое круто заворачивала дорога въ К. Веселое настроеніе мое исчезло и я не открывалъ рта до самаго Богдановскаго. Анна Васильевна не докучала мнѣ никакими вопросами и только изрѣдка впросительно поглядывала на меня. Одинъ Лева, по обыкновенію, трещалъ какъ стрекоза, прерывая свою болтовню лишь для того чтобы кидаться на шею своей „баловницѣ“, выражая ей напередъ восторгъ свой за всѣ радости которыя ему сулило житье у нея: Анна Васильевна выпросила у матушки позволенія помѣститъ его съ собою въ собственной спальнѣ и отпустить къ Керети только на уроки,—выше этого счастья Лева не могъ и придумать ничего.

На большихъ часахъ Богдановскаго дома колоколь мѣрно отбивалъ двѣнадцать ударовъ, въ то самое время когда мы въѣзжали на *красный* дворъ. Посреди его стояло нѣсколько человѣкъ, внимательно слѣдившихъ за прыжками и вольтами статнаго сѣраго коня, на которомъ крѣпко и красиво сидѣлъ всадникъ въ бѣломъ кителѣ и какой-то вычурной, не русской формы, красной, шитой золотымъ суворкомъ фуражкѣ, молодоечки надвинутой прямымъ козырькомъ на правый глазъ. Всадникъ былъ баронъ Фельзенъ. Онъ весело перекидывался словами съ Омой Богдановичемъ, Булкенфрессомъ и старикомъ Золоторенкомъ, составлявшими группу его зрителей. Грохотъ калески нашей, переѣзжавшей мостикъ предъ службами, услышалъ онъ первый. Круто, однимъ поворотомъ руки, обернулъ онъ въ ту же минуту лошадь вправо и далъ шпоры. Мигомъ взвился конь на заднихъ ногахъ и со страшною лансадой перелетѣлъ черезъ перила, отдѣлявшія красный дворъ отъ проезжей дороги. Кучеръ нашъ невольно осадилъ своихъ лошадей; съ балкона послышался чей-то пронзительный, испуганный возгласъ. Но Фельзенъ на своемъ фыркавшемъ, въ бѣлой лѣнѣ конѣ стоялъ уже у нашего экипажа, съ вычурною почтительностью склонивъ голову предъ Анной Васильевной и держа на отлетѣ въ рукѣ свою красную фуражку.

— Не пужайсь, не пужайсь, Ганночка! кричалъ Ома Богдановичъ, бѣгомъ направляясь къ женѣ, послѣдшне выѣзжавшей съ нами изъ калески, между тѣмъ какъ Фельзенъ, не теряя времени, скакалъ къ крыльцу. Надъ нимъ, на широкомъ балконѣ, заставленномъ померанцевыми деревьями и цвѣтами, бѣ-

лѣли женскія платья. Галечка и Любовь Петровна, — кто изъ нихъ крикнулъ, догадаться было не трудно. Когда я подходилъ къ дому, ко мнѣ донесся обрывокъ фразы:

— ...et sachez bien que je tiens aujourd'hui à la vie, madame, говорилъ снизу Фельзенъ, закинувъ голову назадъ и улыбаясь своею заискивающею и острою улыбкой.

— Ah! je l'avoie, vous m'avez fait une peur atroce! отвѣчала ему съ балкона Любовь Петровна, смѣясь громкимъ, но принужденнымъ, какъ казалось мнѣ, смѣхомъ.

Галечки на балконѣ уже не было. Она бѣжала съ лѣстницы навстрѣчу матери и, будто разчитавъ каждый шагъ свой, у самаго порога низко наклонилась предъ ней, почтительно цѣлуя ея руку, между тѣмъ какъ Любовь Петровна весело кричала ей съ балкона:

— И не стыдно вамъ, тетушка, такъ проладать!

На насъ съ Левою она не обратила никакого вниманія.

„Гдѣ ей теперь! подумалъ я, она... Напрасно только татапа безлокоилась насчетъ меня“, примолвилъ я съ горечью, за которую тотчасъ же упрекнулъ себя.

Какъ за то радъ намъ былъ добрѣйшій Ома Богдановичъ! Лева успѣлъ уже ему все пересказать, и Ома Богдановичъ торопилъ людей устроить насъ такъ какъ договорилась Анна Васильевна съ матушкой, то-есть, Леву въ ея спальнѣ, а меня съ Керету въ двухъ комнатахъ рядомъ съ Герасимомъ Ивановичемъ и Васей. Самъ онъ, взявъ меня за руку, потащилъ наверхъ, въ эти комнаты.

— Вася, гдѣ ты? кричалъ онъ еще съ лѣстницы.

— Здѣсь, дядя, слышался знакомый голосъ, и милая бѣлокурая голова свѣсилась съ перилъ наверху.

— А вотъ гляди, привезли еще лѣвника, чтобы тебѣ одному въ темницѣ не сидѣть! хохоталъ Ома Богдановичъ, уцѣпившись рукой за воротникъ моей куртки и едва успѣвая переступать со ступени на ступень своими коротенькими ножками.

Вася послѣшно сбѣжалъ къ намъ на встрѣчу. Я повисъ ему на шеѣ.

Онъ былъ очень обрадованъ, узнавъ что мы надолго пріѣхали въ Богдановское.

— Болѣзнь отца твоего не опасна? заботливо спросилъ онъ, когда я ему разказалъ какъ это все случилось.—А моему, ты знаешь, лучше! примолвилъ онъ, пожимая мою руку, которую не выпускалъ изъ своихъ.

— А вотъ сейчасъ побачимъ на него, сказалъ Ома Богдановичъ, добираясь до верхней ступеньки и садясь отдохнуть на лавку у стѣны, въ ожиданіи людей тащившихъ наши чемоданы. Ступайте, ступайте, я живенько за вами!

Вася отворилъ дверь налѣво и повелъ меня по корридору, на который, какъ въ гостиницахъ, выходили съ обѣихъ сторонъ двери отдѣльныхъ жилыхъ локоевъ. Въ концѣ его, въ большой угольной комнатѣ помѣщался отецъ Васи.

— А тутъ вотъ рядомъ мой пріютъ, говорилъ весело Вася, а напротивъ Савелій, а вотъ гдѣ, вѣроятно, ты съ своимъ гувернеромъ будете жить.

— Ахъ, это тѣ комнаты что выходятъ окнами въ большую залу,—знаю!

— Да, кажется; я не бывалъ... Пойдемъ къ папа, пока ихъ отогреть и принесутъ ваши вещи.

Мы застали Герасима Ивановича въ креслѣ у большого стола, на которомъ наложена была цѣлая груда Гревдоновскихъ женскихъ головокъ, литографированныхъ изображеній разныхъ историческихъ лицъ и сценъ и парижскихъ каррикатуръ. Старикъ Савелій отбиралъ ихъ по порядку одну за другою и тщательно укладывалъ подъ глаза барину. Больному, повидимому, очень нравилось это развлеченіе и онъ такъ поглощенъ былъ имъ что не замѣтилъ какъ мы подошли къ самому его креслу. Онъ былъ гладко выбритъ, остриженъ и показался мнѣ очень помолодѣвшимъ, въ своемъ свѣжемъ бѣлѣ и свѣтлой лѣтней одеждѣ.

— Папа, посмотри кого я тебѣ привелъ! молвилъ Вася, подходя къ нему и осторожно обнимая его.

Онъ меня тотчасъ же узналъ, улыбнулся,—не какъ тогда, въ саду,—улыбнулся какъ всѣ люди, и приподнял, къ не малому моему удивленію, свою правую руку.

— Вы очень поправились съ тѣхъ поръ какъ я васъ не видалъ, сказалъ я, взявъ эту руку, которая далеко уже не была такая ледяная какъ тогда.

— Это еще не все! воскликнулъ радостно Вася, онъ заговорить сейчасъ!

Больной улыбнулся снова, губы его зашевелились, и онъ съ трудомъ, тихо и медленно, но такъ что я явственно могъ слышать, проговорилъ:

— Я очень радъ васъ видѣть...

— А я какъ радъ что вамъ лучше, Герасимъ Ивановичъ! васъ узнать нельзя!

Бася восторженно глядѣлъ на отца и на меня: мое непритворное удивленіе удостовѣряло его что состояніе больного действительно несомнѣнно къ лучшему.

Но самъ больной вѣрилъ ли своему выздоровленію, сознавалъ ли онъ это несомнѣнное *лучше*, которому такъ радовался его сынъ? Едва ли! Все та же унылая, безотрадная мысль, выраженіе которой такъ поразило меня при первой встрѣчѣ съ нимъ, горѣла все тѣмъ же неугасимымъ огнемъ въ глубокіхъ впадинахъ его глазъ; онъ усиленно старался улыбаться, а эти темные глаза въ то же время какъ будто говорили мнѣ: не вѣрь, я не вернусь къ жизни,—да и къ чему?...

„О, Боже мой, думалъ я, какой онъ несчастный, безконечно несчастный человекъ! И къ чему онъ такъ добивался *ее* любви, къ чему пугалъ *ее* этими непонятными „ласками“, отъ которыхъ она стыла какъ плита могильная“?

Я старался не глядѣть на Васю, словно онъ могъ отгадать что пробѣгло у меня въ мысли въ это время.

Ома Богдановичъ явился мнѣ на выручку. Онъ съ шумомъ влетѣлъ въ комнату, объявляя что комната моя готова и Керети тоже, и что самъ Французъ тутъ, и что онъ къ нему послалъ Булкенфресса, чтобы Французу одному скучно не было, и что племянникъ его, Герасимъ Ивановичъ, совсѣмъ молодецъ, и что все отлично вообще, и Ганнуса такъ славно умомъ прикинула, выведя Софью Михайловну изъ затрудненія и привезя насъ въ Богдановское, что онъ отблагодаритъ *ее* тѣмъ что на Успеніе дастъ всему сосѣдству балъ, на которомъ окончательно оправившійся Герасимъ Ивановичъ будетъ съ нимъ, Омой Богдановичемъ, „откалывать голака“. Весь этотъ добродушный вздоръ сопровождался, по обыкновенію, хохотомъ, бѣганьемъ взадъ и впередъ по комнатѣ, щекотаньемъ собесѣдниковъ своихъ подъ мышки и всѣмъ этимъ гамомъ который будто носилъ въ себѣ добрый помѣщикъ, какъ табатерку съ музыкой, и безъ котораго онъ жить не могъ, какъ рыба безъ воды.

— А *гарныя цапки* прислалъ я тебѣ? спросилъ онъ вдругъ Герасима Ивановича, держась подъ бока отъ смѣху и указывая на попавшую ему на столъ карикатуру, изображавшую французскаго короля Луи-Филиппа въ видѣ груши.

Больной нѣсколько разъ качнулъ утвердительно головой.

— Ну вотъ я радъ, и не скажу какъ радъ! Сласибо барону! Я ему все говорю: а чѣмъ бы это мнѣ моего недужаго утѣшить? А онъ говоритъ: картинки покажите ему, у меня ихъ интересная коллекція. Вотъ и прислалъ, тутъ еще не все, обѣщаль другую палку прислать.

Герасимъ Ивановичъ задвигался вдругъ тревожно въ своемъ креслѣ.

— Чтò, лапа? подбѣжалъ къ нему Васл.

Больной зашевелилъ губами.

— Не надо! прошепталъ онъ.

— Чего не надо, лапа?

Глаза указывали на эстампы лежавшіе на столѣ, рука нетерпѣливо двигалась сверху внизъ...

— Унести ихъ прочь?

— Да! да! съ напряженіемъ, довольно громко произнесъ больной.

Ома Богдановичъ, открывъ ротъ, съ изумленіемъ глядѣлъ на эту сцену: онъ ничего не понималъ.

Вася съ замѣшательствомъ взглянулъ на дядю.

— Ему довольно, объяснилъ онъ,—онъ утомляется...

— А утомляется, такъ и не надо! воскликнулъ совершенно удовлетворенный Ома Богдановичъ,—Борисъ, бери это все, неси къ своему Французу, пусть подивуется на своего короля, какая изъ него здоровая дуля вышла.... А можетъ, онъ обидится? спросилъ онъ меня,—такъ ты ему не показывай!

— Нѣтъ, смѣясь отвѣчалъ я, собирая эстампы,—ему это, напротивъ, очень понравится; онъ Луи-Филиппа терпѣть не можетъ.

— О! скажите на милость, своего короля терпѣть не можетъ! И Ома Богдановичъ приподнялъ плечи съ негодованіемъ.— Я же вотъ правду всегда говорю что Французы самый лядящій народъ!... Ну до свиданія! А гдѣ обѣдать будешь? спросилъ онъ меня.

Вася послѣшшилъ сообщить мнѣ что онъ обѣдаетъ съ отцомъ въ его комнатѣ. Я отвѣчалъ Омѣ Богдановичу что если Герасимъ Ивановичъ позволить, то и я буду обѣдать съ ними.

— Да, да, закивалъ утвердительно больной.

— Ну и славно, ну и хорошо! Встроемъ и будете! Собирай цапки, Борисъ, ходимъ до твоего Француза!

Въ отведенномъ намъ покоѣ мы застали Максимыча, уже успѣвшаго разобрать и разложить наше добро по шка-

ламъ и столамъ, и Керети, весело болтавшаго съ пріятелемъ своимъ Булкенфрессомъ. Приходъ Омы Богдановича, привезенныя мною каррикатуры еще увеличили эту веселость. Музыкантъ въ глаза подымалъ на смѣхъ своего *Gutsbesitzer'a* какъ называлъ онъ Ому Богдановича, который въ простодушіи своемъ и допустить не могъ что онъ служить посмѣшищемъ человѣку живущему у него на хлѣбахъ. Ома Богдановичъ плохо разумѣлъ по-французски, а объяснялся еще хуже, изъ этого происстекали презабавныя недоразумѣнія, выходившія еще смѣхотворяще въ переводѣ ихъ Булкенфрессомъ Керети, который только рукой отмахивался, повторяя: *Mais finissez donc, vous allez me faire péirre de rire!* Онъ наконецъ замѣтилъ по моимъ глазамъ что ему неприлично принимать участіе въ этомъ шутствѣ, оскорбительномъ для человѣка подъ кровомъ котораго мы находились.

— *Voilà, finissez donc pour de bon!* сказалъ онъ музыканту, — *vous devenez inconvenant!*

Булкенфрессъ глянулъ на меня изъ-подъ очковъ, сжалъ губы и смолкъ. А добрѣйшій хозяинъ, трепля его по плечу, поощрялъ его:

— Ай да Нѣмецъ, — потѣшилъ! Съ нимъ со скуки не помрешь! *Pas mourir triste avec lui!* пояснилъ онъ Керети.

— *Non, monsieur, non, jamais,* отвѣчалъ ему тотъ, отворачиваясь чтобы не расхохотаться снова.

Ома Богдановичъ ушелъ, а за нимъ Булкенфрессъ увелъ къ себѣ моего гувернера.

— Безпокойно имъ будетъ здѣсь, кивая во слѣдъ Керети головой, сказалъ мнѣ Максимычъ, едва остались мы съ нимъ вдвоемъ.

— А почему ты думаешь?

— Сами видите, окна-то куда выходятъ. Здѣсь по вечерамъ ласы да плясы, въ самой этой залѣ, значить, индѣ до лѣтуховъ; говорятъ, иной разъ всякая тутъ музыка бываетъ, поютъ и играютъ, — вотъ этотъ самый музыкантъ исполняетъ, а съ нимъ и вся офицерія здѣшняя. Гдѣ же больному покой себѣ имѣть! Да и вамъ самимъ, Борисъ Михайловичъ, не знаю какъ спать-то вамъ будетъ здѣсь.

— Э! еще какъ спать буду, Максимычъ!

— Ну, глядите, чтобы мнѣ завтра одѣяла съ васъ не тащить. Не ожидаю я здѣсь большаго покоя ни для кого, то-есть, примолвилъ мой дядька, морщась и шевеля плечами, что

всегда означало въ немъ крайнее неудовольствіе.—Содомъ, какъ есть содомъ! подтвердилъ онъ, значительно взглянувъ на меня,—поживите, сами увидите, а не увидите, такъ это, значить, для васъ еще лучше.

„Максимиычъ, подумалъ я, вѣрно что-нибудь слышалъ про этого противнаго барона и про....“ Но мнѣ стыдно было спрашивать моего старика, и я снова отправился къ Васѣ. „Когда я ее увижу, непременно замѣчу, въ перчаткахъ она или нѣтъ“, общалъ я себѣ, припоминая олять то что разказывала вчера Анна Васильевна матушкѣ.

XIII.

Герасимъ Ивановичъ спалъ въ своемъ креслѣ. „Анна Васильевна только-что къ нему заходила, сказалъ мнѣ Вася, и ушла къ дочери.“ Вася повелъ меня въ свой пріютъ, какъ онъ называлъ очень милую съ ковромъ комнатку, въ которой когда-то спала Галечка, переведенная телерь, по случаю пріѣзда Лубянскихъ, въ другую часть того же этажа. Онъ передалъ мнѣ что отецъ его обыкновенно засыпаетъ по нѣскольку разъ въ день, за то ночи проводитъ почти безъ сна, сидя одинъ, въ потьмахъ, у открытаго окна. „Онъ сердится, говорилъ Вася, когда Савелій или я входимъ къ нему въ это время. Но вѣдь нельзя же оставить его совсѣмъ одного, и мы поэтому чередуемся съ Савеліемъ и еще другимъ человѣкомъ, который при папа. Я дежурю въ своей комнатѣ отъ девяти часовъ до двѣнадцати, потомъ приходитъ мнѣ на смѣну Савелій и сидитъ здѣсь до двухъ, а потомъ тотъ человѣкъ до зари; на зарѣ папа всегда заснетъ, и это его лучший сонъ.

— И это все ты такъ устроилъ? спросилъ я.

— А то кто же? отвѣчалъ онъ улыбаясь.

— Нѣтъ, я думалъ.... твоя мама....

— Мама.... да.... пробормоталъ Вася, и онъ торопливо провелъ рукой по лицу.—Она обыкновенно приходитъ сюда утромъ, послѣ завтрака....

— Ты только тогда ее и видишь?

— Она живетъ тамъ, въ лавильонѣ, Вася указалъ въ окно, по направленію сада,—общаетъ она внизу со всѣми, а я здѣсь, и вечеромъ также здѣсь; внизъ я почти никогда не схожу....

А много ты стиховъ сочинилъ за все это время? спросилъ онъ меня вдругъ, очевидно желая заговорить о другомъ.

— Нѣтъ, я ничего не сочинялъ, такъ скучно было. Мнѣ очень хотѣлось тебя видѣть, Вася.

— Спасибо тебѣ, Боря, ты добрый. Со мною не весело, какъ съ другими, я это знаю, а вотъ ты полюбилъ меня...

— И еще какъ! Мнѣ кажется что я съ тобой друженъ отъ самой колыбели. Отчего это такъ бываетъ что сразу увидишь, и вдругъ полюбишь?

Вася улыбнулся.

— Пословица говоритъ: рыбакъ рыбака видитъ издалека. Ну и хорошіе люди тоже, должно-быть, узнаютъ другъ друга...

— А развѣ хорошій человекъ, прервалъ я его,—непремѣнно долженъ полюбить такого же хорошаго? Развѣ такъ не можетъ случиться что просто полюбишь, самъ не зная за что?

— И что тогда? спросилъ неожиданно Вася.

— Что? не знаю.... промовилъ я, озадаченный такимъ вопросомъ.

— Я думаю, сказалъ онъ, съ внезапнымъ волненіемъ въ голосъ,—что отъ этого можетъ произойти много нехорошаго....

— Отчего нехорошаго, Вася?

— Надо имѣть волю надъ собой, продолжалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ мой, — прежде чѣмъ полюбить, надо знать что дѣлаешь....

— Да развѣ можно сказать себѣ: вотъ этого я люблю, а вотъ этого нѣтъ? опровергалъ я его.—Это невольно дѣлается.

Вася помолчалъ.

— А какъ бы ты поступилъ въ такомъ случаѣ, на примѣръ? молвилъ онъ затѣмъ, пристально глядя на меня своими большими, темно-синими глазами:—мы вотъ такъ съ тобой, положимъ, подружались, что любимъ другъ друга какъ братья. И вотъ ты встрѣчаешь другаго мальчика который тебѣ вдругъ понравится. Я, твой другъ, это вижу. И не я, а положимъ отецъ твой и мать, которые гораздо для тебя дороже, видятъ это и говорятъ тебѣ: Боря, тотъ кто тебѣ нравится не стоить чтобы ты его любилъ, но еслибъ онъ и стоилъ, знай что если ты его полюбишь, мы будемъ несчастливы, очень, на вѣки несчастливы! Говори, что бы ты сдѣлалъ тогда?

— Я постарался бы не полюбить его, Вася; уходилъ бы отъ него, стараюсь бы его забыть....

— А! вотъ видишь, вотъ видишь! прервалъ меня съ торжествомъ Вася.—Ты бы не захотѣлъ видѣть несчастными близкихъ тебѣ и постарался бы заглушить въ себѣ то чувство отъ котораго могло бы придти это несчастіе? Такъ вѣдь, такъ?

— Такъ, Вася, но заглушить, какъ ты говоришь, мое чувство, не думать о немъ, я не знаю, успѣлъ ли бы я.

— Успѣлъ бы, еслибы захотѣлъ, лишь была бы твердая воля. А главное то что ты бы поступилъ такъ какъ тебѣ слѣдовало, какъ тебѣ Богъ велѣлъ. Не правда ли?

— Конечно!

— Ты былъ бы самъ, можетъ-быть, немножко несчастливъ, за то спасъ бы отъ большаго несчастія тѣхъ кто тебѣ долженъ быть всего дороже на свѣтѣ!...

Я не отвѣчалъ Васѣ и молча глядѣлъ на него. Мнѣ вдругъ сдѣлалось очень, очень тяжело на сердцѣ. Я хорошо понималъ о чемъ, о комъ онъ думалъ, говоря о „большомъ несчастіи“...

Самъ онъ съ мигающими глазами всталъ, откинулъ обѣими руками назадъ свои длинные волосы, заглянулъ въ комнату отца и возвращаясь на мѣсто:

— Такъ вотъ видишь, Борисъ, сказалъ онъ, улыбаясь,—что ты, можетъ-быть, очень неосторожно поступилъ, полюбивъ меня такъ сразу, „самъ не зная за что“. Можетъ-быть я совсѣмъ недостоинъ чтобы ты меня любилъ?...

— Нѣтъ, пожалуйста не говори ты мнѣ этого! воскликнулъ я, кидаясь обнимать его.—Я знаю какой ты отличный!...

— И ошибаешься! сказалъ онъ, — совсѣмъ не „отличный“! Развѣ такіе должны быть отличные люди?.. Я прощать не умѣю, неожиданно, глухо примолвилъ онъ.

Слова эти какъ бы противъ его воли сорвались у него съ языка; онъ вдругъ поблѣднѣлъ, опустилъ голову и принялся искать чего-то глазами на коврѣ.

Я задумался тоже: мнѣ не случалось до сихъ поръ слышать подобныя рѣчи, онъ поражали меня, и тоскливо, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы унижая меня своимъ превосходствомъ надъ моими мелкими, ребяческими ощущеніями, звучало для меня это скорбное, зрѣлое чувство....

— Ты совсѣмъ какъ *большой* выражаешься, Вася, сказалъ я ему подъ этимъ впечатлѣніемъ.

Онъ поднялъ голову и усмѣхнулся.

— Да я и не маленькій, отвѣчалъ онъ; мнѣ на дняхъ шест-

надцать лѣтъ минеть, я совсѣмъ не почитаю себя за ребенка.

— Вотъ и мнѣ шестнадцатый годъ, только я самъ чувствую что я предъ тобою какъ малое дитя....

— А у тебя развѣ это есть на рукахъ? отвѣчалъ мнѣ онъ, указывая на комнату изъ которой довольно явственно слышался хралъ его спящаго отца. Ты счастливъ, оттого ты и дитя, Борисъ,—дай Богъ тебѣ никогда не знать....

Онъ не доковчилъ, прошелся еще разъ по комнатѣ и сѣлъ прямо противъ меня.

— Послушай, сказалъ онъ, взявъ меня за обѣ руки.—Я теперь безъ шутокъ говорю тебѣ: не привязывайся ты очень ко мнѣ.

— Ты не хочешь! чуть не плача вскрикнулъ я.

— Шш.... лапа разбудишь! Я радъ напротивъ, я тебѣ благодаренъ, и не пустое слово я говорю тебѣ этимъ. У меня до сихъ поръ не было ни единого друга, товарища, даже просто сверстника, съ которымъ я бы могъ поговорить, обмѣняться мыслью. А вѣчно, вѣчно быть одному, вѣчно носить свою мысль въ себѣ—ты не знаешь какъ это бываетъ иногда тяжело, Борисъ. Но стыдно только о себѣ думать. Я уже говорю тебѣ, со мною не весело, отъ меня не жди того же что отъ Саша Рындина или отъ другихъ твоихъ товарищей; ты самъ видѣлъ, я никакихъ игръ не знаю. У меня какія забавы— всѣ тутъ вотъ. Тебѣ это или наскучить, Боря, и ты станешь отдаляться отъ меня, а это мнѣ будетъ больно, потому что я привяжусь къ тебѣ, — или....

— Или что? нетерпѣливо допрашивалъ я, видя что онъ какъ бы не рѣшается договаривать.

— Или самъ ты перемѣнишься, Борисъ....

Онъ пожалъ мнѣ руки и съ какою-то родительскою нѣжностью взглянулъ мнѣ въ лицо.

— Ты вернешься домой не тотъ, какимъ сюда пріѣхалъ.... А что скажетъ на это твоя мать?

— Развѣ я ее меньше буду любить оттого что сдѣлаюсь твоимъ другомъ!

— Боже сохрани! возразилъ живо Вася.—Но если ты желаешь быть мнѣ искреннимъ другомъ, ты захочешь понимать меня, думать заодно со мною, ты станешь размышлять, ты увидишь можетъ-быть, ты узнаешь многое отъ чего ты будешь страдать и оскорбляться, и перестанешь быть тѣмъ чѣмъ ты былъ до сихъ поръ, потому что я знаю, тетюшка Анна

Васильевна мнѣ еще сейчасъ говорила, у тебя сострадательное сердце и не глупая головушка. Къ чему же тебѣ страдать чужимъ горемъ? Да къ чему тебѣ и знать.... Ахъ, Борисъ, право, заключилъ страшный мальчикъ,—напрасно, напрасно оглустили тебя сюда!

— Нѣтъ, не напрасно! возражалъ я,—потому что горе вдвоемъ легче сносить, это всѣмъ извѣстно. Ну, я и возьму половину твоего горя!..

— О, о, какой ты отважный! улыбнулся Вася,—только горю моему не поможетъ то что ты, бѣлый голубокъ, замараешь въ немъ крылья.

Мрачное, почти злое выраженіе исказило мгновенно лицо Васи. Я никогда бы не повѣрилъ что оно могло быть способно на такое выраженіе. Тутъ только понялъ я что хотѣлъ онъ сказать, говоря что не умѣетъ прощать....

— Онъ думаетъ что у меня бѣлые крылья, а я, я.... И почти съ ужасомъ вспомнилъ я въ эту минуту смущеніе какое производила во мнѣ красота его матери....

Герасимъ Ивановичъ все не просыпался, и мы проговорили съ Васей вплоть до самаго обѣда. Онъ разказалъ мнѣ какъ, почти тому три года, пораженъ былъ ударомъ его отецъ. Это было зимой въ Петербургѣ. Васѣ шелъ тринадцатый годъ. Отецъ очень занимался имъ, самъ давалъ ему уроки. Комната его была смежна съ кабинетомъ Герасима Ивановича. Однажды вечеромъ отецъ его и мать уѣхали куда-то на балъ. Вася легъ въ постель, но долго уснуть не могъ: онъ съ вечера готовилъ математическую задачу на завтра и такъ и легъ, не добившись рѣшенія ея,—это его мучило и мѣшало спать. Вдругъ онъ услышалъ шумъ отворяющейся двери въ кабинетъ и чье-то голоса. Хорошо, ступай! говорилъ его отецъ. Дверь опять затворилась. Кто-то скорыми шагами зашагалъ по коврамъ.— Ты вернулся, лапа? спросилъ Вася изъ своей комнаты. Отвѣта не было. Черезъ нѣсколько времени мальчикъ опять рѣшился спросить: Пала, это ты? Но тутъ произошло что-то ужасное: какой-то грохотъ и хрипъ, отъ чего я весь оледѣнѣлъ, говорилъ Вася, и думалъ что умираю. Наконецъ онъ вскочилъ и кинулся въ кабинетъ. Одна свѣча горѣла тамъ на каминѣ, и Вася съ перваго раза не могъ понять что случилось. Отца его не было! Только оглядѣвшись увидѣлъ онъ его въ дальнемъ углу, за письменнымъ столомъ. Бѣдный отецъ его лежалъ на полу недвижно, и густая, темная кровь текла у него

по щекѣ: онъ наткнулся падая на уголь тумбы съ какимъ-то бюстомъ, который вмѣстѣ съ нимъ и повалился. Отчаянный крикъ мальчика поднялъ весь домъ на ноги. Бросились за докторомъ; къ счастью, онъ жилъ не далеко и былъ дома. А то Савелій самъ, ремесломъ фельдшеръ, непременно хотѣлъ лустить кровь своему барину—и убилъ бы его на мѣстѣ, объясняя Васѣ прибѣжавшій докторъ, который объявилъ что это нервный ударъ.—Пала перенесли на диванъ, продолжалъ Вася, стали вокругъ него возиться.... Я и разказать тебѣ не могу что со мною тутъ было, я ничего не видѣлъ, не слышалъ.... Помню только что я кидался, рыдая, къ людямъ и умолялъ: мамашу, мамашу скорѣе! За нею поѣхали....

— Какъ она испугалась, я думаю! сказалъ я.

— Да.... Я помню, какъ она вошла въ комнату, вся въ цвѣтахъ, жемчуги на шеѣ, въ такомъ прекрасномъ розовомъ платьѣ, взглянула на палу и вскрикнула....

— Она очень плакала, Вася?...

Онъ моргнулъ глазами и медленно проговорилъ:

— Она упала на стулъ и сказала: этого еще не доставало!...

Потомъ расплакалась....

— Ей должно-быть было это очень больно, повѣрь, Вася!

— Я и вѣрю! отвѣчалъ онъ, строго взглянувъ на меня своимъ не дѣтскимъ взглядомъ.

— Вы послѣ этого уѣхали за границу? послѣшилъ я его спросить.

— Да, переезжали изъ города въ городъ, долго жили въ Гейдельбергѣ, въ Боннѣ, потомъ въ Швейцаріи. Медленно поправлялся пала. Ужасно то что сознаніе очень скоро въ немъ вернулось, а бѣдное его тѣло все оставалось мертвымъ. Я очень скоро сталъ понимать его по глазамъ, ты самъ видишь какіе они у него живые, говорящіе.... Какъ ему надоѣдали доктора, еслибы ты зналъ! Ты вообрази, въ каждомъ городѣ новыя лица, новыя консультаціи — и все при немъ, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ мертвый. Сколько разъ я просилъ ихъ, говорилъ имъ что онъ все слышитъ и понимаетъ. Они улыбались, не вѣрили, пошелчутъ между собой, а потомъ опять начнутъ громко.... И чего-чего они ему не предписывали! При маме онъ принималъ ихъ лѣкарства, а нѣтъ ея, онъ велитъ вылить стклянку за окно. Наконецъ въ Вѣнѣ, одинъ старикъ докторъ, очень добрый человѣкъ, очень полюбившій насъ съ палой, сказалъ напрямикъ что никакихъ лѣкарствъ не нужно,

что выѣхать его могутъ только три вещи, которыя онъ и просить папан не забываетъ, — взявъ перо и написалъ большими буквами, по-нѣмецки: время, чистый воздухъ и покой. Она тогда рѣшилась вернуться въ Россію, на Югъ, и мы поѣхали прямо изъ Вѣны въ К., посоветоваться еще съ тамошними медиками. Они сказали папан что совершенно согласны съ рецептомъ вѣнскаго ихъ собрата. Въ К. мы застали дядю Рындина и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали сюда.

— И въ самомъ дѣлѣ, какъ поправился отецъ твой здѣсь. Въ три недѣли, а какъ уже замѣтно!

Лицо Васи тотчасъ же повеселѣло и онъ сообщилъ мнѣ что на дняхъ посѣтилъ больнаго докторъ изъ штаба генерала Рындина, видѣвшій его въ К.; онъ былъ пораженъ замѣчною имъ переменой къ лучшему и очень обнадеживалъ Васю.

— Я и самъ это вижу, говорилъ онъ. — Ахъ! примолвилъ онъ вдругъ, еслибы только папа согласился не сидѣть вѣчно у этого окна.

— Не все ли равно гдѣ ему сидѣть, лишь бы воздуху ему побольше?

Вася не отвѣчалъ, и я только потому сообразилъ что окно о которомъ онъ говорилъ выходило прямо насупротивъ лавильйона занимаемаго Любовъ Петровной.

— Ты однако продолжалъ учиться за границей, Вася? допрашивалъ я его. — Только по-русски кто же могъ тебя тамъ учить?

— Никто. Самъ я старался не забыть, много читалъ, мама выписывала мнѣ русскія книги. А по остальному меня готовилъ къ гимназіи учитель, котораго ко мнѣ взяли въ Боннѣ, теологъ тамошняго университета, очень ученый; онъ съ нами ѣздилъ, только заболѣлъ въ Вѣнѣ и тамъ остался. Я надѣюсь, онъ пріѣдетъ скоро сюда, а то одному мнѣ услѣвать гораздо труднѣе. А что мнѣ другое дѣлать, примолвилъ онъ слегка вздохнувъ, — какъ не учиться, когда я перестану быть полезнымъ *ему*....

XIV.

Звонъ колокола надворѣ разбудилъ наконецъ больнаго. Онъ зашевелился, громко зѣвнулъ; мы тотчасъ же вошли къ нему.

— Ты крѣпко спалъ, папа, смѣялся Вася, — даже подушка вотъ у тебя съѣхала, а ты не замѣтилъ. Дай я оправлю....

Но отцу его чего-то другаго хотѣлось; онъ зашелтталъ, глядя на сына....

— Помоги, Борисъ, сказалъ Вася, подвезти кресло....

Мы подвезли его къ окну, къ *тому* окну,—и больной зорко принялся глядѣть въ него.

Павильономъ, въ которомъ жила Любовь Петровна, прозвано было *Омой* Богдановичемъ одноэтажное небольшое деревянное зданіе, пристроенное имъ, ни къ селу ни къ городу, къ одному изъ крыльевъ большаго Богдановскаго дома, съ которымъ оно сообщалось довольно длинною, на колонкахъ, а *жонг*, крытою галлереей. Это было что-то въ родѣ прихотливой петербургской дачи, красивой развѣ тѣмъ что она снизу и до самой крыши исчезала въ зелени. Дикій виноградъ, плющъ и лавлика широко и густо расплзались кругомъ, и поверхъ его росписныхъ ставней обвивали его тонкія, выточенныя лилыстры. Пользуція растенія были какъ бы спеціальностью Богдановскаго, — нигдѣ такъ хорошо не принимались они, не росли такъ роскошно и обильно.

Колоколь продолжалъ звонить къ обѣду—и вотъ за эту зеленую сѣтью плюща и винограда показался и точно понесся, точно влекомый тихимъ вѣтромъ по сквозной галлерей, очаровательный женскій обликъ, съ лунцовою лентой вокругъ стройнаго станна, съ огромнымъ букетомъ такихъ же лунцовыхъ розъ въ рукѣ.... Она прошла не взглянувъ въ нашу сторону и давно исчезла въ дверяхъ большаго дома, а онъ все еще глядѣлъ ей вслѣдъ съ какимъ-то невыразимымъ блаженствомъ и безконечною тоской въ говорящихъ глазахъ. Боже мой, какая сила любви жила въ этомъ „мертвомъ“ тѣлѣ, какъ выражался Вася!

Я отошелъ отъ окна....

— Каждый день вѣдь такъ! шепчуть мнѣ Савелій, уставлявшій тарелками столъ, на которомъ мы должны были обѣдать.—Только и есть у нихъ занятія, сидѣть у окна и ждать когда барыня пройдутъ....

Обѣдъ нашъ втроемъ прошелъ довольно весело: Вася старался занимать отца, разказывалъ ему какой-то эпизодъ изъ исторіи Украйны, только-что имъ вычитанный у Бантыша-Каменскаго, которымъ ссудилъ его *Ома* Богдановичъ; больной слушалъ его внимательно и съ видимымъ интересомъ, только иной разъ на какомъ-нибудь словѣ онъ морщилъ лобъ и легкимъ движеніемъ руки останавливалъ Васю: очевидно было что смыслъ этого слова исчезъ изъ его памяти и что онъ требовалъ повторить его или разяснить. Вася умѣлъ дѣлать это съ большимъ искусствомъ: онъ по глазамъ отца какъ будто

угадывалъ что именно надо было сказать чтобы навести его на понятіе о предметѣ названіе котораго не давалось ему. Понявъ, больной съ видимымъ удовольствіемъ кивалъ головой и олять двигалъ рукой, чтобы сынъ продолжалъ свой разказъ. Савелій, весьма словоохотливый старикъ, также вмѣшивался иногда въ разговоръ и снисходительно, какъ къ ребенку, обращался къ барину съ какимъ-нибудь своимъ объясненіемъ, всегда вызывавшимъ улыбку Васи и даже самого больного. Савелій былъ столь же веселаго нрава сколько нашъ Максимычъ угрюмъ, и, какъ говорилъ мнѣ потомъ Вася, въ самыя трудныя минуты болѣзни Герасима Ивановича, умѣлъ всѣхъ ободрять и утѣшать своимъ никогда не унывавшимъ расположеніемъ духа. Странно было видѣть рѣзкую разницу въ его обращеніи съ отцомъ и сыномъ: къ первому онъ относился, какъ я уже сказалъ, какъ къ нѣжно любимому ребенку, котораго, для его же пользы, порой и пожуришь не мѣшаетъ; къ Васѣ же исполненъ былъ почительности, никогда не шутилъ съ нимъ и, что говорится, глядѣлъ ему въ глаза, стараясь угадать его желанія.

Послѣ обѣда наступилъ часъ обычной прогулки Герасима Ивановича. Савелій со своимъ помощникомъ подняли больного на рукахъ, и на летучихъ носилкахъ спустили его по лѣстницѣ, внизу ждала его колясочка, и его покатали по аллеямъ сада. Мы отправились за нимъ съ Васей. Въ саду никого не было, всѣ еще обѣдали. Тихо шелестилъ вѣтеръ въ верхушкамъ тополей и урывками пробѣгалъ по кустамъ, словно испуганная векша. Прохладны были темныя аллеи, пахучъ воздухъ, напоенный свѣжимъ запахомъ ближняго сѣнокоса. Колясочка больного остановилась у цвѣтника, и Савелій принялся олять набирать цвѣтовъ для барина, а мы съ Васей ушли далеко, туда гдѣ уже кончался садъ, а начинался ивнякъ, да раkitникъ, да высокій очеретъ, подымавшійся изъ тихой глади озера—пріютъ чирятъ и всякой водяной дичи, стадами взлетающей надъ нимъ при нашемъ приближеніи. Мы долго гуляли по этой зеленой пустынѣ, Богъ знаетъ какъ, казалось, отдаленной отъ всякаго людскаго жилища.—Мы точно на Робинзоновомъ островѣ, говорилъ я Васѣ, и мы лерекидывались шутками. Онъ дразнилъ меня и увѣрялъ что я тамъ умеръ бы съ голода, не умѣлъ бы даже разбить кокосовый орѣхъ, чтобы добыть оттуда молоко, потому что я „нѣженка“ и „маменькинъ сынокъ“; я утверждалъ что дикіе непременно его бы съѣли, потому что онъ не умѣетъ стрѣлять изъ ружья, между тѣмъ какъ я уже три галки

на своемъ вѣку убилъ. Вася расхохотался вдругъ громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, который былъ необыкновенно обаятеленъ въ немъ; невѣсть какую глупость готовъ бы былъ, кажется, придумать, только чтобы заставить его такъ разсмѣяться.

— А знаешь, сказалъ я,—будь здѣсь Сапа Рындинъ, онъ непремѣнно бы надсмѣялся надъ нами, сказалъ бы что мы *бабы* и умѣемъ заниматься только *невинными разговорами*....

— Сапа мудрецъ, сказалъ въ свою очередь Вася.

— Это почему?

— А потому что онъ все кулакомъ рѣшаетъ,—легче, думать не нужно!

— Да, отвѣчалъ я,—Петя Золоторенко не даромъ говорить что думать труднѣе чѣмъ даже зайца за хвостъ поймать. Пріятель мой опять расхохотался, къ величайшему моему удовольствію....

Вернувшись къ двѣтнику, мы застали еще тамъ Герасима Ивановича; онъ былъ не одинъ. На скамьѣ, противъ его калясоочки, сидѣлъ майоръ Гольдманъ, по прозванію „командоръ“, и разговаривалъ съ нимъ при помощи Савелія. Оказывалось что этотъ сумрачный господинъ очень благоволилъ къ Дубянскимъ, отцу и сыну, и каждый день приходилъ послѣ обѣда къ этому мѣсту, гдѣ зналъ что найдетъ Герасима Ивановича. Разговоры его съ нимъ были не многосложны: онъ справлялся о здоровьи больного, потомъ говорилъ о погодѣ и жаловался на своего вахмистра, но больной привыкъ къ нему, и его бесѣда съ командоромъ доставляла Васѣ каждый день часа два свободныхъ, которыми онъ пользовался для одинокихъ прогулокъ „на вольной своей волюшкѣ“. Онъ не любилъ и избѣгалъ встрѣчъ съ вѣчнымъ обществомъ гостей, безъ которыхъ Ома Богдановичъ не могъ обойтись ни единого дня и которыхъ онъ, вѣчная суета, не способный самъ посидѣть ни минуты на одномъ мѣстѣ, повсюду таскалъ за собой и забалтывалъ до обморока, какъ насмѣшливо и презрительно выражался о немъ отецъ мой.

Командоръ сидѣлъ на скамьѣ и съ какимъ-то ожесточеніемъ курилъ свою трубку.

— Здравствуйте, ротмистръ, сказалъ ему Вася, подходя.

— Не ротмистръ,—майоръ, поправилъ его тотъ.

— Ахъ, да, вы произведены, я слышалъ—поздравляю, молвилъ и я, здороваясь съ нимъ.

— У-вз-жаеть, проговорилъ Герасимъ Ивановичъ, глядя на сына.

— Это очень жаль, сказалъ Вася,—пала будетъ скучать безъ васъ.

— Я самъ... промычалъ майоръ, пуская клубъ дыма изъ-подъ усовъ.

— И скоро ѣдете!

— Давно пора, да вотъ.... Онъ не договорилъ.

— А вмѣсто васъ эскадромъ будетъ командовать....

Я также не договорилъ и покраснѣлъ: мнѣ внезапно представилось что майоръ сейчасъ же спроситъ, откуда я это знаю, и что затѣмъ, уже „de fil en aiguille“, всѣмъ сдѣлается извѣстнымъ что я вчера подслушивалъ.

Но майоръ прямо отвѣчалъ на то что онъ лочиталъ вопросомъ:

— Штабъ-ротмистръ баронъ Фельзенъ.

— Такъ онъ остается здѣсь? проговорилъ Вася, видимо избывая глядѣть на отца и на меня.

„И зачѣмъ это вздумалось мнѣ напомнить! упрекалъ я себя внутренно,—развѣ я не понимаю что не надо произносить имя этого человѣка предъ бѣднымъ Герасимомъ Ивановичемъ!...“

— Да, отвѣчалъ Вася командоръ, и какъ бы съ злорадствомъ примолвилъ: — повозится не долго!...

— А почему такъ? не могъ я удержаться спросить.

— Въ гвардію вернуть, угрюмо и нехотя пропустилъ онъ сквозь новое облако дыма.

— Ну, и прекрасно, пусть отправляется отсюда скорѣе! воскликнулъ я и съ торжествомъ поглядѣлъ на Васю.

— Прокатиться бы вамъ еще маленечко, Герасимъ Ивановичъ? спросилъ въ то же время Савелій и, не ожидая отвѣта, взялся за ручки. Калясочка двинулась, и Вася пошелъ вслѣдъ за нею.

Длинный майоръ поднялся со скамьи.

— Вы куда? спросилъ я его. Я былъ очень сконфуженъ и чувствовалъ что мнѣ будетъ неловко съ Васей.

— Мы пошли съ командоромъ по направленію дома.

— Отчего это, скажите мнѣ, баронъ этотъ, Фельзенъ, спросилъ я его,—ходить въ красной фуражкѣ? Какая эта форма?

— Собственная, отвѣчалъ майоръ и, какъ видно, полагая что сказалъ вещь очень забавную, принялся глухо и отрывисто смѣяться. Это было въ немъ такъ необыкновенно что я поглядѣлъ на него, думая что онъ не смѣется, а капляеть.

— Онъ мнѣ не нравится! объявилъ я и самъ удивился къ чему это сказалъ.

— Кто это?

— А вашъ баронъ.

— Не мой, можете себѣ взять! фыркнулъ майоръ,—точь въ точь тетушка Фелисата Борисовна.

— Онъ давно у васъ въ полку?

— Четыре мѣсяца. На каждый изъ моихъ вопросовъ отвѣтъ майора заставлялъ себя ждать невыносимо долго. Но я упорствовалъ.

— Онъ изъ Петербурга переведенъ?

— Съ Кавказа.

— А что онъ тамъ дѣлалъ?

— Разжалованъ былъ въ солдаты.

— Въ солдаты!

Мнѣ показалось это ужаснымъ.

— Вѣдь солдатъ бьютъ! воскликнулъ я, съ отвращеніемъ думая что такой „солдатъ“ могъ полюбить такую „волшебную красотъ“ какъ Любовь Петровна.

— Бьютъ, хладнокровно отвѣчала тѣмъ временемъ командоръ.

— Такъ вѣдь и его могли?...

— Нѣтъ, дворяне не подлежатъ...

Майоръ остановился посреди аллеи, вперивъ въ меня свои неподвижные круглые глаза.

— Что это вамъ вздумалось? спросилъ онъ, вздергивая усы свои кверху, и вдругъ опять засмѣялся, но уже такъ что можно было подумать что онъ давится.

— Какъ же онъ вдругъ опять сдѣлался штабъ-ротмистромъ?

— За отличіе въ экспедиціи вернули чинъ по арміи.

— Такъ это правда что онъ очень храбрый?

— Должно-быть, отрѣзалъ командоръ.

— Только онъ, кажется, очень много думаетъ о себѣ, заговорилъ я опять. Мнѣ страстно желалось чтобы командоръ сказалъ что-нибудь дурное про Фельзена.

— Извѣстно—гвардеецъ! сказала онъ только.

— А развѣ гвардейцы всѣ такіе?

— Аристократы,—не нашъ братъ, армейщина темная.

Майоръ опять остановился, вытащилъ изъ кармана кисеть съ табакомъ, набилъ трубку и принялся курить съ новымъ ожесточеніемъ.

— Онъ вѣдь Нѣмецъ? принялся я опять допрашивать.

— Кто?

— Да онъ же, этотъ баронъ.

— Изъ Курляндіи.

— А вы откуда, майоръ?

— Изъ Костромской губерніи.

— Такъ вы не Нѣмецъ?

— Такой же Нѣмецъ какъ вы Жидъ! фыркнулъ онъ снова.

— Я очень радъ этому, сказалъ я.

— Чему вы рады?

— Что вы не землякъ этому господину.

— А чѣмъ онъ васъ обидѣлъ?

Я ужасно сконфузился и разсердился на этого пучеглазого верзилу.

— Поздравляю васъ если вы его любите! откололъ я ему „въ пику“, какъ выражалась Настя, и замедлил шагомъ, чтобъ отстать и уйти отъ него.

— Чего мнѣ его любить? Отвѣчалъ онъ на ходу, не замѣчая моего маневра.—На то есть у него женскій полъ, пробурчалъ онъ.

Я его опять догналъ.

— А женскій полъ его очень любить, скажите? приставалъ я къ майору.

— Должно быть.

— Почему же должно-быть? Вѣдь не каждого же долженъ женскій полъ любить?

— Извѣстно, не каждого. Вотъ меня онъ уже пересталъ любить, а васъ еще не начиналъ, отвѣчалъ майоръ, изкоса смѣривъ меня взглядомъ.

— Почему же надо непременно чтобъ его любили? приста-
валъ я.

— Потому—все имѣеть: изъ себя видный, воспитанъ, на всякихъ языкахъ объясняться можетъ, всякую штуку видавъ, тянулъ майоръ, приостанавливаясь, на каждомъ словѣ.—А главное—ловокъ, шельмецъ, заключилъ онъ, вытряхивая на руку золу изъ своей потухшей трубки.

— И это по-вашему хорошо? воскликнулъ я съ негодованіемъ.

— Что хорошо?

— То что онъ.... „Не могу я однако сказать ему что этотъ противный баронъ хочетъ свести съ ума мать Васи!“ подумалъ я, и замолчалъ.

Майоръ пристально взглянулъ на меня и словно прочиталъ мысль мою на моемъ лицѣ.

— И не то еще бываетъ, молодой человекъ,—ничего съ этимъ не подѣлаешь!... А вы съ сынкомъ-то подружили? спросилъ онъ.

— Съ какимъ сынкомъ? спросилъ я, въ свою очередь нарочно.

— Ну, вотъ.... съ Лубянскимъ?

— Я его какъ брата люблю! воскликнулъ я.

— Вона! Майоръ усмѣхнулся.—А впрочемъ это къ чести вашей: мальчикъ достойнѣйшій. А затѣмъ мое почтеніе!

Онъ приподнял фуражку и исчезъ за калиткой сада, за которою проходила дорога на село.

XV.

Я остался одинъ, недовольный собою, недовольный и тѣмъ какъ отзывался командоръ о „моемъ съ Васей врагѣ“. Командоръ его самъ не любить, не скрываетъ этого, а между тѣмъ говорить что женщины должны его любить, что онъ имѣетъ все чтобъ имъ нравиться. „И ничего съ этимъ не подѣлаешь“, говорилъ онъ.—Мать Васи, значитъ, должна, не можетъ его не полюбить, этого дерзкаго Нѣмца, который смѣлъ мнѣ тогда прямо въ лицо сказать что я самъ „влюбленъ“ въ нее!.. О, это ужасно!... Правду говорила вчера Анна Васильевна: она несчастная женщина! говорилъ я себѣ вздыхая, а онъ... Но тутъ же во всемъ очарованіи своемъ представилась мнѣ Любовь Петровна, такъ какъ я видѣлъ ее два часа тому назадъ, проходящую по галлерей, въ бѣломъ платьѣ, съ букетомъ яркихъ розъ въ рукѣ... Нѣтъ счастья въ его на свѣтѣ! подумалъ я и, олутивъ голову, пошелъ прямо по аллеѣ, безъ цѣли и съ какою-то разомъ охватившею меня тоской.

Аллея привела меня къ террасѣ, а на террасѣ сидѣли всѣ: и она въ своемъ бѣломъ платьѣ и пунцовыхъ лентахъ, и Анна Васильевна съ мужемъ, и Галечка за самоваромъ, и Фельзенъ, и еще разные офицеры и дамы. Я такъ и обомлѣлъ.

Миусъ Пинкъ увидѣла меня первая.

— О, mister Boris, mister Boris! указывала она на меня смѣясь.

— А ходи-ко сюда, ходи! И Ома Богдановичъ кинулся ко мнѣ чтобъ я не ушелъ.

— Я и не знала что вы здѣсь,—сказала мнѣ, точно не

видала меня утромъ, Галечка, когда отецъ ея чуть не за шпиротъ притащилъ меня къ столу, на которомъ она разливала чай.

— А ты къ „губернаторшѣ“ не заходилъ съ почтениемъ? съ хохотомъ говорилъ Ома Богдановичъ, щекоча меня подъ мышку.

— Не удостоилъ, язвительно отвѣчала за меня Галечка.

— Я все былъ съ Васей, пробормотала я въ извиненіе.

— Et comment se porte monsieur mon fils? обратилась ко мнѣ Любовь Петровна, обмакивая сухарикъ въ чашку, которую держала въ рукѣ.

— Très bien, madame, отвѣчала я не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Онъ гуляетъ въ саду...

— Съ Герасимомъ Иванычемъ? договорила Анна Васильевна.

— Cela s'entend! промолвилъ, взглянувъ на Любовь Петровну, Фельзень.

— Тебѣ какое дѣло! онъ тысячу разъ лучше тебя! едва удержался я крикнуть ему, такъ противень онъ былъ мнѣ въ своей красной фуражкѣ, съ своею нахальною улыбкой.

— Vous disiez donc? кивнула ему Любовь Петровна, приглашая его продолжать прерванный моимъ появленіемъ разговоръ.

— Я ему и говорю, послушно началъ тотчасъ же Фельзень, — ничего изъ этого, любезный другъ, не выйдетъ. Отецъ ея никогда на это не согласится, онъ скорѣе лишитъ ея наслѣдства, а она слишкомъ умна чтобы выдти безъ приданого за человека живущаго однимъ жалованьемъ. — Мнѣ ея приданого не нужно, увѣрялъ онъ, а она на все будетъ согласна, я знаю, она меня любитъ. — Любить, пока дѣло не дойдетъ до жертвъ; повѣрь, я петербургскихъ барышень знаю!...

— Онъ тамъ не понимаютъ что такое значить настоящее чувство! хихикнула и тотчасъ же затѣмъ вздохнула одна изъ бывшихъ тутъ молодая, кругленькая и румяная барыня. — О, какъ вы правы! примолвила она, одобрительно взглянувъ на разказчика.

Онъ даже не повернулъ головы на ея одобреніе и продолжалъ, постукивая своими шпорами:

— Такъ и вышло. Онъ просилъ ея руки у отца, — тотъ отказалъ ему начисто и въ тотъ же день увезъ дочь въ Пятигорскъ. Онъ поскакалъ за ними. Было ли тамъ у него съ ней

свиданіе, и гдѣ, и какъ, и что сказала она ему—я не знаю. Я былъ уже въ то время въ Дагестанѣ. Но, къ сожалѣнію, по печальному исходу этой исторіи видно что онъ не достигъ желаемого. Въ экспедиціи получаю письмо, въ которомъ между прочимъ говорилось что Лучинцевъ, какъ я уже вамъ сказалъ, въ одно прекрасное утро застрѣлся...

— Ну, а она что послѣ этого? съ тревогой спросила румяная дама.

— А она послѣ этого, хладнокровно молвилъ Фельзенъ,— уѣхала съ отцомъ въ Петербургъ, и черезъ полгода, кажется, вышла замужъ за князя Телепнева. Мнѣ писали на дняхъ что она благополучно разрѣшилась третьимъ сынкомъ.

— Безстыдница! воскликнула дама.

— Ничего не безстыдница! отвѣчалъ онъ ей, все такъ же не глядя на нее. Бракъ княжны съ бѣднымъ Лучинцевымъ не принесъ бы счастья ни ему, ни ей.

— Отчего это, отчего, докажите! горячилась румяная дама, зарумянившаяся еще сильнѣе отъ волненія и, надо полагать, отъ досады за то что рѣшительно не глядѣлъ на нее провинціалку, этотъ курляндскій баронъ, который такъ хорошо знаетъ петербургскихъ барышень.

— А потому, доказывалъ курляндскій баронъ,— что это былъ бы неровный бракъ, то что справедливо называется une mésalliance.

— Потому что она знатна и богата, уже кричала его себе-сѣдница,— а онъ только умный, честный и благородный; вы не допускаете чтобы между ними могъ произойти союзъ сердець! Можетъ-быть это и такъ по вашимъ петербургскимъ понятіямъ!...

— Это по понятіямъ всего думающаго міра такъ, возразилъ Фельзенъ, — только не въ томъ.... Онъ видимо искалъ какъ бы это ей сказать помягче,— не въ томъ, конечно, казенномъ смыслѣ какой вы придаете моимъ словамъ. Здѣсь вопросъ не въ бѣдности и богатствѣ, знатности и незнатности, а въ томъ что дѣйствительно полный союзъ сердець, какъ вы изволили прекрасно выразиться, невозможенъ тамъ гдѣ нѣтъ между союзниками правильнаго созвучія, какъ въ музыкальномъ аккордѣ...

— Это уже что-то очень туманно, колко замѣтила на это дама, приподнявъ свои полныя плечи.

— Это всякому и не дается понять, сказалъ безцеремонно

баронъ Фельзенъ, тотчасъ же впрочемъ любезно примолвивъ:—но я говорю съ умными женщинами, которыя, смѣю надѣяться, не откажутся понимать, онъ слегка наклонилъ голову по направленію румяной дамы и тотчасъ же перевелъ глаза на Любовь Петровну, которая уныло слушала его, опершись прелестною головой на руку, и тихую улыбку отвѣчала на его взглядъ.

— Правильнаго созвучія, какъ я говорю,—продолжалъ онъ доказывать между тѣмъ,—не можетъ быть тамъ гдѣ инструменты не настроены по одному камертону, а слѣдовательно чѣмъ менѣе будетъ равенства въ условіяхъ представляемыхъ каждымъ изъ соединяющихся, тѣмъ натуральнѣе слѣдуетъ ожидать что аккордъ производимый ими будетъ нестерпимо фальшивъ. Вообразите себѣ, напримѣръ, дѣвushку хорошаго общества вышедшую замужъ за русскаго кулака бородача....

— Но вашъ Лучинцевъ, сами вы разказывали, былъ человѣкъ съ образованіемъ, а не *качанъ*, какъ называютъ у насъ вашихъ бородачей, возражала румяная барыня, прашуривая глазки, съ очевиднымъ намѣреніемъ изобразить на своемъ лицѣ что она дѣйствительно умная женщина.

— Да, но все же это не былъ мужъ для княжны Китти. Начиная уже съ того что онъ былъ человѣкъ средней руки, воспитанный первоначально на скудныхъ средствахъ, одолженный всѣмъ до чего онъ дошелъ одному себѣ....

— И вы это ему въ упрекъ ставите? Прелестно! воскликнула дама.

— Я ставлю ему это въ величайшую похвалу, еще спокойнѣе отвѣчалъ ей Фельзенъ,—и за это справедливая судьба наградила его по достоинству. Тридцати съ чѣмъ-то лѣтъ онъ уже былъ давно полковникомъ генеральнаго штаба, съ Георгіемъ, на отличномъ счету на Кавказѣ и въ Петербургѣ; ему несомнѣнно предтояла блестящая карьера.

— Такъ, позволь тебя спросить, однако, баронъ, вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ офицеровъ, однополчанъ его,—чѣмъ же не былъ лартія Лучинцевъ для этой княжны?

— А тѣмъ, любезный Трухачевъ, съ снисходительною улыбкой и легкимъ движеніемъ плеча отвѣчалъ ему тотъ,—что есть, какъ тебѣ извѣстно, городъ Петербургъ, а въ немъ, какъ вездѣ въ большихъ городахъ, извѣстное число лицъ составляющихъ такъ-называемый свѣтъ, общество, *le monde*,—называй какъ хочешь,—и что этотъ *мондъ* имѣетъ свои, произвольные

и своеобразные, законы, которыхъ мы съ тобой не передѣлаемъ. Въ силу этихъ законовъ, которые я, вмѣстѣ съ тобою, готовъ сейчасъ же назвать бессмысленными, безправными, безнравственными, все что хочешь, но которыми тѣмъ не менѣе всѣ подчиняются,—служебное положеніе Лучинцева, дослужись онъ хоть до военнаго министра, не давало бы ему еще права почитать себя *своимъ* въ томъ кругу къ которому княжна Китти принадлежала съ дѣтства. Введенный въ него своею женой, онъ долго былъ бы тамъ на положеніи

Беззаконной кометы
Среди разчисленныхъ свѣтилъ,

какъ сказалъ Лермонтовъ.

— Пушкинъ, скромно поправилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Все равно; я такъ часто слышалъ эти стихи отъ самого Лермонтова что думалъ они его. При такихъ условіяхъ Лучинцеву, а слѣдовательно за него и женѣ его пришлось бы на первыхъ порахъ выдержать отъ этихъ „свѣтилъ“ такъ много разныхъ, болѣе или менѣе чувствительныхъ, уколовъ и оскорбленій, что это одно служило бы съ перваго же начала препятствіемъ стройному аккорду изъ супружескаго счастья. Vous voyez que j'en reviens toujours à la musique, madame, добавилъ, смѣясь, Фельзенъ по адресу Любовь Петровны.

— Je vous approuve et vous pri erai à cette occasion de m'en faire plus tard, сказала она, внимательно и, какъ можно было замѣтить, одобрительно продолжая его слушать.

— Счастливыя мы съ вами, Дарья Павловва, что живемъ себѣ по простотѣ въ нашемъ степу и никогда того большаго круга надутыхъ пановъ не видали! обратилась полунасмѣшливо, полугрустно Анна Васильевна къ сосѣдкѣ своей, румяной дамѣ.

По лицу Галечки пробѣжало неудовольствіе: слова матери ей, очевидно, не понравились. Она еще ободрительнѣе и сочувственнѣе, чѣмъ Любовь Петровна, казалось, внимала разсужденіямъ господина барона фонъ-Фельзена.

— А я все же не пойму ей-Богу, отвѣтила Дарья Павловна,—на что имъ былъ бы нуженъ этотъ надутый свѣтъ и что имъ было бы глядѣть на него!

— Взаимная любовь такое блаженство, примолвила чувствительная дама, подымая глаза къ небу, на которомъ уже загорѣлась первая звѣздочка,—что она сбѣжитъ отъ людей, а не ищетъ ихъ!

— Совершенно справедливо! съ легкимъ поклономъ сказалъ ей на это Фельзенъ,—но тутъ-то именно, въ этомъ одиночествѣ вдвоемъ, изолированные отъ людей, они, еще болѣе чѣмъ живя въ обществѣ, должны были бы придти къ сознанию что „ихъ двое, а не пара“, какъ сказалъ кто-то.

— Ну извините, это уже басни! воскликнула по простотѣ, какъ выражалась Анна Васильевна, румяная и вспыльчивая Дарья Павловна.

Злобнымъ огнемъ сверкнули мгновенно глаза Фельзена, но онъ сдержался, погладилъ усы, и спокойно, улыбаясь, отвѣчалъ ей медово-сладкимъ голосомъ:

— Басни для тѣхъ кто никогда не имѣлъ случая изучать исторію....

— Mais continuez donc! капризно-повелительнымъ тономъ крикнула на него Любовь Петровна, стуча ложечкой по серебряному подносу, какъ бы для того чтобы Дарья Павловна не услѣла, въ свою очередь, сказать какую-нибудь колкость Фельзену.

Онъ продолжалъ:

— При этомъ безпрестанномъ соприкосновеніи двухъ натуръ, развившихся въ атмосферахъ совершенно различныхъ, должны были бы неизбежно происходить между ними непрестанныя недоразумѣнія, чтобы не сказать больше. На Кавказѣ, княжна Китти, подъ впечатлѣніемъ той дивной природы, чувства свободы, которою она тамъ относительно пользовалась, вдали отъ обычныхъ вліяній, могла увлечься Лучинцевымъ, его военною репутаціей, видѣть въ немъ героя, и дѣйствительно даже полюбить его. Онъ, понятно, любилъ ее страстно: это была первая такого рода женщина съ которою онъ встрѣчался... Но перенесенные на положительную почву Петербурга, женатые, для обоихъ ихъ декорация страшно перемѣнилась бы. Разность ихъ взглядовъ, вкусовъ, привычекъ,—замѣтите, привычекъ, такъ какъ въ жизни онъ играютъ чуть не первостепенную роль,—сказывалась бы имъ каждый день, и съ каждымъ днемъ переносилась бы все тяжелѣе каждымъ изъ нихъ. Серіозные, положительные интересы, которымъ служилъ Лучинцевъ и которые, натурально, остались бы ему дороги, были бы совершенно непонятны для его жены и казались бы ей сухою, скучною прозою, отвлекающею его отъ исключительнаго міра любви, въ которомъ она мечтала бы жить, рѣшаясь идти за него замужъ. Съ другой стороны, неизысканность его

манеръ, непривычка къ легкому, гостиному обмѣну мысли, пренебреженіе къ извѣстнымъ приемамъ, незнаніе многихъ маленкихъ вещей—по которымъ узнается человѣкъ родившійся въ свѣтъ, все это говорило бы ей постоянно о недостаткахъ его воспитанія, о мѣщанской, на ея глаза, средѣ, изъ которой она подняла его до себя.... Она уже одного того не могла бы простить мужу, примолвилъ тономъ насмѣшки Фельзенъ, что онъ по-французски говорить съ грѣхомъ пополамъ и за столомъ ѣлъ *съ ноуза*, вспоминая что въ Англіи за такое ужасное преступленіе ее бы съ нимъ ни въ какой фешіонабельный домъ не пустили. Лучинцевъ, съ своей стороны, когда бы прошли первые порывы страсти, все болѣе и болѣе томился бы тѣмъ что онъ называлъ бы фривольностью своей жены, разочаровывался бы, не найдя въ ней качества того дѣйствительно нѣсколько мѣщанскаго идеала женщины который могъ быть доступенъ его пониманію. Въ немъ не довольно сильно была развита эстетическая сторона, чтобъ онъ могъ простить ей недостатокъ этихъ качествъ, за то изящество которое такая женщина какъ княжна Китти внесла бы въ его жизнь....

— А по-вашему, позвольте освѣдомиться, мѣщанскій идеалъ, чтобы женщина была вѣрная жена и добрая мать? спросила его Дарья Павловна, со всею, ловидимому, ядовитостью на какую она только была способна.

— А хотя бы и такъ! возразилъ нисколько не смущаясь Фельзенъ.—Вѣрная супруга и добродѣтельная мать—это, конечно, достопохвально и притомъ очень не сложно, и даже весьма выгодно, потому что даетъ такой барынѣ право быть безгранично довольной собою и безконечно нетерпимой къ другимъ. Но вообразите себѣ, еслибы съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, всѣ женщины до одной были бы ничѣмъ инымъ какъ только вѣрными женами и хорошими матерями? Вѣдь люди въ своемъ развитіи не ушли бы дальше птицъ, потому что и канарейка прекраснѣйшая супруга, и курица образцовѣйшая мать!...

Всѣ разсмѣялись. Ома Богдановичъ, въ продолженіе всего этого разговора спавшій безмятежнѣйшимъ образомъ на стулѣ, за которымъ я стоялъ, внезапно встрепенулся и чихнулъ на весь садъ.

Общество окончательно развеселѣло. Сама Дарья Павловна

отложила свою досаду на курляндскаго барона и пожелала еще послушать его „чудачествъ“, причемъ въ невинности своей назвала его даже „краснобаемъ“.

Онъ говорилъ, дѣйствительно, бойко и свободно, съ едва замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, большимъ одушевленіемъ и необыкновенною разнообразностью отгѣнковъ въ интонаціи. Онъ, какъ Саша Рындицъ въ свайку играетъ, каждымъ своимъ словомъ бьетъ прямо въ кольцо,—пришло мнѣ въ голову это сравненіе, пока я не отрываясь слушалъ его, многого еще не понимая тогда, негодуя на самоувѣренность и высокомеріе котораго такъ и прорывались въ немъ, какъ ни казался онъ любезнымъ и учтивымъ, и чувствуя инстинктомъ что самое то что онъ говорилъ должно было оскорблять многихъ изъ его слушателей. Но онъ говорилъ все это такимъ скользкимъ тономъ, съ такою заманчивою живостью что тѣ же слушатели видимо увлекались, такъ же какъ и я, этимъ его словомъ, которымъ онъ игралъ такъ легко и красиво, съ такою увѣренностью что оно ему никогда не измѣнитъ, что оно всегда смягчитъ, заставитъ простить всякую рѣзкость въ его сужденіяхъ....

— Еслибъ отъ начала міра, говорилъ онъ,—женщины были бы только вѣрныя супруги и добродѣтельныя матери, намъ пришлось бы изъ человѣческой исторіи вычеркнуть лучшія ея страницы. Начать хоть бы съ того что тогда не было бы для Грековъ ни малѣйшей причины осаждать Трою: а еслибъ они Трою не осаждали, у нихъ не было бы Гомера, съ котораго, учили меня въ школѣ, начинается вся европейская культура.... Все чѣмъ люди теперь имѣютъ право гордиться, мягкость нынѣшнихъ нравовъ, человѣчность, поэзія, искусство, всеѣмъ этимъ, несомнѣнно, мы въ наибольшей мѣрѣ одолжены влиянію женщинъ. Но это потому ли что вообще женщины всѣхъ вѣковъ и странъ были добродѣтельны и чадолюбивы? Мы имѣемъ право въ этомъ усомниться.... Извѣстно, по крайней мѣрѣ, какія добродѣтельныя жены служили на примѣръ оригиналами для божественныхъ Мадоннъ Рафаэля.... Мы знаемъ также что пока на примѣръ въ Германіи были однѣ только добрыя жены и матери, это была невѣжественная страна, съ грубыми нравами, въ то самое время, когда рядомъ съ нею, не безукоризненныя, но очаровательныя женщины Франциска перваго,—безъ которыхъ, говорилъ этотъ историческій обожатель женщинъ, жизнь все равно что годъ безъ есны, весна безъ розъ,—les précieuses de

L'hôtel Rambouillet и фаворитки du grand roi готовили для Франціи то первостепенное положеніе которое и до сихъ поръ признаеть за нею просвѣщенный міръ... Въ той же Германіи умственное возрожденіе связывается съ исторіей извѣстныхъ въ началѣ нынѣшняго вѣка салоновъ Берлина и Дрездена, опять-таки съ именами умныхъ, образованныхъ, прелестныхъ женщинъ, съ ихъ вліяніемъ на великихъ писателей, поэтовъ, мыслителей того времени. Были ли всѣ эти женщины хорошія жены и матери? Можетъ-быть—да, можетъ-быть—нѣтъ,—какое намъ до этого дѣло! Онѣ заслужили признательность послѣдующихъ поколѣній тѣмъ что содѣйствовали движенію впередъ человѣческой мысли, вдохновляли лучшихъ ея представителей, поддерживали ихъ въ борьбѣ, отстраняли отъ нихъ удары судьбы или принимали ихъ на свою голову вмѣстѣ съ ними. Не будь ихъ, сколько бы духовныхъ потерь понесло человѣчество! Можно себѣ представить еслибы напримѣръ Гете, въ продолженіе всей своей жизни, не зналъ другихъ женщинъ кромѣ почтенной супруги своей, которая все свое время проводила на кухнѣ, а супруга называла не иначе какъ Herr Geheim-Rath?... Или еслибы авторъ Манфреда и Чайльдъ-Гарольда безпрекословно подчинился ревнивымъ требованіямъ почтенной леди Байронъ и въ угоду ей прожилъ вѣкъ свой въ разоренномъ своемъ замкѣ, въ созерцаніи ея достоинствъ? Вѣдь, надо полагать, въ этихъ добродѣтельныхъ рамкахъ не созданы были ни Чайльдъ-Гарольдъ, ни Манфредъ, ни Фаустъ, ни Эгмонтъ, ни Римскія элегіи.... Спрашивается, вознаграждены ли бы мы были за такой колоссальный пробѣлъ тѣмъ что госпожа фонъ-Гете и леди Байронъ никогда, сколько намъ извѣстно, не измѣняли своимъ супругамъ и усердно нянчили своихъ дѣтей?... Я однако всѣмъ, кажется, надобно своею проповѣдью,—прервалъ себя Фельзенъ, окидывая взглядомъ безмолвное слухавшее его общество.

Но не то сказывали его глаза, не долго, но глубоко остановившіеся на Любови Петровнѣ. „Что мнѣ до того поймутъ или не поймутъ меня эти темные, невѣжественные люди, сказывали они, я говорю для тебя, для тебя одной!“

— Вашу проповѣдь я понимаю такъ, заговорила опять Дарья Павловна,—что вы для женщины не признаете ни супружескаго, ни материнскаго долга?

— А ты бы шла себѣ, Галечка, робко рѣшилась наконецъ проговорить Анна Васильевна, давно уже, съ тревогой въ

глазахъ, слѣдившая за впечатлѣніемъ какое производили на дочь слова „схиднаго Нѣмца, прости Господи!“

Галечка вспыхнула, взглянула на мать, но не противорѣча встала, поцѣловала ей руку и ушла въ сопровожденіи своей гувернантки. Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ какъ надъ террасой, во второмъ этажѣ, щелкнула задвижка и отворилось настѣжь одно изъ оконъ ея комнаты: она слушала оттуда....

— Я или очень дурно говорю по-русски, возражалъ тѣмъ временемъ Фельзенъ, — или вы на меня рѣшительно клеветеете, сударыня. Ничего подобнаго я не говорилъ и въ мысли не имѣлъ. Ко всякому долгу я отношусь съ подобающимъ уваженіемъ, — но позволю себѣ думать что призваніе женщины не можетъ быть опредѣляемо исключительно обязанностями жены и матери. Женщина, — и голосъ его зазвучалъ звончѣе прежняго, — совершеннѣйшее созданіе Божіе; не даромъ, учить насъ Библія, является она послѣднею въ ряду Его твореній....

— Bravo! воскликнулъ Трухачевъ.

Другіе офицеры подхватили и зааплодировали Фельзену.

— Умѣете подольститься! грозилъ ему пальцемъ, жеманно улыбалась Дарья Павловна.

— Ну жь и командуютъ онѣ нами! отозвался Ома Богдановичъ, потирая себѣ шею; — нѣтъ, скажу вамъ, горше начальства бабьяго.

— А безъ нихъ было бы такъ горько что и жить бы не стоило, сказалъ Фельзенъ съ легкимъ вздохомъ, какъ бы давая разумѣть что онъ эту горечь испыталъ на самомъ себѣ.— Женщины влетаютъ небесныя розы въ земную жизнь, сказалъ одинъ великій поэтъ. * И въ самомъ дѣлѣ, я обращаюсь, сказалъ онъ улыбаясь, — ко всѣмъ одного со мною пола лицамъ здѣсь находящимся, пусть каждый припомнитъ изъ своего прошедшаго, кому въ жизни обязанъ онъ былъ своими лучшими, счастливейшими минутами, кому....

— Прекрасному полу! въ одинъ голосъ, не давъ ему кончить, прокричали офицеры.

— За компанію Жидъ удувился, — пожалуй и я туда же, подтвердилъ и Ома, Богдановичъ, молодецки махнувъ рукой и добродушно подмигивая Аннѣ Васильевнѣ.

* Sie flechten und weben.

Himmlische Rosen in's irdische Leben

Schiller. Würde der Frauen.

— Изволите видѣть какое единодушiе! весело молвилъ Фельзенъ румяной дамѣ. — Еслибъ я теперъ обратился къ почтеннымъ моимъ товарищамъ съ новымъ, уже нескромнымъ, вопросомъ: законно или незаконно достались имъ эти незабвенныя для нихъ минуты, — они, я полагаю, нѣсколько затруднились бы отвѣтомъ.

— Да, да, конечно! отозвались со смѣхомъ офицеры.

— Еще бы! засмѣялась и Дарья Павловна. — Имъ при дамахъ совѣстно было бы сказать правду.

— Оно и не нужно. Для насъ достаточно того факта что каждый изъ здѣсь находящихся такъ или иначе обязанъ лучшими минутами выпавшими ему на долю въ жизни — женщиноѣ. Изъ такого общаго признанiя мы имѣемъ полное право, слѣдовательно, вывести и такое общее заключенiе: *счастiе въ этой жизни даетъ женщины.*

— Съ этимъ мы спорить не станемъ, сказала предовольная Дарья Павловна.

— А если вы согласны съ этимъ первымъ положенiемъ, то должны согласиться и на послѣдующее. Если такимъ образомъ женщина *можетъ* давать счастiе, то она и *должна* его давать.

— Такъ, вѣрно, такъ! подтвердили офицеры.

Я глядѣлъ на Любовь Петровну. Выраженiе ея лица становилось уже неуловимымъ въ тѣняхъ быстро наступавшаго вечера, но какъ будто чтобы скрыть его еще болѣе отъ нескромнаго вниманiя, она низко наклонила голову къ поясу и принялась расправлять свои ленты.

— Итакъ, говорилъ торжествующiй Фельзенъ, — давать счастiе — вотъ прямое, главное призванiе женщины, счастiе во всемъ многообъемномъ значенiи этого слова....

— Чего бы ни стоило, значить, а подавай вамъ сладкаго блюда! перебила его Дарья Павловна съ хохотомъ, — а то и женщиной называться не смѣй!

— А такъ, такъ! поддакивалъ Ома Богдановичъ. — Якъ не верты, требо умерты. Давайте намъ счастiе! а не то грызеться будемъ!

— Дядюшка, не мѣшайте; слите! нетерпѣливо раздался голосъ Любовь Петровны.

Ома Богдановичъ послушно сложилъ руки на кругленькомъ животѣ и дѣйствительно тутъ же заснулъ опять.

— Позвольте однако, безъ шутокъ, снова начала неугомонная Дарья Павловна, — вѣдь это вамъ легко говорить, но

попробуйте объяснить, какъ это сдѣлать? Кому обязана женщина давать счастье?... Вѣдь это нельзя такъ.... Румяная барыня вдругъ почему-то сконфузилась. И рада была бы иная.... но не рѣшится....

— А почему это? какъ бы удивившись, спросил баронъ Фельзенъ.

— Вы сами должны понимать; женщина не можетъ,—Дарья Павловна все какъ будто не рѣшалась высказаться противъ своихъ прямыхъ обязанностей.

— Прѣхъ то, большой грѣхъ! какимъ-то шолотомъ и въ то же время взволнованно, задвигавшись въ своемъ креслѣ, промолвила Анна Васильевна.

— Объ этомъ я, конечно, не осмѣлюсь препираться, пристально взглянувъ на нее и снисходительно улыбаясь, сказалъ Фельзенъ,—но вы мнѣ позвольте по этому поводу припомнить вамъ только, почтеннѣйшая Анна Васильевна, тотъ великій авторитетъ которымъ сказано было: много прощено ей будетъ, потому что она много любила.

— Спаситель.... Уже ничѣмъ не сдерживаемое выраженіе упрека послышалось въ голосъ доброй женщины,—Спаситель прощаль.... Онъ не говорилъ: грѣши!...

Она не могла удержаться и сказала это помимо воли, и тотчасъ же смолкла милая Анна Васильевна, потому что,—я такъ хорошо понималъ что происходило въ ней въ эту минуту,—онъ, конечно, „Нѣмецъ лукавый“ и Божественныя слова толкуетъ на соблазнъ, съ злою цѣлью, но все онъ человѣкъ, онъ ея гость, и она его вдругъ такъ обидѣла!...

Онъ не былъ обиженъ, но, къ удивленію моему, очевидно нѣсколько озадаченъ.

— Конечно.... Я впрочемъ вовсе не хотѣлъ сказать этимъ.... Онъ не докончилъ, какъ будто не находилъ удобнымъ вступать съ хозяйкой дома въ споръ по предмету который она такъ близко принимаетъ къ сердцу.

Поручикъ Трухачевъ счелъ нужнымъ вступить за товарища.

— Позвольте успокоить васъ, многоуважаемая Анна Васильевна. Я осмѣлюсь поручиться вамъ моею честью что баронъ не имѣлъ и въ мысляхъ (Трухачевъ произносилъ „въ мысляхъ“) намѣренія сказать что-либо такое,—онъ залпулся,—что-либо несогласное, такъ-сказать, съ свѣтскимъ приличіемъ. Онъ для этого, смѣю сказать, слишкомъ образованъ, и я позволю себѣ

думать что его слова коснулись вашего слуха въ превратномъ, если смѣю такъ выразиться, смыслѣ.

— Я ничего, я противъ барона не думала, оправдывалась, совсѣмъ уже растерянная, бѣдная хозяйка.

— А воля ваша, продолжать неумолимый поручикъ, — казните или милуйте, а я — и вотъ прочіе господа офицеры тоже, мы исполнѣ, такъ-сказать, должны раздѣлять съ барономъ мнѣніе въ томъ, вопервыхъ, что той, и даже тому, — это я уже отъ себя, такъ-сказать, осмѣлюсь прибавить, Анна Васильевна, — кто много любилъ, много и прощено будетъ, а вовторыхъ, что назначеніе женщины — это именно, какъ счастливо выразилъ баронъ, даровать счастье. И это даже съ полною моею откровенностью могу прямо подтвердить примѣромъ и, не идя далеко, собственно даже настоящею минутой, которую я и прочіе господа офицеры можемъ почитать для себя, прямо скажу, исполнѣ счастливою. Теперь извольте сами судить, Анна Васильевна, кому же мы должны приписать это счастье какъ не восхитительнымъ дамамъ которыя благоволятъ принимать насъ въ свое общество и предоставляютъ намъ случай къ разговору который можно, безъ лести, почесть за самый пріятный, и даже во всѣхъ отношеніяхъ?

Эта восхитительная рѣчь господина Трухачева, причемъ онъ даже всталъ и расшаркнулся, звякнувъ шпорами, имѣла огромный успѣхъ. Товарищи покрыли его рукоплесканіями, къ которымъ тотчасъ же присоединился и пробужденный ими Ома Богдановичъ.

— Bravo, monsieur Трухачевъ! аплодировала ему Любовь Петровна, смѣявшаяся до упаду.

— Такимъ образомъ, усердно хохотала и Дарья Павловна, — обязанности наши къ нимъ эти господа опредѣлили. Интересно теперь узнать чѣмъ они за это должны отдарить насъ?

— Вы поставили вопросъ, сударыня, совершенно правильный и логично истекающій изъ всего что было сказано здѣсь объ этомъ до сихъ поръ, послѣшилъ отвѣчать баронъ Фельзенъ, видимо довольный случаю овладѣть снова разговоромъ. — Ясно, если женщина даетъ счастье, она имѣетъ, въ свою очередь, полное право требовать его и для себя. Къ сожалѣнію, я долженъ признаться что получить это желаемое, это столь законно ими желаемое и необходимое имъ счастье представляется для огромнаго большинства женщинъ задачей почти неразрѣшимую.

— А почему? воскликнула Дарья Павловна, готовясь, повидимому, разразиться противъ всѣхъ этихъ гадкихъ мушницъ, которые такъ много требуютъ, а съ своей стороны ничѣмъ женщинаѣ пожертвовать не хотятъ.

— Очень просто, не далъ сказать ей всего этого Фельзень, — чѣмъ выше и сложнѣе спросъ, тѣмъ труднѣе удовлетворить ему. Женщины одарены лучше насъ: онѣ чувствуютъ глубже, онѣ понимаютъ тоньше, онѣ воспринимаютъ живѣе. Всѣ эти высшіе дары направлены у нихъ почти исключительно къ одному помышлению, сосредоточены въ одномъ чувствѣ: это помышление, это чувство — любовь! Извѣстно что если для насъ, по большей части, любовь есть прекрасный эпизодъ въ жизни, для женщины она вся, она сама жизнь. Сосредоточивая всю себя на одномъ предметѣ, женщина пріобрѣтаетъ необыкновенную силу, полноту, всесторонность въ обладаніи имъ. Въ ея сердцѣ и воображеніи слагается цѣльное, готовое представленіе, пожертвовать которымъ она не согласится безъ тяжелой, безъ болѣзненной, часто отчаянной, иногда стоящей ей жизни борьбы. Есть женщины, — какъ будто намѣренно медленнѣе, вдумчивѣе заговорилъ Фельзень, — которыя носятъ въ себѣ этотъ идеалъ такъ высоко что онѣ даже заранѣе обрекаютъ себя на внутреннее отшельничество. Я знаю, думаютъ онѣ, что никто не въ состояніи подняться со мною до этой высоты, — и онѣ и не ищутъ. Онѣ проходятъ въ мирѣ, гордыя и повидимому спокойныя, съ холоднымъ челомъ и затаеннымъ пламенемъ въ груди, и, какъ альпійскія розы на неприступныхъ крутизнахъ своихъ, равнодушно смотря на смѣльчаковъ готовыхъ цѣной жизни заплатить за надежду подняться до нихъ. Но такихъ женщинъ немного...

Онъ остановился на минуту, но никто не воспользовался этимъ; всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Вообще же, продолжалъ онъ, переходя опять въ свой обычный, живой и веселый тонъ, — женщина прямо, настойчиво требуетъ осуществленія своего идеала въ жизни. Ей недостаточно чтобы мужчина ей нравился, недовольно чтобы онъ, съ своей стороны, любилъ ее; она желаетъ, просить, требуетъ чтобы онъ любилъ ее извѣстнымъ ей образомъ, любилъ не такъ какъ Богъ ему на душу положитъ, а соответственно тому какъ процессъ любви сложился заранѣе въ головѣ ея, со всѣми его подробностями, изъ которыхъ каждая дорога ей до боли. Самый

этотъ процессъ любви, его прелюдіи, все то что Польки такъ удачно называютъ *романсованьемъ*, для большей части женщинъ дороже чѣмъ сама любовь. Въ воспоминаніяхъ самой счастливой изъ нихъ всегда останется извѣстная доля горечи, если на дѣлѣ все это произошло не такъ какъ представлялось ей въ грезахъ первоначальной юности, если тотъ кого любила она не умѣлъ говорить ей тѣмъ же волшебнo-сладкимъ голосомъ и тѣ же именно волшебнo-сладкія рѣчи которыя обѣщало ей на зарѣ жизни ея молодое пробуждавшееся чувство. А много ли изъ насъ, по правдѣ сказать, примолвилъ засмѣявшись Фельзенъ,—способныхъ лѣтъ такимъ волшебнымъ голосомъ?...

— Вы первый! воскликнула неожиданно Дарья Павловна.

„Только бы и меня не вздумала Анна Васильевна отправить какъ Галечку отсюда“, думалъ я, въ свою очередь желая все слушать и слушать его. Къ счастью, становилось уже довольно темно, и Аннѣ Васильевнѣ было трудно меня видѣть за померанцевымъ деревомъ, на кадкѣ котораго я уместился.

Баронъ Фельзенъ сложилъ руки на груди, à la turque, и отвѣсилъ преувеличенно низкій поклонъ очарованной имъ Дарьѣ Павловнѣ.

— Продолжайте, продолжайте! крикнула она ему въ отвѣтъ,— я интересантка, даромъ комплиментовъ не дѣлаю.

Онъ ловиновался.

— Не надо забывать при этомъ что идеалъ любви у каждой женщины свой, особенный, и восходитъ по ступенямъ безконечной лѣстницы, начиная отъ печалованія русской бабы на то что мужъ ее не бьетъ, значить не любить, и до тѣхъ метафизическихъ областей, добравшись до которыхъ романтическая женщина, какъ героиня Бальзака въ его *Le lys dans la vallée*, напимѣръ, или *Valérie* госпожи Крюднеръ, отрицаетъ уже все тѣлесное, все земное и допускаетъ лишь какое-то непрерывное воздыханіе любви двухъ душъ, посредствомъ этой же любви рафинированныхъ до чистоты безплотныхъ небожителей. Извольте же найти среди насъ субъектовъ соотвѣтствующихъ каждой изъ этихъ ступеней разнообразнѣйшихъ, но равно настойчивыхъ, горячихъ и совершенно притомъ—не надо забывать этого—законныхъ женскихъ требованій!...

— Ахъ, какъ онъ насъ знаетъ, какъ знаетъ! выражала Аннѣ Васильевнѣ свое восхищеніе румяная дама, — у каждой изъ

насъ,—с'est vrai,—свое особенное въ головѣ и въ сердцѣ. Не пострафить имъ намъ, никакъ не пострафить, съ комическою печалью приговаривала она.

— А тотъ кто не умѣетъ, какъ вы изволите выражаться, „пострафить“ любимой женщиной, возразилъ съ одушевленіемъ Фельзенъ,—тотъ и не смѣетъ мечтать о счастья, потому что онъ счастья не достоинъ. Тотъ не достоинъ счастья кто не понимаетъ что любовь иной женщины есть высшее блаженство какое человѣку дано взять отъ земли, и что это блаженство даромъ не дается. Да и любить ли дѣйствительно тотъ кто претендуетъ обладать сердцемъ женщины, не давъ себѣ труда предварительно изучить ее, для кого такое изученіе не составляетъ уже само по себѣ невыразимую радость? Въ мѣрѣ знанія тотъ только награждается именованіемъ настоящаго ученаго кто всѣмъ существомъ своимъ отдался своему предмету, кто благоговѣетъ предъ нимъ, видитъ въ немъ свою святыню и терпѣливо, шагъ за шагомъ, не останавливаясь ни предъ какими препятствіемъ, съ восторгомъ и трепетомъ проникаетъ наконецъ въ глубину его тайнъ. А сердце женщины развѣ не та же наука,—живая, увлекательная, всепоглащающая наука? Но въ томъ-то и дѣло что положительные, такъ-называемые серьезные люди, какимъ былъ и бѣдный пріятель мой Лучинцевъ, *pour en revenir à lui*, не признаютъ ничего этого съ высоты своей положительности. Да и не могутъ они: они слишкомъ дѣльны, слишкомъ *tout d'une pièce*, имъ недостаетъ гибкости, у нихъ нѣтъ, если можно такъ выразиться, нравственного слияніе двухъ существъ въ одно неразрывное цѣлое, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ чтобъ оно приняло форму, краски и внутреннее содержаніе ихъ собственной индивидуальности, другими словами, чтобъ это цѣлое было непремѣнно *онъ*, а не *она*. И это не потому чтобъ они были деспоты, а потому что внутренний мѣръ женщины остается для нихъ вѣчно невѣдомою землей, что имъ никакъ не дается ключъ отмыкающій этотъ очарованный замокъ. Они натягиваютъ на свой положительный аршинъ тончайшія фибры ощущеній, изъ которыхъ вся соткана женщина, и удивляются потомъ, и недоумѣваютъ, почему они лорываются подъ ихъ добросовѣстью, но грубою рукой. Они называютъ капризомъ, нервною, фантазерствомъ то что часто составляетъ всю сущность и всю пре-

лестъ женщины, ея впечатлительность и жадность къ впечатлѣніямъ, ея воображеніе, ея непрактичность, ея вѣчную заботу о прекрасномъ и отвращеніе ко всему что называется матеріальною стороною жизни.... Они въ состояніи сто разъ на день, не вѣдая того что творять, оскорбить внутреннее чувство женщины, потому что не имѣютъ понятія о всѣхъ деликатныхъ отгѣнкахъ какими преисполнено это внутреннее женское чувство. Женщина испытываетъ эти оскорбленія въ безднѣ мелочей, о которыхъ не догадываются эти господа, потому что сами они не могутъ дощупаться до нихъ пальцами. Да что говорить о мелочахъ. Въ самой сущности отношеній большинства насъ грѣшныхъ къ любимой женщинѣ лежитъ зародышъ ближайшихъ недочетовъ для насъ и для нея. Обыкновенно одно изъ двухъ: или,—и это чаще всего,—человѣкъ добившись до обладанія женщиной, связавъ законными узамъ жизнь ея со своею, полагаетъ дѣло свое конченнымъ и отлагаетъ всякое дальнѣйшее попеченіе о томъ чтобы не дать остыть чувству которое онъ имѣлъ счастье возбудить къ себѣ; чувство это перестаетъ быть для него нѣжнымъ растеніемъ, которое слѣдуетъ дѣлать и холить, и оберегать отъ холода, поддерживая въ немъ тотъ именно градусъ жара что даетъ ему ростъ и цвѣтъ, и живыя краски; оно, думаетъ онъ, должно какъ береза въ лѣсу само собою расти и покрываться листьями, не требуя отъ него болѣе никакого ухода.... Или, совершенно напротивъ, человѣкъ ненасытенъ въ наслажденіи этимъ чувствомъ, онъ требуетъ непрерывнаго его проявленія, его осязаемыхъ доказательствъ, онъ неустанно навязывается со своею страстью, не допускаетъ отдыха, подозрѣваетъ измѣну тамъ гдѣ предметъ его обожанія,—вѣрнѣе сказать его несчастная жертва,—силится только на мгновеніе вздохнуть на свободѣ, онъ залугиваетъ ее лорывами безумной ревности, или мрачно молчитъ и страдаетъ, и томитъ ее до самой смерти этимъ молчаніемъ своимъ и тоской. И Боже мой! воскликнулъ Фельзень,—сколько гибнетъ такимъ образомъ или вянетъ доврменно прекрасныхъ женскихъ созданій,—однѣ замороженныя холодомъ окружающей ихъ атмосферы, другія задыхаясь отъ *законнаго* насилія,—онъ произнесъ это съ особымъ удареніемъ,—эгоистической страсти, относящейся къ нимъ какъ къ рабынямъ, а не какъ къ свободно-чувствующимъ, свободно-любящимъ женщинамъ. А вы, сударыня, окончилъ онъ, обращаясь къ Дарьѣ Павловнѣ, тономъ

шутливого упрека,—вы даже не допускаете для нихъ мысли о какомъ-нибудь выходѣ изъ такого положенія!...

Что отвѣтила бы на это Дарья Павловна—осталось неизвѣстнымъ, она предупреждена была Любовью Петровной:

— Тетупка, здѣсь и темно, и сыро. Я ухожу.

Она поднялась вся вдругъ, и бѣлая какъ чайка въ своемъ кисейномъ платьѣ вспорхнула съ мѣста и исчезла за стеклянными дверьми большой залы. Все общество поднялось за нею. Ома Богдановичъ встрепенулся и заготочилъ тотчасъ же, всѣхъ допрашивая, не послать ли за его лѣвчиками. Но Дарья Павловна объявила ему что баронъ обѣщаль имъ лѣтъ, и что надо было бы послать не за лѣвчиками, а за „музыкантомъ“. Ома Богдановичъ немедленно побѣждалъ самъ отыскивать Буаженфресса.

Я ушелъ наверхъ, вникъ не замѣченный.

XVI.

„Хитрый онъ и прожженный, и всю эту женскую науку какъ по книгамъ прошел“, повторялъ я, взбираясь по лѣстницѣ, вчерашнія слова Анны Васильевны. И я себѣ говорилъ что она права, что онъ и хитрый, и „прожженный“, и что командоръ, который служить съ нимъ въ одномъ полку, также отзывается о немъ что онъ „ловокъ шельмецъ“, и.... и не звалъ какъ согласить это съ новымъ впечатлѣнiемъ, съ какимъ я уходилъ съ террасы. Давно ли я его такъ ненавидѣлъ, и не подалъ ли онъ мнѣ сейчасъ же новый поводъ къ этому! Развѣ я хорошо не понималъ что все что сказано было имъ сказано было лишь для того чтобы произвести впечатлѣнiе на одну женщину,— онъ недаромъ разчитывалъ на „жадность впечатлѣнiй“ женщинъ,—и эта женщина мать Васи, моего друга, который такъ страдаетъ отъ того именно что Фельзенъ производитъ „впечатлѣнiе“ на его мать; развѣ онъ, этотъ дерзкій человекъ, не говорилъ что „обязанность каждой женщины давать счастье“: вѣдь это прямо значить что она должна полюбить его, то-есть забыть своего „законнаго“ мужа, сдѣлать „грѣхъ“, большой грѣхъ“, какъ справедливо сказала добрая Анна Васильевна; развѣ онъ нарочно не говорилъ о ревности и „эгоистической страсти“ чтобы припомнить Любовь Петровнѣ то время когда

несчастный теперь, немощный Герасимъ Ивановичъ „пугалъ ее ревностью, пугалъ и ласками своими“? И онъ произвелъ то впечатлѣніе какое желалъ: ей было такъ тяжело это припоминаніе ея прошлой „любимшей“, какъ онъ выражался, жизни что она даже не могла слушать далѣе, вскочила и ушла, и даже, показалось мнѣ, когда она пробѣжала мимо меня и ея лицо освѣтилось на порогѣ большой залы хлынувшимъ на нее оттуда свѣтомъ лампъ, ушла съ покрасѣвшими отъ слезъ глазами....

Все это я говорилъ себѣ и между тѣмъ никакъ не могъ найти внутри себя того прежняго чувства ненависти и отвращенія къ *ней*. Онъ такъ хорошо говорилъ и казался такимъ убѣжденнымъ въ томъ что онъ говорилъ, и такимъ притомъ образованнымъ, *si lettré*, какъ выражается Мг Керети когда очень хвалитъ кого-либо изъ своихъ французскихъ писателей, всѣ остальные вокругъ него казались такими мелкими; я увѣренъ никто изъ нихъ и не понималъ того что онъ говоритъ и только слушали, разивувъ рты, а онъ какъ орелъ парилъ надъ ними... Одна Любовь Петровна понимала его, потому что онъ и она люди другаго „кружка“ чѣмъ какая-нибудь Дарья Павловна или этотъ смѣшной поручикъ Трухачевъ со своими „мыслями“, „осмѣлюсь сказать“ и „восхитительными дамами“. Она слушала его такъ внимательно, сосредоточенно, сочувственно потому что онъ говорилъ на обычномъ ей, понятномъ ей языкѣ и такія вещи которыя нравились не ей одной, а всѣмъ, даже этой самой Дарьѣ Павловнѣ, которая сначала такъ съ нимъ спорила, и кончила тѣмъ что отъ восхищенія чуть на шею ему не бросилась. Сама Дарья Павловна слыветъ у насъ хорошенькою, она такая живая, кругленькая, съ такими полными бѣлыми руками, которыя у ней всегда открыты по локоть; и она „дѣлаетъ ему глазки“ и щуритъ ихъ и жеманится, чтобы только какъ-нибудь поправиться ему. Но онъ гордый, онъ не хочетъ и смотрѣть на нее, потому что такой человѣкъ какъ онъ не можетъ любить такихъ *mauvais genre* женщинъ какъ Дарья Павловна, которая рѣшается брѣкнуть ему въ глаза что онъ говоритъ „волшебно сладкимъ голосомъ“ и тому подобное; онъ можетъ любить только такую женщину какова Любовь Петровна, онъ подразумевалъ ее когда говорилъ что „любовь иной женщины есть высшее блаженство какое можетъ на этой землѣ выпасть на долю человѣку“.

онъ ее сравнивалъ съ альпійскою розой, которая съ неприступной высоты смотритъ, прекрасная и холодная, на тѣхъ кто пренебрегая жизнью взбирается по опаснымъ, до неба восходящимъ горамъ въ надеждѣ добыть ее. И какъ мнѣ нравилось это сравненіе Любовь Петровны съ альпійскою розой! Именно она такая, rose 'des alpes, перевелъ я, вспоминая что сестра Настя играла очень хорошенькую піеску съ швейцарскимъ мотивомъ, которая такъ и называлась rose des alpes, вспоминая и самый этотъ мотивъ и начиная его лѣтъ въ головѣ. Онъ ее любить, продолжалъ я рассуждать между тѣмъ, онъ за любовь ея готовъ отдать 'свою жизнь — но онъ развѣ виноватъ, развѣ онъ можетъ идти противъ себя, противъ своего сердца, да развѣ можетъ кто-либо видѣть ее и не полюбить— да развѣ я самъ?...

Но тутъ мнѣ вдругъ вспомнился Вася и весь нашъ утрешній съ нимъ разговоръ.... и я остановился на лѣстницѣ, опустивъ голову, не зная куда идти, потому что чувствовалъ что не выдержу перваго взгляда строгихъ, „безгрѣшныхъ“ глазъ Васи и выдамъ себя ему съ перваго раза со всѣми моими „мерзкими мыслями“....

— Куда же идти? спрашивалъ я себя, стоя средь мрака на лѣстницѣ, — внизъ ко всѣмъ? Ни за что въ свѣтъ! Не провѣдать ли Леву? Но онъ, вѣрно, еще не вернулся изъ Селища, куда онъ, услѣла сказать мнѣ на террасѣ миссъ Пинкъ, отправился съ Керети къ Олицкимъ....

— Что же ты тамъ остановился? раздался вдругъ прямо надъ мной голосъ Васи.

Это было такъ неожиданно что я весь вздрогнулъ.

— А ты что тутъ дѣлаешь? едва перемогъ я себя.

— Жду огня! намъ до сихъ поръ не приносили.

„И слава Богу что не приносили до сихъ поръ“, подумалъ я и спросилъ:

— А какъ это ты меня въ темнотѣ узналъ?

— У меня глаза какъ у кошки, и ночью видятъ, отвѣчалъ смѣясь Вася.

— Вы давно вернулись изъ сада?

— Давно; пала услѣла опять заснуть и скоро проснется. Скоро десять часовъ, я полагаю. А ты внизу былъ, на террасѣ?

Я стоялъ уже возлѣ него, на площадкѣ, и мнѣ казалось что

у него дѣйствительно кошачьи глаза что онъ меня насквозь видитъ.

— Вотъ видишь, Вася, началъ я,—когда ты съ твоимъ папѣ поѣхали, я пошелъ съ командоромъ, съ этимъ майоромъ, то есть... Ну, потомъ онъ ушелъ къ себѣ, на село, а я пошелъ прямо по аллеѣ и вышелъ къ террасѣ, а тутъ Ома Богданычъ увидѣлъ меня и удержалъ...

— Къ чему же ты это мнѣ все объясняешь, Борисъ? сказалъ Вася.—Ты точно извиняешься. Развѣ ты не волеишь идти, оставаться, уходить, какъ тебѣ вздумается? Я не твой Керети, который, можетъ-быть, требуетъ отъ тебя отчета въ каждомъ изъ твоихъ дѣйствій.

— Какъ же! Стану я ему давать отчетъ! храбро воскликнулъ я, уколотый такимъ предположеніемъ.

— Такъ тѣмъ менѣе, сказалъ онъ съ новымъ смѣхомъ, — обязанъ ты давать его мнѣ. Какой ты забавный, Борисъ!... А теперь куда ты намѣренъ?

Онъ, слѣдовательно, не ожидалъ меня, даже не приглашалъ къ себѣ! Мнѣ представилось что все это сіяющее небо дружбы, о которомъ я такъ мечталъ въ Тихихъ Водахъ, обвадилось вдругъ, и я словно остался одинъ, круглый сирота, на свѣтѣ...

— Я хотѣлъ къ тебѣ... но я, можетъ-быть, тебѣ помѣшаю, съ трудомъ проговорилъ я, чувствуя что готовъ разнючиться самымъ постыднымъ образомъ.

— Я занимался, отвѣчалъ онъ,—днемъ не успеваешь, такъ я всегда въ эту пору... Но все равно, пойдемъ ко мнѣ!

— Зачѣмъ же, я не хочу тебѣ мѣшать, повторялъ я. Ощущеніе что я какъ будто остался круглымъ сиротой еще усилилось отъ того что онъ теперь, казалось мнѣ, только изъ жалости, потому что мнѣ дѣваться некуда, рѣшается пустить меня къ себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ! говорилъ Вася.

Савелій показался съ лампой на лѣстницѣ.

„Не хочу чтобъ они замѣтили мое глупое лицо!“ И во избѣжаніе такого срама я послѣшилъ пройти первый въ комнату Васи.

Онъ дѣйствительно занимался предъ моимъ приходомъ. На его столѣ лежалъ раскрытый томъ *Всеобщей Истории* Геерена на нѣмецкомъ языкѣ и тетрадь съ недописанною страницей русскаго перевода.

— Ну садись, гость будешь, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой

— Да именно, гость—и только гость! печально молвилъ я себя,—все кончено!...

Мы оба помолчали.

— Ты что-то не весель вернулся снизу? началъ Вася, но въ голосъ его не слышалось мнѣ того участія съ какимъ бы я непременно сдѣлалъ ему такой вопросъ, еслибъ былъ на его мѣстѣ, а онъ на моемъ.—Что тамъ, много народу? спросилъ онъ, не дождавшись даже моего отвѣта.

— Очень много, офицеры разные, дамы....

— Каждый день то же, замѣтилъ онъ, шевельнувъ плечомъ.

— Да, Анна Васильевна говоритъ что у нихъ вѣчная ярмарка. Ома Богданъ безъ этого жить не можетъ.

— Очень онъ ужь добръ и гостеприименъ, сказалъ Вася,—а люди пользуются.... И что же тамъ дѣлали? спросилъ онъ опять.

— Такъ, разговаривали, отвѣчалъ я,—стараясь избѣжать его взгляда и принимаясь для этого разсматривать давно знакомую мнѣ картину, висѣвшую на стѣнѣ этой бывшей Галечкиной спальни и изображавшую Святую Елисавету, королеву венгерскую, на колѣняхъ предъ больнымъ нищимъ, которому она перевязываетъ рану на ногѣ.

— И разговоръ интересный? продолжалъ между тѣмъ Вася.

— Такъ себѣ... Мнѣ становилось очень не ловко.

— Или это секретъ?

Насмѣшка звучала въ его голосѣ. Я обернулся къ нему.

— Какой же можетъ быть тутъ секретъ, Вася! жалобно проговорилъ я.

— Потому что ты такъ неохотно отвѣчаешь.... Прости меня, Борисъ! молвилъ онъ неожиданно, протягивая мнѣ руку:—я точно допытываю тебя....

— Нѣтъ, Вася, нѣтъ, нисколько, я и не думалъ.... Мнѣ стало легче отъ его ласковыхъ словъ.—А насчетъ разговора....

— Я знаю о чемъ говорили, не далъ онъ мнѣ кончить, и какая-то горькая и вмѣстѣ съ тѣмъ презрительная усмѣшка сложилась на его губахъ,—про чувство, про любовь....

— Да, ты отгадал!

— Я знаю, повторилъ онъ,—и скажу тебѣ напередъ что говорю, вѣрно, все одинъ, а другіе только слушали, да поддакивали.

— Да, почти такъ, это правда. Говорилъ все этотъ офицеръ, баронъ....

— Баронъ Фельзенъ, твердо произнесъ Вася. Онъ глядѣлъ въ своего нѣмецкаго Геерена и продолжалъ дописывать недоконченную страницу перевода, не прерывая бесѣды со мною. Онъ казался совершенно спокойнымъ, только неестественно сдвинувшіяся его брови напоминали то недоброе выраженіе которое такъ поразило меня въ немъ утромъ.

— А онъ очень хорошо говорить, Вася! сказалъ я.

— Да, такъ же спокойно отвѣчалъ онъ, — онъ вообще уменъ и на все, кажется, способенъ.

— И по всему видно, промолвилъ я, — что онъ такъ много знаетъ....

— Романовъ, дѣйствительно, кажется, не мало на своемъ вѣку прочелъ!

— Нѣтъ, Вася, кажется онъ и исторію великолѣпно знаетъ!

Онъ съ легкою улыбкой приподнял губу и продолжалъ писать

— Ты мнѣ не вѣришь, не безъ досады сказалъ я, — ты думаешь, я не могу объ этомъ судить, но если бы ты послушалъ его сегодня, ты самъ бы сказалъ что онъ такъ краснорѣчивъ, qu'il est si lettré и что....

Вася положилъ перо, печально взглянулъ мнѣ прямо въ глаза и договорилъ за меня:

— И что онъ совершенно лѣвилъ тебя....

— Вася! кинулся я къ нему, — ради Бога, милый, не сердись на меня, выслушай только!... Я самъ не знаю какая каша у меня теперь въ головѣ. Когда ты меня позвалъ, тамъ, на лѣстницѣ, я стоялъ и именно объ этомъ думалъ.... Видишь, этотъ человекъ, я какъ только его увидѣлъ тогда въ первый разъ, съ перваго же раза онъ мнѣ сталъ противенъ, и когда ты Самъ Рындину сказалъ тогда что ты его не любишь, я тебя еще больше полюбилъ за это.... И сегодня, еслибы Ома Богданъ не схватилъ меня на террасѣ, я ни за что бы не пошелъ самъ его слушать.... Но я ничего не хочу скрывать отъ тебя, Вася, я тебѣ буду прямо говорить все, все что у меня въ душѣ происходитъ, — да, онъ меня сегодня лѣвилъ, то-есть не онъ, Боже сохрани! а его разговоръ, его манера, то что я еще ни одного человека до сихъ поръ не встрѣчалъ который бы такъ ловко выражался, и съ такимъ „изяществомъ“, Вася, объяснилъ я новымъ для меня словомъ, употребленнымъ нѣсколько разъ

барономъ Фельзеномъ и которое очень мнѣ нравилось, — и потому еще то, Вася, что онъ такъ горячо стоитъ за несчастныхъ жертвъ....

— За какихъ же это онъ такихъ несчастныхъ жертвъ стоитъ съ удивленіемъ спросилъ меня Вася.

— За женщинъ, Вася!... Я при этомъ смѣшался и опустил глаза, чувствуя что зашевелилъ вопросъ жгучій для насъ обоихъ.

Онъ все такъ же пристально глядѣлъ на меня.

— Какихъ же именно женщинъ, спросилъ онъ насмѣшливо, — признаетъ этотъ господинъ „жертвами“: старухъ или молодыхъ и красивыхъ?

— Онъ говорилъ вообще о женщинахъ, о тѣхъ которыхъ любить мужчины....

— И онъ о нихъ сокрушается! Видно сейчасъ, настоящій рыцарь! И это тебѣ такъ понравилось?

— Да ... отвѣчалъ я конфузливо, — потому что все-таки мы, мужчины, сильны, а онъ слабъ, а.... а между тѣмъ „онъ одаренъ лучше насъ“, промолвилъ я и такъ неловко что Вася тотчасъ же догадался что я, какъ скворецъ, залѣлъ съ чужаго голоса.

— Если онъ одаренъ лучше насъ, Борисъ, — то, какъ ты думаешь, вѣдь выходитъ что онъ сильны, а мы слабы?

— Нѣтъ, возразилъ я, — потому что вѣдь мужчина, а не женщина почитается главнымъ въ домѣ, значить на сторонѣ мужчинъ и законъ и сила, какъ тебѣ это сказать, — ну, хоть начиная съ силы физической....

— Да, то-есть что есть женщины которыхъ мужья ихъ бьютъ. Объ этихъ „несчастныхъ жертвахъ“ говорилъ г. фонъ-Фельзенъ? все такъ же насмѣшливо объяснилъ Вася.

— Да нѣтъ же....

— Слѣдовательно о тѣхъ именно, какъ ты сказалъ сейчасъ, которыхъ мужья любятъ?

— Да.... Я совершенно растерялся.

— И твой благородный рыцарь плачетъ о томъ что этихъ „несчастныхъ“ смѣютъ любить?

— Вася, ты совсѣмъ меня сбиль, и самъ я себѣ кажусь очень глупымъ въ эту минуту. Пойми ты что тутъ былъ цѣлый разговоръ и споры съ одной дамой, ее Дарьей Павловной зовутъ. Онъ доказывалъ ей что у каждой женщины есть свой, особенный идеалъ любви, какъ онъ выражался, но что между мужчи-

нами рѣдко находятя „субъекты“, — это опять его выраженіе, — которые понимали бы этотъ идеалъ, и потому женщины никогда почти не любятъ такъ какъ бы имъ хотѣлось чтобъ ихъ любили, и очень много ихъ „гибнуть довременно“ или отъ равнодушія, или.... Я испугался тому что чуть не слетѣло у меня съ языка: какъ же это сказать „отъ ревности“ при Васѣ? А если онъ знаетъ что отецъ его такъ мучилъ ревностію жену свою?... Или оттого что къ нимъ, какъ говорилъ баронъ, „относятся какъ къ рабынямъ, а не какъ къ свободно-чувствующимъ женщинамъ.“ Вотъ что онъ говорилъ, Вася, докончилъ я, весьма довольный что такъ счастливо, казалось мнѣ, успѣлъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія.

Вася провелъ рукой по лицу, откинулся головой на спинку кресла, и глядя въ потолокъ, промолвилъ, будто говоря самъ съ собою:

— Не знаю много ли ихъ гибнетъ оттого что ихъ любятъ не такъ какъ имъ хочется, а что погибають тѣ которые ихъ слишкомъ любятъ — тому я знаю примѣры!..

— Не сердись на меня, Вася, ради Бога! просилъ я, подходя къ нему и взявъ его за руку; — я говорилъ тебѣ откровенно, я самъ не знаю какъ справиться со всѣми мыслями которыми наполнена теперь моя несчастная голова. Я очень хорошо понимаю что онъ противный человѣкъ....

— Вопервыхъ, возразилъ Вася, — что онъ даже не противный, онъ не виноватъ.... Вася не договорилъ, и его щеки покрылись быстро набѣжавшимъ румянцемъ. — А потомъ, за что, скажи, буду я на тебя сердиться? За то что рѣчи и манеры барона Фельзена тебѣ понравились? Онъ не одному тебѣ нравятся.... Или за то что онъ тебя увѣрилъ что женщины вообще несчастны, потому что ихъ недолюбливають или перелюбливають, а никогда не любятъ такъ какъ имъ нравится? Такъ объ этомъ, — знаешь что, Борисъ, я посовѣтовалъ бы тебѣ лучше всего спросить у твоей матери, когда ты съ нею увидишься, и я желаю для тебя чтобъ это случилось какъ можно скорѣе, — а мнѣ сердиться на тебя за это было бы такъ бессмысленно, такъ глупо.... Ты ужасный еще ребенокъ, Боря, договорилъ онъ, и потянувъ къ себѣ, поцѣловалъ меня въ голову.

— Нѣтъ, Вася, нѣтъ, воскликнулъ я съ неудержимымъ порывомъ, — не воображай что я такой ребенокъ! Я не умѣю

объясняться, не могу совладать съ тѣмъ что у меня въ головѣ, но я все вижу, все понимаю!...

— Ты все видишь.... повторишь какъ бы безсознательно Вася, и его заалѣвшее за мгновеніе предъ этимъ лицо такъ же быстро поблѣднѣло. Онъ отвернулся, точно избѣгая эти мои видящія глаза, въ которыхъ онъ могъ бы найти отраженіе того что въ эту минуту происходило въ собственной его душѣ.

— Ты говорилъ мнѣ сегодня утромъ и, можетъ-быть, думалъ что я дѣйствительно такой ребенокъ который.... но я еще прежде, самъ....

— Хорошо, Борисъ, довольно! прервалъ меня Вася, слегка отстраняя меня рукой.—Объ этомъ нечего говорить.... Только ты, можетъ-быть, воображаешь.... воскликнулъ онъ вдругъ, пораженный, видимо, какою-то новою мыслию, какъ будто подозрѣвая что то что я могъ представлять себѣ могло быть еще оскорбительнѣе и тяжелѣе для него чѣмъ то что было на самомъ дѣлѣ. Но ничего подобнаго не прочелъ онъ въ моихъ глазахъ.

Онъ прочелъ въ нихъ лишь глубокое, нѣжное къ нему чувство.

— Я ничего не воображаю, а вижу только что ты очень несчастливъ, Вася!...

Онъ не выдержалъ, онъ закрылъ лицо свое обѣими руками и зарыдалъ, вздрагивая плечами, зарыдалъ судорожнымъ рыданіемъ, котораго не въ силахъ были удержать эти до боли нажатые на лицо его руки.

— Вася, Вася, не плачь, ради Бога! умолялъ я его, обнявъ его голову и цѣлуя его мягкіе волосы, мокрые отъ слезъ которыя лились изъ моихъ собственныхъ глазъ.

— Закрой дверь, папа услышитъ.... могъ только проговорить онъ.

Я побѣжалъ къ двери, заглянулъ въ другую комнату: лампа подъ темнымъ абажуромъ тускло освѣщала ее; отецъ Васи не шевелился въ своемъ креслѣ.

— Слить крѣпко, не безпокойся, милый.

Онъ уже успѣлъ придти въ себя и улыбался мнѣ тихою улыбкой, отирая платкомъ свое влажное лицо.

— Видишь какая я баба, сказалъ онъ.

— А бабы говорятъ: поплачешь, легче станешь, старался я развеселить его.

— Онъ правы, отвѣчалъ онъ, — а то такъ тяжело бываетъ, — знаешь, сердце точно закалится, нѣтъ слезъ, какъ ни больно... Ты, Боря, какъ Моисей железомъ своимъ изъ скалы, заставилъ литься воды. Ты, конечно, не такой великій пророкъ какъ Моисей, примолвилъ Вася, стараясь наладить себя на веселый тонъ, — но за то добрейшая душа. Слассибо тебѣ!

— Чтò же хорошаго я сдѣлалъ, что ты меня благодаришь! Только огорчилъ тебя. И все этотъ разговоръ внизу.... Я не хотѣлъ тебѣ передавать, я предчувствовалъ что выйдетъ скверно, — ты самъ захотѣлъ....

— Развѣ ты думаешь, это для меня ново? Ты бы не сказалъ мнѣ, я завтра догадался бы какъ только бы она вошла сюда. Я по ея лицу узнаю каждый разъ когда ее опять настроили противъ него; и Вася кивнулъ по направленію отцовской комнаты.

— Какъ же ты это узнаешь? съ удивленіемъ спросилъ я.

— Какъ, сказалъ вздохнувъ онъ, — я объяснить этого не могу, но она еще слова не промолвитъ, — а я знаю. Привычка! А онъ, примолвилъ Вася, ты думаешь, не то же? Ея платье только еще зашуршитъ въ другомъ покоѣ, а я по глазамъ его уже вижу чего онъ ждетъ себѣ на этотъ день, горя или радости....

— А какъ онъ ее любитъ! воскликнулъ я, припоминая сцену тогда, въ аллеѣ.

— Кажется, за это преступленіе онъ довольно и наказанъ, сказалъ Вася съ невыразимою горечью, — но и тутъ пощадить не могутъ....

Мы замолчали оба.

— Но тебя, своего сына, она навѣрное любитъ, Вася? началъ я первый.

— Да... нерѣшительно отвѣчалъ бѣдный мальчикъ; — она бы меня больше любила, еслибъ я къ нему не былъ такъ привязанъ....

— Знаешь чтò, Вася, — мнѣ кажется, ей совѣстно что она не можетъ любить его какъ ты?

— Она слишкомъ молода для своихъ лѣтъ, отвѣчалъ онъ не сейчасъ, — а я слишкомъ старъ, мы и не понимаемъ другъ друга....

— Да, она удивительно молода! воскликнулъ я. — Моя татап говоритъ что она точно такая же какъ въ семнадцать лѣтъ, когда отецъ твой привезъ ее въ первый разъ въ Петербургъ.

— Твоя матан, кажется, не очень любитъ ее? робко и не глядя на меня, спросилъ Вася.

— Нѣтъ, матан очень добрая и никого не ненавидитъ.—Но она очень жалѣетъ твоего отца....

— А про нее ничего не говорить?

— Ничего дурнаго, увѣряю тебя.... Вѣдь ничего дурнаго нѣтъ въ томъ что она говоритъ про твою матан что она въ Петербургѣ всѣхъ съ ума сводима,—правда, Вася?

— Это она вездѣ дѣлаетъ, не въ одномъ Петербургѣ, отвѣчалъ онъ, все такъ же не глядя на меня и чертя карандашомъ какія-то каракульки на своей тетради.

— А сама оставалась для всѣхъ холодна какъ ледъ, продолжалъ и я примолвилъ:—она настоящая *rose des Alpes*, Вася!

— Это еще чтъ такое? Онъ, недоумѣвая, обернулся на меня.

— Это не матан моя впрочемъ говорить, а этотъ баронъ такъ называлъ женщинъ.... то-есть тѣхъ, объяснилъ я, сконфузясь,—которыя горды, Вася.... и неприступны.... и стоять, говорилъ онъ, жизни смѣльчакамъ которые хотятъ добратся до нихъ....

Онъ вздохнулъ глубокимъ, болѣзненнымъ вздохомъ и снова отвернувшись проговорилъ съ отвращеніемъ:

— Ахъ, какъ это все гадко!...

И я понялъ, какъ это, дѣйствительно, должно было показаться ему гадкимъ, и какъ неосмотрительно, глупо было съ моей стороны повторять ему эту фразу, такъ грубо наломившую ему что мать его могла быть предметомъ всякихъ нечистыхъ желаній и надеждъ. „Боже мой! съ ужасомъ представилось мнѣ,—еслибы мнѣ вдругъ что-либо подобное сказали про мою мать!“... И мнѣ стало такъ больно и такъ стыдно, что я не могъ усидѣть на мѣстѣ. Я вскочилъ со стула и отправился любоваться еще разъ висѣвшею на стѣнѣ Святою Елисаветой Венгерскою, омывающею рану на ногѣ нищаго.

— А вотъ и папѣ проснулся, сказалъ Вася,—я пойду къ нему, а ты Борисъ....

— Нѣтъ, я ужъ къ себѣ, пора спать. Прощай Вася.

Онъ протянулъ мнѣ руку. Я торопливо пожалъ ее, боясь встрѣтиться съ нимъ глазами, и послѣшилъ уйти.

XVII.

У дверей нашего съ Керети аппарата ждалъ меня Максимычъ, сидя на стулѣ вынесенномъ имъ въ корридоръ и клюя носомъ на этомъ стулѣ. Онъ сіялъ какъ мѣсяцъ огромною своею лысиной, на которую плашмя падалъ свѣтъ нагорѣвшаго сальнаго огарка въ мѣдномъ шандалѣ, стоявшемъ на окнѣ прямо противъ него. Онъ проснулся, едва я подошелъ.

— Что это ты, Максимычъ?

— А что я?

— Отчего ты здѣсь, а не въ комнатѣ?

— А вотъ войдите,—сами увидите и услышите!

Я отворилъ дверь и, дѣйствительно, увидѣлъ и услышалъ: увидѣлъ большой свѣтъ бившій изъ оконъ большой залы, на которую выходили наши комнаты, услышалъ звукъ фортепіано и чей-то голосъ, звучный и вѣжливый, заканчивавшій какую-то блестящую италіянскую арію.

— *Il chante délicieusement, ce diable d'officier!* встрѣтилъ меня этими словами Керети; онъ стоялъ у открытаго окна со шляпой на головѣ и съ сигарой въ зубахъ. *Je vous attendais pour descendre. Dormez, mon cher ami,—si vous pouvez,* промолвилъ онъ съ какимъ-то преувеличеннымъ смѣхомъ.

И онъ, посвистывая и слегка покачиваясь, вышелъ изъ комнаты.

— Больно ужъ веселы, пробурчалъ вслѣдъ ему Максимычъ.

— Давно вернулся? спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ.

— Какъ, и Лева также?

— Такъ я ихъ тамъ и оставлю! сердито отвѣчалъ мой старикъ.—Я Льва Михайлыча безъ себя не отпустилъ, и въ девятomъ часу доставилъ ихъ оттуда обратно и сдалъ на руки горничной здѣшней. Спать давно.

— А Мг Керети остался?

— Остался Французъ съ Полякомъ за русское здоровье венгерское тянуть, язвительно сострилъ Максимычъ.

Старикъ Олицкій, старый офицеръ Наполеоновскихъ войскъ, и не менѣе самого его старое *вытравное* его венгерское пользовались, дѣйствительно, большимъ расположеніемъ моего гувернера. Максимычъ, ходившій еще въ двѣнадцатомъ году на

Француза и Ляха, почиталъ своимъ долгомъ видѣть врага въ каждомъ иноязычникѣ или чужеземцѣ „къ намъ прешедшемъ за порогъ“; самъ же онъ въ сущности ни малѣйшей злобы къ нимъ, какъ и ни къ кому на свѣтѣ, не питалъ, и за вѣчно болѣвшимъ Керети ухаживалъ, хотя не пропускалъ при этомъ ни единого случая отпуститъ на его счетъ какую-нибудь колкость. Ненавидѣлъ Максимычъ лишь одно на свѣтѣ—это вино: оно когда-то чуть не стоило ему жизни. Получивъ „чистую“ послѣ Турецкой войны, онъ возвращался зимой къ себѣ на родину, въ Черниговскую губернію. Гдѣ-то на постояломъ дворѣ, позднимъ вечеромъ, Максимычъ выпилъ лишній стаканъ и „подъ куражемъ“ затѣялъ драку съ хозяиномъ. Его вытолкали за двери. „А мнѣ наплевать“, сказалъ себѣ старый солдатъ: ночь была морозная, но лунная и тихая,—и онъ бодро отправился въ путь. Но винные пары одолѣли его; не пройдя и двухъ верстъ, онъ повалился посередь дороги, окончательно ольянѣвъ, и заснулъ какъ убитый. Онъ бы, вѣроятно, никогда и не проснулся, если бы на него чуть не наѣхала кибитка моего отца, ѣхавшаго тѣмъ временемъ изъ К. въ деревню. Максимыча подняли, оттерли, уложили въ кибитку и привезли въ Тихія Воды. Онъ отдѣлался двумя отвалившимися у него ладьями на лѣвой ногѣ, да однимъ на правой—и съ тѣхъ поръ уже не разставался съ нами. Предъ отцомъ моимъ онъ благоговѣлъ, матушку называлъ не иначе какъ „святою“, а все семейство наше „благословеннымъ“. Въ бывшемъ съ нимъ случаѣ онъ видѣлъ „позволеніе Божіе за мерзость прегрѣшеній своихъ“, проводилъ все свободное время за чтеніемъ „божественныхъ“ книгъ и до смерти надѣдалъ всей дворнѣ ежедневною проловѣдью и брачными выходками противъ пьянства и пьяныхъ.

— Какъ же вы телерича почивать станете, Борисъ Михайлычъ? спрашивалъ онъ, злобно кивая на раскрытое окно, откуда неслись новые звуки, звуки Ланнерова вальса, разыгрываемаго Булкенфрессомъ.

— Ничего, попробую, отвѣчалъ я, хотя въ томъ расположеніи духа въ которомъ я вышелъ отъ Васи мнѣ все это было такъ же мало по сердцу какъ и самому Максимычу.

— И это подъ праздникъ, подъ самое воскресенье! ворчалъ старикъ.—Священника, вишь, благочинный что ли потребовалъ, вечерни не служили, такъ это они вмѣсто вечерни всякую музыку заиграли! А еще благочестивыми господами прозываются!

Помяни Господи Царя Давида и всю кротость его! Согрѣшишь съ ними только, ей-Богу!...

— Полно браниться, Максимычъ, я спать хочу.

— Такъ и съ Богомъ, да ангелу своему получить помолигься не забудьте на сонъ грядущій, потому на новосельѣ, да еще при такомъ соблазнѣ... Я вамъ ширмы къ кроваткѣ поставилъ, чтобы, по крайности, свѣтомъ въ глаза вамъ не било. На окнахъ, гляди, ни шторы, ни занавѣси; а то хотите,—я старое одѣяло захватилъ съ вещами на всякъ случай—можно завѣситъ?

— Не нужно, Максимычъ,—и я невольно засмѣялся, вообразивъ себя какъ расхотались бы тамъ, внизу, этому старому моему одѣялу, навѣшенному на окно.

Я раздѣлся и легъ. Но помолиться получше моему ангелу мнѣ не удалось: да какъ и молиться-то было подъ звуки Pesther-Walzer?

Максимычъ ушелъ, и я остался одинъ за ширмами, въ новой необлежанной постели, не находя привычныхъ мнѣ *ялочекъ* и не зная какъ уместиться въ ней половчѣе. А тутъ еще все этотъ Pesther-Walzer, что такъ поджигательно умѣлъ всегда разыгрывать Булкенфрессъ и такъ звучно долеталъ теперь до моего слуха, несмотря что Максимычъ позаботился закрыть окно на всѣ задвижки! Не спалось мнѣ, а спать хотѣлось, хотя бы для того чтобы не думать о „глупости“ которую отлустилъ я Васѣ...

Но вотъ и вальсъ замолкъ, и ничего уже не слышно кромѣ глухаго говора и гула шаговъ по паркету. Ужъ не расходятся ли всѣ? Нѣтъ,—олять зазвучало фортепiano, играютъ ригурнель какого-то романса, и тотъ же голосъ, звучный и вѣжливый, звенить за стекломъ моего закрытаго окна, словно просится онъ ко мнѣ, словно хочетъ новымъ соблазномъ смутить мою душу. Правъ былъ старикъ Максимычъ....

— Это Фельзенъ поетъ, *ce diable d'officier*, какъ вѣрно называлъ его Мг Керети, — настоящій демонъ, Сатана Вельзевуловичъ, говорю я себѣ, прибирая въ головѣ все что могло бы растравить во мнѣ злое чувство къ нему, все что могло бы дать мнѣ силу противостоятъ искушенію, пытаюсь зажать уши, запрятать голову между двухъ подушекъ. Но очаровательный голосъ проникаетъ и туда, подъ горячую подушку, звенить и сквозь зажатые уши....

И спустившись съ кровати, я натянулъ на себя умывальный халатъ и о босу-ногу отправился къ окну. Отворить его? А

какъ увидать меня снизу въ этомъ нарлѣ? Окна моей комнаты выходятъ какъ разъ противъ фортелиано, вокругъ котораго, какъ я успѣлъ уже разсмотрѣть, сгруппировалось все общество. А не отворить—словъ не услышишь: какъ же это слушать безъ словъ? тѣмъ болѣе что это уже не итальянскія, а кажется русскія слова. Какъ быть? Нельзя ли подальше, въ комнату Керети? Прекрасно; оказывается что она въ одно окно и на немъ занавѣска,—можно его отворить осторожно на половинку и уместиться за занавѣской такъ что никто не увидитъ моего халата, да и не догадается о моемъ присутствіи...

И вотъ я сижу, гляжу и слушаю, какъ изъ ложи въ театрѣ.

А Фельзень поеть:

Какъ сладко съ тобою мнѣ быть
И молча душой погружаться
Въ лазурныя очи твои....

О, какая это восхитительная музыка и какъ онъ это восхитительно поеть! Какой полный, свѣжій звукъ! Какъ искусно и выразительно замедлилась, какъ нѣжно протянулась и задрожала бархатная нота на словѣ „лазурныя“!... У нея лазурныя очи.... Опять она! Онъ поеть теперь, какъ тогда говорилъ, для нея, для нея одной! И она слушаетъ его теперь, какъ и тогда слушала, опершись прелестною головкой на руку, съ глубокимъ вниманіемъ, съ какою-то томною радостью на блѣдномъ лицѣ. Она сидитъ поодаль, на диванѣ у стѣны, между тѣмъ какъ Дарья Павловна облокотилась обѣими руками на фортепиано, прямо противъ поющаго и глядитъ на него такъ, будто вотъ-вотъ и прыгнетъ сейчасъ ему въ открытый ротъ. Тома Богдановичъ словно маятникъ раскачивается на мѣстѣ: онъ вполнѣ счастливъ, и мнѣ не видно, но я увѣренъ,—плачетъ отъ умиленія сердечнаго. Анну Васильевну совсѣмъ затерли обѣвшіе вокругъ нея гости. Что-то она, блѣдная, чувствуетъ въ эту минуту, скребетъ ли все у нея на душѣ за „Любочку“, или готова она „думку гадати“ про нее, да про Нѣмца лукаваго, и все готова ему простить, какъ и я простилъ, за его голосъ, за этотъ вселодкулающій голосъ?...

— И сердце трепещетъ въ восторгъ
При видѣ тебя....

поеть Фельзень, кончая высокою, сильною грудною нотой, наполнившею всю залу своимъ могучимъ и чистымъ звукомъ. Онъ смолкъ. Понесся новый оглушительный гулъ возгласовъ,

рукоплексаній. Болѣе всѣхъ тормозится Дарья Павловна: она кинулась къ Фельзену, схватила его руку обѣими своими руками, и приподымая свои круглыя плечи, откидываетъ назадъ голову, чтобы ближе взглянуть ему въ лицо, и лепечетъ что-то быстро, оживленно, восторженно. Фельзенъ только улыбается и кланяется и, видимо, старается скорѣе уйти отъ нея,—но она не выпускаетъ его руки изъ своихъ и продолжаетъ болтать; ея черные глаза такъ и горять, а бѣлые зубы то-и-дѣло сверкаютъ изъ-подъ ея большихъ, полныхъ губъ, словно готовится она загрызть счастливаго лѣвца въ избыткѣ своего восторга. Но вотъ поручикъ Трухачевъ еще разъ является на помощь товарищу: онъ подходитъ къ Дарьѣ Павловнѣ и передаетъ ей какую-то просьбу,—о ней говорятъ его умоляющій видъ, его почтительно изогнувшаяся спина и выразительныя движенія его рукъ,—онъ то простираетъ ихъ къ румяной дамѣ, то прижимаетъ къ собственному сердцу. Дарья Павловна не согласна исполнить просьбу Трухачева: она самымъ рѣшительнымъ образомъ мотааетъ головой и машетъ руками. Фельзенъ свободенъ — и спѣшитъ, осторожно скользя между наставленными стульями, скрыться подалѣе отъ всякихъ изъясненій и рукожатій, несущихся къ нему на встрѣчу. Трухачевъ, съ своей стороны, не унываетъ,—онъ мигомъ собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ товарищей—и уже цѣлая толпа обступаетъ румяную даму, цѣлая толпа въ эполетахъ движетъ руками, то вскидывая ими къ ней, то нажимая ихъ къ мундирнымъ луговицамъ, со стороны сердца. Уже явственно слышатся и голоса, сливающиеся въ выраженіи одного общаго желанія: — изъ *Москаля*, изъ *Москаля-Чаривника!*

— Такъ, такъ, изъ *Москаля!* кричитъ во всю глотку Юма Богдановичъ, и принимается, къ общей потѣхѣ, приплясывать и притопывать посередь залы:

— За Тетану сто кивъ давъ,
Бо Тетана сподобавъ,

подлѣваетъ при этомъ онъ, подмигивая и дѣлая ручкой Дарьѣ Павловнѣ. Румяная дама не упорствуетъ далѣе,—она хохочетъ и направляется къ фортепіано. Булкенфрессъ, поправивъ очки на носу, прелюдируетъ, каррикатурно барабана въ басу, и Дарья Павловна поетъ любимую во всей нашей сторонѣ лѣсенку изъ *Москаля-Чаривника*:

Ой, не звиткиль віе витеръ
Звиткиля мнѣ треба,

Выглядаю миленького
Зпидь чужого неба.

Трухачевъ держитъ обѣ руки на отлетѣ и бьетъ ладонями по воздуху тактъ:

— Кажу, зирку, кажу, ясный,
Где вишь проживае....

подхватываетъ онъ, молодецки махнувъ товарищамъ; и кулетъ заканчивается уже хоромъ. Дарьѣ Павловнѣ стоить только начать, а тамъ ее отъ фортелиано не оттащишь; это всѣ знаютъ. За первымъ кулетомъ идетъ второй, третій, за лѣснымъ новая лѣсня. Дарья Павловна поетъ пріятнымъ, мягкимъ голосомъ и почти исключительно однѣ малорусскія лѣсни, которыя передаетъ она съ большимъ мастерствомъ, со всею задумчивостью и простодушіемъ народнаго украинскаго налѣва. Слушаешь Дарью Павловну—и словно не она поетъ, а какая-нибудь черноокая дивчиночка, стерегущая своихъ овечекъ подъ жидкою тѣнью вербы, или свѣжая молодца за веретенкомъ, на порогѣ хаты, въ тотъ часъ когда вечерніе лучи льются золотымъ дождемъ на нее, и на ея бѣлую хату, и на яблоно, повисшую надъ ними шатромъ, и на жмурающегося на солнцѣ лѣгаго барбоса, единственнаго слушателя свѣжей лѣвуньи.... Всѣ столпились вокругъ Дарьи Павловны. Анна Васильевна пыталась было отвлечь на минуточку Ому Богдановича; ей, видимо, хотѣлось передать что-то ему, но онъ только рукой ей махнулъ, — вздорь-моль! Это она обо мнѣ безпокоится, милая, — безпокоится что вся эта музыка и шумъ мнѣ спать не дадутъ; — она нѣсколько разъ подымала глаза на наши окна, но я погасила свѣчу для большей предосторожности, снизу ничего у насъ увидѣть нельзя — и вопросительно переводила ихъ на Керети. Керети понялъ, но остался глухъ, какъ и Ома Богдановичъ. — Не безпокойтесь, онъ спитъ какъ убитый, il dort comme une souche, говорила въ отвѣтъ ей его улыбка, причемъ, для скорѣйшаго объясненія, онъ поднесъ руку къ щекѣ и закрылъ на мгновеніе глаза. Почтенному наставнику моему, очевидно, нисколько не хочется локинуть веселое общество и въ особенности только-что вошедшую въ залу миссъ Пинкъ, для того чтобы бѣжать на верхъ справиться спать или не спать се polisson de Boris. Онъ претольствія, то одолаваемое смѣхомъ лицо ея свидѣтельствуетъ что „вытравное“ старика Олицкаго имѣетъ способность удваивать любезность ея собесѣдника.

Баронъ Фельзенъ воспользовался удобною минутою и подселъ къ дивану на которомъ помѣщалась Любовь Петровна. Что говорить онъ ей, что отвѣчаетъ она ему? Сначала веселые оба, выраженіе ихъ лицъ измѣняется постепенно: она перестала улыбаться, голова ея склонилась, глаза ея видимо избѣгаютъ встрѣчи съ его глазами; рѣчь его, напротивъ, становится оживленнѣе, настойчивѣе, судя по его взволнованнымъ движеніямъ, несмотря на его замѣтное стараніе сдержать себя, на его опасеніе быть подслушаннымъ—онъ постоянно оглядывается, онъ, кажется, болѣе всего боится близкаго сосѣдства Анны Васильевны. Но Анна Васильевна, случайно или нарочно, села къ нимъ спиною и слушаетъ, какъ и другіе, Дарью Павловну,—ему нечего опасаться, и онъ уже весь отдается говорящему въ немъ чувству, губы его залекаются отъ волненія,—онъ постоянно отираетъ ихъ платкомъ,—онъ все ближе наклоняется къ ней, и рука его, показалось мнѣ, хочетъ дотронуться до ея руки. Она быстро отдернула эту руку,—безъ перчатки, я это замѣтилъ,—и съ испугомъ взглянула на него; она заговорила въ свою очередь, но слова ея не убѣждаютъ его, видно, онъ слушаетъ ее нетерпѣливо, съ язвительною улыбкой, онъ постоянно прерываетъ ее.

—И она снова опускаетъ голову, и ея бѣлая, длинная рука съ сверкающими на ней кольцами принимается съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ перебирать концы ея пунцовыхъ лентъ.—Ей жаль его, но она не можетъ, думаю я себѣ,—она *rose des Alpes*, она никого полюбить не можетъ!... Все сумрачнѣе и злѣе становилось лицо Фельзена: я видѣлъ какъ за какимъ-то ея словомъ онъ замолчалъ и закусилъ усы, какъ бы сдавливая въ себѣ порывъ клокотавшаго въ немъ гнѣва. И за этимъ, словно рѣшившись внезапно на послѣднее средство, онъ что-то коротко, отрывисто сказалъ ей. Это что-то, очевидно, смутило и оскорбило ее: гордымъ, упрекающимъ взглядомъ вскинула она на него, все лицо ея загорѣлось мгновенно, и, не отвѣчая ни слова, она только головой качнула,—никогда, никогда! говорило ясно это движеніе. Онъ, весь блѣдный, всталъ, остановился предъ ней, началъ что-то говорить, жадно и пронзительно глядя на нее, будто снова хотѣлъ вызвать этотъ гордый взглядъ или склонить ее мольбой къ иному рѣшенію. Но онъ не успѣлъ,—она не хотѣла или не могла рѣшиться взглянуть еще разъ на него, и еще разъ закачала головой. Онъ низко поклонился ей и отошелъ... Боже мой! сколько

страданія сказалося вдругъ въ ея чертахъ, когда она взглянула ему вслѣдъ!—Я все прощаю, вѣрнись! казалось мнѣ, сейчасъ сорвется у ней съ языка. Но она не вернула его, она откинулась на спинку дивана—она такъ напоминала мнѣ Васю въ эту минуту—и горько, горько усмѣхнулась,—потомъ приподнялась,—и тихо „съ покойнымъ, холоднымъ челомъ“ подошла и сѣла подлѣ фортепiano. По другой сторонѣ его стоялъ Фельзенъ и не сводилъ глазъ съ Дарьи Павловны. Но румяной дамѣ было не до его взглядовъ, она и не видѣла ихъ, она уже все на свѣтѣ позабыла, эта жеманная, „mauvais genre“, какъ я осмѣливался называть ее, Дарья Павловна—и глѣла, какъ жаворонокъ въ небѣ, никого и ничего не замѣчая, полузакрывъ глаза, съ выраженіемъ безконечнаго счастья на лицѣ. Долго, внимательно глядѣла на нее Любовь Петровна и, вслѣдъ за послѣднею нотой ея пѣсни, подошла къ ней, обняла за шею и крѣпко поцѣловала ее. Дарья Павловна зардѣлась какъ макъ цвѣтъ и низко присѣла предъ красавицей. Любовь Петровна повела взоромъ кругомъ себя, едва замѣтно зѣвнула, улыбнулась, поклонилась общимъ поклономъ всѣмъ, въ томъ числѣ и Фельзену, и, пожавъ мимоходомъ руку Анны Васильевны, вышла изъ залы.

Черезъ пять минутъ никого уже тамъ не оставалось, кромѣ Булкенфресса, собиравшаго свои ноты на фортепiano. Я направился къ своей постели, какъ вдругъ услышалъ голоса. Любопытство снова потянуло меня къ окну.

— Was suchen sie, Hochwohlgebener? спрашивалъ музыкантъ барона Фельзена, который искалъ чего-то по столамъ и кресламъ.

— Meine Peitsche... А, da ist sie! отвѣчалъ тотъ, показывая ему отысканный хлыстъ.

Онъ подошелъ къ нему и сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ я не могъ разслышать. Лицо его было блѣдно, и какая-то желчная усмѣшка кривила его губы.

— Nicht möglich! съ громкимъ удивленіемъ воскликнулъ Булкенфрессъ.

— Sie sehen's Morgen, отвѣчалъ небрежно офицеръ, и круто повернувъ на коблукахъ, быстрыми шагами пошелъ къ двери.

— Hören sie aber mal Herr Baron! закричалъ ему вслѣдъ музыкантъ и побѣжалъ за нимъ.

Они исчезли. Люди гасили лампы и свѣчи. Въ корридорѣ раздавались шаги возвращающагося Керети. Я бросился въ

постель и натянуть себѣ одѣяло по самыя уши. Я ни о чемъ уже не думалъ,—сонъ клонилъ меня, я чувствовалъ себя безмѣрно усталымъ и отъ прошедшей почти бессонной ночи въ Тихихъ Водахъ и отъ всѣхъ новыхъ, разнородныхъ впечатлѣній этого перваго дня въ Богдановскомъ. Помню только что, засылая, мнѣ все слышался голосъ Васи: „напрасно, Борисъ, напрасно отпустили тебя сюда“...

XVIII.

Едва успѣли мы подняться на слѣдующій день, какъ Керети обратился ко мнѣ со строгимъ наставленіемъ: вчера-моль я проболтался весь день безъ дѣла и ему на глаза не показывался, et que cela ne peut pas aller comme cela, что порядокъ нашей жизни и занятій не долженъ измѣняться потому что nous ne sommes plus à Tikvode, mais à Bogdanovsk,—причемъ и самъ повинился въ томъ что слишкомъ долго засидѣлся послѣ обѣда chez ce brave Opiski и легъ спать à une heure impossible, grâce à cette satanée musique et tout le tremblement! Спалъ онъ плохо и прокашлялъ всю ночь, вслѣдствіе чего былъ раздражителенъ и придирчивъ. Налпившись чаю, мы тотчасъ же принялись за латинскій языкъ. Латинскимъ языкомъ я занимался съ Мг Керети только лѣтомъ; въ городѣ ко мнѣ ходилъ очень хорошій учитель изъ гимназіи, а въ деревнѣ гувернеръ мой релетовалъ только со мною то что было пройдено мною съ этимъ учителемъ зимой. Самъ онъ былъ не очень силенъ въ предметѣ, заставляя меня только переводить, и не вдавался ни въ какія этимологическія и синтаксическія объясненія, но не могъ за то никакъ помириться съ моимъ латинскимъ произношеніемъ, требуя чтобъ я читалъ comme cela s'écrit en français, то-есть, curriculum, на примѣръ, не *куррикулумъ*, а „корриколѣмъ“, gerundium не *герундіумъ*, а „жерондіомъ“. Я, съ своей стороны, никакъ на это не соглашался и съ трудомъ удерживался отъ смѣха, когда самъ онъ принимался читать по-латыни своимъ носовымъ французскимъ произношеніемъ. Латинскій урокъ рѣдко поэтому проходилъ у насъ благополучно. На этотъ разъ мы читали изъ Корнелія Непота *Эламинонда*, котораго я твердо проштудировалъ еще зимой и переводилъ поэтому почти безъ запинки. На бѣду, въ этомъ жизнеописаніи воинственнаго Эламинонда очень часто встрѣчаются

слова *bellum* и *gesta*, и каждый разъ какъ встрѣчались они, Керети поправлялъ меня: „белломъ“, „жестъ“, повторялъ онъ все съ большимъ и большимъ раздраженіемъ, — а я все упорнѣе отчеканивалъ каждый разъ: *béallum*, *gêsta*....

— Ah! *Vous m'embêtez enfin avec vos béalloum et guêsta!* вскрикнулъ онъ, и вырвавъ у меня изъ лодъ носа книгу, швырнулъ ее со всего размаха въ дальній уголъ комнаты.

Я взбѣсилъ въ свою очередь, вскочилъ и объявилъ ему что я *pour rien au monde* не стану произносить какъ онъ, потому что я Русскій, а не Французъ, и что Римляне, вѣрно, такъ смѣшно не говорили по-латыни, какъ Французы говорятъ, а что онъ не смѣетъ за это *me maltraiter comme cela*, потому что я *son élève et pas son esclave*, и что этого ни родители мои никогда ему не дозволяютъ, ни я самъ, потому что я уже не ребенокъ, не Лева, котораго онъ можетъ на колѣни ставить.... Я былъ очень доволенъ мужествомъ съ какимъ произнесена была мною эта рѣчь и тѣмъ впечатлѣніемъ какое она, видимо, произвела на моего Керети: онъ затихъ весь и слушалъ меня, не прерывая.

— *Est ce votre nouvel ami, ce jeune homme qui passe pour un prodige*, язвительно спросилъ онъ меня когда я кончилъ, — *qui vous pousse á la révolte?*

— *Mon bon sens, monsieur, me pousse á comprendre où finit le droit et où commence l'injustice!* отпустилъ я ему въ отвѣтъ эту гремучую фразу, Богъ знаетъ какъ попавшую мнѣ на языкъ, но о которой я потомъ долго вспоминалъ съ чувствомъ великаго самодовольства.

Мой почтенный наставникъ поднялъ на меня глаза и усмѣхнулся. Такая фраза моя должна была ему понравиться, и я увѣренъ что онъ въ эту минуту думалъ: *comme c'est français* ce qu'il vient de me dire là!

— *Nous reprendrons notre besogne quand vous serez plus calme*, сказалъ онъ, почти ласково, — *vous pouvez disposer de votre temps jusqu'à après déjeuner.*

Я съ достоинствомъ отвѣсилъ ему сухой, но учтивый поклонъ и отправился къ Васѣ, „*ce jeune homme qui passe pour un prodige*“, какъ называлъ его, невѣдомо почему, мой горячій Французъ.

У Лубянскихъ все обстояло какъ слѣдуетъ. Герасимъ Ивановичъ спалъ своимъ первымъ утреннимъ сномъ; ночь онъ, по обыкновенію, провелъ сидя въ своемъ креслѣ и глядя въ ок-

но; Вася сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ Бантыша-Каменскаго. Я послѣдшилъ передать ему о моей перемолвкѣ съ Керети изъ-за *bellum* и *gesta* и о моемъ торжествѣ въ этомъ дѣлѣ. Онъ слушалъ меня улыбаясь, но я не безъ досады долженъ былъ замѣтить что это торжество мое не возбуждало въ немъ никакой особенной радости, что онъ даже съ большимъ равнодушіемъ относился къ нему. Въмѣсто какого-нибудь слова поощренія, похвалы за мое „мужество въ неравномъ бою“, какъ представлялась мнѣ моя сцена съ Мг Керети,—чего я не премѣнно ожидалъ отъ него,—онъ вдругъ предложилъ прочесть мнѣ вслухъ интересное мѣсто изъ исторіи Малороссіи.

— Читай, уныло отвѣчалъ я ему.

Вася перевернулъ страницу лежавшей предъ нимъ книги и сталъ читать описаніе битвы и побѣды Хмельницкаго при Желтыхъ Водахъ.

Тяжело и дубовато показалось мнѣ это описаніе, но самый предметъ его интересовалъ меня, и по мѣрѣ чтенія воображеніе мое мало-по-малу стало разыгрываться. Я вспоминалъ высокій курганъ въ нашемъ *стенѣ*, ту „казацкую могилу“ о которой ходило такъ много суевѣрныхъ слуховъ и всякихъ разказовъ среди нашихъ крестьянъ, вспоминалъ какъ однажды старый *дидъ*, что сидѣлъ у насъ на пасѣвкѣ и кормилъ насъ всегда съ Левою такимъ чуднымъ липовымъ медомъ, говорилъ мнѣ что въ Тихихъ Водахъ „когда-сь, ще за Ляхивъ“, много побито было душъ христіанскихъ, что много „арматы казацкой заховано въ тій могилѣ“, а съ нею много „шаблей“, сѣдель и сбруи конской серебряно- и златокованныхъ, много червонцевъ, таларовъ нѣмецкихъ и камней самоцвѣтныхъ, потому что тогда „казаки билися съ Ляхами за вѣру истинную, и казаки всю Польшу зруиновали и много понабрали добра у католиковъ и съ тѣмъ добромъ до дому ихали. А ихали они, да „горилки старой зъ ланскихъ погребовъ позабранной съ собою „ливсотни бочекъ на ливсотни парахъ волить везли. И съ тій „горилки, бисовой дочки, и смерть имъ пришла“. Стали казаки обозомъ у самаго нашего *става*, напились той горилки и залегли спать. А Жидъ проклятый навелъ на нихъ ночью враговъ. И стали ихъ рѣзать сонныхъ Ляхи, а кого не перерѣзали, того въ ставъ вогнали и тамъ потожили... Вспоминался мнѣ весь почернѣлый отъ времени прадѣдовскій портретъ, что всегда, сколько я себя помнилъ, висѣлъ тамъ, въ Тихихъ Водахъ, на стѣнѣ моей спальни, вспоминался этотъ смуглый, суровый

круглостриженный и усатый, съ тройнымъ подбородкомъ и какимъ-то страннымъ, не то недописаннымъ художникомъ, не то отрубленнымъ дѣйствительно, ухомъ, ликъ предка, котораго, какъ я слышалъ отъ батюшки, тотъ самый Богданъ Хмельницкій, о комъ читалъ теперь Вася, послалъ посломъ съ двумя товарищами къ польскому королю за миромъ; миръ былъ заключенъ, а пословъ король Янъ-Казиміръ пожаловалъ въ шляхетство,—и съ тѣхъ поръ, говорилъ батюшка, идетъ нашъ дворянскій родъ... И мнѣ представлялась кровавая, отчаяннаяшибка на этомъ самомъ, знакомомъ мнѣ, *стену*, близъ того высокаго кургана, не въ Желтыхъ, а въ Тихихъ Водахъ, не ночью, когда бѣдныхъ казаковъ перерѣзали сонными у става, а при свѣтѣ яркаго солнца, весной, когда изумрудною зеленью покрыта земля,—и вотъ на вороныхъ коняхъ, подирая эту яркую зелень серебряными подковами, летятъ смѣлые всадники съ развѣвающимися по вѣтру рукавами, въ кунтушахъ, какіе я видѣлъ однажды въ Кіевѣ на городскомъ парадѣ въ день Крещенія, * и машутъ они кривыми саблями, и выются надъ ихъ головами бѣлыя перья, и врубаются они въ тѣсный рядъ чумацкихъ телѣгъ, за которыми въ черныхъ смушковыхъ шалкахъ, въ широкихъ, измаранныхъ дегтемъ, шараварахъ, засѣли почернѣлые, усатые и дюжіе, какъ портретъ моего предка, казаки и палятъ оттуда изъ длинныхъ *рушницъ*.... Врубаются свѣтлые кунтуши и бѣлыя перья въ эту густую и измаранную толпу, летятъ съ плечъ усатыя головы, валяются съ головъ смушковые шалки, „смерть пришла“ казакамъ.... Но вотъ изъ-за „могилы“, изъ-за того высокаго кургана вылетаетъ съ булавою въ рукѣ и въ зеленомъ кафтанѣ самъ онъ, самъ гетманъ Хмельницкій,—я почему-то никакъ себѣ его представить иначе не могъ какъ въ зеленомъ кафтанѣ, такомъ какой обыкновенно носилъ Богунъ Оомы Богдановича, и съ такимъ же толстымъ лицомъ какъ у него—на дикой, страшно ржущей и все давящей подъ собою степной лошади, и за нимъ вся „армата казацкая“...

* Въ Кіевѣ, гдѣ, при польскомъ владычествѣ, существовало магдебургское право, еще въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, въ день Крещенія, 6го января, производился этотъ парадъ *муниципальной гвардіи*; конницу составляло кулечество, а пѣхоту—цехи, все это со знаменами, значками, литаврами историческаго происхожденія и въ старинномъ польскомъ одѣяніи, въ которое должны были облекаться въ этотъ день и лица чисто русскаго происхожденія, но принадлежащія къ Кіевскому городскому сословію.

И въ одинъ мигъ все перемѣняется, и князь Теремія Вишневецкій,—какъ двѣ капли воды похожій на старика Олицкаго,—и съ нимъ всѣ кунтуши и перья, преслѣдуемые черною тучей казаковъ, исчезаютъ за нашимъ домомъ, изъ-за котораго только слышатся мѣрные *буль, буль* какой-то большой пушки, о которой только-что прочелъ что-то Вася въ Бантышъ-Каменскомъ....

И чтеніе его и мои фантазіи на тему казацкихъ войнъ прерваны были Савеліемъ, который вошелъ доложить что Герасимъ Ивановичъ проснулся и завтракъ поданъ.

Больной былъ тревоженъ, — приближалось время обычнаго утренняго ему визита Любовь Петровны,—онъ почти ничего не ѣлъ за завтракомъ, глядѣлъ на дверь и прислушивался, выражая неудовольствіе нетерпѣливымъ движеніемъ головы, когда Вася или я говорили слишкомъ громко. Но красавица заставляла себя ждать. Вошла Анна Васильевна и, поздоровавшись съ Лубянскимъ, тотчасъ же обратилась ко мнѣ съ вопросомъ—не помѣшала ли мнѣ вчера музыка спать? Я не хотѣлъ лгать и сказалъ только что слушалъ съ большимъ удовольствіемъ какъ пѣла Дарья Павловна, и что это нисколько не помѣшало мнѣ затѣмъ отлично выспаться. Анна Васильевна взглянула на меня съ какою-то особенною ласковостью;—вѣрно въ благодарность за то что я не произнесъ имени барона Фельзена, сказалъ я себѣ.

— А все жъ Софья Михайловна не скажетъ мнѣ спасибо за то что ты у меня не можешь засыпать въ свои часы, сказала она.—Да и Французу твоему тоже нездорово. Надо будетъ вась перевести въ другія комнаты.... Только не знаю.... тамъ тебѣ отъ Васи далеко будетъ, черезъ весь домъ придется проходить....

— Нѣтъ, ради Бога, милая, добрая Анна Васильевна, умолялъ я ее, — оставьте меня тамъ гдѣ теперь! Клянусь вамъ....

— Въ чемъ это вы такъ горячо клянетесь, молодой человекъ? послышался за мною женскій голосъ. И не ожидая моего отвѣта, Любовь Петровна прошла мимо, задѣвъ меня слегка рукавомъ своего широкаго распашнаго капота съ большими турецкими узорами. Она благоухала, какъ всегда, какимъ-то особенно тонкимъ запахомъ раздушеннаго бѣлья,—какъ Киприда, когда она съ Олимпа сходила къ смертнымъ, подумалъ я, припоминая мѣсто изъ *Илиады*, которую Мг Керети давалъ мнѣ читать въ переводѣ madame Dacier....

— Здравствуй, Вася, говорила она, поднося ему свою руку къ губамъ. *Вонjour, mon ami!*

И она перенесла эту нѣжную длинную руку въ приподнявшуюся съ колѣнъ, дрожавшую и тянущуюся въ ней руку мужа—и слегка прикоснулась губами къ его лбу.

Онъ жадно припалъ къ ней устами—и такъ и замеръ.

Она тихо высвободила свою руку и сѣла рядомъ съ его кресломъ.

„Ну, гляди на меня, любуйся, будь счастливъ“, казалось, говорило ея блѣдное, томное и нѣсколько усталое лицо.

И онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза, любовался ею и былъ бесконечно счастливъ. Грудь его высоко подымалась, въ складкахъ рта играла несказанно нѣжная, мягкая улыбка...

— Пала аккуратно принимаетъ свое лѣкарство? спросила она Васю.

— Онъ давно ничего не принимаетъ, отвѣчалъ тотъ; — докторъ, когда былъ здѣсь въ послѣдній разъ, сказалъ что это совершенно бесполезно теперь.

— Это вашими молитвами, тетюшка, сказала она, улыбаясь, Анна Васильевна, — онъ удивительно поправился съ тѣхъ поръ какъ здѣсь.

— А ты... какъ... Любочка? все глядя на нее, проговорилъ больной, и въ его глубокихъ глазахъ сказывалось все наслаждение какое испытывалъ онъ что могъ произнести это слово „Любочка“...

Она взглянула на него съ удивленною улыбкой.

— Я ничего, отвѣчала она.

— Ты такая... блѣд-ная, проговорилъ онъ опять, и брови его озабоченно сдвинулись.

— Я плохо спала нынче и полѣзла въ утро въ мою ванну. Vous en voyez les consequences sur ma vieille figure, засмѣялась она ему въ отвѣтъ.

— Да и поздно же мы вчера сидѣли! воскликнула Анна Васильевна, — негодится такъ дѣлать, я всегда говорю. Ужь это мой Ома Богданъ съ своею музыкой.

— А что твой Ома Богданъ съ своею музыкой? неожиданно выбѣгая изъ Васиной комнаты, заезгилъ самъ онъ, уперши, какъ говорится, руки въ боки и глаза въ потолоки, въ двухъ шагахъ отъ жены и ожидая въ такомъ положеніи ея отвѣта.

— А то, *старый мій*, съ ласковымъ упрекомъ сказала она, — что отъ того самого у насъ никому въ домѣ сна нѣтъ....

— А отъ-же того самого и нема больше! прервалъ ее съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ Ома Богдановичъ.

— Ахъ, Боже мой, миленькій! перепуганнымъ голосомъ воскликнула Анна Васильевна, — что тамъ еще случилось?

Ома Богдановичъ вытащилъ изъ кармана своихъ панталонъ какое-то письмо и протягивая его, но не давая въ руки, женѣ:

— Читать умѣешь? спросилъ онъ.

— Да, ну же!..

— Нѣтъ, говори прежде — умѣешь читать?

— Ахъ, якій же ты нудный, Ома! уже засмѣялась Анна Васильевна, видя что дѣло идетъ не „въ серіозъ“.

— Читать умѣешь, — самъ видѣлъ какъ послѣ вѣнца въ книгѣ расписывалась! продолжалъ шутовство свое бѣдовый Ома Богдановичъ. — Хотѣлъ чтобы сама похвалилась, — да не хотить, бо какъ коза упряма! Такъ на жь тебѣ, о, — читай!

Онъ сунулъ ей письмо и пошелъ здороваться со всѣми.

Анна Васильевна развернула письмо, взглянула съ нѣкоторымъ удивленіемъ на подпись и принялась читать его про себя. По мѣрѣ чтенія, лицо ея принимало все болѣе довольное, свѣтлое выраженіе. Окончивъ, она сжала письмо въ рукѣ и тотчасъ же обернулась ко мнѣ съ предложеніемъ идти съ нею къ Галечкѣ, у которой завтракають Лева съ Керети; она, видимо, торопилась уйти.

— Чего же это, дядюшка, „нема у васъ бильше“ теперь? переразвивая его, спросила небрежно веселымъ тономъ, зорко между тѣмъ слѣдившая за тегкой, Любовь Петровна.

— А того нема, отвѣчалъ онъ, вздыхая, — что была у насъ душа общества, а теперь безъ души остались...

— Что это значить? Мнѣ показалось что голосъ Любовь Петровны дрогнулъ, дѣлая этотъ вопросъ.

— А отъ — лишеть, сказалъ, угрюмо качая головой, Ома Богдановичъ. — Ганнуся!..

Анна Васильевна уже уходила.

— Чего тебѣ? спросила она, не оборачиваясь.

— А куда ты?

— А на что я тебѣ?

— Давай писульку!

— Да некогда же мнѣ, возразила Анна Васильевна, слѣша къ двери и показывая этимъ что ей не хотѣлось отдавать письма.

Ома Богдановичъ побѣждалъ за нею, схватилъ за руку и притащилъ въ средину комнаты.

— Давай мое добро! требовалъ онъ.

— А вотъ же не дамъ! пробовала она шутить. И какъ мало шло это ей, милой моей Аннѣ Васильевнѣ!

— Право, ma tante, все тѣмъ же неестественно небрежнымъ и преувеличенно веселымъ тономъ молвила Любовь Петровна, — еслибы мы всѣ здѣсь не видѣли что это таинственное письмо передано было вамъ дялюшкой, можно было бы подумать что это пишетъ кто-нибудь влюбленный въ васъ.

Анна Васильевна, къ удивленію моему, вдругъ перемѣнилась въ лицѣ, выпустила изъ рукъ письмо и опустилась въ ближайшее кресло, точно ноги подъ ней подкосились.

Ома Богдановичъ поднял письмо и усѣлся съ нимъ подлѣ племянницы.

— Кто же это вамъ пишетъ? спросила она.

— А нашъ гость дорогой, милый нашъ баронъ.

— А! какъ можно болѣе равнодушно промолвила Любовь Петровна. — И что же ему нужно? договорила она послѣ паузы и оперлась головой на руку, такъ что весь верхъ ея лица закрыла эта рука.

— А вотъ, слушайте.

Фельзенъ писалъ къ Омѣ Богдановичу что полученное имъ, весьма важное для него, извѣстіе требуетъ его немедленнаго отъѣзда въ К., и что онъ сейчасъ же отправляется въ полковой штабъ выправить себѣ отпускъ. Онъ никакъ не можетъ опредѣлить времени своего возвращенія, — и даже далеко не увѣренъ придется ли ему вернуться. Во всякомъ случаѣ для него теперь не можетъ быть рѣчи о командованіи эскадрономъ расположеннымъ въ Богдановскомъ, и онъ, съ глубокою печалью, видитъ себя вынужденнымъ разстаться съ успѣвшимъ сдѣлать ему уже столь близкимъ, — роднымъ, смѣетъ онъ сказать, — обществомъ любезнаго, радушнаго его хозяина и милѣйшихъ хозяекъ. Обо всемъ этомъ онъ надѣялся сообщить лично Омѣ Богдановичу, но такъ какъ неожиданное извѣстіе пришло къ нему сегодня очень рано, на самой зарѣ, то онъ, съ одной стороны, чтобы не терять ни минуты дорогаго времени, съ другой, не желая тревожить сна Омѣ Богдановича, рѣшился уѣхать не простясь съ нимъ, не объявивши его предъ долгою, по, всея вѣроятности, разлукой.

„На моемъ не веселомъ, испытанномъ всякими невгодами пути“, писалъ подъ конецъ Фельзенъ, „я нашелъ въ Богдановскомъ рай, изъ котораго изгоняетъ меня теперь вѣчно враждебная судьба.... Что же дѣлать, — приходится стиснуть зубы и

повиноваться. Я уношу изъ-подъ вашего крова единственно свѣтлыя воспоминанія моей жизни и вѣчно (насколько лишь моя жизнь можетъ разчитывать на вѣчность), загадочно прибавляя оныя въ скобкахъ, „сохраню ихъ въ благодарномъ сердцѣ...“

— Ну, и поклонъ всѣмъ посылаетъ; передавалъ уже отъ себя Оома Богдановичъ, со слезами въ горлѣ,—всей вашей семьѣ, пишеть, скажите что никого ихъ не позабуду.... А пишеть-то какъ, Любовь Петровна, а? Вѣдь самъ Карамзинъ, какъ вы думаете, лучше его не написалъ бы, а ужъ какой былъ большой сочинитель!

Оома Богдановичъ всхлинулъ на этомъ послѣднемъ словѣ, такъ что можно было подумать что онъ разчувствовался именно потому что вспомнилъ какой былъ большой сочинитель Карамзинъ,—и нѣжно еще разъ взглянувъ на письмо Фельзена, вздохнулъ и засунулъ его опять въ карманъ своихъ панталонъ.

— И такъ это вдругъ! жаловался онъ.—Вчера еще такъ глѣз у насъ, и съ Дарьей Павловной колотился насчетъ женскаго полу, и все это такъ у него прекрасно и весело... И вдругъ сегодня—нѣтъ! Сиротами остались мы безъ него, Любовь Петровна.... А ничего онъ вамъ не говорилъ? спросилъ онъ ее торопливо.

Она отняла руку и взглянула на него какими-то ледяными глазами. Ни кровинки не было въ лицѣ ея.

— Что же могъ онъ мнѣ сказать?

— А насчетъ того что ему за такая треба вышла покинуть насъ да ѣхать?

— Онъ, кажется, пишеть, насмѣшливо отвѣчала она, — что получилъ какое-то извѣстiе сегодня рано, на зарѣ. Въ это время я сплю, дядушка, и визитовъ не принимаю, а слѣдовательно баронъ Фельзенъ, еслибы даже и былъ намѣренъ me faire ses confidences, не нашель бы для этого случая. Онъ впрочемъ знаетъ, я думаю, что я вовсе не любопытна, промолвила она, привставая и протягивая снова руку мужу.

Больной задержалъ ее своими обѣими руками.

„Погоди, еще на одно мгновение!“ говорилъ его умоляющій взглядъ.

Она опять сѣла и улыбнулась ему, какъ улыбаются дѣтямъ, когда они просятъ о новой игрушкѣ.

— Барона Фельзена, надо думать, въ гвардію перевели, сказалъ я Оомѣ Богдановичу.

Любовь Петровна, съ измѣнившимся лицомъ, обернулась въ мою сторону, и съ тѣмъ пчелинымъ выраженіемъ которое я уже въ ней замѣтила разъ, въ первый день моей встрѣчи съ нею, спросила меня:

— А вы почему это можете знать, молодой человекъ?

Я рѣшительно не могъ говорить съ ней, не краснѣя ло уши.

— Вчера, пробормоталъ я, — майоръ Гольдманъ говорилъ что его должны скоро перевести.

— Гольдманъ, а? Гольдманъ говорилъ тебѣ? набросился на меня Ома Богдановичъ. — А у меня, стараго дурня, и въ мысли не было его спытать. А вотъ мы сейчасъ Гольдмана за чурьну, кажи, верста шляховая, всю правду про нашего барона....

И онъ со всѣхъ ногъ кинулся изъ комнаты.

Безучастно и холодно глядѣли уже опять глаза Любовь Петровны.

— Скажите пожалуйста, обратилась она къ Аннѣ Васильевнѣ, которая, казалось, только теперь, когда мужъ ея вышелъ, начинала приходить въ себя, — чѣмъ это баронъ Фельзенъ такъ очаровалъ дядюшку?

— А все то же — лѣнье, отвѣчала та, слабо улыбаясь.

— *C'est vrai il ne chante pas mal*, проговорила красавица, и вдругъ принялась смѣяться. — Но вѣдь дядюшка богата, сказала она, — пусть выпишетъ себѣ тенора изъ Италіи, тотъ отъ него, навѣрно, въ гвардію не уйдетъ.... Такъ я говорю, *monsieur Loubianski*? обернулась она къ мужу съ этою внезапною, напускною — это всѣмъ чувствовалось — веселостью.

— Д-да, Любочка, проговорилъ онъ, словно околдованный волшебствомъ ея взгляда, ея улыбки.

— Я не люблю когда вы меня такъ называете. Помните какъ вы звали меня когда-то? Попробуйте сказать: *mon Aimée chérie*.

— *Mon Ai... mée... ch... che...* онъ не могъ дальше, и бездѣтныя его губы искривились въ прежнюю уродливую улыбку.... Любовь Петровна съ невольнымъ чувствомъ отвращенія откинула назадъ свою наклоненную къ нему голову.

Я взглянулъ на Васю. На рѣсницахъ его дрожали слезы. Не добрыми глазами глядѣлъ онъ на мать....

— А я пойду къ Галечкѣ. До свиданія, Герасимъ Ивановичъ, сказала Анна Васильевна, подошла къ нему и, обнявъ, крѣпко поцѣловала его въ голову.

— И я съ вами, тетушка.

Любовь Петровна прижала свою руку къ губамъ мужа, улыбнулась ему и, какъ бы избѣгая встрѣтиться съ глазами сына, торопливо прошла мимо его, вслѣдъ за Анной Васильевной. Я пошелъ за ними.

— Скажите, пожалуйста, тетушка, молвила въ корридорѣ красавица, — она меня не видѣла, — отчего это вы хотѣли держать въ тайнѣ письмо.... этого офицера къ вашему мужу?

— Ахъ, Любочка, отвѣчала съ замѣшательствомъ, остановясь на ходу, Анна Васильевна, — ты вѣдь знаешь.... при Герасимѣ Иванычѣ....

— Что при Герасимѣ Иванычѣ? переспросила та гордымъ и холоднымъ тономъ.

— Я такъ боялась.... что мой старый, — онъ, ты знаешь, у насъ какъ блаженный, что взбредеть на думку, то и говорить ему надо, — что сталъ бы онъ при Герасимѣ Иванычѣ свои балясы распускать про того барона, что онъ за тобою пропадаетъ и вотъ теперь, можетъ, уѣхалъ все изъ-за тебя же....

— Ну и пусть! Можетъ-быть это и правда, — почему вы знаете? раздраженно отвѣтила на это мать Васи.

— Такъ вѣдь это и хорошо, если правда, Любочка! воскликнула Анна Васильевна. — Только ни хорошаго, ни дурнаго про такое что при мужѣ твоёмъ вѣдь не надо.... вѣдь очень жестоко говорить, Любочка! промолвила она ласковымъ, почти молящимъ голосомъ. — Ты знаешь, вѣдь это его ровно что ножомъ рѣзать!...

— Такъ что же это, тетушка! воскликнула Любовь Петровна въ гнѣвномъ порывѣ, въ которомъ такъ и чуялись близкія, горячія слезы. — Это безуміе, эта бессмысленная ревность будеть меня до гроба преслѣдовать!

И она побѣжала по корридору. Анна Васильевна едва поспѣвала за ней.

XIX.

Идти за ними было неловко. Я зашелъ къ себѣ въ комнату, не засталъ Керети, подождать немного — и отправился къ Галечкѣ. Тамъ также никого не было, кромѣ молодой хозяйки и Миссъ Пинкъ. „Губернаторша“ приняла меня свысока и глядѣла

расфуфыренною лавой, въ своемъ длинномъ, неловко еще на ней сидѣвшемъ, платьѣ,—длинныя платья она выпросила себѣ дозволеніе носить только предъ самымъ нашимъ прїѣздомъ въ Богдановское. Я рѣшительно былъ у ней въ опалѣ: вопервыхъ, самъ отсталъ отъ нея и пересталъ „обожать“ съ самой первой минуты когда увидѣлъ Любовь Петровну; вовторыхъ, разъ она уже надѣла длинное платье и постулила на положеніе *jeune personne*—она почитала для себя унижительнымъ обращать вниманіе на „мальчика“. Я понялъ это съ перваго ея слова и тотчасъ же рѣшилъ не выдти изъ ея комнаты прежде чѣмъ не побѣситъ ее хорошенько.

— Чему я обязана чести васъ видѣть? спросила она меня по-французски, едва вошелъ я къ ней, церемонно отвѣсивая мнѣ поклонъ одною головою сверху внизъ.

— Обязаны вы этимъ вашей маман, отвѣчалъ я ей на это, принимая самый развязный и равнодушный тонъ,—она меня приглашала сюда съ собою и сказала что я застану на этой половинѣ—я, нарочно, не хотѣлъ сказать: *у васъ*,—моего брата и *monsieur Керети*. Я очень жалѣю что ихъ никого здѣсь нѣтъ.

— Мг Керети и Левушка *m'ont fait l'honneur de déjeuner chez moi*, принимая, въ свою очередь, видъ театральной царицы, молвила Галечка,—и послѣ этого ушли, кажется, въ садъ.

— Рыбу удить на озеро, добавила миссъ Пинкъ,—но я знаю что они ничего не поймаютъ. И она засмѣялась своимъ гортаннымъ англійскимъ смѣхомъ, показавъ мнѣ при этомъ весь заводъ своихъ бѣлыхъ, ровныхъ, но очень ужъ большихъ зубовъ.

— А гдѣ же Анна Васильевна? Развѣ она не приходила сюда?

— Нѣтъ, отвѣчала опять миссъ Пинкъ.—Она также пошла въ садъ, мы ее сейчасъ видѣли въ окно....

— *Aves ta cousine*, сказала Галечка.

— Кто это ваша *cousine*? спросилъ я съ дѣйствительнымъ, въ первую минуту, удивленіемъ.

— А вы не знаете? Странно! колко и съ полупрезрительною, полудукавою улыбкой возразила она.

— Нѣтъ, не знаю.

— *Ma cousine*—Любовь Петровна Лубянская, мать Васи, вашего друга.

— Ахъ, вотъ кто! И я расхохотался.

— Я думаю что такъ! вся покраснѣвъ, отрѣзала Галечка.

Мужъ ея родной племянникъ папа, сынъ его сестры,—значить по мужу, она мнѣ *cousine*, и еще *cousine germaine*.

— Да, да, я вспомнилъ, продолжалъ я смѣяться, — но очень ужъ это смѣшно, *c'est très drôle* что *вы* ее называете „та *cousine*“.

— *Mister Boris* говоритъ это потому что находитъ васъ слишкомъ молодою чтобъ быть кузиной дамы у которой сынъ старше васъ лѣтами, поучительно объяснила миссъ Пинкъ на своемъ родномъ языкѣ.

— Ну, конечно! сказалъ я на это по-русски.

Галецка не сочла нужнымъ возражать и, прищурившись, стала глядѣть въ окно.

— Изъ этого окошкка какъ все хорошо видно и слышно! съ удареніемъ сказалъ я опять.

Она повернула ко мнѣ голову.

— Это что значить?

— То значить что отсюда можно не только все видѣть, но и слышать, и не только слышать, а еще и *слушать*.

Глаза Галецки такъ и забѣгали.

— Что слушать?

— А то что не позволяють, отвѣчалъ я съ самымъ невнимнымъ видомъ.

— Вы дерзкій, и больше ничего! вскрикнула она, — очень ужъ разобидѣлъ я ее, — тѣмъ болѣе что не могла она отрицать что вчера открыла это окно и слушала изъ него то что мать не желала чтобъ она слышала...

— *Qu'est-ce qu'il dit? What does he say?* тревожно засуетилась миссъ Пинкъ, ни слова, разумѣется, не понимавшая по-русски.

Меня это очень забавляло.

— *T, i, ti, il est parti*, отвѣчалъ я ей, посылая въ воздухъ поцѣлуй обѣими руками.

— *Qu'est-ce, que vous dites? Qui est parti?* недоумѣвая и сердясь, приставала она ко мнѣ.

— *Don't, miss, he is stupid!* закричала ей Галецка, подымая свои жиденькія плечи, словно хотѣла она похоронить меня и засыпать своимъ презрѣніемъ.

— *Grand merci, mademoiselle de Galagai!* продолжалъ я буфонить, съ хохотомъ расшаркиваясь предъ ней. — Только хотя я *stupid*, а это самая настоящая правда, — и я запѣлъ:

Malbrough s'en va t'en guerre...

— Вы рѣшительно съ ума сходите!

— Нѣтъ, нѣтъ, я не схожу—у.... продолжалъ я пѣть,

Mironton, ton, ton, mirontaine,

— Я правду говорю—у,

Jamais ne reviendra...

— Да кто это не *reviendra*? Кто *il est parti*? Скажете ли вы наконецъ! толнувъ ногой, требовала Галечка, между тѣмъ какъ ея гувернантка, хорошенькая, но зубастая, наступала на меня съ угрожающимъ лицомъ.

— Тотъ кого вы слушали вчера изъ этого окошка, скороговоркой проговорилъ я Галечкѣ.—*Se n'est pas ma faute, miss Pink*, объяснилъ я ея Англичанкѣ,—*mais Malbrough, c'est à dire le baron Fehlsen, est parti ce matin...*

— *Le baron!* вскрикнули онъ въ одинъ голосъ.

— Точно такъ. Взлялъ и уфхалъ, и окна не нужно ужъ будетъ открывать, жалобно пищалъ я „губернаторшт“. Но мои „шпильки“ уже не кололи ее. Онъ переглядывались съ миссъ Пинкъ, и на лицахъ обѣихъ ихъ изображалось самое печальное изумленіе.

„Онъ ихъ всѣхъ до одной околдовалъ!“ подумалъ я, и съ какимъ-то внезапно прилившимъ ощущеніемъ радости примолвилъ внутренно, „но теперь все кончено, тью-тью!“...

— И вы говорите „*jamais*“ и онъ ужъ больше сюда не будетъ, и это вы правду говорите? допрашивала Галечка.

— *Et c'est vrai vraiment?* *Qui vous a dit?* допрашивала миссъ Пинкъ.

— *Pour toujours!* торжественно махнулъ я рукой. И эскадромъ не будетъ командовать, и въ утѣшеніе вамъ остается все тотъ же, прежній, командоръ, и что я не *stupid* и не солгалъ, можете спросить у вашихъ папа и мама. *Adieu, mesdemoiselles!*

— *Mister Boris*, Боренька, погодите, скажите.... кричали мнѣ вслѣдъ обѣ дѣвушки. Но я ихъ не слушалъ и любѣжалъ въ садъ.

Тамъ я тотчасъ же наткнулся на Керети и Леву: они шли къ озеру съ удочками въ рукахъ. Дворовый мальчикъ безъ шалки несъ за ними въ черепкѣ червей и большую краюху хлѣба. Лева кинулся цѣловать меня съ большой радости. Онъ прыгалъ какъ козликъ и принимался цѣловать тутъ же и Керети и замарашку мальчика, который то-и-дѣло послѣ этого утиралъ лицо рукавомъ, размазывая пуще грязь по потному лицу и смѣялся во весь ротъ,—онъ казался счастливъ не менѣе Левы, не менѣе самой Сильвы, сопровождавшей ихъ, которая,

въ свою очередь, прыгала съ радости имъ на грудь и лизала то одного, то другаго въ самыя губы. Французъ мой глядѣлъ нѣсколько скуфуженно; онъ извинился предо мною за то что не можетъ en ce moment продолжать со мною латинскій урокъ, говоря что у него голова страшно разболѣлась, и очень жарко, и что онъ надѣется подышать на озерѣ свѣжимъ и влажнымъ воздухомъ, который онъ почитаетъ для себя лучшимъ лѣкарствомъ.

— Вы впрочемъ хорошо помните то что проходили, et ma conscience ne me reproche pas le léger retard que j'apporte à vous le faire répéter, съ улыбкой примолвилъ онъ, — и весьма любезно пригласилъ меня de les accompagner à la pêche.

Я согласился, и мы самымъ дружелюбнымъ образомъ болтали съ нимъ въ продолженіе всего пути; Лева и Грицько любѣжали впередъ. Дойдя до озера, мы застали ихъ уже за дѣломъ, застѣвшими на берегу подъ большою вербой, и Лева, неопытный рыболовъ, кричалъ намъ издалека что онъ чуть-чуть не поймалъ большущаго карася, между тѣмъ какъ дѣлалъ ему выразительные знаки рукой чтобъ онъ крикомъ своимъ не пугалъ рыбу. Керети тотчасъ же присѣлъ неподалеку отъ нихъ и принялся, съ гадливымъ выраженіемъ глядя на червяка, судорожно вившагося между его пальцами, насаживать его на крючокъ своей удочки. Разговоры смолкли, всѣ глаза обратились на воду. Но отъ этой неподвижной, гладкой и зеленоватой, какъ стекло въ парникѣ, воды, вѣяло не свѣжестью, а какимъ-то жгучимъ, какъ въ банѣ, паромъ. Солнце точно упало въ озеро и дремало, пламенное и лѣзвиевое, на его днѣ; дремали вокругъ ракиты и вербы, съ ихъ потускнѣвшими отъ жары длинными и узкими какъ змѣиное жало листьями, дремала болотная дичь въ густомъ очеретѣ, и сонная рыба не рѣшалась всплывать изъ своихъ глубей на приманку нашей макиши и червей. Я скоро кинулъ уду, къ великому удовольствію Грицька, у котораго взявъ ее на время, и пожелавъ имъ всѣмъ устѣха, пошелъ искать побольше тѣни въ старыхъ аллеяхъ сада. Меня такъ и тянуло прилечь, растянуться, отдохнуть на холодкѣ отъ этой гнетущей жары. На моемъ пути лежала бесѣдка, въ которую я вводилъ уже читателя въ самый началъ моихъ воспоминаній. „Монрепо, храмъ отдохновенія“, такъ значилась она на поэтическомъ языкѣ Оомы Богдановича. Она стояла на четырехугольной площадкѣ, обсаженной тополями, и состояла изъ двухъ комнатъ, одной побольше, въ которой часто пивали чай

по вечерамъ, и за нею другой въ два окна съ итальянскими жалюзи, которыя никогда не подымались, и потому въ этой комнатѣ было всегда почти темно и свѣжо, или вѣрнѣе, сыро. Она служила иногда спальней для холостой молодежи, въ тѣ праздничные дни когда въ Богдановское съѣзжалось такъ много гостей что въ большомъ домѣ и флигеляхъ не оказывалось уже ни одного свободного угла. Спали на большомъ, широкомъ турецкомъ диванѣ во всю стѣну, который съ двумя или тремя низенькими столиками составлялъ всю мебель этой комнаты. На него-то я и разчитывалъ....

Двери бесѣдки были, по обыкновенію, не заперты, и пробѣжавъ первую комнату, я немедленно очутился „тормашками къверху“, какъ говаривалъ Саша Рындинъ, на этомъ широкомъ, низенькомъ диванѣ, въ этомъ прохладномъ, чуть не холодномъ покоѣ, куда свѣтъ проникалъ тоненькими золотыми черточками сквозь промежутки зеленыхъ дощечекъ жалюзи. Сунувъ подъ голову подушку и закинувъ надъ нею руки, я почувствовалъ себя такъ хорошо что не могъ противостоятъ искушенію закрыть глаза, а закрывъ глаза—заснулъ какъ-то внезапно, разомъ, самымъ неожиданнымъ для себя образомъ....

XX.

Чей-то пронзительный голосъ, звавшій меня по имени, разбудилъ меня.

— Ne s'riez done pas comme cela! тотчасъ же вслѣдъ за нимъ заговорилъ другой.

Это были Лева и Керети,—они искали меня; шаги ихъ скрипѣли на паркѣ подъ окнами бесѣдки.

Я не успѣлъ отозваться, какъ изъ первой комнаты кто-то отвѣтилъ за меня:

— Il n'est pas ici.

„Это она здѣсь!“ воскликнулъ я про себя, не смѣя уже шевельнуться.

— Онъ, вѣрно, у Васи, послышался голосъ и Анны Васильевны.

— Mille pardons, mesdames, учтиво извинился мой гувернеръ,—
voilà, Léon, marchons!...

Они ушли.

Боже мой! какъ же мнѣ теперь выйти отсюда, показаться ей, съ моимъ заспаннымъ лицомъ и растрепанными волосами,

признаться что я тутъ былъ и такъ постыдно спалъ среди бѣлаго дня. Нѣтъ, ни за что! Буду спать или притворюсь спящимъ, буду лежать какъ мертвый, хотя бы онѣ сами пришли сюда и стали будить меня....

А она продолжала между тѣмъ давно, какъ видно, начатый и прерванный криками Левы разговоръ:

— Васъ пугаетъ моя смѣлость, говорила она, — вы называете это смѣлостью! Онъ уѣхалъ, я его больше никогда, можетъ-быть, не увижу, — чего же еще вы хотите, тетушка!...

Мнѣ почудилось что она тихо, тихо заплакала.

— Любочка, голубонька моя, растроганнымъ и тревожнымъ голосомъ возражала ей Анна Васильевна, — да я развѣ что противъ тебя говорю! Знаю я хорошо что ты себя не забудешь, и такъ хорошо это ты сдѣлала, и покой тебѣ будетъ теперь, увидишь сама, и на серденькѣ полегчить какъ только ты сама себя обдумаешь. А что я сказала что ты смѣло говоришь....

— Я говорю что думаю, нетерпѣливо прервала ее Любовь Петровна, — и нѣтъ еще, слава Богу, такой власти которая могла бы помѣшать мнѣ думать, — думать и страдать, и проклинать мою жизнь! горячо воскликнула она.

— Мати Пресвятая Богородица! воскликнула въ свою очередь съ ужасомъ Анна Васильевна, — зачѣмъ ты такія, Любочка, слова говоришь, не дай Боже!

— Проклинаю, повторила красавица, — потому что, сколько я себя помню, мнѣ до сихъ поръ не было дано ни одного дня, ни одной минуты счастья! А я счастья имѣю право требовать какъ всякая другая, онъ говорилъ правду....

Анна Васильевна глубоко вздохнула.

— Неправду онъ говорилъ, Любочка, сказала она, — не счастья намъ надо искать здѣсь, а чтобы только жизнь нашу прожить безъ грѣха.

— Грѣхъ ни въ какомъ случаѣ не ляжетъ на мою совѣсть, коротко и язвительно засмѣялась Любовь Петровна, — за него отвѣтять тѣ кто исковеркали мою жизнь и поставили ее вверхъ дномъ. Вѣдь со мной безжалостно поступили, тетушка! Коса травы не рѣжетъ, пока она не созрѣетъ, не приметъ своей доли дождя и солнца; меня оторвали отъ куколъ и кинули на жертву какой-то африканской страсти, отъ которой я задыхалась какъ птица подъ стекляннымъ колпакомъ.... И меня же еще упрекали, — съ горечью, со злостью упрекали за мою черную неблагодарность къ тому отъ чего я задыхалась! Развѣ я

весь вѣкъ свой не слыла за холодную, вѣтреную, безсердечную женщину, за эгоистку, которая пожертвуетъ всѣми и всѣмъ на свѣтѣ для прихоти, для тщеславія, для минуты удовольствія? Развѣ каждый не считалъ себя въ правѣ говорить что у меня вмѣсто сердца камень въ груди, что я не въ состояніи привязываться, не могу любить никого, никогда. И каждый это говорившій былъ вѣдь правъ тетушка! Но виновата ли я была въ томъ,—виновата ли что всѣ мои молодые силы были временно пригнаты и помяты, какъ цвѣтокъ засушенный въ книгѣ?...

— Любочка, заговорила опять Анна Васильевна,—пожалуй ты его, прости, вѣдь это онъ отъ большой любви къ тебѣ....

— О, Боже мой! съ горечью молвила Любовь Петровна,—я ему давно простила и искренно жалѣю его какъ несчастнаго человѣка.... Но не могу я однако не сознаться,—вы опять забываете, тетушка,—что въ первый разъ могла я вздохнуть свободно лишь съ той минуты, когда.... когда это съ нимъ случилось. Не весела обязанность таскать по свѣту живаго мертвеца, въ фантастической надеждѣ что его излѣчить какою-нибудь чудо,—я тысячу разъ однако предпочитаю это тому аду въ какомъ жила я въ пору моей *soi-disant* блестящей жизни въ Петербургѣ!... Но я еще разъ говорю вамъ, я не упрекаю его, не жалуюсь, я упоминаю лишь объ этомъ какъ о случившемся, о давно прошедшемъ. И такъ хорошо для меня устроилось это прошедшее что я не живши прожила до тридцати трехъ лѣтъ,—потому что вѣдь мнѣ тридцать три года, тетушка, *il ne faut pas se faire d'illusions*, я почти старая женщина.... И вотъ, тише и печальнѣе заговорила она,—на этой вечерней моей зарѣ встрѣчается мнѣ человѣкъ....

— А Богъ съ нимъ, Любочка! горячо прервала ее Анна Васильевна,—лучше бы ты николи съ нимъ не встрѣлася, съ этимъ человѣкомъ.

— Не спорю, можетъ-быть вы и правы. Я его и не искала, но я съ нимъ встрѣтилась; вѣдь этого опять вычеркнуть нельзя, вѣдь это фактъ! Я встрѣтилась съ умнымъ, съ замѣчательно умнымъ и благороднымъ человѣкомъ, тетушка.... Я много видала на своемъ вѣку, но онъ, онъ первый который.... И я съ нимъ теперь разлучена.... Я согласилась на эту разлуку.... И знаете для чего это?

— Для того что уважаешь ты себя, Любочка, промолвила Анна Васильевна.

Она снова горько засмѣялась.

— Для того чтобы какъ-нибудь тѣ же люди которые говорили что у меня камень въ груди не сказали теперь что у меня на мѣстѣ сердца котель съ кипяткомъ. Другой, въ сущности, причины нѣтъ.... Вотъ какая я „смѣлая“ женщина, дорогая моя и строгая тетушка!

— Такъ вѣдь тебѣ жь что было иного дѣлать? замѣтила съ успокоивающимъ, примирительнымъ отъѣвкомъ „строгая тетушка“.

— Что дѣлать! воскликнула Любовь Петровна, и ея контральный голосъ зазвучалъ какою-то металлическою, почти мужскою нотой, отъ которой мурашки забѣгали у меня по спинѣ.—Любить прямо, открыто, любить не стыдась, въ тридцать три года какъ любить въ осьмнадцать лѣтъ, какъ и я, можетъ-быть, любила бы въ свое время, еслибы не отдали меня, какъ холодку, немилому человѣку, загубившему всю мою молодость! Любить, презирая всякіе людскіе толки, гордась предъ всѣми тѣмъ кого свободно выбрало сердце, быть счастливою, однимъ словомъ,—вотъ что дѣлать!

Новый, всю объявшивъ ее ужасъ послышался въ голосѣ бѣдной Анны Васильевны:

— Подумай, подумай что ты говоришь! лепетала она.—Такъ открыто предъ всѣми слюбиться съ чужимъ человѣкомъ—при живомъ мужѣ!... И не грѣшно бѣ было, не загрызла бы тебя совѣсть отъ стыда и отъ жалости что покинула бы ты его, покинула бы сына роднаго?...

— Сына меня не любить, промолвила коротко Любовь Петровна, какъ бы не желая останавливаться на этой мысли,—мужъ.... онъ даже не человѣкъ теперь.... а когда былъ имъ, онъ свое взялъ! Дайте же и мнѣ мою долю счастья, вѣдь и я тоже Божіе созданіе, и я имѣю право желать не умереть безъ того чтобы и мнѣ посвѣтило солнце хоть на одно мгновеніе...

И она громко, слышно заплакала.

И такъ нежданно и трогательно были эти слезы, эта жалоба этой гордой, этой прелестной женщины, которая, думалось мнѣ, для того только и родилась на свѣтъ чтобы всѣ исполняли, предугадывали ея желанія, и почитали бы это за величайшее для себя счастье, что и я принялся какъ дуракъ плакать въ своемъ темномъ углу, уткнувшись носомъ въ твердую, пахнущую гнилью подушку протертаго стараго дивана, и весь

дрожа отъ мысли что малѣйшій шумъ, неосторожное движеніе могли выдать мое присутствіе здѣсь....

— Вы все меня грѣхомъ пугаете, тетушка, продолжала красавица, — а я вамъ скажу: есть такіе грѣхи что нѣтъ, кажется, наказанія котораго не вытерпѣла бы за нихъ съ блаженствомъ!... Я сама удивляюсь тому что вамъ говорю, прервала она себя недолгимъ смѣхомъ, — я ни о чемъ подобномъ никогда до этого времени не думала, ничего подобного не ощущала; я самой себя кажусь смѣшною за этотъ поздній приливъ чувства, за эту весну сердца въ мои годы!... Но то что я чувствую и думаю теперь — я вамъ и говорю не скрывая. Я думаю что не грѣхъ это, тетушка, когда женщина горячо, свято, безкорыстно любить человѣка умѣвшаго завладѣть ея душой, потому что она не можетъ не любить его, потому что она любитъ, какъ жить, не по своей, а по чьей-то высшей волѣ; ее можно истязать, убить, что вы хотите, но вырвать изъ души ея ея любовь, нѣтъ силы въ мірѣ которая могла бы услѣть въ этомъ!... А вотъ гдѣ грѣхъ и позоръ, и невыносимое мученье, — а въ этомъ позорѣ и мученіи прошла вся моя молодость, — когда женщина должна отдаваться человѣку который внушаетъ ей не любовь, а ужасъ и отвращеніе, когда она таится и скрывается, и лицемеритъ, — какъ я тамъ сейчасъ у него принуждена была таиться и лицемерила...

— Не лицемерила ты, Любочка, возражала Анна Васильевна, — долгъ ты свой исполняла. Ты ему въ церкви Божіей, предъ святымъ алтаремъ, обѣтъ давала что будешь ему вѣрная и послушная до могилы.

— Обѣтъ давала! Кто его давалъ, я или тѣ кто располагали мною какъ вещью, какъ существомъ бессловеснымъ? Я его не выбирала, я бы его никогда не выбрала! Никакому свободно данному слову я не измѣнила, а только такое слово обязательно, только оно могло бы связать мою совѣсть...

— Любочка, печально заговорила опять Анна Васильевна, — когда слово предъ святымъ Божіимъ Евангеліемъ не будетъ насъ вязать, какое свяжетъ насъ наше человѣческое свободное слово? Вѣдь его жь легче смѣнить чѣмъ то что тамъ, на небѣ, запишется! Сегодня дастъ одному женщина свободное свое слово, а завтра скажетъ: свободно его дала, свободно и назадъ беру, и другому дастъ опять то же слово. Такъ гдѣ жь тогда законъ христіанскій? Гдѣ семья? Гдѣ миръ и благодать?

— Такъ по-вашему, порывисто отвѣчала Любовь Петровна, —

справедливо чтобы мы отвѣчали за то что не нами сдѣлано, чтобы мы вѣкъ свой добровольно оставались несчастными потому что вздумалось сдѣлать насъ такими тѣмъ кто располагал, командовали нами? Не благодарить ли еще судьбу за это, не цѣловать ли орудіе которымъ насъ безжалостно пытаются?...

— Покориться надо, Любочка, тихо, едва слышно, проговорила на это Анна Васильевна.

— Ахъ, тетушка, почти съ отчаяніемъ воскликнула красавица,—вѣдь это жестоко! Жизнь вѣдь еще не вся прошла, еще жить хочется!... Васъ Богъ хранилъ, тетушка, не давили васъ, не терзали, не знали вы тѣхъ мученій, не знали и этой жажды счастья!...

— Не знала! повторила Анна Васильевна. И въ этихъ двухъ словахъ было такъ много тревоги и робости и какого-то непонятнаго замѣшательства—что у меня сперло дыханіе отъ любопытства, отъ ожиданія. Что же это она будетъ говорить, милая, добрая Анна Васильевна?

— Ахъ, Любочка, начала говорить она,—думала я, помру и въ могилу съ собой это возьму. Тяжко, скажу тебѣ, припоминать мнѣ то. Только не знаю что внутри меня такъ будто теперь шевелится и нудитъ: скажи, можетъ ей для пользы, для твоей пользы, Любочка, будетъ.... Ты думаешь, не знала я ни тѣхъ мученій, ни жажды той, какъ сказала ты.... И мученія тѣ и жажду, все я испытала. Только ты истинно сказала что Богъ меня хранилъ. Сохранилъ онъ меня отъ стыда вѣчнаго, и до сихъ поръ нѣтъ того дня чтобъ я его, Творца Небеснаго, со слезами за то не благодарила.... Жалѣешься ты что не спросясь тебя за немилаго замужъ тебя выдали. А на то я тебѣ опять скажу, старѣе я тебя, — за наше время никого насъ не спрашивали, почему молодыми очень выдавали насъ, такъ что жъ было и спрашивать: за кого батька съ маткой скажутъ, за того и выходили. Такъ и я вышла!...

— И не любили дядюшку: когда шли за него? слышался удивленный голосъ Любовь Петровны.

— А не любила жъ! простодушно отвѣтила Анна Васильевна. — Я другаго любила, промолвила она, пріостановившись и вздохнувъ.

— Вы, тетушка?

— А сама я, съ тою же невыразимою прелестью простодушія и стыдливости отвѣтила она опять;—о томъ самомъ и хочу тебѣ передать!...

— Кто же это былъ? спросила Любовь Петровна.

— Кто былъ?... повторила замедленнымъ голосомъ Анна Васильевна; ей, бѣдной, видно, очень не хотѣлось выдавать это имя, которое она думала „взять съ собою въ могилу“.—Звали его Тимоѣей Евграфычъ, а былъ онъ родня близкій и другъ моему Ѳомѣ Богданычу, и съ нимъ вмѣстѣ ѣздили они къ намъ въ село, когда еще я дѣвушкой была.

— И хорошій онъ былъ человекъ, тетушка?

— Хорошій, Любочка, только былъ онъ гуляка, голова пропадающая; за него бы ни одну дочку съ хорошаго дома не отдали. Былъ онъ изъ роду богатаго и одинъ сынъ; сиротой молодымъ остался. Тогда было это гусарство въ Бердичевѣ, онъ туда служить пошелъ. Тамъ онъ въ четыре года нищимъ сдѣлался, все изъ-за компаніи, да съ простоты своей. Какъ ни съ чѣмъ онъ остался, пріѣхалъ онъ къ Ѳомѣ Богданычу, а старый мой за мной пропадалъ тогда и все это его съ собою къ намъ и возилъ. А на того всѣ у насъ кругомъ какъ на сову, аль на чуму какую глядѣли, чуть въ носъ ему, бывало, не смѣются, потому много про его глупости въ Бердичевѣ,—какъ онъ тамъ всѣ гроши свои на ланенокъ, да въ карты проигралъ,—много тогда разказывали въ нашей сторонѣ. А онъ гордый былъ, не хотѣлъ показать что у него, можетъ, на сердцѣ какъ въ леклѣ огненномъ, и самъ про себя все разказываетъ и надъ собою смѣется. И хорошо, скажу тебѣ, я его понимала и жалѣла его.... Съ того самаго у меня и началось. Стала я все думать, какъ это онъ съ такихъ молодыхъ лѣтъ лагубу себѣ зробиалъ, потому окромѣ тѣхъ *вполетъ* что на плечахъ у него болталися, ничего ужъ у него не оставалось ни сзади ни спереди,—человѣкъ былъ онъ не ученый, до большихъ чиновъ дойти разума у него не хватить, думала я себѣ, а съ другаго боку, знаешь, честный онъ слишкомъ былъ, вздумалъ бы въ судейскіе пойти—съ голоду бѣ померъ, почему халацевъ ни за что бы не сталъ брать онъ съ бѣднаго человѣка. Добрый онъ былъ, скажу тебѣ, Любочка, и человекъколюбецъ, не хуже моего Ѳомы стараго, родъ ужъ у нихъ весь такой; встрѣнется ему гдѣ калика, или нащая старая, а то еще слѣпой съ бандурой,—гѣхъ онъ до страсти слушать любилъ,—онъ сейчасъ руку до кшени, позабывши что у него тамъ одинъ вѣтеръ гуляетъ... Такъ, знаешь, смотрѣть на него въ тотъ часъ жалость меня брала, ажно слезы въ очахъ у него покажутся и побѣжить прочь, чтобъ и слезъ тѣхъ его, и стыда люди не видали. И все это я себѣ въ душѣ держала,

что оттого вышла ему недоля такая что ни матери у него, ни сестры съ дѣтства не было, что онъ, можетъ, добраго женскаго слова николи не слыхалъ, некому было приласкать его, да при той ласкѣ разуму его научить. И такъ все журилась я о немъ и гадала себѣ такъ что когда бы я богатая была, — спасла бы я непременно этого самаго прощлаго человѣка, пошла бы я за него замужъ, а богатство свое ни за что бы въ руки ему не отдала, а что день—то давала бы ему по два карбованца на свѣлыхъ и каликъ, по ту саму пору когда бъ онъ настоящимъ человѣкомъ сдѣлался.... Глупая, знаешь, въ тѣ годы была я, Любочка, тихо засмѣялась Анна Васильевна, — и въ голубонькѣ молодой все это фантазія шла.... На зарѣ, сама знаешь, всяка пташка слаще поетъ, примолвила она, словно извиняясь.

— Ахъ, милая, растроганнымъ голосомъ молвила на это Любовь Петровна, — какая же тутъ глупость, что вы любили?

— А какъ не глупость, когда я не то богатая, а можно сказать почти совсѣмъ бѣдная была, а была бы богатая, то еще хуже не отдали бы меня за такого человѣка....

— И онъ васъ любилъ, тетушка?

Не сейчасъ отвѣчала Анна Васильевна.

— Любилъ, рѣшилась она наконецъ сказать, и примолвила, помолчавъ опять: — любилъ съ того самаго часа когда привезъ его къ намъ въ первый разъ Оома Богданычъ.

— И признался онъ вамъ тогда въ этомъ? снова спросила красавица: слышно было по ея голосу что она жадно внимала разказу тетки.

— А не дай Боже! возразила Анна Васильевна. — Какъ же бы онъ признался, когда зналъ онъ что Оома взять меня хотѣлъ, а и тотъ все ему повѣрялъ какъ брату родному. Онъ и думать того не смѣлъ чтобы мнѣ какое слово лишнее сказать....

— А вы сами догадывались?

— Некогда жъ было мнѣ о томъ догадываться, Любочка, потому Оома Богданычъ, не долго ждамши, просилъ меня за себя у родителей моихъ, и стала я его тутъ нареченная невѣста.

— Васъ принудили къ этому?

— Не принуждали меня, потому я сама не отказывалась. Онъ у насъ первый по всей губерніи женихъ былъ, и добре я знала какая душа въ семь человѣкѣ есть. Какъ же бы я это противъ отца и матери и противъ своего счастья пошла?... Только просила я ихъ чтобы повѣчали меня съ нимъ лѣтомъ—

а просватана я была въ самый Великъ День,—съ краснымъ яичкомъ поздравилъ меня невѣстой покойный батюшка,—а долѣта чтобы въ Кіевъ повезли меня, Святой Варварѣ Велико-мученицѣ помолиться. Хотѣла я, скажу тебѣ, чтобы за то время что до вѣнца оставалось мнѣ остатки про того другаго изъ думки повыгонять и на то мудрости намолить себѣ у той пре-мудрой святой.... Итакъ я его до самого вѣнца нашего не видала, а не выдавши, да еще какъ съ богомолья вернулась я домой съ легкимъ духомъ,—и совсѣмъ не стала объ немъ думать, и съ чистою совѣстью стала предъ налой съ женихомъ своимъ....

— А на свадьбѣ вашей былъ онъ? спросила Любовь Петровна.

— А какъ не быть! Дружкой былъ даже у Оомы Богданыча надъ головой его вѣнецъ держаль.

— Что же стало съ нимъ потомъ?

Анна Васильевна опять помолчала.

— А какъ поженилъ онъ насъ, да въ Богдановское привезъ, пожилъ онъ тутъ съ нами сутокъ пять аль шесть,—а тамъ разъ раненько, отъ всѣхъ лѣтаившись, выѣхаль себѣ отъ насъ; и долго не знали мы съ Оомой моимъ, куда онъ это пропалъ. Ужь долго потомъ, чрезъ письмо его узнали что онъ на Кавказѣ—форму свою золотую гусарскую позабывши—въ лѣхотный полкъ поступилъ, и служить себѣ тамъ на томъ Кавказѣ что всегда тамъ война идетъ съ Черкесами....

— Какъ, тѣмъ и кончилось! воскликнула Любовь Петровна.

— Не кончилось тѣмъ, съ новымъ замѣшательствомъ, съ новымъ вздохомъ отвѣчала Анна Васильевна.

— Онъ съ Кавказа вернулся? И скоро?

— Не скоро,—седьмой годъ ужъ замужемъ я была, и былъ у меня сынокъ, Павликомъ звали, по четвертому годочку шло ему тогда,—Галечки тогда и на свѣтѣ не было,—одинъ былъ онъ у меня, и слабенькій такой былъ, хворой....

Анна Васильевна приостановилась, высморкалась,—она вѣрно заплакала, подумаль я, какъ это всегда бываетъ съ нею, когда вспомнить она про своего Павлика—и продолжала:

— Прихожу разъ къ Оомѣ Богданычу, гляжу, сидитъ онъ, письмо читаетъ и плачетъ себѣ одинъ. А писалъ это къ нему Тимошей Евграфычъ, что онъ въ грудь,—въ ту самую грудь что, можетъ, думаль онъ, ею выиграть, примолвила Анна Васильевна въ скобкахъ—ранень пулей, и что подняли его какъ

мертваго съ того мѣста гдѣ палъ онъ, и думалъ ни за что онъ живъ не останется. Прележалъ онъ въ госпиталѣ четыре мѣсяца, и пули той, какъ ни бились доктора, а не вынули... Да на что долгій сказъ, — и тутъ не вышла ему доля: черезъ ту пулю долженъ онъ былъ въ отставку идти. Дали ему крестъ и майорскій чинъ, — хорошо онъ служилъ тамъ — и отпустили съ Богомъ... Тогда онъ опять и прѣхалъ къ намъ.

— И последилъ въ Богдановскомъ? спросила Любовь Петровна.

— Нѣтъ; далъ ему Оома Богданычъ въ аренду Селище свое, что теперь тотъ старый Полякъ держитъ, — онъ тамъ и сталъ жить, за хозяйство взялся...

— И о васъ больше не думалъ, тетушка?

— А думалъ, Любочка, проговорила тихо Анна Васильевна, — только я опять того не знала и, можетъ, до сихъ поръ не знала бы, какъ бы не такой случай что Оомъ моему надо было въ Москву ѣхать. Старая тетка его, Переверзиха, отъ которой ему и твоему Герасиму Иванычу наслѣдство-то большое пошло, въ Москвѣ тогда жила и больная слишкомъ сдѣлалась, Оому и выписала къ себѣ. Онъ къ ней заразъ и поѣхалъ, а Тимофея Евграфыча просилъ за себя быть въ Богдановскомъ, меня съ ребенкомъ хранить, за управителемъ приглядѣть и все прочее... Тутъ онъ сталъ часто прѣзжать, часто я его видать стала...

— И тутъ онъ вамъ открылся въ любви? Какъ же это случилось?...

— Сказать тебѣ, Любочка, дрожащимъ голосомъ отвѣчала она, — ты и не повѣришь, можетъ. Мигъ былъ одинъ, будто громъ безъ хмары съ неба ударилъ, такъ и это вышло... Какъ уѣхалъ въ Москву Оома Богданычъ, сталъ онъ, говорю тебѣ, часто ѣздить сюда, въ конторѣ посидитъ, поля объѣдетъ, а потомъ ко мнѣ зайдетъ, про Павлика спытаться — любилъ онъ его до страсти, а и тотъ его, голубчикъ — да посовѣтываться насчетъ какого дѣла по хозяйству. И не было у насъ съ нимъ никогда другаго сказа какъ про траву, да про овецъ; лѣто въ тотъ годъ было горячее, не дай Богъ, и стали у насъ овцы падать, и онъ очень о томъ журился и безпокойство въ себѣ держалъ что случилось то какъ нарочно, какъ уѣхалъ хозяинъ, — и что онъ безъ него, можетъ, не такъ, поробить какъ треба. А я его утѣшала тѣмъ что Оома Богданычъ добре знаетъ что онъ за его добро стоитъ какъ за свое, а что противъ Бога

никто,—и ничего бы и Оома Богданычъ не могъ подѣлать противъ мора! Однако онъ овецъ перевелъ на другой степь, а тамъ и мору того не стало. Онъ такой радъ сдѣлался и со степу всегда прѣдетъ ко мнѣ съ доносомъ что овечки наши всѣ живеньки и здоровы.... Такъ и прѣхаль онъ оттуда разъ; усталъ былъ слишкомъ отъ ѣзды и отъ жара — и было у него въ моей горницѣ кресло любимое, вольтеромъ звалъ его Оома Богданычъ, въ кресло то ровно мѣшокъ съ мукой опустился! „Какъ, говоритъ, хорошо у васъ тутъ; какъ въ лѣсу, тѣнь и холодокъ.“ А у меня отъ солнца всѣ сторы спущены и, правда, какъ въ лѣсу свѣжо и свѣтъ мягкій какъ въ сумеречки. Такъ и сидимъ мы, я у окошка, шарфъ на спицахъ вяжу, а онъ себя въ креслѣ, и молчитъ,—я думала даже заснулъ онъ.... Только слышу, застоналъ онъ такъ, тихо. Обернулась я, спрашиваю: болитъ у васъ что?—А онъ мнѣ на это: „луля, говорить, одолеваетъ“.—Какіе это, говорю я ему, дурни тѣ доктора что не могли вамъ ее вынуть.—„Очень глубоко подъ ребромъ засѣла“, отвѣчаетъ; помолчалъ и опять говоритъ: „какъ бы не вы, то и живымъ бы не остался.“ Слишкомъ удивилась я такимъ словамъ его:—а я тутъ что? спрашиваю.—„Колѣбъ луля, объясняетъ онъ, не въ вашъ образокъ ударила, да въ бокъ оттого не приняла, умеръ бы я на мѣстѣ.“ Тутъ я вспомнила, когда въ тотъ разъ, предъ вѣдомомъ, на богомольѣ была въ Кіевѣ, привезла я оттуда всѣмъ домашнимъ образки съ мощей Варвары Великомученицы, и ему такой образокъ чрезъ Оому Богданыча послала.—Вы, спрашиваю, тотъ образокъ мой на себя носили?—„И до могилы носить буду!“ говоритъ, вытацилъ изъ-за сорочки свуръ на которомъ висѣлъ онъ у него, всталъ и идетъ съ нимъ до меня.... Я и не знаю что сказать, подняла на него очи, а онъ,—голосъ Анны Васильевны словно надорвался,—онъ въ ноги мнѣ вдругъ упалъ: „семь лѣтъ, насилу черезъ слезы сказать можетъ, семь лѣтъ, съ перваго дня какъ увидалъ, молился я тебѣ какъ Христу“...—Что вы, что вы, Тимошей Евграфычъ! крикнула я,—побойтесь Бога! А онъ какъ вскочить, обѣими руками обнялъ меня, притулилъ къ груди своей, и ну цѣловать меня въ голову, въ очи, въ губы....

Она не могла продолжать отъ волненія.

—Что же вы, тетушка? не менѣе взволнованнымъ голосомъ спросила Любовь Петровна.

—А я, Любочка, едва переводя дыханіе говорила уже бѣдная Анна Васильевна,—я и не скажу что со мной подѣлалось:

стыдѣ такой мнѣ и жалость за того человѣка что меня такъ долго любилъ и можетъ померѣ бы колибъ я о немъ не думала, какъ дивчиной была, и не дала бы ему того образа, когда сердцемъ своимъ разставалась съ нимъ, и слабой такой себя я чувствовала—только противъ тѣхъ пощѣлуевъ его не было у меня силы.... И потеряла бы я себя, можетъ, Любочка, замарала бы себя на вѣки, — какъ въ тотъ самый мигъ до меня какъ голосъ съ неба дошелъ: „мама, мама!“ Сыночекъ мой миленькій, Павликъ мой бѣдный тащился до меня изъ дѣтской на хворенькихъ ножкахъ своихъ, и звалъ меня.... И тутъ, Любочка, поняла я что мнѣ спасеніе пришло, и женскими руками своими такъ отпихнула отъ себя человѣка того что воевалъ на Кавказѣ, что похилился онъ отъ меня, а сама, ухвативши своего ангела малютку, кинулась я въ спальню, да такъ съ нимъ и упала предъ крестомъ и чувствъ лишилась....

Анна Васильевна насилу договорила.

— Какъ же вы встрѣтились съ нимъ потомъ, тетушка? давъ ей отдохнуть, опять спросила Любовь Петровна.

— А не встрѣлась ужъ я болѣе съ нимъ, не видала его до самой его смерти, отвѣчала она.

— Онъ уѣхалъ?

— Не уѣзжалъ, только предъ очи мнѣ, говорю тебѣ, до самой смерти своей не показывался. На другой день послѣ того что я тебѣ сказала, пріѣхалъ домой Оома Богданъичъ, тетку въ Москвѣ живую не заставъ. Наслѣдство надо было пріймать послѣ нея, съ мужемъ твоимъ дѣлиться, такъ это тотъ все и робилъ, по тѣмъ имѣніямъ жилъ, а пріѣдетъ назадъ, сидитъ дома, сюда не ѣздилъ; нужно переговорить ему съ Оомой Богданъичемъ, такъ старій мой къ нему ѣдетъ, въ Селище.

— Понятно, сказала Любовь Петровна,—онъ избѣгалъ васъ, ему невозможно было встрѣчаться съ вами. Но странно, неужели дядушка этого не замѣчалъ?

Анна Васильевна пропустила эти слова безъ отвѣта, будто и не слыхала ихъ.

— И не долго жилъ онъ послѣ того, продолжала она;—не даромъ ударила его та пуля, открылась у него чахотка. Все хуже ему стало, да хуже — и ничего про то не говорилъ мнѣ мой Оома, черезъ другихъ людей знала я—а на другой годъ, какъ прилетѣли журавли, такъ онъ и кончился. Два дни предъ тѣмъ какъ ему умереть, Оома и домой не пріѣзжалъ, все у него коло постели сидѣлъ. Тяжко мнѣ было за эти дни, Любочка,—чула

я что смерть пришла за тѣмъ человѣкомъ что чуть меня несчастною на вѣки не сдѣлала, а только и не скажу тебѣ какъ жалѣла я о немъ, сидючи одна въ своей горницѣ и поминючи молодость свою и прежнее все.... Какъ заллющилъ онъ очи, обмыли его и на столъ положили, тоди только вернулся мой Ома, и ко мнѣ прямо. — Что? спрочу его. „Кончилась Тумоеей Евграфыч“, говоритъ,—и горько, горько заплакалъ, и я за нимъ.—„Ганна, сказалъ онъ опять,—не откажи принять что онъ предъ смертью просилъ меня отдать тебѣ.“ И показываетъ мнѣ тотъ образокъ что носилъ онъ, какъ обѣщался, до могилы,—любимый былъ онъ весь отъ лули....—Пріймаю, говорю, Ома, только этотъ человѣкъ виноватъ былъ предо мною, а больше еще предъ тобой виноватъ; не говорила я тебѣ пока онъ живъ былъ.... А онъ и кончить мнѣ не далъ:—„Не треба, говоритъ, все я знаю!“—Какъ знаешь?—„А такъ!“—Кто жъ тебѣ могъ сказать?—„Онъ самъ говорилъ,—какъ я только тогда вернулся съ Москвы, какъ на духу исповѣдалъ онъ мнѣ все, Ганна, что было тогда у васъ.“ Я вся омяла, Любочка, отъ тѣхъ словъ его.—И ты, говорю, простилъ его, Ома? А онъ, Божья душа, обнимать меня сталъ. — „Какъ, говоритъ, не простить ему было, Ганнуса, когда добре зналъ я какъ онъ любилъ тебя и какъ страдалъ по тебѣ; можетъ, въ недолгъ его и была-то одна минута счастья во всей его жизни, и за ту плакалъ онъ каждый день, пока жизнь кончилъ!...“ И обнялись мы тогда съ моимъ старымъ, а образокъ что тотъ мнѣ оставилъ навѣсилъ мнѣ самъ Ома на шею, и ношу я его съ того мига съ крестикомъ моего Павла,—не стало, еще черезъ годъ, и того моего голубчика сизаго—съ ними и завоюютъ меня, Любочка....

Послышалось тихое всхлипыванье и громкій звукъ слѣзныхъ, горячихъ поцѣлуетъ.

— Ахъ вы, милая, безцѣнная моя, перерывающимся голосомъ говорила Любовь Петровна, — что вы за удивительные люди съ дядюшкой!

— Простые люди, Любочка, жить стараемся какъ Богъ велѣлъ, отвѣчала Анна Васильевна.

— Какъ Богъ велѣлъ? послѣ довольно долгаго молчанія тихо и медленно повторила красавица.—Да—но это очень тяжело!..

XXI.

— Ахъ, Любочка... начала было говорить Анна Васильевна, но была прервана на полусловѣ залыхавшимся и дребезжавшимъ какъ надорванная струна голосомъ того самого кого она за минуту предъ этимъ назвала „Божьею душой“. Божья душа съ хохотомъ ввалился въ бесѣдку, зацѣпивъ за дверь, такъ что стекла въ ней зазвенѣли.

— Чего вы ховаетесь? съ хохотомъ напустился онъ на двухъ дамъ.—Я васъ по всему дому ищу, съ жару какъ крыса уютѣль,—а онѣ, о, во храмъ отдохновенія позапрятались! Бѣгаль ажъ до села, думаль, сидить Гольдманъ съ большаго жара дома, да люльку палить себѣ, а тамъ его нема,—я назадъ, а Богунъ ко мнѣ бѣжитъ: майоръ, каже, въ манежу, жеребцовъ нашихъ на кордѣ гоняетъ. Я туда, а конюхъ говоритъ: былъ, да до дому пшелъ. А нехай его бись! Я опять туда,—а онъ самъ, долговязый, оттуда. Ну я его, какъ сказалъ вамъ, Любовь Петровна, въ тотъ мигъ за чупрыну: говори, говори, выложъ правду, какъ галушку на столъ!

И онъ закатился новымъ, заразительнымъ смѣхомъ, отъ котораго я самъ едва могъ удержаться, такъ забавно мнѣ представилось вдругъ это невообразимое зрѣлище маленькаго, кругленькаго Оомы Богдановича, ловащаго „за чупрыну“ безконечно длиннаго, мрачнаго и притомъ же лысаго какъ колѣно командора.

— И онъ вамъ выложилъ всю правду? смѣясь спросила Любовь Петровна.

— А такая его правда, что самъ онъ ничего не знаетъ. И Борисъ тотъ востроносый слышалъ—звонять, да не знаетъ чи къ утренней, чи къ вечерней. А и гдѣ онъ самъ?

— Кто? спросила Анна Васильевна.

— Да Борисъ тотъ,—его Французъ по всемъ куткамъ дома щеть. Не бываль онъ здѣсь? спросилъ Оома Богдановичъ и забѣгалъ по комнатамъ.

— Онъ меня сейчасъ откроетъ! съ ужасомъ сказалъ я себѣ и даже закрылъ глаза отъ страха. Къ счастью выручила меня Любовь Петровна.

— Не былъ, дядюшка, успокойтесь, отвѣчала она ему.—Такъ что же говорилъ вамъ господинъ этотъ, майоръ, который у васъ лошадей на кордѣ гоняетъ?

— А говорилъ что приходилъ къ нему раненько утромъ баронъ и сказалъ ему что треба ему до К. ѣхать,—ну какъ самъ онъ ко мнѣ пишетъ, о!—что приказа тамъ ихняго по полку,—это насчетъ того чтобъ ему на мѣсто Гольдмана эскадрономъ нашимъ командовать,—что приказъ тотъ, говорю, не вышелъ, такъ онъ будетъ полковника просить чтобы другаго кого-съ назначили, а онъ ни за-что не можетъ эскадроннымъ быть,—о! Долговязый сердился на него за то, потому, говоритъ, опять дѣло потянется, пока полковникъ другаго назначить, а онъ, майоръ нашъ, скоро самъ хочетъ до себя ѣхать, пока осень не пришла, потому тамъ у нихъ хуже ще чѣмъ у насъ, грязь невылазная. Только баронъ его не послушалъ и уѣхалъ себѣ.

— И все? спросила его племянница.

— А кажу-жь вамъ, съ досадой отвѣчалъ Ома Богдановичъ,— не знаетъ тотъ кикимора больше нашего!

— Бѣдный дядюшка! засмѣялась Любовь Петровна,—и вы изъ-за этого путешествовали по такому солнцу?

— Солнце меня любить: на сало не столить, захоталъ онъ опять.

— Труда не стоило. Уѣхалъ человекъ,—Богъ съ нимъ, нечего о немъ болѣ думать! рѣшительнымъ, почти строгимъ голосомъ промолвила Любовь Петровна.

— А правда твоя, правда! радостно-одобрительно воскликнула на это Анна Васильевна.

— Правда, правда, передразнилъ Ома Богдановичъ.—А ты, о, лучше правду скажи, скоро ли обѣдъ? Заговорилъ о салѣ, о,—исты захотѣлось.

— А скоро, думаю, отвѣчала она.—Гостей много у насъ сегодня?

— А какіе гости! отгрызся Ома Богдановичъ,—поразѣхались всѣ. Дарья Павловна тутъ, ну, офицеровъ будетъ два, а то три; Золоторенко старый,—добрый сосѣдъ, спасибо,—пятый день живетъ, Пушкинскій тутъ съ Мокшицкимъ, да исправничиха сейчасъ прикатила, и съ собой изъ артиллеріи кого-съ привезла,—въ первый еще разъ у насъ. Артиллерія отъ насъ далеко стоитъ, пояснилъ онъ,—такъ мало ихъ сюда ѣздить, а офицерія тамъ, говорятъ, все ученые. Вы, можетъ, такихъ любите, Любовь Петровна?

— До страсти, пресерьіозно отвѣчала она на это.

— А что давно не сказали! Къ Успенію всю батарею вамъ сюда выпишу! Ну, ходимъ обѣдать!

— Вы вѣчно такъ бѣгаете, дядюшка, посылался голосъ ухидившей красавицы,—что я не въ состояніи догнать вась; не ждите меня, я дойду одна потихоньку...

Я далъ имъ удалиться, и вслѣдъ затѣмъ, выбравшись изъ своей засады, юркнулъ въ боковую аллею, гдѣ не рисковалъ съ ними встрѣтиться.

Я шелъ, взволнованный, смущенный всеѣмъ тѣмъ что мнѣ такъ нечаянно довелось услышать, какъ вдругъ, на поворотѣ аллеи, чуть не наткнулся на Любовь Петровну. Я тотчасъ же шмыгнулъ въ сторону: мнѣ представилось что она остановитъ меня, станеть спрашивать откуда я иду и гдѣ пропадалъ до сихъ поръ. Но она меня и не замѣтила. Она шла тихими, тихими шагами, держа низко надъ головою маленькій зонтикъ, отъ котораго тѣнь падала ей на лицо до самаго подбородка. Глаза ея были опущены, и въ медленной ея походкѣ сказывалась глубокая, почти болѣзненная усталость. Я жадно глядѣлъ ей вслѣдъ и говорилъ себѣ: я знаю отчего ты такъ блѣдна и печальна, о комъ ты думаешь теперь... Но его цѣтъ, ты сама не хотѣла... онъ не „притулитъ“ тебя къ груди своей, не будетъ цѣловать эти темные, синіе глаза и эти бѣлыя, полныя плечи твои, что такъ чудно сквозятъ сквозь твое кисейное платье. О, есть другой, и этотъ другой—за одинъ твой *нэфендъ* взглядъ готовъ бы былъ отдать всю свою молодую жизнь...

Она прошла, не догадываясь какъ „безумно любилъ я ее“ въ эту минуту. Я вздохнулъ глубоко и пошелъ за ней, стараясь попадать ногой въ едва замѣтные слѣды оставляемые узенькими ея подошвами на пескѣ дорожки; все же приятно, думалъ я, чтобы нога моя ступала именно на тѣ *мѣстечки* по которымъ проходила ея маленькая ножка.

Она уже входила на террасу.

Тамъ на скамьѣ, подъ липой, съ газетой въ рукѣ, сидѣлъ одиноко Буакенфрессъ и какъ будто поджидалъ ее: расшаркиваясь и низко кланяясь, онъ подбѣжалъ къ ней, едва только ее завидѣлъ. Она остановилась, съ удивленіемъ, показалось мнѣ, повернувъ голову къ музыканту. Онъ торопливо замалхалъ руками, заговорилъ. Разстояніе на которомъ я находился отъ нихъ не позволяло мнѣ слышать ни одного слова, но я могъ видѣть какъ Буакенфрессъ семенилъ и извивался ужомъ,

стоя предъ красавицей, какъ передергивалъ онъ плечами и скидывалъ на нее глазами поверхъ спадавшихъ съ его носа очковъ; какъ старался онъ въ чемъ-то, ловидимому, убѣдить ее, какъ наконецъ что-то, чего я различить не могъ, какъ будто перешло изъ его руки въ ея руку. Я прибавилъ шага; забѣжавъ за деревья, я уже близко подходилъ къ нимъ. Но вотъ Любовь Петровна кивнула слегка музыканту, еще ниже опустила свой зонтикъ и быстрою, вдругъ перемѣнившуюся походкой повернула вправо, по направленію своего павильона.

Я вышелъ въ свою очередь на террасу.

Музыкантъ глядѣлъ востлѣдъ красавицы и улыбался, моргая своими лукавыми и подслѣповатыми глазками.

Онъ обернулся на шумъ моихъ шаговъ.

— Вы откуда? спросилъ онъ, окидывая меня подозрительнымъ взглядомъ.

— Какъ видите, изъ сада.

— И давно приходили сюда?

— Давно, отвѣчалъ я, смотря на него во всѣ глаза.

Музыкантъ видимо смутился.

— Да гдѣ вы были? Я сейшасъ имѣлъ честь разговаривать съ madame von-Lubianski...

— Да я видѣлъ.

— Чтò вы видѣлъ? тревожно воскликнулъ онъ.

— Что вы разговаривали съ madame von-Lubianski.

Онъ глянулъ на меня поверхъ очковъ, точно козелъ готовящійся бодаться, и вдругъ захохоталъ.

— О, я вижу, сказалъ онъ, — што ви... какъ это сказывать по-русски?... да! што ви большой балагуръ, молодой шловѣкъ!

— Не знаю кто балагуръ, только не я! воскликнулъ я, обидясь.

— О, о, сейшасъ и фейерверкъ, луфъ, луфъ! Quelle cheunesse (jeunesse) imbetueuse! (impétueuse), продолжалъ онъ смѣяться.

— Никакого тутъ фейерверка нѣтъ, а только я удивляюсь, Herr Bogenfrisch, съ чего вы вздумали называть меня балагуромъ, когда я вамъ ничего балагурнаго не говорилъ, старался промолвить я это съ наибольшимъ хладнокровіемъ и достоинствомъ.

Онъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку, и потрясая ее:

— Ви нишего не сказалъ, молодой шловѣкъ, проговорилъ онъ

комическимъ шопотомъ,—только зачѣмъ вы какъ Deus ex machina, какъ изъ люкъ въ театрѣ, вдругъ пст... и вискочили сейшасъ за Frau von Lubianski?

— А мнѣ хотѣлось знать, отвѣчалъ я такимъ же шопотомъ,— для чего вы ждали здѣсь Frau von Lubianski, Herr Bogenfrisch.

Я и не воображалъ что мой отвѣтъ такъ озадачитъ его: онъ, въ первую минуту, остался безъ словъ и только глядѣлъ на меня, вздергивая очки на носъ.

— И што вы узналъ? нервѣшительно спросилъ онъ наконецъ.

— Не скажу! засмѣялся я, и побѣжалъ къ дому.

Онъ кинулся за мной.

— Mein cher monsieur Boris, bitte sehr, лопалуста....

Но я его не слушалъ и побѣжалъ еще шибче.

Для меня теперь было ясно: Булкафрессъ передамъ Любовь Петровнѣ письмо отъ барона Фельзена....

Б. МАРКЕВИЧЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСЛѢ ОСАДЫ*

Sempronius. *Histoire de la Commune de Paris en 1871*. Bruxelles.

II.

Движеніе 18го марта было непонятно для массы. Коммуна едѣлалась идеаломъ толпы потому именно что она представлялась чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Одни видѣли въ ней утвержденіе республики, другіе гарантію муниципальныхъ правъ, которыхъ требовали такъ давно, и безъ всякаго успѣха; только зачинщики движенія знали точный его смыслъ и тщательно скрывали его отъ толпы, которую старались увлечь за собою. Тѣмъ не менѣе лобѣдители въ первую минуту сами были изумлены сразу пріобрѣтенною властью и очевидно затруднялись какъ имъ дѣйствовать. Услышавъ что Пруссаки подвинулись къ Парижу и заняли Севъ-Дени и его окрестности,—имѣя въ виду что населеніе настоятельно требовало возстановленія порядка, хотя бы при содѣйствіи нѣмецкихъ штыковъ,—они заперли городскія ворота, и лица проживающія въ предмѣстьяхъ могли добраться до столицы не иначе какъ послѣ множества хлопотъ и задержекъ. Торговцы съѣзственными припасами не рѣшались везти въ городъ свои продукты, и рынки опустѣли, что распространило панику между Парижанами, оласавшимися ловторенія всѣхъ бѣдствій голода, отъ которыхъ только-что освободились. Реквизиціи возобновились въ новой формѣ, и Парижъ ни-

* Окончаніе. См. № 11 *Русскаго Вѣстника* 1871.

когда не забудетъ этого прискорбнаго времени, когда нѣсколькимъ негодьямъ достаточно было надѣть кепи и положить Шасспо на плечо, чтобы задерживать гражданъ на улицѣ, обыскивать жилища, забирать у торговцевъ хлѣбъ, мясо, вино, точь-въ-точь какъ поступали нѣсколько времени тому назадъ Прусаки, и расплачиваться за это грубо нацараланными и ни на что негодными квитанціями. Не повиновавшихся ихъ требованіямъ грабители подвергали аресту. Полицейская префектура, Консервжеры и Мазасъ по прошествіи трехъ дней были уже переполнены гражданами которыхъ задержали эти дикіе преторіанцы.

Правительство національнаго собранія, извѣстясь что революціонные клубы настоятельно требуютъ двинуть федералистовъ на Версаль, издавало прокламаціи и разсылао телеграммы утверждавшія что оно прочно водворилось въ Версаль. Ничего подобнаго не было въ дѣйствительности, но тактика эта удалась и остановила движеніе готовое направиться противъ правительственной резиденціи. На дѣлѣ же подъ командой генерала Винуа, которому было поручено охраненіе національнаго собранія, было не болѣе 12.000 человѣкъ, которые, если принять въ соображеніе какъ дѣйствовали регулярныя войска на Монмартрѣ, не выдержали бы и одного рѣшительнаго удара.

До сихъ поръ программа заявленная центральнымъ комитетомъ и знамя которымъ онъ прикрывался состояли въ требованіи муниципальныхъ правъ для столицы. Все выражалось словами: *Парижская Коммуна*. Версальское правительство дѣлало видъ что вѣрить этимъ заявленіямъ или, лучше сказать, имѣло въ виду запутать вождей возстанія въ ихъ собственныя сѣти. Национальное собраніе не понимало опаснаго положенія столицы; оно, правда, поставило этотъ вопросъ въ число своихъ очередныхъ занятій, но тянуло дѣло, несмотря на всѣ убѣжденія г. Тьера и парижскихъ депутатовъ, и только усиливало зло. Неспособность людей стоявшихъ во главѣ правильнаго правительства обнаруживалась ежеминутно, но величайшею ошибкой ихъ было то что они не умѣли воспользоваться нравственнымъ оружіемъ, которое могло ихъ спасти въ эту критическую минуту. Версальское правительство имѣло въ своемъ распоряженіи всю парижскую печать, безъ различія партій и отгѣнковъ. Въ ней обнаружилось энергическое и единодушное противодѣйствіе тиранамъ Городской Думы. Подъ руководствомъ г. Массераса, главнаго редактора *France*,

и г. Геру, главнаго редактора *Opinion nationale*, составилось собраніе главныхъ газетъ (въ числѣ 31), на которомъ была принята резолюція, обнародованная 21го марта и объявлявшая незаконнымъ и недѣйствительнымъ созваніе избирателей провозглашенное правителями Городской Думы. Резолюція эта могла имѣть огромное значеніе, но версальскіе политики не подумали воспользоваться ею. Федералисты, болѣе дальновидные, почували опасность, и въ своемъ *Официальномъ Журналь* помѣстили угрожающую замѣтку противъ реакціонной печати, взводящей де клевету на патріотовъ, доставившихъ торжество правамъ народа, причѣмъ заявлялось что такъ какъ версальское правительство приостановило правильное дѣйствіе трибуналовъ, то всѣ злонамѣренныя писатели будутъ предаваемы суду центрального комитета національной гвардіи. Замѣтка эта не была пустою угрозой, и въ скоромъ времени газеты подписавшія вышеупомянутую резолюцію должны были прекратить свое изданіе.

Между тѣмъ Нѣмцы внимательно слѣдили за перипетіями этой внутренней борьбы, намѣреваясь, какъ тогда всѣ были убѣждены, воспользоваться ею и занять Парижъ, на этотъ разъ уже серьезно, а не для одной только формы. Догадки и предположенія по этому поводу были бы излишни, но будущій историкъ обратитъ, конечно, вниманіе на слѣдующіе документы, которые слишкомъ громко говорятъ за себя. Впервыя, вотъ депеша полученная г. Жюлемъ Фавромъ и прочитанная имъ въ національномъ собраніи:

Генералъ Фабрице г. Жюлю Фавру.

Руанъ, 21го марта.

Имѣю честь извѣстить ваше превосходительство что въ виду событий совершившихся въ Парижѣ и не обезпечивающихъ болѣе исполненія конвенцій, главнокомандующій арміей предъ Парижемъ запрещаетъ приближеніе къ нашимъ линиямъ предъ фортами занятыми нами и требуетъ возстановленія въ 24 часа телеграфовъ разрушенныхъ въ Пантенѣ. Мы принуждены будемъ дѣйствовать на основаніи военнаго положенія и поступать съ Парижемъ какъ съ непріятельскимъ городомъ, если Парижъ дозволитъ себѣ дѣйствія противорѣчащія начатымъ переговорамъ и предиминаріямъ мира, что поведетъ къ открытію огня съ фортовъ занятыхъ нами.

Въ тотъ же день центральный комитетъ получилъ изъ прусской главной квартиры слѣдующую депешу:

*Главнокомандующій 3мъ армейскимъ корпусомъ нѣмцынскому
коменданту Парижа.*

Главная квартира въ Компьенѣ, 21го марта 1871.

Нижеподписавшійся, главнокомандующій, беретъ на себя смѣ-
лость извѣстить васъ что нѣмецкія войска, занимающія линію
къ сѣверу и востоку отъ Парижа, а равно и окрестности пра-
ваго берега Сены, получили предписание сохранять дружествен-
ное и пассивное положеніе до тѣхъ поръ, пока событія совер-
шающіяся внутри Парижа не примутъ относительно нѣмец-
кихъ армій характера враждебнаго и могущаго казаться имъ
опаснымъ, но будутъ оставаться въ предѣлахъ постановлен-
ныхъ мирными прелиминаріями. Въ случаѣ же если эти собы-
тія примутъ непріязненный характеръ, то съ Парижемъ будетъ по-
ступлено какъ съ непріятельскимъ городомъ.

За главнокомандующаго 3мъ армейскимъ корпусомъ, началь-
никъ штаба, генераль-маіоръ *фонъ-Шлотгеймъ*.

На эту депешу делегатъ центрального комитета по виѣшнимъ
дѣламъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

*Главнокомандующему 3мъ корпусомъ императорскихъ
прусскихъ армій.*

Парижъ, 22го марта 1871.

Нижеподписавшійся, делегатъ центрального комитета по виѣ-
шнимъ дѣламъ, въ отвѣтъ на вашу депешу изъ Компьена, отъ
21го текущаго мѣсяца, извѣщаетъ васъ что такъ какъ рево-
люція совершенная въ Парижѣ центральнымъ комитетомъ
имѣетъ характеръ преимущественно муниципальный, то она
отнюдь не враждебна нѣмецкимъ арміямъ. Мы не имѣемъ
полномочій обсуждать мирныя прелиминаріи, утвержденныя
Бордосскимъ собраніемъ.

Какъ бы въ подкрѣпленіе грозныхъ предостереженій, отсту-
пательное движеніе нѣмецкой арміи остановилось, возвра-
щеніе французскихъ лѣвннхъ въ отечество было прервано,
и часть войскъ уже отошедшихъ отъ Парижа снова сосредото-
чилась въ его районѣ. Необходимо было настоятельное посред-
ничество гг. Тьера и Жюля Фавра предъ г. фонъ-Бисмаркомъ
чтобы дѣло это не пошло далѣе; посредничество это возобно-
влялось многократно и повело, въ началѣ мая, къ побѣдѣ г.
Жюля Фавра во Франкфуртѣ.

Въ это время *Интернаціоналка*, которая держала въ своихъ
рукахъ всѣ нити возстанія, считая дѣло достаточно подвину-
тымъ впередъ и не желая принимать на себя отвѣтствен-
ности безъ всякой пользы, произвела одинъ изъ тѣхъ маневръ,

въ коихъ такъ искусны ея вожди, и чтобъ очистить себя предъ общественнымъ мнѣніемъ лустила въ свѣтъ декларацію, которая останется однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ въ исторіи этой ассоціаціи. Вотъ эта декларація въ формѣ письма адресованнаго гражданину Сералье гражданиномъ Карломъ Марксомъ, прусскимъ подданнымъ, главнымъ вождемъ Интернаціоналки.

„Гражданинъ,—съ чувствомъ глубокаго прискорбія мы видимъ что будущность Интернаціональнаго Общества Рабочихъ компрометируется дѣйствіями нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Ничто не можетъ быть вреднѣе для насъ, какъ это произвольное и безплодное появленіе людей которые, подъ покровомъ нашего Общества, выражаютъ притязанія на первыя мѣста въ республикѣ. Многие изъ этихъ людей почти незнакомы намъ, такъ какъ присоединились къ нашему Обществу въ послѣднее время; другія лица почтенныя и хорошо извѣстныя. Къ несчастію, если мы и считаемъ успѣхомъ что наши братья становятся представителями рабочихъ классовъ во французскомъ парламентѣ, то мы съ горестью должны сознаться что между членами французскаго отдѣла весьма немногіе смотрятъ серьезно на роль Интернаціональнаго Общества, столь прекрасную, столь достойную, столь полную будущности. Даже въ эту минуту, когда страна ихъ изнемогаетъ, пусть Французы берутъ примѣръ съ своихъ германскихъ братьевъ. Подобно вамъ, они преслѣдуются, заключаются въ тюрьму, объявляются внѣ закона. Тѣмъ не менѣе они не ищутъ силы своей въ мятежѣ. Преслѣдованіемъ, тюремнымъ заключеніемъ Якоби, Дибнека и многихъ другихъ, Общество возвеличилось и укрѣпилось, сильное уваженіемъ всѣхъ, даже своихъ палачей. Растолкуйте это хорошенько французскимъ рабочимъ; наша сила заключается въ соблюденіи законовъ, до тѣхъ поръ, пока преслѣдованій коимъ подвергалось наше Общество, не преклонитъ наконецъ вѣсы въ нашу пользу. До, тѣхъ поръ останемся спокойные и соединенные, и стоя выше мелочныхъ и ничтожныхъ соперничествъ, положимъ между народами незыблемыя основанія всеобщаго братства работниковъ и лишенныхъ наслѣдія въ обществѣ.

„Лондонъ, 28го февраля 1871.“

„Карлъ Марксъ.“

Замѣтимъ что письмо это подписано за три недѣли до возстанія, но плуцено въ ходъ въ самый разгаръ его.

Вопросъ о муниципальныхъ выборахъ, назначенныхъ центральнымъ комитетомъ на 22е марта, долженъ былъ сдѣлаться исходною точкой борьбы. Избранные меры двадцати парижскихъ округовъ, въ соединеніи съ нѣсколькими крайними делу-

татами Парижа, внесли этимъ вопросъ въ національное собраніе.

Засѣданіе этого собранія 20го марта имѣеть важное значеніе. Г. Клемансо, депутатъ и монмартрскій меръ, представляетъ законопроектъ объ избраніи парижскаго муниципальнаго совѣта изъ 80ти членовъ, подписанный радикальною фракціей парижскаго представительства. Проектъ этотъ принять безъ преній, но при требованіи безотлагательности раздаются возраженія.

— Если вы отвергнете безотлагательность, сказалъ г. Клемансо, то вы заставите меня сказать зачѣмъ я ее требую.

Новыя возраженія, превращающіяся въ общій ропотъ.

— Пусть же будетъ такъ! восклицаетъ г. Клемансо: — я выскажу вамъ все, если вы меня принуждаете. Два дня уже Парижъ въ полной анархіи. Два дня уже правительство оставило постъ который занимать предписывалъ ему его долгъ.

Слѣдствіемъ этого были бурныя пренія, въ которыхъ правительство уступило; безотлагательность, требуемая законопроектомъ г. Клемансо, была утверждена, и вслѣдствіе этого засѣданія вице-адмиралъ Сессе былъ отправленъ въ Парижъ главнокомандующимъ національною гвардіей, причемъ его снабдили слѣдующею программой, которая несомнѣнно устранила бы всѣ затрудненія, еслибы требованія центрального комитета не были однимъ предлогомъ къ возбужденію общей революціи.

Французская республика.

Свобода, равенство, братство.

Любезные сограждане! слѣшу довести до вашего свѣдѣнія что въ согласіи съ депутатами Сенскаго департамента и съ избранными парижскими мерами мы исходатайствовали у правительства національнаго собранія:

- 1) Полное признаніе вашихъ *муниципальныхъ вольностей*;
- 2) Право избранія всѣхъ офицеровъ національной гвардіи, со включеніемъ главнокомандующаго;
- 3) Признаніе закона объ уплатѣ по векселямъ;
- 4) Законопроектъ о наймѣ квартиръ, благоприятный для наемщиковъ.

Въ ожиданіи что вы меня утвердите или назначите мнѣ преемника, я останусь на моемъ почетномъ постѣ чтобы наблюдать за исполненіемъ примирительныхъ законовъ, которые мы успѣли исходатайствовать, и такимъ образомъ содѣйствовать упроченію республики.

Временно-главнокомандующій вице-адмиралъ Сессе.

Полковникъ Ланглюа, сенскій депутатъ, былъ назначенъ начальникомъ штаба, а другой сенскій депутатъ г. Шельхеръ командиромъ артиллеріи.

Парижъ вздохнулъ свободно на минуту и считалъ раздоръ оконченнымъ, тѣмъ болѣе что сами вожди движенія, застигнутые врасплохъ, были принуждены отложить возмѣщенные выборы до 26го марта.

Но разладъ обнаружился между баталіонами принявшими названіе *федералистовъ*, и тѣми которые возставали противъ предположенной революціи, вслѣдствіе чего организовались манифестаціи.

22го марта, на площади Новой Оперы, противъ главной квартиры центрального комитета, и на сосѣднихъ бульварахъ собрались толпы гражданъ, между которыми было много національгардовъ, мобилей и военныхъ. Капитанъ 3-го баталіона національгардовъ поднялъ на палкѣ маленькую дощечку съ надписью: „Требуются граждане, друзья порядка, безъ оружія.“ Толпа все увеличивалась и съ криками: „Да здравствуетъ порядокъ! да здравствуетъ республика! да здравствуетъ всеобщая подача голосовъ! да здравствуетъ національное собраніе!“ двинулась къ площади Согласія по улицѣ Мира.

Патруль національгардовъ, стоявшій на оконечности этой улицы, какъ бы для того чтобъ остановить шествіе, отступаетъ предъ толпой, которая достигаетъ улицы *Neuve-des-Petits-Champs*. Въ этомъ мѣстѣ улица Мира совершенно заграждена нѣсколькими рядами національгардовъ; толпа оставалась, оглашая воздухъ тѣми же криками. Нѣкоторые изъ національгардовъ, преграждающихъ луть, принимаютъ угрожающее положеніе. „Приклады вверхъ! приклады вверхъ!“ кричитъ толпа и съ неистовствомъ рукоплещетъ тѣмъ національгардамъ которые исполняютъ это требованіе. Въ эту минуту новая группа гражданъ, со множествомъ офицеровъ, національгардовъ и мобилей, выступаетъ по улицѣ Мира и становится въ первые ряды, предшествуемая молодыми людьми несущими громадное трехцвѣтное знамя. Крики и рукоплесканія продолжались, но манифестація еще не теряла своего мирнаго характера. Одушевленные разговоры завязались между гражданами, энергически требовавшими порядка и истинной свободы, и національгардами-федералистами. Между тѣмъ барабанный бой раздавался отъ времени до времени на Вандомской площади. Тамъ быть походъ, но никому

не приходитъ въ голову чтобы люди называющіе себя республиканцами вздумали стрѣлять по своимъ согражданамъ. Адмиралъ Сессе все время шелъ впереди процессіи, въ полной увѣренности что официальное извѣщеніе объ уступкахъ сдѣланныхъ Версалемъ и обозначенныхъ въ его прокламаціи возвратило умы къ порядку; но едва онъ произнесъ нѣсколько словъ, какъ раздались выстрѣлы. Онъ обязанъ былъ спасеніемъ своей жизни мужеству молодого человѣка который держалъ трехцвѣтное знамя. Онъ закрылъ адмирала своимъ тѣломъ и воскликнулъ: „Если вы хотите убить кого-нибудь, то убейте меня!“ Мужественный юноша, имя котораго неизвѣстно, остался невредимъ и добрался до Биржевой площади, гдѣ собирались баталіоны вѣрные національному собранію.

Вдругъ паника распространяется въ толпѣ, всѣ бѣгутъ, толкаютъ другъ друга.... Одни скрываются въ сосѣднія улицы, бѣльшая же часть направляется къ бульварамъ улицей Мира. Раздаются новые залпы; національгарды, стрѣлявшіе сначала на воздухъ, направляютъ выстрѣлы по этой безоружной и бѣгущей толпѣ. До сорока человѣкъ падаютъ, но тогда раздраженные участники манифестаціи принимаются за револьверы, наносятъ раны убійцамъ и кладутъ двоихъ изъ нихъ на мѣстѣ. Бержере, который присвоилъ себѣ чинъ генерала и котораго центральный комитетъ облекъ званіемъ главнокомандующаго, понявъ опасность положенія, такъ какъ адмиралъ Сессе, пользовавшійся довѣріемъ баталіоновъ порядка и имѣвшій въ рукахъ картечицы и снаряды, могъ начать наступательное движеніе; онъ далъ повелѣніе федералистамъ прекратить огонь, который грозилъ обратиться въ настоящую бойню.

Федералисты не позволяли никому приближаться даже для того чтобы убрать убитыхъ и раненыхъ; между послѣдними находились одинъ изъ извѣстныхъ парижскихъ публицистовъ г. Анри де-Пень, г. Леменьянъ профессоръ Декартова лиція, и нѣсколько другихъ уважаемыхъ гражданъ. Число труповъ валившихся по тротуарамъ или отнесенныхъ подъ ворота простиралось до двѣнадцати. Между ними былъ неизвѣстный старикъ съ длинною сѣдою бородой и съ орденомъ Почетнаго Легіона. Пуля ударила его сзади въ черепъ и вышла около подбородка. Г. Леменьянъ былъ раненъ пулей въ ногу; сверхъ того платье его было прострѣлено двумя пулями и шляпа обрызгана мозгомъ жертвы лавшей подлѣ него.

Гамены, эти свирѣлые и отвратительные гномы парижскихъ

мятежей, присутствовали также на этомъ кровавомъ пируествѣ. Г. де-Пень разказывалъ что онъ хотѣлъ отступить послѣ перваго зала, когда вдругъ на улицѣ Капудиновъ увидѣлъ юношу, почти ребенка, которому передавали заряженный ружья и который стрѣлялъ въ кого попало. Вдругъ одна изъ этихъ пуль ударила въ г. де-Пена, и онъ залился кровью; къ счастью онъ увидѣлъ въ толпѣ одного изъ своихъ друзей, который помогъ ему укрыться въ одномъ изъ магазиновъ. Рана его, къ счастью, оказалась не смертельною.

Несмотря на все это, люди порядка надѣялись еще поправить дѣло и открыли переговоры. Центральный комитетъ, чувствуя силы своего противника, выразилъ притворную готовность вступить въ соглашеніе. И дѣйствительно въ эту минуту партія порядка видимо усиливалась. Регулярная національная гвардія сгруппировалась около адмирала Сессе, и баталіоны ея заняли свои меріи. Въ ихъ рукахъ была площадь Побѣды, биржа со всѣми ея окрестностями, государственный совѣтъ, восточная станція желѣзной дороги, улица Друо и весь Пасси, чрезвычайно важный кварталъ, вслѣдствіе чего сообщенія съ Версалею были совершенно свободны. Кварталъ Одеона и Сень-Жерменская улица одушевлены были готовностью противодѣйствовать мятежу, и движеніе это все болѣе распространялось. Репортъ подполковника Бофора, начальника штаба, свидѣтельствуешь что въ теченіе трехъ дней подъ знамена правительства собралось до 110 тысячъ гражданъ. Парижскія газеты единодушно поддерживали партію порядка, и возбуждаемые ими національгарды во многихъ мѣстахъ уничтожали баррикады, воздвигаемыя федералистами. Нельзя не дивиться какъ не умѣлъ всѣмъ этимъ воспользоваться адмиралъ Сессе. Онъ медлил приступить къ дѣйствию, а между тѣмъ люди Городской Думы приобрѣтали новыя силы, и баталіоны ихъ начали расхаживать по улицамъ съ криками: „Да здравствуетъ коммуна!“

Насилія, реквизиціи, домовые обыски возобновлялись и мало-малу принимали все большіе размѣры. Одинъ изъ самыхъ гнусныхъ злодѣевъ, бывшій шпіонъ и шулеръ, Дюваль, облеченный званіемъ главнокомандующаго, какъ будто принялъ себѣ девизомъ: „задерживать и разстрѣливать кого попало“. Бывшая прачешная 13го округа (въ Гобеленевскомъ кварталѣ) была наполнена множествомъ гражданъ признанныхъ подозрительными, въ числѣ коихъ находились генералъ Шанзи, г. Тюрке делутать, г. Шовуркъ, Американецъ, храбро сражавшійся про-

тивъ Прусаконъ, генераль Ламбурье и множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія.

Кромѣ Дювала, центральный комитетъ имѣлъ еще двухъ такихъ же генераловъ, Брюнеля и Эда. Этотъ триумвиратъ заявилъ о своихъ намѣреніяхъ слѣдующею угрозою направленною противъ людей порядка, объявленныхъ бунтовщиками:

„Граждане! Тѣ кто вызываютъ мятежь не колеблются, для достиженія своихъ цѣлей, т.-е. монархической реставраціи, пользоваться самыми гнусными средствами: они не колеблются морить голодомъ національную гвардію, налагая секвестръ на Банкъ и хлебныя магазины. Не время заниматься парламентаризмомъ; необходимо дѣйствовать и строго наказывать враговъ республики. Все что не съ нами, то противъ насъ. Парижъ желаетъ быть свободнымъ. Контръ-революція не пугаетъ его; но великій городъ не дозволитъ чтобы безнаказанно нарушили обществанный порядокъ. Да здравствуетъ республика!

„Командующіе генералы: *Брюнель, Эдъ, Дюваль.*“

Вмѣстѣ съ тѣмъ на Монмартрѣ было вывѣшено извѣщеніе которымъ населеніе приглашалось указывать комитету всѣхъ составляющихъ заговоры въ сообщничествѣ съ „грязною реакціей“. Словомъ, возстановленъ законъ о подозрительныхъ.

Всѣ баталіонные командиры національной гвардіи не представшіе къ комитету осуждены на смертную казнь. Болѣе тридцати поражены этимъ приговоромъ. Одинъ изъ нихъ, Валигранъ, который считался въ числѣ приверженцевъ комитета, разстрѣлянъ, какъ „уличенный въ измѣнѣ“. На Монмартрскомъ холму разстрѣяны были нѣсколько гарибальдійскихъ волонтеровъ, заподозрѣнныхъ комитетомъ въ томъ что они переодѣтые полицейскіе агенты.

Въ числѣ документовъ напечатанныхъ въ *Официальномъ Журналь* комитета не достаетъ одного, который вывѣшенъ былъ въ 18-мъ округѣ и подписанъ четырьмя делегатами полицейской префектуры; тѣмъ не менѣе подлинность его не подлежитъ сомнѣнію. Начинается онъ словами: „Кто не съ нами, тотъ противъ насъ“, а оканчивается: „Республика или смерть“. Содержаніе его—требованіе доносить о людяхъ имѣющихъ сношеніе съ версальскимъ правительствомъ.

Сколько пало жертвъ въ первые дни—опредѣлить трудно, такъ какъ убійцы имѣли средства скрыть слѣды своихъ преступленій. Кромѣ генераловъ Клемана Тома и Леконта, разстрѣляны были безъ всякаго признака суда одиннадцать бывшихъ городскихъ сержантовъ, восемь жандармовъ и два солдата. Какъ

только миновала первая минута народнаго броженія, комитетъ послѣдшилъ учредить военный судъ, который постановилъ нѣсколько смертныхъ приговоровъ. Независимо отъ этого въ Менильмонтонѣ разстрѣляно было нѣсколько человекъ по приговору „импровизованнаго“ народнаго трибунала и нѣсколько человекъ брошено въ Сену. Не считая пропавшихъ безъ вѣсти, убитыхъ и раненыхъ, по достовернымъ свѣдѣнїямъ, разстрѣляно было 33 человекъ.

Страшный безпорядокъ со всевозможными возмутительными сценами господствовалъ въ глубоко взволнованномъ Парижѣ. Лавки были заперты, неустовыя толпы пьяныхъ, оглашая воздухъ дикими глѣсами, влача за собою ружья и сабли, принуждая прохожихъ присоединиться къ нимъ, расхаживали по улицамъ и бульварамъ. Винные погреба, лавки со съѣстными припасами, булочныя подвергались немедленному разграбленію. Это де народъ-побѣдитель производитъ реквизици!

Площади Вандомская и Городской Думы, средоточіе федералистскихъ силъ, представляли самое странное зрѣлище. Национальгарды наполняли ихъ, посреди артиллерійскихъ орудій, прикрытыхъ баррикадами, сквозь амбразуры коихъ видѣлись жерла картечицъ, направленныхъ на главныя улицы. Вдоль тротуаровъ расположены были бочки съ виномъ и тѣлѣжки съ хлѣбомъ, изъ которыхъ производилась раздача отрядамъ національной гвардіи и прочимъ войскамъ центральнаго комитета.

Между тѣмъ выборы назначенные центральнымъ комитетомъ сначала на 22е марта были отсрочены до 26го, слѣдующею во многихъ отношенїяхъ замѣчательною прокламаціей центральнаго комитета:

„Граждане! Вашъ законный гнѣвъ поставилъ насъ 18го марта на постъ который мы должны были занимать только до тѣхъ поръ пока можно будетъ приступить къ общиннымъ выборамъ. Ваши меры, ваши депутаты, отвергая обязательства принятыя ими въ то время когда они были кандидатами, употребили нынѣ все свои усилїя чтобы помѣшать этимъ выборамъ, которые мы желаемъ произвести въ наискорѣйшемъ времени. Реакція, возбужденная ими, объявляетъ намъ войну. Мы должны принять вызовъ и сокрушить сопротивление, дабы вы могли дѣйствовать въ спокойномъ сознанїи своей воли и силы. Вслѣдствіе сего выборы отсрочиваются до будущаго воскресенья, 26го марта. До тѣхъ поръ будутъ приняты энергическія мѣры для охраненїя правъ которыхъ вы требовали.“

III.

Множество попытокъ предпринято было для соглашенія между Парижемъ и Версалемъ, но Версаль держался принятаго имъ рѣшенія не уступать ничего мятежу, важности котораго онъ не признавалъ. Парижскіе меры явились 22го марта въ національное собраніе, чтобы вмѣстѣ съ своими депутатами истребовать разрѣшенія о принятіи мѣръ которыя покажутся имъ безотлагательными въ виду крайней опасности положенія. Правительство объявило въ засѣданіи 23го что по причинамъ величайшей важности, которыя оно считаетъ нужнымъ сохранить въ тайнѣ, предложеніе это устранено. Въ то же время депутация 15го Парижскаго округа и многихъ другихъ кварталовъ явилась въ Версаль съ просьбой о присылкѣ въ Парижъ отряда регулярнаго войска въ пять-шесть тысячъ, которыя, соединясь, подъ начальствомъ главнокомандующаго національною гвардіей, съ баталіонами не признававшими центрального комитета, восстановили бы порядокъ. Но правительство отвѣчало депутации что порядокъ долженъ быть восстановленъ въ Парижѣ безъ столкновенія, и что единственное средство для достиженія этой желанной цѣли предоставить все дѣло національной гвардіи.

Въ засѣданіи 25го марта парижскіе депутаты представили письмо, въ которомъ они излагали что „такъ какъ кризисъ становится съ каждымъ днемъ неизбежнѣе, то меры и ихъ помощники, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ необходимости немедленно и подъ собственною отвѣтственностью озаботиться положеніемъ дѣла, полагаютъ что невозможно болѣе оставлять Парижъ безъ муниципальнаго совѣта, котораго населеніе требуетъ столько лѣтъ и котораго нынѣ оно требуетъ съ несомнѣннымъ единодушіемъ.“ Они умоляли собраніе признать что меры поступаютъ какъ добрые граждане, если примутъ на себя, въ духѣ примиренія и соглашенія, роль которую налагаетъ на нихъ положеніе въ высшей степени опасное.

Письмо это приложено было къ протоколу и даже не удостоилось обсужденія.

Адмиралъ Сессе, видѣвшій событія ближе и понимавшій ихъ опасность, соглашался вступить въ переговоры. Условившись съ нимъ, меры отправились въ морію Сень-Жермень Л'Оксерруа, куда, съ своей стороны, центральный комитетъ прислалъ

гг. Брюнеля и Прото въ качествѣ делегатовъ для устройства соглашения.

Послѣ совѣщанія, продолжавшагося часть, постановлены были слѣдующія условія:

„Центральный комитетъ отсрочиваетъ муниципальные выборы до четверга 30го марта.

„Онъ обязывается сдать немедленно Городскую Думу, мерію, Тюйлери и Елисейскій дворець.

„Онъ удержитъ за собою до полудня въ четвергъ Вандомскую площадь, министерства, форты занятые диссидентами, пушки и баррикады.

„Онъ обѣщаетъ сверхъ того, какъ только начнутся выборы, возвратитъ занятые мѣста, а равно и пушки и уничтожитъ баррикады.“

Затѣмъ делегаты удалились совершенно довольные и братались съ національгардами 2го округа.

Адмиралъ Сессе добился своимъ личнымъ настояніемъ освобожденія генерала Шанзи, которое и послѣдовало тотчасъ же. Извѣстіе объ этомъ, разнесшееся въ Парижѣ, произвело сильное впечатлѣніе; всѣ толковали что установилось окончательное соглашение и вздохнули свободнѣе. На Биржевой площади національгарды-федералисты братались съ баталіонами состоявшими подъ начальствомъ адмирала Сессе. Вечеромъ весь городъ какъ будто успокоился.

Адмиралъ Сессе простодушно довѣрился соглашенію и не подумалъ воспользоваться слѣдствіями этого неожиданнаго мира. Онъ далъ приказаніе очистить посты занятые баталіонами порядка, не сомнѣваясь что вся національная гвардія дѣйствуетъ заодно.

Въ газеты отправленъ былъ приказъ адмирала Сессе о распущеніи 25го марта по домамъ національной гвардіи и о намѣреніи адмирала Сессе сложить съ себя званіе главнокомандующаго.

Этотъ приказъ былъ сигналомъ къ распущенію баталіоновъ порядка и къ разьединенію значительной партіи, которая, по свидѣтельству начальника штаба г. Бофора, была многочисленна, дружно соединена и готова всѣми силами отстаивать правительство.

Что же происходило въ центральномъ комитетѣ, послѣ вышеизложеннаго распоряженія добродушнаго адмирала, который вообразилъ что онъ выигралъ дѣло, потому что ему возвратили его друга генерала Шанзи?

Центральный комитетъ, избавившись отъ адмирала, и убѣдясь что люди порядка, усложившіе имъ, воспользовались даннымъ имъ отпускомъ, собрался наскоро въ Городской Думѣ, гдѣ въ тайномъ засѣданіи Асси, занимавшій президентское кресло, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Граждане! Междуусобная война, считаемая гражданскимъ преступленіемъ, есть при настоящихъ обстоятельствахъ необходимость, которую мы можемъ назвать роковою. Вотъ условія предлагаемыя намъ правительствомъ. Я готовъ принять ихъ; но въ виду отсрочки требуемой для выборовъ и сомнительнаго положенія собранія, я полагаю что разумнѣе будетъ отвергнуть оныя. Если мы отсрочимъ выборы, власть, которая есть синонимъ реакціи, наляжетъ всею своею силой на избирателей. Она направитъ голосованіе такимъ образомъ, что мы, нынѣ побѣдители, завтра будемъ побѣжденными, а можетъ-быть и изгнанниками. Мы господствуемъ надъ положеніемъ; наши противники, хотя по наружности и готовые на борьбу, не имѣютъ ни организациі, ни общности идей. Одинъ день промедленія можетъ все погубить. Если меры и правительство не хотятъ допустить выборовъ въ воскресенье, мы должны прервать переговоры.“

Послѣ Асси, говорили въ томъ же смыслѣ Бержере и Бильоре, затѣмъ отправлены были два члена въ мерію 2го округа съ тѣмъ чтобы именовъ комитета принять всѣ условія адмирала Сессе, съ тѣмъ однако чтобы выборы произведены были въ день назначенный для распушенія національной гвардіи. Въ полночь делегаты возвратились съ объявленіемъ что версальское правительство отвергаетъ выборы въ краткій срокъ и не признаетъ официальнаго характера полномочій гг. Брюнеля и Прото. Комитетъ единогласно объявляетъ начатыя переговоры недѣйствительными и расходится съ криками: „Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ коммуна!“

Слухъ объ этомъ разрывѣ, объ этомъ дерзкомъ нарушеніи конвенціи, уже выполненной съ излишнею добросовѣстностью со стороны партіи порядка, около полуночи разнесся по городу, въ страхѣ ожидавшему исхода совѣщаній.

Комитетъ меровъ протестуетъ противъ такого вѣроломства; отъ Сенъ-Жерменъ Л'Оксерруа, гдѣ онъ засѣдаетъ, до Городской Думы происходятъ усиленные сообщенія, и въ три часа утра членъ центрального комитета Ранвье объявляетъ мерамъ что выборы произведены будутъ послѣзавтра, въ воскресенье. Депутаты и меры поняли что они стали жертвами самаго гнуснаго обмана и что междуусобная война неизбѣжна.

Но у нихъ не достало духа поддержать правое дѣло, и они издали прокламацію, подписанную депутатами Локруа, Флоке, Клемансо, Толеномъ, Гролло и мерами, въ которой они объявили что немедленные выборы въ муниципальный совѣтъ необходимы „для предупрежденія кровопролитія и для утвержденія республики“, вслѣдствіе чего и пригласили жителей въ избирательную коллегію 26го марта.

Трудно представить себѣ какое волненіе въ общественномъ мнѣніи произвели всѣ эти противорѣчивые документы исшедшіе изъ разныхъ официальныхъ источниковъ. Самыя газеты, дѣйствовавшія такъ дружно въ теченіе послѣднихъ дней, пришли въ недоумѣніе и не знали что имъ дѣлать. Однѣ изъ нихъ молчали, другія объявили что онѣ остаются вѣрны „декларациі тридцати“, а нѣкоторыя, большею частью радикальныя, пристали къ компромиссу и побуждали избирателей подавать голоса.

При такихъ неслыханныхъ обстоятельствахъ и посреди общаго безпорядка парижское населеніе призвано было къ избранію 94 муниципальных совѣтниковъ. Въ полдень 26го, половина избирателей не знала еще ничего о случившемся. Люди порядка находились въ нравственной и матеріальной невозможности условиться между собою и назвать имена своихъ кандидатовъ, между тѣмъ какъ у центрального комитета списки были давно заготовлены, съ именами кандидатовъ изъ его же среды. Тѣмъ не менѣе подача голосовъ началась въ воскресенье въ назначенный часъ. Случилось именно то что предполагали руководители движенія: ихъ сторонники явились всѣ и подавали голоса дружно, противники же ихъ собрались въ самомъ незначительномъ числѣ. Изъ 200.000 избирателей, участвовавшихъ въ подачѣ голосовъ (3го ноября, во время плебисцита, ихъ собралось 475.000), 140.000 подали голоса въ пользу центрального комитета, и только 60.000 въ пользу прежнихъ муниципалитетовъ. Всѣ люди 3го октября и 22го января были избраны!

Провозглашеніе этого муниципалитета происходило 28го марта, съ большими церемоніями, на площади Городской Думы, все еще покрытой баррикадами и усѣянной пушками. Программа утвержденная въ засѣданіи комитета 27го марта должна была напоминать федераціонное празднество 1789 года.

При видѣ такой воинственной обстановки трудно было предположить мирное торжество. Толпы любопытныхъ простодушно

предполагавшихъ что празднество устраивается для нихъ, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ; на площади сборища не допускались и толпамъ предоставлено было смотрѣть изъ ближайшихъ улицъ на устраиваемое торжество, въ которомъ не было недостатка въ театральныхъ декораціяхъ. Статуя Генриха IV была закрыта красною драпировкой съ золотыми кистями. На полу-колоннѣ поставленъ бюстъ республики, окруженный красными знаменами; трехцвѣтнаго знамени не было нигдѣ, и по прошествіи двухъ дней оно объявлено было знаменемъ реакціонеровъ и мятежниковъ, и одно красное стало знаменемъ національнымъ.

Подъ статуей устроена была эстрада, на которой разставлены были кресла обитыя краснымъ бархатомъ; въ центрѣ ихъ сѣдалище болѣе широкое и возвышенное — *тронъ* гражданина Асси. На эстраду всходятъ по четыремъ лѣстницамъ, изъ коихъ двѣ имѣютъ сообщеніе съ Городскою Думой; двѣ другія спускаются на площадь. На набережной расположена пушечная батарея, долженствующая салютовать провозглашенію избранниковъ.

Въ часъ начинаютъ собираться баталіоны комитета, предшествуемые ихъ делегатами, знакомъ отличія коимъ служатъ красныя перевязи на рукѣ.

Приготовленія къ торжеству продолжались слишкомъ три часа. Отовсюду слышны только барабанный бой, звуки трубъ и неистовые крики: „Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ коммуна!“ Вскорѣ площадь становится тѣсна, и всѣ прилежанія къ ней улицы наполняются дѣлымъ лѣсомъ штыковъ.

Въ четыре часа начинается торжество. Барабанный бой звѣщаетъ о прибытіи комитета, который величественно, съ президентомъ своимъ во главѣ, спускается по ступенямъ Городской Думы и занимаетъ свое мѣсто на эстрадѣ. Гремятъ пушки въ перемежку съ трубными звуками и привѣтственными кланками. Толпа въ восторгѣ; кели качаются на оконечностяхъ штыковъ. Эти бурныя демонстраціи сильно вредятъ слуху гражданина Асси, который не въ состояніи водворить тишину. По окончаніи его рѣчи, которой рукоплещуть, хотя никто ее не слышитъ, провозглашаются имена избранниковъ, привѣтствуемыхъ пѣніемъ *Марсельезы* и музыкой національной гвардіи. Провозглашеніе именъ продолжается до половины бою; затѣмъ произносятся приличные торжеству рѣчи, въ которыхъ народъ превозносится комитетомъ до небесъ и республика

восхваляется на всѣ лады. Наконецъ ораторы умолкаютъ и начинается церемональный маршъ федеральной милиціи, при грохотѣ пушекъ. Каждый баталіонъ, проходя мимо эстрады, салютуетъ членамъ коммуны, и толпа медленно расходитъя.

Такимъ образомъ коммуна провозглашена, и центральный комитетъ, торжественно объявившій о своемъ намѣреніи сложить съ себя власть, повторилъ это рѣшеніе въ засѣданіи 28го марта.

Парижская коммуна, долженствовавшая состоять изъ 94 членовъ, въ дѣйствительности состояла изъ 85ти, вслѣдствіе двойныхъ выборовъ. Изъ этого числа гг. Адавъ, Барре, Беле, Бутелье, Бреле, Шеронъ, Демаре, Ферри, Фрюно, Гупиль, Лефевръ, Леруа, Луазо-Пенсонъ, Мармоттанъ, Мелинь, Мюра, Настъ, Улиссъ Паранъ, Ранъ, Робине, Рошаръ, Тираръ подали одинъ за другимъ въ отставку; Флурансъ былъ убитъ подъ Парижемъ; Алликсъ посаженъ въ домъ сумашедшихъ; Блаше принужденъ былъ сложить съ себя свое званіе, какъ недостойный оного; Жерарденъ убѣжалъ вмѣстѣ съ Росселемъ. Такимъ образомъ въ скоромъ времени въ коммунахъ осталось не болѣе 50 членовъ, т.-е. около половины того числа которое должно было засѣдать въ ней по назначенію избирателей. Коммуна усиливалась пополнить это число, и 16го апрѣля назначила новые дополнительные выборы; хотя ни одинъ изъ кандидатовъ не получилъ установленнаго ею самою большинства, т.-е. восьмой части всѣхъ голосовъ, но она съ обычною безцеремонностью объявила что это и не нужно, и допустила всѣхъ получившихъ наибольшее число голосовъ въ округахъ (въ числѣ вновь избранныхъ былъ Менотти Гарибальди, который отказался отъ участія въ коммунахъ, и Кюзере, вскорѣ посаженный въ тюрьму), такъ что со всѣми натяжками число членовъ коммуны дошло до 65. Въ такомъ положеніи она дожила до 15го мая, когда меньшинство изъ 22 членовъ почувствовало что коммуна стремится къ своей гибели, передавая всѣ свои полномочія комитету общественнаго спасенія, облеченному неограниченною властью и подпадая окончательно подъ владычество центрального комитета, не подумавшаго расходиться, несмотря на свои торжественныя обѣщанія. Эти двадцать два члена, въ числѣ коихъ были Малонъ, Журдь, Верморель, Жюль-Валлесъ, Тридонъ, Варленъ и Курбе, обнародовали декларацию гласившую что такъ какъ „пораженная коммуна отреклась отъ своей власти въ пользу диктатуры, которой она дала названіе комитета общественнаго спасенія“, то они посвящаютъ себя исключительно на служеніе своимъ муни-

ципалитетамъ и не будутъ болѣе являться въ засѣданія, отнынѣ бесполезныя до тѣхъ поръ пока собраніе не организуется въ полномъ составѣ своихъ членовъ.

Интересно прослѣдить различныя фазы чрезъ которыя прошла коммуна. Новые диктаторы не скупились на программы. Въ продолженіе своего двухмѣсячнаго господства (отъ 18го марта до 21го мая) не проходило недѣли чтобъ они не издали по крайней мѣрѣ одной программы. Составлять эти программы всегда находились охотники, такъ какъ коммуна заключала въ своей средѣ всѣ знаменитости самой крайней партіи. Тамъ засѣдали бывшіе офицеры, адвокаты, политическіе писатели, экономисты, вожди рабочихъ коалицій и Интернаціоналки. Они пользовались властью безграничною, непререкаемою, разпоряжались столицей и населеніемъ по всей своей волѣ; противъ ихъ дѣйствій не возможно было никакое возраженіе. Многие, привыкнуши судить о нихъ по ихъ сочиненіямъ, надѣялись найти въ нихъ нѣкоторую способность или по крайней мѣрѣ честность. Но и эта иллюзія была непродолжительна: едва ли когда-нибудь бывали люди которые бы съ такою настойчивостью употребляли всѣ средства чтобы заслужить общую ненависть и внушить къ себѣ чувство глубочайшаго омерзѣнія.

По предложенію Делекюзю прежде всего состоялся слѣдующій органической декретъ:

1) Исполнительная власть поручается временно соединеннымъ делегатамъ девяти комиссій, между которыми коммуна распредѣлила административныя вѣдомства;

2) Делегаты назначаются коммуной по большинству голосовъ;

3) Делегаты будутъ собираться каждый вечеръ и большинствомъ голосовъ постановлять рѣшенія по каждому изъ своихъ департаментовъ;

4) Ежедневно они будутъ отдавать отчетъ коммунѣ въ тайномъ комитетѣ о принятыхъ ими мѣрахъ, и коммуна будетъ ихъ утверждать.

По упомянутому постановленію избраніе делегатовъ въ министерства составилось слѣдующимъ образомъ: Военный департаментъ—Клюзере; финансовъ—Журдъ; продовольствія—Віаръ; внѣшнихъ сношеній—Паскаль Груссе; просвѣщенія—Вальянь; юстиціи—Прото; общественной безопасности—Рауль Риго; труда и мѣны—Леонъ Франкель; общественныхъ услугъ—Андіе.

Затѣмъ избраны были комиссіи изъ пяти членовъ, по каждому

департаменту; но въ теченіи трехъ недѣль эти члены смѣнялись чуть не ежедневно, задерживали и сажали въ тюрьму другъ друга и наконецъ замѣнены были всѣ *комитетомъ общественнаго спасенія*, избраннымъ коммуной въ засѣданіи 30го апрѣля. Этотъ пресловутый комитетъ, членами коего были: Антуанъ Арно, Леонъ Меллье, Равье, Феликсъ Піа и Жерарденъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ центральнымъ комитетомъ довести возстаніе до крайнихъ предѣловъ безумія и показать міру явленіе самаго дикаго и нелѣпаго террора.

Ни одна изъ программъ коммуны не представляетъ никакой ясной и опредѣленной идеи, чего можно было бы ожидать отъ такихъ личностей, какъ Делеклозъ, Тридонъ, Верморель, Феликсъ Піа, Вальянъ и нѣкоторые другіе. Всѣ онѣ представляютъ напыщенный наборъ словъ, общія мѣста о свободѣ и равенствѣ, о верховенствѣ народа и пр., и ни одного опредѣленнаго принципа, ни признаковъ пути которымъ бы намѣревались вести страну эти импровизованные диктаторы. Это какой-то хаосъ, предъ которымъ останавливаешься въ недоумѣніи и спрашиваешь себя, какъ могло держаться два мѣсяца это собраніе бездарныхъ и дикихъ личностей которое называлось коммуной?

Когда коммуна передала власть комитету общественнаго спасенія, и когда центральный комитетъ публично объявилъ что онъ существуетъ, въ газетѣ *Républicain* появилась энергическая статья, обращенная „къ тиранамъ Парижа“, въ которой извѣстный публицистъ Вриньио доказывалъ что дни безобразной коммуны исочтены и что паденіе ея неизбежно. И дѣйствительно передачей власти въ руки комитета общественнаго спасенія коммуна подписала свой смертный приговоръ, и солдаты Макъ-Магона были только его исполнителями.

Вѣчнымъ позоромъ на памяти людей коммуны лежитъ сопротивление которое они оказывали всякой попыткѣ къ примиренію и соглашенію съ правительствомъ національнаго собранія. Отказываясь признать всѣ комитеты и союзы составившіяся съ этою цѣлію и запрещая всѣ газеты осмѣлившіяся возвышать свой голосъ въ пользу примиренія, они доказывали что цѣлію ихъ политики была междуусобная война во что бы ни стало.

Планъ людей Городской Думы былъ опредѣленъ окончательно: они рѣшили уничтожить Парижъ въ тотъ день когда, истощивъ всѣ его силы, они вынуждены будутъ уступить. Они отнюдь не скрывали своихъ намѣреній,—напротивъ! Они эксплуа-

тировали этотъ новый видъ террора чтобы терзать злополучный городъ и облагать его реквизиціями. Они подготовляли сожженіе города, распустивъ превосходный корпусъ парижскихъ пожарныхъ, которые потомъ насильно завербованы были въ ряды федералистовъ, и отбирали путемъ реквизиціи весь петролей и другія горючія вещества. Ихъ газеты приняла на себя обязанность объяснить эти реквизиціи. *Père Duchêne* и *Cri du Peuple* прямо заявляли что если форты и укрѣпленія будутъ взяты Версальцами, то на этотъ случай *приняты въ предосторожности*, и что Парижъ въ случаѣ пораженія *погибнетъ и погубитъ своихъ побѣдителей*.

Извѣстно въ какихъ страшныхъ размѣрахъ были исполнены эти угрозы. Поразительнымъ доказательствомъ твердой рѣшимости этихъ отвратительныхъ злодѣевъ и ихъ партіи совершить преступленіе которое удивило бы міръ — служить то обстоятельство что распуская пожарныхъ они испортили всѣ пожарные инструменты, за которыми, когда вспыхнулъ пожаръ, пришлось посылать въ подгородныя слободы и даже въ Реймсъ и Орлеанъ, но пока успѣли ихъ доставить, огонь совершалъ страшныя опустошенія. Елисейскій кварталъ и Сень-Жерменское предмѣстье были подкопаны; торпеды и горючія вещества разсѣяны съ демонскимъ искусствомъ въ подземныхъ трубахъ и соединены электрическою проволокой. Все должно было взлетѣть на воздухъ при вступленіи войскъ.... Одинъ національ-гардъ, насильно завербованный въ ряды федералистовъ и слѣдившій за ихъ замыслами, успѣлъ во-время извѣстить объ этомъ правительство; проволоки были перерѣзаны, и Парижъ избѣжалъ страшной катастрофы.

Никогда еще система шпіонства и доносовъ не развивалась до такой степени. Независимо отъ полицейской префектуры, главнаго штаба и Городской Думы, въ каждой меріи находился регистръ въ который вносились свѣдѣнія доставленныя шпіонами и донощиками; на основаніи этихъ списковъ производились аресты и казни.

Злодѣи 1871 года не ограничивались шпіонствомъ и арестомъ извнѣ; они наблюдали другъ за другомъ и подвергали арестамъ одинъ другаго: Люлье, Бержере, Кюзере, Россель, Брюнель, Эмиль Клеманъ, Бланше, Асси, Межи, Алликсъ, Мортъе, Лебо (издатель *Официальнаго Журнала*), Лемассонъ, начальникъ штаба въ военномъ министерствѣ, и многіе другіе лобывали поочередно въ Консьержери, Мазасъ и Шершъ-Миди.

Правда нѣкоторые изъ нихъ вполне заслужили этого своимъ мошенничествомъ и другими преступленіями, о которыхъ свидѣлствуютъ документы открытыя въ префектурѣ. Эмиль Клеманъ былъ арестованъ въ ту минуту когда онъ собирався ихъ выкрасть. Алликсъ бѣжалъ захвативъ съ собою сто тысячъ франковъ разными цѣнностями, похищенными въ квартирѣ одной умершей старухи: онъ захватилъ эту сумму на глазахъ у слесаря въ улицѣ Рокеттъ призваннаго за тѣмъ чтобъ отпереть двери.

Не было пощады даже для самыхъ искреннихъ республиканцевъ. Г. Шельхеръ, имѣвшій неосторожность пріѣхать изъ Версаля, чтобы составить себѣ понятіе о положеніи Парижа, коего онъ былъ представителемъ, былъ заключенъ въ тюрьму и ему стоило множества хлопотъ чтобы добиться своего освобожденія.

Что касается грабежей, то до праздника Пасхи они ограничивались обысками въ монастыряхъ и школахъ состоящихъ подъ управленіемъ духовныхъ лицъ, причемъ эти духовныя лица подвергались аресту. Съ первыхъ чиселъ апрѣля грабежи стали производиться въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Всѣ церкви, часовни и заведенія подозрѣваемые въ сношеніяхъ съ католичествомъ были осуждены; ни одно изъ нихъ не избѣжало разысковъ, все было въ нихъ разграблено,—деньги хранившіяся въ церковныхъ кружкахъ, священныя сосуды, реликвіи украшенныя драгоценными металлами, художественныя произведенія имѣвшія какую-нибудь цѣнность. Коммуна имѣла въ средѣ своей знатоковъ, каковы граждане Курбе, Феликсъ Пиа, Вальянъ, Бене и другіе. Сокровища церкви *Notre Dame*, захваченныя въ первый разъ, потомъ возвращенныя вслѣдствіе заявленій общаго негодованія, вскорѣ похищены были снова и на этотъ разъ окончательно. Эти историческія богатства отправлены были на монетный дворъ, гдѣ только вступленіе Версальцевъ въ Парижъ сохранило ихъ отъ уничтоженія. А сколько пропало ихъ въ рукахъ бандитовъ коммуны!

Первый памятникъ подвергнутаго профанціи былъ храмъ Св. Женевьевы. Захвативъ его, федералисты перепилили крестъ водруженный надъ кулоломъ и на мѣстѣ его водрузили красное знамя.

Лицо перепоясанное краснымъ шарфомъ явилось 4го апрѣля, въ два часа по полудни, въ домъ архіепископа парижскаго, чтобъ арестовать его. Съ нимъ было нѣсколько человекъ

вооруженныхъ пистолетами и угрожавшихъ смертью каждому кто бы осмѣлился оказать какое-нибудь сопротивленіе. Въ продолженіи всей ночи со двора архіепископскаго дома съѣзжали повозки нагруженныя вещами тамъ награбленными, безъ всякаго различія принадлежали ли эти предметы лично архіепископу или городу Парижу: церковныя принадлежности, украшенія, столовое серебро—все безъ разбора складывалось въ корзины. Грабежъ этотъ продолжался до шести часовъ утра, и почтенная сестра архіепископа г-жа Дарбуа вмѣстѣ съ братомъ своимъ была посажена въ тюрьму. Всѣ служившіе при архіепископѣ были также арестованы, и оставлена только жена привратника подъ стражей въ ея ложѣ. Монсеньоръ Дарбуа былъ сначала отправленъ къ Консьержери, потомъ переведенъ къ Мазасъ, въ одну изъ келлій назначенныхъ для тяжкихъ преступниковъ, съ объявленіемъ ему что онъ удерживается въ качествѣ заложника и будетъ разстрѣлянъ агентами коммуны и центрального комитета, когда они найдутъ это нужнымъ.

На другой день, 5го апрѣля, такимъ же порядкомъ былъ арестованъ настоятель церкви Св. Магдалины, аббатъ Дегерри. Двери его квартиры оказались запертыми и были выломаны національгардами, которые нашли въ передней одну только старуху полумертвую отъ страха, но тѣмъ не менѣе отказавшуюся сообщить какія бы то ни было свѣдѣнія о своемъ господинѣ. Национальгарды разсыпались по дому, расхищая все что имъ попадалось подъ руку и сваливая все награбленное на повозки взятыя реквизиціей. Въ половинѣ 7го утрома отыскали аббата Дегерри. Этотъ высокій старикъ, украшенный длинными сѣдыми волосами (ему было 74 года, но онъ былъ бодръ и свѣжъ), бросилъ грустный взглядъ на свой разграбленный домъ и потомъ молча сѣлъ въ карету между двумя національгардами. На улицѣ Сентъ-Оноре собрались между тѣмъ толпы громко протестовавшія противъ такого варварства; крики негодованія раздавались все громче и громче, особенно со стороны бѣдняковъ жившихъ милостями почтеннаго аббата, и національгарды принуждены были очистить домъ и запереть его.

Съ 1го по 18е апрѣля всѣ церкви были разграблены и заперты. Но такъ какъ требовалось употребить ихъ на что-нибудь, то въ коммунѣ не разъ возбуждаемъ былъ вопросъ о продажѣ ихъ съ публичнаго торга, а до тѣхъ поръ было рѣшено устроить въ нихъ помѣщеніе для клубовъ и квартиры

для федералистовъ. Граждане національной гвардіи взбирались на церковныя каѳедры и произносили съ нихъ рѣчи, неслыханныя по своему цинизму. До какой степени безобразія дошли люди коммуны можно судить по слѣдующему предложению гражданина Мортъе, которое *Официальный Журналъ* считалъ нужнымъ занести на свои столбцы:

„Еслибъ общественная безопасность потребовала очистить или запереть всѣ парижскія церкви, то она только предупредила бы мои желанія. Я могъ бы только протестовать противъ окончательнаго упраздненія этихъ зданій, ибо желаю чтобы они были открыты для того чтобы проповѣдывать въ нихъ атеизмъ и уничтожить наукой старыя предразсудки, которые іезуитизмъ успѣлъ навязать слабоумнымъ.“

20го апрѣля число плѣнниковъ принадлежавшихъ къ духовенству простиралось до 500, и аресты продолжались. Ихъ помѣщали главнымъ образомъ въ Мазасъ, въ Консьержери и въ Ласанте. По возмутительно утонченной жестокости Г-жа Дарбуа помѣщена была въ Сентъ-Лозаръ, мѣстѣ заключенія самыхъ гнусныхъ женщинъ!

Чиновники, крупные промышленники, уважаемые граждане всѣхъ классовъ общества, подозрѣваемые въ томъ что они богаты, были задерживаемы у себя на дому, у своихъ друзей и на улицахъ. Было время что никто не осмѣливался показываться на улицѣ и въ особенности проходить мимо постовъ занятыхъ федералистами. Въ тюрьмахъ становилось тѣсно, несмотря на то что коммуна распорядилась выпустить на свободу всѣхъ преступниковъ. По словамъ *Gazette des Tribunaux*, въ началѣ апрѣля въ военной тюрьмѣ Шершъ-Миди не было уже ни одного плѣнника, а до 18го марта ихъ было тамъ 1100. Всѣ они были завербованы въ войско федералистовъ.

Люди коммуны предали торжественному сожженію эшафотъ на площади которой дано было имя Вольтера, но тѣмъ не менѣе смертная казнь стояла во главѣ всѣхъ декретовъ новыхъ террористовъ, съ тою только разницей что ружье замѣнило гильотину; этотъ способъ казни оказывался менѣе хлопотливымъ и болѣе быстрымъ. Казни производились непрерывно, иногда на укрѣпленіяхъ, иногда на дворахъ Городской Думы и Мазаса, на Вандомской площади или на площади Шершъ-Миди. Списковъ казенныхъ не было. Трупы отвозили ночью въ фургонахъ и бросали въ общую яму на ближайшемъ кладбищѣ, и тѣмъ все оканчивалось. Отъ времени до времени въ

винномъ погребѣ который-нибудь изъ палачей въ мундирѣ національгарда восклицалъ: „Этою ночью мы еще разстрѣляли троихъ въ Главномъ Штабѣ“ Или: „Сегодня утромъ нашъ командиръ велѣлъ намъ разстрѣлять у воротъ Мальйо двухъ молодцовъ, очень похожихъ на версальскихъ шпионовъ.“ По официальнымъ отчетамъ видно что когда какой-нибудь фактъ въ этомъ родѣ сообщался въ засѣданіи Городской Думы, то главному палачу выражалась признательность отечества.

Примѣромъ что дѣлалось и говорилось въ церквахъ превращенныхъ въ клубы можетъ служить отчетъ о засѣданіи клуба *Nicolas-des-Champs*, помѣщенный въ *Официальномъ Журналь*. Въ немъ принята была резолюція требующая чтобы всѣ баталіоны національной гвардіи занялись постройкой баррикадъ, въ чемъ должны де принять участіе всѣ молодые граждане отъ 12ти до 18ти лѣтъ; далѣе чтобы всѣ жены городскихъ сержантовъ и жандармовъ бѣжавшихъ изъ Парижа были изгнаны въ 24 часа изъ города и чтобы всѣ домовладѣльцы или ихъ уполномоченные выдали наемщикамъ квитанціи въ полученіи уплаты за будущіе сроки июльскій и октябрьскій.

Одновременно съ обнародованіемъ этой резолюціи въ *Официальномъ Журналь*, появились на стѣнахъ Парижа афиши, которыя въ видахъ гуманности и охраненія общественной нравственности предписывали закрытіе въ 9мъ округѣ домовъ разврата. Другимъ распоряженіемъ отмѣнялся надзоръ за женщинами населявшими эти вертелы. Но необходимо было дать какое-нибудь назначеніе этимъ погибшимъ существамъ, и администраторы Городской Думы, по соглашенію съ военнымъ министерствомъ, тотчасъ же придумали отличное средство: они немедленно сформировали изъ нихъ женскіе баталіоны, и вотъ по бульварамъ Парижа стали гордо выступать лубличныя развратницы въ костюмахъ амазонокъ и съ ружьемъ на плечѣ. Гражданину Гамбону была предоставлена честь вооруженія этого интереснаго ополченія, когда оно явилось въ Городскую Думу съ краснымъ знаменемъ во главѣ. Но какое назначеніе готовили этому необыкновенному въ лѣтописяхъ исторіи войску, на которое конечно мужчины не наводили никакого страха? Вотъ рѣшеніе этой проблемы, напечатанное въ *Vengeur*, газетѣ Федикса Пиа, члена коммуны:

„Полковникъ 12го легіона гражданъ Жюль Монтель образуетъ 1-ую роту гражданокъ-волонтеровъ, которыя пойдутъ противъ непріятеля вмѣстѣ съ легіономъ. Дабы возбудить

самолюбіе трусовъ, всё бѣглецы будутъ разоружаемы предъ фронтомъ ихъ баталіона и отводимы въ тюрьму гражданами-волонтерами. Первая экзекуція этого рода назначается на дняхъ въ проспектъ Домениля.“

Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ Парижъ нерѣдко видѣлъ ополченіе этихъ мегеръ, производившихъ различныя манифестаціи съ краснымъ знаменемъ во главѣ. Онѣ отличались свирѣлостью и не оставались предъ грабежами, поджогами и убійствами. Злодѣи Городской Думы поощряли ихъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ въ этомъ родѣ, издавая удивительныя афиши и назначая высокую плату гражданамъ-волонтерамъ и *законнымъ* или *незаконнымъ* женамъ федералистовъ. Эти гражданки послѣднія оставались въ министерствѣ финансовъ и подождли его 22го мая.

Между тѣмъ толпы защитниковъ коммуны рѣдѣли, и инсуррекціонныя начальства объявили что всё укрывающіеся отъ военной службы будутъ предаваемы военному суду, и что неизбѣжнымъ приговоромъ этихъ судовъ будетъ смертная казнь. И дѣйствительно судъ этотъ организовался, дѣйствовалъ неустанно, и приговоры его тотчасъ же исполнялись.

Официальный Журналъ коммуны, отъ 15го мая, обнародовалъ декретъ делегата по военному департаменту передававшій всю власть надъ Парижемъ тремъ генераламъ, командовавшимъ тремя корпусами арміи федералистовъ. Осадное положеніе, небывалое еще въ исторіи, водворилось въ столицѣ Франціи. Характеристическою чертой онаго можетъ служить слѣдующее распоряженіе. Каждый гражданинъ обязанъ былъ имѣть при себѣ билетъ о своей личности, выдаваемый полицейскими комиссарами. Каждого не заласгагося этимъ билетомъ могли задержать и оставлять подъ арестомъ до тѣхъ поръ пока онъ не представитъ удостовѣренія что онъ тотъ самый, кѣмъ называетъ себя. Національгарды имѣютъ право задерживать гражданъ на улицахъ и требовать отъ нихъ предъявленія билета. Комитетъ общественного спасенія объясняетъ эту либеральную мѣру тѣмъ что Версаль старается наполнить Парижъ своими тайными агентами, назначеніе коихъ склонять жителей къ измѣнѣ. Настоящею же цѣлю этого распоряженія было привлечь силой въ ряды федералистовъ всѣхъ гражданъ отъ 19ти до 40 лѣтъ, какъ то требовалось декретомъ комитета.

Безсмысленныя и неустовыя дѣйствія мятежниковъ были бы не полны еслибъ они пощадили общественныя ламятники и

частныя зданія: декретомъ коммуны предписано было разрушить Вандомскую колонну, „памятникъ проклятаго прошедшаго“, какъ выразился Феликсъ III въ своей газетѣ, домъ г. Тьера, церковь Бреа, построенную въ память генерала этого имени, погибшаго во время июньскихъ дней, и такъ-называемую *Chappelle expiatoire*, воздвигнутую на мѣстѣ погребенія Лудовика XVI и Мари-Антуанетты. Вандомская колонна пала, домъ г. Тьера былъ разграбленъ и разрушенъ до основанія; остальные два зданія были только отчасти повреждены, но уцѣлѣли, благодаря вступленію версальскихъ войскъ въ Парижъ.

Мы упоминали уже объ исполненномъ мужества и достоинства положеніи какое приняла серьезная парижская печать всѣхъ отбѣговъ въ виду неистовыхъ дѣйствій центрального комитета и коммуны; она не измѣняла ему, и очень понятно что революціонныя власти начали преслѣдовать ее съ ожесточеніемъ. Всѣ дѣльныя газеты были закрыты, частію по распоряженію делегатовъ коммуны, частію добровольно, и вскорѣ Парижъ принужденъ былъ довольствоваться такими изданіями которыя навсегда останутся памятникомъ неслыханнаго униженія, до какого могло только дойти печатное слово; между ними первое мѣсто занимала газета *Père Duchêne*, выходившая подъ редакціей Вермерша, Гомбера и Вюльйома, и наполненная такими выраженіями которыя слышатся развѣ только въ кабакахъ и домахъ разврата и въ первый еще разъ появились полными буквами въ печати, затѣмъ *Vengeur* Феликса III и *Salut public* Густава Марото, помѣщавшія самыя неистовыя и кровожадныя воззванія къ народу.

V.

Ясно что Парижъ не могъ оставаться долѣе въ томъ положеніи въ которомъ находился, и что должна скоро была наступить минута рѣшительной борьбы. Шаткое положеніе версальскаго правительства и деморализація арміи могутъ объяснить возможность существованія въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ такого порядка вещей который господствовалъ въ Парижѣ. Слабость версальскаго правительства, а можетъ-быть и желаніе членовъ его избѣжать кровопролитія побуждали ихъ склоняться на попытки къ примиренію, но всѣ эти попытки со стороны мятежниковъ были чистѣйшею

комедіей; вслѣдствіе чего вооруженная борьба и стала неизбежна. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію послѣдняго акта кровавой драмы, которая обозначается названіемъ *Парижской коммюны*, бросимъ взглядъ на военное положеніе Парижа и Версаля.

Центральный комитетъ національной гвардіи, захвативъ власть, 18го марта, вообразилъ что парижское движеніе распространится по всей Франціи, такъ какъ отдѣленія Интернаціоналки дѣйствовали во всѣхъ городахъ. И дѣйствительно волненія обнаружались разомъ въ Лионѣ, Марсели, Тулузѣ, Лиможѣ и проч. Но волненія эти были скоро подавлены, и парижскому возстанію пришлось дѣйствовать одними собственными силами. Со всѣмъ тѣмъ положеніе его было сильно и могло внушать серьезныя опасенія правительству и національному собранію. Центральный комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 215 баталіоновъ, въ которыхъ считалось по крайней мѣрѣ 200.000 человекъ; сверхъ того онъ владѣлъ южными фортами, укрѣпленною оградой и грозною артиллеріей. Такія силы въ искусныхъ рукахъ могли надолго разрушить порядокъ во Франціи, но къ счастью для нея искусныхъ рукъ въ средѣ возстанія не оказалось.

Версальская армія только-что начинала формироваться и, несмотря на прокламаціи исполнительныя власти, она заключала въ себѣ не болѣе 12.000 человекъ на которыхъ можно было положиться.

Коммуна рѣшила начать наступательныя дѣйствія: она надѣялась что ея 200.000 федералистовъ безъ труда справятся съ регулярными войсками, и что по низверженіи версальскаго правительства она водворитъ революцію во всей Франціи. Войска были сосредоточены въ Нёльи, Курбува, и въ воскресенье 2го апрѣля направились на Версаль, мимо Монъ-Валерьяна. Мрачная крѣпость, до сихъ поръ безмолвная, вдругъ заговорила: съ нея раздались залпы и полетѣли гранаты. Колонна федералистовъ, не ожидавшая такого привѣтствія, пришла въ разстройство; часть ея разсѣялась по полямъ, другая кинулась въ Парижъ, посреди величайшаго безпорядка, распространившагося по всему городу отъ заставы Мальйо до самой Городской Думы. Коммуна съ безстыдствомъ не оставлявшимъ ее ни на минуту велѣла развѣсить по всему Парижу плакарды въ которыхъ она крупными буквами извѣщала что версальскіе корлуca начали атаку, что было рѣши-

тельно ложно. Въ то же время она извѣстила телеграммами что Флурансъ и его войска были въ недалекомъ разстояніи отъ Версаля и что самъ Бержере находился въ Нѣльи.

Коммуна могла сколько угодно лгать своимъ приверженцамъ и публикѣ, но она не могла скрыть отъ себя что ея военныя операціи начались серіозною неудачей. Она рѣшилась отмстить за себя тотчасъ же, и на другой день, 3го апрѣля, федеральная армія была раздѣлена на три колонны, которыя направились въ Версаль отъ заставы Мальйо, Исси и Шатильона. Никогда еще не бывало такого полного пораженія; достаточно сказать что федералисты побѣжали при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, посреди невыразимаго безпорядка. Трудно себѣ представить крайнюю неспособность, безпечность, недѣятельность какія господствовали въ этомъ войскѣ, въ соединеніи съ нелѣпою гордостью и неслыханными претензіями избранныхъ имъ предводителей. Каждый день ознаменовывался пораженіемъ федералистовъ, и каждый день регулярныя войска подвигались впередъ; парижскіе кварталы сосѣдніе съ мѣстностью, гдѣ происходили битвы были ежедневно театромъ паники и пораженій; ежедневно также видимо таяли силы федералистовъ. Несмотря на то коммуна и ея военачальники не скупились на лживыя извѣстія для возбужденія мужества своихъ солдатъ. Прокламаціи одна другой задорнѣе, не рѣдко исполненныя противорѣчіи, появлялись во множествѣ. Для примѣра стоить привести делешу Домбровскаго, фабриканта фальшивыхъ банковыхъ билетовъ и генерала коммуны. „Мы находимся по мосту Нѣльи“, говорилъ онъ въ первый день. „Мы продолжаемъ подвигаться впередъ и уже находимся не болѣе какъ во ста метрахъ отъ моста Нѣльи“, писалъ онъ на другой день. На третій онъ продолжалъ извѣщать о своихъ успѣхахъ такъ: „Мы все подвигаемся впередъ, и уже не далѣе 500 метровъ отъ моста Нѣльи.“

Клюзере, величавшій себя американскимъ генераломъ, тщательно избѣгавшій Прусаконъ во все время войны, но предлагавшій свою шлагу всякимъ метежамъ, дѣлалъ такъ грубо что, казалось, потѣшался надъ публикой. Такъ на примѣръ онъ извѣщалъ что съ форта Исси онъ слышалъ какъ Версальцы дрались между собою!

Военное начальство мѣнялось ежедневно; послѣ Бержере, имъ завѣдывалъ Клюзере, потомъ Россель, и наконецъ Делеклюзъ.

Федеральная армія, несмотря на всѣ усилія коммуны для

ея пополненія, постоянно уменьшалась: въ рядахъ ея осталось только отребіе большихъ городовъ, масса чужестранцевъ, каторжниковъ и бѣдняковъ, которыхъ насиліе или нищета заставляли идти объ руку съ мятежомъ.

Коммуна все еще надѣялась; но взятіе фортовъ Исси и Ванвра нанесло ей страшный ударъ. Въ тайномъ комитетѣ она рѣшила пожаръ и разрушеніе Парижа. Общественныя зданія должны сгорѣть, электричество взорветъ подземныя трубы, которыя будутъ обращены въ обширные рвы, долженствующіе поглотить потрясенные до основанія дома. Тогда только останется покрыть известью трупы, и социальный вопросъ будетъ рѣшенъ!

Газеты коммуны открыто говорятъ о предположеніи подкопать Парижъ въ случаѣ пораженія инсurreкціи; чудовищныя баррикады воздвигаются на всѣхъ пунктахъ города; мины проводятся во всѣхъ направленіяхъ; петролей и всѣ горючія вещества отбираются подъ страхомъ самыхъ строгихъ наказаній; составляюся роты ракетчиковъ и электристовъ (*fuzéens et électriciens*); женщины, отребіе домовъ разврата, гомены, грязь парижскихъ улицъ, вербуются чтобы разыграть роль въ развязкѣ ужасной драмы.

Поистинѣ адское искусство распоряжается всѣми этими приготовлениями, а между тѣмъ въ ожиданіи послѣдней минуты отдѣльныя преступленія не прекращаются. Не возможно изобразить вполнѣ систему воровства и грабежей, а равно и преступленія всякаго рода, которыми покрыли себя „люди въ кеппи“ (*les hommes du kepi*) 1871 года. Жители предмѣстій въ особенности пострадали отъ этихъ бандитовъ. Они не останавливались ни предъ чѣмъ, чтобы добыть себѣ денегъ. Они грабили въ размѣрахъ казавшихся до сихъ поръ невѣроятными, среди бѣлаго дня, принуждая рабочихъ ломать замки, и прохожихъ нагружать повозки ими захваченныя. Жители Аньера, Клиши, Курселя, Курбуа, Нёльи и множества другихъ мѣстностей могутъ о томъ засвидѣтельствовать.

Три дня уже инсургенты занимали значительными силами форты Малаховъ и Малый Ванвръ; внѣ ограды только эти два пункта оставались за ними съ южной стороны; ихъ необходимо было выбить оттуда во что бы ни стало. Ночью съ субботы на воскресенье 21го мая, 114й линейный полкъ и полкъ африканскихъ егерей проникли во внутренность этихъ двухъ укрѣпленій и послѣ ожесточенной борьбы выбили изъ нихъ инсур-

гентовъ, которые въ безпорядкѣ бѣжали въ Парижъ, оставивъ на мѣстѣ множество убитыхъ, раненыхъ и до 400 плѣнныхъ. Въ воскресенье, въ заставы Шатильонскую и Орлеанскую входили толпы инсургентовъ съ обыкновенными криками: *измѣна!* и расходились по домамъ. Многіе изъ бѣглецовъ искали спасенія въ подземныхъ переходахъ сосѣдней каменоломни, но заблудились въ нихъ, и цѣлыя сотни ихъ нашли тамъ смерть.

Въ девять часовъ вечера регулярныя войска подъ предводительствомъ маршала Макъ-Магона стали лагеремъ подъ укрѣпленіями. Батареи бастіоновъ были оставлены въ теченіи дня, такъ какъ двѣсти артиллеристовъ отказались отъ службы, подъ тѣмъ предлогомъ что имъ не выдавали ни жалованья, ни съѣстныхъ припасовъ. Когда ихъ командиръ хотѣлъ принудить ихъ остаться при орудіяхъ и угрожалъ имъ своимъ револьверомъ, то одинъ изъ артиллеристовъ раздробилъ ему черепъ.

Посреди этого разстройства коммуна дѣлала отчаянныя усилія чтобы сохранить за собою заставы Монружа и Шатильона, оставленная ея ополченіями. У нея было шестьсотъ человекъ иностраннаго легіона чтобы остановить бѣглецовъ и охранить Шатильонскую заставу. По прибытіи въ Шатильонскую улицу эти защитники коммуны поставили ружья въ козлы, пробрались въ винныя погреба, гдѣ напились до-пьяна, по праву реквизиціи, затѣмъ вломились въ частныя дома чтобы грабить и воровать; во многихъ мѣстахъ они встрѣтили энергическій отпоръ со стороны жителей, которые употребляли всѣ усилія освободиться отъ этихъ разбойниковъ и безпощадно выгоняли ихъ на улицу.

Коммуна не удовольствовалась посылкой на защиту укрѣпленій бандитовъ иностраннаго легіона; она строжайше предликала отправлять туда вмѣстѣ съ ними мирныхъ жителей, во исполненіе своего декрета объ обязательной службѣ всѣхъ гражданъ отъ 19 до 40 лѣтъ.

Въ воскресенье въ три часа утра всѣ улицы примыкающія къ Орлеанскому проспекту окружены инсургентами; нѣкоторые изъ нихъ преслѣдуютъ бѣглецовъ, другіе выламываютъ двери частныхъ жилищъ, чтобы задерживать всѣхъ мужчинъ которые не представляютъ свидѣтельства что имъ болѣе сорока лѣтъ. До шестисотъ человекъ захваченныхъ такимъ образомъ собраны на площади и остаются подъ стражей цѣлый день. Въ шесть часовъ вечера ихъ отводятъ къ Орлеанской заставѣ,

гдѣ ихъ ожидали двѣ роты бандитовъ, чтобы раздать имъ оружіе и боевые снаряды и заставить ихъ драться вмѣстѣ съ ними внѣ укрѣпленій. Эти шестьсотъ насильно завербованныхъ возмутились; они захватили оружіе своихъ стражей, и произошла страшная свалка, окончившаяся бѣгствомъ тѣхъ которыхъ хотѣли заставить драться лоневольтъ и обезоруженіемъ инсургентовъ, изъ коихъ многіе были тяжело ранены.

Два пожара вспыхнули въ кварталѣ Монсури, причемъ погибло 17 человекъ. Бѣдствие это взволновало весь кварталъ Монружа. Волненіе еще болѣе усилилось вслѣдствіе возмущенія 46го баталіона, который отказывался идти въ Пасси по повелѣнію коммуны.

День этотъ былъ прелюдіей близкаго паденія того свирѣлаго деспотизма который засѣдалъ въ Городской Думѣ. По множеству противорѣчащихъ и нелѣпыхъ приказовъ и прокламацій коммуны можно было судить что послѣдній часъ ея наступилъ. Вотъ напримѣръ что писалъ Делеклюзъ Домбровскому:

„Я извѣстилъ что приказанія данныя для постройки баррикады противорѣчатъ одно другому. Примите мѣры чтобы фактъ этотъ не повторялся. Взрывайте на воздухъ и жгите дома, стѣсняющіе вашу систему защиты. Баррикады не должны подвергаться нападеніямъ изъ домовъ. Защитники коммуны не должны нуждаться ни въ чемъ; отдавайте вашимъ солдатамъ все что найдете въ домахъ обреченныхъ разрушенію.“

Съ другой стороны, Делеклюзъ отправляетъ слѣдующее полномочіе одному изъ своихъ сателлитовъ:

„Гражданину Жаке предоставляется забирать всѣхъ гражданъ и всѣ предметы которые будутъ ему нужны для постройки баррикады въ улицахъ Шато д'О и Альбуи. Исключаются изъ этого только вино и водка. Граждане и гражданки которые откажутъ въ своемъ содѣйствіи будутъ немедленно разстрѣляны.“

Делеклюзъ и Бильйоре, ставшій его правою рукой, подумали о заложникахъ и подписали въ слѣдующихъ выраженіяхъ смертный приговоръ архіепископу парижскому и его товарищамъ по заключенію:

„Гражданину Раулю Риго поручается купно съ гражданиномъ Режеромъ исполненіе декрета парижской коммуны относительно заложниковъ.“

Достойный товарищъ ихъ Брюнель не уступалъ имъ въ злодѣйствахъ. Онъ завѣдывалъ департаментомъ пожаровъ. Слѣдующій

документъ свидѣтельствуеъ какимъ образомъ онъ понималъ свои полномочія:

„Приказъ найденный на командовавшемъ баррикадой въ предметъ Тампля.

„Гражданинъ-делегатъ командующій казармами Шато д'О приглашается вручить подателю сего бомбы съ минеральными маслами, необходимыми для гражданина командующаго баррикадами въ предметъ Тампля. Начальникъ легіона Брюнель.“

Вотъ приказъ еще болѣе характеристическій:

„Гражданинъ Мильеръ, во главѣ 150 ракетчиковъ, зажжетъ подозрительные дома и общественныя зданія на лѣвомъ берегу. Гражданину Дереру, съ сотней ракетчиковъ, поручаются 1й и 2й округи; гражданину Бильйоре, съ такимъ же числомъ людей—9й, 10й и 11й округи. Гражданину Вединье, во главѣ 50 человекъ, специально поручаются бульвары отъ Маделены до Бастилии. Означенные граждане должны сговориться съ начальниками баррикады для обезпеченія выполнения этихъ приказовъ. Парижъ, 3го преріала 79 года.

Делеклюзъ, Режсеръ, Равье, Жоаннаръ, Везинье, Брюнель, Долбровскій.“

А вотъ и приказъ которымъ прямо предписывалось зажигательство:

„Зажигайте Биржевой кварталъ; не бойтесь ничего. Полковникъ Паранъ, командующій въ Городской Думѣ.“

Итакъ все было придумано чтобы не оставить въ Парижѣ камня на камнѣ и чтобы никто не избѣжалъ страшной катастрофы.

Вотъ что происходило на лѣвомъ берегу Сены. Утромъ 21го мая, въ половинѣ 4го пополудни, регулярная армія вступила въ Парижъ заставой Сень-Клу. Безпрерывная канонада громившая въ послѣдніе дни юго-западную часть парижскихъ укрѣпленій пробила нѣсколько брешей, но версальская армія не думала еще пускаться на приступъ, когда въ воскресенье послѣ полудня, г. Дюкатель (имя его сохранится въ исторіи), гражданскій инженеръ, взобравшись на вершину укрѣпленія у заставы Сень-Клу, началъ махать бѣлымъ платкомъ и настойчивостью своихъ сигналовъ обратилъ вниманіе осаждающихъ. Версальцы приблизились ко рву и узнали съ него что застава оставлена, что въ нее можно войти безъ выстрѣла, что и было немедленно исполнено; армія, освободительница Парижа, заняла весь окрестный кварталъ, и вечеромъ регулярныя войска расположились на Марсовомъ полѣ, въ Военной Школѣ и въ

Инвалидномъ Домѣ. Спротивленія почти не было; вступленіе войска, котораго одни такъ желали, а другіе страшились, было уже совершившимся фактомъ въ теченіи 12 часовъ, а населеніе большае части парижскихъ кварталовъ и не вѣдало объ этомъ.

Въ продолженіи всей ночи съ воскресенья на понедѣльникъ барабаны и трубы били сборъ на лѣвомъ берегу; все пришло въ движеніе, но весьма малое число федералистовъ отвѣчали на призывъ.

Въ пять часовъ утра новое вступленіе регулярныхъ войскъ было съ восторгомъ встрѣчено многочисленнымъ населеніемъ, ожидавшимъ его, какъ узникъ ожидаетъ своего освободителя. Имя Макъ-Магона вызываетъ громкія привѣтствія. Въ девять часовъ дивизія версальской арміи появляется на югѣ Парижа, въ Грелель и Вожирарѣ. Она заняла позицію на желѣзной дорогѣ, у Западной станціи, центральномъ пунктѣ ея операций, которыя оттуда должны были расходиться по всѣмъ южнымъ кварталамъ.

Прежде чѣмъ выстрѣлы раздались на улицахъ, въ три часа утра, весь Парижъ былъ пробужденъ неистовымъ грохотомъ барабановъ и трубъ, къ которому присоединился отчаянный набатъ съ церкви *Nôtre-Dame de Paris*, подхваченный всѣми колокольнями. Чтò случилось? Всѣ жители были на ногахъ, но никто не смѣлъ пуститься на развѣдки. Всѣ со страхомъ ожидали разсвѣта; при первыхъ лучахъ зари распространилась радостная вѣсть: „Они вступили, они здѣсь“; всѣ поздравляли другъ друга, радость, искренняя радость была написана на всѣхъ лицахъ. Хотя въ началѣ утра не было слышно выстрѣловъ, но мало-по-малу распространилась тревога и пронеслись слухи будто наканунѣ отряды Домбровскаго отразили Версальцевъ. Такъ прошло утро 22го мая. Въ часъ полудни недоразумѣнія разсѣялись, и выстрѣлы загрохотали за Монмартскимъ кладбищемъ, въ Монружѣ, въ улицѣ Реннъ и въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Въ три часа полудни вся эта часть Парижа покрылась градомъ картечи. Ружейные выстрѣлы не умолкали ни на минуту, и только отъ времени до времени ихъ заглушалъ грохотъ картечицъ, сопровождаемый пушечною пальбой.

Армія дѣйствительно съ утра начала правильное и энергическое движеніе впередъ; отъ желѣзнодорожной станціи въ улицѣ Реннъ, гдѣ сосредоточены были три бригады, она двигалась на предмѣстья Сень-Жерменское и Сень-Жака, захва-

тывая баррикады одну за другою и прочно располагаясь на улицахъ и площадяхъ ею занимаемыхъ.

Повсюду, какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ берегу, армію встрѣчали съ восторгомъ. Ее осыпали цвѣтами, предлагали вина, сигары; мужчины обнимались съ солдатами, женщины плакали отъ радости. Сраженіе не прерывалось весь день 22го, и версальская армія дошла до Пантеона. Въ ночь на 23е, федералисты выстроили баррикады, и бой продолжался цѣлый день. Вечеромъ федералисты бѣжали уже толпами по улицамъ Ройе-Коллара, Сень-Жака, Гэ-Люссака и по бульвару Сень-Мишеля. Здѣсь они принимаются снова строить баррикады и съ помощью женщинъ воздвигаютъ ихъ въ нѣсколько часовъ, затѣмъ улицы пустѣютъ и воцаряется мрачная тишина, изрѣдка перерываемая отдаленными выстрѣлами. Ночь наступаетъ темная, ибо газъ нигдѣ не зажигается, но, вопреки ожиданіямъ, она проходитъ спокойно. 24го, въ среду, утро великолѣпное, солнце всходитъ во всемъ блескѣ. На сѣверѣ и западѣ показывается густой дымъ, по временамъ подобно молніи его прорываеетъ пламя. Парижъ горитъ! Вѣсть эта разносится мгновенно; воздухъ оглашается криками ужаса и недоумѣнія. Перестрѣлка все еще слышится въ отдаленіи.

Нѣсколько часовъ проходитъ въ страшной тревогѣ. Но вотъ шумъ приближается. Улицы наполняются федералистами. Раздается пушечный выстрѣлъ, другой, третій. Нѣтъ болѣе сомнѣнія, регулярная армія приближается; шайки коммуны отступаютъ и прячутся за свои баррикады въ улицахъ примыкающихъ къ главнымъ путямъ движенія войскъ. Освободители здѣсь, слышанъ звукъ ихъ трубъ. Дерутся на улицахъ Сень-Жака, Гэ-Люссака, на бульварѣ Сень-Мишеля. Люксембургъ окруженъ пламенемъ. Маркизантка федералистовъ бѣжитъ по улицамъ съ крикомъ: „Они въ пороховомъ погребѣ!“ Она указываетъ на Люксембургъ. Спустя двѣ секунды страшный взрывъ потрясаетъ все вокругъ. Окна разлетаются въ дребезги, перегородки падаютъ, облака пыли буквально затемняютъ свѣтъ; всѣ бросаются на дворы, въ погреба; вся земля усыяна обломками мебели, лоскутьями тканей. Куда бѣжать? Отступленіе невозможно; бой кипитъ около всѣхъ домовъ. Отъ полудня до четырехъ часовъ только и слышатся ружейные и пушечные выстрѣлы.

Проходятъ такимъ образомъ четыре томительные часа. Затѣмъ раздается громкій возгласъ: „Впередъ, да здравствуетъ Франція!“ Начинается атака; затѣмъ послѣдніе залпы,

и наступаетъ тишина: работаетъ одинъ штыкъ... Борьба окончена около Люксанбура; мирные жители рѣшаются выглянуть на улицу; она занята войскомъ, солдаты поощряютъ жителей. Но битва еще не окончилась; она возобновится съ особеннымъ жаромъ: необходимо занять баррикады преграждающія доступъ къ Пантеону.

Извѣстно было что въ Пантеонѣ есть пороховой погребъ, что тамъ сложены петролей и динамитъ; туда укрылись цѣлые баталіоны федералистовъ. Ужасъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Бой длится до семи часовъ вечера. Новый крикъ: „Да здравствуетъ Франція!“ новый звукъ трубы, подающій сигналъ къ атакѣ, новый послѣдній залъ, новое гробовое молчаніе. Пантеонъ взятъ! Пантеонъ не взлетѣлъ на воздухъ. Съ этой минуты общая радость распространяется между жителями: они высыпаютъ на улицы. Зрѣлище потрясающее! Во всемъ кварталѣ нѣтъ ни одного стекла въ окнахъ; дома пронизаны ядрами; со всѣхъ сторонъ несутъ раненыхъ.

Утро 25го открывается грустное и радостное. Грустное потому что небо покрыто заревомъ, радостное потому что поражение коммуны не подлежитъ сомнѣнію; о пораженіи этомъ свидѣлствуютъ многочисленные трупы; одинъ изъ нихъ привлекаетъ вниманіе толпы: трупъ Рауля Риго, прокурора коммуны; онъ лежитъ на спинѣ, на перекресткѣ между улицами Ройе-Коллара и Гэ-Люссака; на немъ черные панталоны тонкаго сукна, тюника національгарда, изъ-подъ которой виднѣется черныи жилетъ. Ноги его раздвинуты по сторонамъ, руки также. Видъ его головы ужасенъ: вся лѣвая сторона лица раздавлена и образуетъ одну рану, въ которой лѣвый глазъ и мозгъ смѣшаны съ какою-то черноватою жидкостью. Правый глазъ какъ у безумнаго; волосы и борода въ крови. Трупъ цѣлые сутки валялся въ грязи.

Дѣло рѣшено было взятіемъ баррикады у Пантеона; взяли ее лѣшіе егеря, которые, пробивъ брешь въ одномъ домѣ въ улицѣ Ройе-Коллара, вошли маленькимъ дворикомъ и садомъ въ одинъ изъ домовъ улицы Палье, взобрались на четвертый этажъ въ числѣ сорока человекъ и выстрѣлами сверху перебили защитниковъ баррикады. Войско тотчасъ же двинулось туда, и это быстрое движеніе спасло Пантеонъ и всю эту часть города. Гобеленевскій кварталъ былъ занятъ также утромъ 25го.

Съ этой минуты весь лѣвый берегъ былъ очищенъ отъ бан-

дитовъ, но пламя и дымъ продолжали свое дѣло, и всѣ дома горѣли отъ зданія Почетнаго Легіона до Гобеленевскаго квартала.

Тогда съ новымъ ожесточеніемъ и упорствомъ закинула битва на правомъ берегу, и на оконечности этой части города она окончилась только 28го мая послѣ полудня. 21го мая версальскія войска заняли ночью главныя заставы Пуанъ-дю-Журъ, Пасси, ворота Мальйо и пр., а вожди коммуны еще не знали что наступаетъ конецъ ихъ владычеству. Делегатъ военного департамента Делеклюзъ не хотѣлъ вѣрить что развязка приближается. Этимъ объясняется появленіе поутру газетъ коммуны съ выраженіемъ надежды на скорое освобожденіе.

Авторъ книги которой мы пользовались при составленіи этой статьи самъ видѣлъ какъ при звукахъ общаго набата, офицеры-федералисты размѣщали своихъ солдатъ маленькими группами отъ четырехъ до шести человекъ по угламъ улицъ въ виду коихъ должны были проходить Версальцы. Офицеры эти, яростно потрясая револьверами, подавали примѣръ убійствъ. Укрываясь за углы, они прицѣливались и пускали пули въ ряды солдатъ, по мѣрѣ того какъ они показывались, прятались, снова заряжали револьверы и стрѣляли, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока солдаты замѣтили ихъ продѣлки и приняли мѣры предосторожности.

Съ половины 9го регулярная армія рѣшительно и успѣшно двигалась впередъ, занимая Елисейскія поля, улицу Сентъ-Оноре и бульваръ Гаусмана. Въ 10 часовъ взяты были казармы *de la Repinière*, и главный штабъ утвердился въ улицѣ Рокеттъ, входъ въ которую бульваромъ Малерба былъ обстрѣливаемъ съ баррикадъ Маделены и Новаго Опернаго Театра. Эта опасная позиція была взята войсками послѣ тридцатичасовой канонады и непрерывной ружейной стрѣлбы. Прежде еще армія заняла всѣ Елисейскія поля и Батиньоль. Борьба началась снова на площадяхъ Согласія и Вандомской. Улицы Королевская, Луксанбургская, Мира разомъ покрылись баррикадами, но онѣ защищались слабо и къ вечеру были заняты солдатами.

Самый страшный бой произошелъ на Монмартрѣ, но 23го въ полдень, Монмартръ положилъ оружіе. Взятіе баррикадъ бульвара Клиши дало возможность захватить этотъ холмъ съ этой стороны, тогда какъ другой отрядъ съ бульвара Орнано взырался на него безъ сопротивленія. Пьяные федералисты даже и не защищались въ своихъ траншеяхъ, а жители сгнѣшили

изъявить свою покорность и приносили ихъ оружіе. Быстрое взятіе Монмартра было великимъ счастіемъ для Парижа; невозможно себѣ представить какія опустошенія произвело бы артиллерійское сраженіе въ торговомъ центрѣ города, еслибъ оно загорѣлось на Монмартрѣ!...

День и ночь 24го посвящены были взятію баррикадъ на Монмартскомъ бульварѣ, а 25го взяты были заставы Сень-Дени и Сень-Мартена, и инсургенты были окружены со всѣхъ сторонъ. Какъ на лѣвомъ берегу такъ и на правомъ по мѣрѣ отступленія бандитовъ коммуны совершалось дѣло разрушенія. Масса горючихъ веществъ была изготовлена у каждой изъ сихъ баррикадъ; когда наступала минута отступать, то они заливали дома и дворы петролеемъ, побуждая къ тому жителей, а въ случаѣ неповиновенія убивали ослушниковъ или бросали ихъ въ пламя. Королевская улица была безпрестанно театромъ этихъ ужасныхъ драмъ.

Морское министерство рѣшено было взорвать на воздухъ. Дѣло это поручено было сотнѣ женщинъ вооруженныхъ Делеклюзмъ. И дѣйствительно онѣ оставались тамъ послѣднія и готовились зажечь фитили, какъ вдругъ появился отрядъ моряковъ и выгналъ оттуда это полчище мегеръ; не такъ счастливы были домъ министерства финансовъ, Тюйлери и Пале-Рояль: они уже стояли въ пламени....

День 24го ознаменовался убійствомъ монсеньора Дарбуа и прочихъ заложниковъ.

Но не одни они пали жертвами неистовыхъ злодѣевъ: повсюду гдѣ проходили бандиты коммуны, слѣдъ ихъ обозначался огнемъ и кровію; отступая, они продолжали убійства и опустошенія; долѣ всего они держались въ Шато д'О, который былъ сильно укрѣпленъ коммуной. Дома окружающіе эту площадь носятъ на себѣ слѣды самой упорной и жестокой борьбы: нѣтъ ни одного изъ нихъ который бы не былъ сверху до низу пронзанъ гранатами и ядрами.

Армія, дѣйствуя на внѣшнихъ и центральныхъ бульварахъ, направила всѣ свои усилія къ Городской Думѣ, на которую одновременно велась атакка и съ лѣваго берега; но когда войска подходили къ этому зданію, оно уже пылало со всѣхъ сторонъ....

Въ воскресенье (28го) утромъ борьба еще продолжалась отъ площади Шато д'О до Перъ-Лашеза, но наконецъ въ четыре часа былъ занятъ Бельвиль, Перъ-Лашезъ, Метальмонтанъ, и

занятіе Парижа было окончено. Длинныя вереницы плѣнниковъ, сопровождаемые кавалерійскимъ конвоемъ, направлялись въ Версаль.

Маршалъ Макъ-Магонъ, совершившій освобожденіе Парижа, обратился съ слѣдующею прокламаціей къ жителямъ столицы:

„Жители Парижа! Французская армія пришла спасти васъ. Парижъ освобожденъ. Въ четыре часа наши солдаты заняли послѣднія позиціи инсургентовъ. Сегодня борьба окончилась: порядокъ, трудъ и безопасность восстанавлиются. 28го мая 1871.

„Главнокомандующій, маршалъ Франціи *Макъ-Магонъ, герцогъ Маджентскій.*“

Г.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ РЕНАНА И ТЭНА

La reforme intellectuelle et morale, par Ernest Renan.
Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.

Мнѣніе такого мыслителя, какъ Ренанъ, о политическомъ и социальномъ положеніи его отечества не можетъ не быть выслушано со вниманіемъ. Изданная имъ нынѣ книга отнюдь не принадлежитъ къ разряду эфемерныхъ произведеній порожденныхъ послѣдними событіями и отличающихся по большей части столько же рѣзкостью, сколько легкомысліемъ своихъ приговоровъ. Нѣтъ, она носитъ печать глубокихъ и продолжительныхъ размышленій о судьбахъ несчастной страны, испытавшей въ теченіи короткаго времени неслыханныя униженія. Книгу эту нельзя даже считать совершенно новымъ произведеніемъ: впервые появляются въ ней только первая глава и письмо къ германскому философу Давиду Штраусу, все же остальное ея содержаніе состоитъ изъ статей напечатанныхъ задолго до войны 1870—1871 годовъ, и въ которыхъ автору не пришлось теперь измѣнить ни одного слова: такъ вѣрно судилъ онъ о томъ что неизбѣжно должно было случиться, такъ провицательно предвидѣлъ онъ катастрофу. Но эта первая глава, о которой упоминали мы сейчасъ, эти нѣсколько страницъ написанныхъ послѣ войны должны безспорно занять видное мѣсто во французской политической литературѣ. Нельзя не подивиться благородной откровенности и гражданскому мужеству побудив-

шимъ Ренана высказать своимъ соотечественникамъ истины которыхъ еще ни отъ кого не приходилось имъ слышать до сихъ поръ. Во Франціи такъ крѣпко укоренились извѣстные, губительные для нея, предрасудки что даже самые отважные писатели считали нужнымъ приноравливаться къ нимъ и не имѣли духу бороться съ потокомъ увлекавшимъ общество. „Тщетно, говоритъ Токвилль, старался бы у насъ писатель противодѣйствовать ложнымъ понятіямъ растлѣвающимъ нашъ социальный организмъ; ратуя за истину, онъ достигъ бы лишь того что окончательно погубилъ бы себя въ общественномъ мнѣніи.“ Ренанъ не остановился предъ этимъ соображеніемъ: онъ не побоялся непопулярности, а выступилъ прямо на защиту вѣчныхъ и непреложныхъ основъ социального порядка, въ то время какъ вокругъ него многочисленная партія предается ликованіямъ при мысли что они безвозвратно и окончательно разрушены, не замѣчая что еслибъ это дѣйствительно было такъ, то Франціи не оставалось бы ничего болѣе какъ низринуться въ пропасть. Желательно было бы чтобы голосъ Ренана не былъ одинокимъ, чтобы одушевляющее его мужество внушило мужество и другимъ: передовые люди Франціи избавились бы такимъ образомъ отъ упрека что они не хотѣли разоблачить зло, и въ случаѣ неудачи, отвѣтственность пала бы на страну, за то что она не внимала ихъ мудрымъ предсказаніямъ и совѣтамъ.

Такія книги какъ новая книга Ренана представляютъ значительный интересъ и для нашего общества. Конечно, намъ не приходится въ голову нелѣпой мысли утверждать чтобы Россія страдала отъ такого же недуга какой развѣдаетъ теперь Францію. Социальный ея организмъ исполненъ богатыхъ жизненныхъ силъ, но не даромъ—особенно съ 1848 года—французская демократія, съ ея анархическими инстинктами, съ ея завистливымъ и нивелирующимъ стремленіемъ къ равенству, пользовалась у насъ уваженіемъ и почетомъ. Отрицать что этотъ ядъ проникъ и къ намъ было бы легкомысленно. Иначе чѣмъ же объяснить эти жалкія направленія, заразившія нашу литературу, этотъ грубый матеріализмъ, эту погоню за бессмысленною разнузданностію подъ именемъ прогресса, это кощунство надъ самыми свѣтлыми преданіями, надъ національнымъ чувствомъ и прежде всего надъ здравымъ смысломъ? Книга Ренана могла бы служить спасительнымъ предостереженіемъ для тѣхъ изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей которые такъ ревностно трудятся

надъ извращеніемъ общественныхъ понятій и инстинктовъ; пусть прочтутъ они эту глубоко продуманную и глубоко прочувствованную исповѣдь, этотъ безжалостный приговоръ надъ современными демократическими тенденціями, которыя многимъ у насъ кажутся идеаломъ человѣческаго благополучія. Способы ли они только вразумиться? Увы! мы сильно сомнѣваемся въ этомъ. Гораздо вѣроятнѣе предположить что и Ренанъ будетъ отнынѣ причисленъ ими къ сонму неисправимыхъ обскурантовъ, не стоящихъ и мизинца такихъ глашатаевъ „новыхъ“ истинъ какъ напримѣръ Викторъ Гюго.

Ренанъ постановилъ себѣ задачей изслѣдовать причины политическаго и социальнаго недуга терзающаго нынѣшнюю Францію и коснулся самаго его корня. По справедливому его замѣчанію, болѣзнь началась давно, и было бы совершенно напрасно искать ея зародыши въ тѣхъ или другихъ позднѣйшихъ явленіяхъ. Такъ, напримѣръ, Кузенъ придавалъ огромное значеніе въ этомъ отношеніи февральской революціи 1848 года. „Другъ мой“, говорилъ онъ въ бесѣдахъ съ Ренаномъ, „у насъ еще не понимаютъ какое страшное преступленіе былъ этотъ переворотъ: послѣднимъ его словомъ будетъ быть-можетъ раздробленіе нашего отечества.“ Но февральская революція, со всѣми гибельными ея послѣдствіями, была лишь однимъ изъ симптомовъ внутренняго разложенія Франціи, точно такъ же какъ поразительнымъ его симптомомъ служило и владычество Наполеона III. Немаловажная заслуга Ренана состоитъ въ томъ что онъ отважился на признаніе, которое особенно тяжело для Француза либеральнаго образа мыслей,—на признаніе что Наполеоновскій режимъ былъ не только вполне законное и неизбежное явленіе въ современномъ развитіи французскаго общества, но что онъ какъ нельзя болѣе соответствовалъ общественнымъ требованіямъ и понятіямъ. Вотъ замѣчательныя слова автора по этому поводу:

„Несомнѣнно что при Наполеонѣ III огромное большинство Французовъ считало себя вполне удовлетворенными. Оно обладало тѣмъ чего домогалось,—порядкомъ и спокойствіемъ. Правда, свобода была подавлена; политическая жизнь развивалась очень слабо; но все это приводило въ негодованіе лишь меньшинство, то-есть пятую или шестую часть націи; да и въ этомъ меньшинствѣ нужно дѣлать различіе между людьми просвѣщенными, разумными, истинно либеральными и безмысленною толпой. единственная программа которой состояла въ томъ чтобъ быть въ оппозиціи съ правительствомъ, съ цѣлю низвергнуть его. Администрація была очень дурна, но тѣ кто не отвергали

принципы и права династии терпели от нея мало. Самы отверженцы оппозиции подвергались не столько преследованиямъ, сколько различнымъ стѣсненіямъ въ своей дѣятельности. Благосостояніе страны возросло въ неслыханныхъ размѣрахъ. 8го мая 1870 года, послѣ столькихъ весьма важныхъ ошибокъ сдѣланныхъ правительствомъ, семь съ половиной милліоновъ избирателей заявили что они попрежнему считаютъ себя довольными. Почти никому не приходило въ голову чтобы подобное положеніе дѣлъ могло быть потрясено одною изъ самыхъ страшныхъ катастрофъ.

„Наполеонъ III утвердилъ свою власть, стараясь удовлетворить требованіямъ реакціи, порядка, спокойствія, явившихся слѣдствіемъ февральскаго переворота. Еслибъ онъ ограничился этою программой, еслибы довольствовался онъ тѣмъ чтобы подавлять въ странѣ всякія идеи, всякую политическую свободу, содѣйствовать развитію матеріальныхъ интересовъ, то господство его и его династии было бы обезпечено на долгое время. Страна все болѣе и болѣе погружалась въ прозу жизни и забывала свою прежнюю исторію. Франція, въ томъ видѣ какъ создала ее поголовная подача голосовъ, прониклась грубымъ матеріализмомъ; благородныя заботы, нѣкогда ее одушевлявшія, — патриотизмъ, культъ изящнаго, жажда славы, исчезли вмѣстѣ съ высшими классами, служившими выраженіемъ ея души. Сужденіе о дѣлахъ и управленіе ими стали удѣломъ массы, но масса неловоротлива, груба и руководствуется лишь мелочными интересами. Главнѣйшіе ея представители — работникъ и крестьянинъ. Работникъ необразованъ; крестьянинъ прежде всего хочетъ купить себѣ клочокъ земли, округлить свое поле. Толкуйте сколько угодно крестьянину или социалисту Интернаціоналки о Франціи, объ ея прошедшемъ, объ ея національномъ гени, — они не поймутъ васъ. Съ ихъ точки зрѣнія, военная честь — безуміе, всякія возвышенныя стремленія, подвиги ума — не болѣе какъ химера; пожертвованія на науку и искусство — потерянные деньги, деньги безумно израсходованные и взятые изъ кармана людей которые менѣе всего заботятся объ искусствѣ и наукѣ. Вотъ настроеніе нашихъ провинцій, которому императоръ потворствовалъ какъ нельзя лучше въ первые годы своего царствованія. Еслибъ онъ остался слѣпымъ и послушнымъ угодиномъ этой жалкой реакціи, то никакая оппозиція не была бы въ состояніи поколебать его.... Скажемъ откровенно, въ надеждѣ что только разумные люди прочтутъ эти строки: отнынѣ всякое правительство, имѣющее единственною задачей утвердиться во Франціи и пустить въ ней прочныя корни, избересть, какъ я опасуюсь, весьма простой путь—оно будетъ подражать программѣ Наполеона III во всемъ за исключеніемъ войны. Такимъ образомъ оно доведетъ Францію до той степени упадка къ которому приходитъ всякая страна отказывающаяся отъ преслѣдованія высшихъ задачъ, но оно умретъ не иначе какъ вмѣстѣ

со страной, медленною смертію тѣхъ кто поддается велѣніямъ рока, не пытаясь бороться съ ними....“

Ренанъ изобразилъ немногими, но весьма мѣткими и рѣзкими чертами гибельное направленіе которое довело Францію до упадка и сдѣлало для нея необходимыми такихъ правителей какъ Наполеонъ III. Въ послѣднее время много было говорено о Парижѣ какъ о язвѣ которая истощаетъ всѣ соки французскаго общества, но по словамъ нашего автора, провинціи представляли не менѣе возмутительное зрѣлище, хотя и въ другомъ родѣ. Провинціальная жизнь была также заражена грубымъ матеріализмомъ, но еще болѣе мелочнымъ и пошлымъ: округлять свое состояніе, копить деньги и наслаждаться комфортомъ — вотъ въ чемъ состоялъ идеаль громаднago большинства. Безпрерывно слышались жалобы на администрацію, на чрезмѣрное внимательство префектовъ, но вовсе не потому чтобы въ массѣ публики созрѣли потребности самоуправленія, — напротивъ, даже лучшіе люди отстранялись отъ общественныхъ должностей, особенно если нужно было занимать эти должности безмездно: администрація была ненавистна единственно потому что она все-таки требовала болѣе или менѣе тяжкихъ жертвъ въ пользу государства, къ которому общество относилось равнодушно. „Скоро мы будемъ присутствовать при кончинѣ государства“, говорилъ Ренану Прево-Паралоль. Любопытно что слова эти были произнесены знаменитымъ публицистомъ послѣ путешествія его по провинціямъ. Можно ли удивляться этимъ словамъ, если, какъ увѣряетъ Ренанъ, — настроеніе провинціальной французской публики выражалось въ такой формѣ: „доставьте намъ безмятежное существованіе, требуйте отъ насъ какъ можно менѣе, ибо мы до крайности скулы на всякія жертвы, уменьшите налоги, облегчите для насъ воинскую повинность, а затѣмъ управляйте государствомъ какъ хотите....“ — „Подъ вліяніемъ этого настроенія, продолжаетъ авторъ разбираемой нами книги, сложилась мало-по-малу пошлая провинціальная жизнь, весьма цвѣтущая въ матеріальномъ отношеніи, равнодушная къ образованію и умственной культурѣ, жизнь разбогатѣвшихъ буржуа, ничѣмъ не связанныхъ между собою, не заботящихся ни о наукѣ, ни объ искусствѣ, ни о славѣ, ни о геніи....“ Наполеону III оставалось только поддерживать это глубокое отсутствіе духовныхъ интересовъ; образованіе и безъ того уже не находилось въ почетѣ, а Наполеонъ еще болѣе постарался понизить его уро-

вень, при содѣйствіи своего—печальной памяти—министра Фортуля, установившаго, какъ выражается Ренанъ, „систему умственнаго упадка“ (systeme d'abaissement intellectuel). Это именно та система которою въ настоящее время восторгаются наши туземные прогрессисты. Что такое сдѣлалъ Фортуль, чѣмъ заслужилъ онъ суровый о немъ приговоръ всѣхъ лучшихъ мыслителей современной Франціи? Онъ навесъ ударъ классическому образованію, то-есть совершилъ подвигъ который, съ точки зрѣнія большинства нашей журналистики, долженъ быть ему поставленъ не только не въ вину, но даже въ громадную заслугу.* Французскіе казенные журналисты, совершенно такъ же какъ и большинство нашихъ теперешнихъ петербургскихъ журналистовъ, приходили въ восторгъ отъ этого новаго направленія въ школьной системѣ, и съ другой стороны, масса публки, чуждая высшихъ стремленій, была вполне удовлетворена. Отнынѣ образованіе не стоило большаго труда, оно налагало на всѣхъ одинаковый уровень посредственности, все что не отвѣчало практическимъ житейскимъ требованіямъ было отвергаемо съ негодованіемъ, а подъ житейскими требованіями подразумѣвался извѣстный внѣшній лоскъ чтобы сдѣлать себѣ карьеру. Научные интересы исчезали въ обществѣ, изъ школъ выходили ежегодно молодые люди умственно и нравственно надломленные, у которыхъ убѣжденіе замѣнялось фразой. Но за то никогда пустозвонный либерализмъ, тѣмъ болѣе крайній, чѣмъ болѣе былъ онъ легкомысленъ, не процвѣталъ такъ во Франціи.... Ренанъ съ ужасомъ и омерзеніемъ говоритъ объ этомъ ненавистномъ времени, но это самое, очевидно, должно составить ему репутацію несправимаго обскуранта въ понятіяхъ нашихъ мнимыхъ прогрессистовъ.

Просимъ извиненія у читателей въ томъ что, заговоривъ о Франціи, мы часто вынуждены ссылаться на наши собственные дѣла. Что же дѣлать, если тѣ же самыя вліянія которыя причинили тамъ несправимый вредъ дѣйствуютъ и на нашей почвѣ, и хотя, къ счастью, у насъ они далеко не сильны сами по себѣ, но все-таки употребляютъ ревностныя усилія чтобы сбить съ толку общественное мнѣніе. Слѣдя за развитіемъ

* Дѣйствительно если репутація нынѣ умершаго Фортуля окончательно погублена во мнѣніи просвѣщенной французской публки, то у насъ нѣкоторые органы стараются приискать для него всевозможныя circonstances atténuantes и поставить его на пьедесталъ (см. между прочимъ *Вѣстникъ Европы* 1871, XI, 389).

мысли Ренана, мы видѣли что причины зла отъ котораго страдаетъ Франція нужно искать не въ гибельной только системѣ Наполеона III, а гораздо глубже. Господство завистливой и невѣжественной демократіи, процвѣтаніе во Франціи ложныхъ демократическихъ учреждений и понятій— вотъ что главнымъ образомъ, по словамъ автора, погубило его отечество. Болѣзнь эта была подготовлена прошлымъ историческимъ развитіемъ несчастной страны. Совершенно справедливо, въ настоящее время, послѣ столь тяжкихъ уроковъ, всѣ избранные умы во Франціи измѣняютъ мало-по-малу свои прежнія сужденія о революціи 1789 года и освобождаются отъ того суевѣрнаго поклоненія съ которымъ они относились къ ней еще такъ недавно, но и самая революція была лишь результатомъ цѣлаго ряда ошибокъ, заблужденій и уклоненій отъ надлежащаго пути. Можно ли сомнѣваться въ этомъ въ виду той легкости съ которою демократическій потокъ такъ быстро и неудержимо сломилъ всѣ препятствія которыя встрѣчалъ онъ предъ собою? Съ тѣхъ поръ, начиная съ исхода прошлаго столѣтія, исторія Франціи представляетъ зрѣлище упорной борьбы между легкомысленною демократіей (*democratie superficielle*), какъ называетъ ее Ренанъ, и здоровыми элементами, еще сохранившимися въ странѣ. Увы, побѣда оказалась далеко не на сторонѣ послѣднихъ. Тщетно усиливались они водворить такой порядокъ вещей который съ господствомъ порядка утвердилъ бы господство разумной свободы,— всѣ эти попытки оканчивались самою плачевною неудачей. Конституціонная монархія Бурбоновъ пала, точно такъ же какъ монархія орлеанской династіи, предъ разгуломъ демократическихъ страстей. Чтобы низвергнуть первую изъ нихъ, потребовалась еще продолжительная и кровавая борьба на улицахъ Парижа; что касается до второй, то она не въ состояніи была даже сопротивляться, а рухнула въ нѣсколько часовъ. Демократія, сложившаяся такимъ образомъ что она сдѣлалась ненавистною для всѣхъ кому дороги интересы цивилизаціи и свободы, росла не по днямъ, а по часамъ. Не будучи сама въ состояніи создать ничего прочнаго, она была однако достаточно сильна своими разрушительными инстинктами. Провозглашеніе поголовной подачи голосовъ было величайшимъ ея торжествомъ, и мы видимъ теперь къ чему привела эта подача. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, говоритъ Ренанъ, что умныхъ и достойныхъ людей не меньше во Франціи

чѣмъ во всякой другой странѣ, но значеніе ихъ ничтожно. Страна не имѣющая другаго органа кромѣ прямой логоловной подачи голосовъ (suffrage universel) является въ цѣломъ своемъ составѣ, какимъ бы количествомъ достойныхъ гражданъ она ни обладала, существомъ невѣжественнымъ и глупымъ (un être ignorant et sôt), неспособнымъ разрѣшить разумно никакого вопроса. Демократы судятъ крайне строго о старомъ порядкѣ вещей, при которомъ власть находилась часто въ рукахъ государей злыхъ и бездарныхъ, но самый посредственный человѣкъ несравненно выше составной силы образуемой тридцатью шестью милліонами людей, изъ которыхъ каждый считается за единицу....“

Франціи нужно избѣгнуться отъ преобладанія своей демократіи; но въ силахъ ли она совершить этотъ подвигъ? Если она способна возродиться, то какимъ характеромъ будетъ отличаться это возрожденіе?

Вопросы эти ежедневно можно слышать теперь во Франціи, и любопытно что въ разрѣшеніи ихъ начинаютъ сходитьсь мало-по-малу самые избранные умы этой націи. Мы разбираемъ книгу Ренана, но почти одновременно съ нею вышла другая книга, которая хотя не имѣетъ, конечно, такихъ яркихъ достоинствъ, заслуживаетъ однако полнаго вниманія: это—очерки англійской жизни, изданные Тэномъ подѣ скромнымъ заглавленіемъ: *Notes sur l'Angleterre*. Въ основныхъ взглядахъ того и другаго изъ названныхъ нами писателей замѣчается поразительное сходство, и только приемы ихъ различны. Ренанъ философски развиваетъ свои воззрѣнія, онъ доказываетъ, убѣждаетъ; а Тэнъ старается произвести впечатлѣніе на своихъ читателей яркими и мастерски-нарисованными картинами англійскаго быта. Нельзя не вспомнить при этомъ что когда въ концѣ прошлаго столѣтія французское общество готовилось къ перевороту, то однимъ изъ главныхъ для него толчковъ послужило близкое знакомство съ Англійей: письма Вольтера объ этой странѣ имѣли неслыханный успѣхъ и возбудили во Французахъ ревностную готовность подражать заманчивому образцу; но путь избранный ими былъ совершенно другаго свойства и долженъ былъ привести къ отрицанію всѣхъ тѣхъ началъ которыми условливалось благоустройство Англии и широкое развитіе разумной свободы въ ея предѣлахъ. Теперь лучшіе люди французскаго общества снова возвращаются къ тому съ чего готовы были начать: въ Англии ищутъ они

для себя указаній, послѣ страшнаго кораблекрушенія постигшаго ихъ отечество.

Что же нужно предпринять Франціи, если хочетъ она возвратить себѣ мѣсто принадлежавшее ей нѣкогда въ ряду европейскихкихъ державъ? спрашиваетъ Ренанъ. Она должна покаяться, должна отречься отъ многого, если не отъ всего что со времени революціи 1789 года служило для нея догматомъ вѣры. „Постараемся установить, говоритъ знаменитый писатель, солидную систему народнаго образованія, — низшаго и высшаго, — сдѣлаемъ образованіе болѣе строгимъ (rendons l'éducation plus rude), * введемъ у себя общую воинскую повинность, приучимъ себя быть серьезными, прилежными, покорными властямъ, припомнимъ дорожить порядкомъ и дисциплиной.“ Вотъ что предстоитъ совершить Франціи, но все это, какъ правдиво замѣчаетъ Ренанъ, можетъ быть осуществлено только подъ извѣстными условіями. Первымъ изъ нихъ является утвержденіе прочнаго національнаго правительства, которое не было бы основано на прихоти народа и къ которому народъ относился бы съ полнымъ довѣріемъ. Эту непреложную истину долго не хотѣли понять во Франціи, и къ немалой чести Ренана служить то что онъ высказалъ ее безъ всякой уступки губельнымъ предразсудкамъ своихъ соотечественниковъ. Взгляните на Пруссію, замѣчаетъ онъ: „побѣда ея была побѣдой королевской власти такъ-называемаго божественнаго (или иначе историческаго) происхожденія; нація не можетъ приступить къ реформамъ по прусскому образцу не имѣя у себя подобной власти. Демократія не въ состояніи ни дисциплинировать народа, ни сдѣлать его болѣе нравственнымъ. Нельзя дисциплинировать самого себя. Если оставить дѣтей безъ наставника, то они не занимаются самовоспитаніемъ, а только балуются и тратятъ по пустякамъ время. Изъ среды массъ не можетъ возникнуть сила достаточно разумная для того чтобъ управлять обществомъ и преобразовать его. Реформа и образованіе должны явиться извнѣ, отъ тѣхъ силы которая руководилась бы интересами совершенно тождественными съ интересами народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ была бы отъ него независима.“ Возстановленіе

* А у насъ друзья прогресса только и помышляютъ сдѣлать его болѣе легкимъ, то-есть чтобъ оно доставалось безъ труда. Всячески стараются они разжалобить маменокъ что дѣтей ихъ мучать де древними языками, вся бѣда которыхъ въ томъ что нельзя овладѣть ими занимаясь слухомъ рукава.

прирожденной королевской власти тѣмъ болѣе необходимо во Франціи что страна эта, вопреки увѣреніямъ ея демагоговъ, вовсе лишена республиканскихъ инстинктовъ.

Но этого еще мало. На ряду съ утвержденіемъ національнаго правительства нужно возвратить высшимъ классамъ лодобающее имъ значеніе въ общественномъ устройствѣ. „Отечество, честь, долгъ—всѣ эти понятія, говоритъ Ренанъ, развиваются и поддерживаются лишь избраннымъ меньшинствомъ въ средѣ массы, которая, будучи предоставлена самой себѣ, не умѣетъ сохранить ихъ. Что сдѣлалось бы съ Афинами, еслибы избирательное право было предоставлено двумстамъ тысячъ ея рабовъ, еслибы малочисленная аристократія, создавшая республику, была подавлена этою толпою?“ Съ конца прошлаго вѣка и до послѣдняго времени господствовало во Франціи противное убѣжденіе. На основаніи того что высшее сословіе было, наравнѣ съ другими, заражено пороками, полагали что нѣтъ ничего лучше какъ совершенно искоренить его, что оно—прирожденный врагъ народа, что народъ не будетъ въ состояніи мудро и трезво располагать своими судьбами, если не избавится отъ вліянія своихъ высшихъ классовъ. Событія вполнѣ обнаружилъ эту вопіющую нелѣпость. Никогда не было говорено такъ много какъ въ послѣднее время о самовластіи народа, — этого *peuple souverain*—по любимому выраженію французскихъ демократовъ, а на дѣлѣ онъ низведенъ былъ на степень жалкаго орудія и, лишенный руководителей, не зналъ самъ куда идти. *Oves non habentes pastorem*. Не дошла бы Франція до столь поразительнаго нравственнаго истощенія, не подверглось бы государство катастрофѣ, еслибы, вмѣсто того чтобъ осуждать на гибель старинное дворянство, была предоставлена ему возможность возвыситься изъ своего упадка и еслибы сохранена была связь между нимъ и народомъ. Во Франціи теперь этого нѣтъ: крестьянинъ не хочетъ знать о помѣщикѣ, помѣщикъ остается совершенно равнодушенъ къ интересамъ и потребностямъ крестьянина,—чего же удивляться, если при этомъ антагонизмѣ двухъ классовъ общества возникаютъ диктатуры, въ родѣ диктатуры Наполеона III? Возникнетъ ли во Франціи другой порядокъ вещей? Едва ли кто-нибудь рѣшится отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, но во всякомъ случаѣ Ренанъ не сомнѣвается что при теперешнихъ условіяхъ своего общественнаго устройства Франція не будетъ въ состояніи утвердить у себя свободу. „Основой провинціальной жизни,

говорить онъ, долженствовалъ бы быть честный, благонамѣренный сельскій дворянинъ и сельскій священникъ, вполнѣ преданный дѣлу нравственнаго воспитанія народа. На господинѣ, по замѣчанію Аристотеля, лежитъ болѣе обязанностей чѣмъ на рабѣ,—на высшихъ классахъ болѣе чѣмъ на низшихъ. Провинціальная *gentry* не должна совмѣщать въ себѣ все, но она служитъ необходимою основой. Университеты—центръ высшей умственной культуры, дворъ — школа утонченныхъ нравовъ, Парижъ — резиденція монарха и городъ большого свѣта противодѣйствовали бы своимъ вліяніемъ тому что есть неподвижнаго въ этой *gentry*...

Ренавъ рисуетъ идеаль, а Тэнъ указываетъ на страну въ которой этотъ идеаль почти осуществился. Читая его очерки Англии, отличающіеся необыкновенною яркостью красокъ, становится вполнѣ понятнымъ какую громадную пользу принести этой странѣ ея аристократія и почему англійская аристократія, несмотря на всѣ волли демократовъ, не утратила еще до сихъ поръ своего высокаго положенія.

Нѣтъ ничего поразительнѣе того различія которое представляетъ провинціальная жизнь во Франціи и въ Англии. Справедливо было замѣчено кѣмъ-то что всѣ помыслы зажиточнаго Француза направлены къ Парижу: на свою жизнь въ помѣстьѣ или въ какомъ-либо изъ отдаленныхъ городовъ онъ смотритъ какъ на добровольное изгнаніе, и лишь только представляется ему возможность, онъ слѣзаетъ въ столицу, чтобы насладиться всѣми ея развлеченіями и удовольствіями. Совсѣмъ не то въ Англии. Лондонъ далеко не обладаетъ этою притягательною силой; любимое и постоянное мѣстопробываніе каждаго Англичанина принадлежащаго къ высшимъ классамъ это его *country seat*; тамъ его настоящее отечество, тамъ любитъ онъ проводить время среди многочисленнаго круга друзей, занимаясь своимъ хозяйствомъ и находясь въ близкихъ и непрерывныхъ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ Лондонѣ съѣзжаются только на три или четыре мѣсяца лѣтняго сезона, чтобъ устроить дѣла, повидать знакомыхъ, слѣдить за парламентскими преніями, да и въ это время, каждую субботу вечеромъ, знатные Англичане отправляются за пятьдесятъ или даже за сто миль въ свои помѣстья, гдѣ ихъ присутствіе постоянно необходимо. Такъ-называемые *property classes* не ставятъ себѣ задачей только эгоистическое наслажденіе принадлежащими имъ богатствами, они сознаютъ великую отвѣтственность ко-

тѣмъ лежитъ на нихъ и употребляютъ значительную часть этихъ богатствъ для общественной пользы. Они жертвуютъ не одними деньгами, но и временемъ: нѣтъ такого предпріятія, не приносящаго собственно имъ никакой частной выгоды, но полезнаго для того или другаго округа, гдѣ находятся ихъ помѣстья, чтобъ они не стали тотчасъ же въ его главѣ и не посвящали бы ему весь свой досугъ.

„Лица принадлежащія къ этому классу общества, говоритъ Тенъ, занимаютъ совершенно безвозмездно различныя и нерѣдко обременительныя должности муниципалльных чиновниковъ, *overseers*, *justices of peace*, президентовъ комитетовъ и частныхъ ассоціацій. Одинъ изъ лордовъ, состояніе коего превышаетъ 30 милліоновъ франковъ, считается акціонеромъ на цѣлый милліонъ въ предпріятіи имѣющемъ цѣлю снабженіе Лондона чистою водою. Недавно воздвигъ онъ въ своемъ помѣстьи церковь, которую я посѣтилъ, церковь въ изящномъ готическомъ стилѣ, съ разноцвѣтными стеклами въ окнахъ, съ рѣзною каедрой; зданіе это возвышается среди вѣчно зелѣнящихся лавровыхъ деревьевъ. Рядомъ съ нимъ онъ построилъ даровую школу, въ которой обучаютъ между прочимъ пѣнію, и для этого онъ подарилъ ей фортепiano. Убѣжденный въ благотворномъ влияніи музыки, онъ посылаетъ нерѣдко учителя отъ себя давать уроки въ окрестностяхъ. Другой лордъ, имѣющій отъ 60.000 до 80.000 фунтовъ стерлинговъ дохода, жертвуетъ изъ нихъ около 20.000 ежегодно на пенсіи, пособія, постройку и содержаніе общественныхъ и частныхъ зданій, и вообще на всякаго рода благотворительныя дѣла.... Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, Б., весьма богатый человекъ, говорилъ мнѣ что онъ тратитъ десятую часть своего дохода на общественныя нужды, и что такъ же поступаютъ его сосѣди. Не забудьте при этомъ о налогѣ въ пользу бѣдныхъ, который во многихъ округахъ доходитъ до семи шиллинговъ съ фунта стерлинговъ поземельнаго дохода....“

Что касается до этого послѣдняго налога, то по свѣдѣніямъ сообщаемымъ въ *Statistical abstract from 1856 to 1870*, онъ далѣ слѣдующіе сборы:

Въ 1860 году	8.033.000 ф. ст.,	изъ коихъ роздано пособій	5.454.000
„ 1861 „	8.252.000 „ „ „ „	„ „ „ „	5.778.000
„ 1867 „	10.692.000 „ „ „ „	„ „ „ „	6.959.000
„ 1870 „	12.044.000 „ „ „ „	„ „ „ „	7.644.000

„Въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, говоритъ *Quarterly Review*, высшіе и средніе классы въ Англіи уплатили 124 милл. ф. ст. въ формѣ налоговъ на поземельную собственность и дохода съ капитала, не считая тутъ всѣхъ другихъ налоговъ (на акты по завѣщаніямъ, на квартиры и дома и т. п.), бремя

коихъ тяготѣть почти исключительно на землевладѣльцахъ, негоціантахъ и на людяхъ занимающихся такъ-называемыми либеральными профессіями. Кромѣ того, при содѣйствіи этихъ же классовъ общества, были уменьшены налоги на сахаръ, какао, кофе, изюмъ, масло, сыръ, яйца, мыло и кожу; отмѣнены налоги на стекло, строевой лѣсъ, кирпичъ и вообще на матеріалы необходимые для постройки; разрѣшенъ беспошлинный ввозъ пшеницы, скота и т. д.“

Вообще видное положеніе занимаемое въ Англіи высшими классами ея общества приобретается ими не дешевою цѣной. Они проникнуты сознаніемъ что подъ тѣмъ только условіемъ не утратятъ его, если не перестанутъ служить достойными и надежными руководителями массъ, если будутъ постоянно заботиться объ упроченіи тѣсной связи между собою и народомъ, являясь защитниками его интересовъ. Англійская *gentry* превосходно исполняетъ эту роль. Вотъ почему Тэну приходится въ Англіи слышать о ней такія сужденія и отзывы которыя въ его собственномъ отечествѣ рѣже всего высказываются о представителяхъ высшихъ классовъ общества. Онъ посѣтилъ одну мѣстность, въ сосѣдствѣ коей было много знатныхъ и богатыхъ помѣщиковъ. „Почти всѣ они—отцы народа“, говорилъ ему пасторъ, хорошо знавшій эту мѣстность. Тэну случилось бесѣдовать съ однимъ изъ первыхъ промышленниковъ страны—радикаломъ и приверженцемъ г. Брайта. „Мы вовсе не намѣрены, замѣтилъ тотъ, испровергнуть нашу аристократію; мы согласны чтобъ она управляла страной и занимала высшія должности. Для успѣшнаго веденія политическихъ дѣлъ нужны спеціалисты, люди приготовленные для этого преимущественно отъ отца къ сыну, пользующіеся независимымъ положеніемъ и привыкшіе повелѣвать. Но мы настойчиво требуемъ чтобъ они избѣгали непотизма и раздавали должности лишь способнымъ лицамъ. Пусть управляютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть же заслуживаютъ этого своими талантами.“

Г. Тэнъ замѣчаетъ вполнѣ справедливо что съ типомъ представителя англійской *gentry* соединяется особое понятіе, менѣе всего извѣстное во Франціи. Понятіе это выражается словомъ *gentleman*.

„Тщательно стараюсь я, говоритъ авторъ, уяснить себѣ это слово, которое непрерывно приходится здѣсь слышать. Всякій разъ когда заходитъ рѣчь о мушинѣ, раздается вопросъ: „джентльменъ онъ или нѣтъ?“—точно также какъ о дамѣ: „что эта дама—леди или нѣтъ?“ Въ обоихъ случаяхъ вполнѣ несо-

мнѣнно что дѣло идетъ объ особахъ изъ высшаго класса, но какіе же признаки свидѣтельствуютъ о принадлежности къ этому классу? Въ Англіи слово *gentleman* резюмируетъ всю исторію тамошняго общества. Въ этой странѣ дворяне, сквайры, бароны не превратились, какъ у насъ, при Лудовикѣ XV, въ привилегированное сословіе, въ паразитовъ, щеголявшихъ только блескомъ, непопулярныхъ, вредныхъ, ненавистныхъ, подъ конецъ изгнанныхъ, потомъ возвратившихся въ отечество, но сохранившихъ свои устарѣлыя понятія и утратившихъ всякое значеніе въ государствѣ. Члены англійскаго дворянства сохранили тѣсную связь съ народомъ, они не замыкали свои ряды для талантовъ, а слѣшили, напротивъ, открыть ихъ для достойнѣйшихъ представителей другихъ классовъ общества. Чтобы удержать за собою власть и вліяніе на дѣла, они старались прижоронуть къ требованіямъ вѣка, принимали на себя инициативу реформъ, приобрѣли репутацію опытныхъ дѣльцовъ, самыхъ просвѣщенныхъ, самыхъ независимыхъ и самыхъ полезныхъ для страны гражданъ. На основаніи всего этого создано понятіе о джентльменѣ, совершенно различное отъ того которое соединяется съ французскимъ словомъ *gentilhomme*. Это послѣднее выраженіе напоминаетъ объ изяществѣ, утонченности, тактѣ, изысканной вѣжливости, о щекотливомъ чувствѣ чести, щедрости и блестящей храбрости,—вотъ основныя черты стариннаго французскаго дворянства. У Англичанъ, когда говорятъ о джентльменѣ, то прежде всего, конечно, является мысль о независимомъ состояніи, широкомъ образѣ жизни, привычкахъ роскоши и довольства, а также о многостороннемъ образованіи, продолжительныхъ путешествіяхъ, изящныхъ манерахъ и т. д., но всего этого мало. Истинные знатоки того что составляетъ джентльмена обращаютъ вниманіе преимущественно на нравственныя качества. „Этотъ человекъ не джентльменъ“, говорилъ мнѣ Б. объ одномъ знатномъ дипломатѣ. Томасъ Арнольдъ, путешествуя по Франціи, писалъ своимъ друзьямъ: „Болѣе всего поражаетъ меня здѣсь почти совершенное отсутствіе джентльменовъ, вообще людей которые отличались бы воспитаніемъ и чувствами приличными истинному джентльмену.... Очень мало здѣсь такихъ которые подходили бы подъ этотъ типъ.... Понятіе о настоящемъ англійскомъ джентльменѣ, христіанинѣ, человекѣ съ мужественнымъ сердцемъ и съ просвѣщеннымъ умомъ, едвали доступно даже такимъ лицамъ какъ „Гизо и Сисмонди“.... Отбросивъ въ этихъ словахъ то что было внушено чрезвѣчнымъ національнымъ тщеславіемъ, мы будемъ въ состояніи уяснить себѣ воззрѣнія Англичанъ. Для нихъ настоящій джентльменъ это—человекъ благородный въ высокомъ смыслѣ слова, безкорыстный, достойный повелѣвать другимъ, слободный жертвовать собою для тѣхъ что признаютъ его своимъ руководителемъ, человекъ не только честный, но проникнутый сознаніемъ долга, человекъ у котораго великодушныя инстинкты подкрѣпляются здравымъ размышленіемъ

и который, если дѣйствуетъ хорошо по внушеніямъ своей природы, то еще лучше по принципу. Присоедините къ этому чисто англійскія черты характера: самообладаніе, хладнокровіе, настойчивость среди всѣхъ невзгодъ, отсутствіе всякой аффектаціи и хвастовства.... Троллопъ изобразилъ этотъ типъ въ своемъ *John Halifax gentleman*; героемъ романа является бѣдный и покинутый всѣми молодой человекъ, который исключительно себя обязанъ тѣмъ что дѣлается уважаемымъ leader'омъ своего округа. Одна фраза выражаетъ главную мысль произведенія. Когда, послѣ большихъ несчастій, Галифаксъ становится богатъ, покупаетъ домъ и вѣклажи, то сынъ его говоритъ съ восторгомъ: „наконецъ-то мы сдѣлались джентльменами!“ — „Другъ мой, отвѣчаетъ отецъ, мы всегда были джентльмены....“

Но возвратимся къ Ренану. Онъ не поклонникъ революціи конца XVIII вѣка. Говорятъ что было бы бессмысленно порицать эту революцію, что она неминуемо должна была совершиться, ибо никакой переворотъ въ жизни народовъ не происходитъ безъ законныхъ причинъ; указываютъ что не демагоги только 93 года, но сама королевская власть, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, подготовляла разрушеніе государственнаго и общественнаго строя, что предъ ея нивелирующею политикой не устояли ни коммуны, ни парламенты, ни генеральныя штаты, ни аристократія, ни духовенство. Во всемъ этомъ есть, конечно, много правды, но несмотря на то, въ высшей степени сомнительно чтобы революція XVIII вѣка должна была неизбѣжно принять именно тотъ характеръ которымъ она отличалась въ дѣйствительности. Уже въ то время находилось немало государственныхъ людей высказывавшихъ на этотъ счетъ противное мнѣніе. Къ числу ихъ принадлежатъ, между прочимъ, знаменитый Боркъ: онъ не отрицалъ что старинная французская конституція была значительно потрясена, но что все-таки „удѣли части ея стѣнъ“ и „основы ея были не тронуты“. Англійскій ораторъ старался показать какъ могли бы быть преобразованы мѣстныя вольности, права дворянства, духовенства и парламентовъ, чтобы новое зданіе соотвѣтствовало требованіямъ общества и держалось бы незыблемо на своей прежней почвѣ. Но Франція пошла другимъ путемъ: она предпочла вырвать съ корнемъ все что созидалось въ теченіи вѣковъ, и перестроить свой общественный и гражданскій бытъ на основаніи отвлеченныхъ теорій. До самаго послѣдняго времени огромное большинство Французовъ было твердо убѣждено что именно въ этомъ ихъ нація и обнаружила высокую политическую му-

дрость, и даже теперь, послѣ страшной катастрофы, которая должна была бы, казалось, открыть имъ глаза, они не имѣютъ духу отказаться совершенно отъ этого взгляда. Мысль Ренана, что революція была ошибкой,—положимъ, даже роковою, неизбежною, но все-таки ошибкой, кажется имъ возмутительною ересью. Еще не далѣе какъ на дняхъ эта мысль подверглась строгому порицанію со стороны одного изъ лучшихъ французскихъ публицистовъ (см. въ *Revue des Deux Mondes* du 15 janvier 1872 статью Поля Жана: *La philosophie de la revolution française*). „Г. Ренанъ, восклицаетъ онъ, дѣлаетъ оговорку что революція была достойною всякаго уваженія попыткой, но очевидно что это не болѣе какъ вѣжливость относительно Французскаго народа, ибо немедленно вслѣдъ затѣмъ онъ утверждаетъ что эта попытка оказалась „неудачною“. Почему же неудачною? Объяснитесь. Напротивъ, ничто не могло быть удачнѣе социальныхъ реформъ революціи; онѣ устояли при всѣхъ послѣдующихъ переворотахъ, и не нужно быть пророкомъ чтобы предсказать ихъ долговѣчность.... Въ революціи прошлаго столѣтія вызываютъ порицаніе не принципы, а употребленныя ею средства. Цѣль была разумна и справедлива, но пути для достиженія ея отвратительны, и вслѣдствіе того самыя принципы подверглись искаженію“.... Не думаемъ чтобы можно было согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Какъ скоро Франція разорвала связь съ своимъ прошедшимъ и объявила неумолимую войну всему чтѣ это прошедшее завѣщало ей, то и странно было ожидать чтобы развитіе ея держалось на почвѣ законности, чтобы оно не было ознаменовано тѣми страшными насиліями и неуваженіемъ къ человѣческой личности которыми изумленъ былъ міръ. Ужасы эти вовсе не были случайностью, а естественно вытекали изъ принципа усвоеннаго революціоною Франціей. Что касается преобразованій совершившихся въ ея гражданскомъ бытѣ, до этого равенства, которымъ она такъ гордится, то и тутъ достигла ли она вполнѣ своей цѣли? Если равенство пустило во Франціи такіе глубокіе корни, то чѣмъ же объяснять этотъ не только не ослабѣвающий, но постоянно усиливающийся антагонизмъ между ея сословіями, это презрѣніе высшихъ къ низшимъ и эту ненависть съ которою масса народа смотритъ на тѣхъ кто по происхожденію и богатству стоитъ наверху?

По мнѣнію Ренана, Франціи нечего долго раздумывать о томъ какимъ путемъ должно совершиться ея возрожденіе. Примѣръ

у нея предъ глазами, примѣръ ея злѣйшаго врага. „Послѣ Іенской катастрофы, говоритъ авторъ, Пруссія молча занялась реформами. Не только не низвергла она своей династии, но тѣсно сплотилась вокругъ нея, не измѣнила привязанности къ своему, не одаренному способностями, королю и къ королевѣ Луизѣ, которая была однако едва ли не главною виновницей войны. Всѣ даровитые люди націи были призваны къ дѣятельности; Штейнъ работалъ съ непреклонною энергіей. Преобразование армии явилось результатомъ глубокаго изученія и размышленій; Берлинскій университетъ служилъ центромъ возрождавшейся Германіи; ученые, философы ревностно трудились на общую пользу, подъ однимъ лишь условіемъ, подъ условіемъ полной свободы. Послѣ пятидесяти лѣтъ непрерывныхъ усилій въ этомъ смыслѣ, Пруссія сдѣлалась первою изъ европейскихъ державъ“... Вотъ путь на который Ренанъ указываетъ своей націи, и въ то же время, какъ мы видѣли выше, онъ не скрываетъ отъ чего слѣдуетъ ей излѣчиться, чтобы возвратить себѣ прежнее положеніе въ цивилизованномъ мірѣ. Слѣдуетъ ли Франція этимъ совѣтамъ? Кто въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ?...

Неужели нѣтъ, однако, другаго пути, держась котораго Франція могла бы сохранить вліяніе на Европу, не отказываясь отъ своихъ революціонныхъ преданій и инстинктовъ? Путь этотъ существуетъ. Авторъ разбираемой нами книги постарался опредѣлить его: онъ сдѣлалъ это въ формѣ возраженія, которое могло бы быть представлено въ отвѣтъ на его аргументы. Рѣдко сатира возвышалась до такой мѣткости и силы, рѣдко пораждала она такой болѣзненный вопль. Вотъ эти зловѣщія строки:

„Нельзя перемѣнить характеръ націи. Достаточно чтобы излагаемый вами планъ реформъ принадлежалъ Пруссіи, чтобы Франція не усвоила его. Реформы которыя требуютъ чтобы Франція отказалась отъ своихъ демократическихъ предразсудковъ были чистою химерой. Повѣрьте мнѣ, Франція по-прежнему останется отечествомъ людей пріятныхъ, прямодушныхъ, веселыхъ, легкомысленныхъ, съ добрымъ сердцемъ, но лишенныхъ политическаго смысла; она будетъ держаться за свою плохую администрацію, съ твердымъ убѣжденіемъ что лучше ея нѣтъ ничего въ мірѣ; все болѣе и болѣе будетъ она проникаться матеріализмомъ и дюжинными республиканскими стремленіями, которыми заражаются, повидимому, всѣ современныя государства, за исключеніемъ Пруссіи и Россіи. Слѣдуетъ ли изъ этого что она никогда не дожидется возможности

ЯДОВИТОЕ ВЕЩЕСТВО

И

ЦЕЛЕБНОЕ НАЧАЛО ВЪ ВОЗДУХЪ

ЧТЕНИЕ ДОКТОРА ЛЕНДЕРА

Издавна извѣстно что свѣжій воздухъ оказываетъ благотворное вліяніе на больной организмъ: цвѣтъ лица улучшается, мускулы крѣпнутъ. Столь же извѣстно почти всѣмъ что постоянное пребываніе въ замкнутыхъ помѣщеніяхъ, — а слѣдовательно и продолжительное пребываніе даже въ лучшихъ нашихъ жилищахъ, обуславливаетъ блѣдность, общую вялость, понижаетъ способность къ умственной дѣятельности, располагаетъ къ простудѣ и наконецъ, какъ легко наблюдать въ тюрьмахъ, совсѣмъ разстроиваетъ здоровье.

Спросимъ себя, какимъ образомъ вещества повидимому совершенно одинаковыя, какъ воздухъ внутри и внѣ жилища, имѣютъ столь различныя и даже противоположныя дѣйствія?

Различіе дѣйствія на нашъ организмъ можетъ зависѣть лишь отъ различія веществъ имъ принятыхъ; заключаемъ что воздухъ внутри и внѣ жилища, несмотря на то что кажется одинаково безцвѣтнымъ, одинаково не имѣющимъ ни вкуса, ни запаха, долженъ быть значительно различенъ по своему составу; но такъ какъ это различіе недоступно нашимъ чувствамъ, то мы въ правѣ требовать чтобы наука раскрыла намъ въ чемъ заключается это таинственное различіе.

Когда въ концѣ прошлаго столѣтія было открыто что воздухъ состоитъ изъ кислорода и азота, что кислородъ есть важ-

отмщенія? Напротивъ, именно такимъ-то образомъ она и отмститъ за себя. Местъ ея будетъ состоять въ томъ что она опередитъ Европу на пути который ведетъ къ погибели всякаго благородства и всякой добродѣтели. До тѣхъ поръ пока германскіе и славянскіе народы сохраняютъ иллюзію свойственныя молодымъ племенамъ, мы будемъ стоять ниже ихъ, но эти народы состарятся въ свою очередь и всецѣло выступятъ на одинаковый съ нами путь. Произойдетъ это не такъ скоро какъ думаетъ социалистическая партія, твердо увѣренная что весь міръ поглощенъ тѣми же самыми вопросами которые волнуютъ ее. Вопросы соперничества между племенами и народами будутъ еще, какъ кажется, долго преобладать надъ вопросами о поленной платѣ, въ тѣхъ частяхъ Европы которые слѣдовало бы называть старымъ свѣтомъ. Но примѣръ Франціи заразителенъ. Не было ни одной французской революціи которая не отозвалась бы внѣ ея предѣловъ. Самымъ жестокимъ мщеніемъ къ какому только могла бы прибѣгнуть Франція противъ надмѣннаго дворянства, служившаго главнымъ орудіемъ ея порабощенія, было бы утвердить у себя демократію, доказать фактически возможность существованія республики. Не долго въ такомъ случаѣ пришлось бы намъ ждать той минуты когда мы могли бы воскликнуть, обращаясь къ нашимъ любителямъ, подобно тому какъ мертвые у пророка Исаи: *et tu vulneratus es sicut et nos; nostri similis effectus es!* Пусть же Франція остается такою какою она есть; пусть, не ослабляя, держитъ она знамя либерализма, которое обозначало ея роль въ теченіе цѣлаго вѣка. Этотъ либерализмъ служилъ часто источникомъ изнеможенія, но именно поэтому міръ и обращался къ нему, ибо міръ все болѣе и болѣе становится безсильнымъ и утрачиваетъ свою старинную доблесть. Во всякомъ случаѣ Франція можетъ вѣрнѣе разчитывать на отмщеніе, полагаясь на свои пороки, чѣмъ еслибъ она стала ожидать его отъ достоинствъ которыхъ никогда не имѣла... Франція была побѣждена потому что сохранились еще въ Европѣ остатки нравственной силы, простоты, самоотверженія, которые устояли противъ смертоснаго вліянія эгоистическихъ побужденій. Пусть только упрочится французская демократія, и эта старая закваска уступитъ дѣйствию такого разрушительнаго яда о которомъ общество еще не имѣло до сихъ поръ понятія“....

Дѣйствительно, интересная программа: осудить Францію на роль нравственной чумы, и стараться чтобъ эта чума какъ можно скорѣе заразила весь цивилизованный міръ! Что можетъ быть страшнѣе такого приговора надъ современною французскою демократіей, предъ которою еще до сихъ поръ не перестаютъ преклоняться безсмысленныя головы.

P.

нѣйшая составная часть, азотъ же служитъ для его разжиженія; когда затѣмъ узнали что дыханіе есть не иное что какъ удовлетвореніе потребности организма въ кислородѣ, когда дознано было что взрослому человѣку для поддержанія своего существованія необходимо въ сутки болѣе 520 литровъ кислорода, и что не подвергая своей жизни опасности мы едва лишь на мгновеніе можемъ отказаться отъ кислорода, то послѣдній называли *жизненнымъ газомъ*, признавъ его важнѣйшимъ, ежеминутно каждому необходимымъ питательнымъ веществомъ.

Полагали что обладая этими фактами не трудно найти объясненіе и доказательство противоположности вліяній на организмъ свѣжаго и спертаго воздуха. Считали весьма вѣроятнымъ что въ свѣжемъ воздухѣ содержится относительно больше кислорода и менѣе азота, а въ спертотмъ, обратно, менѣе кислорода и болѣе азота.

Однако изслѣдованіе воздуха на значительныхъ высотахъ и въ глубинахъ, на горахъ, въ поляхъ и лѣсахъ, съ одной стороны,—а съ другой, изслѣдованіе воздуха замкнутыхъ помѣщеній, переполненныхъ театровъ, церковей, концертныхъ залъ, привели къ результату совершенно иному чѣмъ ожидали.

Оказалось что отношеніе кислорода и азота повсюду одинаково. Вездѣ, во всякое время, при всякихъ условіяхъ, воздухъ оказался состоящимъ изъ $\frac{1}{5}$ кислорода и $\frac{4}{5}$ азота.

При прежнихъ средствахъ науки загадка противоположнаго дѣйствія свѣжаго и спертаго воздуха была неразрѣшима; что она вообще не легка, видно уже изъ того что при громадныхъ усиліяхъ естествознанія лишь теперь удалось достигнуть рѣшенія осязательнаго даже для людей не занимавшихся специально естественными науками.

Въ воздухѣ находятся мельчайшія тѣла, недоступныя невооруженному глазу организмы, принадлежащіе къ царству животныхъ, именно къ инфузоріямъ, и называемые, по своей особой формѣ, *вибріонами*. Ниже будетъ объяснено какъ они были открыты.

Мы обязаны парижскому натуралисту Пастѣру доказательствомъ что *вибріоны* суть *единственные возбудители гниенія*. Если сосудъ и то что въ немъ содержится тщательно покрыть толстымъ слоемъ ваты, то какъ главные такъ равно и прочіе газы находящіеся въ воздухѣ, слѣдовательно, кромѣ кислорода и азота, углекислота, аммоніакъ и проч., будутъ проникать чрезъ вату, тогда какъ вибріоны, какъ твердыя, хотя и мельчайшія

тѣла, останутся или на поверхности, или внутри слоя ваты, не проникая къ содержимому сосуда. При помощи этого простаго приспособленія, фильтрующаго, очищающаго воздухъ, гнѣніе устраняется. Всѣ отвратительныя явленія гнѣнія и разложенія встрѣчаемыя на мертвыхъ животныхъ и растеніяхъ обусловливаются единственно присутствіемъ этихъ твердыхъ примѣсей, и никогда вліяніемъ газовъ воздуха. Что эти примѣси суть органическія доказывается способностью ихъ размножаться; принадлежность же ихъ къ царству животному признается большинствомъ изслѣдователей. Впрочемъ, значеніе ихъ не уменьшается и не увеличивается оттого что нѣкоторые ученые относятъ ихъ къ растеніямъ.

Вибріоны, какъ и другія микроскопическія существа, способны къ чрезвычайному размноженію; они быстро переполнили бы воздухъ, убивъ всю остальную животную и растительную жизнь, еслибы въ великомъ хозяйствѣ природы не существовало одного газа, ограничивающаго, въ извѣстной степени, размноженіе вибріоновъ.

Если поверхность и слои земли суть мѣста рожденія вибріоновъ, то воздухъ есть мѣсто происхожденія того газа который можетъ быть названъ непримиримымъ врагомъ вибріоновъ, уничтожающимъ ихъ повсюду гдѣ только встрѣтитъ.

Какова же природа этого газа? Онъ—кислородъ, но только болѣе высокихъ, болѣе тонкихъ и благородныхъ свойствъ. Обыкновенный или не возбужденный кислородъ составляетъ, какъ мы знаемъ, пятую часть всей атмосферы, тогда какъ кислородъ высшей формы находится въ свободномъ воздухѣ лишь въ весьма незначительныхъ количествахъ (отъ 0,00001 до 0,0001), такъ какъ въ постоянной борьбѣ съ вибріонами онъ уничтожается столь же быстро какъ и образуется.

Кислородъ въ своей высшей формѣ образуется въ большихъ количествахъ во время грозъ, при посредствѣ молній, разсѣкающихъ воздухъ, выдѣляется зеленью растеній освѣщенныхъ солнцемъ, возникаетъ отъ дѣйствія прямыхъ солнечныхъ лучей на атмосферный воздухъ и вообще образуется тамъ гдѣ происходятъ испаренія, особливо отъ концентрированныхъ жидкостей.

Возбужденный кислородъ — такъ называется этотъ газъ — есть слѣдовательно кислородъ заряженный электричествомъ или скрывшій въ себѣ теллоту солнечнаго луча, онъ есть тѣло обладающее, какъ говорится, чрезвычайною силой напряже-

ня. Онъ относится къ обыкновенному кислороду какъ алмазь къ графиту и углю. Эти три вещества, подобно двумъ названнымъ видамъ кислорода, имѣютъ одинъ и тотъ же основной составъ—углеродъ, и потому только обладаютъ столь различными свойствами что заключаютъ въ себѣ различныя количества связанныхъ теплоты и электричества, короче, обладаютъ различною силой напряженія.

Каковы же ближайшія свойства коими возбужденный кислородъ отличается отъ обыкновеннаго? Возбужденный кислородъ плотнѣе, въ полтора раза тяжеле обыкновеннаго, и потому долженъ опускаться изъ атмосферы внизъ, на землю, съ которой поднимаются вибрионы. Далѣе, онъ имѣетъ запахъ, котораго лишень обыкновенный кислородъ; по этому запаху, напоминающему запахъ хлора, его называютъ пахучимъ кислородомъ,—*озономъ*. Третье и важнѣйшее его свойство то что при температурахъ въ коихъ живемъ мы онъ сжигаетъ всѣ тѣла, за исключеніемъ золота, платины и воды. Это именно свойство озона и составляетъ то оружіе коимъ онъ уничтожаетъ вибрионовъ.

Что возбужденный кислородъ обладаетъ большою силой сжиганія понятно по самому его происхожденію; онъ несетъ, въ извѣстной мѣрѣ, въ царство тьмы, къ мѣсту происхожденія вибрионовъ, ту теплоту солнечнаго луча, ту зажигательную силу молніи посредствомъ коихъ онъ претворенъ изъ обыкновеннаго кислорода. Точно такъ же понятно что собственное его существованіе уничтожается постольку же поскольку онъ передаетъ свою внутреннюю силу, что въ атмосферѣ онъ встрѣчается тѣмъ въ меньшемъ количествѣ, тѣмъ менѣе можетъ накопляться, чѣмъ больше вибрионовъ поднимается изъ глубинъ и отъ земли въ воздушную область.

Вибрионы и озонъ не могутъ существовать рядомъ, потому что одинъ, соприкасаясь съ другимъ, тотчасъ уничтожается. Поэтому гдѣ вибрионы оказываются въ значительномъ количествѣ, тамъ возбужденнаго кислорода не существуетъ, и наоборотъ, гдѣ есть озонъ, тамъ вибрионовъ или мало, или вовсе нѣтъ.

Въ борьбѣ между озономъ и вибрионами побѣдителемъ остается всегда тотъ изъ нихъ кто выступилъ въ поле съ большими силами, кто многочисленнѣе. Торжество побѣдителя покупается однако дорогою цѣной, такъ какъ потери его всегда равносильны потерямъ побѣжденнаго.

Есть на землѣ *самостоятельное царство вибрионовъ*, въ коемъ они пользуются исключительнымъ господствомъ, и куда озонъ или вовсе не проникаетъ или проникаетъ лишь мимолетно,—и *самостоятельное царство озона*, гдѣ, наоборотъ, господствуетъ озонъ, и куда вибрионы или вовсе не попадаютъ или попадаютъ мимолетно. Тамъ гдѣ оба царства соприкасаются между собою, дено и ношно происходитъ истребительная война, и потому границы обоихъ царствъ подлежатъ постоянному измѣненію.

Загадка противоположнаго дѣйствія открытаго и спертаго воздуха разрѣшается теперь слѣдующимъ образомъ: открытый воздухъ есть территория озона, тогда какъ, съ другой стороны, всѣ, даже лучшія наши жилища *до сихъ поръ* находятся въ царствѣ вибрионовъ, гдѣ эти возбудители гніенія, какъ во всякомъ подземельи, пользуются исключительнымъ господствомъ, и гдѣ возбужденный кислородъ или вовсе не встрѣчается или встрѣчается лишь мимолетно.

Чтобы понять что вибрионы вредятъ матеріальному состоянію и отравленіямъ нашего организма, что, съ другой стороны, озонъ составляетъ цѣлебный элементъ воздуха; чтобы понять что воздухъ нашихъ жилищъ дѣйствуетъ какъ ядъ *только* вслѣдствіе присутствія вибрионовъ, что свѣжій воздухъ дѣйствуетъ какъ лѣкарство *только* благодаря озону; чтобы понять что вибрионы такъ же безусловно вредны, какъ озонъ безусловно благотворно вліяетъ на отравленія организма, необходимо припомнить слѣдующіе факты.

Такъ какъ при температурахъ при коихъ мы живемъ, обыкновенный кислородъ вовсе не можетъ уничтожать вибрионовъ, то мы являемся, повидимому, совершенно беззащитными отъ нихъ и ихъ способности возбуждать гніеніе, пока находимся въ нашихъ жилищахъ. И мы были бы дѣйствительно совершенно беззащитны, еслибы не были въ состояніи производить, подобно сахару изъ мяса, кислородъ возбужденный изъ невозбужденнаго. Человѣческое тѣло, какъ впервые доказалъ профессоръ Александръ Шмидтъ изъ Дерпта, обладаетъ способностью вдохнутый и воспринятый кровью обыкновенный кислородъ, до крайней мѣрѣ отчасти, претворять въ возбужденный, который разносится по органамъ по мѣрѣ надобности. Вотъ почему, хотя обыкновенный кислородъ, при нашей собственной температурѣ (37,6 Цельсія), и не можетъ уничтожать вибрионовъ, мы все-таки никоимъ образомъ не остаемся въ своихъ жилищахъ совершенно беззащитны отъ этого зла-

го начала въ воздухѣ. Однако способность нашихъ кровавыхъ шариковъ производить озонъ, какъ и всякое отравленіе тѣла, уменьшается съ годами, и такое уменьшеніе нашей способности претворять обыкновенный кислородъ въ возбужденный есть существенная причина упадка всѣхъ органовъ.

Другой фактъ слѣдующій. Горючій матеріалъ свѣчи, огня сгараетъ и уничтожается въ зависимости отъ притока кислорода, и мы знаемъ что если вмѣсто атмосферы воздуха, слѣдовательно $\frac{1}{4}$ кислорода, будетъ притекать чистый кислородъ, то-есть не смѣшанный съ азотомъ, то горючій матеріалъ долженъ сгарать и исчезать въ пять разъ быстрее, производя притомъ въ пять разъ большее количество теплоты, свѣта, углекислоты и воды. До сихъ поръ мы имѣли жалкое представленіе объ отношеніи кислорода къ живому тѣлу: мы думали что кислородъ вдыхаемый нами дѣйствуетъ на наше тѣло лишь какъ на горящую свѣчу, что онъ только *сжи-гаетъ*, истребляетъ его, уменьшаетъ нашъ вѣсъ; другими словами, мы вообразили себѣ будто возобновленіемъ нашего тѣла мы обязаны только пищѣ и питью. Ничего нѣтъ ошибочнѣе этого представленія, которымъ значеніе кислорода какъ питательнаго вещества ставится ниже всякой мѣры и которое какъ гора лежало надъ всѣми изслѣдованіями. Нѣтъ ничего вреднѣе мнѣнія будто теплота и движеніе освобождаются лишь вслѣдствіе того что горючій матеріалъ нашего тѣла отъ сжигающаго дѣйствія кислорода просто переходитъ въ углекислоту, воду, фосфорную кислоту, сѣрную кислоту, мочевины.

Большой организмъ, охваченный лихорадочнымъ жаромъ, не только отравленъ своею собственною теплотою и своими продуктами отложенія, скопившимися по причинѣ недостаточнаго выдѣленія изъ организма, но, какъ мы знаемъ также, вслѣдствіе недостатка кислорода въ крови, онъ слишкомъ сильно, слишкомъ быстро распадается; теплота, углекислота, вода, мочевины не только производятся усиленно, но и усиленно отдаются, вѣсъ, несмотря на частую задержку выдѣленій быстро уменьшается. Но притокъ чистаго кислорода, какъ мы знаемъ, не только никогда не увеличиваетъ лихорадочнаго жара, но уничтожаетъ его, при извѣстныхъ условіяхъ, совершенно, прекращаетъ уменьшеніе и увеличиваетъ вѣсъ тѣла. Это составляетъ доказательство что чистый кислородъ противодѣйствуетъ разрушающему процессу лихорадки и по меньшей мѣрѣ имѣетъ важное консервативное значеніе.

Далѣ, медицина представляетъ намъ факты изъ коихъ мы должны заключить что именно тончайшія и высшія субстанціи мускуловъ, нервовъ, крови, прежде разложенія, подъ вліяніемъ развитія теплоты, на болѣе простыя и постоянныя соединенія, воспроизводятся изъ питательныхъ веществъ чрезъ притокъ кислорода, но никогда только изъ однихъ питательныхъ веществъ.

Наконецъ, мы обладаемъ фактами изъ коихъ должны заключить что это воспроизведеніе изъ кислорода, по крайней мѣрѣ въ нервной системѣ, совершается неизмѣримо быстро, и что не въ лихорадочномъ, а повидимому въ здоровомъ состояніи, напримѣръ, въ глубокой старости, даже при самыхъ лучшихъ пищѣ и питѣѣ, вслѣдствіе недостаточнаго запаса кислорода, нами уже сформировавшіеся органы постепенно разрушаются.

Поэтому въ высшей степени необходимо освоиться съ мыслию что вдыхаемый нами кислородъ существенно помогаетъ воспроизведенію нашего тѣла, что онъ даетъ „законченность“ нашимъ органамъ, по составу и формѣ; что только благодаря ему удовлетворяются посредствомъ пищи высшія требованія литанія, и что наконецъ, — вполнѣ независимо отъ процессовъ образованія тканей, — изъ воспроизведенной матеріи мускуловъ, нервовъ и крови, при развитіи теплоты и движенія, выдѣляются углекислота, вода, мочевины.

Только при условіи что кислородъ способствуетъ быстрому и совершенному литанію важнѣйшихъ животныхъ тканей становится понятнымъ, съ одной стороны, его возбуждающее, укрѣпляющее, противулихорадочное дѣйствіе, коль скоро онъ принять въ обильномъ количествѣ, но безъ излишества; а съ другой — тяжкія послѣдствія, особливо для нервной системы, если кровь, какъ хранитель кислорода, продолжительное время бѣдна имъ. Кто не можетъ представить себѣ развитія теплоты вслѣдствіе простаго разложенія высшей субстанціи на низшія вещества, пусть припомнитъ что сахаръ, безъ принятія кислорода, при развитіи свободной теплоты разлагается на простѣйшія соединенія, на алкоголь и углекислоту; кто не можетъ представить себѣ развитія теплоты иначе какъ подъ вліяніемъ не созидающаго, а разрушающаго, уничтожающаго кислорода, тотъ пусть припомнитъ что хотя чрезъ принятіе, сгущеніе и возбужденіе не возбужденнаго кислорода кровяными шариками освобождается теплота, однако самые шарики не только не разрушаются, а напротивъ становятся жизненнѣе.

Наконѣцъ кислородъ, насъ воспроизводящій, почти навѣрное есть не обыкновенный, но озонированный. Это допущеніе оправдывается недостаточнымъ дѣйствіемъ находящагося въ жилищахъ возбужденнаго кислорода, благотворнымъ вліяніемъ свѣжаго воздуха содержащаго озонъ, полезнымъ и еще болѣе интенсивнымъ дѣйствіемъ искусственно приготовленнаго озона-кислорода даннаго больному.

Въ виду вышеизложеннаго становится уже не трудно объяснить противоположность въ дѣйствіи на организмъ свѣжаго и спертаго воздуха.

Въ нашихъ жилищахъ, при каждомъ вдыханіи мы вводимъ въ кровь цѣлыя массы вибрионовъ; для уничтоженія ихъ требуется съ трудомъ производимый нашимъ тѣломъ озонъ-кислородъ. Наши органы, особенно субстанціи крови, мускуловъ и нервовъ лишаются такимъ образомъ столь необходимаго для нихъ возбужденнаго кислорода, и отсюда становится понятнымъ что при недостаткѣ крови проявляется блѣдность лица, при недостаточномъ воспроизведеніи субстанцій мускуловъ и нервовъ мы получаемъ ненормальный слой жира, слишкомъ малые и мягкіе мускулы и подвергаемся уменьшенію способности физической и умственной дѣятельности: Вибрионы, слѣдовательно, суть прежде всего истребители озона-кислорода нашей крови и органовъ, чѣмъ и вредятъ всему нашему питанію.

Въ случаѣ жилищъ особенно сильно способствующихъ развитію вибрионовъ; когда мы пребываемъ, напримѣръ, въ новыхъ строеніяхъ, въ сырыхъ, темныхъ, не провѣтриваемыхъ, только-что оклеенныхъ комнатахъ, подъ альковами, — озона вырабатываемаго нашимъ организмомъ оказывается недостаточно для уничтоженія вдыхаемыхъ нами вибрионовъ. Тогда послѣдніе производятъ безчисленныя формы болѣзней и становятся самостоятельными причинами лихорадки, воспаленій, кровотеченій, болей, судорогъ и параличей, смотря по тому какая часть тѣла преимущественно подверглась нападению вибрионовъ.

Когда, наконецъ, подъ вліяніемъ солнечнаго жара, въ мѣстностяхъ особенно дурныхъ, вибрионы нарождаются чрезвычайнымъ образомъ и, можетъ-быть, особенно ядовитыхъ породъ, мы наблюдаемъ тѣ страшныя болѣзненныя и лихорадочныя формы, холеру, чуму, желтую лихорадку, голодный тифъ и т. д., кои, какъ ангель смерти, переходятъ отъ мѣста къ мѣсту

и при коихъ вибріоны такъ сильно овладѣвають живымъ организмомъ что болѣзнь подвергается распространяющемуся въ ихъ органахъ интенсивному гнилую разложенію. Мы встрѣчаемъ тогда въ трупахъ тѣ же продукты разложенія, тѣ самые ингредиенты бѣлковины, какъ лейцинъ и тирозинъ, кои всегда легко найти въ составныхъ частяхъ истлѣвшаго тѣла, гнилыхъ остаткахъ крови и мяса.

Но оставимъ царство вибріоновъ и обратимся къ воздуху. Сколь инаковы послѣдствія дыханія чистымъ воздухомъ! Въ нашу кровь вливается огонь, и вмѣстѣ съ возбужденнымъ кислородомъ вырабатывающимся въ насъ самихъ уничтожаетъ вибріоновъ, неизбежно принимаемыхъ нами вовремя пребыванія въ комнатахъ.

Не мало вреда приноситъ излишество углекислоты: страдающіе болѣзнями сердца, легкихъ, ожирѣніемъ, одышкой, лихорадкой, пьющіе въ излишествѣ углекислыя воды подвергаются ея отравленію. На свѣжемъ воздухѣ поправленіе, выходя накопившейся углекислоты совершается быстрее, потому что возбужденный кислородъ въ значительно большей степени нежели обыкновенный обладаетъ свойствомъ выгонять углекислоту и такимъ образомъ превращать темную кровь въ алую.

Далѣе, постоянный притокъ озона быстро способствуетъ возобновленію нашихъ благороднѣйшихъ составныхъ частей; кровь, мускулы и нервы въ ихъ тончайшихъ и высшихъ субстанціяхъ образуются лучше, чѣмъ безъ него. Это возобновленіе подѣ влияніемъ озона должно идти чрезвычайно быстро, доказательствомъ служатъ лица которыя дѣлаются тотчасъ же нездоровы какъ только войдутъ въ комнату, и обратно, чувствуютъ себя вполнѣ хорошо коль скоро дышать свѣжимъ воздухомъ.

Такимъ образомъ становится въ высшей степени понятно что открытый воздухъ тѣмъ вѣрнѣе окрашиваетъ наши щеки и губы, увеличиваетъ объемъ и крѣпость мускуловъ, дѣлаетъ нервы болѣе способными противодѣйствовать вреднымъ влияніямъ, чѣмъ продолжительнѣе наше пребываніе въ средѣ возбужденнаго кислорода.

Разъ какъ мы знаемъ что вибріоны дѣйствуютъ съ силой интенсивнаго яда, а возбужденный кислородъ вліяетъ безусловно какъ лѣкарство, намъ предстоятъ три задачи.

По возможности, особенно во время эпидемій, предохранить

себя и уничтожить очаги гніенія и разложенія, важнѣйшія надземныя и подземныя мѣста зарожденія вибрионовъ. При этомъ все зависитъ отъ собственной нашей дѣятельности. На атмосферный озонъ мы не можемъ разчитывать въ этомъ случаѣ. При нашей теперешней жалкой вентиляціи, находящейся въ воздухѣ озонъ никогда не очищаетъ отъ вибрионовъ лучшихъ изъ нашихъ жилищъ, даже если скопится въ большомъ количествѣ предъ нашими окнами. Атмосферный озонъ не можетъ поэтому ни предохранить отъ эпидеміи, ни оказать на ходъ ея существеннаго вліянія; онъ можетъ только ограничить районъ ея распространенія.

Если вентиляция жилища есть ни что иное какъ удаленіе изъ него вибрионовъ и напусканіе возбужденнаго кислорода, то архитекторамъ предстоитъ задача, вмѣсто теперешней во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительной вентиляціи, устроить такую посредствомъ которой вводилось бы въ наши жилища изъ окружающаго ихъ воздуха, этого неисчерпаемаго источника озона, такое количество возбужденнаго кислорода *чтобы онъ не переводился ни днемъ, ни ночью*. Но прежде нежели задача будетъ разрѣшена, можно рекомендовать, особенно во время эпидеміи, поставить въ спальняхъ и другихъ комнатахъ широкіе сосуды съ растворомъ поваренной соли въ водѣ и постоянно подогревая, или, что еще лучше, посредствомъ механическаго приспособленія, поддерживать испареніе.

Но мы не всегда можемъ оставлять свои жилища. Часто мы должны или хотимъ остаться дома. Труднымъ больнымъ недостаточно соединенныхъ силъ собственнаго и атмосфернаго озона. Требуется поэтому умѣть искусственно приготовить озонъ-кислородъ въ большихъ размѣрахъ. Теперь уже удалось вмѣстѣ этотъ элексиръ въ предѣлы бутылки, удержать тамъ на короткое время и воспользоваться имъ въ этой особой формѣ.

Гдѣ же начинается, однако, царство чистаго воздуха, или, говоря иначе, гдѣ кончается царство вибрионовъ? Тамъ начинается первое и кончается второе гдѣ замѣчается постоянное присутствіе возбужденнаго кислорода. Во время эпидеміи особенно важно знать на какомъ разстояніи вокругъ даннаго жилища отравленъ воздухъ, господствуютъ вибрионы, насколько удалено море чистаго воздуха?

Необходимо, поэтому, чтобы каждый умѣлъ отвѣтить на эти вопросы.

Профессоръ Шёнбейнъ, открывшій въ 1840 году озонъ, далъ къ

тому средство. Полоски бумаги пропитываютъ растворомъ крахмала съ йодистымъ калиемъ и вѣшаютъ такъ чтобъ онѣ были предохранены отъ вліянія дождя и прямого солнечнаго свѣта. Въ комнатахъ полоски остаются столь же безвѣдны какъ были первоначально, такъ какъ тамъ нѣтъ возбуденнаго кислорода, а обыкновенный не въ состояніи произвести разложеніе смѣси, которою полоски пропитаны. На открытомъ воздухѣ, однако, озонъ производитъ разложеніе названной смѣси, освобождая іодъ который соединяется съ крахмаломъ, и такимъ образомъ происходитъ голубой йодистый крахмалъ, который въ весьма тонкихъ слояхъ красенъ, а въ густыхъ—принимаетъ червовагоый оттѣнокъ. Чѣмъ быстрее и сильнѣе происходитъ окрашивание, тѣмъ, слѣдовательно, болѣе озона въ воздухѣ. Изложенный способъ изслѣдованія такъ простъ что имъ можетъ пользоваться каждый чтобы знать гдѣ хорошей, гдѣ дурной воздухъ.

Бумажки Шенбейна могутъ также служить чтобъ опредѣлить степень содержанія озона въ водѣ имъ напитанной. Пользуясь ими и аппаратомъ съ такою водою, служащимъ для доставленія озона вдыхаемому пациентомъ воздуху, можно каждому, даже ненатуралисту, показать какое огромное количество вибрионовъ находится въ какомъ-либо жиломъ помѣщеніи.

Если дышать чрезъ наружное колѣно воздушной трубки такого аппарата, то въ теченіе часа времени чрезъ нее проходитъ 10 кубическихъ футовъ воздуха. Если не положить *вообще* ваты предъ наружнымъ отверстіемъ трубки чрезъ которую комнатный воздухъ входитъ въ аппаратъ, то воздухъ этотъ будетъ не фильтрованный, и озонъ начнетъ исчезать изъ аппарата, отчасти вслѣдствіе употребленія его вдыхающимъ, а главное, и при сожиганіе вибрионовъ. Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько часовъ весь запасъ азона будетъ исчерпанъ. Но положимъ кусочки ваты предъ наружнымъ концомъ трубки; въ этомъ случаѣ въ аппаратъ будутъ входить лишь свободные отъ вибрионовъ газы; и окажется возможнымъ, по крайней мѣрѣ въ холодные мѣсяцы, пользоваться аппаратомъ два и болѣе дня, обезпечивъ вдыхающему постоянное пользованіе озономъ. Мельчайшихъ организмовъ находящихся въ воздухѣ не видно и не слышно; они выдаютъ свое бытіе прежде всего своимъ вліяніемъ въ качествѣ возбудителей гніенія и истребителей озона, гдѣ бы они были: въ воздухѣ ли, въ крови, или въ бутылкахъ.

Чтобы сдѣлать вибрионовъ видимыми, можно воспользо-

ваться тѣмъ же аппаратомъ. Наполняютъ его дистиллированную водой и пропускаютъ въ него нефилтрованный воздухъ. Тогда, чѣмъ хуже этотъ воздухъ, тѣмъ быстрее и въ большемъ количествѣ собираются вибрионы въ водѣ бутылки; капля этой воды взятая подъ микроскопъ дѣлаетъ вибрионовъ видимыми нашему глазу.

Если подведемъ и тотъ всему вышеизложенному, окажется что въ основѣ плана мірозданія лежитъ законъ совместнаго существованія, не только въ духовной, но и въ физической природѣ, добраго и злаго началъ: въ воздухѣ вибрионы и озонъ, въ живыхъ тѣлахъ свободная углекислота и кислородъ.

Воздухъ спертый и воздухъ свободный производятъ противоположныя дѣйствія; первый чрезъ вибрионовъ и разстройство нормальнаго питанія причиняетъ: лихорадку, воспоменія, кровотечения, боли, судороги и параличи, которые могутъ быть ослаблены вліяніемъ возбужденнаго кислорода свѣжаго воздуха улучшающаго питаніе организма. Но цѣлебное вліяніе свѣжаго воздуха остается, какъ учить старинный опытъ, далеко позади дѣйствія лѣкарствъ: такъ напримѣръ, тяжкая перемежающаяся лихорадка излѣчивается хищиномъ, но не проходитъ отъ одного пребыванія на чистомъ горномъ воздухѣ. Поэтому нашъ почтенный арсеналъ лѣкарствъ законно опирается на ту истину что составамъ и смѣсямъ постороннихъ веществъ, ядовъ, присуща,—въ степени далеко большей нежели нашимъ питательнымъ веществамъ,—способность вводить въ прежнюю колею вышедшій изъ нея организмъ. Каждое вновь открытое вещество,—сколько бы ни было оно несродно составнымъ частямъ нашего тѣла,—лобуждаетъ поэтому насъ изслѣдовать, нельзя ли употребить его какъ лѣкарство, еслибы при видимо полезномъ дѣйствіи его и страдало тончайшее питаніе разстроеннаго въ своей функціи органа и происходило невидимое отравленіе: намъ, пользующимъ больныхъ, остается выбирать изъ двухъ золъ меньшее, въ справедливомъ улованіи на обмѣнъ веществъ, и на то что воспринятый ядъ, чрезъ разложеніе или иначе, будетъ преодоленъ выдѣляющими органами. Въ развитіи медицинской науки замѣтно стремленіе освободиться по возможности отъ ядовъ и найти способъ достигать тѣхъ же результатовъ безопаснымъ путемъ. Удастся ли чрезъ введеніе возбужденнаго кислорода и большія дозы невозбужденнаго достигнуть тѣхъ же цѣлей какихъ прежде достигали употребленіемъ ядовъ; получены ли

тамъ и сямъ даже большіе результаты нежели отъ употребленія ядовъ, разсуждать здѣсь не мѣсто.

Во всякомъ случаѣ, если хотимъ не затруднять самоосвобождающей работы нашего тѣла, залертаго культурой въ жилища, если хотимъ чтобы наши медицинскія усилія рѣже оставались безплодными, если, наконецъ, желаемъ оставаться народомъ крѣпкимъ на полѣ брани, который въ состояніи отстаивать свое добро своимъ тѣломъ, силой своихъ нервовъ и мускуловъ, то мы должны помнить—и не во время эпидеміи только, а всегда—что *съ каждымъ вдыханіемъ въ комнату происходитъ отправленіе нашего тѣла, что каждое вдыханіе на свѣжемъ воздухѣ удаляетъ ядъ и укрѣпляетъ организмъ.*

ЗАМѢЧАНІЯ

Н А

„ВОСПОМИНАНІЯ“ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ХВОСТОВОЙ

Недавно въ нашей литературѣ появились * записки, съ интересомъ прочтенныя массою читателей, но которыя не могли не произвести самаго прискорбнаго впечатлѣнія на лицъ близкихъ къ тѣмъ о комъ въ нихъ упоминается. Я говорю о *Воспоминаніяхъ Екатерины Александровны Хвостовой*. Ея перо, если исключить *романъ* Лермонтова, очерчиваетъ людей частныхъ, безвѣстныхъ, мало значащихъ и въ литературномъ, и въ общественномъ, и въ гражданскомъ строѣ земли Русской, и очерчиваетъ ихъ до того невѣрно что эти *Воспоминанія* показались мнѣ чистою мистификаціей.

Какъ ни тяжело обличать въ неправдахъ покойника, особенно если онъ носилъ имя драгоценное для сердца кровныхъ, несчастное изданіе въ свѣтъ такихъ меморій, гдѣ преимущественно опорожены характеръ и жизнь собственныхъ родителей, родныхъ и благодѣтелей гжи Хвостовой, гораздо ранѣе ея сошедшихъ въ могилу, возлагаютъ на меня печальную необходимость сдѣлать пошоешеніе съ моихъ незабвенныхъ и свято чтимыхъ родныхъ покойниковъ.

Упомянутая, на страницахъ записокъ подъ именемъ „сестры Лизы“, я по долгу совѣсти вынуждена указать на сбивчивость и ошибочность *Воспоминаній* Екатерины Александровны

* Статья эта, по случайнымъ обстоятельствамъ замедлившая появленіемъ, была написана вскорѣ по выходѣ *Воспоминаній* *Ек. Ал. Хвостовой*.

помѣщенныхъ въ августовской и сентябрьской книжкахъ *Вѣстника Европы* за 1869 годъ.

Какою точностію отличаются воспоминанія можно судить уже потому что составительница забыла фамилію нашей общей бабушки, нашей общей *губернантки*, забыла имя своей *няньки* и, что всего удивительнѣе, мѣсто погребенія обожаемой родной ея *матери*.

Но начнемъ съ начала.

Дѣдъ мой, князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій, былъ женатъ одинъ разъ въ жизни, на французской дворянкѣ, дѣвицѣ *Бандре-Дюлесси*. Отъ какой же, въ самой Франціи во вѣкъ небывалой, княжны (!) *Монморанси* производитъ себя гжа Хвостова? Въ дѣйствительности моего показанія ссылаюсь на двоюроднаго моего брата Ростислава Андреевича Фадѣева, извѣстнаго военнаго писателя. Ссылаюсь также на небольшой некрологъ, напечатанный въ газетѣ *Кавказъ* (Тифлисъ 1860) и въ отдѣльной брошюркѣ подъ заглавіемъ: *Елена Павловна Фадѣева*. Такъ называлась единственная сестра моей матери и съ своей стороны мать четырехъ дѣтей: Елены Андреевны Ганъ, извѣстной всей читающей публикѣ подъ псевдонимомъ Зинаиды Р-вой, Екатерины Андреевны Витте, Ростислава Андреевича и Надежды Андреевны Фадѣевыхъ. За исключеніемъ рано оставившей насъ Елены, другіе всѣ живы, одарены отличными способностями ума и твердой памяти, слѣдовательно соединяютъ въ себѣ, даже юридически, всѣ условія требуемыя отъ достовѣрныхъ свидѣтелей; ссылаюсь и на кузинъ.

Въ помянутомъ некрологѣ на стр. 3—5 напечатано:

„Родословная Елены Павловны богата историческими именами какъ по отцу, такъ и по матери. Она принадлежала къ старшей линіи семейства князей Долгорукихъ; отецъ ея, князь Павелъ Васильевичъ, генераль-майоръ времени Екатерины, *

* Въ *Примѣчаніи* къ стр. 692 *Воспоминаній* мой дѣдъ названъ *русскими посланникомъ въ Вѣнѣ*; изъ того же *Примѣчанія* узнала я что его жена, княжна *Монморанси*, была дочерью *французскаго посланника* въ той же Вѣнѣ. И прекрасно! ровный бракъ: веселымъ лиркомъ да за свадебку. Неладно выходитъ одно то что *Монморанси* цѣлые вѣка назывались: *les premiers Barons chrétiens*, потому что ихъ предокъ, варваръ-Франкъ, вслѣдъ за королемъ Клодисомъ принявшій св. крещеніе, получилъ этотъ титулъ; позднѣе они сдѣлались *только* герцогами и то въ младшей линіи стариннаго этого рода. Кто не знаетъ

находился подъ начальствомъ Суворова и былъ сослуживцемъ Кутузова. Онъ происходилъ отъ того Долгорукаго, князя Сергѣя Григорьевича, который испыталъ на себѣ жестокую превратность счастья: былъ посломъ Россіи при Лондонскомъ дворѣ, считался однимъ изъ главныхъ сановниковъ имперіи и наконецъ подвергся казни въ Новгородѣ, во время ужаснаго самовластія Бирона. Крестъ Св. Михаила Черниговскаго, о которомъ до сихъ поръ было извѣстно только то что эта драгоценность составляетъ достояніе старшей линіи Долгорукихъ, находится у Елены Павловны. Мать ея происходила изъ древней французской фамиліи *Бандре-Дюплесси*. Предокъ ея, горячій приверженецъ гугенотовъ, оставилъ свое отечество во время воздвигнутаго на нихъ кроваваго гоненія.“

Смерть тетеньки Фадѣевой, тридцатью двумя годами пережившей мою мать, участила мою постоянную переписку съ кузиной Витге. Мы услаждали другъ другу грусть, по случаю потери нашихъ матерей, воспоминаніями о нашихъ старыхъ родныхъ, которыхъ мы оставались послѣдними живыми очевидцами, такъ какъ ея братъ и сестра, бывъ многимъ моложе насъ съ нею, едва ли могутъ припомнить даже лица нашихъ старичковъ. Я разказывала о прабабушкѣ Ромодановской, о дѣдушкѣ, бабушкѣ, съ которыми жила до 1826 года. Она мнѣ писала преданія своей матери: „Прадѣдушка Бандре былъ корпуснымъ командиромъ (а не вѣнскимъ полковникомъ),—одътъ важный въ то время когда генералы были рѣдкіи, и другъ Суворова. Прабабушка была известна своею красотой, такъ что императрица Екатерина, наслышавшись о ея красотѣ, выписывая дѣдушку изъ Крыма, гдѣ онъ стоялъ тогда съ своимъ корпусомъ, приказала ему привезти съ собою свою жену. У насъ портретъ ея въ томъ костюмѣ въ которомъ она представлялась въ первый разъ ко двору,“ и пр.

Няня моей сестры была уроженка Пензенской губерніи и называлась Пелагеей, тогда какъ лѣтстунья гжи Хвостовой поименована Анной Мелентьевной, то-есть именемъ той доброй, преданной служительницы которая вынянчила дядю моего, Н. В. Сушкова, а послѣ многихъ лѣтъ (1818) поступила хранительницей чаю и сахара къ новобрачной М. В. Беклешовой.

что остроумецъ Талейранъ, будучи посломъ въ Лондонѣ, представляя другъ другу Монморанси и Ротшильда, промовидъ: M. le premier baron Chrétien, M. le premier baron Juif?

Она умерла въ 1836 году, на памяти всѣхъ насъ, пользуясь отличіемъ отъ всей дворни, вниманіемъ и уваженіемъ своихъ старыхъ и молодыхъ господъ.

Гувернантка Екатерины Александровны въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и моя—на нѣсколько мѣсяцевъ, до помѣщенія моего въ Смольный Монастырь,—была незабвенная по своимъ достоинствамъ, необыкновенному уму и образованности, Авдотья Ивановна Матвѣева. Изъ дома нашей благодѣтельницы-тетки, М. В. Беклешовой, черезъ годъ или болѣе по вступленіи Екатерины Александровны въ свѣтъ, эта жемчужина гувернантокъ перешла въ домъ Софьи Николаевны Кондоиди, у которой воспитала дочерей ея, а именно: Наталю Владиміровну Буткову, Софью Владиміровну Неклюдову, Валерію Владиміровну Ренненкампфъ, и блистательно приготовила къ приему въ гимназію (въ послѣдствіи переведеннаго за отличіе въ Лицей) сына ея Григорія Владиміровича Кондоиди. Затѣмъ почетнѣйшая эта особа—въ продолженіи всей жизни постоянно развивавшая свои познанія и всѣ умственные и душевныя способности—была приглашена заняться воспитаніемъ дочерей гжи Скрилицыной, въ то самое время когда сама гжа Скрилицына, изъ цылектрисъ Смольнаго Монастыря, удостоилась высокой чести сдѣлаться воспитательницей Царскихъ дѣтей, и наша Авдотья Ивановна заключила свое поприще отбывной гувернантки въ Зимнемъ Дворцѣ. Остальное время жизни она давала private уроки и тѣмъ содержала и себя и свою хилую сестру. Во все пребываніе мое въ Петербургъ (1853—1859) пріятнѣйшія и съ моей стороны почтительнѣйшія отношенія возобновились между ею и мною. Послѣ двухлѣтней моей отлучки я—положительно, а не неопредѣленно, какъ сказано въ одномъ изъ примѣчаній къ *Воспоминаніямъ*—узнала изъ списковъ управы благочинія что она скончалась 29го февраля 1860.

Страстно любя въ цѣломъ мірѣ одну мать, всю жизнь изнывая по ней и питая упорную и непримиримую неприязнь къ ея мнимымъ врагамъ, какъ же она, углубляясь въ свои *Воспоминанія*, позабыла или не позаботилась осведомиться гдѣ локутся драгоценный прахъ? Моя мать, Анастасія Павловна Сумкова, скончалась на рукахъ своей родственницы Прасковьи Юрьевны Кологривовой (урожденная княжна Трубецкая, по первому замужеству княгиня Четвертинская) и погребена на мѣстѣ своей кончины—въ селѣ Мещер-

скомъ (Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи). По смерти владѣльца Петра Александровича Кологривова, помѣстье это перешло къ г. Бернову, женому на одной изъ дочерей историка. Отечественныхъ Войнъ Михайловскаго - Данилевскаго.

Прасковья Юрьевна заповѣдала чтобы надъ церковною плетью подъ которою лежитъ ея двоюродная или внучатная племянница, предъ образомъ Божіей Матери, освѣяющимъ мѣсто ея улокоепія, горѣла неугасимая лампада. Встрѣчаясь на водахъ въ Карлсбадѣ съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, который, какъ мнѣ говорили, помнилъ и любилъ мою мать, я наканунѣ моего отъѣзда во Францисбадъ попросила князя представить меня женѣ его, княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ, именно для того чтобы хоть въ 1859 году вымолвить ей нѣсколько словъ признательности и какъ дочери, Прасковьи Юрьевны, и какъ присутствовавшей въ 1828 году при внезапной кончинѣ моей матери.

Разительнѣе всѣхъ нареканій, обезобразившихъ поистинѣ благородный частный бытъ Беклешовыхъ и Сушковыхъ, разительнѣе всѣхъ промаховъ, касающихся до тихо иссохшей, прежде славной вѣтви Долгоруковскаго рода, должно броситься и постороннему глазу фантастическое сказаніе про Александра Андреевича Беклешова. Какъ! послѣдній, кажется, генераль - прокуроръ, военный губернаторъ Москвы, о которомъ разказываются, печатаются и перепечатываются анекдоты (хоть напримѣръ о его соперничествѣ съ митрополитомъ Платономъ), генераль-губернаторъ остзейскаго края, первый Русскій которому городъ Рига поднесъ почетное званіе своего гражданина, *умершій* за нѣсколько лѣтъ до эпохи гдѣ онъ описывается въ *Воспоминаніяхъ*, и разувѣт-ся похороненный какъ всѣ добрые люди, а не такъ какъ несостоятельный ревельскій герцогъ де - Крои, — сей-то савонникъ, похороненный въ 60 — 70 верстахъ отъ Риги, неожиданно нежданно *воскресаетъ!* Воскресаетъ для того чтобы „сбирать по селу (Федосьино, Псковск. губ., Остр. уѣз.; въ позднѣйшую мою бытность тамъ въ немъ проживало до 200 человекъ дворовыхъ) *встать сальные огарки*“ (положимъ что въ Федосьинѣ было тогда только 100 человекъ, все-таки quelle besogne!), жадно слѣдить какъ они то „тухнутъ, то вспыхиваютъ, и этимъ *чадомъ*, съ примѣсью *запаха* отъ раны (рака на

брови), *пластырей и мази душитъ* бѣдняжку Екатерину Александровну, къ которой онъ такъ *привязался* что почти не отпущааетъ отъ себя“ (стр. 713).

Чего право не выдумаютъ эти мертвецы! Въ народѣ водится много преданій о томъ какъ давятъ и *душатъ* домовые,—я читала и Якоба Бѣма, и Сведенборга, и *Таинства древнихъ магиковъ*, и всѣ спиритическія сочиненія, — въ ушахъ у меня и теперь звучатъ мелодическія стихи *Любовь мертвеца*, но о подобной *привязчивости*, но о подобныхъ посмертныхъ *страстяхъ*—божусь!—и не слыхивала и не читывала.*

Мои добрые родные, глубоко дорожащіе чувствомъ фамильной чести, были возмущены появленіемъ въ свѣтъ этихъ *„нечестивыхъ“*,—какъ писалъ мнѣ дядя Н. В. Сушковъ,—*Записокъ*. Представляя себѣ то впечатлѣніе которое они произведутъ на меня, какъ на лицо наиболѣе и наиблизе заинтересованное въ качествахъ дочери, сестры, благодѣтельствованной племянницы, мои родные со всѣхъ сторонъ предваряли своимъ сочувствіемъ и выраженіемъ собственнаго негодованія тѣ тягостныя ощущенія которыя мнѣ предстояло вынести.

Наконецъ удалось мнѣ достать и прочесть самой то, о чемъ достигали до меня одни слухи.

Все это было бы смѣшно,

Когда бы не было такъ грустно,

Когда бы я не была приневолена—честью и совѣстью—опровергать сказанія именно этой бытолисицы.

Простѣйшіе, можно сказать—*азбучные*, пономерованные мною пять фактовъ могутъ убѣдить каждаго въ недостоверности всего почти остальнаго.

Начиная отъ *„песчаной“* Пензы—(сія губернія лежитъ въ *черноземной* полосѣ)—*прокатившись* въ бабушкиной каретѣ *„производившей фуроръ“* (?), ** *усладивъ* юную душу *ветхозавѣтною*

* Для меня ясно что здѣсь хотѣли изобразить не Александра Андreeвича, а брата его *Алексыя* Андреевича, но едва ли портретъ идетъ къ кому-либо изъ обоихъ. Я не знала ни одного изъ нихъ.

** Эту просторную и высокую карету, съ княжескими коронами во кругъ имперіала, вычинилъ и изготовилъ намъ дѣдушка для вечернихъ выѣздовъ, когда я съ мужемъ и сопутствовавшею намъ сестрой посѣтила его въ Пензѣ. Но экипажъ, возбуждавшій *нашъ* смѣхъ въ зиму 1836 года, могъ быть новѣйшаго фасона въ 1811—1819.

простотой и чтеніемъ Четь-Минеи,—*отдохнувъ у „лежаночки или на приступкахъ крыльца, возлѣ прабабушки...“*

Да полво такъ ли? Того ли лада и покроя была наша прабабушка княгиня Анастасія Ивановна Долгорукова, по рожденію княжна Ромодановская, за недѣлю до своей смерти еще бѣгавшая за мною, уже семилѣтнею дѣвочкой, около накрытаго обѣденнаго стола? * Блистательная, образованная, гордясь и своимъ происхожденіемъ и своимъ замужествомъ, она на своемъ вѣку прожила чуть ли не 22.000, а о 10 или 15.000 душъ и сомнѣваться нечего. Два-три цимѣра ея роскоши и пышной затѣливости лиришествъ какими она ослѣпляла Москву, пересказанные маѣ дѣдушкой, просто баснословны. По-французски она говорила такъ что тогдашній французскій посланникъ, не изъ лести, а съ нѣкоторою досадою замѣчая что ея термины и точнѣе и изящнѣе чѣмъ его, иногда съ нею пикировался. Проволя послѣдніе годы своей жизни не въ нищетѣ, а при укромныхъ 250 душахъ моей матери (село Знаменское, Пензенской губерніи, Мокшанскаго уѣзда, позже почти за ничто проданное г. Закревскому, тогда еще не графу), княгиня Анастасія Ивановна все же осталась барыней, и преобладающею. Расточительность и вѣроятно другія невзгоды, довершившія разореніе, не уничтожили плоды истиннаго просвѣщенія, которое способствовало къ утвержденію ревностнаго, сердечнаго благочестія, и съ тѣмъ вмѣстѣ охраняло все чѣмъ было хорошаго въ старинномъ русскомъ дворянскомъ быту. Рѣдко доводилось маѣ встрѣчать въ послѣдствіи людей такъ естественно величавыхъ въ своей тихости, важныхъ безъ слѣси, обходительныхъ безъ за-панібратства, каковы были мои старички.—Дѣдъ мой, воспитанный подъ руководствомъ своей матери, въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ и уже слѣпцомъ, по своему тону, по непринужденной барской осанкѣ, могъ еще служить образцомъ истиннаго вельможи, и зналъ въ превосходствѣ почти всѣ европейскіе языки, даже исламскій и шведскій. Дочери княгини, княжны Екатерина и Анна (умершая въ дѣтствѣ), вступили въ Смольный Монастырь лишь только учредился этотъ благодѣтельный разсадникъ просвѣщенія, и первая (княжна Екатерина Васильевна, по мужѣ Кожина)—помянутая въ *Воспоминаніяхъ* только *каретой, сахариками, макишемъ чернаго*

* Она скончалась имѣя за 80, а не за 100 лѣтъ отъ роду.

лѣта и прочими съѣстными приласами — была моею первою воспитательницею, моею второю матерью, моею нѣжнѣйшею и просвѣщеннѣйшею покровительницею, до той поры какъ отецъ предпочелъ отдать и меня на воспитаніе въ Общество Благородныхъ Дѣвицъ. Наконецъ, мать моя, взростая на рукахъ княгини Анастасіи Ивановны (прабабушки „съ лежаночкой и съ крылечкомъ“), имѣла съ раннихъ лѣтъ гувернанткой Англичанку, слишкомъ двадцать лѣтъ жившую въ домѣ и оставшуюся навсегда преданнымъ другомъ всего семейства.— Въ заключеніе считаю нелишнимъ прибавить что всякій разъ какъ мы гостили въ Знаменскомъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ бѣгала во вторую дѣвичью прабабушки, гдѣ у длиннаго стола, съ классическою указкой въ рукахъ, возсѣдалъ преважный на мои глаза заслуженный челядинецъ, окруженный десятками двумя или болѣе крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Но внучка *княжны Монморанси*, ученица *мамзель Оминой*, обнаруживаетъ рѣзительное незнаніе своей прабабушки и ея поколѣнія, и я взяла смѣлость войти въ нѣкоторыя подробности, потому что въ ея описаніи искажены не только лица, но и достойная всякаго уваженія русская старина. *

Въ настоящемъ ли видѣ представлены даже отецъ и мать сочинительницы?...

У меня нашлось ея письмо изъ Венеціи (отъ $\frac{9}{20}$ мая 1852). Списываю и подчеркиваю слова подчеркнутыя ею. „Tu me dis „*chère Lise que tu m'enverras tout ce que je te demanderai,—la seule chose qui nous manque et que tu m'offres, c'est du thé—* „et je t'en embrasse de grand coeur. *!Mais ce qui me rendrait heureuse, c'est si tu pouvais obtenir de N. N. de te donner mon „malheureux cahier copie ou original, c'est égal, j'y tiens beaucoup,—dans mes moments perdus j'écris mon histoire, la mémoire*

* Не допуская сначала и мысли чтобы эти *Воспоминанія* могли быть написаны гжей Хвостовой, родною моею сестрой, * которая естественно должна бы имѣть одинаковыя съ моими свѣдѣнія и понятія о семейныхъ лицахъ,—я немедленно написала письмо къ редактору *Вѣстника Европы*, съ восстановленіемъ вѣсѣхъ именъ и событій какъ они произошли фактически, т.-е. какъ изложены здѣсь. Я просила объяснить мнѣ это *загадочное приключеніе*, отнесенное мною къ плохой шуткѣ надъ журналомъ и надъ публикою. Но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, письмо мое не дошло по назначенію.

„ne siffit pas quand tant d'années ont passé dessus—je me souviens de ce que j'ai éprouvé, mais dans cette si courte période de ma vie il y avait des mots, des gestes que je n'ai compris qu'après et que je ne puis rassembler—ради Бога, душа моя „Луза, сдѣлай мнѣ это одолженіе, достань мнѣ мою тетрадь—во что бы ни стало“.

Мнѣ не удалось выполнить ея просьбы.

Но письмо это доказываетъ что она писала отъ нечего дѣлать, многое перезабыла и тогда; желая же дополнить *словечками* и *жестами* портретъ занимательной для нея личности, вѣрно никакъ не предполагала что ея строки, *отъ бездѣлья* ложившіяся на бумагу, дадутъ г. Семевскому поводъ причислить ея роднаго отца—безъ обиняковъ—къ тилу' изверга Куроль-сова!...

Простой здравый умъ нашихъ предковъ давно замѣтилъ: „каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ“. Эту древнюю русскую пословицу Французы XIX вѣка выражаютъ такъ: „Дитя—вотъ отецъ будущаго человѣка“.

Англичане же до того убѣдились въ этой истинѣ что смотрятъ на ребенка какъ на истаго человѣка, только въ миниатюрномъ видѣ, и для осязательнаго изображенія врожденнаго характера и духа человѣка часто начинаютъ свои романы съ дѣтства героевъ и героинь.

Дядя Н. В. Сушковъ передалъ мнѣ, вѣсколькo лѣтъ тому назадъ, одну черту характера моего отца въ его дѣтствѣ. Разкащику было тогда лѣтъ шесть, отцу моему лѣтъ восемь или девять. Ихъ мать умирала отъ рака въ груди. Сынъ ея Саша, иля по сосѣдней комнатѣ, поскользнулся и упалъ. Часа черезъ полтора его разыскали и нашли лежащимъ на полу, на томъ же самомъ мѣстѣ и съ вывихнутою ногою. Не имѣя возможности ни встать ни проползти, претерпѣвая жесточайшую боль, не позволивъ себѣ ни малѣйшаго стопа, чтобы не потревожить матери, онъ пролежалъ недвижимо и безгласно пока другіе, спустя столько времени, нашли его, подняли, унесли.—Вотъ отецъ ребенкомъ.

„Второе мое горе была та минута въ которую объявили мнѣ что моя мать даритъ меня сестрой Елизаветой. *Мнѣ не было и четырехъ лѣтъ, а я какъ будто и теперь чувствую какъ бользненно сжалось мое сердце тогда; я предугадала что ласки и заботливость матери будутъ раздѣлены между мною и неожиданною моею сестрой; да(,) и тогда, когда я еще ничего не понимала, ничего не умѣла обдумывать, и тогда я хотѣла*

быть любимой безъ раздѣла. Я на цыпочкахъ вошла въ темную комнату моей матери, и зарыдавъ стала увѣрять ее что Лиза не будетъ такъ любить ее какъ я, и не будетъ такая послушная какъ я. Я всѣ девять дней не отходила отъ постели матери, держала съ ней строгую діету, караулила чтобы она маленькую мою соперницу не ласкала.“ Вотъ его дочь.

Спрашиваю, кто изъ двухъ дѣтей болѣе даетъ залогъ въ своей добротѣ и во врожденной способности любить другихъ, даже за нихъ терпѣть и страдать?

Посмотримъ еще съ какою глубиной соображенія и уваженія память гжи Хвостовой отдѣляетъ *крутную черту* изъ жизни горячо и исключительно любимой ею матери.

„Разъ ночью (стр. 695), я была пробуждена громкимъ голосомъ отца и рыданіями моей матери: я хотѣла вскочить съ постели и бѣжать къ нимъ, но остановилась у дверей (?) при этихъ словахъ отца: „И вотъ за что я умру“. Я вскрикнула, они подбѣжали ко мнѣ, я неутѣшно плакала, повторяя: „Я не хочу чтобы папа умеръ.“ Я старалась *вырвать изъ рукъ его бѣлую перчатку.*“

Прелестная мамушка! Однако дѣтямъ о такихъ предметахъ толковать не приходится; у нихъ въ головѣ такая колобродница что они нехотя смѣшаютъ лица, время, предметы. Если уже шумная сцена когда и была, то не въ эту ночь, и не вы играли въ ней роль, памятную на всю жизнь, могла бы я сказать составительницѣ *Воспоминаній*. Вы же наивно ребяческимъ лепетомъ изложили вещи такъ что всякому ночное происшествіе уяснится какъ день слѣдующимъ образомъ: *Дочка — ангелъ нѣжности, мать — кокетка.* Она вѣрно подарила какому-нибудь обожателю свою бѣлую лайковую перчатку.... (Неловко сдѣлала! Въ оны дни, подобный сувенирь, входя почти до плечъ женщины, растолпырилъ бы любой мужской карманъ:—видно такъ и стало?...) Видно мужъ перехватилъ сей даръ любви; на крикъ его: „И вотъ за что я умру!“ явилось *дитя* и произвело *благодатную диверсію*.... Палаша и мамаша (ночью, по возвращеніи съ бала) „закормили насъ бонбошками, обложили игрушками, зацѣловали, развеселились сами....“ (стр. 695).

Рада слышать.

Но почему же, на другой день—„возвратился отецъ, платье разорвано, обрызгано кровью, — онъ блѣденъ, страшень....“

Матушка — ахъ! да и въ обморокъ, хотя до этого момента преспокойно „кушала съ нами обѣдъ“ (стр. 696).

Слѣдовательно *преступница* не прощена? Сладость конфетокъ досталась одной вамъ, вашей же матери горечь на всю жизнь, — дуэль состоялась?... Она поставила своего мужа подъ пулю?...

Славную сказочку о *Бѣлой перчаткѣ* повѣдали вы міру, но я предпочитаю ей сказку о *Бѣломъ быкѣ*: хотя не драматична она, да понятна. Еще же болѣе нравится мнѣ разказъ дѣдушки Долгорукова и другихъ жителей Пензы, слышанный мною въ 1833—34.

Въ Пензу пріѣхала гжа Ев. (моя крестная мать), у нея была дочь, извѣстная впослѣдствіи гжа У. Въ тѣ годы она была прекрасна, двадцатитрехъ-лѣтнему отцу нашему (онъ женился 19 лѣтъ) очень понравилась, и разъ онъ съ кѣмъ-то поссорился за *ея бѣлую перчатку*. Дѣло дошло до дуэли. Дуэль эта долго не вымретъ изъ памяти людской, по коварству И. В. С. Бывъ секундантомъ, онъ зарядилъ пистолетъ направляемый на паленьку, какъ должно — пулей; паленькинъ же пистолетъ — *кляквой!* Въ ту пору, можетъ-быть и посмѣялись надъ молоденькимъ отцомъ семейства, отбывающимъ дѣвушку кляквой, а получающимъ рану не шуточную, да гаултахту довольно продолжительною временною квартирой. Но шутка г. С. вѣчнымъ лянгомъ легла на него. Въ бытность мою въ Пензѣ, всѣ, *всѣ* пожилые мушоны, знавшіе паленьку, своею почти отеческою благосклонностью, будто переносили на меня часть пріятныхъ воспоминаній сохранныхъ ими о добромъ паленькѣ, но И. В. никогда не подступался ко мнѣ близко, а издали кланялся особенно почтительно. Тогда вѣрно и ему было жаль моего бѣднаго, рано умершаго отца.

Въ пору дуэли меня можетъ-быть не было на свѣтѣ, но я по одной гипотезѣ дерзаю предъявлять что, по моему мнѣнію, за *бѣлую перчатку мужъ стрѣлялся отъ жены противоньку*.

Касаясь времени болѣе близкаго, совершенно уже *нашего времени*, *Воспоминанія* изобразили домъ Беклешовыхъ — *игорною таверной!* Я не ошибусь если скажу что о сию пору сотни и сотни лицъ могутъ засвидѣтельствовать на какомъ

плодовитомъ корнѣ благотворительности, прочныхъ старыхъ связей, обязательной услужливости былъ утвержденъ этотъ всѣми и повсемѣстно чтимый и высоко уважаемый домъ.

Дворянское гнѣздо! Это названіе шло къ нему можетъ-быть еще лучше чѣмъ къ самой повѣсти г. Тургенева. Въ этомъ гнѣздѣ, кромѣ постоянно живущихъ—не приживалокъ, а близкихъ и благородныхъ по происхожденію и по характеру родныхъ—неизмѣнно находили радушный, но чинный пріемъ кровные и друзья—родственники новыхъ родственниковъ, друзья друзей, знакомые и сосѣди. Еще замѣчательнѣе то что этотъ гостепріимный *барскій домъ* былъ пріютъ всѣхъ дѣтей вышеозначенныхъ „своихъ людей“, по большей части не жившихъ въ столицѣ. Каждое воскресенье стекались къ нимъ воспитанники изъ артиллерійскаго, морскаго кадетскаго корпуса и другихъ училищъ; маленькіе же кадетики привозились и отвозились подъ охраной опредѣленныхъ на то старыхъ, степенныхъ слугъ, и все это дѣлалось почтенною, можно сказать *милостивою* четой этихъ незамѣнно утраченныхъ нами родственниковъ такъ просто и постоянно, какъ бы иначе и быть не могло. Когда дядя Ник. Сер. Беклешовъ переселился во Псковъ, гдѣ вплоть до самой кончины (1859) сряду шесть трехлѣтій былъ избираемъ и служилъ губернскимъ предводителемъ, то же доброхотство повторялось ко всѣмъ дѣтямъ обучавшимся въ гимназіи, чьи родители состояли въ какомъ-нибудь родственномъ или дружескомъ отношеніи съ Беклешовыми.

При такой обстановкѣ жизнь Марьи Васильевны, при всей ея скромности, вслѣдствіе притока обласканныхъ, увеселенныхъ и покровительствуемыхъ ею и душевно ее почитающихъ,—не была лишена своего рода извѣстности. Но кто же изъ всѣхъ знавшихъ ее въ продолженіе сорока-лѣтъ могъ предвидѣть что эта честная жизнь будетъ предана *культурной гласности*, *распубликована* въ учено-литературномъ журналѣ, въ которомъ будетъ рыться за справками и отдаленный потомокъ,— и что предъ нимъ Марья Васильевна предстанетъ охарактеризованная какъ женщина *язвительная, завистливая, тупица* въ преподаваніи, *подлецающая* (выраженіе Смольнянокъ, совмѣщающее въ себѣ попятіе и о лести и о низости)....

О, еслибы всѣ одолженные, всѣ обласканные Беклешовыми сочли своимъ долгомъ вступиться за ихъ опороченную память,—какой кликъ неодобренія посыпался бы изъ многихъ

мѣсть Россіи, а частью и Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ какой хвалебный хоръ составилъ бы изъ всѣхъ голосовъ сохранившихся благодарность и неизмѣнное почтеніе къ Николаю Сергѣевичу и къ Марьѣ Васильевнѣ Беклешовымъ.

Но если никто не рѣшается замолвить свое слово печатно, то изустно и въ частной перепискѣ выражается и безусловное порицаніе и личное глубоко прочувствованное горе.

Такъ одна сиротка-родственница, призванная ими, воспитанная и выданная славно замужъ съ очень хорошимъ приданымъ—точно такое же получили отъ ихъ щедрости Ек. Алек. и я—въ трехъ письмахъ писала мнѣ: „Я ночи не сплю отъ этихъ *Воспоминаній*, я разбита во всѣхъ членахъ, сокрушена умомъ и сердцемъ.... Всѣ наши дорогіе родные выставлены кто чудовищемъ, извергомъ.... Кто идиотками, фуриями, тиранками!... И кто же писалъ, кто же честилъ ихъ такъ!!..“

Она-то по моей просьбѣ и прислала мнѣ августъ и сентябрь *Вѣстника Европы*, гдѣ помѣщены *Воспоминанія*.

Ея безсонница, ея мучительныя нравственныя и физическія ощущенія перешли ко мнѣ. О грѣхъ и стыдъ не понимавшей что творить! Грѣхъ и стыдъ всѣмъ потщившимся возбудить столько горькихъ чувствъ законнаго негодованія въ средѣ многихъ сердецъ и семействъ!

Не доброю славой пользовались Аракчеевъ, Талейранъ, Байронъ, — и они оставили *Записки*, но по распоряженію первыхъ двухъ, ихъ рукописи напечатываются — чья черезъ 50, чья даже сто лѣтъ послѣ ихъ смерти. Половина же *Записокъ* Байрона предана огню его *душеприкащикомъ* Томасомъ Муромъ, несмотря на то что изданіе ихъ могло *озолотить его собственнаго сына*, которому онѣ были завѣщаны, и что онѣ очерняли людей совершенно постороннихъ обоимъ Мурамъ.— А здѣсь?!

Приступая къ изложенію „исторіи любви“, я съ первыхъ шаговъ встрѣчаю сильное противорѣчіе между моею памятью и печатными строками.

Отецъ мой, пріѣхавшій погостить въ Москву, провелъ въ ней едва нѣсколько дней и послѣвшилъ пуститься въ обратный путь, взявъ съ собою свою старшую дочь, лишь только разнесся слухъ о холерѣ, грянувшей на Бѣлокаменную прямо изъ Саратова. Онъ поступилъ такъ не изъ страха эпидеміи, но чтобы не подвергнуться карантинной скукѣ и невольнѣ, и дѣйствительно

избѣгнувъ этой стѣснительной мѣры до того удачно что вслѣдъ за нимъ ставились карантинныя, а онъ безъ преловъ доскакалъ до Петербурга. Отъѣздъ его, сколько мнѣ помнится по жарамъ и по яркому солнцу, состоялся въ августѣ или въ самыхъ первыхъ числахъ сентября. Впрочемъ въ ту пору мнѣ было 14 лѣтъ, а теперь я не имѣю возможности справиться въ медицинскомъ департаментѣ какого мѣсяца и числа, во время первой холеры, карантинныя отлучили зараженную Москву отъ другихъ городовъ Россіи. Если же въ этомъ случаѣ память мнѣ не измѣняетъ и если г-жа Хвостова уѣхала изъ Москвы въ августѣ, то я не понимаю почему проворный и нестоимый импровизаторъ М. Ю. Лермонтовъ воскликнулъ: „Свершилось!“ и затянулъ унылую пѣснь страницы 740 только 1го октября?

Или... но этого быть не можетъ—стихотвореніе написано къ другой, и отрокъ-поэтъ успѣлъ въ столь короткое время найти новый предметъ для своихъ похвалъ и вдохновеній?

Оставляя этотъ вопросъ нерѣшеннымъ, перейду къ романтическимъ событіямъ которыхъ я была свидѣтельница.

Прошло болѣе четырехъ лѣтъ послѣ *навѣкъ неизгладимыхъ впечатлѣній*, воспріятыхъ вѣжкою душой Лермонтова (въ Средниковѣ и въ Большаковѣ), когда онъ, окончивъ свое ученіе въ юнкерской школѣ, повстрѣчался съ нами на балѣ моихъ милыхъ пензенскихъ К. и сестры ея А. Не „сестра Лиза“, а сама *Лизина сестра* отыскала *байбака* (какъ непочтительно называла будущаго лѣвца *Мушри* тетушка Пр. Вас. Сушкова). Старые знакомые очень обрадовались неожиданной встрѣчѣ, много танцевали и разговаривали между собою въ этотъ вечеръ. Михаилъ Юрьевичъ тутъ же былъ представленъ Беклешовымъ, которые благосклонно приняли юношу.

Лермонтовъ сталъ къ намъ часто ѣздить за-просто по вечерамъ. Легкій доступъ въ нашъ строго-разборчивый домъ открылся ему не ради его значенія, а по многимъ другимъ причинамъ: мы обѣ были знакомы съ нимъ по Москвѣ, онъ былъ сверстникъ и сотоварищъ (по бывшему Моск. Благ. Унив. Пансіону) нашихъ двоюродныхъ братьевъ Сер. и Дм. Петровичей Сушковыхъ, такой же неоперившійся юноша, какъ съ десятковъ подростающихъ или выросшихъ мальчиковъ на глазахъ и на полеченіи Беклешовыхъ. Притомъ былъ нѣкоторый поводъ думать что въ эту зиму пріѣдетъ въ Петербургъ родственникъ юнаго гусара, богатый молодой человекъ, постоянно жившій

въ Москвѣ и остававшійся, какъ предполагалось, неравнодушнымъ къ Екатеринѣ Александровнѣ.

Въ такіе вечера, съ работой въ рукахъ, сидѣли мы или втроемъ съ Лермонтовымъ, или въ обществѣ и другихъ молодыхъ людей,—у одного стола, у одной лампы, въ той же большой гостиной, гдѣ тетенька играла въ вистъ. Въ другой, болѣе уютной маленькой гостиной, гдѣ мы сидѣвали съ братьями или съ болѣе давними знакомыми, служившими по большей части въ комитетъ для принятія прошеній, гдѣ дядя Бекешовъ былъ директоромъ, я Мих. Юр. не помню. На званыхъ и на положенныхъ вечерахъ нашихъ знакомыхъ, немедленно сдѣлавшихся и знакомыми Лермонтова, онъ постоянно танцовалъ съ сестрой мазурку. Такая милость, оказываемая Ек. Ал. незначущему, только-что выпущенному офицеру, навѣрное не была бы обойдена безъ замѣчаній со стороны тетеньки, еслибъ онъ не казался всѣмъ намъ звѣномъ соединенія между сестрой и ожидаемымъ пріѣзжимъ.

Послѣ одной изъ такихъ мазурокъ, кажется на святкахъ, я еще теперь вижу тотъ уголокъ у камина, въ залѣ тогдашняго генералъ-губернатора графа Эссена, гдѣ они пріютились на этотъ продолжительный танецъ, сестра, необыкновенно-оживленная, пожала мнѣ руку, а дома повѣдала что Лермонтовъ, доставъ (безъ всякаго сомнѣнія изъ кармана) крестъ, произнесъ клятву въ жгучей любви. Теперь, изъ послѣдовавшихъ происшествій я заключаю что онъ обязалъ какою-то клятвой и ее, но что она, къ чести ея будь сказано, произнесла свою гораздо искреннѣе. Этой подробности она не ввѣрила моей дружбѣ, и мнѣ остался неизвѣстенъ подарокъ кольца, можетъ-статься—обмѣнъ двухъ колець.... Форма присяги вѣрнаго юнаго поэта вѣрно была краснорѣчива, и въ тѣ мои годы я очень могла воскликнуть: „О, какъ онъ тебя любитъ!“

Рѣшительно не могу припомнить совпали ли эти клятвы съ пріѣзжемъ г-на Л—на въ Петербургъ, или онъ пріѣхалъ въ скорости, даже его самого едва помню въ нашемъ домѣ, гдѣ онъ побывалъ раза два-три не за-просто, а съ утреннимъ визитомъ, и на танцевальномъ вечерѣ; все прочее совершенно стерлось съ моей памяти, такъ какъ и пріѣздъ остался безъ результатовъ и посѣщенія московскаго гостя не были отмѣчены ничѣмъ особеннымъ.

Но живо сохранился въ моемъ воспоминаніи пятый актъ кратковременнаго сценическаго представленія самого автора

Маскарада. Частью по его содѣйствію, частью по обстоятельству, этотъ пятый актъ разыгрался въ нашемъ домѣ, гораздо оригинальнѣе чѣмъ разказано въ *Воспоминаніяхъ*. Лермонтовъ воспользовался *панмикой* честнѣйшаго семейства консерваторовъ, къ которому принадлежали мои добрые родные.

Къ новому, 1835 году правительство вознамѣрилось учредить городскую почту. У насъ старшими гостями и хозяевами подчасъ выражались порицанія этой мѣрѣ: — чего добраго! — съ такими нововведеніями, къ молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ полетятъ любовныя признанія, — посылаются безыменные пасквили на цѣлыя семейства!... То ли дѣло заведенный порядокъ! Войдетъ въ переднюю огромный ливрейный лакей съ маленькою записочкой въ рукахъ, возгласитъ четыремъ-пятымъ своимъ собратіямъ: „отъ Ольги Николаевны, отвѣта не нужно“, — или: „отъ Глафиры Сергѣевны, просить отвѣта“, — и одинъ изъ заслуженныхъ домохозяевъ несетъ писульку къ барынкѣ, докладываетъ ей отъ кого, часто — и объ чемъ, какъ будто самъ умѣетъ читать, даже по-французски. — Не лучше ли такъ? Не нравственнѣе ли? — Вся жизнь барыни и барышень на ладонѣ всякаго лакея; каждый изъ нихъ можетъ присягнуть что ни за одной изъ нихъ ни малѣйше-шероховатой переписки не водится, а почталіонъ что? — какое ему дѣло? — отдалъ, получилъ плату, и былъ таковъ!

Тревожное раздумье болѣе всего озабочивало тетеньку: это нововведеніе казалось ей первымъ насильственнымъ вторженіемъ внѣшняго міра въ свято-охраняемый бытъ семейный. Если Фамусовъ кряхтѣлъ отъ одной „комиссіи“, то у Мар. Вас. было ихъ на рукахъ двѣ, и уже стояла на стелени кандидатки третья, подростоющая и воспитывающаяся въ лансіонѣ упомянутая сиротка. — Провѣдалъ ли объ ея черныхъ думкахъ Михаилъ Юрьевичъ или по чутью догадался что у насъ дойти письму въ собственныя руки барышни такъ же трудно, какъ мальчику вскинуть свой мячикъ до луны?

Въ первыхъ числахъ января г. Л — нѣ увѣзжалъ обратно въ Москву. Въ самый день его отъѣзда, какъ разъ на починѣ роковаго учрежденія, не ранѣе 10ти часовъ вечера, — зазвенѣлъ колокольчикъ. Въ тѣ времена онъ не могъ такъ лоздно возвращать посѣтителей, а развѣ курьера къ одному изъ дядей, да развѣ развѣ Лермонтова — что-то залапшаго въ послѣдніе дни: — послѣ проводовъ родственника, онъ ѣдетъ мимо, и завидѣлъ наши освѣщенныя окна.... Отъ самаго обѣда мы сидѣли однѣ-оди-

нехоньки въ маленькой гостиной; тетенькѣ съ трудомъ составила партія въ большой... (Необыкновенная тишина, нелюдность нашего дома въ этотъ день напоминаютъ мнѣ что то былъ Крещенскій Сочельникъ). Тоже припоминается теперь что сестра сильно встреленулась при звукѣ колокольчика, проговорила: Лермонтовъ! и послала меня посмотреть кто войдетъ. Дойдя до порога второй гостиной, я увидѣла что ладкей что-то подалъ дядѣ Николаю Сергѣевичу, сидѣвшему возлѣ партнеровъ, а не съ нами, какъ значитса въ *Воспоминаньяхъ*. (Для вставки его нравоописанія, и тутъ переименована семейная картина.) „Хорошо, зажги свѣчи въ кабинетѣ“, сказалъ дядя человѣку и направился туда. Вскорѣ партнеры разъѣхались, мы ждали прихода тетеньки и дядей къ намъ, какъ это дѣлалось обыкновенно, но къ удивленію нашему слышимъ что Ник. Серг. заперся въ своемъ кабинетѣ съ женой и съ дядей Н. В. Сушковымъ. Этого не случилось никогда-никогда, притомъ такъ поздно, пора ужинать.

Зовутъ и насъ!—Ужъ не предложеніе ли? мнѣ? тебѣ?—Вотъ правду сказываютъ: Богъ сиротамъ опекунъ!..

Мы вошли. На дѣловомъ столѣ дяди лежалъ мелко испищенный, большой почтовый листъ бумаги.

Екатериинѣ Александровнѣ подали письмо и конвертъ, адресованный на ея имя.

— Покорно благодарю! вымолвила тетенька далеко не умильно и не ласково.—Вотъ что навлекаетъ на насъ ваша вѣтренность, ваше кокетство!.. Я ли не старалась?.. Вотъ плоды!!—Стой и ты тутъ, слушай! И ты туда же пойдешь,—обратилась она ко мнѣ.—Извольте читать и сказать обѣ, кѣмъ и про что это написано?

Намъ стоило бросить взглядъ чтобъ узнать руку Лермонтова. Обѣ мы, въ разное время, столько перевѣдали въ Москвѣ лоскутковъ бумажекъ съ его стихотворными опытами. Мнѣ давала ихъ на прочтеніе не Александра В., а другая его кузина, Полина В., съ которою мы брали танцовальныя уроки у Йогеля, въ домѣ ея матери (Екат. Арк. Стальпиной), гдѣ я и познакомилась съ Лермонтовымъ, тогда еще московскимъ студентомъ.—Недавнія замѣтки на страницахъ *L'Atelier d'un Peintre*, романъ подаренный мною Ек. Ал. въ ея именины, снова ознакомили насъ съ мало-измѣнившимся почеркомъ поэта.

Въ одинъ мигъ Екатерина Александровна придавила мнѣ ногу: „молчи! дескать“. Я ничего не сказала.

Длинное, французское, безыменное письмо, руки Лермонтова, но отъ лица благородной дворянки, обольщенной, обезцвѣнной, и послѣ жестоко покинутой безжалостнымъ сокрушителемъ счастья дѣвъ, было исполнено нѣжнѣйшихъ предостереженій и самоотверженнаго желанія предотвратить другую несчастливцу отъ обаянія бездны, въ которую была низвергнута горемычная она. „Я подкараулила, я видѣла васъ,—писала сердобольная ладшая барышня въ ментикѣ и доломанѣ,—вы прелестны, вы пышете чувствомъ, довѣрчивостью..... и горькія сожалѣнія наполнили мою душу. Увы! и я нѣкогда была чиста и невинна, подобно вамъ—и я любила, и я мечтала что любима, но этотъ коварный, этотъ змѣй.....“ И такъ далѣе, на четырехъ страницахъ, которыя очерняли кого-то, не называя его.

Мѣсто злодѣйскихъ дѣйствій происходило въ Курской губерніи. Повидимому, не то чтобы вчера, ибо „юная дѣва“ успѣла „подъ вечеръ осени ненастной перейти пустынный мѣста“; всѣ раны ея уже закрылись, какъ вдругъ, находясь нарочно въ столицѣ, она услышала что ножъ занесенъ на другую жертву и—вотъ бросается спасать ее. Само собою разумѣется что предъ посылкой письма Лермонтовъ на одномъ или двухъ послѣднихъ вечерахъ былъ мраченъ, разсѣянъ, говорилъ объ угрызенияхъ, о внезапномъ видѣніи на улицѣ... „Дашенька,—Курскъ...“ Когда сестра въ первыхъ попыткахъ той ночи сообщила мнѣ это предисловіе,—несмотря на почеркъ Лермонтова, въ которомъ намъ невозможно было сомнѣваться,—мы едва ли не повѣрили и существованію Дашеньки, и тому что сидѣвшій въ школѣ двадцати-лѣтній подпрапорщикъ натворилъ столько бѣдъ въ Курскѣ. Ручаюсь, по крайней мѣрѣ, за мое легковѣріе.

Утромъ дѣло усложнилось. Я уже сказала: чувство чести сильно развито въ нашемъ семействѣ,—и тетенькѣ было очень жутко при мысли что безыменное письмо—какъ оно ни благонамѣренно—заподозриваетъ однако ея пріемную дочь въ возможности увлеченія. Мужъ ея, вставъ ранѣе обыкновеннаго, развѣдалъ отъ людей что письмо было принесено—даже не почтаіономъ, а кѣмъ бы вы думали?—хозяиномъ... мелочной лавочки.... лежащей наискосокъ!! Дворецкаго отрядили къ нему за справками:—кто далъ тебѣ вчера письмо?—Останови-

лись сами въ одну лошадь, кучеръ далъ ему конвертъ, сказавъ: „отнеси-ка, братъ, на генеральскую квартиру, да скажи чтобъ отдали старшей барышнѣ.“ Лавочникъ-то и поусердствовалъ, опрометью бросился на генеральскую квартиру, въ первый разъ ступилъ въ нее ногой, да такъ и брякнулъ— „*devant des domestiques!*!“—Это-съ для старшей барышни....

Вы только представьте себѣ весь ужасъ нашего положенія. Ослава сдѣлана:—лавочникъ! люди!—Остается предотвратить гибель. Кто же этотъ неотразимый соблазнитель?—Когда начались допросы, Ек. Ал. не запнулась назвать того „кто умъ и сердце волновалъ“—*мои*. Но мои бурныя чувства не укрылись отъ родныхъ, и они единогласно сказали: „нѣтъ, нѣтъ, это по части Лизы“. Дядя Н. В. Суцковъ, своею рѣшительностью и проникательностью добрался до истины; онъ потребовалъ сестрины бумаги: дочеркъ стихотвореній 1830 года, и на романѣ гжи Дебордъ-Вальморъ; и на вчерашнемъ письмѣ оказался одинъ и тотъ же. Всѣ трое судей сильно вознегодовали на мальчика осмѣливагося такъ потѣшаться надъ дѣвушкой, и переслать ей подобное письмо.

Екатерину Александровну, конечно, порядкомъ пожурили, но ни опалы, ни заключенія, ни отверженія *не было*. Въ тотъ же самый вечеръ, дабы „злой свѣтъ“ не проникъ въ наши безпримѣрные въ лѣтописяхъ міра перелопухи, мы танцовали на званомъ вечерѣ у С. Это былъ день рожденія хозяйки дома, которую тетенька особенно уважала. Присутствіе же сестры на этомъ вечерѣ мнѣ чрезвычайно памятно потому что,—просто-душно опасаясь чтобы въ силу утренней угрозы насъ не отправили къ дѣдушкѣ въ Пензу („въ глушь, въ Саратовъ“)—ее въ наказаніе за причиненное огорченіе, а меня, такъ себѣ, ради компаніи,—она объявила мнѣ что займется въ этотъ вечеръ выдачей замужъ *меня*, за единственнаго кавалера знакомаго мнѣ въ этомъ домѣ и нимало мнѣ не любезнаго. Несмотря на мои отговорки, она положила пристроить меня, Петербурга не оставляя, а переѣхать жить ко мнѣ. Она дѣйствительно и посватала меня обиняками, да не успѣла сразить моего мнимаго вздыхателя страшною вѣстью о моемъ предстоящемъ отъѣздѣ.

Черезъ два-три дня мы были, какъ обыкновенно по пятницамъ, у Л. Считаюсь въ родствѣ, Лермонтовъ, постоянно бывалъ у нихъ. Екатеринѣ Александровнѣ внушали изъяснить презрѣніе дерзкому шалуну, танцовать же съ нимъ положительно запретили.

Она была замѣтно разстроена и все искала случая перемолвиться съ Лермонтовымъ, державшимъ себя какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ и поклонился развязно и подѣлъ къ ней съ величайшею непринужденностью; но дядя Н. В. Сущковъ, не скрывая строгаго неодобренія въ лицѣ и въ глазахъ, съ явно пренебрежительнымъ видомъ то отводилъ его отъ племянницы, то не допускалъ къ ней приблизиться. Лермонтову не возбравшася этимъ путемъ къ честному прямому объясненію честныхъ намѣреній, еслибъ они у него были, а только доказывалось ему что Ек. Алек. не беззащитна, что насталь часъ прекратить затѣянную надъ ней игру, — не то шутка можетъ кончиться совсѣмъ не шуткой. Такое завѣреніе выразилъ ему дядя и изустно, сдѣлавъ ему честь съ минуту пройтись съ нимъ гдѣ-то по залѣ и побесѣдовать о нравственномъ выводѣ моднаго ли романа или театральной пьесы. Впрочемъ, поэтъ съ перваго вечера уже прикинулся обиженнымъ; потомъ пробовалъ холодно изумленными, вопросительными взглядами, или мимолетными колкостями вымещать на Екатерину Александровну *непостижимое* обращеніе ея дяди. Но такъ какъ этотъ не измѣнялъ ни своего выраженія вызывающей насмѣшливости во всей осанкѣ, ни строгой бдительности заманевраги гусара, черезъ недѣлю съ небольшимъ Михаилъ Юрьевичъ почти пересталъ и кланяться сестрѣ. Внезапный, даже неприличный его налетъ на нашъ домъ, въ 7 часу вечера, вслѣдъ за тою первою пятницею, заставилъ нашихъ покровителей отказать приказаніе отказывать ему во всякое время дня, и наши слуги отлучно выполнили возложенное порученіе. Два-три откровенныхъ: „*Васъ не приказано принимать*“ окончательно вразумили г. Лермонтова что авторъ анонимаго письма узнанъ и одѣвнень по заслугамъ. Съ наступленіемъ Великаго Поста, онъ чуть ли не совсѣмъ исчезъ съ нашего горизонта. Тѣмъ и кончился романъ, которому въ моихъ рѣдкихъ обращеніяхъ на него и на давнее прошлое, я придавала, по крайней мѣрѣ, болѣе продолжительности, а онъ длился всего одинъ мѣсяць.*

Нанесъ ли этотъ коротенькій и нелестный эпизодъ кровавыя, неизлѣчимыя раны сердцу Екатерины Александровны, мнѣ, стоявшей вблизи, какъ случается нерѣдко, это было совершенно неза-

* Сочинительница обозначила день встрѣчи на балѣ 4 декабря, что совершенно вѣрно, потому что хозяйка дома называлась Варварой; я несомнѣнно припомнила что письмо получено 5го января, въ Крещенскій Сочельникъ.

мѣтло. Мы припоминали замѣтки Лермонтова безжалостно стертая со страницъ любимой нами книги, но возобновлять ихъ въ ней не дерзали,—сохрани Богъ, увидитъ тетенька! а записывали ихъ на другихъ летучихъ листкахъ; совершенно успокоенная, подсмѣивалась надъ смятеніемъ произведеннымъ письмомъ между нашими старшими, вообще проводила лѣто и шумно и людно въ богатомъ Федосьянѣ, тѣмъ болѣе шумно и людно что „номадное семейство Андрея и Прасковьи Вас. Сушковыхъ, съ ангеломъ Варичкой“ могло *въ первый разъ, послѣ цѣлѣхъ девяти лѣтъ, пріѣхать* погостить у Беклешовыхъ. *

* *Кочующая* Прасковья Васильевна, сильно боявшаяся ѣзды, даже по улицамъ, въ каретѣ четверней, ограничивала свои городскіе выѣзды навѣщеніемъ разъ въ недѣлю или въ двѣ своей родной племянницы Евдокіи Петровны Сушковой, вышедшей потомъ за графа Ростопчина; мать ея умерла, отецъ служилъ въ Оренбургѣ; она воспитывалась у дѣдушки и бабушки Пашковыхъ. Вечера свои Пр. Вас., дѣйствительно, часто проводила у своихъ кузиль Анастасіи Николаевны Хитровой и княгини Ирины Никитишны Урусовой, къ которымъ немногимъ рѣже ее стекались почти вся Москва и множество пріѣзжихъ изъ Петербурга и изъ губерній. Я не стану говорить о томъ что крошечка и не только образованная, но ученая Пр. Вас. замѣтила утраченную мать своимъ мадашимъ братьямъ и сестрѣ; для нихъ отказывала богатымъ и знатымъ женихамъ; была долгіе годы однимъ изъ лучшихъ украшеній общества, примѣромъ всѣхъ добродѣтелей для своей семьи; предпочтительною собесѣдницей просвѣщеннѣйшихъ и остроумнѣйшихъ людей своего времени; а не стану распространяться о томъ какъ до самаго дня смерти она была готова идти въ огонь и въ воду за каждаго изъ своихъ многочисленныхъ племянниковъ, племянницъ и ихъ дѣтей; какъ она окончалась съ ихъ именемъ на устахъ; ни о томъ какъ ея любовь къ людямъ и къ добру уравновѣшивалась въ ея мягкомъ сердцѣ твердымъ, рѣшительнымъ удаленіемъ отъ зла. Я не могу распространяться объ этомъ: моя суровая обязанность заниматься теперь не ея рѣдкими достоинствами, а указать еще на легкомысленную и невѣрную *выдержку* (изъ другой тетради; можетъ-быть и она изговаривается въ печать?) задѣвшую нашу *праведницу*. Въ годы вымышленныхъ *кочеваній* Анд. и Праск. Вас., они были самыми постоянными жителями Москвы. Первый едва въ три года разъ показывался на недѣлку въ Петербургѣ, и его каждый вечеръ можно было видѣть въ Моск. Анга. клубѣ; дая второй—поѣздка въ Петровскій Паркъ уже казалась пренеприятнымъ путешествіемъ. Сверхъ того оба они, и братъ и сестра, имѣли на рукахъ малютку, дочь овдовѣвшаго Анд. Вас., и съ незапамятныхъ временъ посвящали себя нѣжлѣйшему и самоотверженному уходу за святою старушкой, ихъ

Въ началѣ осени я вышла замужъ.

Года черезъ два послѣ того, когда я съ любопытствомъ отсталой деревенской барыни закидывала временно прѣзжавшихъ столичныхъ моихъ родственниковъ и о прошломъ и о новостяхъ, услышала я изъ собственныхъ устъ Ек. Ал. объясненіе продѣлки съ нею Лермонтова. Вотъ оно: какъ только узналось о его короткомъ знакомствѣ въ нашемъ домѣ, то одна Москвитянка, страстно влюбленная въ г. Л—на, и, вдобавокъ, пріятельница Ек. Ал., поручила умненькому молодому гусару воспрепятствовать предполагаемому союзу. Въ эпоху этого разказа, слышаннаго собственными моими ушами, въ чувствахъ Ек. Ал. преобладали гнѣвъ на вѣроломство пріятельницы, сожалѣніе объ уtratѣ хорошаго жениха, и отнюдь не было возвигнуто кумирни Михаилу Юрьевичу. Онъ обожествленъ гораздо, гораздо позднѣе.

Не помянула она его добрымъ словомъ и возвратясь изъ Тифлиса, вскорѣ послѣ трагической смерти молодого поэта, исторгшей слезы изъ многихъ другихъ глазъ, а смотрѣла на этотъ грустный конецъ какъ на заслуженное наказаніе за безпрерывную нестерпимую придирчивость его къ г. Мартынову, которому, по ея словамъ, онъ тайнѣ завидовалъ.

Иногда случалось мнѣ удовлетворять любопытству нѣкоторыхъ лицъ, разспрашивавшихъ меня о рано погибшемъ даровитомъ юношѣ; я всегда излагала мой разказъ и его объясненіе, которому вполнѣ вѣрила тогда, * такъ какъ они переданы здѣсь,

тетушкой Прасковьей Михайловной Сущковой, сѣбюю, и лѣтъ десять почти не сходявшею съ кровати. Только лишившись ее, получили они не отрадную для ихъ сердца возможность *двинуться съ мѣста*. Тогда-то, взявъ меня для свиданія съ дѣдушкой Долгоруковымъ, они поѣхали въ саратовское помѣстье малолѣтней дочери Ан. Вас., а зиму провели въ Пензѣ, гдѣ у нихъ были горячо любимые родные: Софья Николаевна Панчулидзева, жена тамшняго губернатора, братъ ея Николай Николаевичъ Сущковъ, и ахъ семейства.

* Теперь, я или не дала бы вѣроятія подобнымъ объясненіямъ, или истолковала бы возложенное порученіе *не страстью, а заботливостью* и той особы и другихъ родственницъ г. Л-на, не имѣвшихъ права удерживать независимаго, но чрезвычайно молодого челоуѣка отъ слишкомъ ранней женитьбы, если онъ о ней помышлялъ, и потому просившихъ близкаго имъ Лермонтова *изучить*, какъ okazали бы теперь, дѣвущку, совершенно незнакомую однимъ, мало знакомую другимъ изъ нихъ. Съ другой стороны, не чуждо мнѣ и то предположе-

и восхищаясь стихами и прозой Михаила Юрьевича, никогда не хвалила, не возбуждала других уважать его характеръ, такъ въ глубинѣ души сердилась я на него за сестру.

Совершенно неожиданно, въ моемъ сужденіи и въ самыхъ чувствахъ стала происходить перемѣна. Съ переселеніемъ Екат. Ал. изъ чужихъ краевъ въ Россію (осенью 1852 или 53), мнѣ такъ часто приходилось слышать о страстной, о единственной въ жизни поэта любви къ моей сестрѣ что мнѣ бывало и совѣстно, и смѣшно и досадно. Разубѣдить ее мнѣ не было никакой возможности, мы были такъ далеки другъ отъ друга, и моя попытка осталась бы совершенно безуспѣшною.

Тетради Ек. Ал. вѣроятно все толстѣли, съ тѣмъ вмѣстѣ—надо полагать—учащались и распространялись ея изустныя преданія.

Едва пріѣхала въ Петербургъ (1855) и вошла ко мнѣ незабвенная и, увы! тоже покойная кузина Ростопчина, какъ принялась прелестно подшучивать надъ вновь открытою диковиной: у насъ появились свои доморожденные Петрарка и Лаура, или Данте и Беатриче,—слитые въ жизни, въ потомствѣ, въ вѣчности, — Михаилъ Юрьевичъ и Екатерина Александровна.... Вслѣдъ за этимъ заставила она меня покатиться со смѣху, которому такъ увлекательно-мило вторила и сама разкашца, передавая мнѣ какъ приглашенный и *не принявшій приглашенія* быть шаферомъ Ек. Ал., на вѣнчаніи ея въ 1838 году съ г. Хвостовымъ, скорбный поэтъ, стоя за ея слиной, отъ тоски, волненія, раздравательныхъ чувствъ, то-и-дѣло готовъ былъ падать въ обморокъ и то опирался на руку одного, то склонялся головой на перси другаго сострадательнаго смертнаго.

Будь графиня Ростопчина жива, она сама заевидѣтельствовала бы достовѣрность этого анекдота; его скрѣпилъ бы своею подписью и самъ Лермонтовъ, еслибъ и онъ не отошелъ къ тѣнямъ, такъ напрасно, такъ суетно, такъ недостойно вызваннымъ *Воспоминаніями* и такъ бездушно выведеннымъ предъ публикой.

Этимъ ли *подвигомъ* заслужили *Воспоминанія Екатерины Александровны Хвостовой* похвальное слово г. Семейскаго, получающаго нашу добрую публику „не относить ихъ къ массѣ

нѣ что Лермонтовъ, по природѣ болѣе склонный наносить вредъ чѣмъ вносить съ собою благополучіе, самъ отъ себя затѣявъ разлучить, а не соединить. Опять повторяю: если былъ помыселъ о соединеніи.

безуѣтныя и зліяніи? Я согласна съ нимъ въ одномъ: подобный словесный памятникъ не *безуѣтенъ*, на немъ ярко отдѣвчивается весь колоритъ вполне развитой галлюцинаціи, въ которой истинные друзья кажутся заклятыми врагами, жестокіе насмѣшники—наипреданными поклонниками.

Каждый изъ насъ имѣетъ право въ своихъ четырехъ стѣнахъ мараить бумагу чѣмъ и сколько ему угодно. Иногда занятіе это—единственное прибѣжище для разсѣяннаго слишкомъ сосредоточенной мысли, для успокоенія взволнованныхъ до боли чувствъ, для разрѣшенія, безъ пособій доктора, накопившейся желчи, и происходящихъ отъ того движеній досады, гнѣва, недоброежелательства. Но такія бумагомаранія личностей находящихся въ исключительномъ физическомъ или нравственномъ настроеніи — не для печати, или ихъ озаглавливаютъ иначе.

Въ заключеніе укажу еще нѣсколько неточностей *Воспоминаній*.

М. Ю. Лермонтовъ не былъ „исключенъ за шалость изъ Московскаго университета“, какъ сказалъ аннотаторъ, стр. 310. Лермонтовъ былъ на 2мъ или на 3мъ курсѣ, когда ему захотѣлось перейти въ Петербургъ. Снеслись съ тамошнимъ университетомъ, который дозволилъ переводъ не иначе какъ съ условіемъ чтобы проситель началъ сызнова, то-есть выдержалъ вступительный экзаменъ. Такое требованіе разсердило Лермонтова; онъ съ досады вступилъ въ юнкерскую школу. Шумъ произведенный этимъ дѣломъ, совершенно извратившимъ карьеру молодаго человѣка, который преимущественно отличался умственными способностями, вызвалъ начальство установить съ той поры что студенты могутъ переходить изъ одного университета въ другой, ничего не теряя изъ своихъ учебныхъ годовъ.

Такъ разказывала мнѣ, по смерти поэта, его родственница Ек. Лук. С., урожденная Б. Можно справиться у нея или у ея дочери, Марьи Львовны Д. Онѣ живы.

М. Ю. Лермонтовъ никакъ не могъ перелѣзть черезъ заборъ и нарвать въ саду Сушковыхъ *желездаго шитовника* по тѣмъ причинамъ что при домѣ Сушковыхъ никакого сада не было, а былъ пустырь безъ всякихъ кустовъ и дорожекъ, въ одномъ углу котораго стояла, кажется, баня, въ другомъ же, противоположномъ, разстилалось не то божье дерево, не то заглохшій

кусть смородины; да и шиловники, какого бы цвѣту они ни были, *цвѣтуть весной*, а не осенью.

М. Ю. Лермонтовъ не былъ нищій, а, сколько помнится, владѣлецъ 800 душъ. Ему нечего было смиренничать предъ дѣвушкой имѣвшею гораздо менѣе благосостоянія и бывшею нѣсколько старѣе его. Недовѣріе къ себѣ, конечно, составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ истинной любви, а самоуниженіе могло быть одною изъ разительнѣйшихъ чертъ характера Михаила Юрьевича. Въ такомъ случаѣ мнѣ понятна его милая застѣнчивость.

Перелистывая *Воспоминанія*,—прочешь ихъ отъ слова до слова, что называется à tête posée, мнѣ нѣтъ возможности претить душѣ,—я опять недоумѣваю, почему г-жа Хвостова не разъ бывала принуждена выходить замужъ не иначе какъ побѣгомъ, стариннымъ *уводомъ*? Ея тетюшка была женщина стариннаго покроя и необыкновенно счастливая въ супружествѣ. Доставить такое же счастье племянницамъ, пристроить ихъ при жизни—было ея мечтой, считалось ею благополучіемъ и довершеніемъ возложенныхъ на себя обязанностей. Погрѣшила она въ одномъ: рано вывезла племянницу въ свѣтъ, шестнадцати лѣтъ, и вслѣдъ за этимъ совершила другой проступокъ, который та никогда ей не простила. Въ этой винѣ исповѣдывалась мнѣ тетенька такъ:

„Разсуди ты меня! Вывезла я Катерину Александровну, бѣленькую, свѣженькую какъ цвѣтокъ, прекрасно одѣтую, прекрасно танцующую; она понравилась всѣмъ. Зачастилъ къ намъ двадцатилѣтній Н. Н., еще нигдѣ не служившій, почти ничего не имѣвшій. Я думаю: у меня дѣвочка влюбится, а тамъ мать разсердится, и приказала не принимать его. Слава Богу, онъ скоро опредѣлился и уѣхалъ изъ Петербурга. Такъ вотъ этимъ то по сю пору попрекаетъ она меня.“

Другимъ женамъ отказывать или ихъ отваживать Марья Васильевна не имѣла никакого повода, ибо ихъ не было. Если вымолвить всю правду, Марья Васильевна, напротивъ, дѣлала все совмѣстное съ ея честною и сдержанною природою чтобы хоть одинъ изъ обожателей, которыхъ Екатерина Александровна исчисляла ей по возвращеніи съ баловъ, выяснился и объяснился. Для этой цѣли, кромѣ двухъ-трехъ богатыхъ танцовальныхъ вечеровъ, которые Беклешовы обыкновенно давали

въ зиму, для обмѣна веселія и учтивостей получаемыхъ ими отъ знакомыхъ, сколько даромъ перебросали они денегъ на вечера, *коварно-устрояемые* ими для того чтобъ открыть благовидный доступъ въ домъ новому поклоннику, о которомъ толковала имъ побѣдительница.—Нѣтъ, побѣтъ съ ея стороны, даже съ самимъ молоденькимъ Лермонтовымъ, былъ бы излишнею роскошью, или лучше сказать, это фарсъ выкинутый изъ головы на бумагу. Ей и не съ кѣмъ, и не для чего было бѣжать: выдали бы руками и ногами.

ЕЛИСАВЕТА ЛАДЫЖЕНСКАЯ.

ИСТОЧНИКИ

ПОВАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ БОЛѢЗНЕЙ

САНИТАРНЫЙ ОЧЕРКЪ

(Посвящается *Евгенію Венцеславичу Пеликану.*)

I.

Въ ряду вопросовъ которыми у насъ стали интересоваться въ послѣднее время, нельзя не замѣтить и вопроса санитарнаго или вопроса о народномъ здоровіи. Прежде общество наше, какъ на трату капиталовъ или матеріальныхъ средствъ, такъ и на трату здоровья или своихъ силъ смотрѣло очень равнодушно. Но громъ грянулъ, и мужикъ перекрестился; появились разнаго рода эпидеміи, усилились эпидеміи, и стали учреждаться санитарныя комиссіи и санитарныя комитеты. Зло однако еще не уменьшилось: болѣзни чередуются одна за другою, тамъ ослабѣвая, тутъ усиливаясь, и вездѣ являясь самою животрепещущею новостью. Благо еще русская натура крѣпка, и число раждающихся въ Россіи велико, а то бы народонаселеніе наше лорѣдло *.

* По числу раждающихся ежегодно Россія занимаетъ первое мѣсто между европейскими государствами; Франція же въ этомъ отношеніи представляетъ другую крайность: въ ней родится дѣтей относительно вдвое менѣе чѣмъ въ Россіи. *Statistique internationale, publiée par Ad. Quetelet et Hav. Neuschling p. XXXIII.*

О смертности въ Россіи иностранные писатели имѣють сама неутѣшительныя для насъ понятія. Такъ, Буденъ * по силѣ смертности ставитъ Россію на первое мѣсто между европейскими государствами; она равняется по его мнѣнію 3,7% на 100 жителей. Правда, что извѣстнымъ статистическимъ изслѣдованіемъ академика Буяковскаго ** это мнѣніе опровергается; но не совсѣмъ однако. Люди, положимъ, у насъ и не мрутъ какъ мухи; но жизнь человѣческая все-таки цѣнится не высоко. Особенно поразительны въ этомъ отношеніи нѣкоторые отдѣльно взятые факты. Въ Смоленской губерніи, напримѣръ, по показаніямъ мѣстныхъ врачей, смертность превышаетъ даже 4⁰/₀; а въ Казани, по изслѣдованіямъ центрального статистическаго комитета, смертность заходитъ даже за 5⁰/₀, что замѣчается развѣ въ какомъ-нибудь Алжирѣ, да и то еще не между туземнымъ населеніемъ; или тоже въ англійскихъ войскахъ стоящихъ въ Мадрасѣ, въ Остѣ-Индіи, смертность точно-точно такая же, какъ въ нашей цивилизованной Казани, то-есть 5,2⁰/₀ на 100. Есть, наконецъ, у насъ много мѣстностей гдѣ граница смертности стоитъ въ уровень съ рождаемостію или переходитъ за нее, то-есть больше умираетъ, чѣмъ рождается. И не только населеніе нашихъ столицъ, но и многихъ губернскихъ городовъ и даже нѣкоторыхъ сель, литаются на счетъ приплагаго наплывнаго населенія. Такъ торговое село Лысково, Нижегородской губерніи, по движенію народонаселенія совершенно подходитъ подѣ норму столицъ:—за восьмилѣтній промежутокъ времени (1861—68) въ Лысковѣ замѣчался постоянный перевѣсъ числа умершихъ надъ родившимися. Въ селахъ Васильевскомъ и Ивановскомъ, близъ Твери, оказывается, по свѣдѣніямъ собранымъ на мѣствъ съ 1857 по 1866 годъ, также вмѣсто прибылей населенія убыль на 14 человѣкъ. Но и помимо этихъ числовыхъ фактовъ, одинъ простой взглядъ на окружающее заставляетъ невольно вѣрить что смерти у насъ не боятся, что жизнь намъ—копѣйка. Нигдѣ старость не переживаетъ такъ часто молодости; нигдѣ дѣти въ такомъ количествѣ не гибнуть. У другаго народится человѣкъ 12 или 18, а смотришь въ живыхъ остается только двое....

Гдѣ всему этому причина? Недостатокъ ли врачей или слабость общихъ санитарныхъ мѣръ условливаетъ такое мимо-

* *Руководство къ медицинской географіи и статистикѣ Буденъ* Томъ II, стр. 72—74.

** *Опытъ о законахъ смертности въ Россіи В. Я. Буяковскаго.*

летное течение жизни? Кажется что болѣе послѣднее. Борьба съ недугами по одиночкѣ, въ раздробь—у насъ еще производится кое-какъ, особенно въ городахъ. Но въ деревняхъ, гдѣ практикуютъ только знахари да лѣкарки, едва ли скоро будетъ можно пополнить хоть сколько-нибудь удовлетворительно столь ощутимый недостатокъ врачей. Извѣстный своими санитарными изслѣдованіями г. Архангельскій вычисляетъ что въ Россіи одинъ врачъ приходится на 8.000 жителей и 18.000 кв. версть. И это еще среднимъ числомъ; въ дѣйствительности же отношеніе числа врачей къ числу жителей въ большинствѣ мѣстностей гораздо хуже.

Недостатокъ во врачахъ неполный. Ясно что мы должны озаботиться о томъ какъ бы поменьше заболѣвать. И если общество наше, сплотившееся теперь въ земскія собранія, разумно дѣлаетъ, приглашая повсюду научно-образованныхъ медиковъ, то еще разумнѣе, еще практичнѣе поступило бы оно, еслибъ озаботилось побольше о предохранительныхъ противу заболѣванія мѣрахъ; тѣмъ болѣе что мужику нашему не только болѣть некогда, но и лѣчиться не на что. Самое главное отталкивающее средство отъ рациональнаго лѣченія заключается для простаго народа не въ учености докторовъ—ученый и знахарь для него одно и то же—а въ дороговизнѣ лѣкарствъ, которыя вовсе не по карману простолыдину.

II.

Совсѣмъ избавить человѣка отъ заболѣванія конечно нельзя. Но предотвратить сильное повальное распространение болѣзни возможно; въ большинствѣ случаевъ это сдѣлать по крайней мѣрѣ легче, чѣмъ бороться съ болѣзнію, когда она уже зародилась, выросла и начала свирѣпствовать. Для этого только нужно побольше обратить вниманія на источники происхожденія болѣзней и стараться ихъ уничтожить. Если эти источники или гнѣзда болѣзней разрастаются и множатся, то это зависитъ большею частію не отъ сущности болѣзней, а отъ нашей олошности и нашего стремленія видѣть въ происхожденіи ихъ какія-то таинственныя причины. Болѣзнь не мѣзъ, не духъ, не Архей, какъ называли ее въ средніе вѣка; болѣзнь есть продуктъ жизни, нѣчто реальное, почти осязаемое. Подобно растенію или животному, болѣзнь вырастаетъ не изъ ничего, а изъ

почвы, климата и бытовыхъ условій. Опредѣленіе же этихъ трехъ агентовъ, столь могущественно вліяющихъ на человѣческое здоровье, лежитъ далеко не въ предѣлахъ врачебнаго изслѣдованія; поэтому люди, заинтересованные этимъ дѣломъ, люди пови-мающіе что продолженіе всякой человѣческой жизни, хоть бы да-же на одинъ годъ, есть ничѣмъ не оцѣнимая драгоценность, должны всѣ болѣе или менѣе принять участіе въ этомъ возстаніи противъ недуговъ, сокращающихъ срокъ нашего существованія и тѣмъ уменьшающихъ самую производительную дѣятельность. Вопросы санитарные суть поэтому вопросы чисто общественные и даже государственные, а не вопросы отдѣльной специальности. Если странно было бы со стороны публики, не врачей, совѣт-ся въ разные методы лѣченія, то съ другой стороны, совѣтъ не разумно и оставлять исключительно въ рукахъ практикантовъ мѣры предотвращающія заболѣваніе. Въ этомъ дѣлѣ ну-женъ совѣтъ не только врача-практика, но еще болѣе врача-теоретика, ученаго, врача-физиолога, зоолога и ботаника. Уча-стіе людей знающихъ топографію, климатологию и этно-графію какой-либо мѣстности тоже необходимо. Военное министерство, озаботившееся въ послѣдніе годы составле-ніемъ санитарныхъ или медико-топографическихъ описаній тѣхъ мѣстностей гдѣ расположены или могутъ быть рас-положены войска, совершенно разумно поэтому дѣлаетъ, при-влекая къ этимъ работамъ кромѣ врачей и людей занимавшихъ специально статистическими и топографическими рабо-тами, офицеровъ генеральнаго штаба и пр. Существенныхъ результатовъ оно до сихъ поръ однако не достигло. Всѣ по-явившіяся въ этомъ родѣ работы были болѣею частію складочнымъ матеріаломъ извѣстій и фактовъ, либо официаль-ными, такъ-сказать, донесеніями.

Такъ *Опытъ медико-топографическаго описанія Харьков-скаго военнаго округа*, составленный докторомъ Столяровымъ, имѣетъ скорѣе административный, чѣмъ ученый характеръ. Военный округъ тамъ принятъ за географическій терминъ; и о-немъ говорится вездѣ въ совокупности, такъ что еслибы военно-окружная система когда-нибудь была измѣнена или отмѣнена, то и понять было бы трудно это сочиненіе. Далѣе, авторъ, слыш-комъ довѣряя собраннымъ отъ разныхъ вѣдомствъ цифрамъ, приходитъ къ убѣжденію будто бы смертность въ войскахъ округа столь незначительна что даже менѣе чѣмъ смертность

въ мужскомъ народонаселеніи тѣхъ же возрастовъ. * Военная служба въ означенномъ округѣ способствуетъ такимъ образомъ продолженію человѣческой жизни. Это было бы, конечно, желательнo; но въ этомъ позволительно усомниться. Известно,—привожу слова г. Овручева въ статьѣ „Изнанка Крымской войны“— что „какъ бы ни были хороши условія жизни солдатъ, до сихъ поръ еще ни одному государству не удалось уравнивать ихъ съ условіями жизни остальнаго населенія, и обыкновенно смертность въ войскахъ даже въ мирное время превосходить смертность въ населеніи“. (*Военный Сборникъ* июнь. 1858.) Но главная, по нашему мнѣнію, ошибка г. Столярова въ томъ что онъ, изображая графически распространение главнѣйшихъ болѣзней по округу, опредѣляетъ вездѣ предѣлы этого распространения границами уѣздовъ и губерній, т.-е. чисто административнымъ порядкомъ. Такъ перемежающаяся лихорадка у него оказывается господствующею въ Черниговской, Харьковской и Воронежской губерніяхъ, тифъ въ Орловской, чахотка въ Черниговской, и такъ далѣе. Но такого рода указанія, помимо того что ничего не доказываютъ и не объясняютъ, вредны уже тѣмъ что многихъ, пожалуй, заставляютъ думать что болѣзни въ своемъ происхожденіи и распространеніи не имѣютъ ничего законообразнаго, и что въ этомъ отношеніи зависитъ все отъ случая, не поддающагося человѣческому предвидѣнію. Но къ счастью это не такъ.

У болѣзней, особенно повальныхъ, есть, во первыхъ, и свои фокусы и свои пути распространения. Фокусы эти или *гнзда болѣзней* суть большіе и тѣсно построенные города, гдѣ искусственная жизнь имѣетъ слишкомъ большой перевѣсъ надъ естественнымъ состояніемъ челоѣка и гдѣ болѣе всего распространена общественная нечистоплотность и невѣжественное пренебреженіе здравыхъ требованій гигиены. Пути же распространения заразительныхъ болѣзней—это большія дороги и рѣки, а также и вѣтры; послѣдніе собственно и придаютъ болѣзнямъ нѣкоторую произвольность, вслѣдствіе чего и становится иногда непонятнымъ какимъ образомъ, какимъ путемъ зараза иногда перескакиваетъ съ одного мѣста на другое. Что же касается до дорогъ и рѣкъ, то онѣ до такой степени рельефно выступаютъ въ качествѣ постоянныхъ проводниковъ болѣзней что

* *Опытъ медицинской географіи и статистики Харьковскаго военнаго округа, съ 4мя санитарными картами, стр. 158.*

при сличеніи частныхъ медико-топографическихъ работъ, дорогами и рѣками, такъ-сказать, связываются мѣста наибольшаго сгущенія болѣзней, и болѣзни эти ложатся какъ бы сѣтью по Россіи.

При этомъ можно замѣтить что холера распространяется преимущественно по бассейнамъ рѣкъ, но идетъ также и по другимъ путямъ сообщенія; а тифъ брюшной по большимъ дорогамъ съ многолюднымъ передвиженіемъ; тифъ сыпной, иначе называемый голоднымъ, идетъ болѣе проселочными дорогами, по земледѣльческимъ мѣстностямъ страдающимъ отъ неурожаевъ, бѣдности и тѣсноты помѣщенія: онъ распространяется такимъ образомъ полосами, смѣшиваясь съ другими формами. Сифилисъ, эта если не истребляющая, то истощающая населеніе болѣзнь, расходится уже въ народѣ группами, будучи заносимъ въ семьи рабочими возвращающимися домой съ фабрикъ, заводовъ, пристаней, ярмарокъ и пр. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть цѣлыя селенія гдѣ не остается ни одного семейства не зараженнымъ. На такія зачумленныя въ Россіи мѣста мы надѣмся въ послѣдствіи сдѣлать указанія. Перемежающаяся лихорадка, со всеми ея послѣдствіями—водянкой, анеміей и общимъ истощеніемъ, уже гораздо болѣе привязана къ мѣсту и не заносится отвѣтъ. Полосы ея наибольшаго распространенія тянутся, вопервыхъ, вдоль лѣвыхъ низменныхъ береговъ Волги, Оки, Днѣпра и другихъ большихъ рѣкъ, покрытыхъ на большомъ пространствѣ болотами; далѣе, она идетъ тоже вдоль мелкихъ болотистыхъ рѣчекъ въ болѣе осушенныхъ губерніяхъ Юга, расходясь съ обѣихъ береговъ. Сюда относятся, на примѣръ, рѣки Ула, Воронежъ, и другія. Въ менѣе же чистыхъ формахъ лихорадка сильно распространена въ тѣхъ болотистыхъ мѣстностяхъ которыя лежатъ на террасахъ Алаунской плоской возвышенности, наиболѣе подвергающихся вѣтрамъ. Вліяніе болотъ смѣшивается тутъ съ вліяніемъ вѣтровъ, и потому является расположеніе къ неясно выраженнымъ или послабляющимъ лихорадкамъ. Вліяніе лихорадочныхъ или болотныхъ миазмовъ на высоко лежащихъ пространствахъ ослабляется такимъ образомъ на мѣстѣ, но за то оно иногда разносится силой вѣтра далеко за предѣлы болотъ. Этимъ по крайней мѣрѣ только и можно объяснить почему перемежающаяся лихорадка, причина которой заключается въ болотныхъ миазмахъ или въ спорахъ болотныхъ растений, появляется иногда тамъ гдѣ нѣтъ ни бо-

лотъ и никакихъ водорослей. Помѣстное эндемическое распространение лихорадокъ дѣлается впрочемъ и эндемическимъ или повальнымъ въ сырые и влажные года, способствующие большимъ разливамъ рѣкъ и медленному высыханію луговъ и топей; тогда обыкновенно къ весеннимъ и осеннимъ лихорадкамъ присоединяются еще и лѣтнія, и районъ распространения этой болъзни увеличивается. Таковъ былъ напримѣръ 1869 годъ. 1870 же годъ можно назвать годомъ холернымъ; предшествующій же 1869 году рядъ годовъ былъ періодомъ тифа и возвратной горячки. Что-то сулитъ намъ нынѣшній?

Во всякомъ случаѣ почти каждый годъ имѣеть у насъ свой *genius epidemicus*, каждый годъ даритъ насъ судьба какою-нибудь страшною новостью. Зависимость эпидемій отъ чисто мѣстныхъ причинъ чрезъ это однако не прекращается; происходитъ только колебаніе или перевѣсъ одного изъ помѣстныхъ источниковъ болъзни надъ другими. Въ одномъ году дастъ напримѣръ намъ лихорадку какаю-нибудь Владимірская губернія, и лихорадка, смотришь, появится тамъ гдѣ ее прежде не бывало. Въ другомъ году Петербургъ подаритъ вдругъ возвратною горячкою, и горячка разовьется ни съ того ни съ сего въ какомъ-нибудь Заганрогѣ, Ельцѣ или Тамбовѣ и распространяется потомъ вокругъ. Во всѣхъ случаяхъ однако эпидеміи, распользаясь по Россіи, выбираютъ всегда наивыгоднѣйшія, наиболѣ людныя мѣста для своего осажденія и тамъ только производятъ сильное опустошеніе. Эти-то пункты осажденія повальныхъ болъзней и должны быть тщательнѣ опредѣлены врачами-гигиенистами, съ цѣлью принятія общихъ санитарныхъ мѣръ.

Играютъ также немаловажную роль въ порядкѣ происхожденія и распространения болъзней и чисто климатическія вліянія. Такъ параллельно *болотисто-низиннымъ* полосамъ вдоль лѣвыхъ береговъ большихъ рѣкъ, гдѣ происходитъ наибольшій застои мiasmовъ, тянутся почти вездѣ полосы *нагорно-береговья*, гдѣ вслѣдствіе болѣе частыхъ колебаній термометра и барометра и болѣе сильныхъ вѣтровъ является большая наклонность къ остро-простуднымъ болъзнямъ—воспаленію легкихъ, катаррамъ, ревматизмамъ, глазнымъ болъзнямъ, которыя при извѣстномъ климатическомъ настроеніи принимаютъ часто эндемическій характеръ. Въ нашемъ холодномъ климатѣ высота

положенія мѣстности играетъ вообще большую роль по отношенію къ простудѣ. Между тѣмъ какъ въ южныхъ климатахъ вѣтры дующіе на горахъ только освѣжаютъ воздухъ, у насъ вѣтеръ зимой, даже и при небольшомъ возвышеніи мѣстности, вредитъ своею сухостію и холодомъ. Поэтому гдѣ не замѣчается сейчасъ указаннаго нами параллелизма нагорно-береговыхъ и болотисто-низменныхъ мѣстностей, слѣдуетъ обращать вниманіе, для опредѣленія медико-топографическаго положенія города или деревни, на то какъ лежатъ эти пункты заселенія—высоко или низко. Если городъ взобрался высоко, то-есть если онъ на горѣ и притомъ ближе къ сѣверу, то навѣрное можно сказать что здѣсь болѣе всего нужно остерегаться простудныхъ и воспалительныхъ болѣзней; если же городъ лежитъ очень низко, на болотистомъ или черноземномъ грунтѣ и притомъ ближе къ югу, то тоже почти навѣрное можно опредѣлить что тутъ слѣдуетъ бояться мѣзмовъ. Примѣромъ перваго положенія можетъ служить Нижній-Новгородъ, примѣромъ послѣдняго Тамбовъ, столь прославившійся своими лихорадка-ми и холерами. Здоровѣйшими городами и деревнями должны у насъ считаться тѣ которые, что-называется, не торчатъ на юру, но также и не уходятъ въ низменныя и углубленныя пространства, которыя рѣдко бываютъ сухи. Легкая холмистость, близь растущій лѣсъ и чистая рѣка или ручей—вотъ идеаль вполнѣ здороваго поселенія. Но у насъ на это мало обращаютъ вниманія; селятся большею частію гдѣ ни попало, даже на болотѣ, какъ на примѣръ въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи, гдѣ къ инымъ деревнямъ нѣтъ лѣтомъ даже и проѣзду.

Опредѣленіе мѣсть гдѣ наиболѣе заболѣваютъ чахоткой тоже въ извѣстной степени возможно какъ изъ опыта, такъ изъ теоретическихъ выводовъ. Чахотка въ хронической своей формѣ есть большею частію послѣдствіе золотухи и сифилиса, * и передается въ этой формѣ даже наслѣдственно, особенно тамъ гдѣ образъ жизни не соответствуетъ слабости, истощенности организмъ. Въ острой же, скоротечной формѣ чахотка есть болѣзнь примыкающая къ воспалительнымъ простуднымъ болѣзнямъ и потому часто господствуетъ въ нашемъ климатѣ въ высоко построенныхъ городахъ, обдуваемыхъ холодными вѣ-

* См. изслѣдованіе г. Крылова. *Военно-Медицинскій Журналъ* 1870 года.

трами. Въ городахъ расположенныхъ на скатѣ высокой горы у подножія которой рѣка и болота, чахотка даже совмѣщается съ перемежающеюся лихорадкой; такъ извѣстно намъ что въ казармахъ расположенныхъ въ возвышенныхъ частяхъ Нижняго-Новгорода слабые субъекты и особенно рекруты поражаются болѣе чахоткой и вообще грудными болѣзнями, а въ помѣщеніи солдатъ у береговъ Волги господствуетъ перемежающаяся лихорадка. То же замѣчено между прочимъ врачами на Кавказѣ: во всякой сколько-нибудь низкой мѣстности тамъ свирѣлствуетъ перемежающаяся лихорадка, и рядомъ же съ этимъ на высотахъ господствуютъ грудныя страданія. *

Такъ вездѣ тѣсна связь между топографическими, климатическими и бытовыми особенностями страны и ея болѣзнями и такъ необходимо повсемѣстное изученіе этихъ особенностей въ санитарномъ отношеніи. Производительныя силы Россіи или естественныя богатства ея у насъ болѣе или менѣе опредѣлены; но здоровыя и нездоровыя мѣстности, отчего также зависитъ производительность, еще совершенно не извѣданы. А это крайне необходимо: нѣкоторыя мѣстности, нездоровыя въ одномъ отношеніи, бывають здоровы въ другомъ; иногда переселеніе изъ одной мѣстности въ другую для нѣкоторыхъ условливаетъ выздоровленіе, а иногда и наоборотъ, отъ переселенія слѣдуетъ смерть. Еслибъ были всѣмъ извѣстны тѣ плачевныя результаты которые происходятъ отъ перенесенія слабогрудыхъ рекрутъ западнаго края и Царства Польскаго на дальній Востокъ, и великорослыхъ и узкогрудыхъ уроженцевъ южныхъ губерній на дальній Сѣверъ, то тогда бы конечно удержались отъ этихъ пріемовъ. Но у насъ всѣ эти поучительныя факты хранятся въ отчетахъ, а отчетовъ никто не читаетъ, и потому все и идетъ прежнимъ порядкомъ. Санитарная карта, хотя бы и не полно и не безъ пробѣловъ на первый разъ составленная, все бы вывела на Божій свѣтъ, лишь бы были въ ней только обозначены пути и наиболѣе любимыя гнѣзда болѣзней; далѣе, города расположенные высоко и вслѣдствіе того подвергающіеся сильному вліянію вѣтровъ, города построенныя на низкой болотистой мѣстности и наконецъ тѣ пункты заселенія которые особенно страдаютъ отъ засоренія рѣкъ и нарушенія

* См. Отчетъ главнаго военно-медицинскаго управленія напечатанный во всеподданнѣйшемъ отчетѣ военнаго министра 1868 — 69 года.

всѣхъ правилъ здоровой гигиены. Означить бы также не мѣшало, хотя бы крестами, тѣ пункты гдѣ смертность у насъ превосходитъ рождаемость. Такихъ крестовъ пришлось бы много поставить на картѣ, но за то современемъ и снять бы ихъ.

Одно изъ самыхъ неутѣшительныхъ явленій современной цивилизаціи, особенно нашей, русской, есть конечно то что люди, стремясь впередъ, не обращаютъ вниманія на то что остается позади ихъ: строятъ великолѣпные города и окружаютъ ихъ дурно поставленными бойнями и кладбищами; дѣлаютъ высокаго достоинства мануфактурныя произведенія и этою работою сокращаютъ жизнь тысячи людей; льютъ наконецъ воду, и эту же воду засариваютъ, бросая въ нее нечистоты и истощаютъ, вырубая лѣса. Что все это готовить въ будущемъ—неизвѣстно. Будущему во всякомъ случаѣ придется разчитываться, и очищать и исправлять то что теперь загрязнено и напорчено. Не Мальтусова закона, по которому выходитъ что людямъ современемъ нечего будетъ ѣсть, мы должны бояться, а общественнаго, огульнаго неряшества, вслѣдствіе котораго выйдетъ пожалуй что мы не будемъ имѣть ни глотка чистаго воздуха и ни стакана чистой воды.

Въ нѣкоторыхъ городахъ чувствуется уже и теперь большой недостатокъ въ хорошемъ воздухѣ и водѣ. Деревенскіе жители въ отношеніи воздуха еще обезпечены до нѣкоторой степени; но это только лѣтомъ; зимой же крестьянамъ нашимъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія и неизбѣжной во многихъ мѣстахъ необходимости держать въ избахъ скотъ, конечно тяжелѣе дышется чѣмъ горожанамъ. Въ отношеніи же воды жители деревень положительно болѣе терпятъ недостатка чѣмъ жители городовъ. Такъ многія изъ нашихъ рѣчекъ, отъ засоренія русла и вырубки лѣсовъ, до того обмелѣли что крестьяне даже зимой дома съ трудомъ добываютъ изъ нихъ воду: вода вслѣдствіе мелкоты рѣкъ промерзаетъ почти до самаго дна. Лѣтомъ же, въ жары, такія рѣки почти совсѣмъ пересыхаютъ. На югѣ Россіи такія рѣки называютъ обыкновенно сухими рѣками. Нечистота и неопрятность, происходящая отъ такого недостатка воды, такъ иногда бываетъ велики что чашотка и другія накожныя болѣзни почти не переводятся въ населеніи; это наблюдается напримѣръ въ Усманскомъ уѣздѣ, гдѣ еще кромѣ того сильно распространенъ сифилисъ, поддерживаемый тѣмъ же неряшествомъ. А какъ страдаютъ желудки деревенскихъ жителей отъ употребленія какой ни пошло воды,

колодезной, прудовой, и даже болотной, при неимѣннй хорошей проточной! Сколько образуется въ ихъ организмахъ мочевыхъ камней и другихъ худосочныхъ болѣзней, происходящихъ единственно отъ того что рѣка, колодезь или прудъ всѣми считаются за вмѣстилища куда можно бросать все что бросается въ ломойныя ямы. Удивительно ли что народъ нашъ остерегается лить воду и пить больше квасъ; и хорошо дѣлаетъ, скажемъ мы: квасъ, волевыхъ, маскируетъ дурной вкусъ воды, а будучи переваренъ и профильтрованъ сквозь слой соломы, какъ это обыкновенно дѣлается, избавляетъ крестьянскій желудокъ отъ множества вредныхъ примѣсей. Словомъ, квасъ есть напитокъ здоровый, но чрезвычайно характеризующій порчу и засоренность нашихъ водъ. За границей пить квасъ меньше необходимости.

Попробуемъ же теперь пересмотрѣть тѣ пути и способы посредствомъ которыхъ производится загрязненіе нашихъ водъ, а иногда и обращеніе ихъ въ настояція болота и отравленіе чрезъ то самаго воздуха.

III.

Первая причина порчи нашихъ водъ и воздуха есть вырубка лѣсовъ. Лѣсъ, гдѣ его много, кромѣ освѣжительнаго, озонирующаго вліянія на окружающія мѣстности, имѣетъ еще то полезное дѣйствіе въ гигиеническомъ отношеніи что защищаетъ эти мѣстности отъ вреднаго иногда вліянія вѣтровъ. Если вѣтеръ слишкомъ сухой или переполненный мiasмами дуетъ не выше деревьевъ, то ими положительно защищается мѣстность со стороны гдѣ тянется лѣсъ; кромѣ того лѣсъ защищаетъ почву отъ сильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей и поддѣрживаеъ въ ней влажность; эту же влажность распространяють деревья и въ воздухъ, чрезъ испареніе воды обширною поверхностью листьевъ. Воду же распространяемую ими въ воздухъ деревья добываютъ изъ подземныхъ, почвенныхъ водохранилищъ, которыми питаются колодцы и пруды. Можно поэтому сказать что столько лѣсъ нуждается въ дождѣ, сколько же и дождь въ лѣсѣ, ибо дождь скопляется изъ атмосферной влаги, значительно пополняемой на счетъ подпочвенной воды, благодаря лѣснымъ испареніямъ. Вода эта послѣ падаетъ въ рѣки и поля, и тѣмъ поддерживаетъ какъ орошеніе страны рѣками, такъ и оплодотвореніе хлѣбныхъ, не глубоко проникающихъ въ почву

растений. Если вырубить лѣсъ, растущій на непроницаемой для воды подпочвѣ (для корней деревьевъ она всегда проницаема), то вода дождевая, не испаряясь болѣе черезъ древесные листья и не проникая глубоко въ землю, служитъ источникомъ образованія болотъ. Такъ именно случилось, по показанію Будена, во Франціи, въ Солоньѣ, Бреннѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе большихъ вырубокъ лѣса, мѣстность мало-по-малу сдѣлалась болотистою. Въ прежнее время Бренна была покрыта лѣсами, между которыми тянулись тучные дуга и богатыя ластбища, орошаемые ручьями; теперь же это, какъ сообщаетъ Буденъ, болотистая нездоровая мѣстность. Итакъ, можно сказать почти утвердительно что, если истребленіе лѣсовъ способствуетъ истощенію рѣкъ и ручьевъ, то, съ другой стороны, оно также поддерживаетъ при извѣстныхъ условіяхъ и образованіе болотъ и порчу, несвѣжесть воздуха.

Не распространяемся уже о томъ насколько истребленіе лѣсной растительности нарушаетъ правильное распредѣленіе электрическаго напряженія въ краѣ: истребленіе это почти равносильно уничтоженію такого же количества громоотводовъ, сколько было срублено деревьевъ; градъ, по свидѣтельству Араго, нигдѣ такъ не истребляетъ посѣвовъ какъ въ мѣстностяхъ гдѣ лѣса вырублены. * Но самое, повторяемъ, главное слѣдствіе обнаженія страны отъ лѣсовъ заключается въ оскуднѣніи рѣкъ. Отъ вырубки лѣсовъ, все болѣе возрастающей, произошло, какъ доказываютъ многіе, даже обмелѣніе такихъ рѣкъ какъ Волга и Днѣпръ.

Рѣка же, чѣмъ болѣе высыхаетъ, мелѣетъ, тѣмъ болѣе теряетъ не только въ отношеніи своей производительной пользы, судходства и пр., но и какъ проводникъ здоровья и чистоты. Въ меньшей массѣ воды всякая вредная примѣсь, выбрасываемая или попадающая случайно, дѣлается чувствительнѣе и для живыхъ организмовъ. Поэтому же обмелѣніе рѣки и сопровождается всегда уменьшеніемъ количества рыбы: рыба не любитъ дурной воды, какъ и человѣкъ. Наконецъ и помимо того вліянія какое оказываетъ истребленіе лѣсной растительности на истощеніе водъ и порчу воздуха, вредъ отъ вырубки лѣсовъ неизгладимъ уже въ томъ отношеніи что вырубка обыкновенно лишаетъ населеніе главнаго матеріала для постройки и принуждаетъ крестьянъ жить въ тѣсныхъ избахъ и даже содержать

* *Annuaire du Bureau des longitudes pour 1846, p. 594.*

въ нихъ животныхъ. Порча воздуха отсюда происходящая бываетъ такъ велика что курныя избы, съ ихъ дымомъ и отвореніемъ настежь дверей, являются почти необходимою въ санитарномъ отношеніи. Черезъ этотъ способъ отолки, положимъ, увеличиваются случаи простуды, но за то ослабляется вредное дѣйствіе міазмовъ образовавшихся въ избѣ. И къ тому же курныя избы суше и даже теплѣе, чѣмъ такъ-называемыя бѣлыя избы: устройство печей въ бѣлыхъ избахъ приспособляется скорѣе къ печенію хлѣба, чѣмъ къ осушенію и согрѣванію. Мы не защищаемъ черныхъ или курныхъ избъ, но скажемъ что онѣ у насъ не выведутся до тѣхъ поръ пока не будетъ оставленъ обычай держать скотъ въ избахъ. Замѣчательно что въ Вологодской и другихъ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ лѣсу много и избы высоки и просторны, народъ вообще свѣжъ, здоровъ и не страдаетъ такъ міазматическими болѣзнями, какъ обитатели тѣсныхъ жилищъ безлѣсныхъ губерній Россіи. Холодъ вообще не вреденъ, если человѣкъ одѣтъ и согрѣтъ. Въ нашихъ большихъ городахъ положительно нельзя было бы жить, еслибы зима не задерживала гніенія нечистотъ.

IV.

Другая, не менѣе важная причина порчи нашихъ водъ, такъ что онѣ становятся необитаемы даже для рыбъ—это *мельничныя запруды*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ занимаются камнетесничествомъ, плотины для водяныхъ мельницъ дѣлаются изъ камня, и тогда онѣ не приносятъ большаго вреда, хотя и задерживаютъ все-таки токъ воды. Но такихъ мѣстностей въ Россіи не много. Обыкновенно плотины дѣлаются изъ соломы и еще чаще изъ навоза съ примѣсю хвороста. Весной все это размывается и разносится по рѣкѣ; по спаденію водъ опять наваливаются новыя горы навоза, которыя снова разносятся и гниютъ, и такъ далѣе, въ продолженіи многихъ лѣтъ, пока рѣка окончательно не засорится и не загниетъ. Такимъ-то образомъ у насъ производится загрязненіе множества чистыхъ рѣкъ. Нѣкоторыя при этомъ даже изъ судоходныхъ обращаются въ никуда негодыя. Такъ по рѣкѣ Улѣ лѣтъ 30 тому назадъ ходили изъ Одоева въ Калугу барки, подымавшія до 500 кулей. Но мѣстнымъ жителямъ угодно было

перегородить рѣку кольями, залетенными навозомъ, и соорудить, не извѣстно на основаніи какихъ правъ, стѣну—и рѣка стала. Теперь она уже перепружена, настолько сдержана въ своемъ теченіи, что когда спускаютъ главную плотину Тульскаго оружейнаго завода, то дѣйствіе ея отзывается версты на 100 по теченію *. Часто также засоряются и даже совсѣмъ отдѣляются въ видѣ болотъ и озеръ рукава рѣкъ, если онѣ бывають слишкомъ сдерживаемы плотинами въ своемъ теченіи. Дно рѣкъ отъ подающаго на нихъ навоза тоже возвышается съ теченіемъ времени. Словомъ, мы не знаемъ такого геологическаго процесса который бы такъ способствовалъ засоренію рѣкъ, какъ наши мельничныя запруды. Плотины эти рѣшительно обращаютъ рѣки въ стоячія болота и даже придаютъ ихъ водѣ чисто болотныя свойства, способствуя размноженію водорослей, споры которыхъ, распространяясь въ вечернемъ туманѣ, производятъ перемежающуюся лихорадку. Окрестности Тулы никоимъ образомъ не могутъ быть названы болотистыми; но такъ какъ Тула, благодаря постоянному застою въ рѣкѣ, дурному содержанію Перекопнаго канала и засоренію, загрязненію ручьевъ Подьяческой и Солдатской слободъ, оказывается какъ бы посаженною въ болото, то въ ней и свирѣпствуетъ перемежающаяся лихорадка. Чистую, хорошую воду привозятъ въ городъ изъ окрестностей; бѣднѣйшее же населеніе, то-есть большинство жителей принуждено довольствоваться водою р. Улы, которая мутна, зеленовата, съ непріятнымъ запахомъ и вкусомъ и въ локоѣ быстро загниваетъ.

Богатое и торговое село Лысково, Нижегородской губерніи, тоже представляетъ довольно любопытный примѣръ того какъ проточная вода можетъ получить, благодаря непредусмотрительности, всѣ свойства болотной. Село Лысково, лежащее въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега Волги, пересѣкается двумя рѣчками. Рѣчки эти, хоть и малы, могли бы однако доставить отличнѣйшую воду. Но на нихъ построено болѣе десяти мельницъ съ запрудами: вода изъ проточной обращается въ стоячую; кромѣ того, просачиваясь сквозь навозъ плотинъ, размываемыхъ весной, она до того переполняется органическими примѣсями, что дѣлается совершенно негодною къ употребленію. Но ее все-таки по необходимости

* Военно-статистическое обозрѣніе, издаваемое департаментомъ генеральнаго штаба. Тульская губернія. Стр. 15—17.

пьютъ, а что главнѣе, еще дышутъ миазмами, исходящими изъ нее. Вслѣдствіе этого живущіе около мельницъ рабочіе страдаютъ отъ лихорадки преимущественно предъ всѣми другими жителями села.

Но это бы еще было полбѣды, еслибы вліяніе этихъ искусственно производимыхъ болотъ ограничивалось только распространеніемъ въ воздухѣ болотныхъ споръ или лихорадочныхъ миазмовъ; къ несчастію, зло отсюда происходящее не ограничивается этимъ: обыкновенно вслѣдствіе дурно содержимыхъ рѣчекъ и сильно загнивающихъ прудовъ (прудовъ въ особенности) развивается не лихорадка только, но и тифъ. Петенкоферъ и Буль доказывали что между перемежающеюся лихорадкой и тифомъ существуетъ своего рода противовѣсъ, такъ что, напримѣръ, при повышеніи подпочвенной воды, то-есть воды прудовъ и колодезей, въ случаѣ усиленныхъ дождей и разливовъ рѣкъ, развивается преимущественно лихорадка, а при пониженіи подпочвенной воды—тифъ. Если эта теорія вѣрна, то годы засухи или годы голодные, и помимо недостатка пищи, должны располагать къ тифознымъ эпидеміямъ, особенно тамъ гдѣ населеніе принуждено довольствоваться водой изъ запруженныхъ рѣчекъ и дурно содержимыхъ прудовъ и колодезей. Колодези же извѣстно какъ у насъ содержатся. Что же касается до прудовъ, то въ нихъ бросается въ деревняхъ не только всякая нечисть, но и купается здоровая и больная скотана цѣлыми гуртами: понятенъ вредъ отсюда происходящій. Нѣкоторые практическія наблюденія намъ сообщенныя дѣйствительно показываютъ что тифъ, сверхъ другихъ условій и причинъ, чрезвычайно легко развивается въ селеніяхъ расположенныхъ у прудовъ. Вообще купанье скота въ чистыхъ водахъ должно производиться съ большою осторожностію, если только въ нихъ хочетъ купаться человѣкъ.

Даже законъ къ засоренію рѣкъ относится не особенно строго. За бросаніе въ рѣку камней, песку и другихъ веществъ считаемихъ безвредными и за засореніе колодезей виновные подвергаются взысканію не свыше одного рубля. За сваливаніе мусора, нечистотъ и ладаи виновный подвергается взысканію не свыше трехъ рублей съ каждаго воза и съ каждой скотины. Не говоря уже о томъ какъ трудно услѣдить за размѣромъ сваливаемыхъ не въ показанное мѣсто возовъ, а потому и соразмѣрно винѣ взыскать, мы спросимъ только почему же это рѣчки, когда онѣ бываютъ покрыты льдомъ, считаются

мѣстами показанными для сваливанія навоза. Развѣ все то что бросается въ продолженіи полугода на ледяной покровъ рѣки не идетъ въ нее потомъ весной? Сильная муть и порча воды весной именно и зависятъ не отъ одного только волненія производимаго разливами, но и отъ этихъ скоповъ всякихъ нечистотъ выбрасываемыхъ на рѣку зимой. Далѣе, въ законѣ сказано что за проведеніе подземныхъ трубъ отъ помойныхъ ямъ, фабрикъ, заводовъ и отхожихъ мѣстъ въ городскія трубы, виновные подвергаются взысканію не свыше 100 рублей; за проведеніе же такихъ трубъ прямо въ рѣку взысканіе удваивается. Еслибъ эготъ и всѣ предыдущіе законы исполнялись какъ слѣдуетъ, то какимъ же бы образомъ рѣка Яуза, на которой въ Москвѣ построено множество фабрикъ, могла обратиться въ настоящую клоаку нечистотъ, прогоняемыхъ ею въ главную рѣку города? Воду Яузы не только нельзя лить, но въ ней невозможно даже и купаться—такъ она грязна. А между тѣмъ истокъ ея очень чистъ. Яуза выходитъ изъ того же почти мѣста гдѣ находятся извѣстные Мытищенскіе колодцы, снабжающіе Москву лучшею водою. Самое то обстоятельство что на Яузѣ построено много красильнъ говоритъ въ пользу доброкачественности ея воды: красильщики для своего производства выбираютъ всегда мягкія воды. Услѣшность окрашиванія тонкихъ тканей зависить въ значительной степени отъ свойства мѣстныхъ водъ. Но человѣческому здоровью отъ того не легче. Выпусканіе красильныхъ и всякихъ другихъ химическихъ веществъ должно быть строжайше преслѣдуемо. Даже полосканье тканей подвергающихся окрашиванію не должно быть допускаемо въ рѣкѣ: оно можетъ производиться въ чанахъ и большихъ корытахъ; и притомъ вода изъ чановъ никоимъ образомъ не должна сливаться въ рѣки: отъ такихъ варварскихъ пріемовъ наблюдались даже случаи отравленія. * Не долженъ также забывать каждый фабрикантъ, каждый богатый промышленникъ, строящій фабрику при рѣкѣ что вредъ отъ его фабрики происходящій не ограничивается только окрестностями этой рѣки: малыя рѣки владаютъ въ большія.

Довольно любопытный примѣръ представляетъ богатый уѣздный городъ Серпуховъ. Вода въ рѣкѣ Серпѣйкѣ, тамъ протекающей, мѣняется даже въ своемъ цвѣтѣ: дѣлается то красною,

* Архивъ Судебной Медицины 1869 года, № 4.

то зеленою, то синею, смотря потому что готовится на фабрикахъ. Разказываютъ также что трубы несущія всякія нечистоты проведены тамъ прямо, вопреки закону, въ рѣчку Нару, туда же бросается, по словамъ сообщавшихъ намъ эти извѣстія, и всякая падаль. Мы далеки отъ того чтобы придавать значеніе обличительнаго характера одному этому факту; напротивъ, мы только потому о немъ и упоминаемъ что это есть примѣръ типичный, общераспространенный и требующій не частнаго преслѣдованія, а общихъ санитарныхъ мѣръ.

Такимъ же богатствомъ и вмѣстѣ неряшествомъ отличается и другой уѣздный городъ, Кашинъ. Вода въ рѣкѣ тамъ проходящей совершенно стоячая, такъ какъ двѣ мельницы находятся въ самомъ городѣ и совершенно запружаютъ рѣку; въ эту же рѣку, какъ передаютъ намъ, идутъ и всѣ городскія нечистоты, совмѣстно съ остатками красильныхъ и кожевенныхъ заведеній. И все это творится въ городѣ считающемся первымъ въ Тверской губерніи по количеству находящихся въ немъ капиталовъ. Вообще можно положить почти за правило что чѣмъ городъ промышленнѣе, богаче, тѣмъ онъ содержитсѣ болѣе неряшливымъ образомъ.

Не бѣденъ также капиталами и городъ Борисоглѣбскъ, опустошенный въ нынѣшнемъ году холерой. Болѣзнь эта тамъ достигла такого значенія что, по сообщеніямъ врачей-очевидцевъ, кабаки даже оставались пустыми, что у насъ бываетъ рѣдко; ярмарка не состоялась, въ аптеки никто съ отчаянія не приходилъ, въ церквахъ всѣ сплошь приготовлялись къ смерти. Были дни когда умирало по 150 изъ 13.000 населенія. И вдругъ въ этомъ торговомъ городѣ не оказывается, какъ показали справки, ни мостовой ни тротуаровъ; вмѣсто послѣднихъ проведены только канавы, гдѣ купаются свиньи. На площадяхъ же, по словамъ очевидца, такая грязь что тонуть даже лошади. И ко всему этому, кладбище чуть ли не въ городской чертѣ; и нигдѣ ни одного садика, ни одного палисадника—городъ замѣчательный. Удивительно ли послѣ того что холера, появившись тамъ разъ, уничтожила чуть ли не четверть всего населенія?

Но укажемъ еще на одинъ образецъ того заведеннаго обычая и мало контролируемаго закономъ обращенія съ рѣками которое можно нерѣдко встрѣтить всюду на Руси. Древній

городъ Юрьевъ, Владимірской губерніи, лежитъ при рѣкѣ Калошѣ и двухъ владающихъ въ нее незначительныхъ рѣченкахъ. Рѣка Калоша, пересѣкающая городъ Юрьевъ пополамъ, залпужена въ концѣ города плотиною. Рѣка эта мелка, съ илстымъ дномъ, отъ напыла перегноившагося навоза и другихъ органическихъ примѣсей. Осенью, а въ особенности весной, она составляетъ, по показаніямъ мѣстныхъ врачей, настоящій резервуаръ грязи, отъ стекающихъ нечистотъ изъ фабрикъ и красиленъ: самъ городъ Юрьевъ лежитъ въ углубленіи. Весной вся эта грязь, поподняемая разными нечистотами, разливается по городу, затопляя улицы и дворы. Вода такой рѣчки, конечно, не можетъ быть годною къ употребленію, хотя жители и употребляютъ ее и даже похваляютъ. Между тѣмъ вода эта мутна и зелената и при кипяченіи пахнетъ навозомъ — явный признакъ какъ у насъ соблюдаются медико-полицейскія мѣры. Рыба въ рѣкѣ Калошѣ почти перевелась, за исключеніемъ самой мелкой.

Мы могли бы привести и еще множество подобнаго рода примѣровъ; но всего не перечтешь. Что-нибудь новое въ описаніи отдѣльныхъ случаевъ представить трудно. Вездѣ загрязненіе и засореніе рѣкъ производится однимъ и тѣмъ же порядкомъ: то-есть сперва вырубается лѣсъ при истокѣ и по берегамъ, потомъ рѣка переплужается плотинами, далѣе, въ нее начинаютъ бросать навозъ и всякія нечистоты, за этимъ рѣка подкрашивается красильнями—и искусственное болото готово.

V.

Теперь отъ этихъ печальныхъ фактовъ мы должны перейти еще къ болѣе печальнымъ, именно съ состоянію нашихъ кладбищъ, тоже вліяющихъ на чистоту воды. Относительно кладбищъ обыкновенно полагаютъ что они приносятъ вредъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ на воздухъ, распространяя въ немъ газы. Но это не такъ. Отъ кладбищъ, если они не надлежащимъ образомъ устроены и содержатся, портится прежде всего и главнымъ образомъ вода, и именно подпочвенная. Известно что почва земли, вслѣдствіе выпаденія дождя и снѣга, болѣе или менѣе бываетъ пропитана водою, которая, скопаясь въ подпочвѣ, образуютъ подземные резервуары, лежа-

Источники повального распространения болъзней. 681
щѣ большею частію не глубоко. Резервуары эти или водяныя жи-
лы, родники, питають колодцы и наконецъ соединяются съ ка-
налами и рѣками; но они воспринимають въ себя и органи-
ческія вещества разлагающіяся въ почвѣ. Къ гніющимъ орга-
ническимъ веществамъ должны быть отнесены и трупы людей.
Не забудемъ что у насъ принято зарывать мертвыя тѣла какъ
можно глубже, а между тѣмъ многіе гигиенисты (см. Гюбнера со-
чиненіе о кладбищахъ) теперь доказываютъ что трупы не слѣду-
етъ зарывать слишкомъ глубоко, чтобъ былъ доступъ воздуха
воздуха черезъ пористую землю, и они бы быстрее черезъ то из-
пепелялись. Почвенная или родниковая вода находится, напри-
мѣръ, въ Петербургѣ уже на глубинѣ полутора аршина; а тру-
пы зарываются, по закону, на 3 аршина въ глубь; каналы пет-
тербургскіе поѣтому не могутъ не быть заражены продуктами
гниенія, тѣмъ болѣе что Петербургъ весь почти окруженъ поя-
сомъ кладбищъ. Но примѣръ объяснить лучше всего: Лиговка,
проведенная изъ Краснаго Села, при входѣ въ городъ заключе-
на между двумя большими кладбищами, Митрофаніевскимъ и
Волковскимъ, и получаетъ въ изобиліи грунтовую воду. Это
подтверждается и анализомъ профессора Драгендорфа, кото-
рый, между прочимъ, говоритъ что вода Лиговки, протекая по уз-
кому ложу такое длинное пространство и принимая въ себя,
особенно при прохожденіи черезъ Ямскую, столь много живот-
ныхъ веществъ, должна обращать наше вниманіе больше чѣмъ
вода другихъ каналовъ. Слѣды сѣрководорода, являющагося въ
ней, и значительное количество амміака, указываютъ на
разложеніе животныхъ веществъ. „Зараженную продуктами
кладбищъ воду Лиговка несетъ по Александро-Невской ча-
сти, по Московской, Рождественской, Литейной и до Тав-
рическаго Сада.“ Кромѣ того каналъ этотъ находится въ
тѣсной связи съ Обводнымъ каналомъ и Фонтанкой, а не-
большія рѣчки, находящіяся почти на каждомъ кладбищѣ,
еще болѣе увеличиваютъ зараженіе петербургскихъ водъ. По-
этому г. Драгендорфъ говоритъ, быть-можетъ не безъ преувели-
ченія, что вода всѣхъ петербургскихъ каналовъ „находится въ
состояніи гніенія и пропитана продуктами этого гніенія“; даже
воду по берегамъ Невы онъ считаетъ немногимъ лучшею чѣмъ въ
каналахъ. Изъ составленной имъ таблицы химическаго анали-
за видно что болѣе всего органическихъ веществъ, послѣ Лигов-
ки, находится въ Крюковомъ каналѣ, который начинается отъ

Мойки и впадаетъ въ Фонтанку. За этимъ по порядку слѣдуетъ поставить Обводной каналъ, Екатерининскій, Фонтанку, Мойку, Неву, и наконецъ чище всего оказываются въ Петербургѣ, по изслѣдованіямъ Драгендорфа, водопроводы. Но водопроводами довольствоваться всё не могутъ; тѣмъ болѣе что вода изъ нихъ идетъ только на питье; полощутъ же бѣлье обыкновенно на Фонтанкѣ и другихъ каналахъ, и неизвѣстно еще какой отсюда происходитъ вредъ для здоровья. Что грунтовая вода въ Петербургѣ грязна и зловонна легко убѣдиться всякому на большей части колодезь, а уровень подземной воды такъ высокъ что она не только пропитываетъ насквозь верхній слой земли, но и проникаетъ при большомъ поднятіи въ погребъ и подвальные этажи. Послѣ, когда почвенная или грунтовая вода опускается, гніющія частицы остаются, высыхаютъ и поднимаются въ воздухъ, заражая атмосферу квартиръ и улицъ; этимъ, по крайній мѣрѣ многіе врачи, и въ томъ числѣ г. Гюбнеръ, объясняютъ усиленное развитіе возвратной горячки въ Петербургѣ при спаденіи грунтовыхъ водъ.

Если хоть половина изъ того что мы здѣсь привели, руководствуясь изслѣдованіями людей вполне въ этомъ дѣлѣ компетентныхъ, справедливо, то какія же мѣры должно принять противу вреда происходящаго отъ гніенія животныхъ тѣлъ? О сжиганіи человѣческихъ труповъ, начинающемъ теперь входить въ обычай у Англичанъ, у насъ, конечно, нечего говорить. Объ этомъ можно, пожалуй, печатать рисунки въ иллюстраціяхъ, передавать разказы, но убѣждать общество въ необходимости сжиганія едва ли своевременно. Достаточно если мы на первый разъ хоть озаботимся принятіемъ тѣхъ мѣръ относительно кладбищъ которыхъ теперь почти вездѣ держатся въ Западной Европѣ.

Дѣйствіе помойныхъ ямъ и другихъ нечистоту содержащихъ мѣстъ подходитъ по своему вліянію на человѣческое здоровье къ кладбищамъ. Между тѣмъ нечистотами покрываются окрестности городовъ. Довольно указать на порчу воздуха какая происходитъ отъ обливанія нечистотами окрестности Москвы и ея дачъ. Теперь, мы слышали, нечистоты предписано думой зарывать въ ямы. Боимся чтобы при этомъ не было упущено изъ виду что зарывать нечистоты, равно какъ и погребать разлагающіеся трупы, нельзя гдѣ ни лопало. Иначе зарываемая въ землю нечистоты будутъ только засорять подземныя

или родниковыя воды. А родниками Москва только и питается; потому что воды ея рѣкъ давно уже ни на что не годны, кромѣ слуска въ нихъ грязи отъ красильныхъ и фабричныхъ заведеній.

VI.

Вода которую мы пьемъ, употребляемъ для приготовленія пищи и какъ средство очищенія, въ природѣ въ совершенно чистомъ видѣ не встрѣчается. Всегда въ ней есть большія или меньшія примѣси, органическія и неорганическія; но степень этихъ примѣсей, особенно органическихъ, вполнѣ зависитъ отъ того какъ человекъ обращается съ служащими на его пользу водохранилищами. Еслибы всѣ примѣси извергаемыя въ рѣки, озера и пруды только растворились или осаждались бы на дно, то вредъ отсюда происшедшій былъ бы не болѣе того какъ еслибы нечистоты остающіяся на поверхности земли только отдѣляли отъ себя газы, дурно пахли. Отъ простаго растворенія примѣсей въ водѣ могутъ произойти разстройство желудка, мочевыхъ путей, сыпи, но не повальныя или эпидемическія болѣзни. Но въ томъ-то и бѣда что однимъ раствореніемъ органическихъ частицъ тутъ дѣло не ограничивается; частицы эти служатъ пищей мельчайшимъ животнымъ и растеніямъ. Наука трудами своихъ подвижниковъ давно уже открыла какъ въ водѣ, такъ и въ воздухѣ, безчисленные милліоны организмовъ, составляющихъ цѣлое такъ-сказать четвертое царство природы, невидимое невооруженному глазу. Нѣкоторые изъ этихъ индивидуумовъ животныя, другіе—растенія, третьи—и то и другое вмѣстѣ; притомъ значительная часть паразиты. Въ этомъ-то узлѣ связывающемъ царство животныхъ съ царствомъ растительнымъ и должно искать разгадки тѣхъ таинственныхъ и вмѣстѣ ужасныхъ явленій которыми сопровождаются эпидеміи.

Когда хотятъ получить въ возможно большемъ количествѣ инфузоріи и другія микроскопическія существа, то берутъ какое-нибудь органическое вещество, бросаютъ его въ воду и даютъ всему этому постоять. Выбрасывая въ наши рѣки и озера разныя органическія примѣси, мы тоже не иное что дѣлаемъ какъ производимъ искусственно громадный

настой инфузорій, да еще сверхъ того удобряемъ почву для водорослей. Что микроскопическія споры послѣднихъ есть причина происхожденія перемежающихся и послабляющихъ лихорадокъ можно считать вполне доказаннымъ. * Споры или зародыши водорослей изъ рода *raimellae* поднимаются ночными восходящими теченіями воздуха вверхъ и, распыляясь въ холодныхъ туманахъ, вдыхаются людьми. Относительно собственно инфузорій или наливчатыхъ животныхъ, безчисленные миллионы которыхъ кишатъ въ водѣ, думали что они безвредны. Но это едва ли справедливо, и многіе нынѣ склоняются къ противоположному мнѣнію. Достаточно нарисовать картину распространенія этихъ микроскопическихъ существъ, чтобъ убѣдиться что ихъ умноженіе должно сопровождаться вредными послѣдствіями.

Послушаемъ что говорить о жизни этихъ животныхъ извѣстный профессоръ Гейдельбергскаго университета Бронна. Главная среда обитанія бактерій, монадъ, вибрионовъ и другихъ микроскопическихъ индивидуумовъ есть вода; но они могутъ также жить и въ высохшемъ илѣ, на мху, сѣнѣ и листьяхъ деревьевъ и даже на снѣгу, не теряя жизнеспособности. Вѣтры и даже незначительныя теченія воздуха способствуютъ ихъ распространенію, отсюда происхожденіе такъ - называемыхъ „кровяныхъ и чернильныхъ дождей“ возбуждавшихъ прежде суевѣрный страхъ. Соленая морская вода менѣе благоприятствуетъ ихъ развитію чѣмъ рѣчная; только у береговъ Балтійскаго моря, гдѣ соленость воды незначительна, а застой больше, найдено Эйхвальдомъ много инфузорій. Нѣкоторыя соли, какъ амміачныя, происходящія изъ продуктовъ разложенія, способствуютъ впрочемъ ихъ развитію. Еще болѣе чѣмъ въ рѣчной водѣ размножается инфузорій въ водѣ стоячей; болота, пруды и озера—вотъ гдѣ ихъ болѣе всего и гдѣ развиваются ихъ самыя разнообразныя формы. Запруженная рѣчка, мы поэтому однимъ уже искусственно производимымъ застоємъ способствуемъ размноженію наливчатыхъ животныхъ. Размноженіе же это иногда такъ бываетъ громадно что производитъ яркое окрашиваніе воды въ цѣлыхъ лужахъ и прудахъ. Такъ, смотря по роду инфузорій, вода можетъ принять видъ то зеленый, то желтый, то красный, то корич-

* См. въ *Revue des cours scientifiques* за 1869 годъ, объ изсѣдованіяхъ американскаго врача Салисбюри.

невый, то молочно-бѣлый. Такому окрашиванію воды способствуютъ также и водоросли, заключающія въ себѣ тоже много цвѣтныхъ началъ, отсюда такъ-называемое цвѣтеніе поверхности воды и порча дна озеръ и прудовъ чрезъ покрытіе сплошнымъ и иногда довольно толстымъ налетомъ. Того же что кишитъ въ самой средѣ нечисто содержимыхъ озеръ, прудовъ и перелуженныхъ рѣкъ и воображеніе человѣческое отказывается представить. Но наши слѣдые глаза не видятъ того что наука давно уже открыла посредствомъ своихъ очей—микроскоповъ, а потому и считаемъ чистымъ то что до послѣдней стелени загрязнено. Специалисты изучавшіе этотъ невидимый простому глазу міръ говорятъ что инфузоріи способны размножаться съ поразительною быстротой, и что въ калѣ нечистой воды величиной въ кубическую линію насчитывается до 10.000 миллионovъ наливочныхъ. Можетъ ли такая страшная органическая сила остаться безъ послѣдствія, безъ проложенія себѣ дороги на счетъ другаго существованія?

Одинъ уже избытокъ красящихъ веществъ въ наливочныхъ приближаетъ ихъ дѣйствіе на организмъ къ тому дѣйствію которое производитъ порча воды отъ красильнъ; пикрохромъ, хлорофилъ и другія красящія начала они заимствуютъ отъ водорослей и послѣ изъ себя ихъ извергаютъ. Азотистый составъ инфузорій, безпрестанно разрушающихся, тоже едва ли можетъ не вредить чистотѣ воды? Наконецъ, изъ воды эти микроскопическіе обитатели переходятъ въ воздухъ и наоборотъ. И человѣкъ нерѣдко самъ способствуетъ этому переходу. Такъ, выбрасывая навозъ въ рѣки, мы вмѣстѣ съ этимъ примѣшиваемъ къ рѣчнымъ нечистотамъ и мелкіе грибки растущіе на конскомъ навозѣ въ безчисленномъ множествѣ; эти же микроскопическіе грибки, *muscigini*, живутъ и на водоросляхъ, когда послѣдніе начинаютъ разлагаться. Словомъ, переходы и метаморфозы тутъ безконечны, и человѣкъ каждую минуту можетъ сдѣлаться жертвой этихъ переходовъ. Изъ этого-то явленія и вытекло понятіе о происхожденіи повальныхъ болѣзней отъ быстро развивающихся въ тѣлѣ паразитовъ.

VII.

Болѣе или менѣе смутныя теоріи о паразитизмѣ болѣзней существовали въ медицинѣ еще въ древности; но фактическую основу эта теорія приобрѣла только въ 1835 году, когда Босси было открыто что эпидемическая болѣзнь свирѣлствующая

между шелковичными червями и известная под именем мушкетера зависить отъ развитія въ тѣлѣ этихъ червей особаго рода паразитовъ-грибковъ, быстро развивающихся и убивающихъ этимъ животное. Вскорѣ потомъ Шенлейну удалось открыть особаго рода микроскопическіе грибки при болѣзни называемой *favus* (парши), Фогелю при дѣтской болѣзни называемой *soog* (леснявка). Кромѣ того, въ подтвержденіе этой теоріи подошли открытія разнаго рода болѣзней растений: картофеля, винограда, сливъ, свеклы, ржи, риса,—болѣзней происходящихъ отъ разнаго рода микроскопическихъ грибковъ, производящихъ въ этихъ плодахъ и зернахъ процессы броженія и разложенія. Утвердилось также въ медицинѣ мнѣніе, давно уже признаваемое даже врагами паразитизма, что въ происхожденіи многихъ кожныхъ болѣзней несомнѣнно играетъ роль зараженіе микроскопическими грибами-паразитами. Наконецъ въ настоящее время составилась теорія происхожденія повальныхъ, эпидемическихъ болѣзней отъ перенесенія и размноженія на новомъ организмѣ микроскопическихъ растений и животныхъ. Согласно этой теоріи такъ-называемыя врачами миазма и контагій, считающіеся за причину повальныхъ болѣзней, не что иное какъ элементы грибныхъ клѣточекъ и разнаго рода микроскопическихъ животныхъ, въ наукѣ обыкновенно называемыхъ бактеріями, вибрионами и монадами. Известные опыты Пастера, доказывающіе что ни броженіе и ни гніеніе не можетъ произойти безъ животныхъ или растительныхъ организмовъ, одно изъ главныхъ подтвержденій этой теоріи. А броженіе и гніеніе именно и считаются такими процессами которые служатъ проводникомъ быстраго распространенія какой-либо болѣзни; тайна распространенія заразъ поэтому и заключается въ томъ что какое-нибудь незначительное количество дрожжей или другаго бродильнаго начала производитъ въ органическихъ растворахъ быстро развивающіеся процессы, разрушающіе иногда организмъ. Защитники паразитизма болѣзней доказываютъ что причины повальнаго эпидемическаго распространенія болѣзней заключаются въ громадномъ количествѣ микроскопическихъ зародышей, распространенныхъ какъ въ водѣ, такъ и въ воздухѣ; а враги ихъ, признающіе теорію паразитизма, доказываютъ что источникъ, причина всякаго болѣзненнаго броженія, гніенія и тлѣнія, заключается не въ жизненныхъ органическихъ элементахъ, а въ химическихъ, неорганизованныхъ на-

чалахъ. Такъ одинъ изъ нашихъ докторовъ, г. Манассейвъ, занимавшійся довольно долго въ лабораторіи профессора Визнера, заявилъ недавно что люди занимавшіеся этимъ вопросомъ съ чисто химической точки зрѣнія не видятъ необходимости связывать броженіе съ жизненнымъ процессомъ ячейки (животной, или растительной), а утверждаютъ только что въ ней, въ этой ячейкѣ, есть вещество способное дѣйствовать въ качествѣ бродила, то-есть ботаническаго начала. Либиху и Виттиху дѣйствительно удалось извлечь изъ дрожжей не живое, не организованное вещество. Но для экономіи человѣческой природы все равно сами ли эти грибки и инфузоріи производятъ разлагающее броженіе въ крови или суть только носители бродильныхъ началъ. Значеніе вопроса о вредности бактерій и другихъ микроскопическихъ паразитовъ, питающихся извергаемыми въ рѣку нечистотами, оттого не перемѣняется. Профессоръ Равичъ и докторъ Подолетновъ доказываютъ, съ точки зрѣнія теоріи паразитизма, что бактеріи, столь часто находимыя въ крови больныхъ, нельзя вовсе причислить ни къ животнымъ, ни къ растениямъ, а что это есть нѣчто въ родѣ процесса кристаллизаціи крови. Но не ясно ли изъ такого возраженія что въ этомъ узлѣ, связывающемъ и царство животное, и царство растительное и царство неорганическое, требующемъ самаго тончайшаго химическаго анализа и самыхъ глубокихъ микроскопическихъ изслѣдованій, заключается вся загадка эпидемій? Грибы большаго размѣра впрочемъ уже давно признаны за породу растений которыя наиболѣе опасны для жизни въ нѣкоторыхъ своихъ видахъ; какимъ же образомъ мы можемъ считать безвредными грибы видимые только въ микроскопѣ?

Впрочемъ и самые враги теоріи происхожденія повальныхъ ботаник отъ развитія микроскопическихъ паразитовъ все-таки признаютъ что паразиты причиняютъ вредъ челоуку (де-Бари). Но дѣло не въ мелкомъ вредѣ, а въ крупномъ. Пока ботаника является только въ отдѣльныхъ случаяхъ, спорадически, ее можно еще объяснить простудой, истощеніемъ, невоздержностью, худымъ питаніемъ, наследственными пороками организма и такъ далѣе. Но какъ скоро ботаника принимаетъ характеръ повальной, эпидемической, то трудно обойтись безъ того чтобы не принять что тутъ кромѣ физическихъ силъ дѣйствуютъ еще и органическія. Органическія силы нигдѣ не проявляютъ такого напряженія, какъ въ мірѣ микроскопическихъ существъ, каждую

минуту ихъ цѣлыя мириады раскладываются, и каждую минуту гибнутъ. И вотъ эта-то неустойчивость жизни, этотъ ускоренный метаморфозъ матеріи и переносится на болѣе крупныя организмы. Въ тѣлѣ человѣческомъ найдено до 50 паразитовъ. Нѣтъ ни одной ткани, ни одного органа которые не могли бы заключать и въ дѣйствительности не заключали бы паразитовъ. Степень ихъ развитія во всякомъ случаѣ зависитъ отъ большаго или меньшаго доступа этихъ паразитовъ къ тѣлу человѣка. Такъ паразиты чаще всего появляются на кожѣ и въ кишечномъ каналѣ, органахъ болѣе всего доступныхъ водѣ; но нѣкоторые паразиты живутъ и въ печени, почкахъ, мозгу, легкихъ, мускулахъ, крови, и пр. Есть мѣстности которыя стали необитаемы отъ господствующихъ въ нихъ паразитовъ. Паразитъ жаркихъ странъ *тсе-тсе* умерщвляетъ въ самое короткое время весь рогатый скотъ въ мѣстности гдѣ заводится.

Нѣкоторыя животныя особенно любимы паразитами и это болшею частію животныя нечистоплотныя. Такъ свинья даетъ намъ два паразита: трихину, размножающуюся между мышечными лучками и производящую самую мучительную смерть, и солитера, который изъ микроскопической личинки разрастается въ тѣлѣ человѣка до нѣсколькихъ аршинъ и живетъ въ немъ многіе годы. Нечистоплотность же животныхъ черезъ мясо которыхъ мы получаемъ такіе опасные паразиты извѣстна всякому. Грязь въ которой растворяются всякаго рода органическія примѣси для нихъ такая же стихія какъ для рыбы вода. Удивительно ли что этимъ путемъ мы тоже заражаемся? Словомъ, нечистота, куда бы мы ни повернулись, есть вездѣ источникъ заразы, болѣзней.

Огромный червь-паразитъ, получаемый нами черезъ свиное мясо или путемъ пищи, входитъ въ наше тѣло также и путемъ воды. Это можно сказать даже привилегія Россіи, потому что широкосуставчатый, ленточный глистъ (*bithriosephalus latus*), очень мало отличающійся отъ обыкновеннаго солитера, нигдѣ не водится кромѣ Россіи и нѣкоторыхъ мѣстъ Швейцаріи и Швеціи. Микроскопическіе зародыши этихъ великановъ-паразитовъ плаваютъ обыкновенно въ нашихъ водахъ, въ видѣ инфузоріобразной личинки, съ помощью мерцательныхъ рѣсничекъ. Попадая въ кишечный каналъ вмѣстѣ съ питьемъ, личинки эти подвергаются метаморфозу и быстро разрастаются, производя разные нервные припадки. Но какъ же и зачѣмъ

попадаютъ эти личинки въ воду? Онѣ вѣдь собственно не настоящія водныя животныя. А попадаютъ они туда путемъ изверженія человеческихъ нечистотъ чрезъ трубы, береговые потоки, въ нечистотахъ же этихъ всегда есть яички, если человекъ уже зараженъ глистомъ. Замѣчено поэтому что у жителей рѣкъ, питающихся рѣчною водою, чаще всего встрѣчается широкоуставчатый лентецъ, тогда какъ въ такихъ городахъ какъ Москва, гдѣ жители пьютъ ключевую воду, къ счастью еще у насъ не засоряемую, глеть этотъ величайшая рѣдкость. Тамъ гдѣ есть всѣ благоприятствующія условія для развитія этого паразита, онъ можетъ заразить цѣлую четверть населенія и даже болѣе. Здѣсь, значить, распространеніе ленточнаго паразита получаетъ совершенно эпидемическій характеръ. Но бываютъ и настоящія глистные эпидеміи; это впрочемъ относится только до тонкихъ глистовъ, зародыши которыхъ тоже попадаютъ къ намъ вмѣстѣ съ нечистою водою. Въ 1830 году, одновременно съ первою повѣтшею насъ холерой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи наблюдалась глистная эпидемія, отъ которой заболѣвали почти всѣ и умирали многіе. Въ 1857 году въ Бретани тоже замѣчался эпидемическій поносъ, при которомъ выходило много тонкихъ глистовъ и оттого болѣзнь уменьшалась. Въ 1807 году французская армія тоже страдала эпидемически глистами. У насъ, въ Россіи, тоже есть много мѣстностей гдѣ страдаютъ глистами почти эпидемически повременамъ, особенно дѣти и женщины. Но никогда, повидимому, не случалось чтобы чистая, хорошая вода, особенно родниковая, условливала эту болѣзнь.

VII.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, столь ясно указывающихъ на громадный вредъ приносимый крупнымъ органическимъ существамъ паразитами, трудно не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ которые и холеру и тифъ, эти двѣ губительнѣйшія болѣзни, принимаютъ за результатъ размноженія особыхъ мельчайшихъ паразитовъ. Водяные ли они, воздушные—это еще не рѣшено окончательно. Но замѣчено однако многими что холера держится преимущественно теченія рѣкъ, хоть и заходитъ въ глубину мѣстностей удаленныхъ отъ главныхъ водныхъ путей сообщенія. И это понятно почему: въ

рѣки у насъ спускаются главнымъ образомъ всѣ человѣческія нечистоты, несомнѣнно служація источникомъ распространенія этой болѣзни. Медицина предписываетъ истреблять всѣ эти нечистоты отъ больныхъ; но у насъ ихъ обыкновенно спускаютъ въ рѣки или выбрасываютъ въ поля. Холерный паразитъ повтому распространяется, черезъ воду и воздухъ. Усиленному развитію его въ извѣстномъ мѣстѣ обыкновенно способствуетъ сильный жаръ, засореніе воды, отсутствіе вѣтра и грозъ и такъ далѣе. Холоду онъ гораздо менѣе противустоитъ, чѣмъ паразитъ тифозный; и не удивительно: холера явилась къ намъ изъ жаркихъ странъ, изъ Ост-Индіи, и многими считается за особый видъ грибка растущаго на рисѣ (Рейхъ), подобно тому какъ проростаютъ и покрываются грибкомъ или рожками сѣмена дурно растущей ржи. Рожками мы отравляемся черезъ хлѣбъ, паразитъ же холерный проникаетъ въ насъ черезъ воздухъ, а болѣе всего черезъ воду. Теперь холера у насъ уже освоилась, акклиматизировалась и благодаря конечно не климату, а тѣмъ невыгоднымъ санитарнымъ условіямъ посреди которыхъ мы живемъ. Въ Тамбовской губерніи, гдѣ въ нынѣшнемъ году разразилась такая страшная эпидемія, наблюдается давно уже такъ-названная врачами холерная лихорадка (*febris cholericæ*), то-есть перемежающаяся лихорадка со всѣми холерными симптомами *. То же мы слышали и насчетъ Воронежской губерніи. Холерный паразитъ такимъ образомъ уже свиль у насъ свое гнѣздо, нашель себѣ пищу; и потому остается только либо покориться этому новому злу, либо предотвращать его. Наука силится найти какое-нибудь противоядіе противъ холернаго яда, подобно тому какъ она нашла средство противу яда лихорадочнаго, яда водорослей, уничтожаемаго хиной. Но этого едва ли скоро можно будетъ достигнуть. Дѣйствіе холеры такъ быстро что не оставляетъ почти времени для воздѣйствія какого бы то ни было лѣкарственнаго вещества. Эта ужасная болѣзнь можетъ быть остановлена въ своемъ распространеніи не столько искусствомъ практическихъ врачей сколько общими санитарными мѣрами. Пациенты и люди не принадлежащіе къ сословію врачей вообще жестоко ошибаются, воображая что въ такъ-называемыхъ повальныхъ болѣзняхъ медики играютъ другую какую роль,

* См. *Медико-топографическое описаніе Тамбовской губерніи*, доктора Икова.

кромѣ роли облегчителя, утѣшителя и наблюдателя. Но они не ошибались бы, еслибы присоединили свои личныя усилія къ защитѣ себя отъ этихъ недуговъ путемъ уничтоженія самыхъ ихъ источниковъ, то-есть къ очищенію водъ, къ освѣженію воздуха и къ уничтоженію болотъ. Всѣхъ паразитовъ живущихъ на нашъ счетъ нельзя, конечно, уничтожить даже и самую тщательною очисткой; но предотвратить ихъ повальное развитіе можно, даже и не дожидаясь того времени когда наука откроетъ противухолерныя и противутифозныя средства. Теперь эти средства еще неизвѣстны, а потому врачи, примирившись съ фактомъ существованія этихъ болѣзней, лечатъ ихъ ощулюю, симптоматически. Но лучше бы, конечно, совсѣмъ не имѣть дѣла съ этими убійственными недугами. Противъ болотнаго или лихорадочнаго паразита найдено, напримеръ, средство — хина, но не выгоднѣе ли бы было обществу, еслибы вмѣсто этой хины, имѣющей значительную цѣнность, пришлось дѣлать нѣкоторыя затраты на осушку болотъ: это было бы одинаково выгодно и въ санитарномъ и въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Какія же могутъ быть, спрашивается, средства къ очищенію нашихъ рѣкъ? Паръ, повидимому, есть главная сила отъ которой можно ждать въ будущемъ чтобы рѣки наши не были складочнымъ мѣстомъ навоза. Паровыя мельницы должны быть вездѣ устраиваемы, хоть бы и на общественный счетъ, гдѣ есть какая-нибудь возможность къ тому: иначе намъ совсѣмъ придется отказаться отъ употребленія проточной воды, совсѣмъ оставить рѣки и озера и обратиться къ родникамъ и водопроводамъ. Да это уже во многихъ людныхъ городахъ у насъ и сдѣлано. Москва остается уже, можно сказать, безъ рѣки; Тула тоже; Тамбовъ также; Дмитровъ и подавно. Отъ Казани рѣка сама отодвинулась; а во многихъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, въ родѣ Серпухова или Кашина, довольствуются чуть ли не клоаками, такъ какъ другаго значенія, кромѣ нечистоту проводящаго канала, тамъ не придается рѣкамъ.

Другое средство къ очищенію нашихъ рѣкъ, послѣ силы пара, есть законъ, то-есть строгое и неукоснительное исполненіе его. Санитарные законы наши, даже при всей ихъ мягкости, снисходительности, могли бы приносить значительную пользу народному здравію, еслибы были исполняемы какъ слѣдуетъ. Рѣки бы наши тогда не загрязнялись такъ фабриками и

заводами, и фабриканты, у которыхъ всегда есть на то средства, удабривали бы остатками производства поля, на пользу сельскаго хозяйства, а не рѣки и озера, на пользу паразитовъ. Сельское хозяйство поэтому должно идти рука объ руку съ промышленностью въ этомъ отношеніи. И никакое, быть-можетъ, производство не заслуживаетъ теперь въ такой степени совокупной поддержки правительства и общества, какъ обработка земледѣльческихъ туковъ, потому что еще неизвѣстно отъ чего мы теперь больше страдаемъ, отъ засоренія ли воды и воздуха, условливающихъ болѣзни, или отъ истощенія полей, поддерживающаго неурожай и голодъ.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

ЖИЗНЬ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

ДЖОНА ФОРСТЕРА.

Переводъ съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дочерямъ Чарльза Диккенса, крестницѣ моей Мери и сестрѣ ея Кети книгу эту посвящаетъ ихъ другъ, другъ и душеприкащикъ отца ихъ, Джонъ Форстеръ.

ГЛАВА I.

Д ѣ т с т в о .

1812—1822.

Чарльзъ Диккенсъ, популярнѣйшій изъ романистовъ нынѣшняго вѣка и одинъ изъ величайшихъ юмористовъ какихъ Англія когда-либо произвела, родился въ Ландлортѣ, въ Портси, въ пятницу 7го февраля 1812 года.

Отецъ его, писарь морскаго вѣдомства, прикомандированъ былъ въ это время къ Портсмутскимъ докамъ. Онъ познакомился съ Елизаветой Барроу, сдѣлавшейся въ послѣдствіи его женой, чрезъ старшаго брата ея Томаса Барроу, также состоявшаго на службѣ при Соммерсетъ-Гоусъ, и прижилъ съ

нею восемь человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двое умерли въ младенчествѣ. За старшею дочерью, Фанни (родившеюся въ 1810), слѣдовалъ Чарльзъ, записанный въ метрическую книгу въ Портси подъ именемъ Чарльза Джона Гуффгама; самъ же онъ, въ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ когда подписывался этою фамиліей, писалъ Гуффамъ; затѣмъ другой сынъ, по имени Альфредъ, умершій ребенкомъ; потомъ Летиція (род. въ 1816); еще дочь Гарриета, умершая въ дѣтствѣ; сынъ Альфредъ Ламертъ (род. 1822) и наконецъ Августъ (род. 1827). Изъ всѣхъ ихъ теперь остается въ живыхъ одна только вторая дочь.

Вальтеръ Скоттъ разказываетъ въ отрывкѣ своей автобіографіи, по поводу странныхъ лѣкарствъ употреблявшихся противъ его хромоты, что онъ помнитъ себя трехъ лѣтъ, лежащимъ на полу въ гостинной дѣловой фермы, завернутымъ въ баранью шкуру только-что снятую съ животнаго и еще теллую. Память Давида Колперфильда простирается далѣе: ему, какъ говорить онъ, въ туманѣ дѣтства виднѣется мать и ея служанка, не выше его ростомъ, потому что нагнулись или стоятъ на колѣняхъ на полу, а самъ онъ ходитъ нетвердыми шагами отъ одной къ другой. Онъ допускаетъ что это можетъ-быть воображеніе, хотя думаетъ что многія очень молодыя дѣти обладаютъ наблюдательностью, удивительною по своей точности и вѣрности, и что воспоминавія весьма многихъ изъ насъ заходятъ гораздо далѣе чѣмъ мы предполагаемъ. То что прибавляетъ онъ далѣе во всякомъ случаѣ уже не плодъ воображенія. „Если изъ чего-нибудь отмѣченнаго мною въ этомъ разказѣ окажется что я былъ ребенокъ наблюдательный, и что въ зрѣломъ возрастѣ я сохранилъ живое воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ, то я самъ несомнѣнно сознаю въ себѣ обѣ эти черты.“ Слова эти, отнесенныя къ Давиду Колперфильду, вполне приимчивы къ Чарльзу Диккенсу.

Онъ часто говорилъ мнѣ что помнитъ садикъ предъ домомъ въ Портси, откуда онъ былъ увезенъ двухъ лѣтъ и гдѣ, подъ надзоромъ няньки, слѣдившей за нимъ изъ кухни въ низкое окно, лочти въ уровень съ усыпанною мусоромъ дорожкой, онъ бродилъ со старшею сестрой, держа въ рукахъ что-нибудь съѣстное. Однажды его повели изъ этого садика глядѣть на ученіе солдатъ, и я очень хорошо помню какъ, пріѣхавъ со мною въ Портсмутъ въ то время какъ писалъ *Никльби*, онъ

указалъ мнѣ въ точности расположеніе военнаго парада видѣннаго имъ на этомъ мѣстѣ въ раннее дѣтство, четверть вѣка тому назадъ.

Когда обязанности службы призвали отца его изъ Портсмута въ Лондонъ, семейство поселилось на квартирѣ въ Норфолькъ-Стритѣ, близъ Мидльсексъ-Госпиталя, и ребенку памятно было что при отъѣздѣ ихъ изъ Портси выпалъ снѣгъ. Вскорѣ мѣсто жительства ихъ опять перемѣнилось. Старшаго Диккенса прикомандировали къ Чатамскимъ докамъ. Домъ гдѣ жили они въ Чатамѣ, окруженный небольшимъ садикомъ, находился на Сентъ-Меризъ-Плесь, иначе на Брукѣ, рядомъ съ молельней балтистовъ, называвшеюся Провиденсъ-Чапель. При этой молельнѣ священнослужителемъ состоялъ нѣкто Г. Джейльсъ, о которомъ мы скоро будемъ имѣть случай говорить. Чарльзь въ это время былъ на пятомъ году; тутъ жилъ онъ до девяти лѣтъ.

Тутъ получилъ онъ самыя прочныя изъ раннихъ своихъ впечатлѣній, и обстановка среди которой онъ умеръ воскресала въ немъ эти впечатлѣнія, полученные въ самомъ началѣ жизни.

Домъ называемый Гадсгиль-Плесь стоитъ на возвышеніи у большой дороги изъ Рочестера въ Гревсендъ. Часто проѣзжали мы вмѣстѣ мимо этого дома, за много лѣтъ до того какъ сдѣлался онъ домомъ Диккенса, и всякій разъ припоминалось разказанное мнѣ Диккенсомъ, когда я впервые увидѣлъ съ нимъ домъ этотъ, о важномъ мѣстѣ какое занималъ онъ въ воспоминаніяхъ его дѣтства. Идя когда-то съ отцомъ изъ Чатама, Чарльзь сталъ любоваться этимъ домомъ, и отецъ обѣщалъ ему что онъ современемъ самъ будетъ жить въ немъ или въ другомъ такомъ же, если только станетъ прилежно работать. Долго это было цѣлью желаній мальчика. Разказъ интересный, подтверждаемый началомъ одной изъ статей Диккенса о путешествіяхъ. На дорогѣ въ Кентрбери вдругъ предъ нимъ возникаетъ видѣніе его собственнаго дѣтства.

„Такъ гладка была старая большая дорога, такъ свѣжи лошади, и такъ скоро ѣхалъ я, что былъ уже на полъ-пути между Гревсендомъ и Рочестеромъ. Расширяющаяся рѣка несла къ морю суда подъ бѣлыми парусами или чернымъ дымомъ. Вдругъ я замѣтилъ у дороги страннаго маленькаго мальчика.

„— Эй! сказалъ я странному маленькому мальчику, гдѣ вы живете?

„— Въ Чатамъ, сказалъ онъ.

„— Что вы тамъ дѣлаете? говорю я.

„— Хожу въ школу, говоритъ онъ.

„Я тотчасъ же посадилъ его къ себѣ, и мы поѣхали дальше. Вдругъ странный маленькій мальчикъ говоритъ: — Вотъ мы подѣвжаемъ къ Гадсгиллю, гдѣ Фальстафъ вышелъ грабить путешественниковъ и убѣжалъ.

„— Вы знаете что-нибудь о Фальстафѣ? сказалъ я.

„— Все знаю о немъ, сказалъ странный маленькій мальчикъ. — Я большой (мнѣ девять лѣтъ) и читаю всякія книги. Остановитесь-ка пожалуста на верху горы, поглядѣть на тотъ домъ.

„— Онъ вамъ нравится? сказалъ я.

„— Еще бы! сказалъ странный маленькій мальчикъ. — Когда я былъ на половину меньше чѣмъ теперь, меня въ награду приводили поглядѣть на него; а теперь я самъ прихожу глядѣть. И съ тѣхъ поръ какъ помню себя, отецъ мой, видя какъ люблю я этотъ домъ, постоянно говаривалъ мнѣ: *Если будешь очень прилеженъ и трудолюбивъ, то можешь-быть современемъ будешь жить въ этомъ домѣ.* Впрочемъ это невозможно, добавилъ странный маленькій мальчикъ, тихо вздохнувъ и во всѣ глаза уставившись на домъ.

„Слова страннаго маленькаго мальчика нѣсколько изумили меня, ибо домъ-то этотъ мой, и я имѣю основаніе думать что мальчикъ говорилъ правду.“

Странный маленькій мальчикъ былъ въ сущности никто иной какъ самъ Диккенсъ ребенкомъ. Онъ былъ мальчикъ маленькій и болѣзненный, подверженный жестокимъ припадкамъ спазмовъ, дѣлавшимъ его неспособнымъ къ сильному движенію. Онъ никогда не игралъ хорошо въ крикетъ, въ барры и другія дѣтскія игры требующія проворства и силы. Но онъ любилъ глядѣть, читая книжку, какъ играютъ другіе мальчики, большею частью офицерскія дѣти, и всегда полагалъ что ранняя болѣзненность принесла ему неогрѣненную пользу, такъ какъ слабость здоровья пробудила въ немъ большую охоту къ чтенію. Изъ дальнѣйшаго разказа моего окажется что онъ немногимъ обязанъ былъ родителямъ своимъ, и въ дѣтствѣ былъ дѣйствительно, какъ заявляетъ въ первомъ письмѣ своемъ къ Вашингтону Ирлингу, тщедашный и залущенный мальчикъ; однако онъ нерѣдко говаривалъ что первая любознательность и склонность

къ чтенію внушена была ему матерью, которая научила его началамъ англійскаго языка, а немного спустя и латинскаго. Она долгое время учила его аккуратно каждый день, и учила, какъ былъ онъ убѣжденъ, отлично. Однажды я предложилъ ему по этому поводу вопросъ, на который онъ отвѣчалъ почти буквально словами вложенными имъ пять лѣтъ спустя въ уста Давида Коллерфильда: „Я смутно помню какъ она учила меня азбуку, и глядя на толстыя черныя буквы прописей, загадочная новизна ихъ очертаній и добродушная ясность O и S живо представляется мнѣ теперь, какъ представлялась тогда.“

Затѣмъ слѣдовала приготовительная школа; школа для мальчиковъ и дѣвочекъ, которую онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ сестрой Фанни, и которая находилась въ мѣстности называемой Румъ-Ленъ. Посѣтивъ Чатамъ въ зрѣломъ возрастѣ, онъ сталъ отыскивать эту мѣстность. Оказалось что старыя строенія были разрушены „сто лѣтъ тому назадъ“, и проведена новая улица, но во мракѣ лѣтъ рисовалось все-таки ясное воспоминаніе, что школа помѣщалась надъ лавкой красильщика, что къ ней вели ступени, объ которыя онъ часто стучался колѣнами, и что стараясь смести грязь со столпаннаго башмачка, онъ не разъ ушибалъ себѣ ногу.* Другія подобныя же воспоминанія дѣтства встрѣчаются мѣстами въ его мелкихъ произведеніяхъ. Читатели вѣроятно помнятъ черты собственнаго прошедшаго вложенныя Диккенсомъ въ фантастическое описаніе елки, и едва ли забыли также что говорить онъ, въ глубоко продуманномъ открывкѣ о разказахъ нянекъ, о сомнительныхъ мѣстностяхъ и лицахъ съ которыми знакомятся дѣти до шести-лѣтняго возраста и къ которымъ, будучи

* „Хозяйка заведенія не оставила слѣдовъ въ нашей памяти; но вѣчно ежившаяся на неизмѣнной дыновкѣ въ безконечно длинномъ и узкомъ корридорѣ моська, питавшая къ намъ личную вражду, уцѣлѣла въ ней наперекоръ времени. Лай этой ненавистной моськи, коварныя подходы ея къ нашимъ незащитнымъ ногамъ, черная, важная морда и жестоко оскаленныя бѣлые зубы, все это живо до сихъ поръ. Изъ необъяснимой иначе связи въ умѣ нашемъ этой моськи со словомъ *fiddle* (балалайка) мы заключаемъ что она была французскаго происхожденія и называлась *Fidèle*. Она принадлежала какой-то женщинѣ жившей въ задней комнатѣ и проводившей жизнь, какъ намъ казалось, въ хрипѣ и въ кошени темной бобровой шапки.“ *Reprinted Pieces*, 287. (Въ сомыахъ на сочиненія Диккенса имѣется въ виду Диккенсовское изданіе.)

предоставлены на поличеніе слугъ, противъ воли каждую ночь принуждены возвращаться. Не изобразилъ ли онъ также съ любовью какъ дѣти преувеличиваютъ все что видятъ? Какъ большая Рочестерская улица представлялась ему столь же широкою, какъ Реджентъ-Стритъ, а потомъ оказалась не лучше переулка; какъ часы на башнѣ, казавшіеся лучшими въ мірѣ, явились въ послѣдствіи одними изъ самыхъ плохихъ и разбитыхъ, какіе когда-либо видалъ человѣкъ; какъ наконецъ въ ратушѣ, которую считалъ нѣкогда великолѣпнымъ зданіемъ служившимъ Духу Лампы моделью для Алладинова дворца, онъ съ грустью увидѣлъ потомъ жалкую кучу кирпичей, похожую на потерявшую смыслъ часовню. Но не съ такою уже грустью глядѣлъ онъ на все это послѣ нѣкотораго размышенія. „Какое право имѣлъ я сердиться что городъ измѣнился въ моихъ глазахъ, когда самъ я вернулся въ него другимъ человѣкомъ? Здѣсь происходили мои первыя чтенія, слагались мои первыя мечты; я унесъ ихъ отсюда съ невинною вѣрой, чистыми и свѣтлыми, и привесъ ихъ назадъ искаженными и потрясенными, много умнѣе и много хуже прежняго.“

Здѣсь могу я кстату прямо заявить, на что намекалъ уже въ началѣ, что точно такъ же какъ Фильдингъ изобразилъ себя и своихъ близкихъ въ Капитанѣ Бутѣ и Амеліи, и всегда утверждалъ что описывалъ въ своихъ книгахъ лишь видѣнное въ жизни, такъ и Диккенсъ могъ бы сказать то же самое о Давидѣ Колперфильдѣ. Со времени смерти его много было сдѣлано догадокъ объ отношеніи автобіографіи Давида къ его собственной; объясняли личнымъ опытомъ частое появленіе въ его сочиненіяхъ сценъ изъ тюремной жизни, описанныхъ съ такою удивительною, живою вѣрностью, съ такимъ глубокимъ чувствомъ; усматривали первый толчокъ данный его собственному таланту въ томъ что Давидъ разказываетъ въ школѣ Стирфорта о сказкахъ и повѣстяхъ прочтенныхъ имъ въ дѣтствѣ. Всѣ догадки эти не только справедливы, но весьма скоро окажется что тождество было гораздо полнѣе и глубже, чѣмъ предполагали, и простиралось на событія не менѣе поразительныя въ дѣйствительности, чѣмъ являються они въ вымыслѣ.

Изъ этого источника можемъ мы почерпнуть свѣдѣнія о тѣхъ „чтеніяхъ“ и „мечтахъ“ которыя онъ увезъ съ собою изъ Чагама. Это одно изъ буквально истинныхъ мѣстъ въ *Давидъ Колперфильдъ*, и здѣсь слѣдуетъ привести его.

„Отецъ мой оставилъ небольшую бібліотеку въ комнаткѣ на

верху, къ которой я имѣлъ доступъ, потому что она была рядомъ съ моею, и куда никто изъ домашнихъ кромѣ меня не заглядывалъ. Изъ этой благословенной комнатки вышли *Родриксъ Рандомъ*, *Перегринъ Пикль*, *Голфри Клинкертъ*, *Томъ Джонсонъ*, *Викарій Векфильдскій*, *Донъ-Кихотъ*, *Жиль Бласъ* и *Робинзонъ Крузо*, славная ватага, мнѣ на утѣху и радость. Они питали мое воображеніе, мою надежду на что-то лучшее настоящаго времени и мѣста,— они да еще *Тысяча и одна ночь* и *Сказки Дювоэ*,— и не причиняли мнѣ вреда; ибо если было что-либо вредное въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, оно не существовало для меня, оставалось неизвѣстнымъ мнѣ. Меня удивляетъ теперь гдѣ находился я время, среди возни и работы надъ болѣе тяжелыми предметами, прочесть всѣ эти книги, какъ я прочелъ ихъ. Мнѣ странно теперь какъ могъ я найти утѣху среди мелкихъ заботъ моихъ (онѣ были для меня крупныя заботы), ставя себя на мѣсто моихъ любимыхъ лицъ.... Я былъ Томомъ Джонсомъ (дѣтскимъ, невиннымъ Томомъ Джонсомъ) цѣлую недѣлю. Я, полагаю поистинѣ, искренно игралъ роль Родрика Рандома въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Я съ жаднымъ восторгомъ читалъ нѣкоторые томы путешествій и странствій, не знаю уже какіе именно, находившіеся на тѣхъ полкахъ, и помню что нѣсколько дней кряду ходилъ по дому вооруженный среднимъ кускомъ изъ саложной колодки, живое воплощеніе капитана королевскаго флота такого-то, окруженнаго дикарями и рѣшившагося дорого продать жизнь свою... Когда думаю объ этомъ, предо мной постоянно возникаетъ картина лѣтнаго вечера; мальчики играютъ на логостѣ, а я сижу на кровати и читаю изо всѣхъ силъ. Каждая рига въ околodкѣ, каждый камень церкви, каждый футъ логоста имѣлъ для меня свое особое значеніе, въ связи съ содержаніемъ моихъ книгъ, изображая какую-нибудь мѣстность прославленную ими. Я видѣлъ Тома Пейлса взлѣзающаго на нашу колокольню; я глядѣлъ какъ Страль со своимъ ручнымъ чемоданчикомъ отдыхалъ опершись на нашу калитку, и я знаю что Коммодоръ Труннионъ учредилъ клубъ свой съ мистеромъ Пиклемъ въ общей комнатѣ нашего сельскаго трактира“.

Эти личныя воспоминанія были записаны какъ факты, отъ слова до слова, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ какъ нашли мѣсто въ *Давидъ Копперфильдъ*. Единственное измѣненіе заключалось въ томъ что опущено было названіе дешеваго изданія повѣстей, выходившаго тогда, и даващаго

средства отцу Диккенса накопить столько литературныхъ сочиненій въ своей маленькой библіотекѣ.

Обнаружилось обычное послѣдствіе. Ребенокъ самъ принялся писать и прославился въ своемъ дѣтскомъ кругу длинною трагедіей подъ заглавіемъ *Миснаръ, Султанъ Индійскій*, взятою изъ *Сказокъ Дювова*. И не однимъ этимъ онъ отличился. Онъ такъ хорошо разказывалъ экспромптомъ, такъ ловко пѣлъ небольшія комическія пѣсни что его и дома и въ гостяхъ поднимали на стулья и на столы, чтобъ эффектнѣе обнаружить его таланты. Разказавъ мнѣ это въ первый разъ на одномъ изъ вечеровъ въ день рожденія его старшаго сына, онъ прибавилъ что при воспоминаніи объ этомъ, ему всегда слышится его рѣзкій дѣтскій голосъ, и онъ всегда краснѣетъ при мысли какъ надоѣдалъ онъ должно-быть добродушнымъ взрослымъ людямъ которыхъ заставляли ему удивляться.

Главный товарищъ и помощникъ его въ этихъ продѣлкахъ былъ родственникъ его по матери, Джемсъ Ламертъ, юноша гораздо старше его, не лишенный способностей, который вмѣстѣ съ овдовѣвшею мачихой своею, сестрой гжи Диккенсъ, жилъ у нихъ и въ Портси и въ Чатамъ, когда Чарльзъ былъ ребенкомъ, покуда вдова не вышла вторично замужъ за военнаго доктора. Первый мужъ ея, флотскій офицеръ, утонулъ давно уже въ Рио-Жанейро, и Джемсъ, младшій изъ двухъ ея пасынковъ, отправленный какъ подобаетъ въ Сандгорестъ на воспитаніе, продолжалъ отъ времени до времени посѣщать Чатамъ. Онъ имѣлъ склонность къ домашнимъ спектаклямъ, и такъ какъ второй мужъ его мачихи квартировалъ въ Чатамскомъ военномъ госпиталѣ, большомъ, залуценномъ строеніи, въ то время почти необитаемомъ, то мѣста для устройства своихъ любимыхъ увеселеній у него было довольно. Самъ военный докторъ принималъ въ нихъ участіе, и портретъ его находимъ въ *Пиквицкѣ*.

Диккенсъ часто говаривалъ при мнѣ что Ламертъ первый повелъ его въ театръ, въ весьма нѣжномъ возрастѣ. Едва ли однако былъ онъ тогда моложе чѣмъ Чарльзъ Ламбъ, впервые видѣвшій *Артакеркса* шести лѣтъ, и ужъ конечно не моложе Вальтера Скотта, которому было четыре года, когда онъ видѣлъ Шекспировскую драму *Какъ угодно* на Батской сценѣ, и возмущенный поединкомъ Орланда съ Оливеромъ, вскричалъ: „Развѣ они не братья?“ Какъ бы то ни было, онъ не настолько былъ малъ чтобы не помнить какъ сердце его билось отъ ужаса, когда злой король Ричардъ, въ борьбѣ на жизнь и смерть

съ добродѣтельнымъ Ричмондомъ, отступая назадъ, стукнулся спиной объ ложу въ которой онъ сидѣлъ. Дальнѣйшія посѣщенія святилища музъ открыли ему, какъ самъ онъ говорилъ, много дивныхъ секретовъ, „въ числѣ которыхъ было то смущающее обстоятельство что вѣдьмы въ Макбетъ поразительно похожи на Теневъ и другихъ настоящихъ обитателей Шотландіи, и что добрый король Дуаканъ не вкушаетъ локоя въ могилѣ, а постоянно выходитъ изъ нея, называя себя кѣмъ-то другимъ“.

Въ послѣдніе два года пребыванія своего въ Чатамъ Чарльзъ посѣщалъ школу открытую въ Кловерь-Ленъ уже упомянутымъ молодымъ проповѣдникомъ баптистовъ, г. Вильямомъ Джейльсомъ. Очень живо представляется мнѣ онъ въ это время маленькимъ, слабымъ, задумчивымъ, впечатлительнымъ мальчикомъ, съ необыкновеннымъ для такого ребенка знаніемъ и воображеніемъ, и съ опасною живостію ума, которую наставникъ могъ направить и на добро и на зло, на счастье и на несчастье. Повидимому вліяніе г. Джейльса было благотворно. Чарльзъ въ послѣдствіи вспоминалъ не безъ благодарности что этотъ первый учитель его запущеннаго дѣтства призналъ его мальчикомъ способнымъ; и когда, во время выхода *Pucknick*, старый наставникъ прислалъ серебряную табатерку съ хвалебною надписью: „неподражаемому Боцу“, это напомнило ему похвалы гораздо болѣе драгоценныя, какъ на первомъ годовомъ экзаменѣ въ Кловерленскомъ училищѣ его заставили, если только юношеское самолюбіе не затмило его память, дважды повторить произнесенный наизусть отрывокъ изъ собранія юмористовъ о докторѣ Болосѣ. Вслѣдствіе этого подарка отъ стараго учителя онъ сталъ одно время нюхать, впрочемъ очень умѣренно, такъ-называемый ирландскій табакъ,—единственная дурная привычка внушенная ему г. Джейльсомъ, но оставленная послѣ немногихъ годовъ.

Тутъ на лужайкѣ, гдѣ дѣти играли, около Кловерлена, по его воспоминаніямъ, онъ во время сѣнокоса былъ освобожденъ изъ темницъ Серингалатама (огромной колны) соотечественниками своими побѣдоносными Англичанами (мальчикъ изъ сосѣдняго дома съ двумя двоюродными братьями), и былъ восторженно признавъ своею невѣстой (миссъ Гринъ), пріѣхавшею нарочно изъ Англіи (второй домъ на площадкѣ), чтобы выкупить его и выйти за него замужъ. Здѣсь также, какъ самъ онъ разказываетъ, въ первый разъ услышалъ онъ по секрету отъ мальчика

котораго отецъ имѣлъ большія связи, состоя на службѣ правительства, о существованіи страшныхъ злодѣевъ называемыхъ „радикалами“, ученіе которыхъ состояло въ томъ что принцъ регентъ носить корсетъ, что никто не имѣеть права ни на какое содержаніе, что войско и флотъ слѣдуетъ сократить; ужасы при мысли о которыхъ онъ дрожаль въ постели, возсылая молитвы чтобы радикалы были скорѣе схвачены и повѣшены. Не малымъ огорченіемъ было для него, когда въ послѣдствіи посѣтилъ онъ Чатамъ, что лужайка гдѣ играли школьники была поглощена станціей желѣзной дороги. Исчезла она съ двумя своими прекрасными кустами шиповника, и гдѣ прежде цвѣли пестрые луговые цвѣты, теперь осталась лишь жесткая, каменистая дорога.

Ему было немного за девять лѣтъ, когда отецъ его былъ отозванъ изъ Чатама въ Соммерсетъ-Гоусъ, и ему пришлось оставить добраго учителя и мѣсто дорогое ему по воспоминаніямъ, не изгладившимся во всю жизнь. Здѣсь познакомился онъ не только съ тѣми книгами которыя поименно перечисляетъ Давидъ Копперфильдъ: *Родрикомъ Рандомомъ, Перегриномъ Пиклемъ, Гомфреемъ Клинкеромъ, Томомъ Джонсомъ, Викариемъ Векфильдскимъ, Донъ Кихотомъ, Жиль Бласомъ, Робинзономъ Крузою, Тысячью и одной ночью* и *Сказками Духовъ*, а также съ изданіями *Spectator, Tatler, Idler, Citizen of the World* и *Собраніемъ фарсовъ* гжи Инчбальдъ. Эти послѣднія также находились въ маленькой библіотекѣ къ которой онъ имѣлъ доступъ, и онъ ихъ по два, по три раза перечитываль въ Чатамѣ. Они были для него толпой друзей, когда у него не было ни одного друга, и увѣжая, онъ, по собственнымъ словамъ его, какъ будто разставался и съ ними, оставляя все что озаряло и согрѣвало его болѣзненную жизнь. Здѣсь родилось его воображеніе, и самъ онъ не зналъ какъ дороги ему были разнообразныя, быстро смѣняющіяся картины здѣшней жизни, пока нависшая туча не грозила скрыть ихъ навсегда. Блестящія полки, вѣчно приходящія и уходящія, безпрерывные парады и ученія, мнимыя осады и обороны, спектакли устраиваемые родственникомъ въ госпиталѣ, яхта на которой вѣдиль онъ съ отцомъ въ Ширнессъ, суда лывущія по Медве въ открывающееся впереди далекое море—всего этого онъ долженъ былъ лишиться. Не придется ему болѣе глядѣть какъ играютъ мальчишки, подражая видѣннымъ разводамъ. Его повезутъ въ Лондонъ, въ дилижансѣ Коммодоръ, и Кентскіе лѣса и поля, Паркъ

и домъ Кофамъ, Рочестерскій соборъ и замокъ, вся чудная романтическая обстановка, включая сюда и краснощекую дѣвочку въ которую онъ былъ страстно влюблеъ, все исчезнетъ какъ сонъ. „Вечеромъ наканунѣ нашего отъѣзда“, говорилъ онъ мнѣ, „мой добрый учитель пробрался къ намъ въ домъ среди укладываемыхъ ящиковъ и далъ мнѣ Гольдсмитову *Пчелу* на память. Я долго хранилъ ее ради его и ради ея самое“. Еще дольше помнилъ онъ путешествіе въ дилижансѣ. „Не могу я забыть, говоритъ онъ въ одномъ изъ напечатанныхъ своихъ сочиненій, несмотря на многіе протекшіе съ тѣхъ поръ годы, запахъ сырой соломы, въ которую меня уложили, и повезли словно оплаченную посылку дичи. Внутри дилижанса не было ни одного пассажира кромѣ меня; я поѣдалъ слои сандвичи въ уединеніи и уныніи; всю дорогу шелъ сильный дождь, и жизнь казалась мнѣ грязнѣе чѣмъ я предполагалъ.“

Первыя впечатлѣнія полученныя имъ въ Лондонѣ относились къ денежнымъ затрудненіямъ отца. Тутъ впервые услышалъ онъ слово „актъ“, обозначающее въ дѣйствительности тотъ именно кризисъ въ дѣлахъ отца который въ романѣ отнесенъ къ дѣламъ мистера Микобера. Въ послѣдствіи онъ узналъ что подъ этимъ словомъ разумѣлось не что иное какъ соглашеніе съ кредиторами, но въ то раннее время о которомъ идетъ рѣчь, онъ представлялъ себѣ документъ гораздо болѣе страшнаго, адскаго свойства. Послѣдствія обнаружились скоро въ вынужденномъ сокращеніи расходовъ. Семейству пришлось поселиться въ Бегамъ-Стритѣ, въ Камденъ-Тоунѣ.

Бегамъ-Стритъ была тогда чуть ли не самая бѣдная часть лондонскихъ предмѣстій, и домъ гдѣ поселилось семейство былъ плохое тѣсное строеніе, съ жалкимъ садикомъ, выходившимъ на грязный дворъ. Тутъ не было мѣста для новыхъ знакомствъ; не было по сосѣдству мальчиковъ съ которыми Чарльзъ могъ бы надѣяться сколько-нибудь сойтись. Прачка жила рядомъ, а напротивъ полицейскій чиновникъ. Много разъ говорилъ онъ мнѣ объ этомъ, и какъ ему казалось что онъ вдругъ впалъ въ какое-то одиночество, въ какое-то отчужденіе отъ людей даже близкихъ, совершенно ему необъяснимое. „Думая въ Бегамъ-стритской конурѣ обо всемъ что оставилъ я въ Чатамѣ, говорилъ онъ однажды съ большою горечью, чего бы я не далъ, еслибы только было что дать, чтобы меня послали въ какую-нибудь школу, научили бы хоть гдѣ-нибудь чему-нибудь.“ Онъ поступилъ уже, самъ того не зная, въ иную школу.

Вынужденное самовоспитаніе научало его, пока безсознательно, тому именно что для ожидавшей его будущности нужно ему было знать.

Что онъ вынесъ изъ жизни въ Бегамъ-Стритъ первое впечатлѣніе той бьющейся бѣдности, нигдѣ не обнаруживающейся ярче чѣмъ въ плохихъ улицахъ предмѣстій, которое придавало его раннимъ произведеніямъ свѣжесть оригинальнаго юмора и искренность чувства, значительно содѣйствовавшія ихъ быстрому успѣху, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. „Я понималъ все это тогда, часто говаривалъ онъ мнѣ, точно такъ же какъ понимаю теперь“. Но онъ не сознавалъ еще что онъ все это понимаетъ, и какъ все это дѣйствуетъ на его жизнь. Кажется страннымъ утверждать о ребенкѣ лѣтъ девяти-десяти что онъ обладалъ такою же тонкою наблюдательностью, такимъ же инстинктивнымъ пониманіемъ характеровъ и слабостей окружающихъ его взрослыхъ людей, какія въ послѣдствіи стяжали ему славу между современниками. Но зная его, я безусловно вѣрю его настойчиво повторяемому увѣренію что никогда не находилъ онъ повода измѣнять въ чемъ-либо внутреннее мнѣніе свое составленное въ дѣтствѣ — людямъ съ которыми ему потомъ приходилось имѣть дѣло въ зрѣломъ возрастѣ. Какъ, будучи тѣмъ чѣмъ онъ былъ, попалъ онъ въ бѣдственное положеніе, которое предстоитъ теперь описать, объ этомъ мы часто съ нимъ разсуждали, и разъ онъ очертилъ мнѣ характеръ отца своего. Очеркъ этотъ, который я могу привести въ подлинныхъ словахъ его, послужитъ лучшимъ предисловіемъ къ тому что по необходимости долженъ я сообщить. „Я знаю отца моего за добрѣйшаго и великодушнѣйшаго человѣка на свѣтѣ. Все что помню я о поведеніи его относительно жены, дѣтей, друзей въ болѣзни и несчастіи, выше всякой похвалы. Подлѣ меня, больного ребенка, провелъ онъ неотлучно много бессонныхъ ночей и утомительныхъ дней. Онъ никогда не бралъ на себя дѣла или порученія котораго не выполнилъ бы усердно, добросовѣстно, аккуратно и честно. Дѣятельность его всегда была неутомима. Онъ по-своему гордился мною; комическое глѣние мое очень ему нравилось. Но по мягкости характера, по скудости средствъ, онъ повидимому совершенно оставилъ въ это время мысль какъ бы то ни было воспитать меня. Ему, кажется, и въ голову не приходило чтобъ я въ этомъ отношеніи имѣлъ право что-либо отъ него требовать. Такъ мало-по-малу я опустился до того что поутрамъ чистилъ его сапоги, вмѣстѣ со своими соб-

ственными, исправляя разныя мелкія работы въ скудномъ хозяйствѣ, присматривалъ за братьями и сестрами (насъ всѣхъ было шестеро), и ходилъ по скромнымъ "порученіямъ, возникавшимъ изъ нашего скромнаго образа жизни."

Старшій родственникъ, уже упомянутый мною, Джемсъ Ламмертъ, окончивъ курсъ въ Сандгорствѣ и ожидая офицерскаго мѣста, жилъ теперь съ семействомъ Диккенса въ Бегамъ-Стритѣ, и не оставилъ своей старой склонности къ драматическимъ увеселеніямъ. Сжалившись надъ одинокимъ мальчикомъ, онъ сдѣлалъ и раскрасилъ для него маленькій театръ. Это была единственная поэтическая прикраса его тогдашней жизни, но это не могло замѣнить ему того что всего болѣе недоставало ему,—товарищества сверстниковъ, съ которыми могъ бы онъ дѣлать выгоды школы и состязаться за награды. Сестра его Фанни въ это время была избрана въ ученицы королевской музыкальной академіи, и онъ разказывалъ мнѣ какъ горько ему было, при общей невнимательности къ нему, видѣть что она отправляется начинать свое воспитаніе, и что всѣ домашніе со слезами желаютъ ей успѣха.

Однако время шло, и съ нимъ вмѣстѣ шло впередъ безсознательно воспитаніе Диккенса, подъ руководствомъ строжайшаго и могущественнѣйшаго наставника. При всей нищетѣ и безпомощности своей онъ сумѣлъ перенести въ Лондонъ всю поэзію, какою прежде украшалъ Чатамъ. Въ Бегамъ-Стритѣ были тогда богадѣльни, которыя мы нашли въ прежнемъ видѣ посѣтивъ съ нимъ Бегамъ-Стритъ лѣтъ 27 тому назадъ: ходить на это мѣсто и глядѣть черезъ кучи земли, пустыри и поля (уже не существовавшія во время нашего посѣщенія) на мерцающій сквозь дымъ куполь Св. Павла было для него долго мечтательнымъ наслажденіемъ. Если водили его прогуливаться по городу, особенно въ окрестностяхъ Ковентъ-Гардена или Странда, онъ приходилъ въ невыразимый восторгъ. Сильнѣе же всего дѣйствовалъ на него Сень-Джейльсъ. Если кто-нибудь водилъ его туда, онъ былъ вполне счастливъ. „О Боже! восклицалъ онъ нерѣдко, какія дикія видѣнія порока, бѣдности и нищеты возникали тутъ предо мною!“ Вспомнимъ что по болѣзненности, не оставившей его, онъ былъ все еще маленькій мальчикъ даже для своихъ лѣтъ.

Мы приближаемся теперь къ тому времени его дѣтства которае, когда наступили для него дни славы и благополучія, тяжкимъ гнетомъ лежало на его памяти, до тѣхъ поръ пока

онъ не смягчилъ горечи этого воспоминанія, подѣлившись имъ съ другомъ. Случай о которомъ я сейчасъ упомяну далъ ему поводъ впервые заговорить объ этомъ. Но прежде остается еще описать нѣсколько мѣсяцевъ, о которыхъ могу сообщить лишь нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разговоровъ или писемъ вызванныхъ признаніемъ Диккенса, и уже давшихъ отчасти матеріалъ для моего изложенія. Такое употребленіе этихъ писемъ, считаю нужнымъ заявить, имѣлось въ виду когда они писались, ибо хотя задолго до его смерти я не считалъ вѣроятнымъ что переживу его и буду писать его біографію, онъ не переставалъ съ того ранняго времени до послѣднихъ дней своихъ желать этого и доставлять мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія. * Исполненіе этой задачи онъ самъ облегчилъ, приподнявъ отчасти завѣсу въ *Давидъ Копперфильдъ*.

Изъ Бегамъ-Стрита посѣщалъ онъ преимущественно двухъ родственниковъ: старшаго брата матери и своего крестнаго отца. Этотъ послѣдній, торговавшій снастями и мореходными принадлежностями, жилъ въ Леймгаусѣ зажиточно и открыто и любилъ своего крестника. Для Диккенса повѣдка въ Леймгаусъ была праздникомъ, и ночныя картины Лондона на воз-

* Читатель позволить мнѣ привести мѣсто изъ письма Диккенса ко мнѣ отъ 22го апрѣля 1848. „Когда прахъ моеѣ личности выйдетъ изъ-подъ власти моеѣ любви къ порядку, я не желаю для моеѣ славы лучшаго біографа и критика.“ „Вы знаете меня лучше, писалъ онъ возвращаясь къ тому же, 6го іюля 1862 года, чѣмъ кто-либо знаетъ или будетъ знать меня“. Въ дневникѣ моемъ въ промежуткѣ между этими годами отмѣчено нѣсколькими словами время когда я впервые увидѣлъ въ связной формѣ автобіографическій отрывокъ, который составитъ сущность второй главы настоящаго сочиненія, а также собственный взглядъ Диккенса на этотъ отрывокъ. „20го января 1849. Описаніе можетъ вовсе не произвестъ на другихъ того впечатлѣнія какое дѣйствительность произвела на него. Весьма вѣроятно никогда не выйдетъ въ свѣтъ. Нѣтъ желанія. Оставлено Дж. Ф. или другимъ.“ Первый выпускъ *Давида Копперфильда* появился пять мѣсяцевъ спустя. Я узналъ, даже прежде чѣмъ онъ вставилъ упомянутый автобіографическій отрывокъ въ 11 выпускъ этой повѣсти, что онъ оставилъ намѣреніе окончить его отъ своего имени. Не право предоставленное мнѣ распоряжаться имъ по усмотрѣнію не было у меня отнято. Дальнѣйшія слова отмѣченныя въ дневникѣ моемъ относятся къ рукописи отрывка: „Нѣтъ помарокъ, какъ въ вымыслѣ; писано сразу, какъ обыкновенное письмо.“

вратномъ пути всегда радовали и изумляли его. Тутъ искусство въ комическомъ лѣтнѣ возбудило такое удивленіе что одинъ изъ гостей крестнаго отца провозгласилъ маленькаго Диккенса „чудомъ“. Къ холостому дядѣ, товарищу отца по службѣ, не такъ далеко было ѣздить. Г. Томасъ Барроу, старшій братъ матери Диккенса, сломалъ себѣ тогда ногу и лежалъ больно въ Джерардъ-Стритъ, въ верхнемъ этажѣ дома принадлежавшаго недавно скончавшемуся почтенному книгопродавцу Мансону, отцу члена знаменитой фирмы Кристи и Мансонъ, вдова котораго продолжала въ то время торговлю. Добрымъ людямъ понравилась наружность мальчика, какъ проходилъ онъ мимо ихъ квартиры наверхъ; они стали давать ему книги, въ числѣ которыхъ были между прочимъ: *Шотландскіе возежди* миссъ Портеръ, Гольбейновская *Пляска смерти* и *Шуточные рассказы* Джорджа Кольмана. Эти послѣдніе произвели на Диккенса сильное впечатлѣніе. Онъ такъ пораженъ былъ описаніемъ Ковертъ-Гардена въ одномъ изъ нихъ, озаглавленномъ *Старшій братъ*, что пошелъ украдкой на этотъ рынокъ, съ цѣлью сравнить дѣйствительность съ описаніемъ. „Помню, говорилъ онъ, рассказывая мнѣ это, что я вдыхалъ въ себя запахъ попорченной капусты, какъ живую струю юмористической поэзіи“. И не такъ далеко былъ онъ отъ истины въ отношеніи къ юмористической поэзіи того времени. Ему самому суждено было вдохнуть въ нее болѣе свѣжій, благоуханный духъ. Много лѣтъ слѣдовало еще ждать; но онъ уже тогда проходилъ необходимую школу.

Дядю его брилъ очень оригинальный старый цирюльникъ изъ Динъ-Стрита, непрерывно разсуждавшій о событіяхъ послѣдней войны, тщательно указывая всѣ ошибки Наполеона, и перестраивая всю жизнь его по-своему. Мальчикъ написалъ характеристику этого стараго цирюльника, но не рѣшился никому показать. Въ то же время, взявъ за образецъ описаніе экономки каноника въ *Жиль Блазъ*, онъ очертилъ прислуживавшую имъ въ Бегамъ-Стритъ глухую старуху, которая умѣла дѣлать очень вкусныя лирожки съ грецкими орѣхами. Этого произведенія онъ также не осмѣлился показать, хотя самъ считалъ его весьма остроумнымъ.

Между тѣмъ дѣла въ Бегамъ-Стритѣ шли плохо. Горячка помѣшала нѣкоторое время мальчику ходить къ дядѣ, все еще не оправившемуся отъ перелома, а когда онъ выздоровѣлъ, таинственный „актъ“ опять появился на сцену. Средства отца

были такъ скудны, всё уловки до такой степени истощены, что пришлось попытаться не выручить ли какъ-нибудь мать. „Пришло время мнѣ взаться за дѣло—говорила она; надо что-нибудь сдѣлать.“ Крестный отецъ въ Леймгаусъ, какъ полагаютъ дѣтей изъ Индіи домой на воспитаніе. Надо открыть школу. Этимъ путемъ можно нажить денегъ. „Тогда, думалъ болѣзненный мальчикъ, можетъ-быть и я попаду въ школу.“ Скоро найденъ былъ домъ, № 4 въ сѣверной части Гоуеръ-Стрита. Большая мѣдная доска на двери указывала „заведеніе гжи Диккенсъ“. О результатѣ этой попытки я могу сообщить собственными словами юнаго еще тогда участника въ комедіи, такъ искренно надѣявшагося на успѣхъ. „Я разносилъ, говорить онъ, по разнымъ домамъ множество объявленій, выставившихъ на видъ всё достоинства заведенія. Но никто не поступалъ въ нашу школу, и сколько мнѣ помнится, не собрался поступить, да и никакихъ приготовленій не было сдѣлано для пріема учениковъ. Знаю только что трудно было намъ ладить съ мясникомъ и съ хлѣбникомъ, что не всегда ѣли мы волю, и что наконецъ отецъ мой былъ арестованъ.“ Промежуткомъ времени между арестомъ и тюрьмой проведенъ былъ жалкимъ мальчикомъ въ бѣготнѣ съ порученіями и письмами отца, которыя онъ передавалъ со слезами на опухшихъ глазахъ. Прощаясь съ нимъ предъ окончательнымъ отправленіемъ въ долговую тюрьму, Маршалъси, отецъ въ послѣднихъ словахъ своихъ выразилъ безнадежную увѣренность что солнце для него навсегда закатилось. „Я искренно думалъ, говорилъ мнѣ Диккенсъ, что умру съ горя отъ этихъ словъ.“ Въ отмѣстку за эту пустую тревогу онъ въ послѣдствіи заставилъ весь свѣтъ смѣяться имъ въ *Давидъ Конперфильдъ*.

Кто читалъ исторію мистера Микобера и помнитъ первый приходъ Давида въ Маршалъси, какъ увидавъ, тюремщика, онъ подумалъ о тюремщикѣ въ *Розикъ Рандоль*, тому любопытно будетъ прочесть слѣдующій разказъ, записанный какъ личное воспоминаніе о дѣйствительныхъ событіяхъ, года за три до возникновенія первой мысли о *Давидъ Конперфильдъ*...

„Отецъ ждалъ меня въ сторожкѣ, мы пошли на верхъ въ его комнату (въ предпоследнемъ этажѣ) и много плакали. Онъ сказалъ мнѣ, помню, чтобъ я извлекъ себѣ пользу изъ его примѣра и понялъ бы непреложную истину: если человѣкъ получающій въ годъ двадцать фунтовъ тратитъ девятнадцать

фунтовъ, девятнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ, то онъ будетъ счастливъ; но истративъ одинъ лишній противъ дохода шиллингъ, онъ погрузитъ себя въ бѣдствіе. Я какъ теперь вижу каминъ у котораго мы сидѣли, съ двумя кирпичами за ржавою рѣшеткой, чтобъ не слишкомъ много сгорѣло угля. Въ одной комнатѣ съ отцомъ жилъ еще какой-то должникъ; онъ пришелъ, и такъ какъ обѣдъ былъ общій, то меня послали къ капитану Портеру, въ верхнемъ этажѣ, передать поклонъ отъ мистера Диккенса, сообщить что я его сынъ, и попросить вилку и ножикъ.

„Капитанъ Портеръ далъ вилку и ножикъ и поручилъ кланяться отцу. У него въ комнатѣ была очень неопрятная дама и двѣ блѣдныя дѣвушки, его дочери, со взъерошенными волосами. Мнѣ пришло въ голову что неприятно было бы занять гребень у капитана Портера. Самъ капитанъ одѣтъ былъ до крайности скудно. Еслибъ умѣлъ рисовать, я нарисовалъ бы его старую, старую, темную шинель, подъ которой не было другаго платья. У него были большія бакенбарды. Въ углу свернута была его постель; нѣсколько тарелокъ, блюды и горшковъ стояло на полкѣ. Я сообразилъ (Богъ знаетъ изъ чего) что обѣ дѣвушки со взъерошенными волосами незаконныя дочери капитана, и что неопрятная дама не жена его. Я простоялъ на порогѣ въ робости и удивленіи, полагаю, не болѣе двухъ минутъ, однако сходя внизъ, я зналъ все это такъ же вѣрно, какъ то что несу въ рукѣ ножикъ съ вилкой.

Какъ обѣдъ сошелъ въ сущности довольно пріятно, немножко по-цыгански, какъ отнесъ онъ вилку и ножикъ капитану и потомъ пошелъ домой успокоить мать отчетомъ о своемъ посѣщеніи тюрьмы, все это Давидъ Колперфильдъ также обстоятельно разказалъ. Дома наступали мучительныя хлопоты, казавшіяся безконечными, хотя въ сущности продолжались, вѣроятно, лишь нѣсколько недѣль. Все почти мало-помалу было продано или заложено, и главнымъ дѣятелемъ въ этихъ печальныхъ сдѣлкахъ былъ маленькій Чарльзъ. Книги привезенныя изъ Чатама: *Пегрринъ Пикль*, *Родриксъ Рандолъ*, *Томъ Дѣзонсъ*, *Гомфри Клинкеръ*, пошли первыя. Онѣ отнесенны были изъ маленькаго шкапчика, который отецъ называлъ библиотекой, къ книгопродавцу въ Гампстедъ-Родъ, тому самому котораго описываетъ Давидъ Колперфильдъ, помѣщая его въ Сити-Родъ. Разказъ о продажѣ, какъ дѣйствительно производилась она, сообщенный мнѣ задолго до рожденія *Давида*.

былъ воспроизведенъ слово въ слово въ его вымышленномъ повѣствованіи.

„Хозяинъ этой книжной лавочки, жившій въ домикѣ позади ея, имѣлъ обыкновеніе наливатьея пьянъ каждый вечеръ, за что жена сильно бранила его каждое утро. Не разъ, когда приходилъ я къ нему рано, онъ принималъ меня сидя на смятой кровати, съ разрѣзомъ на лбу или подшибеннымъ глазомъ, уликами вчерашняго кутежа (онъ, кажется, сварливъ былъ пьяный). Дрожащею рукою старался онъ найти требующіеся шиллинги въ одномъ изъ кармановъ платья, лежащаго на полу, а жена, съ младенцемъ на рукахъ, въ стоптанныхъ башмакахъ, не переставала бранить его. Иногда оказывалось что онъ потерялъ деньги, тогда онъ говорилъ мнѣ чтобъ я зашелъ другой разъ; но у его жены деньги всегда находились (должно-быть она отбирала ихъ у него пока онъ былъ пьянъ), и она кончала со мной на лѣстницѣ, пока сходили мы вмѣстѣ.“

И лавка закладчика, такъ хорошо извѣстная Давиду, не менѣ знакома была и Чарльзу. Онъ даже обратилъ на себя вниманіе закладчика и его конторщика, стоявшаго за прилавкомъ. Готовя росписку, они любили слушать какъ мальчикъ спрягаетъ латинскій глаголь, склоняетъ *nusa* и *dominus* или переводитъ латинскія фразы. Такъ шло одно за другимъ, пока наконецъ, даже въ домѣ въ Гоуеръ-Стритъ № 4, не осталось ничего кромѣ нѣсколькихъ стульевъ, кухоннаго стола да кроватей. Семейство стояло какъ бы таборомъ въ двухъ залахъ опустѣвшаго дома, проводя тутъ дни и ночи.

И все это лишь вступленіе къ тому что предстоитъ описать.

ГЛАВА II.

Тяжкія испытанія мальчика.

1822 — 1824.

Обстоятельства которыя долженъ я изложить теперь, вѣроятно, никогда не сдѣлались бы мнѣ извѣстны, также какъ и всѣ событія его дѣтства и первой молодости, еслибы не вопросъ случайно предложенный мною Диккенсу въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1847 года.

Я спросилъ его не припомнить ли онъ—случалось ли ему когда-нибудь видать нашего пріятеля старшаго Г. Дилка, знакомаго и сверстника отцу его, служившаго въ той же канцеляріи

при Сомерсетъ-Гоусъ въ которой служилъ и г. Джонъ Диккенсъ. „Да, отвѣчалъ онъ, помню; я видалъ его въ одномъ домѣ въ Джерардъ-Стритѣ, гдѣ жилъ дядя Барроу во время болѣзни, и г. Дилкъ бывалъ у него. А больше никогда.“ На это я сказалъ что стало-быть перепутали имена, ибо мнѣ говорили не о случайныхъ встрѣчахъ, а о какомъ-то магазинѣ въ Страдѣ, гдѣ онъ мальчикомъ занималъ какую-то должность, гдѣ Дилкъ, пришедшій однажды съ его отцомъ, замѣтилъ его и далъ ему полъ-кроны, за что получилъ отъ него глубокой поклонъ. Диккенсъ промолчалъ нѣсколько минутъ. Я почувствовалъ что затронулъ больное мѣсто въ его воспомина-нiяхъ, и съ Дилкомъ никогда уже объ этомъ не заговаривалъ. Не въ этотъ разъ, а лишь нѣсколько недѣль спустя, Диккенсъ въ разговорѣ намекнулъ мнѣ что я припомнилъ ему такое время котораго онъ не можетъ забыть, пока не лишится сознанiя, и мысль о которомъ до сихъ поръ еще нерѣдко преслѣдуетъ и мучитъ его.

Вскорѣ затѣмъ я узналъ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельства такъ тяжело на него подѣйствовавшiя. Сказанное и написанное имъ мнѣ въ то время раскрыло исторiю его отрочества. Мысль о *Давидъ Копперфильдъ*, высказавшемъ его тайну цѣлому свѣту, еще не приходила ему тогда. Но все то что съ перваго разу такъ потрясло меня, было въ послѣдствiи сообщено читателямъ, лишь съ такими измѣненiями и прибавленiями которыя скрыли бы на время его собственную личность за героемъ повѣсти. Ибо бѣдный мальчикъ, впечатлительный и даровитый, обращенный десяти лѣтъ въ „крѣпостнаго рабочаго“ на службѣ у „Мордстона и Гринби“, и сознающiй всю ненормальность, всю унижительность для него такого положенiя, въ дѣйствительности никто иной какъ самъ Диккенсъ. Онъ испыталъ страданiе быть „товарищемъ Мика Валкѣра и Мили Картофелины“; онъ самъ проливалъ слезы, мѣшавшiяся съ водой въ которой полоскали они наши бутылки. Все это было записано какъ факты, когда онъ еще не думалъ воспользоваться своими воспоминанiями для другой цѣли, и лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда мысль о *Давидъ Копперфильдъ*, сама внушенная ему письменнымъ изложенiемъ горестей дѣтства, начала уже слагаться въ его умѣ, оставилъ онъ намѣренiе описать свою жизнь. Все испытанное имъ въ магазинѣ такъ хорошо укладывалось въ избранную тему что онъ не могъ устоять отъ искушенiя тотчасъ же приступить къ

дѣлу. Рукопись въ которой изложены были эти испытанія, составлявшая только первую часть того что намѣревался онъ написать, вошла въ составъ одиннадцатой и предыдущихъ главъ его повѣсти. Но присланное мнѣ уже прежде, а также корректурные листы повѣсти, съ помѣтками сдѣланными тогда имъ самимъ, даютъ мнѣ средства отдѣлать дѣйствительность отъ вымысла и дополнить исторію дѣтства автора мѣстами олущенными въ книгѣ, которыя, объясняя развитие его характера, рисуютъ въ то же время предъ нами картину трагическаго страданія такими же тонкими и живыми чертами какими удивляемся мы въ изданныхъ его произведеніяхъ.

Отвѣтственность за сцены которыя предстоитъ описать падаетъ косвеннымъ образомъ на молодого родственника Диккенса по матери, Джемса Ламерта, не разъ уже упомянутого выше, который устраивалъ представленія въ Чатамъ и, окончивъ курсъ въ Сандгорстѣ, жилъ съ семействомъ Диккенса въ Бегамъ-Стритѣ, въ ожиданіи поступленія на службу въ армію. Ожиданіе это исполнилось лишь долго спустя, когда въ уваженіе отцовскихъ заслугъ онъ получилъ мѣсто офицера, которое впрочемъ уступилъ младшему брату, но онъ уже до отъѣзда Диккенса изъ Камденъ-Тоуна пересталъ жить съ ними. Мужъ сестры его, двоюродный братъ, носившій также имя Джорджъ Ламертъ, человекъ съ нѣкоторымъ состояніемъ, пустился недавно въ странную коммерческую спекуляцію и взялъ Джемса къ себѣ въ домъ какъ помощника. Передаю отрывокъ Диккенсовой автобіографіи:

„Предпріятіе это заключалось въ соперничествѣ съ Варреновою ваксой, продававшейся на Страндѣ № 30, и въ то время весьма знаменитою. Нѣкто Джонатанъ Варренъ (извѣстный-то назывался Робертъ), жившій въ Гонгерфордъ-Стерсъ или Маркетѣ (не помню какъ звалось тогда это мѣсто), на Страндѣ, № 30, заявилъ что онъ первоначальный изобрѣтатель и собственникъ состава этой ваксы, и что знаменитый родственникъ вытѣснилъ и обидѣлъ его. Онъ вызвался продать за извѣстную годовую ренту свой секретъ, свою фирму и помѣщеніе № 30 Гонгерфордъ-Стерсъ, Страндѣ (номеръ и слово Страндѣ печатались очень крурко, а промежуточное названіе очень мелко), и разгласилъ чрезъ своихъ агентовъ что при небольшомъ капиталѣ дѣло это можетъ быть весьма выгодно. Обладателемъ требующагося капитала оказался Джорджъ Ламертъ, двоюродный братъ и своякъ Джемса. Онъ купилъ предлагаемое право

и званіе, и вступилъ въ означенное дѣло и означенное помѣщеніе. Въ дурной для меня часъ, какъ часто думалось мнѣ. Главный распорядитель, Джемсъ Ламертъ, родственникъ жившій съ нами въ Бегамъ-Стритъ, видя какъ провожу я время и зная наши обстоятельства, предложилъ мнѣ поступить въ магазинъ ваксы, гдѣ буду дѣлать что могу, съ платой по шести или семи шиллинговъ въ недѣлю. Не помню шесть ли, или семь. Думаю, по сомнѣніямъ моимъ на этотъ счетъ, что сначала полагалось шесть, а потомъ семь. Какъ бы то ни было, отецъ и мать приняли предложеніе съ радостью, и въ одинъ понедѣльникъ утромъ я отправился въ магазинъ начинать свою дѣловую жизнь.

„Мнѣ теперь кажется удивительнымъ что меня такъ бросили въ такіе года. Мнѣ кажется удивительнымъ что, даже послѣ того какъ я сдѣлался въ Лондонѣ жалкимъ чернорабочимъ, никто не сожалѣлся надо мною, мальчикомъ очень способнымъ, живымъ, усерднымъ, нѣжнымъ, впечатлительнымъ и физически и морально; никто не замѣтилъ что можно бы найти средства, а можно было несомнѣнно, помѣститъ меня въ какую-нибудь школу. Друзьямъ, полагаю, надоѣло возиться съ нами. Отецъ и мать мои были совершенно довольны. Едва ли болѣе доставило бы имъ удовольствія, еслибъ я двадцати лѣтъ, окончивъ съ отличіемъ курсъ классической школы, поступалъ въ Кембриджскій университетъ.

„Магазинъ нашъ помѣщался въ крайнемъ домѣ у Старого Гонгенфордъ-Стерса на Страндѣ. Домъ былъ ветхій, выходившій, конечно, на рѣку и весь переполненный крысами. Я какъ будто вижу комнаты съ высокими панелями, свнившій полъ и крыльцо, старыхъ сврыхъ крысъ, которыя кишать въ погребяхъ, непрестанно оглашая свни своимъ пискомъ, всю грязь и запущенность этого жилья. Изъ конторы, помѣщавшейся въ первомъ этажѣ, видна была рѣка и барки съ углемъ. Около нея находился родъ чуланчика, въ которомъ я долженъ былъ сидѣть и работать. Работа моя состояла въ томъ чтобы закрывать банки съ ваксой сначала кускомъ масляной бумаги, потомъ кускомъ синей бумаги, завязывать ихъ бичевкой, потомъ обрѣзывать аккуратно бумагу, такъ чтобъ онѣ выходили изъ рукъ моихъ столь же опрятными какъ аптекарскія банки съ мазью. Когда извѣстное количество банокъ доведено было до такого совершенства, я долженъ былъ наклеить на каждую печатный ярлыкъ и затѣмъ приниматься за другія. Еще двое

пай трое мальчиковъ держались внизу за тою же работою и на такомъ же жалованьи. Одинъ изъ нихъ, въ первый понедѣльникъ, пришелъ наверхъ въ изодранномъ фартукѣ и бумажномъ колапкѣ, чтобы показать мнѣ какъ завязывать бичевку. Его знали Бобъ Фагинъ, и я позволилъ себѣ, долгое время спустя, употребить его имя въ *Оливеръ Твистъ*.

„Родственникъ нашъ любезно взялся учить меня чему-нибудь въ обѣденное время, помнится, отъ двѣнадцати до часу каждый день. Но дѣло, столь несомѣстимое съ конторскими занятіями, скоро было оставлено, не по его и не по моей винѣ; и по той же самой причинѣ мой рабочій столикъ, мои ряды банокъ, бумаги, бичевки, ножницы, клей, ярлыки исчезли изъ чуланчика подлѣ конторы и присоединились къ другимъ столикамъ, банкамъ, бумагамъ, бичевкамъ и ножницамъ внизу. Мы съ Бобомъ Фагиномъ и еще съ однимъ мальчикомъ по имени Павелъ Гринъ, но окрещеннымъ, какъ полагали почему-то, Поллемъ (предположеніе перенесенное мною въ послѣдствіи на мистера Свидльпейла въ *Мартинъ Чодзльвитъ*), работали обыкновенно рядомъ. Бобъ Фагинъ былъ сирота и жилъ со своякомъ своимъ, водовозомъ. Отецъ Поля Грина носилъ высокое званіе пожарнаго и состоялъ при Друриленскомъ театрѣ, гдѣ одна родственница Поля, кажется маленькая сестра его, представляла чертенятъ въ пантомимахъ.

„Нельзя выразить словами страданій души моей, когда я опустился до такихъ товарищей, когда я сравнивалъ ихъ съ товарищами болѣе счастливыхъ временъ моего дѣтства, и чувствовалъ какъ надежда сдѣлаться ученымъ, выдающимся человекомъ, сокрушалась въ груди моей. Нельзя описать гнетущее воспоминаніе о безнадежномъ чувствѣ одиночества, о стыдѣ внушаемомъ мнѣ моимъ положеніемъ, о мученіяхъ причиняемыхъ молодому сердцу мыслию что все узанное, передуманное, все чему я радовался, чѣмъ возбуждалъ свое воображеніе и соревнованіе, все должно погибнуть, оставить меня безвозвратно. Все существо мое до такой степени проникнуто было горемъ отъ подобныхъ соображеній что даже теперь, знаменитый, ласкаемый, счастливый, я нерѣдко забываю во снѣ что у меня есть милая жена и дѣти, что я совершеннолѣтній мужчина, и переношусь съ тяжкимъ уныніемъ къ тому времени моей жизни.

„Моя мать и сестры, кромѣ Фанни, находившейся въ королевской музыкальной академіи, все еще стояли таборомъ, съ

молодою служанкой изъ Чатамскаго рабочаго дома, въ двухъ залахъ опустѣвшей Гоуеръ-стритской квартиры. Далекое было ходить туда и назадъ въ обѣденную часть, и я или приносилъ обѣдъ съ собою, или покупалъ его въ какой-нибудь сосѣдней лавкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ состоялъ обыкновенно изъ мозговой колбасы и куска хлѣба; иногда я бралъ въ поварнѣ тарелку говядины на четыре пенса, иногда сыру съ хлѣбомъ и стаканъ пива изъ грязнаго стараго трактира наспротивъ магазина, подъ названіемъ, помнится, *Лебедь*, или *Лебедь* и что-то такое, что я забылъ. Однажды, помню, сунувъ подмышку принесенный утромъ изъ дому хлѣбъ, завернутый въ бумагу какъ книга, я вошелъ въ лучшую столовую ресторацію Джонсона на Чарльзъ-Кортъ въ Друри-Ленъ и величественно заказалъ тарелку говядины à la mode. Что подумалъ слуга о странномъ появленіи такого маленькаго мальчика одного, не знаю. Я словно теперь его вижу какъ онъ глядѣлъ на меня пока я обѣдалъ и привелъ другаго слугу поглядѣть. Я далъ ему полпенни и жалтію и теперь что онъ взялъ его.“

Здѣсь прерывается отрывокъ собственнаго повѣствованія, но я помню очень хорошо какъ Диккенсъ разказывалъ что самое лучшее для него время былъ вечеръ субботы. Великое дѣло было возвращаться домой съ шестью шиллингами въ карманѣ и заглядывать въ окна лавокъ, соображая что на нихъ можно купить. Гунтово жареное зерно, какъ отечественное произведеніе, замѣняющее кофе, было тогда въ большомъ ходу; мальчикъ покупалъ его и поджаривалъ себѣ въ воскресенье. Издавался тогда періодически дешевый сборникъ разныхъ статей, подъ названіемъ *Портфель*, и его мальчикъ любилъ приносить съ собою домой. Между тѣмъ кредиторы отца не пошли на предлагаемую новую сдѣлку; всякая надежда на соглашеніе исчезла, и кончилось тѣмъ что таборъ въ Гоуеръ-Стритъ снялся, и мать съ остальнымъ семействомъ перешла на житье въ Маршалси. Здѣсь я могу опять возвратиться къ собственному разказу Диккенса.

„Домовый ключъ былъ отосланъ назадъ хозяину, который очень радъ былъ получить его, и я, маленький Каинъ, только никогда никому не вредившій, былъ переданъ въ качествѣ жильца на руки бѣдной старушкѣ, давно знакомой нашему семейству, жившей въ Литль-Колледжъ-Стритъ, Камденъ-Тоуэръ, и принявшей дѣтей на хлѣбъ. Принявъ меня, она, сама того не

подозрѣвая, съ нѣкоторыми измѣненіями и прикрасами, послужила оригиналомъ для гжи Пилчинъ въ *Долби*.

„У нея жили тогда братъ съ сестрой, чьи-то незаконныя дѣти, за которыхъ очень неаккуратно платили, да маленькій сыночекъ какой-то вдовы. Мы съ обоими мальчишками спали въ одной комнатѣ. Завтракъ мой, состоявшій изъ куска хлѣба и молока на пени, я самъ себѣ доставалъ; другой кусокъ хлѣба и четверть фунта сыру я хранилъ въ особомъ шкафу на особой полкѣ, чтобы поужинать вечеромъ, когда возвращался домой. Трата чувствительная, конечно, изъ шести или семи шиллинговъ. Всѣ дни проводилъ я въ магазинѣ и долженъ былъ жить на эти деньги цѣлую недѣлю. За квартиру мою платилъ, кажется, отецъ. Во всякомъ случаѣ самъ я за нее не платилъ. Но кромѣ этого, да еще, помнится, платья, я положительно ни откуда не получалъ никакой помощи съ понедѣльника по субботу. Ни совѣта, ни наставленія, ни утѣшенія, ни поддержки ни отъ кого на свѣтѣ, видитъ Богъ.

„Воскресенья мы съ Фанни проводили въ тюрьмѣ. Я заходилъ за ней въ академію, на Тентерденъ-Стритъ въ Ганноверъ-Скверъ, въ девять часовъ утра, а вечеромъ провожалъ ее туда обратно.

„Я былъ еще такой ребенокъ, такъ не подготовленъ къ самостоятельной жизни—да и могло ли быть иначе?—что не могъ устоять противъ черствыхъ пирожковъ, выставленныхъ за полціны на подносахъ у двери кондитера въ Тоттенгамъ - Кортъ - Роудъ, и тратилъ на нихъ нерѣдко деньги которыя слѣдовало приберечь на обѣдъ. Тогда я оставался безъ обѣда, или бралъ булку, или ломоть луддинга. Пуддингъ продавался въ двухъ лавкахъ, которыя я посѣщалъ попеременно, смотря по состоянію моихъ финансовъ. Одна помѣщалась во дворѣ подлѣ самой церкви Св. Мартина (позади ея), которая теперь уже не существуетъ. Въ этой лавкѣ приготовлялся луддингъ особенный, съ коринкой, но дорогой; на два пенса давалось не больше чѣмъ обыкновеннаго луддинга на одинъ. Для обыкновеннаго же была хорошая лавка въ Страндъ, гдѣ-то недалеко отъ теперешней Лоутерской Арки. Тутъ былъ крутой, тяжелый луддингъ съ крупнымъ изюмомъ, цѣльныя ягоды котораго торчали далеко одна отъ другой. Онъ подавался горячій ежедневно около полудня, и много-много дней обѣдалъ я имъ.

„Намъ полагалось, кажется, полчаса на чай. Когда были деньги, я хаживалъ въ кофейню и бралъ полпорціи кофе и ломоть

хлѣба съ масломъ. Когда денегъ не было, я прохаживался по Ковентгарденскому рынку и глядѣлъ на ананасы. Кофейни преимущественно посѣщаемыя мною находились: одна въ Меденъ-Ленѣ, другая во дворѣ, теперь уже не существующемъ, около самаго Гонгерфордскаго рынка, и одна въ Сень-Мартинсъ-Ленѣ; объ ней я помню только что она стояла подлѣ церкви и въ двери ея было овальное окно съ надписью „кофейная“, обращенною на улицу. Если теперь сижу я въ кофейной, совѣмъ уже другаго рода, гдѣ есть такая надпись на стеклѣ, и прочту эту надпись навыворотъ, какъ часто читывалъ бывало въ тяжеломъ раздумьѣ, дрожь пробѣгаетъ по моимъ жиламъ.

„Я знаю что не преувеличиваю безсознательно скудость моихъ тогдашнихъ средствъ и трудности моей тогдашней жизни. Я знаю что если кто-нибудь давалъ мнѣ шиллингъ, я тратилъ этотъ шиллингъ на обѣдъ или чай. Я знаю что я работалъ съ утра до ночи съ грубыми мужчинами и мальчиками, какъ грязный, залуценный ребенокъ. Я знаю что старался тщетно протянуть деньги свои на недѣлю, клалъ ихъ въ ящикъ въ конторѣ, завернувъ въ шесть пакетишковъ и написавъ на каждомъ соответствующій день недѣли. Я знаю что еслибы не милость Господня, я легко могъ сдѣлаться, при отсутствіи всякаго надзора и попеченія, разбойникомъ и бродягой.

„Однако я имѣлъ извѣстное положеніе въ магазинѣ. Родственникъ мой въ конторѣ старался, насколько возможно при всѣхъ хлопотахъ и такомъ необыкновенномъ дѣлѣ, обращаться со мною не такъ какъ съ другими, и сверхъ того самъ я никогда никому не говорилъ какъ попалъ я сюда, и не обнаруживалъ ни малѣйшаго сожалѣнія или неудовольствія. Что я страдалъ втайнѣ, и страдалъ мучительно, никто не зналъ кромѣ меня самого. До какой степени страдалъ я, этого, какъ уже сказано, я рѣшительно не въ силахъ передать. Ничье воображеніе не можетъ превзойти дѣйствительность. Но я молчалъ и дѣлалъ свое дѣло. Я понималъ съ самаго начала что если не буду дѣлать дѣло свое такъ же исправно какъ другіе, то не избѣгну оскорбленій и пренебреженія. Я скоро сдѣлался по крайней мѣрѣ такъ же ловокъ и проворенъ какъ и другіе мальчики. При всей короткости съ ними, я держалъ себя однако своимъ поведеніемъ и приемами на извѣстномъ разстояніи отъ нихъ. И мальчики и взрослые мужчины всегда называли меня „молодымъ джентльменомъ“. Старшій работникъ, по имени Томасъ, бывшій прежде солдатомъ, да еще извощикъ Гарри, носившій красную

куртку, называли меня иногда въ разговорѣ „Чарльзомъ“, но это случалось, помнится, лишь въ минуты особой интимности, большею частью тогда, когда я забавлялъ ихъ разказами изъ прежнихъ моихъ чтеній, быстро изглаживавшихся уже изъ моей памяти. Поль Гринъ однажды возмущился противъ оказываемаго мнѣ почета, но Бобъ Фагинъ тотчасъ же урезонилъ его.

„Избавленіе отъ такого существованія я считалъ безнадежнымъ и пересталъ объ немъ думать, хотя я твердо увѣренъ что никогда ни на одну минуту не мирился съ этою жизнью и постоянно чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Но удаленіе отъ родителей, отъ братьевъ и сестеръ, унылая пустота которую находилъ я возвращаясь домой, эти обстоятельства, глубоко меня огорчавшія, казались мнѣ поправимыми. Въ одинъ воскресный вечеръ я такъ горячо, со слезами, говорилъ объ этомъ съ отцомъ что природная доброта его не устояла. Ему пришло въ голову что дѣло не совсѣмъ ладно. По всей вѣроятности это прежде не приходило ему въ голову, онъ вовсе не думалъ объ этомъ. Въ домѣ судебного агента по дѣламъ о несостоятельности, жившаго въ Лантъ-Стритѣ, была найдена для меня задняя комнатка, гдѣ много лѣтъ спустя помѣстился Бобъ Соьеръ. Постель съ бѣлымъ была доставлена мнѣ и постлана на полу. Изъ маленькаго окошечка открывался прекрасный видъ на лѣсной дворъ, и когда я вступилъ въ свое новое жилище, оно показалось мнѣ раемъ.“

Здѣсь опять пробѣлъ, который однако не трудно пополнить изъ писемъ и собственныхъ моихъ воспоминаній. Особая прелесть этого новаго райскаго жилища для Диккенса заключалась въ томъ что оно его опять, хотя и печальнымъ образомъ, сблизало съ семействомъ. Съ этого времени онъ завтракалъ „дома“, то-есть въ долговой тюрьмѣ, куда отпраплялся утромъ какъ только отпирались ворота, а иногда еще и раньше. Тамъ не было недостатка въ матеріальныхъ удобствахъ. На это отцовскихъ доходовъ, которые онъ продолжалъ получать, хватало съ избыткомъ; и во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ только простора, говаривалъ мнѣ Диккенсъ, семейство жило въ тюрьмѣ удобнѣе нежели прежде на свободѣ. Имъ прислуживала все та же дѣвушка-сиротка изъ Чатамскаго рабочаго дома, что и въ Бегамъ-Стритѣ. Ея-то живой, нѣсколько плутоватый и въ то же время добрый характеръ подаль ему первую мысль о *Маркизѣ* въ его *Старой лавкѣ рѣдкостей*. Она также жила по со-сѣдству, чтобъ являться во-время на свою службу, и встрѣча-

ясь съ нею иногда около Лондонскаго моста, Чарльзь для провожденія времени, пока не отпрутъ ворота тюрьмы, разказывалъ ей удивительныя сказки о верфяхъ и башнѣ. „Оправданіемъ мнѣ можетъ служить что я самъ, должно-быть, вѣрилъ этимъ сказкамъ“, говаривалъ онъ мнѣ. Кромѣ завтрака онъ еще ужиналъ въ тюрьмѣ и возвращался домой обыкновенно въ девять часовъ вечера. Ворота всегда запирались въ десять.

Не слѣдуетъ опускать того что говорилъ онъ мнѣ о хозяйнѣ своей маленькой квартиры. Онъ былъ толстый, добродушный, хромой старикъ; у него была тихая старуха жена и очень проегодушный взрослый сынъ, тоже хромой. Они ласково обходились съ мальчикомъ. Разъ ночью съ нимъ сдѣлался припадокъ прежнихъ его спазмовъ, и всѣ трое просидѣли у его постели до утра. Никого изъ нихъ не было уже на свѣтѣ, когда онъ мнѣ это разказывалъ. Но въ другомъ видѣ они живутъ и теперь, какъ семейство Гарландъ въ *Старой лавкѣ прѣдковѣй*.

Подобный же припадокъ сдѣлался съ нимъ однажды въ магазинѣ. Я могу описать этотъ случай собственными его словами.

„Бобъ Фагинъ былъ очень добръ ко мнѣ во время одного припадка моей старой болѣзни. На этотъ разъ я чувствовалъ такую нестерпимую боль что меня положили на солому въ прежнемъ моемъ чуланчикѣ, подлѣ конторы, и я катался по полу полъ-дня. Бобъ все время наполнялъ порожнія бутылки горячею водою и прикладывалъ ихъ попеременно къ моему боку. Подъ вечеръ я совершенно оправился, но Бобъ не хотѣлъ отпустить меня одного домой и пошелъ меня провожать. Мнѣ обидно было бы еслибъ онъ узналъ про тюрьму, поэтому послѣ нѣсколькихъ попытокъ отдѣлаться отъ него, на которыя Бобъ по добротѣ своей оставался непреклоннымъ, я прѣстился съ нимъ на крыльцѣ дома около Соутваркскаго моста на Серрейской сторонѣ, увѣривъ его что я тутъ живу. Для большей убѣдительности, на случай если онъ оглянется, я, помню, постучался въ дверь и спросилъ молодую женщину которая отперла мнѣ, не это ли домъ г. Роберта Фагина?“

Субботніе вечера продолжали попрежнему быть ему драгоценны. „Обыкновенная дорога моя домой шла черезъ мостъ Блакфрейаръ и мимо того поворота гдѣ съ одной стороны стоитъ часовня Роуландъ-Гилская, а съ другой изображеніе золотой собаки, которая лижетъ золотой горшокъ, надъ дверью лавочки. Тутъ много старыхъ, темныхъ, дрянныхъ лавочекъ; нѣкоторыя изъ нихъ и теперь остались неизмѣнными. Нѣсколько

недѣль тому назадъ я заглянулъ въ одну, гдѣ я бывало въ субботу вечеромъ покупалъ обшивку для салога, и замѣтилъ уголь гдѣ я однажды сѣлъ на скамейку примѣрить пару готовыхъ полусаложекъ. Не разъ соблазняла меня тутъ въ субботній вечеръ выставка въ одной угловой лавкѣ, и я входилъ вмѣстѣ съ очень пестрою толпой, посмотрѣть на „Толстую свинью, Дикаго Индѣйца и Маленькую Дамочку“. Тутъ были тогда, полагаю, существуютъ и теперь, двѣ-три шпалныя фабрики, и къ числу ощущеній при встрѣчѣ съ которыми гдѣ бы то ни было и въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ я тотчасъ же припоминаю то время, принадлежить между прочимъ залахъ шпалнаго производства.“

Старанія отца избѣгнуть суда оказались тщетными; пришлось принимать всѣ мѣры чтобы воспользоваться закономъ о несостоятельности; и тутъ маленькому Чарльзу выпала на долю своя роль. Законъ ставилъ между прочимъ условіемъ чтобы носильное платье и мелкія принадлежности не превышали цѣнностью двадцати фунтовъ. „Потребовалось, какъ формальность, чтобъ офиціальнѣй оцѣнщикъ осмотрѣлъ платье которое я носилъ. Мнѣ дали полупраздникъ, чтобъ явиться къ нему въ назначенное имъ время на квартиру, гдѣ-то за Обелускомъ. Помню какъ онъ вышелъ ко мнѣ съ полнымъ ртомъ и сильнымъ запахомъ лива и сказалъ добродушно „Хорошо! Не беспокойтесь!“ Конечно самый крутой кредиторъ не пожелалъ бы, еслибъ и имѣлъ право, воспользоваться моею плохою бѣлою шляпой, курточкой и полосатыми панталонами. Но у меня въ карманѣ были толстые серебряные часы, данныя мнѣ бабужкой до поступленія моего въ магазинъ, и я опасался, идя къ оцѣнщику, какъ бы это драгоценное имущество не превысило сумму двадцати фунтовъ. Поэтому слова его очень меня обрадовали, и выходя я признательно поклонился ему.“

Болѣе всего Диккенсу недоставало все-таки товарищества сверстниковъ. У него не было знакомыхъ мальчиковъ. Помнилось ему что иногда онъ игрывалъ на угольныхъ баркахъ съ Бобомъ Фадиномъ и Поллемъ Гриномъ въ обѣденный часъ, но эти случаи были рѣдки. Чаще всего онъ одинъ бродилъ въ улицахъ позади Адельфи, или по аркамъ этого зданія. Одною изъ любимыхъ его мѣстностей былъ маленькій трактиръ у рѣчки, съ подземнымъ ходомъ, называвшимся Лисей Норой, который мы однажды тщетно отыскивали вмѣстѣ. Представлялось ему, какъ упомянулъ онъ въ *Давидъ Копперфильдъ*, что въ

одинъ прекрасный вечеръ онъ сидѣлъ на лавкѣ предъ этимъ трактиромъ, вѣлъ что-то и смотрѣлъ на танцующихъ угольщиковъ: „Любопытно бы знать что думали они обо мнѣ?“ спрашиваетъ себя Давидъ. Тотъ же самый вопросъ предложилъ уже прежде Диккенсъ въ отрывкѣ своей автобіографіи.

Еще одинъ бывший съ нимъ характеристическій случай отнесъ онъ также къ Давиду, но я имѣю возможность передать его здѣсь безъ прикрасъ вымысла. „Я такой былъ маленькій мальчикъ, съ плохомъ своей бѣлою шляпой, курточкой и поло-сатыми ланталонами, что часто когда входилъ я въ общую комнату незнакомаго трактира, запитъ съѣденную на улицѣ колбасу стаканомъ пива, мнѣ затруднялись дать его. Помню, разъ вечеромъ (я куда-то ходилъ по порученію отца и возвращался домой черезъ Вестминстерскій мостъ) вошелъ я въ трактиръ въ Парламентъ-Стритъ, и теперь стояцій, хотя въ измѣненномъ видѣ, на томъ-же мѣстѣ, на углу короткой улицы, ведущей въ Каннонъ-Роу, и сказалъ хозяину, стоявшему за стойкой:—что стоить у васъ стаканъ самаго лучшаго пива, *самаго* лучшаго?

„День былъ почему-то для меня праздничный, не помню почему именно, можетъ-быть мое, или чье-нибудь рожденіе.—Два пенса, отвѣчалъ хозяинъ.—Такъ нацѣдите-ка мнѣ стаканъ, говорю я, да чтобъ была лѣвна, какъ слѣдуетъ.—Хозяинъ поглядѣлъ на меня изъ-за стойки съ ногъ до головы, со странною улыбкой на лицѣ, и вмѣсто того чтобы цѣдить пиво, заглянулъ за ширмы и сказалъ что-то женѣ;—она вышла съ работою въ рукахъ и тоже принялась меня осматривать. Вся группа какъ будто стоитъ предо мною здѣсь въ моемъ кабинетѣ на Девонширской террасѣ. Хозяинъ безъ сюртука, прислонившійся къ окну, жена его, выглядывающая изъ-за дверки, и я, въ смущеніи глядяцій на нихъ черезъ стойку. Они много меня спрашивали: какъ меня зовутъ, какихъ я лѣтъ, гдѣ живу, чѣмъ занимаюсь, и на всѣ эти вопросы, чтобы никого не выдать, я придумывалъ подходящіе отвѣты. Они подали мнѣ пива, хотя, полагаю, не самаго крѣпкаго въ домѣ, и хозяйка, отворивъ дверь, наклонилась ко мнѣ и поцѣловала меня не то съ удивленіемъ, не то съ состраданіемъ, но во всякомъ случаѣ съ истинною женскою добротою.“

Позднѣйшій и не менѣе характеристическій случай этого времени также нашелъ себѣ мѣсто, года четыре послѣ того какъ былъ записанъ, въ знаменитомъ теперь романѣ. Онъ

предшествовалъ лишь немногимъ освобожденію изъ долговой тюрьмы старшаго Диккенса, которому незадолго до этого досталось отъ родственника довольно значительное наслѣдство (нѣсколько сотенъ фунтовъ, какъ я слышалъ), уключенное въ судъ во время его заключенія. Описываемая сцена произошла по поводу составленнаго имъ предъ выходомъ изъ тюрьмы прошенія не объ отмианіи ареста за долги, какъ рассказываетъ Давидъ Копперфильдъ, а о менѣ важной и болѣе доступной милости, о выдачѣ заключеннымъ пособія, чтобы выпить за здоровье короля въ наступающій день рожденія его величества.

„Я упоминаю этотъ случай потому что онъ доказываетъ какъ рано занимали меня наблюденія надъ людьми. Приходя вечеромъ въ Маршаллси, я всегда слушалъ съ интересомъ разказы моей матери о прежней жизни заключенныхъ должниковъ. Когда я узналъ о предстоящей церемоніи, мнѣ такъ захотѣлось поглядѣть какъ они будутъ входить одинъ за другимъ (хотя я зналъ въ лицо большую часть изъ нихъ, и они меня), что я нарочно отпросился и помѣстился въ уголку около прошенія. Оно лежало, помню, у окна на большой гладильной доскѣ, служившей ночью кроватью въ другой части комнаты. За соблюденіемъ внутреннихъ правилъ чистоты и порядка и содержаніемъ общей комнаты въ буфетѣ, гдѣ горячая вода, нѣкоторыя кухонныя принадлежности и хорошій огонь были припасены для всякаго кто платилъ весьма ничтожный взносъ, наблюдалъ очень исправно управляющій комитетъ изъ должниковъ, предсѣдателемъ котораго былъ въ то время мой отецъ. Рядомъ съ отцомъ, предъ прошеніемъ выстроилось столько членовъ этого комитета сколько могло помѣститься въ небольшой комнатѣ, не переполнивъ ея. Старый мой знакомый капитанъ Портеръ (умывшійся ради торжественнаго случая) сталъ подлѣ самаго прошенія, чтобы прочесть его вслухъ тѣмъ кто не былъ знакомъ съ его содержаніемъ. Затѣмъ двери распахнулись настежь, и должники начали входить по очереди длинною вереницей. Пока одинъ входилъ, подписывалъ и выходилъ изъ комнаты, другіе ждали на площадкѣ за дверью. Каждаго капитанъ Портеръ спрашивалъ: не желаете ли выслушать прошеніе? И если въ отвѣтъ обнаруживалось малѣйшее слабодушное любопытство, капитанъ Портеръ громкимъ, звучнымъ голосомъ читалъ бумагу отъ слова до слова. Помню съ какой выразительностью произносилъ онъ такія слова какъ „ваше величество... ваше всемилостивѣйшее величество... несчастные подданные вашего вели-

чества... въсьмъ извѣстная щедрость вашего величества...“ какъ будто слова эти особенно пріятны были ему на вкусъ: а бѣдный отецъ мой слушалъ съ авторскимъ тщеславіемъ, разсматривая безъ глѣва копыя на тюремной стѣнѣ. Все смѣшное и все трагическое этой сцены я, думаю искренно, понималъ въ своемъ углу, не подавая, можетъ-быть, вида, точно такъ же какъ понималъ бы теперь. Я сочинилъ свой характеръ и свою исторію для каждаго кто подписывался подъ бумагой. Теперь я сдѣлалъ бы это, положимъ, съ большею вѣроятностію, но не съ большею искренностію и теплотой. Всѣ ихъ особенности въ одеждѣ, въ наружности, въ походкѣ, въ приемахъ неизгладимо впечатлѣлись въ моей памяти. Мнѣ это зрѣлище доставило больше удовольствія чѣмъ самая лучшая пьеса когда-либо исполненная на театрѣ, и много, много разъ думалъ я о немъ надъ своими банками съ ваксой. Когда заглянулъ я умственнымъ окомъ въ тюрьму, гдѣ заключенъ былъ мистеръ Пиквикъ, едва ли не доставало тамъ человѣкъ шести изъ обитателей Маршалъси являвшихся поочередно на голосъ капитана Портера.“

Выйдя изъ долговой тюрьмы, все семейство отправилось жить со старушкой въ Литль-Котеджъ-Стритъ, гдѣ Роландъ, стяжавшею неожиданно безсмертіе подъ именемъ жи Пилчинъ. Потомъ они поселились въ маленькомъ домикѣ въ Сомерсъ-Тоунѣ. Но еще до этого Чарльзъ съ нѣкоторыми изъ членовъ своего семейства присутствовалъ въ Тентерденъ-Стритъ при выдачѣ сестрѣ его Фанни одной изъ наградъ королевской музыкальной академіи. „Мнѣ мучительно было подумать что всѣ подобныя почести и отличія недоступны для меня. Слезы потекли изъ глазъ моихъ. Сердце у меня надрывалось. Я молился въ этотъ день, ложась въ постель, чтобы дано мнѣ было выйти изъ униженія въ которомъ я находился. Никогда еще я такъ не страдалъ. Тутъ не было зависти.“ Этого не къ чему было прибавлять; онъ всегда радовался талантамъ сестры, гордился каждымъ ея успѣхомъ, и обнаруживалъ эти чувства съ пылкою откровенностію, ему вовсе несвойственною, а въ день ея похоронъ, который провели мы вмѣстѣ, онъ весьма трогательно высказалъ мнѣ признательныя воспоминанія о ней изъ времени своего дѣтства. Еще нѣсколько чертъ не менѣе интересныхъ чѣмъ предшествовавшія, и мы закончимъ съ исторіей этого времени. Черты эти записаны самимъ Диккенсомъ точъ въ точъ такъ, какъ передаются здѣсь.

„Не знаю навѣрное прежде ли, или послѣ разказаннаго, магазинъ ваксы былъ переведенъ на Шандось-Стритъ въ Ковентъ-Гарденъ. Все равно. Рядомъ съ лавкой на углу Бедфордъ-Стрита, есть два старые дома и двѣ смежныя другъ съ другомъ лавки. Онѣ тогда были соединены въ одну для продажи ваксы; прежде тутъ продавалось масло. Напротивъ стоялъ, и теперь стоитъ, трактиръ, гдѣ я пилъ пиво на новомъ мѣстѣ. Камни этой улицы, должно-быть, потерты моими дѣтскими ногами, какъ ходилъ я туда и назадъ въ обѣденное время. Заведеніе наше теперь расширилось; у насъ прибавилось мальчика два. Мы съ Бобомъ Фагиномъ достигли большой ловкости въ завязываніи банокъ. Не помню сколько мы могли изготовить ихъ въ пять минутъ. Мы работали у втораго окна отъ Бедфордъ-Стрита, потому что тамъ было свѣтлѣе, и работали такъ исправно что прохожіе, бывало, останавливались поглядѣть. Иногда набиралась у окна цѣлая кучка. Однажды, когда мы были очень заняты, вошелъ мой отецъ, я увидѣлъ его и удивился какъ достаетъ у него духу глядѣть на это.

„Теперь я обыкновенно обѣдалъ въ магазинѣ. Иногда я приносилъ обѣдъ съ собою изъ дому, и слѣдовательно дѣла мои шли лучше. Помню какъ хаживалъ я чрезъ Россель-Скверъ съ чѣмъ-нибудь холоднымъ въ маленькой мискѣ подъ мышкой. Странствія мои по улицамъ продолжались; я былъ попрежнему одинокъ и независимъ, но мнѣ не такъ уже было трудно поддерживать свое существованіе. Однако и не заикался о томъ чтобы взять меня изъ магазина; какъ будто я окончательно пристроенъ.

„Наконецъ отецъ мой и родственникъ, часто упомянутый, какъ-то поссорились. Поссорились письменно, ибо я отнесъ родственнику письмо отъ отца, причинившее разрывъ, и не на шутку. Причиной ссоры былъ я. Можетъ-быть дѣло шло отчасти о работѣ моей у окна. Знаю только что вскорѣ послѣ передачи мною письма, родственникъ мой объявилъ мнѣ что его сильно оскорбляютъ изъ-за меня, и что послѣ этого ему невозможно уже держать меня. Я сильно плакалъ, частію отъ неожиданности, частію оттого что онъ очень бранилъ отца, хотя со мною былъ ласковъ. Томасъ, бывшій солдатъ, утѣшалъ меня и говорилъ что это навѣрное къ лучшему. Чувствуя странное облегченіе, скорѣе похожее на какой-то гнетъ, я отправился домой.

„Мать моя взялась уладить дѣло, и уладила на другой день.

Она принесла мнѣ приглашеніе вернуться въ магазинъ на слѣдующее утро, а также весьма хвалебный аттестатъ, котораго я несомнѣнно вполне заслуживалъ. Отецъ мой сказалъ что я въ магазинъ уже не вернусь, а буду ходить въ школу. Я лишь безъ гнѣва и злопамятства, ибо знаю какъ все это вмѣстѣ сдѣлало меня тѣмъ что я теперь, но я никогда не забывалъ, не забуду, не могу забыть что мать моя горячо настаивала чтобы меня отправили обратно въ магазинъ. Съ той поры до настоящей минуты ни слова объ этомъ времени моего дѣтства, съ которымъ теперь я, слава Богу, покончилъ, не говорилъ я никому на свѣтѣ. Не знаю долго ли оно продолжалось: годъ ли, или гораздо болѣе, или меньше. Съ той поры до настоящей минуты отецъ и мать хранили объ этомъ ненарушимое молчаніе. Я ни разу не слышалъ отъ нихъ ни малѣйшаго намека, даже самаго отдаленнаго, на это время. Никогда ни въ какомъ порывѣ откровенности, ни предъ кѣмъ, даже предъ женой, не поднималъ я до сихъ поръ завѣсы, которую тогда, слава Богу, опустилъ. Пока старый Гонгерфордскій рынокъ не былъ уничтоженъ, пока старое Гонгерфордское крыльцо не было разрушено и самый характеръ почвы не измѣнился, я не имѣлъ духу посѣтить мѣсто гдѣ началось мое рабство. Я ни разу не видалъ его. Я боялся подойти къ нему. Долгіе годы приближалъ къ магазину Роберта Варрена на Страндѣ, я переходилъ на другую сторону улицы, чтобы не слышать запаха смолы, которою замазываютъ банки съ ваксой, напоминавшаго мнѣ чѣмъ былъ я когда-то. Долго неприятно мнѣ было идти вверхъ по Шандосъ-Стритъ. Проходя по старому пути моему домой, я не могъ удержаться отъ слезъ, когда старшій ребенокъ мой уже говорилъ. Съ тѣхъ поръ въ ночныя прогулки мои я часто хаживалъ туда, и вотъ понемногу дошелъ до того что написалъ все это: кажется лишь десятую часть того что могъ бы и хотѣлъ написать!¹⁴

Сущность позднѣйшихъ разговоровъ объясняющихъ нѣкоторыя мѣста сообщеннаго разказа, и записанныхъ въ то время, можетъ быть добавлена вкратцѣ. Онъ былъ, по всей вѣроятности, лѣтъ десяти не болѣе, когда вышелъ изъ магазина, и все еще очень малъ ростомъ, гораздо меньше, хотя двумя годами старше, нежели первый сынъ его въ то время какъ онъ сообщилъ мнѣ эти обстоятельства. Мать его часто бывала въ магазинѣ ваксы, отецъ всего только раза два. Соперничество преемниковъ Джонатана Варрена съ Робертомъ Варреномъ было доведено до удивительныхъ крайностей въ области объявленій.

Фирма ихъ, какъ сообщила онъ мнѣ, очень гордилась своею эмблемою: кошкою царапающею салогъ. Онъ помнилъ также состоявшихъ у нихъ на постоянной службѣ постовъ, изъ которыхъ одинъ послужилъ ему оригиналомъ для пѣвца восковыхъ издѣлій гжа Джарли. Все предпріятіе кончилось, однако, какъ обыкновенно кончаются подобныя дѣла. Оно надошло младшему родственнику, а нѣкто г. Вудъ, сдѣлавшійся товарищемъ Джорджа, купивъ Джемсовъ пай, продалъ наконецъ все заведеніе Роберту Варрену. Ему оно принадлежало и тогда, когда мы съ Диккенсомъ говорили объ этомъ, и приносило значительные барыши.

Г Л А В А III.

Школьные дни и вступленіе на поприще жизни.

1824—1830.

Какіе слѣды эти странныя испытанія дѣтства оставили на Диккенсѣ въ послѣдствіи, разказъ мой долженъ показать, но были вліянія дѣйствовавшія на него и на пути къ зрѣлому возрасту.

Изъ униженія, глубоко его огорчавшаго, онъ вынесъ прежде всего, хотя, вѣроятно, отчасти бессознательно, естественный страхъ невзгодъ, можетъ-быть еще ожидающихъ его впереди, усиленный прошлыми страданіями; изъ этого мало-по-малу выработалась сама собою твердая рѣшимость даже уступая силѣ обстоятельствъ не быть тѣмъ чѣмъ обстоятельства эти хотятъ его сдѣлать. Всѣ послѣдствія испытанныхъ имъ страданій и униженій не могли быть понятны ему, но современемъ они обнаружались ясно; въ разговорахъ со мною послѣ открытія тайны, онъ объяснялъ многія явленія своей позднѣйшей жизни испытаніями ранней молодости. Много пользы вынесъ онъ изъ нихъ, хотя и не безъ примѣси. Твердая непреклонная воля, неутомимая, непреодолимая энергія, давшая ему силу выйти изъ ничтожества не свернувъ съ пути долга, а добившись возможнаго въ данной сферѣ совершенства и успѣха, эти прекрасныя черты имѣли также и дурную сторону. Онъ сознавалъ это, но не вполнѣ. Чтò часто дѣлало его въ обществѣ тревожнымъ, смущеннымъ, раздражительнымъ, онъ очень хорошо зналъ; но не зналъ какой опасности подвергается, пересидевая

себя. Чрезвычайная самонадеянность, убеждение что все возможно для человека съ твердою волей, побуждали его нервно-слишкомъ много брать на себя. Въ немъ проявлялось иногда даже что-то жесткое и задорное; рѣшенія его принимали характеръ какой-то свирѣлости; чего онъ разъ захотѣлъ, то представлялось ему уже неизмѣннымъ, непреложнымъ, какъ бы шатки ни были основанія на которыхъ мнѣніе его сложилось. Но такъ рѣдко проявлялись черты эти, такъ мало вредили они характеру столь же откровенному и благородному, сколько пылкому и порывистому, что лишь въ очень немногихъ случаяхъ, во все продолженіе дружбы, не прерывавшейся ни на одинъ день слишкомъ тридцать три года, произвели онѣ на меня непріятное впечатлѣніе. Однако эти черты существовали, и когда вдругъ, рядомъ съ женственною почти впечатлительностью и глубокою потребностью сочувствія, я видѣлъ въ немъ суровую, даже холодную самоувѣренность, гордо отстраняющуюся отъ общенія съ другими, мнѣ казалось что вся обычная доброта и кротость его подавлена на время горькимъ сознаниемъ неблагоприятности къ нему судьбы въ ранней молодости. Не разъ видѣлъ я подтвержденіе этому. „Прошу васъ, писалъ онъ мнѣ въ іюнь 1862 года, подумать минуту, припомнить то что вы знаете о моемъ дѣтствѣ, и спросить себя, не естественно ли что черты характера сложившіяся тогда и изгладившіяся при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ снова стали проявляться во мнѣ въ послѣднее пятилѣтіе. Незабываемыя страданія тѣхъ далекихъ дней породили раздражительную впечатлительность въ плохо одѣтомъ, плохо питаемомъ мальчикѣ, которая пробудилась снова среди страданій послѣдняго времени.“

Была, однако, во всемъ этомъ одна безусловно хорошая сторона, на которую нужно указать прежде чѣмъ продолжать мой разказъ. Изложеніе бѣдствій его дѣтства уже достаточно показало что онъ никогда не терялъ подъ ихъ гнетомъ драгоценный даръ живой бодрости духа и способность видѣть смѣшную сторону вещей. Изъ всего испытаннаго онъ вынесъ несомнѣнную и прочную пользу. Я уже указывалъ что при самомъ началѣ невзгодъ и трудностей дало направленіе его таланту; надо замѣтить также что вслѣдствіе невзгодъ этихъ онъ самъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ бѣдняковъ, страданія, добродѣтели и пороки которыхъ послужили матеріаломъ для его блестящей славы. Дѣло бѣдняковъ, за которыхъ говорилъ онъ съ такимъ жаромъ, вызывая смѣхъ и слезы у цѣлаго

свѣта, не было для него постороннее, чужое дѣло, которое онъ взялся защищать, а свое собственное. Не маловажно и то обстоятельство что все это извѣдалъ онъ ребенкомъ, а не взрослымъ уже человѣкомъ, что онъ пожалъ лишь люди несчастій, не заплакавши въ землѣ, гдѣ коренилось ихъ сѣмя.

Дальнѣйшій шагъ его въ жизни можно передать его собственными словами. „Была школа въ Гампстедъ-Родѣ, которую содержалъ нѣкто г. Джонсъ изъ Вельса. Отецъ послалъ меня къ нему спросить программу школы. Мальчики обѣдали. Г. Джонсъ рѣзалъ имъ жаркое, въ полотняныхъ нарукавникахъ, когда я явился съ даннымъ мнѣ порученіемъ. Онъ вышелъ ко мнѣ, вручилъ мнѣ программу, и выразилъ надежду что я поступлю въ число его учениковъ. Я и поступилъ. Вскорѣ затѣмъ въ одно утро, въ семь часовъ, я отправился, какъ приходящій ученикъ, въ школу г. Джонса, которая находилась на Морнингтонъ-Плестъ, и классная комната которой была въ послѣдствіи отрѣзана Бирмингамскою желѣзною дорогой. Но въ то время этой классной комнатѣ не грозили ни компаніи, ни инженеры, и надъ дверью красовалась доска съ надписью: „Веллингтонская домашняя академія“.

Въ этой школѣ оставался онъ около двухъ лѣтъ и вышелъ изъ нея на пятнадцатомъ году. Въ мелкихъ сочиненіяхъ своихъ, также какъ и въ *Давидъ Котперфильдъ*, онъ нерѣдко намекаетъ на нее, а одна статья, перепечатанная изъ журнала его *New-hold Words*, содержитъ въ себѣ полное ея описаніе. Отчетъ какой даетъ онъ здѣсь о себѣ,—будто благодаря оставшемуся въ памяти раннему материнскому ученію, онъ оказался достаточно подготовленнымъ, чтобы засѣсть за *Виргилія*, будто получалъ многочисленныя награды и достигъ наконецъ высокаго положенія перваго ученика,—одинъ изъ двухъ знакомыхъ мнѣ школьныхъ товарищей его опровергаетъ; но оба согласны что общій характеръ школы воспроизведенъ удивительно вѣрно, и въ особенности тѣ черты ея которыми она отличалась гораздо болѣе, нежели знаніями своихъ воспитанниковъ.

Въ перепечатанной статьѣ Диккенсъ говоритъ что въ ней замѣчательны были бѣлыя мыши; что мальчики держали снегурей, коноплянокъ и даже канареекъ въ конторкахъ, ящикахъ, шляпныхъ футлярахъ и другихъ страшныхъ для птицъ помѣщеніяхъ, но что любимую охотой были бѣлыя мыши, и мальчики обучали ихъ гораздо лучше, нежели учитель обучалъ мальчиковъ. Онъ припоминаетъ въ особенности одну бѣлую мышь,

которая жила въ оберткѣ латинскаго словаря, взбѣгала на лѣстницы, возила римскія колесницы, выкидывала артикулы ружьемъ, вертѣла колеса, даже съ отличіемъ появилась на сценѣ какъ собака Монтаржиса, и совершила бы конечно еще болѣе славные подвиги, еслибы, своротивъ неосторожно съ дороги на триумфальномъ шествіи въ Капитолій, не утала въ глубокую чернильницу, гдѣ утонула, окрасившись въ черный цвѣтъ. Однако онъ упоминаетъ также что школа эта славилась до нѣкоторой степени въ околоткѣ, хотя неизвѣстно за что, и прибавляетъ что, по мнѣнію мальчиковъ, главный учитель не зналъ ничего, а одинъ изъ надзирателей зналъ все. „Мы и теперь склонны считать первое изъ этихъ предположеній основательнымъ. Прошлымъ лѣтомъ мы посѣтили мѣсто гдѣ стояла школа, и нашли что желѣзная дорога снесла ее до основанія. Большая линія поглотила рекреационную площадку, уничтожила классную комнату и отняла уголь дома, который, урѣзанный такимъ образомъ, обращается зеленымъ штукатурнымъ профилемъ своимъ къ дорогѣ, словно громадный утюгъ безъ ручки.“

Человѣкъ знавшій его въ то время, Г. Оуенъ П. Томасъ, пишетъ мнѣ (въ февралѣ 1871 года) слѣдующее: „Я имѣлъ честь быть школьнымъ товарищемъ г. Диккенса около двухъ лѣтъ (1824—1826). Оба мы были приходящими учениками въ „классической и коммерческой академіи“ г. Джонса, какъ гласила надпись на фасадѣ дома, находившагося на углу Гранду-Стрита и Гампстедъ-Роуда. Домъ стоитъ и теперь попрежнему, но школа и обширная рекреационная площадка исчезли при проведеніи Лондонской Сѣверо-Западной желѣзной дороги, идущей въ косвенномъ направленіи отъ Юстонъ-Сквера подъ Гампстедъ-Родомъ. Мы всѣ играли вмѣстѣ внѣ школы, также какъ вмѣстѣ учились въ ней. (Г. Томасъ перечисляетъ тутъ имена Генри Давсона, нынѣ практикующаго доктора въ Лондонѣ; Даниеля Тобина, которому, какъ я помню, прежній школьный товарищъ часто помогалъ въ послѣдствіи, и Ричарда Бре.) Вы найдете яркую картину школы, начерченную самимъ г. Диккенсомъ въ номерѣ журнала его *Household Words*, отъ 11го октября 1851. Статья озаглавлена: „Наша школа“. Имена, конечно, вымышленныя, но, кромѣ нѣкоторыхъ легкихъ прикрасъ, лица и событія описаны вѣрно, и всякій кто посѣщалъ эту школу въ то время легко узнаетъ ихъ. Учитель латинскаго языка былъ г. Манвилъ или Мандевиль, хорошо извѣстный въ теченіи многихъ лѣтъ въ библиотекѣ

Британскаго Музея. Академія наша, вытѣсенная желѣзною дорогой, была переведена въ другой домъ по сосѣдству; но г. Джонсъ и по крайней мѣрѣ двое изъ его помощниковъ давно уже скончались.“

Одинъ изъ нихъ былъ надзиратель, считавшійся всезнающимъ. Онъ училъ каллиграфіи, математикѣ, англійскому языку, латинскому въ одномъ отдѣленіи младшихъ классовъ, сводилъ счеты, чинилъ перья и всегда навѣдывался на квартирахъ родителей о здоровьѣ больныхъ мальчиковъ, потому что отличался хорошими манерами. Его корреспондентъ мой узналъ въ очеркѣ Диккенса, также какъ и маленькаго толстаго танцмейстера, учившаго дѣтей матросскимъ пляскамъ; латинскаго учителя, набивавшаго уши лукомъ отъ глухоты; суроваго дядьку, ходившаго за мальчиками въ скарлатинѣ, и наконецъ самого директора, вѣчно линевавшего тетради залачканною линейкой изъ чернаго дерева, бывшаго виноватыхъ по ладонямъ тѣмъ же адскимъ инструментомъ, или жестоко наказывавшаго ихъ тростью, придерживая панталоны большою рукою своею.

„Я помню г. Диккенса въ школѣ, продолжаетъ г. Томасъ, здоровымъ на видъ мальчикомъ, не высокаго роста, но хорошо сложеннымъ, необыкновенно живымъ, склоннымъ къ шалостямъ, но всегда почти невиннымъ, чего нельзя сказать о большинствѣ мальчиковъ въ этомъ возрастѣ. Ничего не могу я припомнить что бы тогда предвѣщало въ немъ будущую литературную знаменитость. Можетъ-быть онъ былъ еще слишкомъ молодъ. Онъ носилъ голову прямѣе и выше чѣмъ большая часть мальчиковъ, и вообще въ немъ замѣчалась какая-то особенная бодрость. Будничное платье его, состоявшее изъ куртки и панталонъ, я очень хорошо помню, оно было, какъ говорятъ, перечнаго цвѣта, а вмѣсто манашки со сборками, бывшей тогда въ общемъ употребленіи, онъ носилъ отложные воротнички, что придавало ему менѣе моложавый видъ. Онъ выдумалъ особый языкъ, состоявшій въ прибавленіи нѣсколькихъ однозвучныхъ буквъ къ каждому слову, и намъ было лестно, ходя по улицамъ и разговаривая на своемъ языкѣ, казаться иностранцами. Другая забава наша состояла въ томъ чтобы выдумывать экспромптомъ повѣсти. Помню очень хорошо какъ разказывалъ я такія повѣсти, гуляя съ Диккенсомъ и Дансономъ или Тобиномъ.“

Въ присланной мнѣ при этомъ письмѣ собственноручной запискѣ Диккенса, гдѣ дѣло идетъ о какой-то непонятной ужъ

школьной шуткѣ и возвращеніи одного учебника, писанной на четырнадцатомъ году, забавно видѣть въ подписи имени начало росчерка сдѣлавшагося въ послѣдствіи знаменитымъ.

„Много лѣтъ спустя, продолжаетъ г. Томасъ, по этой сохранный мною запискѣ я узналъ въ знаменитомъ писателѣ мальчика съ которымъ былъ друженъ въ школѣ. Когда г. Диккенсъ пріѣхалъ въ Ридингъ, въ декабрѣ 1854 года, чтобы дать одно изъ первыхъ своихъ публичныхъ чтеній въ пользу литературнаго института, котораго сдѣлался предсѣдателемъ послѣ смерти судьи Толфорда, я воспользовался случаемъ показать ему эту записку, что очень забавило его. Мы тутъ же разговорились о школьныхъ товарищахъ и между прочимъ о Даніелѣ Тобинѣ, который, какъ я помнилъ, былъ всѣхъ дружнѣе съ нимъ. Онъ мнѣ сказалъ что Тобинъ находится или находился прежде при немъ въ качествѣ секретаря и помощника; но въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ между Тобинымъ и его покровителемъ есть какая-то тайна, которой я никогда не могъ уяснить себѣ, ибо вскорѣ потомъ я услышалъ что они разстались окончательно, и вѣроятно былъ какой-нибудь серьезный поводъ разорвать знакомство, начавшееся еще въ дѣтствѣ и продолжавшееся такъ долго, къ великой пользѣ Тобина. Жилъ онъ въ наше школьное время въ одномъ изъ старыхъ теперь и мрачныхъ каменныхъ домовъ на Джорджъ-Стритъ въ Юстонъ-Родъ, черезъ нѣсколько дверей отъ трактира подъ вывѣской померанцеваго дерева. Другой очень близкій намъ школьный товарищъ, докторъ Дансонъ, полагаетъ что по выходѣ изъ школы г. Диккенсъ и Тобинъ вступили вмѣстѣ въ контору адвоката, помѣщавшуюся въ Линкольнсъ-Иннъ-Фильдсъ или гдѣ-нибудь по близости.“

Вина Тобина заключалась лишь въ томъ что онъ истощилъ наконецъ даже терпѣніе и доброту Диккенса. Просьбы его о пособіи повторялись такъ непрерывно что прервать съ нимъ сношенія было единственнымъ средствомъ избавиться отъ нестерпимой навязчивости. Читателю будетъ, конечно, пріятно если къ письму г. Томаса я прибавлю другое, не менѣе интересное, которымъ почтилъ меня докторъ Генри Дансонъ. Тутъ кромѣ веселости и бойкости упоминается также о нѣкоторой склонности къ проказамъ, которой другой школьный товарищъ не замѣтилъ въ Диккенсѣ. Но проказы эти самаго невиннаго свойства и могутъ скорѣе быть приписаны неудержимой живости.

„Помнится мнѣ что я былъ школьнымъ товарищемъ Диккенса около двухъ лѣтъ. Онъ вышелъ раньше меня, полагаю, лѣтъ 15ти. Школа г. Джонса, такъ-называемая Веллингтонская академія, находилась въ Гампстедъ-Родѣ, на сѣверо-восточномъ углу Гранди-Стрита. Домъ гдѣ помѣщалась она снесень былъ въ послѣдствіи для Лондонской Сѣверо-Заладной желѣзной дороги. Школа эта считалась въ то время отличною, одною изъ лучшихъ въ той части Лондона; но велась она позорно, и мальчики дѣлали весьма мало успѣховъ. Содержатель, г. Джонсъ, былъ родомъ Валліецъ, человекъ крайне невѣжественный и настоящій тиранъ, главнымъ занятіемъ котораго было сѣчь мальчиковъ. Диккенсъ очень живо описалъ это заведеніе въ статьѣ озаглавленной „Наша школа“, но описаніе это сказочно во многихъ отношеніяхъ и въ особенности въ воздаваемыхъ имъ себѣ похвалахъ. Я не помню чтобы Диккенсъ въ чемъ-либо отличался и получалъ награды. Я полагаю что онъ не выучился тамъ ни греческому, ни латинскому языку, и вы припомните что во всѣхъ его сочиненіяхъ нѣтъ ни одного намека на классическія литературы. Онъ былъ красивый, курчавый мальчикъ, полный живости и бодрости, и вѣроятно всѣ проказы въ школѣ шли отъ него или по крайней мѣрѣ были ему извѣстны. Не думаю чтобы онъ когда-нибудь подвергался розгамъ г. Джонса. Онъ также какъ и я былъ приходящій ученикъ, а съ приходящими остерегались, чтобы саухи не дошли до родителей. Портретъ его, сдѣланный нѣсколько лѣтъ спустя г. Лауренсомъ, живо напоминаетъ мнѣ наружность его въ то время. Онъ жилъ съ знакомыми въ маленькомъ домикѣ въ переулкѣ къ сѣверу отъ Сеймуръ-Стрита за Калеллою г. Джодкина. Повѣрьте, онъ всѣмъ былъ обязанъ лишь себѣ самому, и его удивительное знаніе англійскаго языка было приобретено, конечно, долгимъ и терпѣливымъ изученіемъ по выходѣ изъ школы.

„Я не помню мальчика имя котораго вы приводите. Главными его товарищами были, кажется, Тобинъ, Г. Томасъ, Бре и я. Первый помогалъ ему во всѣхъ продѣлкахъ, и знакомство ихъ продолжалось, повидимому, много лѣтъ послѣ. Въ то время изданія *Пенни-Магазинъ* и *Субботній Сборникъ* выходили еженедѣльно и жадно читались нами. Мы держали пчѣлъ, бѣлыхъ мышей и другихъ животныхъ тайкомъ въ нашихъ ящикахъ. Механическія искусства процвѣтали у насъ: мы изготовляли

кареты, насосы и лодки, которыя приводились въ движеніе бѣлыми мышами.

„Въ то время, помнится, Диккенсъ принялся писать маленькіе разказы, и у насъ устроилось что-то въ родѣ клуба для ихъ распространенія. Онъ очень бѣгло владѣлъ особымъ, выдуманнѣмъ нами, языкомъ, совершенно непонятнымъ для постороннихъ. Мы отличались также въ драматическихъ представленіяхъ. Мы строили маленькіе театры и очень роскошно ставили на нихъ пьесы: *Мельникъ и слуги его*; *Черри и Ясная Звѣзда*. Помнится, г. Биверли, теперешній декораторъ, помогаль намъ въ этомъ. Диккенсъ всегда былъ коноводомъ этихъ представленій, которыя давались иногда очень торжественно, предъ публикой, состоявшею изъ мальчиковъ и надзирателей. Братъ мой, съ помощью Диккенса, весьма блестяще поставилъ *Мельника*. Биверли построилъ намъ мельницу такъ искусно что она разваливалась при содѣйствіи бураковъ. Въ одно представленіе, фейерверкъ въ заключительной сценѣ, оканчивающійся разрушеніемъ мельницы, былъ такъ эффектенъ что вмѣшалась полиція и стала сильно стучаться въ дверь. Можетъ-быть отсюда началась любовь Диккенса къ театру.

„Я помню **очень** хорошо, какъ однажды, подъ предводительствомъ Диккенса, мы притворились нищими въ Друммондъ-Стритѣ и просили милостыню у прохожихъ, преимущественно у старухъ. Одна изъ нихъ отвѣтила намъ что у ней нѣтъ денегъ для маленькихъ бродягъ. Когда старуха приходила въ смущеніе отъ нашей навязчивости, Диккенсъ раздражался хохотомъ и бросался бѣжать. Я встрѣтился съ нимъ въ воскресенье утромъ вскорѣ послѣ выхода его изъ школы, и мы очень набожно отправились къ утренней службѣ въ Сеймурстритскую капеллу. Я долженъ сказать съ сожалѣніемъ что Диккенсъ вовсе не слушалъ богослуженія, смѣшилъ меня замѣчаніями что обѣдъ его готовъ, картофель перестойтсѣ, и вообще велъ себя такъ что насъ весьма могли бы вывести изъ капеллы. Нѣсколько времени спустя я имѣлъ извѣстіе о немъ отъ Тобиана, котораго встрѣтилъ въ Линкольнс-Инъ-Филдѣ съ дымящеюся миской горячаго въ рукахъ. Изъ словъ его я заключилъ что Диккенсъ съ нимъ въ одной конторѣ или гдѣ-нибудь неподалеку. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ прежде чѣмъ я узналъ, прочитавъ „Нашу школу“, что блестящій и знаменатый теперь Диккенсъ не кто иной какъ мой школьный товарищъ. Я не хотѣлъ ему навязываться, и лишь года три-четыре тому назадъ, когда онъ

предсѣдательствоваль на обѣдѣ университетской коллегіи въ помѣщеніи Виллиса и произнесъ весьма блестящую и эффектную рѣчь, я послалъ ему поздравительную записку, напоминая о нашемъ старомъ товариществѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ очень любезною запиской, которою я весьма дорожу. Посылаю вамъ копию той и другой“ *.

Отъ самого Диккенса я не много слышалъ объ описываемой школѣ, но знаю что кромѣ журнальной статьи онъ ее имѣлъ

* Читатель, вѣроятно, не сочтетъ лишнимъ, если я сообщу ихъ здѣсь объ. Докторъ Дансонъ писалъ: „Апрѣль, 1864. Милостивый государь, на недавнемъ обѣдѣ университетской коллегіи, произнося свою, вы конечно не думали что между вашими слушателями есть одинъ часто ходившій съ вами „по полю въ сорокъ шаговъ“, о которомъ вы такъ кстати и такъ остроумно упомянули. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, читая случайно статью написанную вами въ журналѣ *Household Words*, я былъ пораженъ мыслію что авторъ описываетъ сцены и лица нѣкогда мнѣ знакомыя, и что онъ долженъ быть не кто иной, какъ Чарльзъ Диккенсъ, ученикъ „нашей школы“, школы Джонса. Я тогда не хотѣлъ вамъ навязываться, ибо не могъ надѣяться чтобы вы сохранили какое-нибудь воспоминаніе обо мнѣ; это было для васъ почти невозможно, хотя я весьма живо помню многія шутки и шалости школьныхъ дней. Я присутствовалъ на обѣдѣ во вторникъ (интересуясь, какъ старый ученикъ, госпитальной школой), и сидѣлъ подлѣ васъ. Мнѣ хотѣлось вечеромъ вамъ представиться, но я опасался чтобы подобное объясненіе въ публичномъ мѣстѣ не привлекло общаго вниманія и не было вамъ неприятно. Человѣку который достигъ такого положенія и такой извѣстности какъ вы, конечно, часто приходится слышать напоминанія о прежнемъ знакомствѣ. Прошу васъ вѣрить что я не имѣю цѣли привлечь на себя ваше вниманіе; но встрѣтившись съ вами недавно, я не могъ преодолѣть желанія сказать вамъ что никто изъ бывшихъ на этомъ обѣдѣ такъ не цѣнитъ вашу славу, которой вы такъ честно добились, и не желаетъ вамъ искренне пользоваться ею въ добромъ здоровьѣ и счастіи, какъ старый вашъ школьный товарищъ Генри Дансонъ.“ Диккенсъ отвѣчалъ: „Гадсъ-Гиль-Плеасъ, четвергъ 8го мая, 1864. Милостивый государь, я давно уже различилъ бы вамъ удовольствіе доставленное мнѣ вашимъ письмомъ, еслибы занятія оставили мнѣ время для переписки. Я очень хорошо помню васъ какъ стараго школьнаго товарища; помню даже, отчасти, вашу наружность и одежду когда вы были мальчикомъ. У васъ, кажется, былъ братъ, несчастно утонувшій въ Серпентинѣ. Еслибы вы назвали мнѣ себя за обѣдомъ, я былъ бы очень радъ, хотя въ такомъ случаѣ лишился бы вашего скромнаго и достойнаго письма. Искренно вашъ Чарльзъ Диккенсъ.“

въ виду и при очеркѣ Салемъ-Гауса въ *Давидъ Копперфильдъ*. Въ томъ обстоятельствѣ что одинъ изъ надзирателей этой школы поступилъ учителемъ къ мальчику пріятеля нашего Макреди, Диккенсъ видѣлъ подтвержденіе любимой теоріи своей о тѣсотѣ свѣта, гдѣ предметы и люди которымъ повидимому почти невозможно встрѣтиться непрерывно сталкиваются другъ съ другомъ. Тобинъ состоялъ уже при немъ, когда онъ посѣщаль Докторсъ-Коммонсъ; но оба мои корреспондента ошибаются, предполагая что онъ служилъ съ нимъ вмѣстѣ въ конторѣ ходатая по дѣламъ. Мнѣ казалось болѣе вѣроятнымъ что съ нимъ былъ тамъ другой знакомый дѣтства, сдѣлавшійся въ послѣдствіи адвокатомъ, не упоминаемый въ числѣ школьниковъ ни г. Томасомъ, ни г. Дансономъ, но часто виданный мною въ позднѣйшіе годы у Диккенса, который всегда обнаруживалъ къ нему большое уваженіе, естественное слѣдствіе столь давней пріязни. Но и мое предположеніе оказалось несправедливымъ. Дѣло въ томъ что Диккенсъ, выйдя изъ Веллингтонской академіи, былъ короткое время ученикомъ въ школѣ одного г. Даусона въ Генриеттсъ-Стритѣ. Тамъ-то г. Миттонъ, о которомъ я говорилъ, былъ его товарищемъ. Потомъ они поступили вмѣстѣ писцами въ контору г. Моллоя, на Нью-Скверѣ въ Линкольнсъ-Иннѣ. Когда же вскорѣ Диккенсъ лишился этого мѣста, отецъ его склонилъ одного адвоката въ Грезъ-Иннѣ, г. Эдуарда Блекмора, принять его на подобную же должность. Единственными свѣдѣніями какія имѣемъ о немъ въ этомъ званіи писца, мы обязаны упомянутому г. Блекмору, который кратко и, безъ сомнѣнія, вѣрно описалъ дѣятельность его на поприщѣ юридическомъ. Нельзя сказать чтобы дѣятельность эта была значительна, но трудно было бы можетъ-быть найти болѣе знаменитаго человѣка носившаго такое званіе.

„Я хорошо знакомъ былъ съ его родителями, пишетъ г. Эдуардъ Блекморъ, и такъ какъ у меня была тогда контора въ Грезъ-Иннѣ, то они спросили меня не могу ли я найти ему занятія. Онъ былъ живой юноша, съ умнымъ лицомъ, и я взялъ его къ себѣ въ качествѣ писца. Онъ поступилъ ко мнѣ въ маѣ 1827 и вышелъ въ ноябрѣ 1828. У меня и теперь есть веденная имъ счетная книга мелкиѣ конторскихъ расходовъ, въ которой записывалось и его скромное жалованье, сначала по 13 шиллинговъ и шести пенсовъ, а потомъ по пятнадцати шиллинговъ въ недѣлю. Въ конторѣ происходили разныя сцены, которыя онъ должно-быть зорко подмѣчалъ, ибо я узналъ ихъ въ его *Пиквикъ* и *Никльби*, и если я не очень ошибаюсь, то

оригиналами для нѣкоторыхъ его характеровъ послужили люди мнѣ хорошо знакомые. Вкусъ его къ театру находилъ большое сочувствіе въ товарищѣ его, лицѣ Поттерѣ, съ тѣхъ поръ скончавшемся, съ которымъ онъ былъ особенно близокъ. Они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы ходить безъ моего вѣдома въ одинъ изъ второстепенныхъ театровъ, гдѣ, какъ узналъ я въ послѣдствіи, не рѣдко даже брали на себя роли. Послѣ того какъ вышелъ онъ отъ меня, я встрѣчалъ его повременамъ въ канцлеровомъ судѣ; онъ записывалъ дѣла какъ корреспондентъ газеты. Затѣмъ я потерялъ его изъ виду, пока не появился его *Puck*ъ.“

Это письмо указываетъ какое положеніе занималъ Диккенсъ у г. Блекмора, и стоить только обратиться къ тому мѣсту гдѣ перечисляются различныя степени должностей въ адвокатской конторѣ, чтобы понять это положеніе яснѣе. Диккенсъ стоялъ гораздо ниже писмоводителя внесшаго залогъ и готовящагося въ адвокаты; далеко ему было и до бухгалтера, тратящаго почти все жалованье—тридцать шиллинговъ въ недѣлю—на свои удовольствія; не могъ онъ даже стать на ряду съ конторщикомъ среднихъ лѣтъ, всегда нуждающимся и скудно одѣтымъ. Онъ былъ просто одинъ изъ состоящихъ при конторѣ юношей „которые впервые надѣли сюртукъ, чувствуютъ подobaющее презрѣніе къ мальчикамъ посѣщающимъ школу, заходять толпой вечеромъ на пути домой ѣсть колбасы и пить портеръ, и думаютъ что надо наслаждаться жизнью“. Вотъ чего пока достигъ онъ—и только. Онъ былъ состоящій при конторѣ юноша.

Но и тутъ продолжался процессъ воспитанія наперекоръ всему что, повидимому, должно было его задерживать. Для жизни Диккенсъ вынесъ гораздо болѣе отъ г. Моллоя и г. Блекмора нежели изъ Веллингтонской домашней академіи или школы г. Даусона. Однако стараться отождествить безъ его собственныхъ указаній черты встрѣчаемыя въ его книгахъ съ тѣмъ что извѣдалъ онъ въ той или другой изъ этихъ конторъ, было бы предпріятіе безплодное и безнадежное. Во всѣхъ произведеніяхъ своихъ, отъ самыхъ раннихъ до самыхъ позднихъ, онъ усердно разрабатывалъ поле открывающееся наблюдателю жизни и нравовъ въ адвокатской конторѣ; но теперь дѣло идетъ не о многочисленныхъ видахъ родового понятія „конторщикъ“ очерченныхъ имъ для забавы читателей, а о томъ какъ воспользовался онъ случаями и выгодами представляемыми новымъ его положеніемъ. Лучшимъ комментариемъ на всѣ эти

годы могут служить слова сказанныя его отцомъ пріятелю принимавшему въ немъ участіе, которыя онъ при мнѣ нѣсколько разъ шуточно, но добродушно повторялъ: „Скажите пожалуста, мистеръ Диккенсъ, гдѣ воспитывался вашъ сынъ?— Вотъ видите ли, государь мой... га! га!... онъ, можно сказать, самъ себя воспиталъ.“ Гиббонъ говоритъ что всѣ люди возвышающіеся надъ обыкновеннымъ уровнемъ получаютъ двойное воспитаніе: первое отъ учителей, а второе, и болѣе важное, отъ себя самихъ. Диккенсу досталось на долю только послѣднее; но этого съ него было довольно.

Пришлось употребить еще почти полтора года на приготовленіе къ занятію которое онъ въ это время рѣшился окончательно избрать, какъ могущее дать, при его способностяхъ, удовлетворительный доходъ, и за которое отецъ уже принялся съ нѣкоторыхъ поръ для поправленія средствъ семейства. Чарльзъ продолжалъ жить съ отцомъ въ Гампстедѣ въ школьное время, потомъ въ домѣ близъ Сеймуръ-Стрита, уломинаемомъ докторомъ Дансономъ, и наконецъ, когда Диккенсъ старшій вступилъ въ галерею парламентскихъ стенографовъ, въ Бентинкъ-Стритѣ на Манчестеръ - Скверѣ. Вѣроятно подъ влияніемъ даннаго ему примѣра, онъ вознамѣрился подготовиться основательно къ дѣлу за которое недавно взялся отецъ его, — къ должности стенографа парламентскихъ преній для газетъ. Онъ принялся энергически за изученіе стенографіи, и чтобы пріобрѣсти свѣдѣнія необходимыя образованному юношѣ, а также и для удовлетворенія болѣе серьезной любознательности, сдѣлался прилежнымъ посѣтителемъ читальни Британскаго Музея. Онъ часто говаривалъ что это время провелъ онъ съ наибольшею для себя пользою, и, судя по результатамъ, это должно быть справедливо. Никто знавшій его въ послѣдствіи и говорившій съ нимъ о книгахъ и разныхъ отрасляхъ знанія не могъ бы подумать что воспитаніе которое самъ онъ далъ себѣ было такое отрывочное, непослѣдовательное, какъ я описалъ. Секретъ заключался въ томъ что онъ становился тотчасъ же въ уровень со всякимъ дѣломъ за которое принимался и всегда соблюдалъ тѣ правила какими руководствовался герой его повѣсти. „Все, за что ни брался я въ жизни, я старался всѣми силами дѣлать хорошо. Всякому начинаемому дѣлу я посвящалъ себя вполне, всецѣло. Золотымъ моимъ правиломъ было не дѣлать слуха рукава ничего такого къ чему можно

приложить всѣ свои способности и никогда не выказывать пренебреженія къ моему труду.“

О трудностяхъ встрѣчавшихся ему при изученіи стенографіи, и о соображеніяхъ побудившихъ его заняться ею онъ также упоминаетъ въ *Коптерфильдъ*. Онъ слышалъ что многие люди отличившіеся на разныхъ поприщахъ начали съ составленія отчетовъ о парламентскихъ преніяхъ, и предостереженіе пріятеля, что пріобрѣтеніе одного механическаго навыка необходимаго для успѣха въ этомъ дѣлѣ потребуетъ можетъ-быть нѣсколькихъ лѣтъ, не испугало его. „Полное усвоеніе всѣхъ приемовъ стенографическаго письма, говорили ему, равняется приблизительно по трудности основательному изученію шести языковъ.“ Не смущаясь онъ приступилъ къ трудной задачѣ, самъ служа себѣ учителемъ и въ этомъ, какъ въ болѣе важныхъ предметахъ; купилъ за полъ-гинеи книгу г. Гурни и прилежно принялся надъ нею работать. „Измѣненія производимыя точками, значащими въ одномъ положеніи одно, а въ другомъ совсѣмъ другое; чудесное значеніе кружковъ; изумительныя послѣдствія значковъ похожихъ съ виду на лапки мухъ; страшная сила кривой линіи проведенной не на мѣстѣ, все это тревожило меня не только на яву, но и во снѣ. Пробившись слѣло чрезъ эти трудности и овладѣвъ азбукой, я увидѣлъ предъ собою рядъ новыхъ ужасовъ, такъ-называемые произвольные знаки, самые мучительные знаки какіе мнѣ извѣстны, не допускаяшіе возраженій и разсужденій: что-то похожее на кусокъ паутины означаетъ „ожиданія“; чернильная вертикальная полоса, напоминающая ракету, значить „невыгодно“, а почему, не спрашивай. Когда я забилъ себѣ въ память эти ужасы, оказалось что все остальное изъ нея изгладилось; начавъ опять съ начала, я забылъ дальнѣйшее; пока затверживалъ одну часть системы, другая отъ меня ускользала, словомъ, было отъ чего власть въ отчаяніи.“

Что предохранило героя романа отъ отчаянія—извѣстно читателю; автору самому было суждено испытать нѣчто подобное. Надо однако сказать предварительно что когда подчинилъ онъ себѣ сложное и неподатливое орудіе стенографіи, доступъ къ желаемой цѣли еще не открылся ему. „Никогда не бывало такого стенографа, какъ Диккенсъ“, часто говаривалъ мнѣ г. Бирдъ, первый человекъ съ которымъ онъ сблизился на новомъ поприщѣ, и съ которымъ до конца жизни поддерживалъ самыя дружественныя отношенія. Но не оказалось еще мѣста для не-

го въ парламентской галлерей. Ему пришлось прослужить почти два года стенографомъ при одной изъ конторъ въ Докторсъ-Коммонсъ, занимаясь въ разныхъ судахъ, прежде чѣмъ сдѣлался онъ участникомъ въ парламентскихъ трудахъ и побѣдахъ. Утѣшеніемъ ему служило почти то же что поддерживало его героя въ подобныхъ же испытаніяхъ. У него также была своя Дора, стоявшая также ловидимому на недоступной высотѣ; и онъ стремился къ недостижимой цѣли, и стремился безплодно: онъ своего не добился, а она къ счастью не умерла; но и въ дѣйствительности, какъ въ романѣ, недостигаемый предметъ поклоненія давалъ силы своему поклоннику, вносилъ въ жизнь его радость, счастье и свѣтлыя мечты. Я говаривалъ ему смѣясь что вѣрю только въ вымышленную Дору, но внезапное появленіе настоящей, лѣтъ черезъ шесть послѣ того какъ *Копперфильдъ* былъ написанъ, убѣдило меня что эти главы его книги тѣснѣе связаны съ дѣйствительностью чѣмъ я предполагалъ. Все-таки я затруднялся допустить это, и не хотѣлъ вѣрить что давнишнее чувство оставило въ немъ какіе-либо слѣды. Отвѣтъ его (1855) бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на это время его молодости, и поэтому я рѣшаюсь сообщить здѣсь что онъ писалъ мнѣ.

„Я не совсѣмъ понимаю что вы разумѣете, говоря что я преувеличиваю силу чувства, испытаннаго двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Если вы разумѣете мое чувство, то приваявъ въ соображеніе неудержимую страстность моей природы, а также и то что это началось когда я былъ въ годахъ Чарли (сына его), что я не имѣлъ другаго помышленія въ теченіи четырехъ лѣтъ въ такое время, когда четыре года равняются шестнадцати, что твердая рѣшимость преодолѣть всѣ встрѣчающіяся препятствія ввела меня въ міръ журнальной литературы и возвысила надъ тысячами людей, принявъ въ соображеніе все это, вы должны сознаться что ошибаетесь, ибо такого чувства нельзя преувеличить. Я самъ въ послѣдствіи удивлялся себѣ. Я такъ страдалъ, такъ работалъ, сочинялъ такіе безумные романы, что телерь, видя причину всегоэтого, я самъ не понимаю себя. Не думая ни минуты что лучше было бы намъ не разлучаться, я не знаю однако ничего что сильнѣе бы на меня подѣйствовало. Нельзя вообразить себѣ какъ страдалъ я отъ одного воспоминанія, когда писалъ *Копперфильда*. Точно такъ же какъ не могу я равнодушно открыть эту книгу, я не могу (даже въ сорокъ четыре года) видѣть это лицо, слышать этотъ голосъ, не

перемосая горестно на развалины всѣхъ юношескихъ надеждъ."

Однако въ трезвомъ свѣтѣ сорока-четырёхлѣтняго возраста отжившій романъ блѣднѣлъ болѣе и болѣе. Вскорѣ послѣ приведеннаго письма онъ преспокойно сдѣлалъ съ женой визитъ своей юношеской Дорѣ, хладнокровно осмотрѣлъ въ передней чучелу ея любимой собачки *Джунгъ*, а въ концѣ слѣдующаго мѣсяца принялся за романъ въ которомъ выводилась Флора, противупологаемая прежней Дорѣ, и списанная съ того же оригинала. Въ этомъ вымыслѣ былъ веселый, но добродушный юморъ, и если второй очеркъ обнаружилъ многія смѣшныя стороны юности, то на первый онъ до конца жизни всегда смотрѣлъ съ глубокимъ чувствомъ. *

(До слѣд. №).

* Заимствую поэтическіе намеки на ту же личность изъ двухъ другихъ его сочиненій. Во время посѣщенія городскихъ церквей, когда онъ работалъ надъ *Домби* и предотаяло выбрать церковь для брака Фаоренци, онъ пишетъ: „Сомнивый напѣвъ скоро усыпляетъ трехъ старухъ; холостой торговецъ сидитъ и глядитъ въ окно; женатый торговецъ сидитъ и глядитъ на чепецъ жены; а влюбленные сидятъ и глядятъ другъ на друга, съ такимъ невыразимымъ блаженствомъ что я припоминаю какъ восемнадцать лѣтъ вошелъ я съ моею Анжеликой въ городскую церковь по причинѣ дожда (вслѣдствіе того знаменательнаго обстоятельства что церковь эта находилась въ Гоггнъ-Ленѣ) и сказалъ моею Анжеликѣ: „Анжелика, пусть радостное событіе совершится непременно у здѣшняго алтаря!“ и Анжелика моя согласилась чтобы непременно у здѣшняго, что впрочемъ не исполнялось, ибо радостное событіе не совершилось нигдѣ. О, Анжелика, куда дѣвалась ты въ нынѣшнее воскресенье, въ которое я не могу идти слушать проповѣдь, и, еще болѣе трудный вопросъ, куда дѣвался тотъ мальчикъ, какимъ былъ я, когда сидѣлъ подлѣ тебя! Другое мѣсто изъ его статьи о дняхъ рожденія: „Я созвалъ гостей по этому случаю. Была и она. Не къ чему называть ее по имени. Она была старше меня и владѣла всѣми помыслами моими въ теченіе четырехъ лѣтъ. Я велъ въ воображеніи многотомные разговоры съ ея матерью о нашемъ бракѣ, а написалъ этой скромной дамѣ больше писемъ нежели оставилъ Горасъ Вальполъ, прося руки ея дочери. Я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго вѣмѣренія отправить хоть одно изъ этихъ писемъ, но писать ихъ и рвать черезъ нѣсколько дней было высокоимъ наслажденіемъ.“

ДЕКРЕТЬ КУТНОГОРСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ.

СЪ ЧЕШСКАГО.

ЮСИФА КАЭТАНА ТЫЛА.

I.

„Scripsi die XI, mensis Maji, anno Domini 1408, Procopius Boczekus de Lepotic, magister artium liberarum.“ * Эти слова написал магистръ Бочекъ, въ ясное весеннее утро, окончивъ латинское стихотвореніе, на прекрасномъ бѣломъ пергаментѣ.

Магистръ Бочекъ былъ молодой двадцати-восемь-лѣтній мужчина, хорошаго роста, пропорціональнаго сложенія; въ его голубыхъ глазахъ ясно отражался отпечатокъ чистой, благородной души; лицо его было нѣсколько блѣдно отъ долгаго сидѣнія по ночамъ; но при малѣйшемъ внутреннемъ движеніи оно оживлялось, какъ весенняя роза. Гладко расчесанные свѣтлорусые волосы по концамъ вились пышными кольцами, и низко слускались отъ ушей на затылокъ. Магистръ Бочекъ хорошо былъ извѣстенъ цѣлой Прагѣ не только за великаго ученаго и знаменитаго поэта, но и за человѣка съ благороднымъ характеромъ и самую привлекательною наружностію.

* Писалъ мая 11го дня, лѣта Господня 1408, Прокопъ Бочекъ, изъ Лепотичъ, магистръ свободныхъ искусствъ.

Въ этомъ году, послѣ лѣтней вакаціи, по особенному приглашенію главнаго ректора, онъ долженъ былъ читать лекціи въ университетѣ, *artem poëticam et philologicam*, и объявлять Гомера.

Въ вышеописанный день магистръ Бочекъ еще съ четырехъ часовъ утра сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своей маленькой, но для ученаго, довольно чисто убранной комнатѣ. Въ уголку за ширмами стояла его кровать, нѣсколько деревянныхъ стульевъ и большой столъ, на которомъ тамъ и сямъ были разложены разныя ученые сочиненія. Около стѣны стояла простая дубовая полка, туго набитая книгами различной величины, въ кожаныхъ переплетахъ, нѣкоторыя изъ нихъ были переписаны собственною рукою молодаго ученаго, а другія куплены у монаховъ на сбереженные деньги и за довольно дорогую цѣну. Всѣхъ было ихъ тутъ соотъ до двухъ, что въ тѣ времена, когда еще свѣтъ благотѣльной печати мало проникалъ въ кабинетъ ученыхъ, считалось большою рѣдкостью. Эта бібліотека заключала въ себѣ знаменитыя греческія и латинскія произведенія великихъ повто, ораторовъ, историковъ и т. п.

Подписавъ свое имя подъ стихами, Бочекъ еще разъ, съ большимъ вниманіемъ сталъ перечитывать новый плодъ своего ума. Казалось, онъ былъ вполне доволенъ этимъ произведеніемъ. Чѣмъ дальше онъ читалъ, тѣмъ больше блестѣли его глаза и разгорались щеки. Между чтеніемъ онъ погружался въ сладкія мечты, и на губахъ его играла улыбка. Но вдругъ, какъ бы очнувшись отъ волшебнаго сна, и восторженно взглянувъ на пергаментъ, онъ тихо прошепталъ: „Поймешь ли ты меня, моя муза!“ Потомъ всталъ и началъ торопливо надѣвать на себя праздничное платье. Это былъ черныи, широкій и почти до земли длинный плащъ, перепоясанныи лаковымъ ремнемъ. Такой нарядъ, въ тѣ времена, составлялъ костюмъ ученаго.

Лишь только магистръ Бочекъ одѣлся, какъ кто-то тихо постучался въ дверь.

— Кто тамъ?

— Это я, господинъ магистръ! робко отозвался пріятный женскій голосъ, и Бочекъ лошелъ отворить дверь.—Смѣю ли войти?

— Ахъ, войдите, войдите, Марія! отвѣчалъ привѣтливо молодой магистръ.

И въ комнату вошла дѣвушка лѣтъ шестнадцати, мѣся бережно въ рукахъ бѣлый, чисто вымытый воротникъ съ вышитыми краями.

Это была Марія, дочь бѣдной вдовы, единственная радость и опора оставшаяся ей послѣ мужа, который при жизни занимался портняжнымъ мастерствомъ, а по смерти семьи своей завѣщалъ только честное имя; и много пришлось бы потерпѣть нужды бѣдной вдовѣ, еслибы не дочь, которая своими искусными руками довольно много прибрѣтала въ помощь матери.

Марія была странное созданіе, одно изъ тѣхъ которыя причудливая природа какъ бы изъ прихоти посылаетъ на свѣтъ. Кто привыкъ разбирать лица и характеризовать ихъ по наружности, тотъ сейчасъ бы ошибся въ этой дѣвушкѣ: на первый взглядъ она казалась почти непріятною, лицо ея было блѣдно, съ веснушками, волосы жестки и вѣсколько рыжеваты; небольшіе каріе глаза смотрѣли вовсе незначительно; но кто видѣлъ эту физиономію когда дѣвушка говорила, тотъ уже вѣсколько не находилъ ея непріятною; напротивъ, каждый съ удовольствіемъ слушалъ ея мягкую, серебрястую рѣчь, въ которой высказывалось столько сердечной теплоты и свѣтскаго ума что каждый находилъ ее развитою гораздо выше своей среды. Когда она оживлялась, эти глаза были неузнаваемы — они магически приковывали ваше вниманіе и наполняли вашу душу какимъ-то отраднымъ, безмятежнымъ спокойствіемъ. Вся фигура ея была довольно миниатюрна, но такъ стройна что могла бы послужить моделью любому скульптору. Магистръ Бочекъ пять лѣтъ уже жилъ въ одномъ домѣ со вдовой Агатой; она за скромную плату нанималась у него для домашнихъ услугъ, готовила ему обѣдъ, мыла бѣлье и прибирала комнату. Такъ какъ мать была слабо здорова, то Маріи часто приходилось замѣнять ее; особенно въ дѣтскомъ возрастѣ она почти не выходила изъ кабинета ученаго сосѣда, который въ свою очередь привыкъ къ ней и любилъ ее какъ меньшую сестру; часто занимался съ нею, стараясь развивать ея умъ и облагораживать ея понятія.

— Честь имѣю кланяться господину ученому! сказала дѣвушка, вступивъ въ тихое жилище латинскаго повѣ:—Извините что я вчера не приготовила вамъ воротника; вечеромъ я должна была готовить ванну матушкѣ.

— Развѣ наша мать все еще больна?

— Сегодня ей уже гораздо лучше; она ночь провела хорошо.

— А вы какъ сегодня спали, моя птичка?

— Я? Какъ дитя которое хорошо знаетъ свой урокъ, живо отвѣчала дѣвушка, направляясь къ двери.—Прощайте! Да сохранить васъ Господь, прибавила она поклонившись.

— Подождите, подождите, Марьянко! Это не мой воротникъ.

— Ахъ! да чей же бы онъ могъ быть? засмѣялась она, держась за скобку двери.—Мы ни на кого больше не моемъ, а сами такихъ воротниковъ не носимъ; я вижу что нашъ ученый господинъ знаетъ лучше каждую звѣзду въ небѣ и каждаго червячка на землѣ нежели свое бѣлье.

— Не шутите, Марія, важно сказалъ Бочекъ,—этотъ воротникъ не мой. Возвратите его тому кому онъ принадлежитъ.

Молча, медленно протянула дѣвушка дрожащую руку, чтобы взять воротникъ обратно.

— Да чтѣ съ вами, Марія? заботливо спрашивалъ молодой магистръ.

— Ничего, ничего! Я только просылаюсь отъ счастливаго сна... за дѣло мнѣ этотъ урокъ! Я на минуту позабыла что я такое ничтожное существо, чтобы такой важный, ученый господинъ...

Она не договорила.

— Но чтѣ съ вами, милая Марія? удивился Бочекъ, видя что глаза ея наполнились слезами.

— Я въ первый разъ отважилась на это... проговорила дѣвушка:—вы такъ много дѣлали добра моей матери, да и со мною, когда я была еще глупымъ ребенкомъ, столько имѣли терпѣнія... Я подумала что такъ какъ сегодня праздникъ, то хорошо бы вамъ имѣть новый воротникъ, и сама вышила вамъ....

— Въ такомъ случаѣ дайте, дайте мнѣ его, милая Марія! утѣшалъ ее Бочекъ, съ ласковою улыбкой.—Я съ большимъ удовольствіемъ приму вашъ подарокъ и постараюсь не остаться въ долгу....

Тутъ въ мигъ лицо Маріи просіяло радостію, и она, считавшая, легкими шагами выбѣжала изъ комнаты. Когда Бочекъ выходилъ изъ дому, Марія стояла въ это время у окна въ своей маленькой комнаткѣ и становилась на пальцы, чтобы слѣдить глазами за удалявшеюся фигурой молодаго ученаго; ей интересно было видѣть какъ идетъ къ нему новый ворот-

какъ. Послѣ того она опять пошла въ его кабинетъ, чтобы прибрать тамъ къ его возвращенію. „Тутъ онъ стоялъ!“ прошептала она, подойдя къ его письменному столу... „тутъ стоялъ и говорилъ: милая Марія, я съ удовольствіемъ приму вашъ подарокъ!“ Окинувъ глазами его бумаги,—стихи написанные утромъ еще лежали на столѣ,—она взяла въ руки пергаментъ и долго глядѣла, желая понять къ кому бы могло относиться это стихотвореніе. Душа ея была взволнована. „Здѣсь лежала его рука!“ подумала она, и наклонившись, слегка коснулась губами рукописи, и вся зардѣвшись, положила пергаментъ на прежнее мѣсто.

II.

Въ большой залѣ Новаго Каролина,* противъ церкви Св. Гавла, въ томъ домѣ который былъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, построенъ однимъ богатымъ пражскимъ гражданиномъ Ротлевымъ, собирались магистры и бакалавры, учителя и доктора всѣхъ факультетовъ, для выбора новаго ректора на слѣдующій годъ.

Роковая минута приближалась. Всѣ члены чужихъ народовъ, именно: Баварцы, Саксонцы и Поляки, сидѣли уже въ порядкѣ, и судили и редили между собою — кого-то изберутъ; но чешскіе магистры еще прохаживались по передней или стояли по-трое, по-четверо въ кучкахъ и таинственно толковали между собою; замѣтно было что они ожидали кого-то съ нетерпѣніемъ.

Въ это время два чешскіе магистра шли около храма Св. Мартына, чрезъ угольный торгъ, прямо къ Каролину. Это были мужи извѣстные не только въ школахъ и во всей Прагѣ, но имена ихъ были знамениты и въ королевскомъ дворцѣ.

— Воля твоя крѣпка и убѣжденія основательны, говорилъ первый тихимъ и миролюбивымъ голосомъ, — я долженъ сдѣлать этотъ шагъ къ чести и славѣ нашего народа, но не

* Это зданіе въ 1383 году король Вечеславъ назначилъ для умножающагося числа студентовъ, такъ какъ въ Старомъ Каролинѣ не могли уже всѣ помѣщаться. Зданіе университета получило названіе Каролина потому что было построено Карломъ VI, королемъ чешскимъ, и до сихъ поръ называется этимъ именемъ.

понимаю, милый Геронимъ, не понимаю отчего такъ гнететъ меня какая-то безотчетная тоска.

— Оттого что ты робокъ отъ природы, отвѣчалъ ему другъ: — твои правила — никому не мѣшать, никого не оскорблять, особенно съ тѣхъ поръ какъ ты началъ ходить по королевскимъ палатамъ. Ты вѣрно хочешь чтобы хроника Чешскаго народа говорила о тебѣ: онъ былъ тростникъ колеблемый вѣтромъ. Иоаннъ, Иоаннъ! ты одишь можешь всѣмъ помочь! Лучшаго и мудрѣйшаго врача мы не имѣемъ. Зачѣмъ ты такъ боязливъ? Видишь кровавую рану, знаешь какъ ее излѣчить и стѣсняешься сдѣлать на нее перевязку. Ну, медли, медли! Чѣмъ дальше будешь отлагать, тѣмъ глубже раны залутитъ корни въ здоровое тѣло.

— Знаю, знаю все это! Но вѣдь они поднимутъ волю, будутъ кричать: горе намъ!

— Да пускай ихъ кричать! Неужели ты этого крику испугаешься? Не допускай ради Бога чтобы я безъ нужды, къ оскорбленію твоего честнаго имени, задавалъ тебѣ подобные вопросы! Развѣ ты гусь на чужомъ пастбищѣ что ужаснешься крика наемныхъ пастуховъ?

— Я его не ужасаюсь, потому что знаю, безъ этого дѣло обойтись не можетъ, отвѣчалъ Гуссъ съ твердостью. — Но вѣдь изъ крика возникнутъ распри и несогласія. Молодая кровь кипитъ, бушуетъ, не сознавая своей дѣвы; но каждая капля чешской крови, пролитая напрасно, вознаграждаема тысячами людскихъ рѣчей.

— Но здѣсь не потечетъ напрасно. Если не потечетъ те перъ, то, кто знаетъ, чтобы не полпласть потокомъ въ будущемъ. Справедливо говорить пословица: и горькое лѣкарство все таки останется лѣкарствомъ.

— Конечно останется, потому что другаго болѣе сладкаго мы не знаемъ, тихо, въ полголоса прибавилъ Иоаннъ и замолкъ какъ бы въ раздумѣ.

Въ своемъ умѣ онъ уже давно рѣшилъ что долженъ сдѣлать, только еще мирный духъ его какъ бы стѣснялся перваго шага; но преодолевъ это чувство застѣнчивости, которая была единственнымъ его недостаткомъ, магистръ Иоаннъ принадлежалъ къ числу самыхъ сильныхъ и непоколебимыхъ натуръ. Если онъ разъ вступилъ на дорогу, то уже ничто въ мірѣ не устрашитъ его и не собьетъ съ пути. Пыликій и краснорѣчивый Геронимъ зналъ своего друга и потому не безо-

коился, въ полной увѣренности что въ такую роковую минуту онъ не отступитъ отъ своего предпріятія; но подстрекалъ его, шедши вмѣстѣ съ нимъ до Каролина, потому только чтобы поколебать его природную деликатность. Онъ хорошо звалъ что Іоаннъ Гуссъ сумѣетъ сказать при случаѣ все что нужно.

Въ одно мгновеніе большая зала вся наполнилась народомъ, когда вошли туда Іоаннъ и Іеронимъ; за ними хлынула толпа ихъ приверженцевъ, которая поджидала ихъ у входа. Всѣ собрались. Ректоръ Бернардъ (изъ Гривовицъ), съ большою золотомъ цѣпью на шеѣ, сидѣлъ уже на высокому креслѣ, обитомъ лунцовымъ бархатомъ. Вотъ послышались звуки трубъ и бубновъ. По тогдашнему обычаю выборы всегда сопровождались подобною церемоніей. Необыкновенная тишина царствовала между чешскими магистрами, и всѣ глаза были съ любопытствомъ обращены на мужа который, казалось, занималъ среди нихъ первое мѣсто. Онъ былъ учителемъ въ высшихъ школахъ и знаменитымъ проповѣдникомъ въ Виедеемской часовнѣ: то былъ Іоаннъ Гуссъ, называемый также Гусинецкій. Это былъ мущина тридцатилѣтняго возраста, съ густою черною бородой, съ важною, но добродушною фizioноміей и привѣтливымъ взглядомъ. Это была одицетворенная добродѣтель, сила и мужество. На лицѣ его выступила краска и въ глазахъ засверкали искры; попросивъ всѣхъ умолкнуть на нѣсколько времени и выслушать его, онъ началъ чистымъ латинскимъ языкомъ говорить слѣдующее:

— Хотя нѣтъ въ обычаѣ чтобы кто-нибудь отважился говорить о предметахъ не касающихся настоящей цѣли, въ этотъ день, предъ избираніемъ ректора нашего славнаго университета, но я все-таки надѣюсь, именитые и мудрые господа, найти въ вашихъ глазахъ извиненіе, и начинаю рѣчь хотя о другомъ предметѣ, но не менѣе важномъ для насъ. Къ вамъ, уважаемые магистры-чужеземцы, къ вамъ я буду говорить отъ имени всего Чешскаго народа. Въ Божѣ почившій король нашъ Карлъ IV, милостивый отецъ отечества, основалъ этотъ университетъ и сдѣлалъ приглашеніе иностраннымъ магистрамъ и воспитанникамъ придти сюда и пользоваться одинакими выгодами и правами со здѣшними воспитанниками и воспитателями, какъ сказано въ его грамотѣ, что вамъ, господа ученые, хорошо извѣстно; но въ послѣдствіи, позванные гости въ нашихъ школахъ раздѣлились

на три вѣтви и назвались, по происхожденію, народомъ Баварскимъ, Саксонскимъ и Польскимъ, а всѣ эти вѣтви одного того же дерева, которое во вѣки вѣковъ будетъ считаться у насъ чуждымъ. И всѣ эти вѣтви, въ послѣдствіи, прислаивали себѣ права нашихъ школъ, каждая для себя особенно, никогда не соединялись между собою. Но такъ всегда случалось что когда приходилось разсуждать о предметахъ бо важнѣйшихъ, то они во мнѣніяхъ согласовались, и тогда на ихъ сторонѣ приходилось *три голоса*, а здѣшніе господа учены должны были оставаться при одномъ.

Съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга магистры чуждыхъ народовъ: одни до сихъ поръ не понимали къ чему кланится рѣчь оратора, но другіе, уразумѣвши въ чемъ дѣло, начали роптать. Тутъ старый докторъ Ансельмъ, изъ Франкштейна, не могъ преодолѣть волненія крови, приподнялся тотчасъ на своемъ креслѣ и возвысилъ голосъ:

— Что же? вѣрно уже вамъ не нравится что мы пользуемся такими правами? Такъ скажи намъ, ученый мужъ, прямо безъ всякой околесицы! Знаемъ мы безъ того что значить Чех Голова его споконъ вѣка ничѣмъ не довольна. Кажется, вы желаете того чтобъ эготъ порядокъ обернулся, то-есть чтобъ вы имѣли три голоса, а мы всѣ только одинъ?

— Богъ свидѣтель что мы именно того и хотимъ, отозвались со всѣхъ сторонъ чешскіе магистры, пришедшіе въ разговоръ отъ словъ доктора:—Мы хотимъ того, и достигнемъ.

— Мирно, мирно! друзья мои! укрощай ихъ Гусъ. — И будемъ увлекаться преніемъ, чтобы не обезчестить этого священнаго для насъ мѣста. Мы хотимъ, какъ сказалъ достопочтенный докторъ Ансельмъ, чтобы порядокъ обернулся, это такъ! Но дѣло это само собою приметъ иной оборотъ потому что на прежнихъ условіяхъ долже оставаться не можетъ. Славный учредитель Пражскаго университета основалъ его прежде всего для народа Чешскаго, для своего народа! И онъ хотѣлъ чтобъ онъ во всемъ уподоблялся университетамъ Парижскому и Болонскому, гдѣ также свои національныя учителя имѣють болѣе голосовъ предъ чужеземцами; поэтому университетъ Парижскій долженъ служить образцомъ и Пражскому, особенно въ нынѣшнее время, когда ученыхъ и знаменитыхъ магистровъ природныхъ Чеховъ такъ много что уже никакой вѣтъ нужды чтобы всѣ академическія мѣста были заняты иностранцами, какъ это было до сихъ поръ...

И Иоаннъ, увнесенный потокомъ своей рѣчи, которая лилась чѣмъ дольше, тѣмъ горячее, смѣло окинулъ глазами ряды удивленныхъ и озадаченныхъ чужеземцевъ и продолжалъ:

— Если же вамъ, знаменитые ученые господа, наше деликатное гостепріимство оказывало предпочтеніе, то уже нынѣ, для чести Чешскаго народа и его магистровъ, этотъ неестественный порядокъ долже терпимъ быть не можетъ. Развѣ мало того что всѣ мѣста въ Прагѣ заняты вами, между тѣмъ какъ наши бакалавры должны по два года перебиваться по уѣзднымъ школамъ, и по какой причинѣ? Причина та что вы по безпечности не хотите учиться прекрасному языку того народа котораго потомъ и мозолями вы живете, и поэтому вы не въ состояніи замѣнить ихъ. До сихъ поръ только въ рукахъ чужеземцевъ находилась печать университета, ключи архива и библиотеки, до сихъ поръ они одни, такъ-сказать, господствовали въ Пражскомъ университетѣ. Такой неестественный порядокъ далже продолжаться не можетъ, въ противномъ случаѣ Чехамъ пришлось бы позабыть самихъ себя и, ни съ того, ни съ другаго, запятнать честь своего имени. Но мы этого не желаемъ и не будемъ желать. Я говорю это отъ имени всѣхъ присутствующихъ докторовъ, магистровъ и бакалавровъ чешскихъ; говорю вамъ это отъ имени цѣлаго народа Чешскаго; говорю вамъ по важной причинѣ, такъ какъ сегодня мы должны избирать ректора для чешскаго университета.

Иоаннъ умолкъ, и затѣмъ настали шумные переговоры.

III.

Время было за полдень. Въ квартирѣ доктора Ансельма все было тихо, только въ кухнѣ мерцалъ скромный огонекъ, у котораго старая вѣномка варила себѣ обѣдъ. Ея господинъ ученый докторъ и дочь его Гедвига должны были обѣдать въ тотъ день у ректора, который въ честь новоизбраннаго своего преемника, по принятому обычаю, давалъ большой обѣдъ, и на этотъ обѣдъ были приглашены не только всѣ знаменитые члены университета, всѣ доктора со своими супругами, но даже нѣкоторыя изъ дочерей должны были тутъ присутствовать. Гедвига также была приглашена и въ настоящее время уже одѣта въ нарядное платье и поджидала

скоро ли придетъ за нею отецъ; она не помнила чтобъ онъ прежде когда-нибудь такъ долго оставался на выборахъ. Съ растающимъ любольствомъ и нетерпѣннѣемъ она ходила въ комнату.

Это была дѣвушка во всей красотѣ двадцатилѣтняго возраста, высокая, стройная блондинка, съ овально-правильнымъ лицомъ, съ большими голубыми глазами и роскошною русскою косою. Эта красота не была славянскою красотой, очаровательною, полною кипучей жизни, но совершенно иная: во всей величавой фигурѣ была разлита какая-то идеальность, съ отъѣвкомъ сознанія своихъ преимуществъ; эта прозрачная бѣлизна, едва оживленная легкимъ румянцемъ, этотъ ясный спокойный взглядъ казался открытою книгою и внушалъ къ себѣ скорѣе благоговѣннѣе, чѣмъ другое, болѣе вѣжливое чувство. Особенно сегодня, въ этомъ богатомъ платьѣ свѣтло-голубаго цвѣта, съ огромнымъ шейфомъ и дорогими отъѣвками, она казалась чѣмъ-то выше обыкновенныхъ женщинъ ея времени. Гедвига нетерпѣливо посматривала въ окно, не идетъ ли отецъ, и желая сократить долгій мигъ ожиданья, она сѣла къ столу, на которомъ было разбросано множество картинъ и рисунковъ и между ними лежалъ латинскій списокъ растений, писанный собственною рукою ея отца. Лишь только она взялась за него, какъ отворилась дверь, и въ комнату вошелъ ея отецъ, ученый докторъ медицины и извѣстнѣйшій профессоръ. Это былъ мужчина уже лѣтъ шестидесяти. Его высокая, худощавая фигура была нѣсколько согблена, казалось какъ будто онъ вѣчно смотрѣлъ въ книгу, но когда говорилъ, то вскидывалъ вверхъ голову, на которой была уже большая лысина. Щеки его были впалыя а изъ-подъ черныхъ бровей сверкали, какъ раскаленные угли маленькіе, сѣрые глаза. Сегодня онъ вошелъ съ пошукшею головою, лицо его было страшно взволновано, такъ что дочь его отъ удивленія остолбѣла, позабывъ его привѣтствовать. Отецъ также, противъ обыкновенія, не только не по здоровался съ обожаемою дочерью, но даже не обратилъ никакого вниманія на великолѣпный нарядъ. Положивъ свой черный бархатный беретъ, онъ молча, большими шагами, началъ ходить по комнатѣ. Гедвига тоже молчала. Она знала что отецъ всегда самъ рассказываетъ ей все что можно рассказать.

— Гедвига! заговорилъ онъ наконецъ, останавливаясь предъ

дочерью, которая до сихъ поръ съ наружнымъ спокойствіемъ разсматривала списокъ растений.—Гедвига, дочь моя, подумай только—они хотять имѣть три голоса; а мы чтобы... О! безсмертный Эскулапъ, не попусти! Прежде чѣмъ мы начали подавать голоса за ректора, выступиль этотъ вилеемскій проповѣдникъ.... Ну, ты, чай, его знаешь. Онъ умѣетъ пропороть сердце своимъ языкомъ. Всталъ и началъ доказывать что въ академическихъ правахъ съ Чехами поступаютъ неправильно.

И тутъ докторъ, по своему обыкновенію, началъ описывать дочери весь споръ, разказалъ ей какъ послѣ Гусовой рѣчи всѣ чешскіе магистры возвысили свои голоса, особенно Іеронимъ; онъ выступалъ больше всѣхъ и горячо отстаивалъ права Чеховъ.

— Мы ужъ знаемъ его! разъяренно продолжалъ докторъ: — его языкъ какъ острая бритва, или каленая стрѣла. Притомъ же этотъ человекъ ничего въ мірѣ не постыдится. Безсмертный Эскулапъ! Мнѣ кажется что онъ, нисколько не стѣняясь, сейчасъ вступилъ бы на кафедру какъ истинный *baccalaureus sanctae theologiae*. Онъ такъ безсовѣстно говорилъ какъ будто мы всѣ уже были безгласны. Я знаю, онъ разчитываетъ на короля, около котораго онъ вертится и грозитъ намъ его рѣшеніемъ; но вѣдь и мы тоже не зайцы среди чистаго поля, мы сами знаемъ какъ и съ какой стороны подойти ко двору; но сегодня мы, разумѣется, не уступили имъ ни одного шага и наконецъ все-таки выбрали ректора изъ своей среды, именно нынѣшняго декана философіи *celeberrimum Ioannem Hoffmannum*.

И съ явнымъ чувствомъ удовольствія гордо прибавилъ:

— Богъ дастъ, мы еще не такъ-то легко облечемъ Чеха въ ректорскій плащъ!

Съ этими словами, Ансельмъ повернулся къ дочери, и заложивъ руки за спину, началъ ходить по комнатѣ, а о званомъ обѣдѣ не было и помину. Гедвигу тоже разказъ отца такъ сильно взволновалъ что и она уже больше не думала объ обѣдѣ. Безотчетныя думы отуманивали ея голову и тяжелая тоска сжимала ея грудь. Глаза были устремлены на латинскій гербаріумъ, но мысль ея блуждала далеко по Прагѣ. Спустя нѣсколько минутъ она въ полголоса спросила:

— *Nationes ergo discordia dissectae sunt?*

— *Dissectae!* отвѣтилъ отецъ. — Теперь уже скорѣй я не различу сердца отъ легкаго, нежели буду опять дружитья

съ Чехами! И что они такъ гордятся! Не знаютъ они, эги новопеченные доктора, чѣмъ бы они были безъ насъ!

Тутъ отъ спявшаго вѣщенія, онъ опять заходилъ по комнать, въ глубокой задумчивости и по своей обыкновенной привычкѣ низко склонивъ голову.

— Но я знаю что вертеть мозгъ этому проповѣднику и его смѣлому другу, продолжалъ докторъ, какъ бы говоря самъ съ собою: — о правахъ и неправыхъ толковать нечего, имъ жить хорошо; но тутъ все дѣло и все козни идутъ отъ Виклефа. Виклефъ....

Въ это мгновеніе кто-то постучался въ дверь.

— Ave! громко вырвалось изъ устъ отца и дочери.

И въ комнату вошелъ магистръ Бочекъ.

— Ah, *deliciae meae!* *Salve!* воскликнулъ докторъ, подавая гостю руку.

И Гедвига также привѣтствовала его наклоненіемъ головы, и при этомъ нѣсколько покраснѣлась. Ее кольнуло въ сердце и все члены въ ней дрогнули.

— *Salve!* повторялъ докторъ, крѣпко лжжая руку Бочка, но вдругъ отъ этого пожатія Ансельмъ вздрогнулъ и быстро отскочилъ, какъ будто почувствовалъ жало змѣи, и привѣтливое выраженіе лица его въ мигъ исчезло и глаза дико засверкали. — *Araque! araque!* Мой врагъ! вскричалъ онъ — напрасно рыщешь, волкъ! здѣсь не найдешь для себя жертвы.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ Бочекъ на такое привѣтствіе, но онъ догадывался изъ какого источника истекаютъ слова доктора и чувствовалъ что, ради своего блаженства, онъ долженъ все сносить терпѣливо, и поэтому ничего не отвѣтилъ.

— Ты ошибся, отецъ, вступилась Гедвига, — это твой домашній другъ, уважаемый магистръ Бочекъ, изъ Лепотицъ, съ которыми, какъ съ посвященнымъ въ таинства всѣхъ девяти музъ, ты читаешь своихъ любимыхъ авторовъ, Горация и Виргилія.

— Да, я его знаю! отвѣчалъ разгоряченный старикъ, — а хорошо его знаю, но развѣ онъ не Чехъ? *Natione et opinione Bohemus?*

— Да, я Чехъ и вашъ докладникъ, *domine celeberrime!* сказалъ Бочекъ, и по его свѣтлому лицу мгновенно мелькнуло облако грусти. — Я не могу понять чтобы взрывъ разногласія происшедшій между учеными классами *almae matris*, могъ нарушить миръ и довольство личныхъ отношеній.

— Да, они нарушили и будутъ нарушать, *domine magister*, отвѣчалъ докторъ еще запальчивѣе, давъ полную волю своему гнѣву:—И я съ этихъ поръ не потерплю около себя никого кто происходитъ отъ чешской крови.

— Позвольте, *celeberrime!* сказала старая экономка, просунивъ голову въ дверь:—здѣсь слуга университетскій отъ господина ректора. Просятъ васъ на обѣдъ.

— Ахъ, не безлокой меня! Мнѣ не до обѣда! закричалъ на нее докторъ:—какъ я могу съ этими зачинщиками распрѣйѣсть изъ одной миски и, послѣ всего что было, пить за ихъ здоровье? Они хотятъ чтобъ я отравилъ мои жилы ядомъ! Скажи что я боленъ и не могу выходить изъ дому... Да если имѣешь что въ кухнѣ, то ступай и приготовь намъ что-нибудь къ столу, мы покойнѣе отобѣдаемъ дома!

Съ этими словами онъ удалился въ свою лабораторію.

IV.

Наединѣ остались въ комнатѣ магистръ Бочекъ и Гедвига. Въ душѣ ихъ тайно раздавался голосъ какой-то тихой грусти. Гедвига даже какъ будто вышла съ недоступной высоты своего величія и явилась обыкновенною любящею женщиной. Что касается до молодаго повта, то постоянная бодрость духа его и неистощимая веселость совсѣмъ исчезли въ эту минуту и онъ казался обезоруженнымъ. Сегодня они какъ-то особенно чувствовали присутствіе другъ друга; какая-то невѣдомая сила, помимо ихъ воли, связывала ихъ сердца; но чтобы не обнаружить душевнаго волненія, они оба молчали.

Наконецъ заговорилъ Бочекъ тихимъ, робко сдержаннымъ голосомъ:

— Итакъ, я уже изгнанъ изъ моего рая? Двери вашего дома уже затворяются предо мною, и съ этихъ поръ я напрасно буду ходить около вашего порога съ пламеннымъ желаніемъ и тоской...

— Но отецъ сказалъ это въ первую минуту вспышки, смущенно проговорила Гедвига, и сердце ея забилось еще сильнѣе.

Никогда еще ученой дѣвушкѣ не было такъ тяжело, такъ неловко, какъ въ эти минуты. Вся кровь застывала въ ней, она почти не сознавала того что говорила.

— Прощу васъ извинить вспыльчиваго старца... прибавила она.

— О, помилуйте! Чего бы я не могъ извинить вашему отцу, уважаемая Гедвига! Еслибы даже онъ загналъ меня въ пустыню, гдѣ бы засохнувъ опадалъ лучшій цвѣтъ моей надежды, и тогда я не въ силахъ былъ бы не простить ему...

— Но для васъ нигдѣ не будетъ пустыни! прервала Гедвига:—вашъ путь всюду свѣтъ усыплеть своими лучшими цвѣтами.

И переходя въ шуточный тонъ, прибавила:

— А то что вы испытали у насъ горькаго, все мгновенно исчезнетъ безъ слѣдовъ за поздравительнымъ бокаломъ на обѣдѣ у ректора.

— Гедвига, что вы говорите? Ради самого Бога! Неужели вы думаете что роскошный обѣдъ и полный бокалъ въ состояніи вознаградить меня за ту утрату которая грозитъ мнѣ въ вашемъ домѣ?

— Утрату?... едва слышно повторила Гедвига.—Я не понимаю какую вы могли бы потерпѣть у насъ утрату?

Произнеся эти слова, она вспыхнула, потупивъ глаза въ землю.

— Такъ вы не знаете какая незамѣнимая для меня утрата не посѣщать вашего дома?

Казалось этотъ вопросъ вырвался у Бочка изъ глубины души и во взглядѣ его выразилась горячая мольба, въ голосѣ слышались страданія.

— А я то, запинаясь продолжалъ онъ,—до сихъ поръ все надѣялся и мечталъ, какъ легкомысленное дитя, что и другу его снятся одинаковые сны. Но я теперь вижу что это былъ только сонъ, и моя завѣтная надежда какъ волна разбивается о скалу. Я грезилъ какъ дитя и сейчасъ просыпаюсь къ печальной дѣйствительности.

Гедвига молчала. Она хорошо знала что онъ хочетъ этимъ сказать; но сердце ея еще никакъ не могло вырваться изъ оковъ холоднаго разсудка.

— Гедвига! дрожащимъ голосомъ повторилъ Бочекъ:—и вы не знаете какое для меня лишеніе не видать васъ?

Гедвига опять ничего не отвѣчала, только на лицѣ ея изобразилась внутренняя борьба. Она вскинула на него свои задумчивые голубые глаза, потомъ быстро закрыла ихъ, какъ бы желая удержать слезу, готовую упасть съ ея рѣсницъ, и

съ этимъ отвернулась отъ него и отошла къ окну, чтобы не обнаружить душевнаго волненія которое испытывала. Она бросилась вслѣдъ за ней, умоляя сказать хоть одно слово въ отвѣтъ ему; но она молча дала ему знакъ рукой, чтобъ онъ не подходилъ къ ней, и склонивъ свою гордую головку къ стеклу окна, простояла нѣсколько минутъ въ такой позѣ. Наконецъ обратила къ нему лицо; на этотъ разъ оно было озарено нѣжною улыбкой, а на длинныхъ рѣсницахъ ея еще дрожали капли недавнихъ слезъ.

— Мнѣ кажется что я догадываюсь, тихо заговорила она:— съ какою надеждой господинъ магистръ переступилъ порогъ нашего дома, и я конечно по совѣсти должна бы вамъ сказать чтобы вы прекратили ваши посѣщенія и оставили ваши надежды.... Но голосъ сердца не позволяетъ мнѣ произнести это слово....

— О, Гедвига! О, муза моя! воскликнулъ Бочекъ въ изступленіи радости и счастья, и схвативъ ея руку, горячо прильнулъ къ ней губами.

— Полноте, полноте! заговорила Гедвига, полустрогимъ голосомъ, и вся зардѣвшись быстро вырвала у него руку:—вы полагаете что я одно изъ тѣхъ слабыхъ созданій для котораго ласковое слово и пріятливый взглядъ есть опаснѣйшее орудіе.... О, въ такомъ случаѣ вы жестоко ошибаетесь! произнесла она съ прежнею важностью:—я знаю какъ мушкетеры способны льстить дѣвушкамъ.... Но впрочемъ въ такія роковыя минуты не время пускаться въ подобныя разсужденія. Подождемте пока разойдутся тучи, которыя собрали неутомные ваши чешскіе магистры надъ мирнымъ храмомъ нашей дружбы. Я надѣюсь что и отецъ мой примирится съ вами, когда утихнетъ вся эта буря. А вы, чтобъ успокоиться духомъ, отправляйтесь поскорѣй на обѣдъ къ новому ректору.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю! Вы хотите чтобъ я послѣ меду отвѣдалъ горчицы? отвѣчалъ Бочекъ съ обычною веселостью:—Послѣ небесныхъ восторговъ отдаться свѣтскимъ вакханаліямъ. О, нѣтъ! я не хочу испортить нынѣшній день. Онъ будетъ счастливѣйшимъ днемъ моей жизни. Могу ли я участвовать въ постороннихъ разговорахъ? Пусть только ваши слова раздаются въ душѣ моей, какъ небесная гармонія! Никакіе человѣческіе звуки не должны заглушать ихъ! Имѣя въ виду встрѣтиться съ вами сегодня за обѣдомъ у господина ректора, я приготовилъ было стихи; но увы! безъ звѣздъ

и ночь печальна! Безъ солнца и день суровъ и мраченъ.]
 не будете у ректора... и я...."

— Вы написали стихи! прервала Гедвига:—мнѣ очень жаль
 что я лишаюсь удовольствія слышать ихъ....

— Ахъ, еслибы мой ничтожный трудъ удостоился такой
 сати чтобы вы удѣлили на чтеніе его хоть нѣсколько мину
 А безъ того это бѣдное произведеніе завяло бы какъ цвѣ
 на суходолѣ. Оживите его отраднымъ лучомъ вашего вним
 нія!..

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана бережно за
 нутый пергаментъ и, подавая его Гедвигѣ, съ легкимъ вол
 ніемъ добавилъ:

— Не будьте строга къ этому слабому созданью моей муз
 Если вамъ угодно, вы можете оставить у себя это стихотв
 реніе, чтобъ оно когда-нибудь напомнило вамъ о человѣкѣ
 котораго жестокая судьба разлучаетъ съ вами; но онъ ни о
 вой минуты не перестанетъ грустить о васъ....

Послѣ того Бочекъ удалился.

V.

На Вышеградѣ, въ небольшой, но богато убранной комн
 тѣ сидѣлъ король Вячеславъ; предъ нимъ на прекрасномъ ма
 зачномъ столѣ стоялъ бокалъ бургонскаго вина, а у ног
 лежала собака необыкновенной величины. Вячеславъ цѣлота
 ее за ушами, и спустя нѣсколько минутъ, ударивъ ее ладонь
 сказалъ:

— Хватай его!

Песъ вскочилъ, завизжалъ и, оскаливъ свои длинные зубы
 началъ озираться кругомъ; но видя что въ комнатѣ чужа
 не было, понурилъ голову и снова свернулся у ногъ своего
 господина.

— Ага, засмѣялся Вячеславъ, взявъ въ руки бокалъ:—уж
 и Хитанъ не беретъ тебя!

Эти слова относились къ человѣку въ красномъ камзолѣ
 который сидѣлъ въ углу на низенькой скамеечкѣ, скрестивъ
 на груди руки и казалось весь утопалъ въ безднѣ своихъ
 мыслей. Услыша смѣхъ короля, онъ поднялъ голову и сказалъ

— Умный лещъ понимаетъ что со мной шутить не слѣду
 етъ и кусать мои руки тоже не рѣшается, зная что онъ еще
 пригодится на службу моему* королю.

— Я вижу что ты, кумъ, сегодня въ добромъ расположеніи духа! снова засмѣялся Вячеславъ: — это не дурно. Я очень радъ когда меня окружаютъ веселыя лица и думаю что мы сегодня еще порядкомъ посмѣемся. Мы любопытно знать какъ наши ученые господа погрызлись между собою.

Въ эту минуту вошелъ молодой пажъ и доложилъ о приходѣ магистра Геронима.

— Войди, войди! весело приказывалъ король. — Кстати пришелъ! Я очень радъ!

При этомъ стукнулъ по серебряной кружкѣ, которая стояла предъ нимъ. Пажъ ловималъ этотъ знакъ и постышился взять ее, чтобы снова наполнить виномъ.

— Еще одну! крикнулъ король и началъ привѣтствовать вошедшаго Геронима. Смѣло и ровною поступью вошелъ магистръ въ комнату короля и казалось былъ тутъ какъ дома. На его открытой физиономіи и въ его искреннемъ взглядѣ уже не осталось и тѣни того выраженія которое онъ имѣлъ когда вѣсть съ Гусомъ шелъ къ Каролину. Вмѣсто злаго, строгаго вида, на лицѣ его разливалось благодушіе, и черная длинная одежда смѣнилась теперь пестрымъ плащомъ королевской дружины. На привѣтъ короля, онъ ловко и съ достоинствомъ склонилъ одно колено.

— Ну, какъ ты проживаешь, ученый бѣсенокъ? смѣялся Вячеславъ, положивъ на плечо его свою руку: — значитъ бой и обѣдъ кончены?

— Да, бой уже оконченъ! смѣло отвѣчалъ Геронимъ тономъ приближеннаго и любимца короля: — а на обѣдѣ наши непріатели и теперь еще пируютъ.

— А наши магистры развѣ не участвуютъ въ обѣдѣ? Какіе же вы бойцы, если ваши витязи не пируютъ? Значитъ вы проиграли и дали тягу.

— Его королевскому величеству уже извѣстно что Чехъ никогда не дастъ тягу! сказалъ магистръ, гордо поднявъ голову; но скоро олять съ покорностію склонивъ ее, прибавилъ: — Властелину и отцу Чешскаго народа не требуется на то доказательствъ. Мы сдѣлали все что можно было сдѣлать на первый разъ. Съ дозволенія вашей королевской милости, мы имъ указывали на право чешскихъ магистровъ, ссылаясь на грамоту незабвеннаго родителя вашего величества, въ полной увѣренности что сынъ великаго короля, который былъ благодѣтелемъ и славой своего отечества, не откажетъ въ

покровительство въ родоподанныхъ сынамъ своимъ. При этомъ осмѣлились заявить что и воля нашего милостиваго царя согласна съ нашимъ желаніемъ. Но...

— Ну... а они что? спрашивалъ Вячеславъ, отъ вѣтернія вскочивъ съ своего кресла.

— Они держатся своихъ мнимыхъ, застарѣлыхъ правъ думаютъ что никто не властенъ ихъ нарушить...

— Звѣзды Божія! вскричалъ Вячеславъ, ударивъ по стѣнѣ рукой:—Кто же это отваживается такъ думать? Я докажу что значить нарушить порядокъ въ нашей землѣ! Слава Богу, я имѣю еще добрыхъ друзей, которые сумѣютъ одолѣть эту твердолобую нѣмецкую башку.

При этомъ взглядъ короля направился на человѣка который до тѣхъ поръ тихо сидѣлъ въ углу комнаты. Геронимъ слѣдуя за взглядомъ короля, только теперь замѣтилъ что въ комнатѣ было третье лицо и слегка кивнулъ ему головой. Этотъ странный человѣкъ не отвѣтилъ на его поклонъ, а просто обернулся къ королю, говоря:

— Угрозы и мечъ ты теперь пока оставь, а бери поскорѣ перо въ руки, такъ увидишь какъ притупятся ихъ рога твою грамоту.

— Молодецъ кумъ! Ты дѣло говоришь! воскликнулъ Вячеславъ, опоражнивая бокаль.

Король былъ въ тотъ день особенно въ веселомъ расположеніи духа.

— Хлѣбни-ка, братъ магистръ! сказалъ онъ, обращаясь къ Герониму и указывая на кружку, которую въ это время павъ подавалъ ему:—за эту чашу я обѣщаю тебѣ мою королевскую милость и покровительство, но съ тѣмъ только чтобы вѣдѣе прежде хорошенько подрались между собою...

— Безъ того дѣло не обойдется, не бойся! возразилъ сдѣвшій въ углу человѣкъ въ красномъ камзолѣ.

А Геронимъ, съ затаеннымъ неудовольствіемъ, принимая за кружку, желая тѣмъ скорѣе окончить дѣло, которое откладывалось, желанная дѣль отодвигалась на дальнее разстояніе такъ какъ король и не думалъ брать въ руки пера.

— Я буду биться объ закладъ, хоть на свой новый красный камзолъ, что сегодня за пивными жбанами начнется драка, до тѣхъ поръ они не угомонятся пока не ударитъ по вилъ королевскій кулакъ.

Вячеславъ захохоталъ.

— Ей-Богу, маѣ бы очень хотѣлось удостовѣриться хорошій ли ты пророкъ! сказалъ онъ въ избыткѣ удовольствія:— да кстати, что у насъ сегодня? Четвергъ?

— Пятница, отрывисто отвѣчалъ Иеронимъ.

— Звѣзды Божія! воскликнулъ Вячеславъ, переходя въ серьезный тонъ:— Коли такъ, значитъ сегодня они ничего не затѣяютъ. Въ пятницу порядочный человѣкъ изъ дому не выходитъ.

— Порядочный! Кто говоритъ о порядочныхъ? вмѣшался опять въ разговоръ человѣкъ сидѣвшій въ углу:— При такомъ порядкѣ пришлось бы еще съ вечера запираить всѣ корчмы. Послѣ того какой чортъ захотѣлъ бы быть корчмаремъ. Молодежь не будетъ спрашивать: что нынче, пятница или суббота? Не все ли имъ равно? Коли горло горить....

— Увидимъ, увидимъ! сказалъ Вячеславъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ:— Посмотримъ какъ-то у насъ соблюдаются посты! Я не хочу чтобъ епископъ Сбынекъ жаловался что я худо наблюдаю за исполненіемъ церковныхъ правилъ. Да вѣдь и я въ свою очередь не прощаю ему ничего противузаконнаго....

Король Вячеславъ вообще имѣлъ много странностей. Человѣкъ въ красномъ камзолѣ всюду сопровождавшій его былъ палачъ. Королю нравился его острый умъ и испытанная преданность. Подъ видомъ шутовства, палачъ смѣло говорилъ ему всякую правду.

VI.

Вечернимъ сумракомъ одѣлась вся окрестность Праги. Тихо было на всѣхъ площадяхъ и большихъ улицахъ, только кой-гдѣ по закоулкамъ въ отдаленныхъ кварталахъ еще раздавался неясный говоръ выходившаго изъ корчмы черноработчаго люда. Въ тогдашнее время въ богатой, многолюдной, избилавшей роскошью Прагѣ, такихъ заведеній было очень много. Нѣкоторыя изъ нихъ служили особеннымъ притономъ для кутежей студентовъ, беззаботно тратившихъ свои лучшіе годы. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ подобныхъ притоновъ былъ въ Капровой улицѣ, подъ названіемъ *Красная Лисица*. Въ плохонькомъ деревянномъ домишкѣ, гдѣ во время дня казалось все вымерло, ставни были почти постоянно закрыты, и двѣри едва-едва отворялись, но какъ только настанутъ

сумерки, въ этомъ невзрачномъ домишкѣ сейчасъ закипъ жизнь: тутъ начнется стукъ жбановъ, шумные разговоры громкій закатыстый смѣхъ, который нерѣдко сливался съ ломъ разудалой пѣсни; тогда закоптѣлая изба биткомъ бьется разнаго рода гостями. Но въ нынѣшній вечеръ въ сѣбенности число гостей увеличилось: удалая компанія студентовъ собиралась тутъ чтобы хорошенько ознаменовать се днѣшній день товарищескою пирушкой. Чехи торжествовали какъ мужественные защитники своихъ отечественныхъ правъ чужеземцы же, въ свою очередь, злобно радовались что магистры не дали себя застрашать и все-таки выбрали ректора изъ своей среды. Въ этотъ день, на всѣхъ лицахъ студентовъ, при встрѣчѣ между собой, не было другаго выраженья кромѣ самой ѣдкой улыбки. Вся молодежь стремилась къ корчмы, чтобы лихо выпить здорювицу за удачу правого и на пагубу враговъ. Страшный гулъ несся въ тотъ вечеръ изъ *Красной Лисицы*. Тутъ сошлись студенты разныхъ націй; но условно, или случайно, Чеховъ оказалъ больше, и они начали тутъ распоряжаться по-своему, такъ что послѣ многихъ споровъ и перебранокъ, баварскимъ саксонскимъ молодцамъ не оставалось ничего болѣе какъ скорѣй находить дверь, чтобы не вылетѣть на улицу черезъ окно.

— Bohemia in aeternum. Да здравствуютъ Чехи! закричалъ одинъ изъ студентовъ, стройный и крѣпкій, какъ молодой бокъ, весело поднимая вверхъ полную кружку.

„Vivat!“ загремѣла за нимъ вся компанія, и пиво полилось рѣкой.

— Да здравствуетъ Гусъ и Иеронимъ! громко воскликнулъ опять тотъ же студентъ, повидимому бывшій во главѣ въ этой компаніи.

— Valeant! кричали остальные. — Наливайте! Ну, живо варачивайся, матушка! За это я подарю тебѣ сердечко и пряника.

— А я тебѣ куплю ожерелье изъ крокодиловыхъ зубовъ прибавилъ другой.

И всѣ они обступили корчмарку, которую прозвали „матушкой“. Это была женщина круглая, какъ боченокъ, и обще очень комической наружности. Она часто разказывала гостямъ о своемъ сиротствѣ, что она живетъ уже двадцать

пять лѣтъ вдовой, но къ сожалѣнію никто не обращалъ вниманія на ея трогательную исторію. Теперь она стояла посреди студентовъ, на подобіе огромной тыквы, около которой вились осы. Они такъ ее засуетили что она не знала что ей дѣлать; не имѣя никакой возможности продрагаться сквозь толпу, она потеряла терпѣніе и начала своими массивными руками такъ сильно расталкивать молодежь что кому доставалось попробовать ея кулака, тотъ ужъ навѣрное отлетѣлъ шага на три, но разгоряченные болѣе обыкновеннаго молодцы на этотъ разъ уже не чувствовали ея кулаковъ и, принуждая толстую женщину къ проворнымъ услугамъ, нисколько не замѣчали того что ей, за тѣснотой, некуда было шагнуть.

Наконецъ Доротта, видя что тутъ ничего съ ними не подѣлаешь, тихо раскачиваясь, какъ кадучка съ водой, преспокойно отправилась въ свой уголокъ, гдѣ обыкновенно сидѣла на широкомъ стулѣ, принимая деньги. Съ шумнымъ хохотомъ хлынула за ней вся ватага шалуновъ, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ, въ самомъ темномъ, дальнемъ уголкѣ, челоуѣческую фигуру, которая также хохотала до упаду.

— Это что за обезьяна? закричалъ веселый юноша, съ любезитствомъ заглядывая въ уголокъ.

— Обезьяна!... повторило вслѣдъ за нимъ еще нѣсколько голосовъ.— Подайвай ее сюда!

И вся толпа схлынула въ темный уголокъ. „Фигура“ струсила и притаилась, но вскорѣ, какъ бы одумавшись, постигнула отвѣснть нижайшій поклонъ не безопаснымъ гостямъ.

Вставая, этотъ господинъ пошатнулся, такъ какъ у него было уже порядочно въ головѣ, и судорожно ухватился за столъ.

— Откуда появилось такое чудовище? кричали одни.

— Берегитесь! онъ укуситъ васъ! хохотали другіе, указывая на него пальцемъ.

— *Salvete, domini doctissimi*, проговорилъ незнакомецъ, и хотѣлъ было еще что-то сказать, но слова застыли на языкѣ.

— Эй, братцы, поглядите-ка, обезьяна-то ученая! кричали шалуны.

— Вылезай-ка оттуда! Дай намъ полюбоваться на твою обезьянью харю.

Какъ ни сопротивлялся бѣдняжка, однако студенты все-

таки вытащили его изъ-за стола. Это былъ человѣкъ лѣтъ худенькій, маленькій и невзрачный, съ широкими скулам тоненькою шейкой; голова его тряслась отъ страха, такъ даже зубы стучали. Нужно вамъ сказать что это былъ чуждый торговецъ, зажиточный старикашка, любившій подучку покутить.

— Оставьте, господа! не трогайте моего гостя! вступил хозяйка, заслонивъ своею толстою фигурой испуганнаго щипу и героически защитивъ его отъ необузданной молодежи. Съ чего вы взяли нападать на него? Это господинъ Сѣкиръ честный мѣщанинъ, который торгуетъ на Долгой улицѣ, мнѣ онъ точно такъ же дорогъ какъ каждый изъ васъ, господа ученые.

— Какъ! можетъ ли это быть!.. обидчиво возразилъ юша.— По крайней мѣрѣ сегодня онъ никакъ не поравняется нами. Сегодня мы царствуемъ.... Да здравствуетъ Богемія! здравствуютъ Чехи! И если ужъ этотъ честный торговецъ находится въ нашей компаніи, то онъ долженъ насъ угостить на свой счетъ нынѣшній вечеръ.

— А иначе онъ вылетитъ на улицу изъ окна! подхвати другіе.

— Да, да, заплатитъ за весь убытокъ! кричали со всѣхъ сторонъ студенты, бросаясь къ несчастной жертвѣ.

Сѣкирка началъ жалобно пищать, умоляя о пощадѣ; молодежь такъ и покатывалась со смѣху; а корчмарка топала нѣхъ ногами, и горячилась, грозя полиціей; но несмотря на эти угрозы, шумъ, гамъ и суматоха до такой степени увеличивались что никто изъ нѣхъ не слышалъ какъ сыпались сильные удары въ ставень. Но когда вслѣдъ затѣмъ громко рванула собака, то всѣ переглянулись и въ мигъ умолкли.

— Господи! спаси насъ! завопила корчмарка, ломая себѣ руки.— Это самъ Вячеславъ! Я знаю его стукъ.

— Во имя короля—отворяйте! раздался съ улицы звучный голосъ. И ставни олять загремѣли подъ ударами сильна кулака.

— Сейчасъ, сейчасъ! повторяла корчмарка, задыхаясь отъ страха и ужаса и безъ памяти схвативъ со стола деревянный подсвѣчникъ, бросилась къ дверц, а молодежь ободряла мѣхъ моходомъ:—Ничего, ничего, господа! Не бойтесь, лишь бы было тихо! Стулья-то живѣе по мѣстамъ! Да скажите что в

моль здѣсь все объ ученыхъ вещахъ разсуждали. А сама думала: „авось король въ хорошемъ расположеніи духа.“

И вотъ отворяется дверь и входитъ въ корчму король, закутанный въ черный широкій плащъ, надвинувъ на глаза шляпу съ большими полями. Позади шелъ его неизмѣнный спутникъ, въ одинакомъ съ королемъ костюмѣ; ихъ сопровождала огромная, уже знакомая намъ, собака.

— Ты хозяйка? строго спросилъ король оторопѣвшую корчмарку.

— Я, ваше величество! отвѣчала Доротта, дрожа и блѣднѣя.

— А развѣ ты не знаешь въ которомъ часу запираются корчмы?

— Знаю, знаю, выше королев....

— Молчать! крикнулъ онъ,—да кого ты это здѣсь прячешь? спросилъ онъ, окидывая глазами корчму.

— Да это.... здѣсь нѣсколько.... ученыхъ студентовъ, лепетала Доротта, — господа все обстоятельные.... разговаривали здѣсь все.... про ученость, такъ что любо было послушать.

Но король, не обращая вниманія на ея слова, грозно посмотрѣлъ на молодежь. Въ одно мгновеніе наши удалцы опустили на колѣни, прижавъ къ груди береты и потупивъ глаза въ землю. Это зрѣлище, казалось, смягчило сердце короля. Онъ молча, величественно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— *Salve Venceslaus, pater patriae, protectorque Bohemorum!* воскликнулъ одинъ изъ студентовъ, ловко вскинувъ глаза на короля.

— *Salve!* загремѣли остальные, высоко поднимая надъ головой свои береты.

Медленными шагами проходилъ король ряды переполошенныхъ „ночныхъ бродягъ“, и пронизательный взглядъ его останавливался на каждомъ изъ нихъ, какъ бы для того чтобы взвѣсить объемъ вины всякаго отдѣльнаго лица; наконецъ, остановившись предъ однимъ изъ колѣнопреклоненныхъ молодыхъ людей, онъ отрывисто спросилъ:

— *Natione?* *

— *Omnes Bohemi Fidelissimi,* ** отвѣчалъ студентъ.

* Какой національности?

** Всѣ вѣрные Богемцы.

— Такъ.... промолвилъ король,—значитъ корчма есть мѣсто, гдѣ чешскіе студенты до глухой полуночи набираются ума-зума!... Значитъ для чешскаго студента необходимо изъ пивныхъ жбановъ черпать мудрость....

— Просимъ прощенія у вашего королевскаго величества заговорилъ студентъ безъ малѣйшей робости.— Сегодня для насъ великій день.... такъ сказать: *licentia poetica*. Сегодня намъ было возвѣщено о милости которую ты изволилъ оказать своимъ вѣрнымъ сынамъ. Пить за здоровье нашего короля и за пагубу враговъ есть тоже святая обязанность, равно какъ сидѣть у декана, или изучать премудрость астролога.

— Какъ твое имя?

— Вячеславъ, сынъ Кухоньки, новомѣстскаго главнаго судьи.

— Много же отецъ дождется отъ тебя радости! усмѣхнулся король.

— Ваше величество! Я именуюсь Вячеславомъ и не позволю себѣ обезчестить это дорогое для Чеховъ имя.

— Если прекратишь свои полуночныя прогулки, скажи Вячеславъ, которому неустрашимость юноши уже начала нравиться.—Если образумишься, то доставишь, быть-можетъ, славу нашему имени. Я буду тебя помнить. *Cui rei?* *

— *Arti medicae.* **

— Итакъ, я налагаю на тебя постъ, и приказываю четыре недѣли не показывать носа въ корчму. Если тебѣ покажетъ скучно дома, такъ постарайся подружиться съ Эскулапомъ Гилократомъ. Надѣюсь вы поладили, господа? быстро обитаясь онъ къ остальнымъ.—Четыре недѣли дома или навсѣгда вонъ изъ университета. Встаньте!

Съ этими словами онъ повернулся къ двери и, улыбаясь заговорилъ со своимъ спутникомъ:

— Ну, что будешь съ ними дѣлать? Не всякое лыко въ стѣнку... Молодая кровь кипитъ!... Пылкия головы.... Поневолѣ махнешь рукой....

Въ эту минуту въ заднемъ углу раздались страшный крикъ Хитана и волиь человеческого голоса. Всѣ глаза съ любопытствомъ обратились въ ту сторону. Изъ-подъ стола вылезъ

* По какой части?

** По медицинѣ.

перелуганный Сѣкирка, который спрятался туда при видѣ короля.

— Пустите душу на покаяніе! вопилъ онъ съ отчаяніемъ.— Зажмите пасть этому людоѣду. Ахъ! простите что я.... такое знаменитое животное.... осмѣлился назвать.... Помилосердитесь!

— Чтò это еще за дуракъ? спросилъ Вячеславъ, оборачиваясь.— Говори, кто ты такой?

— Торговецъ Сѣкирка, ваше величество.

— Пражскій мѣщанинъ?

— Съ Долгой улицы.

— А!... въ пятницу въ полночь въ корчмѣ сидишь.... Въ постный день!...

— Послѣ дневныхъ хлопотъ.... вышелъ немножко прогуляться, улыбнулся несчастный Сѣкирка.

— А, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Тебѣ смѣшно, продолжалъ строго король, подступая къ Сѣкиркѣ, который, стоя на колѣняхъ, былъ ни живъ, ни мертвъ.— Ты шатаешься по корчмамъ, а дома небось жена и дѣти покоя не знаютъ.

— У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, горестно отвѣчалъ Сѣкирка.— Я честный холостякъ.

— Звѣзды Божія! вскрикнулъ Вячеславъ, топнувъ ногой, такъ что столы затряслись въ корчмѣ.— Вотъ я тебѣ задамъ! Честный холостякъ!... Ахъ, ты негодяй! Ты богатъ?

— Нѣтъ.... испугался торговецъ, вообразивъ въ первую минуту что онъ долженъ платить штрафъ, но скоро опомнился и залепеталъ:— то-есть.... имѣю и могъ бы....

— Могъ бы прокормить жену? прервалъ король.

— Могъ.... еслибъ....

— Ну, такъ я приказываю чтобы ты въ четыре недѣли нашелъ себѣ невесту и женился! съ величайшею строгостію далъ повелѣніе король Вячеславъ.— Я терпѣть не могу тѣхъ людей которые собираютъ богатство, не имѣя кому передать его. Слышишь ли? чтобы черезъ четыре недѣли ты былъ женатъ.... а до тѣхъ поръ....

И живо обратясь къ корчмаркѣ, прибавилъ:

— Не смѣть принимать его пока онъ не женится. Вообще чтобы четыре недѣли ни души здѣсь не было—понимаешь? А если за это время я застаю кого здѣсь, то вѣлю тебя въ кадушкѣ утопить.

Сказавъ это, король быстрыми шагами удался изъ корчмы, а у несчастной корчмарки отъ испуга выпалъ изъ рукъ подсвѣчникъ.

VII.

День стоялъ прекрасный, король Вячеславъ съ своею славою дружиной возвращался съ охоты. Подъѣхавъ къ Вышградскому дворцу, придворные слѣзали со взмыленныхъ коней и почтительно выстроились въ ожиданіи королевскаго приказа.

— Отправляйся домой! сказалъ Вячеславъ, обращаясь къ одному изъ нихъ, который въ тотъ день во все время охоты хвально съ королемъ бокъ объ бокъ, — передай отъ меня своимъ пріятелямъ увѣреніе что я буду ихъ имѣть въ памяти.

Потомъ отвелъ его въ сторону и, съ дружескимъ довѣріемъ тихо прибавилъ:

— Геронимъ, ты можешь быть убѣжденъ что я радъ будетъ очистить свою землю отъ этихъ чужестранныхъ наростовъ. Съ Богомъ! Прощай!

Съ этими словами король отправился въ свои палаты, гдѣ два лака ожидали своего властелина, чтобъ одѣть его въ другое платье, послѣ охоты; но онъ разсвѣянно прошелъ мимо ихъ и сбросивъ съ себя плащъ, подошелъ къ столу на которомъ стояла чаша съ виномъ. Попробовавъ напитокъ и съ наслажденіемъ прицѣлнувъ языкомъ, однимъ духомъ опорожнилъ бокаль.

— Откуда это вино? спросилъ онъ у лакей.

— Докторъ Ансельмъ прислалъ его сегодня утромъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, — и приказалъ приготовить полную чашу къ возвращенію вашего величества съ охоты. Сказалъ что это вино подкрѣпитъ ваши силы, и мы постарались исполнить приказаніе ученаго доктора, зная какъ ваше величество уважаетъ его совѣты.

— Хорошо, хорошо! прервалъ Вячеславъ, наливая другой бокаль. — Мой докторъ, спасибо, всегда заботится о моемъ здоровьи и.... удовольствіи. Еще ничего онъ не говорилъ?

— Онъ просилъ передать всеокоравѣйшую просьбу его вашему величеству, позволить ему имѣть счастье представить вамъ тогда какъ вы изволите отдохнуть.

— Что, онъ еще во дворцѣ, или уже ушелъ? спросилъ король. — Да, такихъ усердныхъ, заботливыхъ слугъ я не смѣю долго заставлять себя дожидаться. Зови!

Пажъ вышелъ изъ комнаты.

„Я, кажется, догадываюсь изъ какого погребѣ течеть это вино!“ засмѣялся про себя Вячеславъ, разваливаясь въ мягкомъ креслѣ. „Тутъ вкладчики три соединенные народа, которымъ не хочется охрипнуть. Ха, ха, ха! Но въ концѣ концовъ они все-таки должны будутъ охвѣмѣть. Я позволялъ бы назвать себя сумашедшимъ, еслибы не отплатилъ господамъ Нѣмцамъ за то что ихъ соотечественники сорвали съ чешскаго короля нѣмецкую корону. Звѣзды Божія! Я не могу объ этомъ подумать равнодушно!“ вскрикнулъ Вячеславъ нахмурившись и нѣсколько разъ пробѣжался по комнатѣ, наконецъ остановился съ горькою улыбкой на минуту предъ полною кружкой и снова наполни бокалъ. Тутъ растворилась дверь, и пажъ ввелъ къ королю доктора Ансельма.

— Ахъ! *Salve amice!* Добро пожаловать, щедрый виноградарь! воскликнулъ Вячеславъ.—Это ты прислалъ мнѣ сегодня полный судочекъ?

— Смыю надѣяться что милостивый король изволитъ простить никакшихъ вѣрныхъ слугъ, которые рады доставить хотя малѣйшее удовольствіе своему властелину.

— Благодарю, благодарю! сказалъ Вячеславъ, по своему обыкновенію, коротко, но выразительно.—Каждое ваше вниманіе я цѣню дорого. Но кто же эти усердные слуги, которые такъ внимательны къ своему господину?

— Магистры народовъ: Саксонскаго, Баварскаго и Польскаго.

— Это подарокъ собственно отъ иностранцевъ—не правда ли? Ну, это мнѣ очень пріятно. И если милый докторъ не запретитъ мнѣ пить вино, то я буду опоражнивать по нѣскольку бокаловъ въ день.

При этихъ словахъ король началъ съ наслажденіемъ втягивать въ себя шипящую влагу, и вслѣдъ затѣмъ опять развалился въ креслѣ.

— Ну что ты мнѣ еще скажешь хорошаго? спросилъ онъ у доктора.—Что у васъ новенькаго?

— Увы! хорошаго ничего не имѣю сказать. Сѣмя распри, родившееся въ мозгу нѣкоторыхъ распаленныхъ головъ, уляло между людьми и ничиваетъ уже сильно всходить.

— Такъ значитъ сѣмя здоровое и зрѣлое, когда такъ скоро принялось, засмѣялся Вячеславъ: — или наша чешская почва такъ плодородна что въ ней все какъ разъ принимается. Ну объясни скорѣй, какое это сѣмя?

— Смѣю доложить вашему королевскому величеству что разумно подѣ этимъ нашу распрю за голоса.

— Ахъ, да! прошепталъ Вячеславъ, пристально глядя на защитника чужеземцевъ. — Ну а тебѣ какъ кажется, любезный докторъ, какъ кажется, на чьей тутъ сторонѣ правда?

— Еслибы дѣло касалось только большинства голосовъ, сказалъ Ансельмъ, — тогда бы я не сталъ тратить словъ, хотъ конечно, намъ дорого постановленіе твоего покойнаго род теля, который далъ равныя права. Но извѣстно ли тебѣ, і сударь, куда клонятся эти *національные голоса*? Чего хотя ови добиться? Рѣчь идетъ о болѣе важномъ предметѣ.

— Что же еще могло тутъ быть?

— Ересь начинается кружить чешскія головы, сказалъ Ансельмъ отрывисто, но утвердительно.

— Звѣзды Божія! вскрикнулъ съ сильнымъ волненіемъ Вячеславъ, быстро вскочивъ съ своего кресла. — Что ты говоришь?

— Да, это такъ! Вашъ Иеронимъ Пражскій, чтобъ извлечь некоторую пользу изъ своего путешествія въ Англію, вздумалъ распространять между своими соотечественниками ученіе Вилклефа. Чешскіе умы охотно принимаютъ всякую новизну, и хитрый магистръ работаетъ не напрасно.

— Не посягай на честь ближняго! сказалъ король съ дикимъ сверкающимъ взглядомъ. — Голова твоя начинаетъ свѣдѣть. Смотри, чтобы съ честью положить ее въ гробъ.

— Король! отвѣчалъ Ансельмъ, смѣло поднявъ голову. Я не клевету. Поди посмотри что дѣлается въ народѣ, и клони ухо твое и услышишь подтвержденіе моихъ словъ. Иеронимъ приспособилъ себѣ хорошаго помощника въ лицѣ виллемскаго проповѣдника Иоанна Гуса, который ревностно расхваляетъ плевелы тамъ гдѣ должно бы возростать только чистое зерно. Не по своей одной волѣ пришелъ я склонить предъ тобой мою свѣдую голову, но во имя всѣхъ вѣрующихъ. Твой духовный отецъ епископъ Сбынекъ поручилъ мнѣ передать тебѣ просьбу чтобы ты изволилъ быть бдителенъ къ тому что происходитъ вокругъ твоего престола.

— Звѣзды Божія! Вокругъ моего престола ничего не будетъ происходить! воскликнулъ Вячеславъ. — Я не допущу этого грѣха чтобъ поддержкой ереси навлекъ кару Божию на наше королевство, да не оскорбится этимъ память отца моего, который основалъ Пражскій университетъ. Но зачѣмъ же мы давно не доложили о томъ?

— Еще не поздно затворить дверь овчарни предъ волками, которые приходятъ въ овечьей шкурѣ. Я пришелъ возвѣстить тебѣ, едва только показалась первая опасность; зная какъ ты ревностно защищаешь права церкви, мы во имя твое сдѣлали первый шагъ къ преградѣ дальнѣйшаго зла. Магистры нашего народа собрались чтобы рассмотреть всѣ, книги англійскаго еретика, и по тщательномъ изслѣдованіи мы вырвали изъ него 45 безбожныхъ статей, а ученикамъ строго запретили читать его сочиненія; но остановить еретическія заблужденія въ массѣ народа мы не въ силахъ, такъ какъ Гусъ все продолжаетъ проповѣдывать, несмотря на наши воспрещенія.

— Проповѣдывать ереси! Вилеемскій проповѣдникъ! Ради ~~самого~~ неба! Кому же вѣрить послѣ того? Этотъ свѣтлый взоръ, это мирное, святое лицо, эти привѣтливыя уста могутъ ли обманывать? Иеронимъ! Иеронимъ! продолжалъ король глухимъ, сдавленнымъ голосомъ, скрестивъ на груди руки.—Какъ ты могъ умолчать обо всемъ этомъ? Кому же послѣ этого мнѣ довѣряться?

И онъ мрачно опустилъ голову на грудь и сталъ ходить по комнатѣ.

— Я слыло вѣрилъ ему, продолжалъ король, размышляя вслухъ въ избыткѣ волненія.—Я полагался на его мудрую голову, и неужели я въ простотѣ своего сердца обманулся въ немъ? Звѣзды Божія!

Голосъ короля становился все громче и сильнѣе, и при послѣднихъ словахъ онъ топнулъ ногой и близко подступилъ къ Ансельму:

— Чего же смотрѣлъ Сбынекъ? Почему онъ сейчасъ же не положилъ преграду этой ереси? Такъ-то онъ исполняетъ свои пастырскія обязанности?

— Онъ никогда не выпускалъ ихъ изъ виду, возразилъ докторъ Ансельмъ,—и такъ какъ онъ находится теперь въ Родницѣ, то поручилъ мнѣ передать въ руки твоего величества письмо, въ которомъ онъ взываетъ къ тебѣ о помощи. Постыши, король, своимъ правосудіемъ, въ противномъ случаѣ это зло сразитъ твоего духовника.

— Какъ! Онъ проситъ о помощи? повторилъ король, взявъ письмо изъ рукъ Ансельма, и съ грустью на лицѣ началъ читать его.

Кровь вмѣстѣ съ желчью бурно волновалась въ немъ, когда онъ читалъ донесеніе епископа, хотя онъ тутъ ничего не узналъ новаго кромѣ того что повѣдалъ ему Ансельмъ. Веховный ластырь съ великою горестью жаловался ему что „червь одолеваетъ виноградники, что голодные волки рыщутъ по овчарнямъ и градовыя тучи собираются надъ кровомъ вѣрныхъ чадъ“, и умолялъ его, ради дражайшей крови и блзвенныхъ ранъ Спасителя, подать ему руку помощи для прогнанія „дести бѣсовской“. „Подумай о спасеніи души своей! присовокупляя епископъ въ концѣ письма, и послѣдствіемъ къ искорененію демонскихъ козней.“

— Звѣзды Божія! воскликнулъ Вячеславъ, окончивъ чтеніе письма,—зачѣмъ же я сдружился съ дьяволомъ? И какъ меня не предостерегли прежде? Я не Богъ, не могу проникнуть въ душу человѣка; но и нельзя сказать про меня чтобъ я не хотѣлъ смотрѣть прямо въ лицо истинѣ. Пускай соберутся въ совѣтъ ученые мужи, голосъ которыхъ имѣетъ авторитетъ: прелаты, магистры, доктора, священники и епископы. Пусть обдумаютъ и обсудятъ что нужно тутъ сдѣлать, а я приговорю ихъ, на зло льстивому аду, скрѣплю королевскимъ указомъ.

(До слѣд. №.)

С М Ъ С Ь

I. НОВАЯ ПЬЕСА САРДУ—РАБАГАСЪ. Подъ этимъ названіемъ въ Парижскомъ театрѣ *Vaudeville*, въ началѣ февраля нынѣшняго года, поставлена была пятяктная пьеса извѣстнаго французскаго драматурга г. Викторіена Сарду, надѣлавшая много шума и ставшая въ теченіи двухъ-трехъ дней чуть не политическимъ событіемъ въ Парижѣ. Въ злой сатирѣ, соединенной съ значительною долей презрѣнія къ своей странѣ, авторъ хотѣлъ явиться Аристофаномъ нашего времени, бичуя революціонную болѣзнь которая растлила Францію, и густыми красками бросая намеки здѣсь на министра Оливье, тамъ на Гамбетту и иныхъ дѣятелей печальной эпохи.

Сцена происходитъ въ Монако. Добрѣйшій князь Флорестанъ царствуетъ или старается царствовать въ этой маленькой странѣ. Онъ добръ, любезенъ, справедливъ, помышляетъ только о благѣ своихъ подданныхъ и старается о развитіи ихъ промышленности. Но бурная, придирчивая, оскорбительная оппозиція искажаетъ всѣ его дѣйствія и ставитъ преграды его лучшимъ намѣреніямъ. Вотъ какъ онъ изображаетъ свое положеніе:

„Вамъ случилось, конечно, видѣть чету супруговъ которые никакъ не могутъ ужиться вмѣстѣ: стоить одному изъ нихъ сказать или сдѣлать что-нибудь, чтобы другой тотчасъ же выразилъ порицаніе. Точь-въ-точь и мы такъ же съ моимъ народомъ. Всѣ мои дѣйствія взвѣшиваются, перетолковываются и искажаются систематически. Вотъ вамъ примѣры: Я прогуливаюсь—значитъ, мнѣ дѣлать нечего! Я не прогуливаюсь—значитъ, не хочу показываться народу! Я даю балъ—какая безумная роскошь! Я не даю бала—какая скудость! Я дѣлаю смотрѣ

войскамъ—хочу пригрозить военною силою. Я не дѣлаю смотраюсь военного мятежа! Устраиваю фейерверкъ въ мои именины—бсаю деньги народа на вѣтеръ! Не устраиваю фейерверка—ничего хочу сдѣлать для удовольствія народа! Я здоровъ — праздность! Я лень—развратъ! Я строю что-нибудь—мотовство! Не строю ничего не думаю о бѣдныхъ! Словомъ, я не могу ни ѣсть, ни спать, ни ниматься чѣмъ хочу, чтобы не осудила то что я дѣлаю, и еще бо то чего я не дѣлаю!“

Мѣсто гдѣ составляется наиболѣе заговоръ противъ бѣднаго князя и откуда сыплется на него наиболѣе оскорбленій есть пивоварная сосѣдняя со дворцомъ. Оттуда не только выпускаютъ ругательныя статьи противъ него, но выбрасываются и нечистоты въ его сад. Хозяинъ этой пивоварни нѣкто Камерленъ, разстрига-монахъ, основавшій газету *La Carmagnole*, главный редакторъ которой адвокатъ Рабагастъ, злой, запальчивый, честолюбивый, не выпускающій трутъ изо рта, большой охотникъ выпить, словомъ *адвокатъ*! Одного этого названія достаточно чтобы изобразить человека, какъ замѣчаетъ бѣгодущный Флорестанъ, выражающій при этомъ глубокую мысль, „что цивилизація падаетъ, когда приобретаютъ силу адвокаты“.

Мы сказали выше что въ садъ князя выбрасывали нечистоты; этого мало: тамъ рисуютъ его каррикатуры на пьедесталахъ его статуи, обиваютъ эти статуи, вырываютъ цвѣты. Князь приказываетъ удалить гуляющихъ и запретить рѣшетки. Вскорѣ страшный шумъ раздается изъ пивоварни; князь прогуливается въ это время съ процессою своею дочерью, съ губернаторомъ города, съ своими офицерами, тѣлохранителями и молодою Американкою миссъ Блоунтъ, находящеюся проездомъ въ его княжество. Князь, раздраженный враждебными дѣйствіями направленными противъ него, требуетъ совѣта. Губернаторъ, офицеры, тѣлохранители выражаютъ мнѣніе что надо аттаковать мятежниковъ, перебить *всѣхъ*, а *остальныхъ* посадить въ тюрьмы. „Вотъ они консерваторы!“ говоритъ благодушный Флорестанъ, вмѣсто того чтобы послѣдовать данному совѣту, приказываетъ укладывать свои вещи и собирается уѣхать за границу. Но миссъ Блоунтъ допускающая республику только въ Америкѣ, удерживаетъ его, говоря что оставить страну было бы трусостью. Она впрочемъ выражаетъ мнѣніе что должно дѣйствовать не силою, а ловкостью. Она советуетъ оставить въ покоѣ буяновъ, которые сами утоматся шумомъ уймутся, и беретса, если князь доверитъ ей, все укротить въ скоромъ времени, уничтожить вліяніе пивоварни, *Карманьолью* и самого стра-

наго Рабагаса. Князь предоставляет ей всё полномочіа и принимает ее къ своему двору въ качествѣ наставницы своей дочери.

Второй актъ происходитъ въ конторѣ пивоварни, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и редакціонная зала *Карманъюлы*. Въ углубленіи вывѣшена доска на которой значится что всякій кто въ этой залѣ произнесетъ *устарѣлое слово Богъ* долженъ уплатить 50 сантимовъ пени. Рабагасъ является изъ Ментона, гдѣ онъ успѣлъ оправдать человѣка умертвившаго полевого сторожа. Его пріивѣтствуютъ неистовыми криками и рукоплесканіями, его несутъ въ триумфѣ. Когда наконецъ онъ успѣлъ вырваться изъ рукъ своихъ пламенныхъ сторонниковъ, то принялся за свою газету. Всѣ сотрудники *Карманъюлы* грязны, грубы, трусы, нечисты на руку. Они забираютъ себѣ деньги собираемыя по подпискѣ въ ихъ редакціи; они смиренно выслушиваютъ грубые выговоры, которые имъ дѣлаетъ какой-то поручикъ.

Миссъ Блоунтъ является въ редакцію за совѣтомъ къ знаменитому Рабагасу. Адвокатъ удаляетъ своихъ сотрудниковъ и даетъ аудіенцію красавицѣ. Она объявляетъ ему что намѣрена начать процессъ противъ таможенной администраціи, задерживающей на границѣ однихъ изъ ея чемодановъ съ платьемъ. Рабагасъ колеблется принять на себя такое ничтожное дѣло, но наконецъ даетъ свое согласіе. Миссъ Блоунтъ вручаетъ ему овой адресъ; увидѣвъ изъ него что она состоитъ наставницей при принцессѣ и живетъ во дворцѣ, онъ выражаетъ удивленіе что она обратилась къ нему. Она отвѣчаетъ что избрала его потому что князь отзывался о его дарованіяхъ съ величайшими похвалами. Рабагасъ изумленъ, но самолюбіе его удовлетворено. Миссъ Блоунтъ присовокупляетъ что князь сожалѣетъ что не можетъ расположить его въ свою пользу. Рабагасъ даетъ почувствовать что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Затѣмъ миссъ Блоунтъ оставляетъ его. Тотчасъ же по выходѣ ея, сотрудники *Карманъюлы* возвращаются исполненные негодованія. Имъ только-что сообщили что эта красавица Американка любовница князя. Рабагасъ подозреваетъ что она хотѣла подшутить надъ нимъ. Надъ нимъ—главой оппозиціи! Это требуетъ мщенія—необходимо произвести революцію! Онъ диктуетъ прокламацію, организуетъ мятежъ съ своими сотрудниками. Во дворцѣ готовится концертъ. Мятежъ вспыхнетъ во время концерта. По улицамъ будутъ возить человѣка мертвецки пьянаго, котораго выдадутъ за трупа. Рабагасъ подаетъ сигналъ къ движенію. Все приготовлено, какъ вдругъ конный жандармъ привозитъ адвокату пригласительный билетъ на княжескій концертъ. Друзья Рабагаса думаютъ что онъ изорветъ этотъ билетъ въ клочки. Ничуть не бывало! Онъ

имъ доказываетъ что отправиться во дворецъ лучшее средство скрытаго заговора.

Рабагасъ въ концертѣ. Миссъ Блоунтъ доказала князю что самая лучшая политика—закулить вождей оппозиціи, что очень легко: они жаждутъ мести и денегъ. Прелестная Американка дѣйствуетъ очень ловко. Она какъ разъ справляется съ Рабагасомъ—онъ совершенно на сторонѣ князя. Мятажъ вспыхиваетъ предъ дворцомъ. Князь назначаетъ его губернаторомъ; онъ утверждаетъ что стоить только возвѣститъ народу о его назначеніи, и все придетъ въ податокъ и толпа будетъ вполнѣ удовлетворена. Новый губернаторъ выходитъ на балконъ и объявляетъ что князь удовлетворилъ требованіямъ народа назначеніемъ его генералъ-губернаторомъ. Раздаютъ свистки, потомъ крики: „Измѣна!“ Мятажъ усиливается, и Рабагасъ себя отъ ярости, приказываетъ солдатамъ разогнать толпу. Императорство торжествуетъ. Рабагасъ приказываетъ титуловать себя „превосходительствомъ и монсеньоромъ“. Онъ приказываетъ по рукамъ устраивать въ честь себя иллюминаціи и транспарансы; но князь оказываетъ ему холодность; чтобы сдѣлать себя необходимымъ, онъ возобновляетъ мятежъ чрезъ посредство своихъ прежнихъ товарищей и общается имъ всѣмъ портфелемъ.

— А республика? спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.

— Республика—пустое слово, отвѣчаетъ новый губернаторъ; — желаемъ только прогресса, то-есть всего чего у насъ нѣтъ.

Мятажъ возобновляется съ ящею яростію. На улицахъ сражаютъ войско торжествуетъ. Рабагасъ желаетъ также торжества, но князь замѣчаетъ ему что онъ назначилъ его губернаторомъ только въ случаѣ ствiе его увѣреній что онъ укротитъ мятежъ безъ насилія, а между тѣмъ пришлось прибѣгнуть къ силѣ; значитъ, онъ не „человѣкъ рода“, а такъ какъ онъ никогда не былъ „человѣкомъ князя“, то остается только оставить дворецъ.

— Хорошо, отвѣчаетъ Рабагасъ съ достоинствомъ;—я оставляю очество и удаляюсь въ единственную страну гдѣ еще цѣнятъ людми подобныхъ.

— Куда это? спрашиваетъ принцъ.

— Во Францію! отвѣчаетъ Рабагасъ.

II. ЮНОСТЬ И ВОСПИТАНІЕ АВСТРІЙСКАГО ИМПЕРАТОРА

Недавно вышедшій 3й томъ *Geschichte Oesterreichs vom Ausgange Wiener-October-Aufstandes 1848*, извѣстнаго г. Гельферта, заключае въ себѣ, по отзывамъ нѣмецкихъ газетъ, много неизвѣстныхъ до сих поръ документовъ и матеріаловъ относящихся къ исторіи это

времени, и между прочимъ нѣкоторыя подробности о юности и воспитаніи нынѣ царствующаго императора Австріи, кои до настоящаго времени были извѣстны лишь весьма ограниченному кругу лицъ. Въ молодости, разказываетъ г. Гельфертъ, эрцъ-герцогъ Францъ-Иосифъ извѣстенъ былъ въ царственной семьѣ просто подъ именемъ „Франци“ и пользовался особою привязанностью уже дряхлѣвшаго императора Франца. Дядя его Фердинандъ былъ человѣкъ бездѣтный, и потому при дворѣ на „Франци“ привыкли смотрѣть какъ на будущую надежду Австріи. Не слишкомъ весело проходитъ ранняя молодость будущихъ повелителей Австріи. На игры и забавы остается имъ не много времени, по крайней мѣрѣ сравнительно съ принцами другихъ династій. Ученіе начинается рано, ибо австрійскій наследникъ долженъ изучить не только главные языки Европы, но и важнѣйшія изъ нарѣчій своей разноязычной монархіи. При дворѣ говорятъ по-нѣмецки, но къ эрцъ-герцогамъ приставляютъ гувернеровъ Венгерцевъ и Чеховъ, въ разговорахъ съ коими молодой принцъ долженъ уловить ихъ языкъ. Такъ было и съ Францемъ-Иосифомъ.

Воспитателемъ будущаго наследника и его братьевъ, эрцъ-герцоговъ Фердинанда-Максимилиана и Карла-Людвига, былъ избранъ графъ Генрихъ Бомбеллесъ, аристократъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, человѣкъ съ твердыми правилами, многосторонне образованный и опытный. Сверхъ того каждый изъ эрцъ-герцоговъ имѣлъ особаго дядьку, каковымъ у Франца-Иосифа былъ графъ Іоганъ Коронини, личность съ рѣшительнымъ и рыцарски честнымъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи вліяніе его не могло быть вредно; но суровый воинъ придавалъ слишкомъ большую важность внѣшности, формалистикѣ, находя что задушевность обхожденія недостойна сана эрцъ-герцога. Товарищами дѣтства всѣхъ трехъ эрцъ-герцоговъ были сыновья графа Бомбеллеса, Маркъ и Карлъ, и молодой Францъ Коронини.

Францъ-Иосифъ, продолжаетъ г. Гельфертъ, отличался въ дѣтствѣ рѣдкими способностями, прилежаніемъ, строгою аккуратностью и большою любознательностью. Итакъ, задатки были богатые. Къ сожалѣнію, выборъ учителей, призванныхъ развить эту богато-одаренную натуру, былъ не совсемъ удаченъ. Глубоко-религіозный графъ Бомбеллесъ обращалъ при выборѣ наставниковъ слишкомъ исключительное вниманіе на эту сторону, иногда даже прямо въ ущербъ научной подготовкѣ. Въ первые годы занятій случалось даже что одному и тому же лицу поручалось преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ не имѣющихъ между собою ничего общаго, какъ на примѣръ, нѣмецкаго языка и физики. Не обладая достаточною подготовкой, такіе

преподаватели ограничивались или сухою передачею учебников громкими ничего не выражающими фразами, такъ что молодѣющій „Францъ“, чувствовавшій отвращеніе ко всему и ственному, мертвящему, неясному и отрывочному, почти безъ сторонней помощи до многого долженъ былъ доходить и добиваться самъ. Учитель нѣмецкаго языка и физики безпрестанно давалъ водъ къ насмѣшкамъ со стороны эрцъ-герцоговъ. Если Францъ-Ю благодаря особой серіозности и сдержанности характера, и не принимавшій участія въ шалостяхъ братьевъ, то все-таки преподаватель ственно не могъ уже имѣть никакого вліянія на своего высокаго шателя.

Преподаваніе исторіи шло не лучше. Будущаго монарха заставляли заучивать огромную массу генеалогическихъ таблицъ, цифръ, фактовъ, часто безъ всякой связи, но тщательно избѣгали всего только могло бы особенно возбудить собственное мышленіе ученика. На экзаменахъ молодой эрцъ-герцогъ удивлялся во всемъ своею памью и знаніемъ фактическихъ подробностей, но ему незнакомо было то что преимущественно даетъ исторіи право быть „наставницею реи и народовъ“. Въ 1848 году распространилось мнѣніе, не лише извѣстной доли правды, что молодой эрцъ-герцогъ съ дѣтства обижалъ особое расположеніе къ военному дѣлу. Въ строгомъ смысле это было не вѣрно, хотя дѣйствительно его дядька съ раннихъ лѣтъ старался внушить ему мнѣніе о первенствующемъ значеніи аристократіи. Наставленія эти подѣйствовали болѣе на память нежели на убѣжденіе. Франца-Юсифа и не вошли, какъ говорится, въ его плоть и кость, хотя онъ и обладалъ нѣкоторою ловкостью въ военномъ дѣлѣ, и былъ обязанъ, впрочемъ, главнымъ образомъ полковнику Гаусу, извѣстному воспитателю сыновей эрцъ-герцога Карла. 23го мая 1848 года, Гаусъ представилъ свою программу, и въ ноябрѣ началъ курсъ военнаго дѣла, который предполагалось пройти въ четъ года. Францъ-Юсифъ, почти мальчикъ, предсталъ учителю молчаливымъ, сосредоточеннымъ, ушедшимъ въ себя и даже, можно сказать, трусливымъ. Онъ боялся лошади, и безъ усилій, а иногда даже тока слезъ, не могъ рѣшиться сѣсть на сѣдло. Программа Гаусу была проста и разумна. Онъ расположилъ свой курсъ такъ чтобы шагъ его постепенно переходилъ отъ простаго къ сложному, притомъ не было допущено ничего чѣмъ ученикъ могъ бы овладѣть безъ стія собственнаго упорнаго труда, на вѣру, съ чужихъ только словъ. Молодаго эрцъ-герцога послѣдовательно облакали въ мундиръ пѣхотца, улана, артиллериста. Съ каждымъ родомъ службы онъ

знакомиться что называется „съ корня“, какъ простой рекрутъ и вѣнчѣтъ съ рекрутами. Потомъ ему поручили командовать: сначала однимъ, затѣмъ двумя солдатами, даале взводомъ, ротой, эскадрономъ, батальономъ и наконецъ полкомъ. Какъ будущаго кавалериста, эрцъ-герцога посадили на обыкновенную строевую лошадь; успѣхъ обученія былъ быстрый: въ нѣсколько недѣль онъ сдѣлалъ несравненно больше чѣмъ въ нѣсколько мѣсяцевъ ѣзды въ придворномъ манежѣ. Эти систематическія занятія имѣли замѣчательныя послѣдствія: изъ нерѣшительнаго, робкаго Франца-Иосифа выработался отважный, предприимчивый молодой человекъ, лихой наѣздникъ. На учебномъ плацу эрцъ-герцогъ былъ какъ дома.

Между тѣмъ занятія другими науками шли своимъ чередомъ, и вездѣ оказывалось то же самое: предметъ который преподавался увлекательно быстро усвоивался молодымъ ученикомъ. Эрцъ-герцогъ долженъ былъ завершить свое обучение ознакомленіемъ съ науками философскими, юридическими и политическими. Вниманіе Меттерниха и Бомбеллеса остановилось сначала на г. Ярке, извѣстномъ ультрамонтанѣ, которому предполагали поручить преподаваніе юридическихъ и политическихъ наукъ, но потомъ нашли выборъ не совсемъ „удобнымъ“ и отступились отъ него. Церковное право и философію преподавалъ эрцъ-герцогу первоначально Раушеръ, въ послѣдствіи архіепископъ вѣнскій; но слѣшкомъ клерикальный Раушеръ вскорѣ былъ замѣненъ другимъ преподавателемъ. По воскресеньямъ Францъ-Иосифъ отправлялся въ государственную канцелярію, и здѣсь-то Меттернихъ посвящалъ его въ тайны искусства управлять.

Такимъ образомъ, говоритъ г. Гельфертъ, этотъ „цвѣтокъ Габсбургъ“ получилъ образованіе болѣе разностороннее нежели кто-либо изъ его сверстниковъ въ цѣлой Австріи. Особенности успѣхъ обнаружилъ эрцъ-герцогъ въ языкахъ и вообще такихъ наукахъ изученіе коихъ требовало памяти. Памятью онъ обладалъ рѣдкою, особенно на фізіономіи. Но изящныя искусства не дали строгому уму эрцъ-герцога. Онъ былъ ловокъ, строенъ, держался съ чувствомъ собственного достоинства, что многіе со стороны принимали даже за высокоуміе.

Замѣчательно, говоритъ Гельфертъ, что Франца-Иосифа въ народѣ не называли иначе какъ „наслѣдникомъ“, хотя между нимъ и царствующимъ государемъ стоялъ отецъ. Какъ бы то ни было, но это возрѣніе сдѣлало эрцъ-герцога предметомъ общаго вниманія и заботъ. При дворѣ чрезвычайно заботились о популярности Франца-Иосифа, и въ апрѣлѣ 1848 года хотѣли даже поставить его во главѣ управленія Богеміи, но вскорѣ оставили это намѣреніе и послали принца въ

Италию, къ арміи Радецкаго, откуда въ непродолжительномъ вр
онъ вернулся ко двору въ Инсбрукъ. Переѣзжая со дворомъ изъ Ин
ка въ Шенбрунъ, изъ Шенбруна (въ октябрѣ) въ Ольмюцъ, п
едва могъ продолжать прерванныя внезапно занятія науками, и
недостатку въ наставникахъ, то по другимъ причинамъ. Въ ок
врдъ-герцогъ былъ уже посвященъ въ тайну своего будущаго н
ченія, и князь Шварценбергъ съ графомъ Стадіономъ, съ коими
былъ въ частыхъ сношеніяхъ, пользовались каждымъ случаемъ ч
подготовить его къ предстоящему высокому назначенію. По в
ности все однако шло своимъ обычнымъ чередомъ, и еще 1го дек
честъ за день до вступленія на престолъ императора Фр
Иосифа I, Францъ-Иосифъ сидѣлъ на лекціи каноническаго права;
одной формы правда, говоритъ Гельфертъ, потому что важност
нуги одинаково дѣлала занятіе невозможнымъ какъ для уче
такъ и для учителя“.

III. УСПѢХИ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ. На одномъ изъ послѣд
засѣданій Парижской Академіи Наукъ г. Дюлон де-Ломъ читалъ в
интересный докладъ о только-что испытанной имъ съ успѣхом:
етемъ управления воздушными шарами. Г. Дюлон де-Ломъ о
изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ инженеровъ. Онъ первый во Ф
ціи примѣнилъ паръ къ военнымъ судамъ и былъ однимъ изъ дѣ
лей при устройствѣ броненосныхъ фрегатовъ. Проведеніе тоннеля
На-де-Кале было также давно однимъ изъ его любимѣйшихъ
ектовъ, и онъ участвуетъ, вмѣстѣ съ другими инженерами, въ
лани готовящейся приступить къ этому гигантскому предпрі
Во время парижской осады, г. Дюлон де-Ломъ предлагалъ пос
ить аэростатъ который имѣлъ бы свою собственную направляю
силу и такимъ образомъ не былъ бы совершенно во власти
ровъ. Необходимость этого условія для аэростатовъ которые б
отправляемы изъ Парижа, во время обложенія его Нѣмцами, д
зывается тѣмъ что изъ шестидесяти шаровъ выпущенныхъ во
мя этого періода не менѣе пятнадцати не успѣли доставить свои
сыки въ безопасное мѣсто: шны упали въ море, а нѣкоторые п
ли въ руки Прусаковъ. Послѣ долгихъ, утомительныхъ проволоч
планы г. Дюлон де-Лома были наконецъ приняты правительств
національной обороны, ему открытъ былъ кредитъ въ 40.000 ф
ковъ, и онъ началъ строить свой шаръ у Дворца Промышленности
Елпсейскихъ поляхъ. Постройка громаднаго шара по совершенно
вой системѣ, въ городѣ отрѣзанномъ отъ всякаго сообщенія
ослѣдственнымъ цивилизованнымъ міромъ, была, однако, сопряжена

столькими затрудненіями что она была окончена всего за четыре дня до капитуляціи. Поэтому пришлось снова упаковать шаръ и скрыть его отъ проицательныхъ взглядовъ Нѣмцевъ, пока они заняли часть Парижа. Затѣмъ наступила неурядица вызванная коммуной, вслѣдствіе чего опытъ г. Дюлюи де-Ломъ былъ снова отсроченъ. Наконецъ, послѣ большихъ затрудненій, г. Дюлюи де-Ломъ получилъ разрѣшеніе воспользоваться зданіями новаго форта въ Венсеннѣ, откуда, 2го февраля нов. ст., онъ и сдѣлалъ свой первый пробный полетъ. При этомъ сдѣдуетъ, однако, оговориться о задачѣ которая была имъ предположена. Онъ не предполагалъ достигнуть совершенно независимаго движенія въ воздухѣ, не взирая ни на какой вѣтеръ, а искалъ только возможности уклоняться до известной степени въ ту или другую сторону отъ прямаго направленія вѣтра несущаго шаръ. Такъ, еслибы вѣтеръ дулъ прямо по направленію изъ Парижа на Брюссель, то обыкновенный шаръ могъ бы опуститься только на какомъ-либо пунктѣ между Парижемъ и Брюсселемъ или же за бельгійскою столицей. Но на аэростатѣ построенномъ по системѣ г. Дюлюи де-Ломъ воздухоплаватель могъ бы направлять свой полетъ вправо или влево и опуститься въ Лондонъ или Кельнъ. Построенный имъ воздушный шаръ имѣетъ форму гигантскаго яйца изъ шелковой матеріи, продолговатая ось коего лежитъ горизонтально. Къ этому яйцу прикрѣплена продолговатая лодка, имѣющая форму паруса. Цѣль изобрѣтателя въ выборѣ яйцевидной формы шара была та чтобы дать большую стойкость лодкѣ, и въ то же время представлять наименьшую поверхность сопротивленія вѣтру. Толщина шара равняется почти двумъ пятымъ его горизонтальной длины. Рулемъ для направленія шара г. Дюлюи де-Ломъ приспособилъ простой треугольный кусокъ коленкора прикрѣпленный къ горизонтальной реѣ въ шесть метровъ длины, передній конецъ которой можетъ легко двигаться. Высота этого руля 5 метровъ, а поверхность 15 квадратныхъ метровъ. Движущій винтъ помѣщенъ весьма удобно въ самой лодкѣ и состоитъ только изъ двухъ пластинокъ, вмѣсто четырехъ, для того чтобы при спускѣ на землю имъ можно было дать параллельное направленіе и такимъ образомъ сохранить отъ поврежденія. Коромысло приводящее въ движеніе винтъ вертится четырьмя человѣками, или въ случаѣ необходимости восемью, на подобіе рулевого колеса корабля, съ тою только разницею что оно помѣщено параллельно оси лодки, а не подъ прямымъ угломъ, для того чтобы ослабить качку производимую движеніемъ людей его вертятихъ. Оболочка шара сдѣлана изъ бѣлой шелковой матеріи, вѣсящей 52 грамма на квадратный метръ, болѣе

грубой полотняной матеріи, вѣсящей 40 граммовъ на квадратный м и семи слоевъ каучука, вѣсящихъ вмѣстѣ 180 граммовъ на квадра метръ. Такимъ образомъ весь вѣсъ внѣшней ткани шара равн 722 грамамъ (около $\frac{3}{4}$ нашего фунта) на квадратный метръ. Да го чтобы сдѣлать эту ткань еще болѣе непроницаемою для водо наго газа, которымъ наполняется шаръ, шелковая матерія покры ся особымъ клеевымъ составомъ изобрѣтеннымъ г. Дюпои д момъ. Внутри шара помѣщается другой, меньшій шаръ, занима околу десятой части всего кубическаго пространства шара. Этотъ а шій шаръ, по мѣрѣ разрѣженія водорода, наполняется воздухомъ средствомъ нагнетательнаго насоса, и такимъ образомъ служитъ тому чтобы постоянно поддерживать требуемую форму шара, ве ствие чего и возможно было дать всему аппарату ось строго п лельную направленію движущей силы. Въ день назначенный для п наго полета, 2го февраля, былъ крѣпкій свѣжій вѣтеръ, прибли щійся къ бурѣ. Смѣлый изобрѣтатель, однако, не задумался испол свое намѣреніе, и конецъ оправдалъ его самоувѣренность, такъ л онъ не только имѣлъ возможность спуститься близъ Нойона, въ партаментѣ Уазы, около 70 миль (англійскихъ) къ сѣверо-востоку Парижа, но и его шаръ превзошелъ ожиданія. Винтъ, движимый тырьма работниками, несъ шаръ на восемь километровъ въ ч быстрѣ скорости вѣтра, такъ что г. Дюпои де-Ломъ буквал „летѣлъ быстрѣ вѣтра“. При помощи руля направленіе шара гла быть отклонено на 11 градусовъ въ ту или другую сторону направленія вѣтра; слѣдовательно вообще руль позволялъ уклонъ 22 градуса. Въ этомъ главный и наиболѣ замѣчательный результатъ новыхъ опытовъ. Если задача воздухоплаванія и не разрѣшена ок чательно, то по крайней мѣрѣ сдѣлана важная и успѣшная попы къ ея достиженію.

IV. ПРОЕКТЪ ТОННЕЛЯ ПОДЪ ПА-ДЕ-КАЛЕ. Мысль объ это отважномъ предпріятіи, возникшая уже давно, въ настоящее вре принимаетъ видъ практической попытки. Какъ ни трудно вѣри въ исполнимость подобнаго предпріятія, но оконченныя въ послѣ нее время съ полнымъ успѣхомъ и прежде казавшія также нео цественными гигантскія предпріятія телеграфнаго каната погружены го въ Атлантическій океанъ, Суэзкаго канала и тоннеля Монъ-Сен свидѣтельствуютъ до какой степени наука способна сообщить точны данныя для исполненія самыхъ отважныхъ работъ. Проведеніе тонн ля подъ Па-де-Кале, безъ сомнѣнія, представляетъ гораздо бол трудностей чѣмъ всѣ упомянутыя предпріятія, но тѣмъ не менѣе е

нельзя назвать неосуществимымъ, и за первую пробную попытку берутся не кабинетные прожекторы, и даже не просто отважные спекуляторы, а люди посвятившіе долгіе годы изученію и изслѣдованію этого предмета. Мысль эта, какъ уже сказано, не новая, и въ 1867 году на Парижской выставкѣ можно было видѣть планы и разрѣзы проекта подводнаго тоннеля между Англіей и Франціей выставленные г. Томе де-Гаммономъ. Этому французскому инженеру по справедливости принадлежитъ честь первыхъ серьезныхъ работъ для осуществленія задуманнаго имъ предпріятія, ибо онъ въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ форму и геологическое расположеніе Па-де-Кале, и еще въ 1838 составилъ первые планы тоннеля. Въ то время, однако, данныя добытыя геологическими изслѣдованіями были еще весьма недостаточны, такъ что г. де-Гаммонъ на нѣкоторое время оставилъ свой проектъ. Въ 1855 году онъ, однако, успѣлъ цѣной большихъ усилій и даже личной опасности изучить геологическое строеніе дна канала, и въ слѣдующемъ году приготовилъ проектъ согласный съ новыми полученными имъ данными. По приказанію императора Наполеона, проектъ этотъ былъ рассмотрѣнъ французскою официальною комиссіей, которая представила о немъ свой докладъ. Онъ возбуждалъ много толковъ во Франціи и Англіи, и былъ одобренъ Брюнелемъ, Локкомъ и Робертъ Стэфенсономъ. Пункты которые предполагалось соединить подводнымъ путемъ были мысъ Гранеръ, съ французской стороны, и Истверъ-Пойнтъ, съ англійской. Послѣ того первоначальная линія была нѣсколько измѣнена и теперь она проходитъ подъ подводнымъ островомъ именуемымъ Варскою отмелью (*Banc de Varne*). Эта возвышенность раздѣляетъ проливъ на два канала почти одинаковой ширины, и г. де-Гаммонъ предполагалъ устроить здѣсь центръ подземныхъ работъ и сдѣлать изъ Варской отмели искусственный портъ въ самой срединѣ Па-де-Кале. Это, впрочемъ, была самая слабая часть его проекта.

Лордъ Пальмерстонъ, который, несмотря на тѣсный союзъ съ Франціей, постоянно сдѣлалъ ревнивымъ и недоувѣрчивымъ взглядомъ за французскою политикою, отнесся, крайне враждебно къ проекту тоннеля, также какъ онъ всячески препятствовалъ и осуществленію Суэзскаго канала, и разъ, присутствуя на аудіенціи г. де-Гаммона у принца-супруга, онъ въ отвѣтъ на замѣчанія принца, съ энтузіазмомъ поддерживавшаго проектъ предпріятія, воскликнулъ: „Вы, ваше высочество, думали бы совершенно иначе, еслибы вы родились на этомъ островѣ“. Покушеніе Орсини, охладившее на время отношенія между Франціей и Англіей, заставило отложить переговоры, и только

по заключеніи англо-французскаго торговаго договора, проект де-Гаммона, тѣмъ временемъ значительно исправленный и улучшенный, былъ вызванъ изъ забвенія. Между тѣмъ онъ возбудилъ большой интересъ въ Англіи, гдѣ г. Ло, горный инженеръ въ Рэмѣ, также возымѣлъ мысль соединить обѣ страны посредствомъ туннеля. Какъ практическій горный инженеръ, онъ посвящалъ свое маніе прежде всего обезпеченію вентиляціи подземнаго хода, какъ время работъ, такъ и по его окончаніи. Во всѣхъ прежнихъ проектахъ предполагалось устроить вентиляцію посредствомъ башенъ воздѣтыхъ въ морѣ, болѣе или менѣе многочисленныхъ и различныхъ величинъ. Г. Ло, напротивъ, предполагаетъ обойтись вовсе безъ такихъ шахтъ и начать работы погруженіемъ шахтъ на обоихъ берегахъ, и отъ нихъ вести двѣ небольшія параллельныя подземныя галереи, соединенныя въ извѣстныхъ промежуткахъ поперечными галереями. При такомъ способѣ вентиляція можетъ быть устроена въ обыкновенныхъ каменноугольныхъ шахтахъ и поддерживаться время самыхъ работъ. Другую выгоду своего плана онъ предполагаетъ въ томъ что эти галереи могутъ быть проведены отъ берега до берега съ наименьшими расходами, и практичность исполненія предлагаемыхъ тоннелей можетъ быть испробована безъ безумныхъ тратъ. Обдумавъ такимъ образомъ принципъ постройки своихъ тоннелей, г. Ло изслѣдовалъ затѣмъ геологическое свойство береговъ Лива. Онъ изслѣдовалъ также пласты просверленные артезианскіи колодцами въ Кале и такимъ же колодцемъ въ Гарвичѣ, и многія другіе колодцы меньшей величины, и повсюду нашелъ доказательство правильнаго расположенія слоевъ. Онъ нашелъ что повсюду выходы геологовъ были основательны, и что на линіи которую онъ окончательно выбралъ для предполагаемаго тоннеля, то-есть отъ пункта подлѣ къ западу отъ большаго маяка на Саутъ-Форландѣ къ лукамъ въ четырехъ миляхъ къ западу отъ Кале,—тоннели могутъ быть введены въ слой сѣраго мыла, который, по причинѣ своей сравнительно безводности и отсутствію въ немъ вообще трещинъ, представлялъ самый удобный слой для работы. Въ апрѣлѣ 1867 года, г. Ло представилъ свои планы императору Французовъ, который принялъ его весьма любезно и выразилъ желаніе чтобъ онъ организовалъ средства для исполненія своего проекта. Такъ какъ въ такомъ международномъ предпріятіи было желательнымъ содѣйствіе французскаго инженера, то г. Ло вошелъ въ сношеніе съ г. де-Гаммономъ, который тотчасъ же, безъ всякаго оговора, передалъ свои геологическія изслѣдованія и рисунки распоряженію г. Ло, а послѣдній затѣмъ сообщилъ результаты работъ

г. де-Гаммона и своихъ г. Брэнлизу, который, провѣривъ самымъ тщательнымъ разсмотрѣніемъ ихъ данныя и выводы, согласился содѣйствовать гг. Ло и де-Гаммону въ исполненіи предположеннаго предпріятія. Они вошли также въ сношенія съ г. Гокпо, извѣстнымъ англійскимъ строителемъ, который также обращалъ вниманіе на этотъ предметъ и производилъ сверленія по обѣ стороны канала. Онъ нашелъ, съ англійской стороны, мѣловой пласть до глубины 470 футовъ подъ открытымъ моремъ (170 футовъ верхняго пласта изъ бѣлаго мѣла, а остальная часть слоя изъ сѣраго мѣла); съ французской же стороны, мѣловой пласть нисходитъ до 750 футовъ (270 верхняго слоя и 480 футовъ сѣраго мѣла). Вообще докладъ составленный названными инженерами допускаетъ что,

„вопервыхъ, есть основаніе надѣяться что проложеніе туннеля можетъ быть исполнено, но было бы неосновательно отрицать что эта работа сопровождается нѣкоторымъ рискомъ,

„вовторыхъ, что этотъ рискъ ограниченъ единственною случайностью, то-есть возможностью что морская вода найдетъ себѣ путь чрезъ какую-нибудь непредвидѣнную трещину въ сланкомъ значительномъ количествѣ чтобъ ее возможно было вычерпать. Помимо этого риска, работы въ мѣловомъ слое легки и удобны, и исполненіе предполагаемаго туннеля есть только вопросъ времени и денегъ.“

Далѣе въ докладѣ говорилось: „Нѣтъ никакого основанія полагать что туннель будетъ стоить болѣе десяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, или что онъ не можетъ быть оконченъ въ девять или десять лѣтъ. Для совершеннаго же разрѣшенія вопроса относительно риска возможно вырыть съ обѣихъ сторонъ мины и провести предварительныя галлерей. Если эта часть работы будетъ исполнена безъ опасности, то остальная часть будетъ походить на обыкновенныя работы при прорытіи туннелей. Вѣроятная стоимость этой предварительной работы потребуетъ милліона полтора фунтовъ стерлинговъ и никакъ не превзойдетъ двухъ милліоновъ. Этотъ рискъ должны бы принять на себя англійское и французское правительства, если по разсмотрѣніи они убѣдятся что пожертвованіе оправдывается важностью предпріятія и вѣроятностью его исполненія.“

Докладъ этотъ былъ подписанъ Джономъ Гокпо, Джеймсомъ Брэнлисомъ, Вильямомъ Ло, Поленомъ Талабо, Мишелемъ Шевалье и Томе де-Гаммономъ. Комитетъ требовалъ отъ французскаго правительства гарантіи процентовъ на капиталъ нужный для предварительныхъ работъ. Просьба эта была передана императоромъ Наполеономъ особой комиссіи, которая черезъ нѣсколько времени представила благоприятный

отзывъ о самомъ предпріятіи, но не совѣтовала давать прі-
 тельственную гарантію. Долгіе мѣсяды шли переговоры о дарова
 концессіи, и они не были окончены, когда вспыхнула Франко-Герм
 ская война. По возстановленіи порядка во Франціи, предпринимат
 снова обратились къ обоимъ правительствамъ. Теперь уже они не и
 сять у Франціи ни денегъ, ни гарантіи. Имъ нужно только разрѣ
 шеніе приступить къ работамъ. Англійское правительство уже заяви
 свое согласіе, и какъ только послѣдуетъ разрѣшеніе и со сторо
 Франціи, исполненіе предпріятія будетъ немедленно же начато. 1
 января уже образовалось въ Лондонѣ общество подъ названіемъ
 „Акціонерной компаніи Ламантскаго туннеля“, которое предприни
 маетъ работы на свой страхъ. Цѣль Общества произвести сначи
 пробныя работы, опустивъ колодезь съ англійской стороны проди
 и проведя галерею на длину около полумили подъ водой. Если э
 работы окажутся успѣшными, то компанія приступитъ къ довершен
 всего предпріятія. Несмотря, однако, на самыя тщательныя изслѣдо
 нія, всѣ предположенія относительно стоимости его и времени котор
 оно потребуеть для своего исполненія представляють много гадате
 лиго, но вообще разчитываютъ что если предпріятіе исполнимо
 если не встрѣтятся какихъ-либо особенныхъ непредвидимыхъ теле
 затрудненій, то оно можетъ быть исполнено въ пять лѣтъ и буде
 стоить около пяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

V. РЕСПИРАТОРЪ ДЛЯ ПОЖАРНЫХЪ. Около двухъ лѣтъ то
 назадъ, англійскій естествоиспытатель Тиндаль, изслѣдуя безчисленны
 и бесконечно малыя частицы носящіяся въ воздухѣ и раздѣляя мн
 ніе что это, главнымъ образомъ, суть микроскопическіе зародыши с
 ганического міра, изобрѣлъ особый респираторъ изъ ваты, способн
 задерживать эти пылинки и не пропускать ихъ въ легкія вмѣстѣ
 воздухомъ. Респираторъ этотъ можетъ быть полезенъ и при многи
 ремеслахъ, когда при работѣ отдѣляется какая-либо мельчайшая пы
 вредная для дыханія. Такъ респираторы Тиндаля были бы весьма
 полезны для каменьщиковъ, для рудокоповъ, для типографщиковъ, и
 множествъ другихъ ремеселъ вредно дѣйствующихъ на здоровье вслѣ
 ствіе мелкой пыли которая попадаетъ въ легкія и которая легко заде
 живается ватой. Г. Тиндаль изобрѣлъ также особый респираторъ д
 пожарныхъ. До сихъ поръ не было другаго аппарата при помощи
 его можно было бы оставаться въ самомъ густомъ дымѣ, кромѣ ап
 рата Полена, называемаго въ Англіи пожарною курткой (*smoke jacket*).
 Это одежда изъ гибкой кожи, съ рукавами, капюшонами и отверстія

для глазъ, въ которыя вдѣланы стекла. Къ капишону винтомъ прикрѣпляется труба посредствомъ которой въ куртку накачивается воздухъ, и въ такомъ одѣяніи пожарный можетъ ходить въ самомъ густомъ дыму. Неудобство его заключается въ томъ что онъ требуетъ употребленія воздушнаго насоса. Капитанъ Шо, начальникъ лондонскихъ пожарныхъ, писалъ по этому поводу:

„Пожарная куртка весьма полезна при тушеніи огня въ погребахъ, въ трюмъ судовъ, для спуска въ колодцы, мины, выгребныя ямы, и пр., однимъ словомъ, повсюду гдѣ воздухъ неудобенъ для дыханія. Особенныя выгоды этого одѣянія заключаются въ его простотѣ, легкости употребленія, быстротѣ съ какою его можно снимать и надѣвать. Недостатокъ же его тотъ что оно требуетъ употребленія воздушнаго насоса, и савдвательно можетъ служить только для одного человѣка. Это одѣяніе, весьма полезное при тушеніи пожаровъ, рѣдко оказывало какую-либо пользу для спасенія жизни.“

Тундаль сталъ испытывать не можетъ ли вата, столь полезная для задержанія пыли, быть также употреблена съ выгодой и противъ дыма. Но средство это оказалось совершенно недостаточнымъ противъ остраго дыма производимаго смолой, которую онъ не употреблялъ въ своихъ опытахъ. Затѣмъ ему пришла на мысль смочить вату глицериномъ, чтобы придать ей ббльшую плотность. Пуше уже пользовался этимъ средствомъ въ своихъ опытахъ надъ произвольнымъ зарождеіемъ, для задержанія зародышей. Оказалось что респираторъ изъ ваты смоченной глицериномъ позволялъ оставаться три или четыре минуты въ густомъ смолистомъ дыму, но послѣ того раздраженіе производимое дымомъ становилось невыносимымъ. Надо было испытать что-либо другое.

„Мнѣ пришло на мысль“, говоритъ Тундаль, „что горѣніе настолько неполное чтобы производить густой дымъ должно порождать множество угаводородныхъ продуктовъ, которые, находясь въ парообразномъ состояніи, недостаточно задерживаются ватой. Въ нихъ-то, по всей вѣроятности, и кроется причина раздраженія, и еслибъ ее возможно было устранить, то получилася бы респираторъ практически вполне удобный.“ Извѣстно что всѣ порозныя тѣла обладаютъ свойствомъ сгущать въ большей или меньшей степени пары и газы. То же свойство имѣютъ чрезвычайно измелъченныя или раздробленныя тѣла. Листокъ платины, приведенной въ губчатое состояніе въ водородной смѣси, производитъ комбинацію газовъ сильнымъ сгущеніемъ ихъ. Небольшой кусочекъ такой платины обуславливаетъ взрывъ сгущеніемъ двухъ газовъ, кислорода и водорода. Древесный уголь, тѣло чрезвычайно пористое, обладаетъ подобнымъ же свойствомъ. Онъ не

можетъ произвести химической комбинаціи двухъ газовъ, но какъ сжигаетъ въ кислородѣ всѣ пары сгорающіеся въ его порахъ. Торъ Стенгаузъ сдѣлалъ респираторъ съ древеснымъ углемъ, помощи коего можно входить въ самыя зловонныя мѣста. До точно также покрыть крышкой со слоемъ древеснаго угля разлѣченныя вещества, чтобъ этимъ уничтожить всякое зловоніе. Но угный респираторъ, хорошо задерживающій пары, не задерживаетъ ма, ибо каждая частица дыма есть сама по себѣ кусочекъ угля и цій на своей поверхности и внутри себя раздражающіе пары. Вспомогательное г. Тундаль попытался соединить смоченную глицерин вату и уголь. Аппаратъ вмѣщающій въ себѣ фильтрующія и поглощающія вещества имѣетъ отъ 4 до 5 дюймовъ длины. На сѣтчатой металлической перегородкѣ, въ глубинѣ части аппарата прилегающей ко рту, кладется слой ваты смоченной глицериномъ, и затѣмъ слой сухой ваты. Потомъ слѣдуетъ слой древеснаго угля мелкими кусочками, опять слой сухой ваты, и наконецъ слой вѣдковой извести въ кусочкахъ. Это послѣднее вещество назначается противъ избытка угольной кислоты.

Первые опыты съ этимъ респираторомъ были сдѣланы въ побахъ наполненныхъ густымъ смоленнымъ дымомъ. „Защитивъ глаза прировненными очками“, говоритъ г. Тундаль, „мы оставались, мой помощникъ, въ такой комнатѣ болѣе получаса, и однакоже дышать такъ вѣдокъ что даже одно выдыханіе сдѣланное безъ респиратора было невыносимо. Тѣмъ не менѣе мы могли бы продолжать еще пребываніе въ продолженіе десяти часовъ.“ Капитанъ Шо испыталъ дѣйствіе респиратора надъ своими пожарными и надъ самимъ собой. Результаты были превосходны, и задача оказалась разрешена. Респираторъ съ ватой и углемъ будетъ приспособленъ къ каскету подобіе фехтовальной, и остается только усовершенствовать разлѣченныя части аппарата, чтобы сдѣлать его болѣе легкимъ и удобнымъ и способнымъ къ формамъ человеческого лица.

VI. КОЛЛЕКЦІЯ ГЕРЦОГА ЭДИНБУРГСКАГО. Съ 25го января открыта въ Кенсингтонскомъ Музеѣ, въ Лондонѣ, весьма интересная коллекція собранная вторымъ сыномъ королевы Викторіи, Альфредомъ герцогомъ Эдинбургскимъ, во время кругообѣтнаго путешествія совершеннаго имъ на кораблѣ *Гамтея*. Коллекція эта состоитъ изъ весьма разнообразныхъ предметовъ: фарфора, бронзы, эмали, золотыхъ серебряныхъ вещей, лаковыхъ издѣлій, оружія, вооруженій, рѣзныхъ предметовъ и тканей, собранныхъ въ Китаѣ, Индіи, Японіи, Австраліи.

лиц, на островахъ Таити и Сандвичевыхъ; и кромѣ того при коллекціи находится собраніе акварельныхъ рисунковъ работы Брайерли и Шевалье, изображающихъ главныя событія на водѣ и на сушѣ въ которыхъ *Галатея* или ея юный капитанъ принимали участіе. Рисунки эти хороши сами по себѣ какъ предметы искусства, но въ настоящемъ случаѣ главный интересъ ихъ зависитъ отъ свѣдѣній сообщаемыхъ ими объ обстоятельствахъ путешествія. Такъ, одинъ изъ нихъ изображаетъ *Галатею* во время бури близъ пролива Бонифачіо; другой изображаетъ судно борющееся съ цикаонскіи близъ острова Св. Павла. На одной картинѣ виденъ герцогъ Единбургскій лѣвшимъ и стрѣляющимъ почти въ упоръ въ разъяреннаго слона; на другой онъ сидитъ въ таитскомъ одѣяніи подлѣ королевы Помаре и принимаетъ приношенія отъ ея смуглыхъ подданныхъ. Изъ обоихъ артистовъ г. Шевалье доставилъ наиболѣе рисунковъ, и вообще имѣлъ случай изобразить болѣе поразительныя сцены, но нѣкоторые и изъ картинъ г. Брайерли, особенно его этюды неба и моря въ Средиземномъ морѣ, полны художественнаго чувства. Послѣ картинъ самый интересный отдѣлъ выставки представляютъ предметы привезенные изъ Ялокии. Особенно много бронзъ необыкновенной красоты. Замѣчательнѣе всѣхъ по работѣ огромная курильница для ладана подаренная микадо. Она состоитъ изъ трехъ этажей, украшенныхъ изображеніями, въ горельефахъ и отдѣльными фигурами, изображающими скалы, водопады, деревья, цвѣты и птицъ; въ среднемъ этажѣ помѣщенъ человекъ стоящій на берегу и закрывающій драконовъ, а вся курильница помѣщена на деревянной подставкѣ, рѣзьба которой изображаетъ волны. Волны не совсѣмъ натуральны, но перья птицъ и листья на нѣкоторыхъ деревьяхъ представляютъ въ высшей степени изящное подражаніе природѣ. Это произведеніе искусства сдѣлано, какъ говорятъ, лѣтъ триста тому назадъ, но тѣмъ не менѣе работа сохранилась во всемъ совершенствѣ. Хорошій образецъ новѣйшей бронзовой работы представляетъ пара цистернъ, но ихъ нельзя и сравнивать съ курильницей ладана по мастерской красотѣ работы. Очень интересны и лакированныя издѣлія коллекціи, и здѣсь также древніе образцы, говоря вообще, лучше новѣйшихъ. Черный съ золотомъ лакированный юпитръ подаренный микадо представляетъ прекрасный образецъ древней работы. Есть также много другихъ меньшихъ предметовъ изъ того же матеріала, какъ-то: блюда, ящички, шкатулки, сабельныя и кинжальныя ножны, и тому подобное; но одна изъ самыхъ интересныхъ вещей есть ножикъ съ рѣзною ручкой слоновой кости и ножнами авантюриноваго лаку, какъ говорятъ,

разрисованными самимъ микадо. Эта вещь была имъ прислана генералу въ подарокъ уже послѣ его отъѣзда. Образцами японскаго фарфора служатъ пара гигантскихъ вазъ и множество меньшихъ предметовъ въ числѣ коихъ есть нѣсколько изящныхъ небольшихъ чашекъ и ковшей, коими такъ славится Японія. Образцовъ японской эмали только пять. Четыре изъ нихъ суть чашки съ крышками, на коихъ видѣлана въ фарфорѣ. Эмаль эта, повидимому, весьма древняя, и въ ней нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго ни въ краскахъ, ни въ рисункѣ. Пятый образецъ есть небольшой квадратный ящикъ, вѣроятно тонкой и изящной работы, краски необыкновенно ярки. Изъ рисунковъ тканей болѣе замѣчательны занавѣсы, на которыхъ изображена процессія кузнечиковъ, и раскрашенный халатъ изъ темнаго крѣпа. Въ коллекціи находится мало образцовъ издѣлій изъ новой кости и изъ металла, но въ ней есть полное вооруженіе японскаго пѣхотнаго солдата надѣтое на манекенъ. Это вооруженіе состоитъ изъ пластинокъ чернаго лаку соединенныхъ бумажными связками. Лицо защищается черною лакированной маской, а на шлемѣ и плечахъ находятся въ видѣ роговъ два лезвія.

Предметы изъ Индіи и Китая не такъ рѣдки какъ японскіе, но болѣе вниманіе обращаетъ на себя мечъ въ индійскомъ трофее даренномъ ульварскимъ магараджей. Рукоятка его изъ слоновой кости съ драгоценными камнями, украшенная массивными золотыми тычками головами, а на лезвіи находится желобокъ въ которомъ насажены отъ рукоятки и до самаго конца мелкія жемчугъ. Нѣкоторыя оружія имѣютъ рукоятки съ весьма изящною эмалью, а въ одномъ изъ ящиковъ находятся золотые съ эмалью кубокъ и чаша, подаренные диндорскимъ магараджей, которые, какъ говорятъ, суть одни изъ красивѣйшихъ образцовъ этой работы какіе только существуютъ.

Не менѣе любопытную часть коллекціи представляютъ предметы изъ странъ находящихся сравнительно въ варварскомъ состояніи. Тутъ есть накладка изъ перьевъ ярко-краснаго и желтаго цвѣта подаренная королею Сандвичевыхъ острововъ. Желтая часть ея была отъ одной туземной птицы, въ хвостѣ которой находятся очень маленькія желтые перышка. Птицъ этихъ не убиваютъ, а вырываютъ у нихъ желтыя перья, и затѣмъ экономично отпускаютъ, чтобы перья выросли снова. Въ накладкѣ находится доброе безчисленнаго множества птицъ, и она должна была высоко цѣниться на островахъ. Есть также ожерелье изъ того же матеріала, подаренное королею Эммы, и нѣсколько болѣе грубыхъ издѣлій изъ перьевъ Острова Таити доставленныя почетный халатъ одѣланный изъ ткани и

тана и надѣтый герцогомъ въ упомянутомъ выше случаѣ послужившемъ предметомъ для одной изъ картинъ г. Шевадье.

Новая Зеландія преимущественно представлена коллекціей туземнаго оружія разныхъ родовъ, въ которой находится палица изъ зеленого камня, называемая „миръ“ и имѣвшая большую цѣну въ глазахъ туземцевъ. Она принадлежала одному вождю который отказался продать ее за 300 фунтовъ, но поднесъ ее какъ добровольный подарокъ сыну королевы.

Изъ Австраліи и Тасманіи есть также много интересныхъ предметовъ, особенно нѣсколько очень хорошихъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій.

Коллекція, заключающая въ себѣ всего 784 предмета, снабжена хорошо составленнымъ каталогомъ, и будетъ открыта для публики въ теченіи двухъ мѣсяцевъ.

VII. ЭКСПЕДИЦІЯ СЭРЪ-САМЮЭЛЯ БЕКЕРА. Въ 1869 году, извѣстный англійскій путешественникъ сэръ-Самюэль Бекеръ организовалъ, съ согласія и при участіи египетскаго вице-короля, вооруженную экспедицію вверхъ по теченію Нила къ верховьямъ этой рѣки во внутренности Африки. Главная цѣль поставленная сэръ-Самюэлемъ Бекеромъ была та чтобы положить конецъ постыдной торговлѣ невольниками, почти открыто производившейся на Нилѣ, при покровствѣ египетскихъ властей. Англійскіе консулы въ Египтѣ неоднократно и настойчиво дѣлали представленія по сему предмету египетскому правительству, но всѣ ихъ настоянія оставались напрасными, ибо мѣстные египетскія власти утверждали что онѣ не въ силахъ поддерживать дѣятельный полицейскій надзоръ на рѣкѣ за всеми торговцами. Наконецъ въ 1869, почти въ одно время съ открытіемъ Суэзскаго канала, сэръ-Самюэль Бекеръ предложилъ свои услуги египетскому хедиву и поддалъ мысль снарядить экспедицію къ верховьямъ Нила, то-есть къ самому источнику торговли невольниками. Вице-король съ полнымъ сочувствіемъ отнесся какъ къ плану экспедиціи, такъ и къ самой цѣли оной, хотя позволительно думать что въ этомъ случаѣ его болѣе прельщала возможность расширить предѣлы своихъ владѣній при помощи ученаго, настойчиваго и предприимчиваго Англичанина, чѣмъ челоуѣколюбивое намѣреніе прекратить обычай освящаемый мусульманскою религіей, глубоко укоренившійся въ нравахъ его подданныхъ и притомъ же весьма удобный для пополненія его собственнаго гарема. Какъ бы то ни было, однако, экспедиція состоялась, но въ продолженіи всего прошедшаго года о ней было мало извѣстій. Только въ

февраль настоящаго года получены довольно подробныя извѣс-
ходъ экспедиціи, изложенныя въ письмахъ сэръ-Самюэля Бекера
принцу Вельсскому, принимавшему живое участіе въ его отваж-
предпріятіи. Письма эти, по желанію принца, были обнародованы
англійскихъ газетахъ. Вотъ наиболѣе интересныя факты въ нихъ
ключающіеся.

Тотчасъ по прибытіи въ Египетъ сэръ-Самюэль Бекеръ далъ инс-
ціи, которыя было предписано вице-королемъ немедленно приве-
исполненіе. Изъ Хартума по Нилу должны были быть отправлены и
пароходовъ, 15 большихъ судовъ мелка оцѣнщикъ и 15 меньши
всего 36 судовъ. Было также предписано держать наготовѣ въ
тумъ 25 судовъ съ верблюдами, лошадьми и припасами и отпра-
на нихъ передовой отрядъ изъ 500 человекъ въ Гондокоро пр
прибытія самого Бекера, такъ чтобъ эти же суда по возвращеніи
ли въ нынѣшнемъ же году доставить подкрѣпленіе вьючныхъ
вотныхъ и пр. Изъ Англіи были доставлены запасы сэръ-С
вля, спасательныя боты, разобранныя по частямъ пароходы, и
это было отправлено по частямъ впередъ въ назначенное мѣсто,
роско. За первымъ отрядомъ въ 1.200 верблюдовъ послѣдовалъ
гой въ 1.800 верблюдовъ, а огромныя отдѣльныя части парохо-
были успѣшно, хотя и съ величайшими затрудненіями, переправл
черезъ 750 миль пустыни въ Хартумъ, подъ руководствомъ ве
способнаго инженера г. Эвина Хиггинботамъ. Наконецъ, послѣ
должительной отсрочки, вслѣдствіе открытія Суэзскаго канала,
чемъ былъ занятъ весь флотъ вице-короля, сэръ-Самюэль выѣ
изъ Суэза на корветѣ, прибылъ въ Суакимъ съ арріергардомъ эксп
ціи и 400 верблюдами, и пересѣкши пустыню, прибылъ въ Хар
7го января 1870 года. Въ Хартумѣ оказалось, однако, что ничего
было приготоовлено. Ни одно судно не было въ готовности, и всѣ
теди, отъ знатныхъ до самыхъ бѣдныхъ, были враждебно распол
ны къ экспедиціи. Просрочка очевидно была преднамѣренная, и
ничѣмъ нельзя было объяснить кромѣ намѣренія мѣстныхъ вла
разстроить экспедицію насивнымъ сопротивленіемъ подъ благо
ными предлогами. Настояніями, угрозами и убѣжденіями сэръ-Сам
Бекеръ добился, наконецъ, снаряженія 33 судовъ. Въ Хартумѣ
мѣстныхъ властей онъ узналъ что Бѣлый Нилъ абсолютно не
ходимъ, вслѣдствіе нагромоздившейся на пространства многихъ м
растительности, которая по обыкновенію во вѣдствіе небреженія и
стей совершенно заградилъ плаваніе по рѣкѣ. Поэтому суда работни
цевъ избрали новую дорогу по рукаву Бѣлаго Нила называем

Бахрѣ-Жирафомъ; но по этому пути, какъ сообщали, могли ходить только мелкія суда, каковы и были суда работорговцевъ, не имѣвшія никакого другаго груза кромѣ самыхъ необходимыхъ запасовъ продовольствія и зарядовъ. Другаго пути, однако, не было, и дѣйствительно вскорѣ по вступленіи въ Бахрѣ-Жирафъ встрѣтились ужасныя затрудненія. Вся мѣстность представляла болото, по которому протекала рѣка покрытая растительностью. Въ теченіе 32 дней пришлось прорывать каналы въ перепутавшихся растеніяхъ сученныхъ въ густыя массы, отъ 4 до 5 футовъ толщиною. Много людей умирало отъ постояннаго пребыванія среди болотныхъ миазмовъ и укусы москитовъ, не дававшихъ возможности спать ночью. Къ тому же экспедиція запоздала, и наступило время дождей. Тѣмъ не менѣе отрядъ продолжалъ подвигаться пока не достигъ части рѣки столь мелкой что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубина ея была не болѣе одного фута. Приходилось возвратиться, но не желая доставить Хартумцамъ случая воспользоваться временною неудачей, сэръ-Самюэль Бекеръ раскинулъ лагерь на восточномъ берегу Бѣлаго Нила, близъ впаденія въ него рѣки Собахъ, въ разстояніи около 700 миль отъ Хартума, и началъ пока операцию противъ работорговцевъ. Первая захваченная имъ добыча принадлежала египетскому губернатору Фашоды. Станція эта нарочно была устроена, чтобы господствовать надъ рѣкой и не допускать торговли невольниками, еще во время Саудъ-пашы, а между тѣмъ сэръ-Самюэль поймалъ самого губернатора въ похищеніи женщинъ и дѣтей. Онъ тотчасъ же освободилъ невольниковъ и послалъ донесеніе вице-королю о губернаторѣ. Семь мѣсяцевъ продолжалась его стоянка въ лагерѣ которому онъ далъ названіе Тевфикизаха, и въ 1870 году ни одинъ невольникъ не былъ провезенъ по рѣкѣ, потому что сэръ-Самюэль останавливалъ всѣ суда, освобождалъ невольниковъ, а главныхъ работорговцевъ заключалъ въ кандалы. Въ то же время онъ дѣлалъ приготовленія для преодоленія затрудненій Бахрѣ-Жирафа слѣдующею весной. Онъ изслѣдовалъ преграды Бѣлаго Нила, ища другаго прохода, но безуспѣшно, и отправился въ Хартумъ, чтобы лично надзирать за приготовленіемъ подкрѣпленій изъ людей, судовъ и матеріаловъ. Изъ Каира подошли пятнадцать малыхъ судовъ, но ни пароходы, ни большія барочныя суда не являлись. Послѣ долгихъ усилій онъ собралъ наконецъ 59 судовъ, включая большой пароходъ съ палубой въ 100 футовъ длины и 32хъ-сильною машиною. Суда среднимъ числомъ вмѣщали около 30 тоннъ груза и сидѣли въ водѣ четыре фута при полной нагрузкѣ. Когда все было готово,

первый отрядъ двинулся изъ Тевфикизаха 1го декабря, и за ним слѣдовали другіе небольшіе отряды, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ друга, для избѣжанія столкновеній, а самъ сержъ-Самюэль Б слѣдовалъ въ аррьергардѣ на пароходѣ. На пути произошли промедленія. Одна изъ баржей нагруженныхъ частями озерныхъ роходовъ затонула на глубокомъ мѣстѣ Бѣлаго Нила, и подня было произведено съ большими затрудненіями. Потомъ наст мѣсяць рамазанъ, во время котораго работа остановилась, такъ же солдаты и моряки днемъ постились, а всю ночь ѣли. Наконецъ флотилія собралась у преграды Бахръ-Жирафа. Началась утомительная работа прорытія каналовъ въ мелкихъ или заропотокахъ. На протяженіи 50 миль встрѣчались подобныя препятствія. Вся эта мѣстность есть обширное болото, гдѣ не видно ни сухаго мѣста на горизонтѣ, а между тѣмъ на послѣднихъ 20 миль теченія Бахръ-Жирафа нѣтъ и глубокой воды. Этотъ рукавъ отделился отъ разлітія Бѣлаго Нила, который, вылившись изъ широкіхъ тростниковыхъ береговъ, образуетъ безчисленное множество мелкихъ канавъ, а эти послѣднія, сливаясь подъ 7°46' с. ш. образуютъ болѣе глубокой рукавъ (Бахръ-Жирафъ); но до ихъ соединенія слѣдовательно, на протяженіи 50 миль, плаваніе представляло образимыя трудности. Цѣлые мѣсяцы отрядъ былъ занятъ углубленіемъ фарватера въ мелкихъ мѣстахъ. Въ широкіхъ мѣстахъ воды имѣли глубину трехъ футовъ, а въ узкихъ менѣе двухъ, тогда какъ для парохода нужно было четыре фута. Съ парохода были сняты колеса и то при его большой длинѣ онъ представлялъ большія затрудненія въ крутыхъ поворотахъ рѣки. Иногда 1.000 человекъ были нужны для тащанія его черезъ иль. Самъ сержъ-Самюэль Бекеръ постоянно напередъ изслѣдовалъ рѣку на нѣсколько миль, чтобы распределить работу для различныхъ отрядовъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ во время коихъ въ экспедиціонномъ отрядѣ ежедневно умирали. Задача экспедиціи казалась безнадежною. Наконецъ, въ одно утро сержъ-Самюэль, плывшій впереди для изслѣдованія пути на небо-лодкѣ, въ сопровожденіи 14ти человекъ, вышелъ изъ поросшей сокою травой болота въ прекрасное озеро, откуда черезъ пять миль онъ достигъ соединенія рукава съ Бѣлымъ Ниломъ. Это отободрило людей, и послѣ пяти дней трудной работы, флотилія и судовъ собралась въ этой части рѣки, похожей на большой прудъ. углубляя протокъ впереди для достиженія озера, вода, теченіемъ которой ускорилось недавно сдѣланными прорытіями позади, быстро до двухъ футовъ, и флотилія вновь очутилась на мели. Един-

нымъ переходомъ представлялось устройство плотины, которую сэръ-Самюэль и приказалъ немедленно устроить въ тылу. Въ теченіе двухъ дней 1500 человекъ были заняты дѣланіемъ фашинъ изъ тростнику и глины и наполненіемъ 500 хлѣбныхъ мѣшковъ пескомъ. Успѣхъ воздвигнутой плотины въ 100 ярдовъ длиной оказался полнымъ. Вода поднялась выше двухъ футовъ, и флотилія успѣшно прошла по вновь прорытому каналу въ озеро, откуда она достигла Бѣлаго Нила. Тамъ уже была глубокая и чистая вода. 15го апрѣля сэръ-Самюэль прибылъ въ Гондокоро, во внутренности Африки, куда 22го мая собралась и вся флотилія, совершивъ такимъ образомъ въ пять мѣсяцевъ и 22-дня переходъ около 700 миль отъ мѣста владенія Собаха. Прежде же, когда самое русло Бѣлаго Нила было свободно, путешествіе могло быть совершено въ 20 или 25 дней. Въ письмѣ изъ Гондокоро, отъ 26го августа, описывающемъ всѣ вышеприведенныя приключенія, сэръ-Самюэль извѣщаетъ что, благодаря Бога, онъ прибылъ туда со всеми матеріалами экспедиціи, съ 1.000 человекъ войска въ добромъ здоровьѣ и съ 10ю горными орудіями. Здоровье самого Бекера и сопровождающей его въ путешествіи супруги нисколько не пострадало отъ непривычнаго климата и перенесенныхъ трудовъ. Сэръ-Самюэль формально занялъ Гондокоро отъ имени Египта, поднявъ египетскій флагъ, салютовалъ его 21 выстрѣломъ и назвалъ новую станцію Измаиліей.

Въ этой странѣ живетъ племя Барисовъ, встрѣтившихъ враждебно экспедицію. Эти дикари всегда были самымъ худшимъ изъ племенъ обитающихъ по Бѣлому Нилу, а сношенія съ работорговцами испортили ихъ еще болѣе. Селеніе Гондокоро, переименованное теперь въ Измаилію, служило складомъ невольниковъ и скота, захватываемыхъ у болѣе внутреннихъ племенъ, и Барисы наживались отъ добычи, для которой они всегда находили сбытъ. У племени нѣтъ общаго главы, и въ каждой деревнѣ есть свой старшина или вождь, но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ дѣйствительной власти. Сэръ-Самюэль созвалъ вождей на сходку, и Барисы тотчасъ же объявили что они противъ присоединенія къ Египту, и отказались признать авторитетъ вице-короля. Они отказались также, въ обмѣнъ или за деньги, снабжать войско Бекера продовольствіемъ. Мало того, они начали нападеніе и убили стрѣлами двухъ человекъ. Сэръ-Самюэль тотчасъ же объявилъ войну и далъ имъ нѣсколько уроковъ, показавшихъ дикарямъ что они встрѣтили войска совершенно отащныя отъ иррегулярныхъ отрядовъ работорговцевъ. Онъ не нахвалится своими негритянскими войсками, но ень недоволенъ Египтянами, между коими очень много ссыльныхъ

преступниковъ изъ Судана, и принужденъ держать ихъ въ стрѣлкахъ. Онъ извѣщаетъ также о начатой имъ въ Измаиліи постройкѣ ваго города и форта, послѣ чего онъ намѣревается пройти съ 60 лодкѣ по странѣ Барисовъ и совершенно покорить ихъ, ибо невозможно двинуться далѣе на югъ съ большими транспортами. Главная цѣль экспедиціи—прекращеніе торговли невольниками—достигнута и сэръ-Самюэль Бекеръ полагаетъ что она не можетъ болѣе возобновиться и по его возвращеніи, иначе какъ при содѣйствіи мѣстныхъ властей, ибо онъ предупредилъ всѣхъ торговцевъ чтобъ они возвратились въ Хартумъ, и учредилъ правительственную монополію торговли рабовою костью, находя это единственнымъ средствомъ для возстановленія порядка.

Нѣсколько позднѣйшее письмо, отъ 19го октября, извѣщаетъ о томъ, что кампанія сэръ-Самюэля Бекера противъ Барисовъ была успѣшна, и совершенно покорилъ ихъ. Между тѣмъ съ нимъ случилась неполадка, которая можетъ быть болѣе всего опасна для экспедиціи. Своему сожалѣнію онъ замѣтилъ между офицерами духъ недовольства, разделяемый и солдатами, вслѣдствіе его твердаго намѣренія прекратить навсегда торговлю невольниками, и 12го октября офицеры подали ему письменное заявленіе о желаніи оставить экспедицію и возвратиться съ войсками въ Хартумъ. Заявленіе было подписано и командующимъ войсками, полковникомъ Рауфъ-беємъ, который ссылался на недостатокъ хлѣба. Чтобъ отнять этотъ предлогъ, сэръ-Самюэль раздѣлилъ войска въ плодородной мѣстности Гебеаль Реджіафъ, 14ти миль къ югу отъ Гондокоро, которая можетъ быть званна житницей страны, а заявленіе офицеровъ отправилъ къ де-королю, съ просьбой выразить строгое порицаніе такому нарушенію дисциплины. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ отправилъ 30 лодокъ въ Хартумъ со всѣми больными и непокорными. Вслѣдствіе трудности сообщенія съ Хартумомъ, сэръ-Самюэль полагаетъ возможнымъ дать о себѣ новыя вѣсти не ранѣе будущаго года.

VIII. РАБОТА ЖЕНЩИНЪ ВЪ ЛОУЭЛЛѢ. Тридцать пять лѣтъ назадъ, г. Мишель Шевалье обратилъ вниманіе промышленной Европы на городъ Лоуэлль въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ населеніемъ 40.000 душъ, между которымъ находилось 15.000 рабочихъ и въ томъ числѣ 10.000 женщинъ, Лоуэлль представлялъ и въ то время одинъ изъ совершеннѣйшихъ типовъ мануфактурной организаціи. Огромное большинство рабочихъ составляли молодыя дѣвушки изъ сосѣднихъ селъ, которыя посвящали четыре, пять, шесть или даже десять лѣтъ раб-

на филатурахъ, чтобы скопить себѣ приданое. Онѣ жили группами по десяти и пятнадцати въ маленькихъ домикахъ содержимыхъ почтенными женщинами; онѣ научались тамъ во всемъ хозяйственнымъ занятіямъ, жили на свободѣ подъ доброжелательнымъ покровительствомъ и возвращались домой съ сохраненіемъ своей первобытной нравственности и съ запасомъ опытности, энергіи и денежныхъ сбереженій. Такимъ образомъ молодая дѣвушка работала на фабрикѣ для того чтобы мать и жена могли оставаться въ своемъ семействѣ. Имя Лоуэлла сдѣлалось извѣстно въ обоихъ полушаріяхъ, и примѣръ его принесъ обильные плоды. На всемірной выставкѣ 1867 года, международный жюри указывалъ съ величайшими похвалами на заведенія г. Вильяма Чарина (Charin) въ Лорансѣ (въ Массачусетсѣ). Фабрика *Pacific Mills* есть громадная ткацкая дѣляныхъ и бумажныхъ издѣлій, занимающая 3.600 человекъ, между которыми находится 1.700 женщинъ, изъ коихъ 825 живутъ тамъ постоянно. Молодыя дѣвушки-пансіонерки распределяены въ 17 жилищъ, подъ нравственнымъ надзоромъ и материнскимъ попеченіемъ надзирательницъ, пожилыхъ женщинъ избранныхъ начальникомъ заведенія. Плата работницы-пансіонерки одинакова съ платой приходящей, но распределяется на три части, изъ коихъ одна, удерживаемая фабрикой, покрываетъ расходъ на квартиру и столъ, другая оберегается и составляетъ капиталъ работницы при выходѣ ея изъ заведенія или приданое ея въ случаѣ замужства; третья выдается ежемѣсячно въ руки молодой дѣвушкѣ на платье, мытье бѣлья и развлеченія. Свободой эти дѣвушки пользуются полною; еслибъ онѣ употребили ее во зло, то это навлекло бы на нихъ строжайшій выговоръ, и въ случаѣ повторенія, безпощадное удаленіе изъ заведенія. При этихъ пансіонахъ находится бібліотека изъ 4.000 томовъ. Благодаря такой системѣ, молодыя дѣвушки съ ранняго возраста перестаютъ быть въ тягость своимъ семействамъ; онѣ даже успѣваютъ составить себѣ приданое, которое по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ достигаетъ значительной цифры, и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаютъ свое воспитаніе. Былъ случай что прилежная работница доставила своему жениху средство окончить курсъ медицины.

IX. ГЛАВА МОРМОНОВЪ ПРЕДЪ СУДОМЪ. 2го октября 1871 года, прокуроръ Соединенныхъ Штатовъ предъявилъ противъ Брайгама Юнга, первосвященника мормоновъ, формальное обвиненіе въ многожествѣ. Можетъ-быть это обвиненіе и не совсемъ правильно, потому что онъ не вступалъ въ бракъ ни съ одною изъ шестнадцати женщинъ находящихся при немъ съ тѣми формальностями коихъ требуетъ

законъ. Двоеженство наказывается въ Америкѣ пеней отъ 10 1.000 долларовъ и тюремнымъ заключеніемъ отъ 10 мѣсяцевъ до сяти лѣтъ. Брайгамъ Юнгъ притворился больнымъ и отпущенъ (на поруки. Онъ этимъ воспользовался и скрылся. Двѣ недѣли сп былъ задержанъ кѣкто Гикманъ, обвиняемый въ томъ что въ 185 ду онъ умертвилъ и ограбилъ человѣка, отъ котораго избавиться жаль президентъ. Скелеть убитаго былъ отысканъ и нашлось м свидѣтелей для обвиненія Брайгама Юнга. Былъ данъ приказъ (держанію его и еще трехъ лицъ обвиняемыхъ въ сообщничествѣ нимъ и въ томъ числѣ мера Даніэля Вельса. Брайгамъ Юнгъ воз тился, былъ арестованъ и 2го января явился предъ *chief justice* (ховнаго судью) по обвиненію въ убійствѣ. Адвокатъ его требо: чтобъ его отпустили на поруки по его преклоннымъ лѣтамъ (ему полнился 71 годъ); но атторней объявилъ что менѣе 500.000 долла залога онъ допустить не можетъ. Заключеніемъ тюрьмы принадлежа Союзу, обвиняемый находится подъ стражей у себя въ домѣ. Каков ли былъ исходъ процесса надъ убійцами доктора Робинсона, прои дающійся въ настоящую минуту, очевидно уже что золотой в мормоновъ миновалъ. Территорію ихъ со всѣхъ сторонъ окружа цивилизованныя колоніи, и часть ея уже отошла подъ штаты Нев и Колорадо, такъ что по всей вѣроятности самый слѣдъ мормон ихъ безправственныхъ обычаевъ исчезнетъ подъ давленіемъ общ презрѣнія.

Х. БОГУМИЛЬ ДАВИСОНЪ. 6го февраля нынѣшняго года сконч ся знаменитый нѣмецкій трагическій актеръ Богумиль Дависонъ. С родился въ Варшавѣ 18го мая 1818 года; родители его были польск Евреи, жившіе въ крайней нищетѣ и едва имѣвшіе возможность выучи его читать и писать. Всѣмъ своимъ образованіемъ Дависонъ обяза исключительно самому себѣ, своимъ постояннымъ усиліямъ, необык венной любознательности и главнымъ образомъ своему честолюб которое составило его славу и было потомъ причиною его гибели, и честолюбіе вскружило ему голову, и онъ умеръ во всеемъ развѣтѣ е ихъ силъ, на высотѣ славы, отъ припадка безумія, источникомъ кое и было это честолюбіе. Въ ранней юности онъ занимался перепишк бумагъ, и обратилъ на себя вниманіе своимъ быстрымъ умомъ одно изъ своихъ закащиковъ, который снабдилъ его книгами, съ помощи коихъ онъ и успѣлъ расширить кругъ своихъ познаній. Вскорѣ пр будилась въ немъ страсть къ театру и призваніе его опредѣлило. Шестнадцати лѣтъ онъ дебютировалъ на польскомъ театрѣ въ Ва

шавъ, оттуда отправился въ Вильну, а потомъ во Львовъ, гдѣ исполняя должность режиссера. Но онъ понялъ что польская сцена не доставитъ ему блестящей будущности и старался сформировать свой голось и тѣлодвиженія, а между тѣмъ ревностно занимался изученіемъ языковъ и преимущественно нѣмецкаго. Девятнадцати лѣтъ, послѣ дебюта на Львовскомъ нѣмецкомъ театрѣ, онъ отправился въ Бреславль и оттуда въ Гомбургъ, и проѣздомъ посѣтилъ Берлинъ, гдѣ провелъ нѣкоторое время съ большою для себя пользою при Лудвигѣ Швейдерѣ. Затѣмъ онъ появился въ Вѣнѣ въ *Burgtheater* подъ руководствомъ Лаубе, но приемъ встрѣченный имъ тамъ не соответствовалъ его ожиданіямъ. Дѣло въ томъ, что у него была страсть занимать роли *jeunes premiers*, для которыхъ онъ не былъ созданъ. Лаубе предупредилъ его на этотъ счетъ и указалъ ему его настоящее призваніе. Для его таланта необходимы были большія роли английскихъ и нѣмецкихъ драмъ. Ричардъ III, Маркъ Антоній въ *Юліи Цезарѣ* и Яго составила его славу. Роль Карлоса въ *Клэвиго* Гете была также играна имъ съ блестящимъ успѣхомъ. Его исполненіе роли *Гамлета*, несмотря на неосомнѣнные достоинства, возбуждало сильную критику. Торжествомъ его была роль Франца Мора въ *Разбойникахъ* Шиллера. Дависонъ не терпѣлъ соперниковъ, онъ желалъ чтобъ его считали первымъ актеромъ Германіи. Онъ оставилъ Вѣну, гдѣ его *Гамлетъ* вызвалъ неблагоприятную для него критику, и въ 1854 отправился въ Дрезденъ и имѣлъ колоссальный успѣхъ въ *Нарциссѣ* Браухфогеля. Но соствѣдство Эмиля Деврента раздражало его, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, снѣдаемый жаждой честолюбія, а можетъ-быть и золота, онъ отправился въ Америку и возвратился оттуда измученный, усталый, утратившій всю энергію. Онъ вскорѣ сошелъ со сцены и, какъ мы уже сказали, скончался въ припадкѣ безумія— вслѣдствіе неудовлетвореннаго честолюбія.

Всѣ германскіе критики единогласно признаютъ его величайшимъ актеромъ нашего времени.

XI. ДОМЪ НАПОЛЕОНА ВЪ ЧИЗЕЛЬГЕРСТѢ. *Figaro* сообщаетъ слѣдующую якобы „достоверную“ куріозную исторію дома занимаемаго въ Чизельгерстѣ бывшимъ императоромъ Французовъ. Владѣлецъ этого загороднаго дома нѣкто Скоттъ. Въ день вступленія на престолъ Наполеона III, мастеръ Скоттъ призвалъ своего архитектора и указалъ ему: „Черезъ десять, много черезъ пятнадцать лѣтъ Наполеонъ принужденъ будетъ бѣжать въ Англію, и я сочту за счастье принять его подъ свой кровъ; сдѣлайте мнѣ планъ красивой виллы, и тогда посмотримъ что

будеть. "Архитекторъ принялся за дѣло, и, подобно Англичанину ко въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ слѣдовалъ за укротителемъ Вабургомъ, въ надеждѣ что послѣдній не вынче такъ завтра помъ въ пасть ко львамъ, мистеръ Скоттъ слѣдилъ за императоромъ дузовъ въ полномъ убѣжденіи что рано или поздно онъ сдѣ добычей революціи. Первые годы все шло хорошо, и мистеръ С постоянно повторялъ своему архитектору что не слѣдуетъ горса, такъ какъ времени еще много впереди. Когда Наполеонъ I правился въ Италійскій походъ, то Англичанинъ позвалъ обоица и заказалъ имъ мебель и вмѣстѣ съ тѣмъ одному изъ лучшихъ довниковъ Англіи поручилъ разбить прелестный паркъ, гдѣ бы лежь, вдали отъ нескромнаго взора прохожихъ, могъ на свободѣ даваться своимъ размышленіямъ. По возвращеніи побѣдителя Сольферино и Маджентѣ, работы по дому въ Чизельгёрствѣ совершенно прекратились, но при всемъ томъ мистеръ Скоттъ не рялъ надежды. Отъ времени до времени, при каждомъ новомъ извѣ изъ Франціи, онъ покупалъ то коверъ, то часы; затѣмъ когда те рафъ принесъ болѣе успокоительныя вѣсти, мистеръ Скоттъ вмъ того чтобы перевезти купленную мебель въ Чизельгёрствѣ, остав ее въ своемъ лондонскомъ домѣ. День въ который императоръ писалъ свое знаменитое письмо отъ 19го января былъ днемъ жества для мистера Скотта. Тотчасъ послѣ 20го января, созвалъ своихъ рабочихъ и сказалъ имъ: „вилла моя въ Чизельгёрствѣ должна быть готова ранѣе трехъ мѣсяцевъ: черезъ три мѣса императоръ будетъ въ Англіи.“ Съ этого дня рабочіе приняи за дѣло подъ надзоромъ мистера Скотта: онъ тщательно наба далъ за каждою бездѣлицей, чтобы домъ этотъ оказался доста нымъ жильца котораго онъ такъ долго ждалъ. Когда появилась пе вый номеръ *Lanterne*, то мистеръ Скоттъ не вспомнилъ себя отъ р досту; онъ ежедневно являлся въ Чизельгёрствѣ съ коврами, кресламъ занавѣсами, либо съ какимъ-нибудь украшеніемъ для камина. Ког телеграфъ принесъ въ Англію первыя извѣстія о возстаніи въ Бельвилъ мистеръ Скоттъ разставилъ цвѣты по всѣмъ жардиньеркамъ, и овѣ по всѣмъ канделябрамъ; затѣмъ когда три дня спустя возмущеніе в Бельвилѣ подавлено было городскими сержантами, мистеръ Скоттъ, пре терпѣвшій всѣ душевныя волненія, заболѣлъ лихорадкой и во врем своихъ многочисленныхъ припадковъ кричалъ въ бреду: — „Онъ прійдетъ онъ прійдетъ, онъ уже здѣсь!“ Никакое перо не можетъ описать тог что почувствовалъ этотъ Англичанинъ, когда Наполеонъ III дѣйстви тельно присталъ къ берегамъ Англіи. Первая особа явившаяся къ

изгнаннику былъ мистеръ Скоттъ (съ предложеніемъ занять его виллу въ Чизельгёрстѣ). На слѣдующій день одинъ спутникъ Наполеона явился къ владѣльцу дома съ такимъ отвѣтомъ, что императоръ посѣтилъ его виллу, но что они не сойдутся въ цѣнѣ, потому что домъ слишкомъ хорошъ для его величества, а онъ не можетъ платить за свою квартиру болѣе тысячи франковъ въ мѣсяцъ. При этихъ словахъ, мистеръ Скоттъ, сначала поземѣнвшій отъ страха, вскрикнулъ съ радостью: „Я и хотѣлъ просить именно тысячу франковъ въ мѣсяцъ“. На этомъ дѣло и покончили, и мистеръ Скоттъ, по возвращеніи домой, сказалъ своей семьѣ взволнованнымъ голосомъ: „Теперь я могу спокойно умереть!“ Эта исторія, увѣряетъ *Figaro*, только тѣмъ и хороша что она достоверна. Каждый день, несмотря ни на какую погоду, обитатели Чизельгёрста видятъ какъ владѣлецъ прохаживается предъ своимъ домомъ, какъ бы упиваясь своимъ торжествомъ. Теперь нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ человѣка счастливѣе мистера Скотта.“

XII. ГРОЗНАЯ КОМЕТА. Въ англійскомъ ученомъ журналѣ *Nature* пишутъ. „Намъ извѣстно что многіе слабодушные люди были встревожены, а многіе, еще болѣе малодушные, положительно заболѣли вслѣдствіе извѣстія появившагося во многихъ газетахъ будто бы женевскій профессоръ Плантамуръ открылъ комету громаднѣхъ размѣровъ которая должна столкнуться съ нашею планетою будущаго 12го августа. Мы полагаемъ что этотъ слухъ не имѣетъ никакого основанія. При настоящемъ положеніи науки ничто не можетъ быть болѣе приятно какъ появленіе хорошей большой кометы, и чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ лучше, потому что спектроскопъ имѣетъ вѣсть съ нами счеты, относительно многого что до сего времени ускользало отъ нашего наблюденія. Непосвященные, конечно, могутъ вообразить что открытіе будетъ слишкомъ дорого куплено разрушеніемъ нашей планеты. Безъ сомнѣнія, еслибъ это разрушеніе было возможно или вѣроятно, мы не стали бы спорить. Но посмотримъ, однако. Мнѣніе Келлера, говорившаго что кометъ на небѣ столько же сколько рыбъ въ Океанѣ, было подтверждено въ послѣднее время Араго, по вычисленіямъ коего число кометъ пересѣкающихъ солнечную систему простирается до 17 съ половиною миллионъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Конечно то что кометы суть весьма безвредныя тѣла, ибо иначе мы давнымъ давно пострадали бы отъ нихъ, даже еслибы мы и не допускали что земля такъ стара какъ это утверждаютъ геологи. Но это не все. Теперь хорошо извѣстно что

нѣкоторыя изъ числа сихъ тѣлъ, имѣющихъ весьма грозный видъ, дѣлаѣ суть не болѣе какъ то что на землѣ мы называемъ воздушными пузырями, и что еслибъ ихъ размѣры соответствовали массѣ, они были бы весьма незначительны. Есть и еще болѣе успокоительныя данныя. Комета 1770 года положительно прошла такъ близъ Юпитера что завязала между его лунами, меньшая изъ коихъ имѣетъ всего 2.000 миль въ діаметрѣ; но всѣ луны Юпитера тѣмъ не менѣе продолжали свой путь, какъ будто бы ничего не случилось между тѣмъ какъ на самую комету встрѣча такъ повліяла что она возвратилась по другому пути, то-есть, говоря астрономически, совершенно измѣнила свою орбиту. Наконецъ, въ нашу пользу еще болѣе говоритъ извѣстный фактъ что въ 1861 году мы дѣйствительно прошли чрезъ комету.“

Нѣсколько словъ о Русскомъ Собраніи въ Варшавѣ.

Статья князя В. П. Мецкерскаго: *Заграничныя дорожныя эскизы*, появившаяся въ октябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за минувшій годъ, подала поводъ къ нѣкоторымъ невѣрнымъ заключеніямъ въ отношеніи къ извѣстному клубу, существующему въ Варшавѣ подъ именемъ Русскаго Собранія. Передавая впечатлѣнія своего двухдневнаго пребыванія въ этомъ городѣ, авторъ упоминаетъ о неблагоприятныхъ отзывахъ касательно этого клуба, ходившихъ въ нѣкоторой части мѣстнаго общества, но упоминаетъ въ осужденіе самихъ же хулителей. Онъ приводитъ слышанныя имъ бранчивыя выраженія съ мыслию показать какъ сами же Русскіе, по своей политической безхарактерности, отзываются на окраинахъ своего государства о своихъ же учрежденіяхъ. Вообще въ статьѣ своей авторъ постоянно сѣтуетъ на странное злорадство съ какимъ мы, Русскіе, пользуемся всякимъ поводомъ, основательнымъ или неосновательнымъ, къ уничиженію и оскорбленію своей народности. Еслибъ и оказалось при этомъ какое-либо недостаточно взвѣшенное выраженіе, то нѣтъ сомнѣнія что автору было чуждо всякое намѣреніе оскорбить Русское Собраніе или присоединиться къ его порицателямъ.

Наконецъ статья съ такимъ намѣреніемъ не могла бы и появиться въ нашемъ журналѣ. Еслибъ и дѣйствительно Русское Собраніе представило поводъ къ обличенію, то мы уступили бы другимъ эту печальную обязанность. Для насъ оно имѣетъ особое значеніе которое мы могли хорошо оцѣнить во время всѣмъ памятныхъ событій. Это не былъ обыкновенный клубъ какіе заводятся для препровожденія времени, среди мирныхъ обстоятельствъ, между людьми принадлежащими къ одной общественной средѣ. Это былъ фортель русскої народности въ непріязненномъ краѣ. Здѣсь группировались люди приходившіе съ разныхъ сторонъ, принадлежащіе къ разнымъ общественнымъ положеніямъ и степенямъ образованія, для того чтобы въ тѣсномъ кругѣ находить опору среди враждебнаго общества. Русское Собраніе въ Варшавѣ основано одиннадцать лѣтъ тому назадъ и было тамъ первымъ ядромъ русскаго общества. Особенно важную услугу оказывало оно во время мятежа, сближая русскихъ людей и поддерживая духъ въ нихъ. Мы помнимъ съ какимъ радушіемъ въ 1863 году были приняты этимъ собраніемъ наши корреспонденты которыхъ сообщенія пролили такъ много свѣта на происходившія событія, и какую помощь они въ немъ поддерживали. Въ настоящее время Русское Собраніе насчитываетъ до 250 членовъ. За весьма немногими исключеніями, все это люди служащіе въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствѣ не только въ Варшавѣ, но и во всемъ Царствѣ Польскомъ. Весьма многіе пользуются не только служебнымъ, но и нравственнымъ авторитетомъ. Хотя условія среды существенно измѣнились, въ краѣ водворилось спокойствіе, русское имя не подвергается поруганію, русскіе люди уже не чувствуютъ себя въ положеніи несчастныхъ пришельцевъ принужденныхъ тѣсниться, но и теперь Русское Собраніе въ Варшавѣ остается заведеніемъ весьма полезнымъ, служа единственнымъ пріютомъ для людей безсемейныхъ и не располагающихъ значительными средствами. Въ числѣ его старшинъ мы встрѣчаемъ лицъ имѣющихъ почетную извѣстность и много содѣйствовавшихъ военнымъ или гражданскимъ способомъ къ умноженію края. Изъ бюджета его мы видимъ что оно удѣляетъ избытокъ средствъ своихъ на дѣла патріотическаго благодѣянія.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФИИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к. съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАРКА, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЖШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ОСНОВАНІЯ СИНТАКСИСА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА. Синтаксисъ обыкновенный, преимущественно аттической, д-ра К. В. Крюгера, перевелъ съ нѣмецкаго К. М. Смирновъ. Изданіе Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

КАТОНЪ СТАРШІЙ И ЛЕЛІЙ ЦИЦЕРОНА. Объясненіе и особый словарь снабдилъ А. Афанасьевъ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. 70 коп.

ИЗБРАННЫЯ РАССКАЗЫ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОУГЛАДИИ, съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составилъ Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведениямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ИЗБРАННЫЯ РАССКАЗЫ ЦИЦЕРОНА ПРОТИВЪ Д. КВАТИЛИНЫ. Объяснилъ Ю. Фелькель. Цѣна 80 коп. пер. 1 руб.

ВЪР А.

ПОВѢСТЬ.

АВТОРА РОМАНА „ГОСТИНИЦА СЕНЪ-ЖАНЪ“.

„Романисты охватываютъ тутъ событіе, тамъ случай и связываютъ ихъ опростетчиво со своими лицами... Велика скудость ихъ изобрѣтательности. Она была прекрасна, онъ въ нее влюбился—вотъ на чемъ все вертится. Новыя имена, но черты все тѣ же, и въ мушкетерахъ, и въ женщинахъ.“

Эмерсонъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1872.

REPRODUCED FROM THE ORIGINAL

В Ъ Р А

П О В Ъ С Т Ъ .

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я .

КОЛЕСО ПУЩЕНО ВЪ ХОДЪ.

View mortal man, none ever will you find,
If the gods force him, that can shun his fate.

----- *Oedipus at Colonus.*

Polter.

Г Л А В А I.

Начнемъ съ начала.

Двое молодыхъ людей стояли вмѣстѣ въ комнатѣ одного дома въ Кадоганъ-Шлесѣ. Другъ другу доводились они сводными братьями; было 7го февраля 1854, 4 часа полудни. Когда разговоръ ихъ прекратился, что произошло нѣсколько внезапно, и дверь затворилась за младшимъ и послѣднимъ изъ говорившихъ, то старшій изъ нихъ, полковникъ Генри Сень-Джонъ, остался одинъ въ комнатѣ, продолжая курить у камина.

Сообщивъ читателю гдѣ и въ какое время происходилъ разговоръ этотъ, мнѣ остается лишь прибавить что предметомъ его были долги, доходившіе до суммы въ 7.000 ф.; сдѣланы они были Филиппомъ Сень-Джономъ, но заплатить ихъ онъ былъ не въ состояніи, ни въ настоящее ни въ будущее время, къ

тому же (что не мало осложняло дѣло) онъ въ эту минуту, какъ прапорщикъ гвардейскихъ гренадеръ, получилъ приказаніе немедленно оставить Англію и отправиться на театръ войны, на Востокъ.

Тутъ могъ бы я пуститься въ подробности касательно его расточительнаго образа жизни и странныхъ счетовъ составившихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ подобный итогъ; но я помню что когда я бывало разказывалъ исторіи слушателямъ съ блестящими глазами, собиравшимся вокругъ меня въ дѣтской, то слушатели эти всегда кричали мнѣ: „начинайте съ самаго начала“; и я полагаю что разказывая исторіи большимъ дѣтямъ, не мѣшаетъ придерживаться того же правила; такимъ образомъ можетъ-быть я добьюсь отъ читателя болѣе живаго участія къ моему герою.

Итакъ начнемъ съ начала.

Отецъ его, покойный полковникъ Джонъ Сень-Джонъ, былъ женатъ два раза. Первая жена его подарила его сыномъ, черезъ годъ послѣ ихъ свадьбы, и затѣмъ, прохворавъ нѣсколько лѣтъ, умерла, предоставивъ своего маленькаго Генри, героя этой исторіи, нѣжнымъ попеченіямъ слугъ и вдовца отца, насчетъ котораго свѣтъ предполагалъ что, по всей вѣроятности, онъ не замедлитъ въ скоромъ времени утѣшиться въ своей потерѣ. Но если подъ этимъ подразумѣвалось вторичное супружество, то свѣтъ на этотъ разъ ошибся. Джонъ Сень-Джонъ наслаждался своею свободою въ продолженіи цѣлыхъ семи лѣтъ и можетъ-быть сталъ бы пользоваться ею и еще столько же, если-бы разореніе не постигло его и не заставило искать жены съ деньгами. Онъ и нашелъ ее, нѣкую миссъ Геткотъ, очень богатую, глупенькую и взбалмошную наслѣдницу, которая, двадцати одного года отъ роду, осчастливила своею особою и своимъ состояніемъ бывшаго члена парламента Достопочтенный Джонъ былъ въ то время не только разорившимся человѣкомъ, но съ исторіей его разоренія и его карьеры были связаны несчастныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ климатъ его родной страны показался ему, какъ говорится, „слишкомъ душнымъ“, а домъ его таршаго брата сдѣлался для него слишкомъ холоденъ. Дѣло въ томъ что лордъ Кендалъ просто не пожелалъ болѣе видѣться съ братомъ своимъ Джономъ.

Насчетъ послѣдняго разнеслась не совсѣмъ лестная, хотя и довольно обыкновенная и правдоподобная исторія. Въ ней была замѣшана молодая вдова, которой онъ оказывалъ боль-

шое вниманіе. Мистрисъ Лиддлей была моложе его и еще очень привлекательная женщина; но хотя состояніе ея было довольно велико, она находилась тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ двухъ страстей, разорившихъ ее наконецъ; она горѣла желаніемъ, въ первыхъ, увеличить богатство свое посредствомъ спекуляцій, а во вторыхъ, добыть, а если нужно, то и купить себѣ родство съ перствомъ. Какого рода вочимомъ могъ бы оказаться достопочтенный Джонъ Сень-Джонъ двумъ мальчишкамъ ея, объ этомъ она, кажется, мало беспокоилась; но какъ бы то ни было, ей пришлось дорого заплатить за надежды питаемыя ею. Деньги ея лопнули вмѣстѣ съ его неудачными спекуляціями, состояніе сына ея разстроилось, толстые дубы и вязы его парка были срублены, а восемь мѣсяцевъ спустя, находясь для поправленія обстоятельствъ своихъ въ Батъ, она имѣла удовольствіе прочесть въ *Times* объявленіе о бракосочетаніи Джона Сень-Джона съ вышеупомянутою миссъ Геткотъ. Какимъ образомъ миссъ Геткотъ рѣшилась выйти за человѣка потерявшаго свое состояніе, свою репутацію, свое мѣсто въ парламентъ и положеніе полковника въ аристократическомъ поакъ и успѣвшаго слустить все это черезъ годъ послѣ знакомства съ нею, этого я не знаю; знаю только что миссъ Геткотъ была молода и простовата и въ то же время упряма, какъ только могутъ быть упрямы очень глупыя женщины, вслѣдствіе чего бракъ ея съ симъ героемъ и совершился въ Парижѣ, въ капеллѣ Британскаго посольства, въ маѣ 1835 года. Не стану докучать читателю не всегда утѣшительными подробностями ихъ брачной жизни; довольно сказать что онѣ не содѣйствовали перемѣнѣ мнѣнія лорда Кендала касательно поведенія брата его, и что у четы этой было двое дѣтей—дочь, родившаяся въ Турѣ, Rue de la Scellerie, и окрещенная Анной, и сынъ, родившійся тоже въ Турѣ и получившій имя Филиппа Геткота.

Но какъ проходили за все это время дѣтство, отрочество и молодость Генри Сень-Джона, сына отъ перваго брака? Ребенкомъ ему приходилось довольно плохо, но затѣмъ жизнь его сложилась гораздо лучше, нежели можно было ожидать, благодаря добротѣ лорда Кендала, которому мальчикъ этотъ полюбился и который отправилъ его въ школу, вскорѣ послѣ смерти его матери. Школа эта оказалась удовлетворительною; лордъ Кендалъ, разумѣется, платилъ за мальчика, но когда мистеръ Джонъ выросъ изъ-подъ опеки весьма почтенной дамы въ домъ

которой онъ жилъ три года, въ воспитаніи его наступило тяжелое междуцарствіе. Время это было проведено имъ во Франціи, гдѣ юный джентльменъ приобрѣлъ навѣкъ къ иностраннымъ языкамъ, отличавшій его въ позднѣйшіе годы, но въ то же время онъ могъ бы научиться тамъ и многимъ другимъ, менѣе желательнымъ вещамъ, какъ отъ отца своего, такъ и отъ товарищей послѣдняго, еслибы лордъ Кендалъ снова не вмѣшался въ дѣло и снова не купилъ бы себѣ права злѣдить за воспитаніемъ мальчика. Появленіе на сцену миссъ Геткотъ подало, правда, поводъ ко временному по крайней мѣрѣ измѣненію ихъ семейной жизни, но лордъ Кендалъ все еще запрещалъ своему брату входить въ домъ свой, а отецъ и матица были, несмотря на это условіе, вполне готовы сдать на руки перу своего сына, бывшаго вѣроятнымъ наслѣдникомъ его титула и имѣнія.

Лордъ Кендалъ былъ холостякъ, вѣчно погруженный въ книгу, ученый и настолько ревностный отшельникъ что, по его приказанію, всѣ окна его дома были задѣланы съ одной стороны нижняго этажа, изъ опасенія что къ нему стануть заглядывать мальчишки садовника или булочника; жизнь его была настолько же проста насколько одинока. Онъ держалъ секретаря, толстаго клепера и большихъ собакъ, которыми долго гордился Гёрст-Рояль; носилъ бархатную шалочку, курить не переставая и жилъ въ деревнѣ не потому что умѣлъ отличить поросенка отъ коровы и гадюку отъ рѣпы, но потому что любилъ чистый воздухъ, большія комнаты, ночную тишину, а днемъ ученый досугъ. Въ политическомъ отношеніи онъ называлъ себя торіемъ, былъ приверженцемъ церкви въ теоріи, но не на практикѣ, ибо никогда не посѣщалъ церковнаго служенія, отъ котораго его оттолкнули еще въ раннихъ лѣтахъ плохая логика священника, кашель дѣтей и яркіе букеты старухъ. Много лѣтъ тому назадъ, когда братъ его Джонъ былъ избранъ въ представителя графства, онъ принималъ участіе въ политикѣ, но участіе это длилось не долго, поведение Джона Сень-Джона было уже черезчуръ недостойно, избиратели оказались людьми подкупными, а въ агентахъ нашлись недостатки поважнѣе тѣхъ которые поразили его въ священникахъ и въ приютскихъ дѣтяхъ. Онъ щедро одѣлывалъ благотворительныя учрежденія своего графства, но характеръ его принадлежалъ однако къ числу тѣхъ что зовутъ обыкновенно тяжелыми: тяжело было ему самому справляться съ характеромъ этимъ, очень тяжело было подъ часъ и сосѣдямъ ладить съ нимъ.

Тайною причиною холостой жизни лорда Кендала была ссора его съ единственною женщиною которую онъ когда-либо любилъ. Вина была на его сторонѣ, но несмотря на это (а можетъ-быть именно вслѣдствіе этого), онъ поддерживалъ эту ссору съ непреклонною твердостью, достойною лучшаго дѣла, такъ что послѣ того какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ заперъ двери своему брату, всѣ его интересы и привязанности ограничились бы до конца дней библиотекой, не существуя на свѣтѣ мистера Генри.

Такимъ образомъ, спало глубокимъ сномъ сердце отшельника, пока четырнадцатилѣтній мальчикъ не пришелъ пробудить его отъ сна и не оживилъ старый домъ, конюшни, паркъ, озеро и пруды звуками молодого голоса и молодыхъ шаговъ. Лордъ Кендалъ былъ къ нему чрезвычайно свисходителенъ. Онъ охотно клалъ въ сторону трудъ свой, *Жизнь великихъ людей*, родъ современнаго Плутарха, надъ которымъ онъ работалъ, чтобы взглянуть на содержаніе охотничьей сумки Генри, и даже началъ принимать живое участіе въ хорькахъ, въ чайкахъ и въ рогатыхъ жукахъ, тогда какъ бывало онъ не обращалъ никакого вниманія на этихъ представителей царства животныхъ. Онъ узналъ по опыту многія радости и заботы отеческаго сердца, и на долю его пало болѣе радостей нежели заботъ, потому что мальчикъ былъ хорошъ собой, кротокъ, правдивъ и уменъ. Существуетъ мнѣніе что подагра и сумашествіе перескакиваютъ иногда черезъ одно поколѣніе, съ тѣмъ чтобы появиться снова въ послѣдующемъ; такъ миновалъ достопочтеннаго Джона, къ его сыну, повидимому, перешли чувство чести, трудолюбіе и твердая воля перваго графа Кендала, законовѣда.

Гаррау и *Christ Church* закончили образованіе Генри, и затѣмъ лордъ Кендалъ купилъ своему племяннику мѣсто въ военной службѣ и подарилъ полку шотландскихъ гвардейскихъ стрѣлковъ прекраснѣйшаго малаго, когда-либо носившаго мундиръ ея величества, и весьма красиваго, должно прибавить: ростомъ выше средняго, стройный, правильно и соразмѣрно сложенный, онъ былъ очень хорошъ въ своемъ мундирѣ, а изъ-подъ медвѣжьяго мѣха его шалки видѣлись темно-голубые глаза, правильныя черты и чрезвычайно пріятный ротъ. Волосы его были такъ темны что казались почти червыми, но на щекахъ и надъ губами они принимали золотистый, русый оттѣнокъ. Голосъ у него былъ въ разговорѣ мягкій и благозвучный, но, вообще, онъ былъ довольно молчаливъ по

природѣ, хотя трудно было найти въ Лондонѣ человѣка менѣе застѣнчиваго. Онъ объяснялъ это тѣмъ что, будучи мальчикомъ, ему пришлось побѣждать въ себѣ застѣнчивость. Отношенія его къ дядѣ стоили ему сначала не малыхъ усилій, что было и не удивительно, ибо прежде нежели удавалось приобрести его расположеніе и убѣдиться въ немъ, лордъ Кендалъ долженъ былъ казаться всякому человѣкомъ внушающимъ страхъ. Также и отношенія Генри, по мѣрѣ того какъ онъ становился старше, къ отцу и къ матицѣ требовали со стороны его усилій другаго рода, и потому не мудрено что юношѣ прошедшему чрезъ такую школу въ собственной семьѣ жизнь въ обществѣ не представила большихъ затрудненій. У него было много врожденнаго *aplomb* и весьма мало тщеславія. Ему хотѣлось быть добрымъ солдатомъ, хотѣлось современемъ получить начальство надъ своимъ полкомъ, а затѣмъ, когда-нибудь гораздо поздне, сдѣлаться третьимъ графомъ Кендалемъ и занять мѣсто въ палатѣ лордовъ, такъ какъ званіе представителя графства было, какъ онъ хорошо зналъ, навсегда закрыто для сына его отца. А пока ему хотѣлось занять мѣсто въ свѣтѣ. Увы! Не мало каменистыхъ утесовъ предстояло ему перейти прежде нежели онъ завоевалъ себѣ ту честную и покойную будущность для достиженія которой ему, казалось, слѣдовало лишь работать да выжидать времени.

ГЛАВА II.

О семейныхъ дѣлахъ.

Nine times of ten it is over the Bridge of Sighs, that we pass the narrow gulf from youth to manhood.

Lord Lytton.

Смерть, разрѣшающая всѣ загадки тому кого она настигаетъ, часто задаетъ цѣлый рядъ новыхъ загадокъ переживающимъ его ближнимъ, и когда смерть прекратила наконецъ земное поприще Джона Сень-Джона, то оказалось что онъ назначилъ своего брата и старшаго сына душеприкащиками своими и опекунами своихъ двухъ младшихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого въ Гёрстъ-Рояль былъ созванъ семейный совѣтъ, на которомъ было обсуждено много и смутныхъ, и смущающихъ обстоятельствъ.

Послѣдніе два года своей жизни Джонъ Сень-Джонъ провелъ съ семьей своей въ Брайтонѣ. Дочери его Анни было двѣнадцать лѣтъ, сыну Филиппу одиннадцать. Мать ихъ женщина слабаго здоровья, нашла въ Брайтонѣ общество пришедшееся ей по душѣ. Можетъ-быть выраженіе по „душѣ“ слишкомъ сильно для того чтобъ его можно было примѣнить къ нравственнымъ и психическимъ движеніямъ Альбиніи Сень-Джонъ, итакъ скажемъ лучше что оно пришлось ей „по вкусу“; вкусы же влекли ее къ проповѣдникамъ, къ модисткамъ, къ докторамъ и къ пустымъ щеголямъ. Щеголей она предпочитала всѣмъ другимъ; священниковъ, модистокъ и докторовъ цѣнила по мѣрѣ того насколько къ ихъ прочимъ добродѣтелямъ и качествамъ примѣшивался элементъ щегольской пустоты. Въ Лондонѣ какая-нибудь жена бывшаго члена парламента съ титуломъ „достопочтенная“ не имѣетъ никакого значенія, но въ Брайтонѣ имѣетъ большое, и потому, оставшись вдовой, мистрисъ Сень-Джонъ рѣшила поселиться навсегда у этихъ мутныхъ водъ, въ виду этого пестраго гулянья.

Послѣ похоронъ брата, лордъ Кендаль въ первый разъ рѣшился на свиданіе со своею невѣсткой. Недѣль семь спустя послѣ печальнаго торжества, онъ собрался хорошенько съ духомъ и отправился вдвоемъ съ племянникомъ своимъ въ Брайтонъ, гдѣ мистрисъ Сень-Джонъ была занята невыразимо комичными приготовленіями къ его пріѣзду.

Она питала инстинктивный страхъ къ перу, бывшему главой ихъ дома и державшему въ почтительномъ отдаленіи достойнаго супруга ея, съ той самой поры, какъ она имѣла счастье познакомиться съ послѣднимъ; но, съ другой стороны, она питала также инстинктивное предпочтеніе къ обществу мужчинъ, вслѣдствіе чего она и вооружилась цѣлою батареей чаръ, и затѣмъ сдѣлала съ помощью ихъ весьма рѣшительный приступъ на брата своего покойнаго мужа. Лучше всего было то что лордъ Кендаль, будучи чрезвычайно положительнымъ человекомъ въ этомъ отношеніи, поддался, повидимому, на эту удочку. Онъ видѣлъ всю ее насквозь, среди всѣхъ ея улыбокъ и слезъ, но въ то же время любовался ея голубыми глазами, ея мандалевидными ноготками, длинными лентами ея челчика и ея все еще очень красивою наружностью, со всѣмъ усердіемъ на которое она разчитывала. Генри Сень-Джона передергивало во время этой комедіи, и онъ внутренно радовался что дядѣ пришлось не часто видѣть мачиху его послѣ перваго вечера

посвященнаго на парадную выставку горя и издѣчества, въ высшей степени томительную для него. Во время втораго свиданія разговоръ мистрисъ Сень-Джонъ принялъ болѣе свѣтскій и откровенный характеръ,—предметомъ его она избрала не столько многочисленныя и разнообразныя испытанія своей супружеской жизни, сколько торжества и любви одержанныя ею въ дѣвухахъ. Лордъ Кендалъ слушалъ ее съ видомъ убѣжденія и придавалъ лицу своему выраженіе забавнаго сочувствія, при разказахъ о райскихъ и насильственныхъ кончинахъ ея жертвъ, утвердительно улыбаясь порою своею угрюмою улыбкой. Отъ этого предмета она перешла къ разговору о климатѣ. „Ничто не повѣритъ насколько одинъ климатъ дѣйствуетъ на расположеніе моего духа, а другой вредитъ моимъ нервамъ.“ О климатѣ Брайтона она не могла сказать ничего кромѣ хорошаго; „хотя, правда, дорогой мужъ имѣлъ несчастіе умереть отъ него“. „Вы должны быть очень благодарны этому климату, сударыня“, замѣтилъ лордъ Кендалъ съ серьезнымъ видомъ, кланяясь ей, а она, не разобравъ насмѣшки въ его словахъ, отвѣчала что это правда и что она надѣется остаться здѣсь. Но тутъ его сіятельство, предпославъ сухое „гмъ“, пустился въ разговоръ о содержаніи дома и затѣмъ нѣсколько внезапно сообщилъ ей результатъ сообщеній и совѣщаній происходившихъ въ это утро между нимъ, Генри Сень-Джономъ и ихъ повѣреннымъ. Онъ началъ съ того что предложилъ ей очень щедрую сумму на ея содержаніе, обѣщая выдавать сумму еще большую на воспитаніе дѣтей своего брата, независимо отъ того что онъ давалъ капитану Сень-Джону. Затѣмъ зашла рѣчь объ устройствѣ ихъ жизни. Оказалось что два различныя хозяйства едва ли можно будетъ содержать на средства предоставленныя имъ семьѣ, и потому домъ въ Брайтонѣ надо было отдать внаймы, а можетъ-быть и продать,—вся семья должна была жить однимъ домомъ въ Лондонѣ, а Филиппа слѣдовало помѣстить въ школу.

Неудовольствіе мистрисъ Сень-Джонъ при вѣсти объ этомъ планѣ не сильнѣе было досады ея пасынка въ минуту когда онъ впервые узналъ объ этомъ. Но часовъ двѣнадцать размышленія, убѣдивъ его въ томъ что подробности этой жизни окажутся на дѣлѣ еще неприятнѣе чѣмъ представлялись, убѣдили его въ то же время что планъ этотъ единственный вѣрный и удобоисполнимый. Мистрисъ Сень-Джонъ не было предоставлено никакого уча-

стія въ опеку надъ ея двумя дѣтьми, и потому одинъ изъ опекуновъ долженъ былъ взять на себя обязанность заботиться ими, стараясь распорядиться какъ слѣдуетъ деньгами выдаваемыми лордомъ Кендалемъ на воспитаніе ихъ. Придется жить всѣмъ вмѣстѣ, однимъ домою—дѣлать нечего. Анни была милой ребенокъ, и Филиппъ могъ бы быть такимъ же, не постарайся его матушка всѣми силами избаловать того кого она величала теперь „последнимъ залогомъ любви своего дорогаго мужа“. Его слѣдовало отдать въ школу, согласно желанію лорда Кендала, и хотя мистрисъ Сень-Джонъ уступила этому желанію, но будь она предоставлена самой себѣ, едва ли бы рѣшилась она на такой ужасный шагъ. Итакъ, они должны были отправиться въ Лондонъ, рѣшилъ лордъ Кендалъ, и они дѣйствительно отправились туда; Филиппа отослали вскорѣ послѣ того въ Мальборо, а для сестры его были взяты наставница и учителя.

Поселились они въ домѣ на верхнемъ концѣ Кадоганъ-пласа. Генри Сень-Джонъ занялъ тамъ двѣ комнаты и въ двадцать семь лѣтъ сталъ отцомъ порядочнаго семейства, какъ онъ выражался, не говоря уже о томъ что ему пришлось исполнять въ то же время должность совѣтника, опекуна и мажордома при мистрисъ Сень-Джонъ.

Не было сомнѣнія что перемена эта не нравилась ей, и, весьма вѣроятно, она не долубливала своего пасынка. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль она только и дѣла дѣлала что толковала всѣмъ своимъ брайтонскимъ знакомымъ объ этихъ планахъ: какъ лордъ Кендалъ предложилъ ей то-то, какъ лордъ Кендалъ устроилъ это-то и т. д.; имя лорда Кендала повторялось на каждомъ второмъ словѣ ея, *ad nauseam*. Все это было прекрасно, положимъ, но въ дѣйствительности оказалось далеко не такъ привлекательнымъ, и Генри Сень-Джонъ проявилъ въ себѣ, при болѣе близкомъ знакомствѣ, непріятное сходство съ своимъ дядей; не съ тѣмъ лордомъ Кендалемъ которымъ она любила хвастаться; но съ тѣмъ который всегда самъ исполнялъ свой долгъ и требовалъ и отъ другихъ исполненія ихъ обязанности; который былъ щедръ на фунты, но требовалъ точнаго отчета въ пенсахъ, предпочиталъ дѣло словамъ, имѣлъ сухую привычку отстранять отъ всякаго довода всѣ софизмы, парадоксы и крючки и требовать по возможности ясныя „потому“ въ отвѣтъ на кратчайшія „отчего“?

Анни Сень-Джонъ любила своего своднаго брата и была

можетъ-быть единственною особою въ домѣ питавшею къ нему расположеніе. Она не боялась его, садилась на ручку его кресла, играла ему по вечерамъ хорошенькія гѣсенки, приготовляла ему завтракъ, разглаживала ему газеты и водворяла въ комнатахъ его нѣчто похожее по крайней мѣрѣ на порядокъ. Анни была не хороша собой, но жива и правдива, и мистрисъ Сень-Джонъ чувствовала что дочь ея стоитъ на непріятельской сторонѣ, всякій разъ какъ какая-нибудь важная неточность въ дѣлахъ или платежахъ приводила ее въ смущеніе предъ глазами пасынка. Дѣйствительно, она подвергала его терпѣніе не малымъ испытаніямъ. Ея непреклонная холодность наединѣ съ нимъ, ея сладкорѣчивость въ присутствіи другихъ, ея глухая ужимки въ обществѣ мушницъ, ея не менѣе глухая трусливость на улицѣ, ея беспорядочность и расточительность, ея вѣчныя дразги съ прислугой, ея причуды касательно здоровья и лица, ея видимое пренебреженіе къ дочери — все это вмѣстѣ могло бы истощить терпѣніе человѣка и постарше и поопытѣе его. Но Генри Сень-Джонъ находился тутъ, какъ онъ кратко выражался, „при дѣлѣ“, и отъ дѣла своего онъ не отступалъ, сдерживая себя насколько возможно и стараясь изо всѣхъ силъ отдалять свою маленькую сестру отъ вліянія всѣхъ глупостей ея матери. Онъ часто ходилъ съ ней гулять, читалъ ей вслухъ; потомъ лордъ Кендалъ подарилъ ей лошадей, и они стали выѣзжать вмѣстѣ, и когда Анни выросла и преобразилась въ высокую, граціозную дѣвушку, ея любовь и благодарность къ нему сдѣлали семейную жизнь его менѣе тяжелою. Въ тридцать два года капитанъ, а теперь уже полковникъ, Сень-Джонъ сталъ совершенно семейнымъ человѣкомъ. Всѣ удивлялись ему и восхищались имъ, а лондонскія матушки, долго дивившіяся почему онъ не женится, рѣшили что онъ не сдѣлаетъ этого пока не пристроитъ свою сестру.

Семь или восемь лѣтъ тому назадъ, Генри Сень-Джонъ возымѣлъ было желаніе жениться, и выборъ его палъ на дѣвушку изъ его собственнаго графства. Но воспоминанія о поведеніи его отца преслѣдовали его тамъ. Лордъ Кендалъ былъ недоволенъ его выборомъ, семья молодой дѣвушки была непривѣтлива, а наконецъ, и сама красавица измѣнила ему, такъ что все дѣло это кончилось разочарованіемъ и горемъ. Ему не легко было переломить себя. Онъ былъ неспособенъ замѣнить коварнаго кумира своего другимъ и разыгрывать снова, таскаясь по лондонскимъ раутамъ и баламъ, пре-

люди и прологи вѣжливой страсти, а вскорѣ къ тому же и смерть отца наложила на плечи его новое бремя заботъ. И какъ всегда случается въ нашемъ злополучномъ мѣрѣ, одна забота смѣнила другую. Генри Сень-Джонъ, выѣзжавшій въ свѣтъ въ 1853—54 годахъ съ своей сестрой, былъ человѣкъ съ совершенно свободнымъ сердцемъ; общественное положеніе Анни было упрочено, но оставался еще Филиппъ, теперь уже выросшій и вступившій на „житейское поприще“, если судить по тому какъ онъ успѣлъ распорядиться съ выдаваемыми ему деньгами. Лордъ Кендалъ опять заплатилъ все что нужно и купилъ юношѣ мѣсто въ гренадерахъ гвардіи, гдѣ онъ, ко всеобщему удивленію, выдержалъ экзамень. Онъ пустился въ лондонскій свѣтъ, считаясь какъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ мистрисъ Сень-Джонъ, прекраснѣйшимъ изъ смертныхъ. Онъ былъ похожъ на мать. У него были ея бѣлокурые волосы, красивые голубые глаза и такой прекрасный бѣло-розовый цвѣтъ лица что изъ него вышла бы молодая дѣвушка гораздо лучше въ этомъ отношеніи бѣдной Анни, наследовавшей смуглое лицо покойнаго Джона. Но красивую наружность его портило порядкомъ надутое выраженіе лица и избытокъ самообожанія, повредившаго бы даже самому Нарцису. Болѣе расточительнаго юношу невозможно было найти на свѣтѣ. Главнымъ горемъ его жизни, тайнымъ горемъ, разумѣется, ибо даже сама мистрисъ Сень-Джонъ была не настолько глупа чтобъ онъ избралъ ее своею повѣренной въ этомъ—было то что онъ родился вторымъ, что никакія желанія не въ силахъ ни сдѣлать его наследникомъ графскаго титула, ни доставить ему увѣренность что „жаренные голуби будутъ летать ему прямо въ ротъ“, какъ говорятъ Нѣмцы. Это правда; но онъ не настолько же былъ убѣжденъ въ истинѣ что ему не слѣдовало докупать того за что заплатить онъ не въ состояніи и бросать червонцами тогда, когда въ распоряженіи у него находились лишь шиллинги. Филиппъ уже давно придерживался правила „протягивать ножки не по одежкѣ“, и замѣчательнымъ примѣромъ этого могъ служить случай бывшій съ нимъ въ школѣ въ Мальборо, когда онъ былъ еще четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Онъ купилъ себѣ пони. Гдѣ онъ досталъ его и чѣмъ заплатилъ за него, объ этомъ исторія умалчиваетъ; но можно приблизительно догадаться какъ онъ устроилъ это дѣло, руководствуясь тѣмъ фактомъ что онъ получалъ въ недѣлю по два шиллинга карманныхъ денегъ. Часть этой суммы назначалась на содержаніе пони и на наемъ стойла, въ которомъ

омъ скрывалъ животное. Не знаю, питаніе ли пряниками и конфетами оказалось не въ пользу лошади, или же, что весьма вероятно, хозяинъ ея вовсе забылъ кормить ее, но только въ одинъ прекрасный день бѣдное голодное животное, съ высушившимися ребрами, съ дрожащими копытами и съ болтающею на костяхъ шкурой, было представлено негодующимъ взорамъ доктора Колеязо, приказавшаго пристрѣлить пони, а мальчика высѣчь.

Къ несчастію, этимъ не ограничились опыты Филиппа касательно конской породы, и такимъ образомъ случилось то что наканунѣ отправленія его въ Крымъ съ него потребовали нѣкоторую сумму въ уплату сдѣланныхъ имъ долговъ. Эти-то долги и служили предметомъ разговора двухъ братьевъ, разговора о которомъ мы упоминали на первой страницѣ этой книги.

— Деньги будутъ уплачены, сказалъ старшій братъ, а будутъ ихъ полковникъ Сень-Джонъ и полковникъ Альфредъ Ньюболдъ, товарищъ его, посвященный, нѣкоторымъ образомъ, въ ихъ семейныя дѣла и только-что испросившій себѣ право знать ихъ.

Она только-что обручилась съ Анни Сень-Джонъ, объявивъ о своей любви, прежде нежели вступить въ долговую и невольную разлуку съ нею и съ родиной.

Г Л А В А Ш.

Отъѣздъ.

Who could guess
If evermore should meet those mutual eyes.
Childe Harold.

Первая недѣля февраля пришла уже къ концу, а въ послѣднихъ числахъ оба брата и женихъ миссъ Сень-Джонъ должны были отправиться въ путь. Всѣ часы до ихъ отъѣзда были уже сочтены.

Теперь, когда я вспоминаю о тѣхъ февральскихъ дняхъ, о тѣхъ прощаніяхъ, о всѣхъ кто переступилъ тогда въ послѣдній разъ родной порогъ, о всѣхъ смертельно блѣдныхъ лицахъ и всей невыразимой скорби разлуки, разнесшейся въ этотъ мѣсяцъ по Британіи, во всю длину и ширину ея, глаза мои, несмотря на протекшіе съ той поры годы, подергиваются сле-

зѣми, и скорбь та кажется все еще не отболѣвшюю; почему мнѣ и трудно распространяться объ этомъ времени.

Въ четыре часа утра, въ среду 22 февраля, при свѣтѣ фонарей и при звукахъ полковой музыки, гренандеры гвардіи выступили изъ казармъ Св. Георгія, а съ ними и Филиппъ Сень-Джонъ, державшій одно изъ знаменъ ихъ. Мать его, лежавшая въ эту минуту на полу своей комнаты, лицомъ къ землѣ, и молившая за него Бога, во все время сѣрой и безотрадной зари этого дня, была все-таки достойна сожалѣнія и все-таки мать, несмотря на свой взбалмошный характеръ. Любимецъ ея сердца покидалъ ее; когда и какъ воротится онъ снова къ ней?

Анни предстояло еще перенести самое тяжелое, потому что при отплытіи гвардейскихъ войскъ гренандеры выступили первыя. Въ шесть часовъ утра поѣздъ ихъ двинулся изъ Ватерлооской станціи, и не успѣлъ еще придти къ концу короткій февральскій день, какъ три большіе парохода приняли драгоценный грузъ свой, и затѣмъ, слѣдуя по порядку (сначала *Манилла*, затѣмъ *Бипонъ*, а потомъ чрезъ два часа и *Ориноко*), вышли въ Соутгэмптонскую гавань, а на слѣдующее утро пустились въ море.

Но шотландскіе гвардейскіе стрѣлки находились все еще въ Лондонѣ, гдѣ и должны были остаться до слѣдующаго вторника. Послѣдняя недѣля ихъ пребыванія тамъ была полна хлопотъ и суеты. Смотръ въ Веллингтонскихъ казармахъ, куда принцессы—мать и сестра, пришли взглянуть на принца-солдата въ вооруженіи, обѣдъ данный въ честь этого же принца членами клуба Вейта и разныя другія обязательства заняли всѣ послѣдніе дни полковника Сень-Джона и полковника Ньюбольда.

— При первомъ же затрудненіи обратись прямо къ лорду Кендалю и не дождайся втораго. Да благословить тебя Богъ, милая моя, береги себя и будь умною дѣвочкой, лиши мнѣ. Таковы были послѣднія слова брата къ Анни Сень-Джонъ. Что касается до послѣднихъ словъ жениха ея, то можетъ-быть она не желаетъ чтобы я повторилъ ихъ, а вы слышали; сказаны они были ей на лѣстницѣ, и затѣмъ оба разошлись. Было 11 часовъ пополудни, и когда молодая дѣвушка побѣжала наверхъ въ свою комнату, то увидѣла при свѣтѣ фонаря хлопья падающаго снѣга, успѣвшаго уже покрыть бѣлою пеленой ступени и порогъ, на которомъ только-что стояли они.

Было ли это хорошее или дурное предзнаменованіе?

Читатели мои помнятъ можетъ-быть 27е февраля и королеву,

окруженную своими дѣтми, дѣлавшую смотрѣ стрѣлкамъ шотландской гвардіи, предѣ главнымъ входомъ Букингамскаго дворца. Все что еще не проснулось и не было на ногахъ въ Вестминстерѣ должно было встрепенуться при взрывѣ торжественныхъ криковъ, которыми она была встрѣчена, при громкихъ звукахъ полковой музыки и возгласахъ толпы, раздававшихся въ то время какъ полкъ проходилъ черезъ Мелль, черезъ Трафальгаръ-скверъ, черезъ Страндъ и Ватерлооскій мостъ. На Серрейской сторонѣ ждали его новыя привѣтствія, новыя рыданія и новое ура. Затѣмъ поѣзды тронулись; на одномъ изъ нихъ войска доѣхали до Портсмута, гдѣ ихъ ждалъ пароходъ *Силмунъ*, и 1го марта, полковникъ Сень-Джонъ и полковникъ Ньюболдъ взглянули въ послѣдній разъ на Англію.

Что касается до полковника Ньюболда, откровеннаго и простосердечнаго малаго, то ему казалась очень тяжела разлука съ „дѣвушкой которую онъ оставилъ на родинѣ“, и онъ былъ очень грустенъ въ продолженіи первыхъ часовъ. Товарищъ его былъ, можетъ-быть, еще болѣе достоинъ сожалѣнія, ибо онъ увидалъ какое важное мѣсто занималъ уже въ сердцѣ Анни Сень-Джонъ будущій мужъ ея, и зналъ что о немъ собственно никто особенно не горевалъ, исключая отшельника въ Герстъ-Роаль.

Г Л А В А IV.

О матушкѣ Москвѣ, и о тамошнихъ семейныхъ дѣлахъ.

A daughter of the gods, divinely tall
And most divinely fair.

Tennyson.

Il fu che truis uns Chevaliers
Joueeenes biaux, coïntes, fors et fiers.

Старая французская пѣсня: *D'un Chevalier qui aimoit une Dame.*

Въ саду стараго дома на Тверской улицѣ, въ Москвѣ, вечеромъ въ началѣ лѣта 1854, стояли рядомъ юноша и молоденькая дѣвушка. Обѣдъ уже кончился, а *reunion*, назначенное въ этотъ вечеръ въ домѣ князя Михаила Замятина, еще не началось. Дѣвушка эта была единственная дочь его, княжна Вѣра; юноша, его крестникъ, родственникъ и опекаемый, молодой графъ Алексѣй Дмитриевичъ Зотовъ. Оба они были заняты

другъ другомъ, да еще большою пушкой, съ зеленымъ расписаннымъ лафетомъ, занимавшей средину террасы, а слуги, головы которыхъ показывались порой изъ дверей и оконъ, были заняты и пушкой и молодою парочкой; послѣдняя, по крайней мѣрѣ, вполне заслуживала вниманія. Вѣра Замятина, одѣтая вся въ бѣлое, держала въ одной рукѣ бѣлый платокъ изъ мягкаго вязанія, брошенный на нее при выходѣ изъ дома ея спутникомъ, а другой рукой поглаживала иногда блестящій стволъ пушки, прислонясь къ которому стоялъ ея собесѣдникъ. Ей было шестнадцать лѣтъ, она была высока ростомъ и бѣлокура, чрезвычайно тонка и нѣжно сложена и напоминала собою тѣ экзотическія растенія что требуютъ постоянно влажной, теплой и свѣтлой температуры, и лишь въ ней одной развертываютъ свои бѣлые, нѣжные какъ воскъ лепестки и развиваются въ полной крашѣ и въ полномъ благоуханіи.

Алексѣй былъ старше ея слишкомъ тремя годами, и былъ влюбленъ въ нее; весьма возможно было что черезъ нѣсколько лѣтъ брачный союзъ увѣнчаетъ надежды и желанія ихъ семействъ. Они находились между собой лишь въ дальнемъ родствѣ, но мальчикъ и дѣвочка были близки другъ съ другомъ съ дѣтства. Графъ Алексѣй, вышедши изъ Пажескаго корпуса, не зналъ какую карьеру ему выбрать, но война рѣшила вопросъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ наборѣ ополченія. Война призываетъ на поле битвы молодаго ратника, полкъ его выступалъ завтра изъ Москвы, а сегодня онъ пришелъ проститься со своею прекрасною кузиной.

Вокругъ нихъ все говорило о войнѣ. За обѣдомъ только о ней и было разговоръ, какъ между старыми такъ и между молодыми военными; толковали о пушкѣ, только-что подаренной войску княземъ Михаиломъ Замятинымъ, объ ополченскомъ полку набранномъ въ Московской губерніи, въ которомъ былъ зачисленъ и Алексѣй; часть полка этого была составлена изъ его же крестьянъ, и завтра онъ долженъ былъ, получивъ благословеніе митрополита, двинуться въ Одессу.

Юноша былъ воодушевленъ пылкими мечтами славы.—Вѣра увидитъ, говорилъ онъ, Царь увидитъ, вся святая Русь и матушка Москва увидятъ какъ отличится полкъ ихъ. Настоящій русскій полкъ, шедшій подъ предводительствомъ русскихъ бояръ на защиту праваго дѣла. — Это не то, говорилъ онъ, — что какой-нибудь новомодный германизированный полкъ съ иностраннымъ названіемъ, и пожалуй еще съ офицерами

иностранцами, какъ бываетъ зачастую въ нашей арміи, съ Нѣмцами и Поляками и Богъ знаетъ съ кѣмъ. Я люблю во всемъ русское; а вы?

— И я тоже, отвѣчала Вѣра, смотря на небо, на которомъ, возвышаясь надъ кровлями домовъ, рисовались колокольни безчисленныхъ церквей Москвы. Она поглядѣла съ минутой на стаю птицъ, кружившихся вокругъ одной изъ нихъ, и затѣмъ продолжала. — И я тоже люблю все русское; да я думаю и солдатамъ это пріятно.

— Разумѣется; нѣтъ ни одного солдата который бы не называлъ меня просто „батюшкой“. Ахъ, вы увидите какъ мы отличимся, Вѣра; какъ мы воротимся съ серебряными трубами, какъ бывало Н—скій полкъ, и съ георгиевскимъ знаменемъ; а пожалуй, будь это теперь въ модѣ, то и въ красныхъ чулкахъ, какъ Черниговскій полкъ, ходившій при Полтавской битвѣ по колено въ крови.

— Ахъ, нѣтъ, Алѣша; я надѣюсь что вы воротитесь съ серебряными трубами, но не въ красныхъ чулкахъ. Мнѣ бы это не понравилось,—право не понравилось бы. Это вѣдь бойня, а не война.

— Но разъ человѣкъ берется за какое-нибудь дѣло, онъ долженъ быть готовъ на все. Я на все готовъ. И Алексѣй принялъ весьма воинственный видъ и былъ очень хорошъ въ эту минуту, а кузина его улыбнулась ему и тряхнула золотистыми кудрями, въ негодованіи на неприятныя подробности о красныхъ чулкахъ.

— Я все-таки очень рада, Алѣшинька, что ты ѣдешь на войну.

— Какъ можешь ты говорить это, Вѣра, зная какъ мнѣ тяжело расставаться съ тобой!

— Ты знаешь что я не то хотѣла сказать, Алѣша. Я хочу сказать что я рада что ты тоже сталъ въ ряды нашихъ ратниковъ, что ты не остаешься здѣсь лаять по баламъ, тогда какъ вся Россія обливается кровью. Каждый долженъ былъ бы принять участіе въ этой войнѣ, даже и женщины.

— Разумѣется я только и могъ бы быть солдатомъ въ такое время какъ теперь, а путешествія, которыя по мнѣнію ма-тушки, я долженъ былъ бы любить, потому что отецъ любилъ ихъ, казались мнѣ всегда очень скучными, по крайней мѣрѣ когда развѣзжаешь по свѣту одинъ. Я не думаю что у менѣ

когда-нибудь хватить терпѣнія съѣздить назадъ и впередъ въ Иерусалимъ, подобно ему.

— Нѣтъ, ты завоюй намъ сперва Святыя Мѣста, а потомъ будетъ довольно времени поѣхать поклониться имъ, когда они будутъ уже наши, будутъ кулены русскою кровью. Ахъ, Алѣша, храбрость лучше любознательности; она идетъ сейчасъ же вслѣдъ за молитвой.

— Нѣтъ, она предшествуетъ ей, душенька, потому что человекъ можетъ въ одно время и молиться и сражаться. Да, я займусь сперва этимъ, а тамъ стану и путешествовать, только ужъ не одинъ, потому что никогда не могъ себя вообразить прелести путешествія наединѣ съ самимъ собою.

— Ну, теперь у тебя будетъ много товарищей, вы отправитесь вмѣстѣ со многими полками, и съ вами будетъ и музыка, и иконы и знамена.

— Да, конечно; но я хотѣлъ сказать что когда мы обвиняемся, Вѣра, то будемъ путешествовать вдвоемъ.

Вѣра покраснѣла и засмѣялась.

— Мама сказала бы что мы опять собираемся въ путешествіе на луну; она часто напоминаетъ мнѣ, когда я пускаюсь въ мечтанія, что для этой страны еще не изданъ *Guide Baedaecker*. А пока Одесса кажется мнѣ очень далеко отсюда, не правда ли?

— Да и кто знаетъ, ворочусь ли я домой? Вѣра, если я буду убитъ, ты не должна забывать меня.

— Я буду молиться за тебя, и буду всегда помнить тебя, живаго и мертваго, милый Алѣша.

— Я буду нуждаться можетъ-быть въ твоей памяти, потому что, кто знаетъ, возвращусь ли я. Я могу быть убитъ въ первомъ же сраженіи, могу умереть и отъ горячки; а пожалуй что и ворочусь домой калѣвкой, безъ руки или безъ ноги; будешь ты тогда любить меня?

— Какая же можетъ быть разница отъ этого; развѣ то что мы будемъ еще больше гордиться тобой? Но очень можетъ-быть что ты воротишься домой съ руками и ногами, а меня найдешь умершей.

— О, милая Вѣра, ты вѣдь не сдѣлаешь этого?

— Нарочно, конечно, не сдѣлаю, Алѣша, смѣясь отвѣчала она, а вслѣдъ затѣмъ лица ихъ вдругъ затуманились и они взглянули другъ на друга.—Нѣтъ, мы не можемъ знать будущаго, задумчиво проговорила Вѣра, и глаза ея снова устремились

на небо, какъ бы желая прочесть въ синей и прозрачной глубинѣ его разгадку ожидающей ихъ судьбы.— Не удивительнѣ ли всего то, начала она, — что судьба наша, какая бы она ни была, уже рѣшена; она вѣрна, она ждетъ насъ, она уже готова постигнуть насъ и идетъ къ намъ навстрѣчу въ эту самую минуту, и мы не можемъ избѣгнуть ея.

— А каждый шагъ дѣлаемый нами приближаетъ насъ къ смерти. „Пути славы ведутъ насъ лишь къ могилѣ“, сказалъ одинъ изъ англійскихъ поэтовъ, кажется.

— Всѣ пути ведутъ къ ней, хотя нѣкоторые и не прямо и не такъ скоро. Когда мы съ Семеномъ родились, то странно что хотя близнецы и въ одно время являются на свѣтъ, но его ждала смерть, меня же жизнь, какой бы она ни оказалась въ послѣдствіи.

— Она будетъ полна свѣта и радости, если только ты позволишь мнѣ взять на себя ея устройство, дорогая моя Вѣра; и Алексѣй, отрезвленный отъ своихъ воинственныхъ мечтаній, хотѣлъ взять ея руку, въ ту минуту какъ къ нимъ подошелъ слуга.

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ,—княгиня Анна Федоровна приказали доложить вамъ что графиня Зотова у нихъ.

— Алѣша! Мы должны были бы уже давно быть въ гостиной. Что, локоны мои въ порядкѣ?

— Прелесть какъ хороши! У тебя такіе чудесные золотистые волосы, Вѣра, какихъ я еще никогда...

— Ахъ ты, негодный лстецъ! Но намъ надо бѣжать скорѣе; и схвативъ свою шаль, Вѣра полетѣла домой и скоро обогнала графа Алексѣя, которому, правду сказать, очень хотѣлось продлить еще это *tête à tête*.

На первой площадкѣ лѣстницы она остановилась, дожидаясь его.

— Хотя ты и военный человѣкъ, Алеша, а я, кажется, таки обогнала тебя, но теперь полетимъ вмѣстѣ и возьмемъ крѣпость штурмомъ; и схватившись за руки и напѣвая какой-то воинственный дуэтъ, они добѣжали до передней, гдѣ видъ стоявшей тамъ прислуги заставилъ Вѣру остановиться; однако она взошла въ гостиную съ блестящими еще глазами, полураскрытыми губами и быстро дышащею грудью, и подошла къ матери, сидѣвшей со вдовою графиней Прасковьей Борисовной Зотовой.

Княгиня Замятина пристально взглянула на свою дочь, и материнскому сердцу ея было отраднo убѣдиться что, судя по

свѣтлому и оживленному настроенію молодой дѣвушки, властитель ея сердца сидѣлъ еще легко на престолѣ своемъ. Она тревожилась насчетъ своей дѣвочки и съ радостью увидела что Вѣра вовсе не предастся отчаянію по случаю близкаго отъѣзда молодого графа Алексѣя. Вѣра была слишкомъ любимое и дорогое дитя, для того чтобы допускалась въ ней тоска по какомъ бы то ни было героѣ. Но все шло хорошо и всѣ восторги Вѣры, которыми она пылала послѣднія десять недѣль къ знаменамъ, полкамъ, молебствіямъ и героямъ, происходили лишь отъ невиннаго патріотическаго увлеченія.

Анна Федоровна, мать моей героини, была полу-шведскаго происхожденія; бѣлокурая, очень слабая женщина, для которой жизнь въ сѣверномъ климатѣ, несмотря на чисто сѣверное происхожденіе ея, была лишь нескончаемою пыткой; въ тридцать семь лѣтъ она была сильно изувѣчена ревматизмами, и рѣдко покидала свой диванъ, исключая развѣ тогда, когда ее переносили изъ ея *salon* къ новымъ страданіямъ на постель ея. Но въ этомъ страждущемъ и изувѣченномъ тѣлѣ жилъ сильный, почти геройскій духъ, и хотя страданія вырывали у нея иногда стонъ, но за то никогда не доводили ее до ролота, а всей цѣлью жизни княгини было сохранить себя для попеченій о своей дочери.

— О, что за день будетъ завтра! воскликнула Вѣра, становясь на колѣны у дивана, глядя руки матери и смотря въ ея нѣжное лицо.—Что за день! Мы увидимъ какъ преосвященный Филаретъ будетъ благословлять нашу родной полкъ!

— Тише, дитя мое, прервала ее княгиня,—ты забываешь что доброй тетюшкѣ твоей Прасковѣ Борисовнѣ придется тогда расстаться съ ея сыномъ.

— Ахъ, тетя Паша, мнѣ такъ жаль васъ, но мы всѣ пойдемъ провожать его, а когда онъ уѣдетъ, будемъ ухаживать за вами. Alexis, расскажите-ка что вы говорили сейчасъ о серебряныхъ трубахъ.

Алексѣй придвинулъ съ довольнымъ видомъ свой стулъ къ графинѣ Зотовой и сталъ говорить ей что-то въ утѣшеніе. У бѣдной женщины были слезы на глазахъ.

— Я знаю что опасность есть вездѣ, здѣсь какъ и тамъ, среди мира какъ и на полѣ битвы — и Господь, сохранившій покойнаго мужа моего Дмитрія Григорьевича, на пути его въ

Иерусалимъ, можетъ воротить ко мнѣ и моего сына. Но ты смотри, береги себя, Алѣшинька, и не промочи себѣ какъ-нибудь ноги.

Не услѣвъ Алексѣй отвѣтить ей, какъ къ ней подошелъ старый генераль, князь N, и началъ говорить ей о наградахъ и почестяхъ ожидающихъ ея сына. Алексѣй былъ героемъ этого вечера. Онъ очень хорошо и мило игралъ свою роль, тѣмъ болѣе что если, съ одной стороны, сердце его горячо билось надеждой и новымъ для него ожиданіемъ чего-то необыкновеннаго, то съ другой стороны, ему тяжело было разставаться съ матерью и съ кузиной, бывшей почти его невѣстой. Вѣра, какъ бы еще не пробудившаяся къ полному сознанію любви и тревоги, была взволнована не менѣе его, и матери ея пришлось въ свою очередь слышать не мало лестныхъ замѣчаній насчетъ красоты ея дочери — красоты, сіявшей любовью къ родинѣ и жаромъ чувства, если не гордостью. Глаза ея становились какъ бы больше и синева ихъ темнѣе, а къ этому присоединялась еще вся прелесть простоты; она не знала и не замѣтила что въ этотъ вечеръ ее провозгласили совершенною красавицей. Завтра—великое завтра—докажетъ что Алексѣй былъ тѣмъ чѣмъ она такъ желала видѣть его—героемъ.

Г Л А В А V.

„Гряди навстрѣчу славы“.

En vérité un tel peuple a pour boulevard sa poitrine, et sa fidélité est pour lui une tour de salut. (*La Pentarchie Européenne*).

Не успѣла заняться заря слѣдующаго дня, какъ вся Москва поднялась уже на ноги. Можно было подумать что въ ней должна была происходить какая-то огромная ярмарка, и никогда еще не казалась матушка Бѣлокаменная, какъ глазамъ смотрящимъ на нее лишь съ любопытствомъ и ожидавшимъ отъ нея лишь радостей, такъ и тѣмъ которые готовились сказать ей прости навсегда, такою прекрасною и горделивою, въ красѣ своихъ высокихъ башенъ и тысячи златоглавыхъ церквей. Но гордость, радость и исполненіе долга достаются не даромъ, и на

этотъ разъ они кулены были дорогою цѣной, цѣной горькихъ слезъ, проливаемыхъ какъ бѣдными женами и матерями солдатъ, не стѣсняящимися открыто выразить свое отчаяніе при отходѣ полка, такъ и высокопоставленными женщинами, плакавшими, подобно графинѣ Зотовой, въ тишинѣ и одиночествѣ. Послѣ очень ранняго завтрака Алексѣй простился со своими. „Алёша! дитя мое, вдовья утѣха моя, моя радость! душа моя!“ рыдала его мать; а Вѣра крѣпко сжимала его руки и краснѣла, между тѣмъ какъ онъ прижималъ ея руки безконечное число разъ къ своимъ губамъ. „Воротись скорѣе къ намъ“, закричала она ему вслѣдъ, махая платкомъ долго послѣ того какъ онъ вышелъ изъ дому. А потомъ были поданы экипажи, и вся семья поѣхала къ плацу, гдѣ долженъ былъ произойти смотръ полку, отслужено молебствіе и дано солдатамъ благословеніе митрополита. Замятинны отпавились въ открытой коляскѣ, а мать Алексѣя предпочла ѣхать въ маленькой закрытой каретѣ.

Молебствіе было отслужено въ палаткѣ, раскинутой на мѣстѣ смотра. Вслѣдъ за псалмами и торжественнымъ „Тебе Бога хвалимъ“, Филаретъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, выступилъ среди странной и невозмутимой тишины, предъ собравшимся войскомъ. Предъ лицомъ новаго царева полка, стоялъ онъ, низенькій, какъ бы уже отрѣшенный отъ міра сего человѣкъ, одѣяніе изъ золотой парчи не скрывало малаго роста его, также какъ и длинные волосы и борода не отнимали у головы его выраженія рѣшимости и мужества. Въ улыбкѣ его было что-то чарующее, а среди блѣднаго и безстрастнаго лица сіяли блѣдно-голубые глаза, полные необычайной красоты и необычайнаго огня. Глаза эти были не велики и обыкновенно полузакрыты, но когда они раскрывались, въ нихъ появлялась какая-то сила ясновидѣнія, все лицо казалось просвѣтленнымъ, а слабое и щедушное тѣло все какъ будто обращалось въ духъ и чувство.

Духъ его, глубокій, пронизательный и великій въ то же время, поработалъ, повидимому, все чтò оставалось въ немъ плоти. Несмотря на свой тихій, почти слабый голосъ, онъ пользовался славой удивительнаго краснорѣчія. Онъ пользовался также и всеобщю любовью, и народъ всегда стекался толпами чтобы получить его благословеніе; сегодня же огромная масса людей, какъ гражданъ такъ и военныхъ, собралась на полѣ, ожидая, съ затаеннымъ дыханіемъ, напутственныхъ словъ его.

Послѣ того какъ митрополитъ благословилъ поверженную предъ нимъ толпу людей, барабаны подняли бой, и при чудныхъ звукахъ пѣснопѣнія *Коль славенъ нашъ Господь въ Сионъ*, войско двинулось съ поля, въ сопровожденіи медленно слѣдующихъ за нимъ экипажей.

Дойдя до заставы, оно остановилось, и толпа двигавшаяся за нимъ была оттиснута назадъ, если возможно, еще большею толпой, хлынувшею ей навстрѣчу. Впереди находилось московское кулечество съ своимъ головой, привѣтствовавшее солдатъ хлѣбомъ и солью, между тѣмъ какъ простой народъ кланялся имъ въ ноги, благодаря за то что они шли защищать родную страну.

Наконецъ, давъ на себя наглядѣться вдоволь, полкъ исчезъ изъ глазъ народа. Алексѣй, молодой сотникъ, тоже покинулъ Москву, и къ мученіямъ разлуки присоединилась какая-то глухая тоска. Вѣра страдала менѣе прочихъ. Она была такъ молода, такъ преисполнена надеждъ, что мечтанія о побѣдѣ, которую должна была одержать Россія, ея святая вѣра и ея Алексѣй, занимали всѣ грезы ея.

Г Л А В А VI.

Инкерманъ.

Did ye not hear it? No, t'was but the wind
Or the car rattling o'er the stony street.

Childe Harold.

Прибывъ въ Одессу, Алексѣй написалъ роднымъ своимъ письмо дышавшее бодростью и счастіемъ. Городъ, говорилъ онъ, наполненъ войсками, къ которымъ присоединялись ежедневно большіе отряды изъ приднѣвскихъ провинцій. Холера сильна, но состояніе духа въ войскѣ превосходное. Когда вѣсти о предполагаемомъ вступленіи непріятеля въ Крымъ дошли до него, имъ овладѣло непреодолимое нетерпѣніе вступить на театръ войны, и мать его улыбалась и дрожала, читая письма своего Алѣши. Наконецъ, когда союзныя войска пристали къ Евпаторіи, настроеніе его вовсе не пострадало вслѣдствіе этого обстоятельства, еще болѣе разжегшаго въ немъ огонь патріотизма. Правда, говорилъ онъ,

непріятель вступилъ въ Крымъ, и случилось это какъ нарочно въ тотъ самый день въ который Наполеонъ взглянулъ на Москву съ Воробьевыхъ горъ: но не предвѣщало ли уже это одно—низверженіе врага? Каждая татарская рѣчка окажется новою Березиной, и мечи Русскихъ скоро отгонять союзниковъ снова къ морю, къ судамъ, принесшимъ ихъ на берегъ Херсонеса.

Когда битва при Альмѣ разрушила всѣ эти надежды, невозможно, правда, было убѣдить резервные полки что была одержана побѣда, а не понесено поражение, но за то легко было внушить имъ что пришло время, когда услуги ихъ стали необходимы, и ожиданіе близкой дѣятельности скоро снова ожидало молодого сотника. Полкъ его составлялъ часть шестнадцатой дивизіи, славился своею дисциплиною и знаніемъ военного искусства и былъ включенъ въ войско немедленно отправляемое къ Севастополю. Долгій путь лежалъ предъ Алексѣемъ и предъ его „сотней“, но онъ обѣщался писать домой, какъ скоро представится къ тому возможность. „Скажите Вѣрѣ“, писалъ онъ, „что знамя ея въ нашихъ рукахъ, и никогда, покуда мы живы, не перейдетъ оно въ руки врага. Завтра мы разовьемъ его и пойдемъ вслѣдъ за нимъ, на встрѣчу побѣды. Матушка, Вѣра, друзья, Алексѣй прощается со всѣми вами. Одесса, 4го октября, 1854.“

Походъ этотъ показался ему и полку его вдвое тяжеле, по случаю сильныхъ дождей, лившихъ съ самаго начала осени. Между тѣмъ какъ баталіонъ слѣдовалъ за баталіономъ, огромная масса пѣхоты покрыла собою всю дорогу, и Московскому ополченію пришлось въ свою очередь, при первомъ же знакомствѣ съ военною жизнью, ознакомиться и съ голодомъ, и съ усталостью и съ болѣзнями. Имъ пришлось познакомиться съ грустнымъ видомъ покинутыхъ жилищъ и умирающихъ товарищей, съ тоскливыми звуками человѣческихъ стоновъ и криковъ изнемогающихъ вьючныхъ животныхъ, однимъ словомъ, имъ пришлось узнать все, исключая страха или ропота. Всевозможныя средства къ передвиженію были заготовлены начальствомъ: татарскія арбы, мулы, повозки и фургоны всякаго рода, такъ что тѣ кого слабость и болѣзнь лишали возможности идти вмѣстѣ съ прочими, могли слѣдовать, въ которое время, по крайней мѣрѣ, за войсками; но когда и всѣ эти средства оказались недостаточными, то многимъ пришлось остаться на пути, и люди, также какъ и животныя, гибли

на дорогѣ, отъ изнеможенія, страданій и лишеній. Такъ шли они все впередъ, отъ Херсона до Перекопа, отъ Симферополя до прекраснаго Бахчисарая, мимо вершинъ Бельбека, мимо водопроводовъ Черной Долины и разваливъ Инкермана, пока не достигли наконецъ Севастополя, куда прибыли съ войскомъ способнымъ еще внушить своею многочисленностью новую бодрость защитникамъ его и оживить новымъ мужествомъ сердца осажденныхъ.

Подкрѣпленія прибыли въ Севастополь всѣ промокшія отъ сильныхъ дождей и забрызганныя осеннею грязью. Со всѣхъ концовъ являлись новые полки, и вскорѣ составился порядочный запасъ „chaîr à saop“, какъ вѣтъ крѣпости, такъ и внутри ея. Дивизія генерала Павлова стояла на сѣверной сторонѣ, но полки Соимонова, со включеніемъ десятой части шестнадцатой и семнадцатой дивизіи, вошли въ городъ, гдѣ ихъ привѣтствовали осажденные и молодые Великіе Князья Михаилъ и Николай, присутствіе которыхъ придавало какой-то торжественный характеръ этому приему. Алексѣй увидалъ съ удовольствіемъ что его пострадавшій отъ дороги костюмъ имѣлъ такой же успѣхъ, если и не больше, какъ и новые съ иголочки, щегольскіе мундиры нѣкоторыхъ, подобно ему вновь прибывшихъ на театръ войны, молодыхъ Петербуржцевъ, не приготовленныхъ какъ онъ, трехсотъ-верстнымъ походомъ, къ тому что должно было ожидать ихъ здѣсь. Полкъ его былъ отрадой для всѣхъ глазъ: русская рубашка, красный кушакъ и высокіе салогі отличали его отъ другихъ полковъ, и ему оставалось лишь доказать подъ огнемъ что онъ въ силахъ выполнить всѣ возлагаемыя на него надежды. Первую ночь свою въ Севастополь молодой сотникъ провелъ безъ сна, на бастионѣ, прислушиваясь въ первый разъ къ перекатному грому орудій и реву осады. Ничего особеннаго не произошло въ эту ночь, но въ слѣдующую онъ ознакомился съ войной не на шутку, ибо сначала одинъ, а вслѣдъ за нимъ и другой канониръ были убиты близъ него, въ одной и той же батарее; а ночь эта—ночь на 4е ноября—была лишь предвѣстницей для полнаго нескончаемаго труда и усилій. Русскіе полководцы рѣшили положить конецъ осадѣ, и скорѣе окрѣпнувъ, нежели лавъ духомъ послѣ битвы 26го октября, хотѣли ударить свѣжимъ войскомъ на переднія линіи союзниковъ, и сдѣлать ударъ этотъ рѣшительнымъ, придавъ ему всѣ выгоды неожиданности. Намѣревались воспользоватьъ-

ся темнотою предъ наступленіемъ зари и многочисленными и глубокими рвами, которыми изобилуетъ долина Черной; все было сдѣлано чтобы возбудить мужество и въру солдатъ. Икона Спасителя, подарокъ Императрицы, была принесена въ городъ, княземъ Голицынымъ, 31го октября, и крестный ходъ съ нею отъ казармъ до бастіона произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе. „Я видѣлъ“—писалъ Алексѣй, строча на одномъ колыбѣ можетъ-быть уже послѣднее письмо свое къ матери,— „я видѣлъ какъ солдаты цѣловали образъ этотъ со слезами умиленія и набожнаго и покорнаго усердія.“ Этимъ же солдатамъ скоро пришлось узнать на дѣлѣ что *laborare est orare*, ибо во весь день 4го ноября, они должны были усиленно трудиться, разставляя въ позицію орудія, долженствовавшія привести въ исполненіе роковые планы задуманные на слѣдующій день.

Когда два войска готовятся встрѣтиться лицомъ къ лицу на полѣ битвы, зная что слѣдующіе немногіе часы должны рѣшить судьбу тысячъ, „послѣднимъ доводомъ царей“, ночные часы проводятся обыкновенно почти одинаковымъ образомъ какъ на той такъ и на другой сторонѣ. Совѣтъ, собирающійся на главной квартирѣ, послѣдшныя письма, сходки вокругъ походнаго костра, все это черты свойственныя какъ наступающему такъ и обороняющему войску, но ночь 4го ноября не представляла ничего подобнаго. Проливной дождь продолжалъ лить неумолкаемо, какъ и въ продолженіе всего дня; большинство солдатъ находились или за работой или на стражѣ у англійскихъ траншей, а перестрѣлка у батарей, не очень сильная въ этотъ день, настолько утихла къ ночи что чуткое ухо въ лагерѣ второй дивизіи могло бы слышать повременамъ смутный шумъ внизу долины, причинаемый, какъ говорили, грохотомъ и скрипомъ татарскихъ *арбѣ*, тащившихъ непрерывными вереницами, на тяжело выстулающихъ волахъ и съ гаущимися осями, день и ночь, среди грязи и лужъ, безконечные повидимому боевые запасы въ Севастополь.

Полковнику Сень-Джону, какъ и всѣмъ товарищамъ его въ первой дивизіи, никогда и въ голову не пришло бы приписать эти звуки (если они только слышали ихъ) какой-нибудь новой и опасной причинѣ. Ему помѣшалъ лечь спать пораньше длинный и довольно веселый разговоръ съ братомъ его Филиппомъ, гвардейскимъ гренадеромъ, пришедшимъ навѣстить его и прочесть ему письма полученныя изъ дому.

Они болтали въ продолженіи нѣкотораго времени о содержаніи ихъ, и Филиппъ, энергично пуская дымъ изъ своей сигары, проклиналъ изо всѣхъ силъ дождь и увѣрялъ что ему страшно надоѣла „вся эта исторія“.

— Тутъ человѣку ничего болѣе дѣлать не остается, какъ возненавидѣть самого себя. Если проклятый дождь этотъ будетъ лить и завтра, то чего добраго рѣшусь написать отъ скуки домой; но я желалъ бы лучше чтобы Русскіе доставили намъ возможность хорошенько поколотить ихъ. Страшная тоска, когда дѣлать нечего; скучнѣе этого, я ничего и не знаю! Что за счастливецъ Ньюбольдъ что избавился отъ этой тоски.

Полковникъ Ньюбольдъ, заболѣвшій при Варнѣ и уволенный по этому случаю на родину, недавно прибылъ въ Лондонъ, и письмо его невѣсты, миссъ Сень-Джонъ, увѣдомляло что онъ уже поправляется послѣ горячки.

— Тутъ замѣшались еще какіе-то счеты на мое имя, говорилъ Филиппъ Сень-Джонъ;—я право ничего и не зналъ о нихъ, но такъ какъ ихъ послали къ матушкѣ, а она пишетъ что уплатила ихъ, то значитъ дѣло кончено. Они могли бы, я думаю, и избавить отъ подобныхъ любезностей бѣдняка сосланнаго въ Крымъ; но такъ какъ она говоритъ что заплатила все, то значитъ все хорошо; только ужасная жалость, право, бросать деньги на подобныя вещи, прибавилъ, философствуя, молодой джентльменъ, пытаясь заигрывать съ Бобомъ, собакой принадлежавшею шотландскимъ стрѣлкамъ. — Что за хитрая тварь! воскликнулъ онъ, когда Бобъ по своему обыкновенію выскользнулъ изъ-подъ рукъ его (Бобъ никогда не позволялъ офицеру дотронуться до себя), и затѣмъ Филиппъ засунулъ письма къ себѣ въ карманъ, закурилъ еще сигару и отправился наконецъ въ свою палатку, шлепая по грязи и ворча себѣ подъ носъ, на пути. Вскорѣ послѣ того и полковникъ Сень-Джонъ улегся спать, но какъ онъ, такъ и товарищъ его, раздѣлявшій съ нимъ палатку, представлявшую подобіе собачьей конуры, нашли жилище свое не вполнѣ удовлетворительнымъ пріютомъ отъ дождя и спали плохо, несмотря на то что въ продолженіе слѣдующихъ часовъ царствовала необыкновенная тишина.

А въ эту-то ночь, невѣдомо для нихъ; и подкрадывался „татъ“.

Между тѣмъ какъ колеса русскихъ пушекъ неслышно скользили по влажной и мягкой почвѣ, въ 2 часа 30 минутъ утра,

дивизія Павлова двинулась впередъ и достигла моста надъ Черной и ровъ ведущихъ къ англійскому правому крылу, прежде нежели тамъ была поднята какая-либо тревога. Съ нимъ прибыло много пушекъ и 13.500 штыковъ. Въ четыре часа утра раздался звонъ севастопольскихъ колоколовъ, и тогда другая половина войска, долженствовавшая напасть на спящихъ враговъ, взялась за оружіе.

Церкви были полны народа, и туда-то отправились и многие изъ командующихъ офицеровъ, хотя солдаты (какъ глаголютъ англійскіе рапорты) и не присутствовали при торжественной обѣднѣ, долженствовавшей призывать на царскія войска благословеніе небесъ. На этотъ разъ небеса, казалось, дѣйствительно покровительствовали имъ, и мглстая темнота царствовала вокругъ, въ то время какъ колонны Соймонова выступили изъ города. Онѣ состояли частью изъ испытанныхъ уже въ бою, частью еще чуждыхъ ему солдатъ; всѣ они надѣялись на побѣду; всѣ были безмолвны, покорны и бодры. Путь ихъ шелъ влѣво отъ Малахова Кургана; съ западной стороны Килейной Балки должны были они броситься на лѣвое англійское крыло, между тѣмъ какъ войска Павлова бросались на правое, а дальше къ западу, фальшивая атака Русскихъ должна была лишить Англичанъ всякой помощи со стороны Французовъ.

Пришелъ часъ, пришелъ и непріатель.

Г Л А В А VII.

Пятое ноября.

*L'infanterie Anglaise est la meilleure
du monde: heureusement il n'y en a
pas beaucoup.*

Général Bugeaud.

Было около 5 часовъ утра, и когда генераль Кодрингтонъ проѣхалъ верхомъ мимо стражи, въ англійскомъ лагерѣ все было темно и тихо, какъ среди ночи. Стража отвѣчала: „все по порядку“ на откликъ его, и онъ лѣхалъ дальше.

Вдругъ, трескъ перестрѣлки поразилъ слухъ его. Онъ

доносился, какъ оказалось, изъ сосѣдняго кустарника, гдѣ сейчасъ только былъ замѣченъ отрядъ у лѣваго крыла легкой дивизіи. Было еще не довольно свѣтло для того чтобы видѣть насколько велико количество русскаго войска, но было ясно что опасность приближалась, въ большихъ ли въ малыхъ ли размѣрахъ, и Кодрингтонъ поскакалъ назадъ, чтобы поднять на ноги лагерь, а черезъ какую-нибудь минуту трубы протрубили тревогу.

Дѣйствительно, великое предпріятіе приближалось къ своему осуществленію, и дѣлая туча застрѣльщиковъ прикрывала колонны, быстро сходявшіяся на истребленіе Англичанъ. Но солдаты какъ и пастухи теряютъ иногда вѣру въ крики „волкъ, волкъ!“ потому и на этотъ разъ, когда въ ранній часъ воскреснаго утра 5го ноября раздались вдругъ звуки трубъ, полковникъ Сень-Джонъ, подобно многимъ другимъ офицерамъ этой бригады, рѣшилъ въ умѣ своемъ что причина тревоги вѣроятно лустая, и что это лишь одно изъ тѣхъ фальшивыхъ наладеній которыми Русскіе уже нѣсколько разъ испытывали терпѣніе и тревожили покой союзниковъ. Ему было даже довольно трудно разбудить товарища своего, и было почти уже шесть часовъ, когда полкъ наконецъ взялся за оружіе. День сталъ слабо занимать на востокъ, но сплошной и тонкій дождь все продолжалъ идти, дѣлая почву все влажнѣе, воздухъ все темнѣе, а очерки всѣхъ предметовъ все болѣе и болѣе смутными и неясными.

Гренадеры были уже на ногахъ и выступили впередъ, и лишь только скомандовано было шотландскимъ стрѣлкамъ строиться въ колонну и идти вслѣдъ за первыми, какъ они уже и исполнили это приказаніе и начали выступать изъ лагерь, проходя по нѣсколько волнистой почвѣ, покрытой кустарникомъ изъ тонкихъ дубковъ и акацій.

Пока они все еще находились въ спальномъ сомнѣніи насчетъ того не есть ли это со стороны Русскихъ лишь легкая вылазка, и по мѣрѣ того какъ они двигались впередъ, свойство почвы принудило стрѣлковъ разсыпаться въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, но безпорядокъ этотъ продолжался лишь съ минутой, ибо русскія пушки на противоположной (Инкерманской) сторонѣ долины начали уже свои дѣйствія, и большія, красныя гранаты ихъ, пролетавшія сквозь утренній туманъ, какъ бы разрывая на мгновеніе свѣрое покрывало его, и падавшія, лолаясь въ кустарникъ, убѣдили офицеровъ что затѣвалось,

или лучше сказать, уже началось не шуточное дѣло. Появленіе страшно изувѣченной, лишенной всадника лошади, дикимъ гамомъ проскакавшей мимо нихъ, еще болѣе убѣдило ихъ въ этомъ, и солдатамъ приказано было лечь на землю, между тѣмъ какъ полковникъ отправился на рекогносцировку.

Разсвѣло. Среди блѣднаго тумана отряды можно было принять за баталіоны, а полки за бригады, но наступившаго дневнаго свѣта было достаточно чтобы разглядѣть герцога Кембриджскаго, начальника бригады и штабъ ихъ, также какъ и гренадеровъ, выстроенныхъ на правой сторонѣ, и двѣ колонны русской пѣхоты, медленно спускавшейся съ холма, противъ Песочной батареи.

Молитвенное пѣніе и возгласы, раздававшіеся въ рядахъ Соимоновскихъ солдатъ при выступленіи ихъ изъ Севастополя, затихли теперь. Не слышно было ни шолота, ни кашля, ни вздоха, въ то время какъ они взбирались, среди мертвой тишины, на холмъ, и двѣ темныя массы ихъ казались двумя темно-сѣрыми пятнами на поверхности сѣраго, окутаннаго мглой ската.

Еще нѣсколько томительныхъ минутъ, и обѣ арміи должны были столкнуться; и дѣйствительно, минуты эти были полны роковаго значенія для гвардіи; герцогъ Кембрижскій (чтобы дать возможность слышать слова свои, повелѣвавшія гренадерамъ измѣнить позицію) скакалъ со штабомъ посреди пуль своихъ и враговъ, не обращая вниманія на личную опасность. Наконецъ, когда одно крыло полка повернуло въ сторону, обѣ арміи очутились одна предъ другою лицомъ къ лицу.

Перестрѣльный огонь продолжался уже нѣсколько времени, но тутъ стрѣлки пустили первый залпъ въ ряды наступающаго врага. Преимущества положенія были на сторонѣ Англичанъ, и когда за залпомъ послѣдовалъ натискъ штыками, непріятельскія колонны начали отступать (но въ боевомъ порядкѣ), стрѣлая при отступленіи изъ заднихъ рядовъ.

Во второй разъ, Русскіе, въ усиленномъ числѣ, стали подступать къ кургану. Во второй разъ, гвардія встрѣтила ихъ убійственнымъ, страшнымъ огнемъ, и лотомъ штыками; опять Русскіе отступили, но на этотъ разъ уже въ безпорядкѣ, и затѣмъ выстроившись снова, въ третій разъ и съ твердостью возобновили атаку.

У стрѣлковъ заволновалась кровь; они разгорячились и вслѣдствіе этого стали цѣлиться слѣпно.

— Тише, друзья, тише! Цѣльтесь хорошенько, кричалъ полковникъ Сень-Джонъ своимъ солдатамъ, и убійственный залтъ понесся навстрѣчу врагамъ. „Тише!“ крикнулъ онъ снова, поднимая правую руку, какъ бы съ цѣлью сдержать ихъ пылъ. Ему пришлось запомнить на всю жизнь это мгновеніе и это движеніе, обозначившее его вѣроятно цѣлью одному изъ русскихъ стрѣлковъ; онъ не успѣлъ досказать своихъ словъ, какъ выстрѣлъ раздробилъ ему другую руку прямо надъ локтемъ и она бесцельно опустилась внизъ.

На минуту, ударъ какъ бы оглушилъ его, и затѣмъ кровь медленно заструилась по рукаву и закапала на синюю шинель. Но теперь некогда было думать о боли.

— Не отправиться ли вамъ лучше къ арріергарду? спросилъ его сержантъ.

— Нѣтъ, это вѣдь лѣвая рука, было отвѣтомъ, и полковникъ Сень-Джонъ, снова поднявъ правую руку свою, крикнулъ:—Впередъ! и скомандовалъ третью атаку.

Русскіе повернули тылъ, и стрѣлки хотѣли было уже преслѣдовать ихъ внизъ по скату, но въ это время подскакалъ офицеръ штаба, съ запрещеніемъ оставлять вершину кургана. Предостереженіе это было необходимо, ибо положеніе гвардіи становилось опаснымъ. Колонны Павлова и Соймонова, наступая съ разныхъ концовъ, успѣли сомкнуться гораздо ближе, нежели можно было ожидать, и хотя онѣ и приняли въ темнотѣ одну сторону рва за другую, и дивизіи ихъ, встрѣтившись слишкомъ близко, стѣснились за недостаткомъ мѣста, но тѣмъ не менѣе, сплошная и могучая масса ихъ представляла не малую опасность для гвардіи, на которую должна была пасть вся тяжесть ея, да и вообще вся отвѣтственность сраженія.

Маленькая баттарей, единственная въ которой могла укрываться бригада, не имѣла ни лупекъ, ни бруствера, а русскія пушки, такъ искусно поставленныя наканунѣ въ позицію, начали уже свои дѣйствія. Онѣ не только затрудняли доставленіе подкрѣпленій измученнымъ полкамъ, но и дѣлали переходъ къ арріергарду чрезвычайно опаснымъ для раненыхъ.

Однако, полковнику Сень-Джону пришлось таки направить туда свой путь, потому что, вслѣдствіе боли и потери крови, колѣна его начали дрожать, а голова кружиться.

ГЛАВА VIII.

Между мертвыми и умирающими

Piu non si desta
 Di qua dal suon dell'angelica tromba.
Inferno: canto VI.

Онъ шелъ шатаясь, но смѣло, впередъ, отказываясь отъ сторонней помощи, и съ большимъ затрудненіемъ прошелъ нѣкоторое разстояніе. Первое что поразило его взоры, остановило его шаги, было тѣло его друга и товарища капитана N. Это было какъ бы страшнымъ прологомъ всѣхъ потерь и скорбей этого дня, и онъ почувствовалъ это, при видѣ этого человѣка, лежавшаго на спинѣ, съ широко раскинутыми по сторонамъ руками, изъ которыхъ одна все еще судорожно держалась за обнаженную мечъ, болѣе нежели на половину вонзенный въ землю. Сраженный выстрѣломъ, онъ былъ по всѣмъ признакамъ уже мертвъ, и предъ этимъ-то зрѣлищемъ остановился въ раздумьѣ полковникъ Сень-Джонъ. Какая страшная переменна произошла тутъ!

Лишь инстинктъ храбраго воина, не измѣнившій ему и въ самой смерти, свидѣтельствовалъ о прекрасномъ молодомъ человѣкѣ, бывшемъ еще вчера жизнью и душой всего полка. „И я никогда болѣе не услышу этого звонкаго голоса, никогда не увижу этого свѣтлаго лица?“ сказалъ самъ себѣ раненый. Онъ бы долго еще стоялъ тутъ, погруженный въ печальную думу, но разразившійся близъ него взрывъ бомбы пробудилъ его отъ грусти, и онъ продолжалъ путь свой къ арріергарду, счастливо избѣгая гранатъ, за извилистымъ полетомъ которыхъ онъ слѣдилъ, разчитывая куда онѣ должны упасть.

Отъ направленія летѣвшихъ мимо бомбъ и гранатъ зависѣло и направленіе шаговъ его, и это былъ путь тѣмъ болѣе опасный для раненаго что полковникъ Сень-Джонъ начиналъ чувствовать дурноту. Онъ замѣтилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя разбитый лафетъ и сломанный фургонъ для аммуниціи, защищенные нѣсколько кустарникомъ, разросшимся немного гуще на этомъ мѣстѣ. Возлѣ нихъ колошились какія-то живыя существа, и подойдя къ нимъ, онъ узналъ нѣсколькихъ людей своей собственной бригады, которымъ докторъ Элькинстонъ перевязывалъ раны, прежде нежели ихъ можно было отправить въ

лагерь съ ожидаемымъ на помощь лазаретнымъ повѣздомъ. Нѣкоторые изъ нихъ находились уже внѣ предѣловъ человѣческой помощи; другіе со стономъ испускали предсмертный вздохъ, а вмѣстѣ со вздохомъ этимъ можетъ-быть и прощальный призывъ родинѣ.

Генри Сень-Джонъ прилегъ между ними, не обративъ съ перваго взгляда вниманія на ближайшихъ товарищей своихъ въ несчастіи, но погода немного, онъ повелъ глазами вокругъ и увидалъ въ разстояніи нѣсколькихъ сажень отъ себя неподвижно распростертое тѣло, принадлежавшее, судя по синей шинели, офицеру гвардейской бригады.

Онъ постарался подползти къ нему, желая предложить страдальцу все что оставалось еще въ его походной фляжкѣ. Но былъ ли это еще дѣйствительно страдалецъ? Со стономъ, вынужденнымъ у него болью въ лѣвой рукѣ, онъ умудрился стать на одно колено и приподнять фуражку, прикрывавшую голову лежавшаго. Кровь струилась изъ раны на шеѣ, но лицо было отвернуто отъ него, и полковникъ Сень-Джонъ, вздрогнувъ отъ странно мучительнаго ощущенія, тихонько толкнулъ его въ плечо и повернулъ тѣло къ себѣ. Это было тѣло брата его Филиппа, младшаго офицера гвардейскихъ гренадеръ, а лицо было лицо трупа. Смертельно раненый въ самомъ началѣ дѣла вокругъ батареи, Филиппъ Сень-Джонъ былъ донесенъ до этого мѣста нѣсколькими барабанщиками, которые, увидавъ что положеніе его безнадежно, положили его здѣсь подъ защитой кустарника.

У полковника Сень-Джона померкло въ глазахъ. Юноша былъ мертвъ, ему не суждено было болѣе радовать видомъ своимъ взоры матери, шептать нѣжныя слова на ухо женщинѣ. Онъ былъ мертвъ и начиналъ уже коченѣть! Глаза его помутились, а свѣтлыя бакенбарды и бѣлая шея были всѣ залиты кровью. Онъ умеръ! Но умеръ, по крайней мѣрѣ, безболѣзненной смертью и такъ какъ слѣдовало умереть воину!

Нелюдадеку Сень-Джонъ замѣтилъ еще синюю шинель, но у него не было ни силъ, ни духа оставить дорогое время, лежавшее на коленяхъ его, и хотя оно и не могло чувствовать болѣе ласки брата, онъ все оставался при немъ, держа холодную руку въ своей.

Странное чувство овладѣло имъ при мысли что со смертью этого мальчика и съ замужествомъ Анни кончались всѣ личныя

обязанности его въ семь мѣрѣ. Онъ старался всѣми силами исполнять свой долгъ въ отношеніи къ нимъ, и если смерть наступитъ и его въ крымскомъ полѣ, то найдетъ его близъ его мертвѣго литомца; и если, говорилъ онъ самъ себѣ, сыновья одного отца имѣли въ теченіи своей жизни мало, слишкомъ мало общаго между собой, то въ смерти по крайней мѣрѣ они останутся неразлучными. Съ такими мыслями, удрученный горемъ, раненый продолжалъ стоять наклонясь надъ убитымъ, между тѣмъ какъ надъ ухомъ его раздавался свистъ бомбъ, летѣвшихъ одна за другою, и заглушалъ всѣ сосѣдніе звуки, гремѣлъ отдаленный, грозный ревъ битвы.

Въ это время гвардейцы, боевые запасы которыхъ истощилась, начали отступать. Тѣснимые превосходнымъ числомъ, они подались назадъ, оставивъ батарею въ рукахъ непріятеля, обладанію котораго надъ всѣмъ окружающимъ противилась лишь горсть слабыхъ, истомленныхъ, но непреклонныхъ людей.

Русскіе, пользуясь выгодой своего положенія, шли все впередъ, уже не такими стройно сомкнутыми рядами какъ при утреннемъ наступленіи, а въ горячемъ беспорядкѣ побѣды. Нѣкоторые изъ нихъ приблизились къ мѣсту гдѣ лежалъ полковникъ Сень-Джонъ, и крики ихъ, въ то время какъ они шли, тяжело ступая, среди кустарниковъ, впервые пробудили его къ сознанію новой и дѣйствительной опасности.

Люди эти были, повидимому, марадёры; съ ними не было офицеровъ, и опьяненные кровью, они не признавали, казалось надъ собою никакой власти. Двое изъ нихъ подбѣжали къ синей шинели, лежавшей, какъ я уже говорилъ, немного направо отъ Сень-Джона, и съ криками воткнули штыки свои прямо въ затрепетавшее тѣло раненаго офицера.

При первомъ появленіи ихъ полковникъ Сень-Джонъ схватился за револьверъ, рѣшившись защищать тѣло своего брата и выжидая что будетъ, но при этомъ видѣ кровь его разгорѣлась. Въ одно мгновеніе онъ выстрѣлилъ, промахнулся и снова взвелъ курокъ. Въ самое мгновеніе выстрѣла, русскій офицеръ, бѣлокурый молодой человекъ, быстро выскочилъ изъ за куста, крича: „прочь, сволочь!“ и пробѣгая мимо, принявъ въ свою грудь пулю назначенную его подчиненнымъ. Онъ взмахнулъ руки вверхъ, испустилъ пронзительный крикъ и палъ тутъ же,

между ногами полковника Сень-Джона и убитымъ офицеромъ въ синаемъ плащѣ. Пуля полковника сразила Алексѣя Зотова.

Опасность еще живаго, но лишеннаго одной руки гвардейца достигла теперь высшей степени. Еще одна минута, и онъ поплатился бы за свои выстрѣлы. Но въ это самое время появилось вдали давно ожидаемое подкрѣпленіе бригадъ, и приближеніе дивизіи сэра Джорджа Каткерта не только побудило къ бѣгству марадѣровъ, но и всѣ русскія колонны, бывшія на вершинѣ кургана, отступили на время, а Каткертъ съ геройскимъ мужествомъ преслѣдовалъ ихъ до подошвы его, гдѣ, какъ извѣстно, былъ пересилень ими и убитъ.

Полковникъ Сень-Джонъ, избѣгнувъ опасности, остался снова, можно сказать, одинъ. По одну сторону его лежалъ трупъ брата, а по другую, опирался на раздробленный пень, молодой Русскій, изо рта котораго лилась кровь.

— Попробуйте выпить вотъ это и дайте мнѣ взглянуть на вашу рану. Тамъ вонъ стоитъ одинъ изъ нашихъ хирурговъ, сказалъ по-французски Генри Сень-Джонъ, предлагая немного водки своей жертвѣ.

— Кто это выстрѣлилъ въ меня? проговорилъ юноша по-англійски, произнося не хуже самого гвардейца.

— Это я. Рана моя совсѣмъ почти помutilа мое зрѣніе; вы появились внезапно, и выстрѣлъ попалъ въ васъ.

— А, теперь понимаю: вы исполняли лишь свой долгъ. Тутъ графъ Зотовъ принужденъ былъ замолчать, потому что кровь, лодымавшаяся каждую минуту къ губамъ, грозила задушить его, между тѣмъ какъ воздухъ свободно проходилъ черезъ отверстіе въ груди.

— Вотъ она сюда попала, сказалъ онъ, указывая на рану,—и кажется прошла черезъ правое легкое, если не ошибаюсь.

— Попробуйте выпить, настаивалъ полковникъ Сень-Джонъ.

— Мнѣ это не поможетъ, лепеталъ Алексѣй,—выпейте сами, это можетъ-быть спасетъ вамъ жизнь. Моя, кажется, уже не можетъ быть спасена.

— Не оставляйте такъ скоро надежду.

— Мнѣ некогда уже предаваться надеждѣ: смерть уже слишкомъ близка, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется.

— Я бы желалъ отдать свою жизнь за вашу. Простите меня!

— Простите васъ? Да вѣдь то же самое могло случиться и наоборотъ. Я бы могъ сдѣлать то же самое—это была

лишь случайность. Мы оба съ вами исполняли нашу обязанность.

— Но вы слишкомъ молоды чтобъ умереть.

— Солдаты умираетъ какъ скоро настаетъ часъ его. Сдѣлаете ли вы одно для меня?

— Все что лишь въ моей власти. Все что вы пожелаете поручить мнѣ, я исполню, видеть Богъ.

— Исполните одно мое порученіе; но сперва выпейте эту водку. Нѣтъ, нѣтъ, я не стану пить. Это спасетъ вамъ жизнь. Вамъ это нужно, потому что вы, кажется, не такъ слабы какъ я. У васъ только одна рука прострѣлена?

— Это моя единственная рана.

— А, ну такъ вы еще поправитесь; вотъ возьмите-ка это. И молодой сотникъ вытащилъ изъ кармана и подалъ Англичанину маленькій кусочекъ чернаго хлѣба и горсть папиросъ. Предметы эти были завернуты въ тонкій носовой платокъ и составляли всю провизію Алексѣя.

У Генри Сель-Джона сжалось сердце, при видѣ этихъ вещей, переданныхъ ему съ милою и простодушною улыбкой. Жертва его тихонько покачала головой, и затѣмъ сбросивъ фуражку, вытянулась какъ бы въ изнеможеніи. Ему было лѣтъ около двадцати, онъ былъ высокъ ростомъ и казался очень хорошею собой, въ ту минуту какъ его свѣтлыя, густо вьющіяся кудри и благородное лицо обрисовались надъ сѣрою шинелью.

Не безъ затрудненія вытащилъ онъ изъ-подъ мундира маленькій золотой крестикъ, и полковникъ Сель-Джонъ замѣтилъ при этомъ его необыкновенную одежду — красный кушакъ и высокіе сапоги.

— Крестикъ этотъ, сказалъ онъ, обрывая выцвѣтшую голубую ленточку, на которой онъ висѣлъ, — я бы желалъ чтобы вы доставили въ Россію, матери моей, графинѣ Прасковѣ Борисовнѣ Зотовой. Перешлите его туда когда можно будетъ. А это.... Но тутъ потокъ крови, снова подступившій къ губамъ, прервалъ его, голосъ его становился очень слабъ. Ему удалось однако отколотъ значекъ украшавшій его шапку, — небольшой крестъ изъ золота, съ вычеканенною на немъ надписью, и онъ продержалъ его съ минуту въ рукѣ прежде нежели собрался съ силами говорить.

— Это, произнесъ онъ наконецъ, — я желалъ бы чтобы вы передали моей кузинѣ и невѣстѣ — Вѣрѣ Михайловнѣ Замятиной. Скажите ей что послѣ радостной и гордой надежды сдѣлаться

когда-нибудь ея мужемъ, я ничего не цѣнилъ выше счастья умереть на полѣ битвы. Исполните вы это? прибавилъ онъ тяжело дыша.

— Положитесь на меня, положитесь на меня, отвѣчалъ полковникъ Сень-Джонъ, кладя правую руку своею на руку умирающаго юноши.

— Я на васъ полагаюсь. Какое у васъ славное лицо. Есть у васъ жена или невѣста?

— Нѣтъ никого, и матери тоже нѣтъ; а вотъ это, и онъ указалъ на простертое на землѣ тѣло,—это единственный братъ мой.

— Ахъ, мнѣ очень жаль васъ. Но тутъ, между тѣмъ какъ кровь отхлынула отъ горла его, Алексѣемъ овладѣло какъ бы смертельное изнеможеніе. Вѣки его сомкнулись, и полковникъ Сень-Джонъ думалъ что онъ уже скончался, какъ вдругъ еще разъ раскрылись его глаза, большіе, голубые и довѣрчивые какъ глаза ребенка.

— Embrassez moi, прошепталъ онъ по-французски.

Генри Сень-Джонъ прикоснулся губами къ прекрасному молодому челу. Увы! оно было уже холодно и предсмертный потъ покрывалъ его.

— Скажите мнѣ имя ваше, дорогой юноша, проговорилъ онъ но отвѣтомъ была лишь одна быстро появившаяся и быстро промелькнувшая улыбка. Губы еще шевелились однако, и въ то время какъ полковникъ склонялся къ юношѣ все ближе и ближе, въ надеждѣ слышать слово готовое сорваться съ нихъ, осколокъ гранаты поразилъ его наклоненную голову и уложилъ его безъ чувствъ, рядомъ съ его жертвой.

Его подняли въ одиннадцать часовъ и отвезли въ палатку хирурга, какъ лишеннаго сознанія и почти безнадежно раненаго человека.

Какъ шло сраженіе послѣ поразившаго его удара, этого полковникъ Сень-Джонъ не зналъ уже. Онъ не видалъ какъ гвардейскіе гренадеры снова ворвались въ оставленную батарею, какъ, когда истощился весь боевой запасъ ихъ, завязался тамъ бой боговъ съ титанами, и съ помощью палокъ, камней и обломковъ штыковъ это жестоко оспариваемое мѣсто было выручено и снова потеряно гвардейскою бригадой, потеряно и снова выручено.

Онъ не зналъ также и того что когда силы Англичанъ уже почти окончательно истощились и резервовъ болѣе не стало, между тѣмъ какъ съ другой стороны подостѣвали все свѣжіе

русскіе полки, бой барабановъ и звуки трубъ возвѣстили о прибытіи нашихъ союзниковъ—зуавовъ и стрѣлковъ, слѣдившихъ на помощь Англичанамъ и отбившихъ у Русскихъ награду пятнадцатого рукопашнаго боя.

Какъ затѣмъ Охотскій полкъ накинулся на резервы Боскета, какъ, когда было отнято знамя шестаго полка, полковникъ его отдалъ свою жизнь за кусокъ красной шелковой матеріи, съ честью потомъ увезенный во Францію солдатами; какъ обѣ англійскія пушки были снова завоеваны 55мъ полкомъ, какъ палъ Соймоновъ, а Павловъ и Данненбергъ увели наконецъ своихъ солдатъ, какъ началось общее отступление, и происходило подъ убійственнымъ огнемъ, между тѣмъ какъ Англичане преслѣдовали штыками задніе ряды, а громадныя пушки Владимірскаго и Херсонскаго полковъ ревели своимъ басомъ среди послѣднихъ дикихъ звуковъ этого грознаго дня,—все это предоставимъ разказу историка. Пусть Англичане хоронятъ своихъ убитыхъ и увозятъ своихъ раненыхъ, потому что эта „битва пѣхоты“ одна изъ труднѣйшихъ, когда-либо испытанныхъ ею, была выдержана и выиграна.

Г Л А В А I X.

С к у т а р и.

Al tornar della mente che si chiude

.....
Nuovi tormenti e nuovi tormentati

Mi veggio intorno.

Inferno: canto VI.

12го ноября пароходъ *Маврикій*, на пути своемъ изъ Балаклавы, намѣревался пристать къ Скутари. На немъ находилось двѣсти тридцать раненыхъ солдатъ и три офицера, а въ числѣ послѣднихъ и полковникъ Генри Сель-Джонъ, лишенный лѣвой руки и лишь поврежденнымъ смутно сознававшій какъ эту потерю, такъ и вообще всѣ невзгоды непокойнаго и тяжелаго переезда.

Но его ожидали еще худшія невзгоды. Не успѣвъ пристать къ гавани, *Маврикій* былъ застигнутъ страшною бурей 17го числа, причинившею гибель *Чернаго Принца* и безчисленнаго множества судовъ и метавшею по волнамъ

нашихъ инкерманскихъ раненыхъ въ продолженіи слишкомъ трехъ сутокъ. Въ виду берега, достичь котораго онъ былъ не въ силахъ, волны дико кидали во все стороны *Маврикія* и ломали его; ларусныя суда срывались съ якорей, въ глазахъ путниковъ мчались по морю; буря уносила къ Босфору лодки и ялики; срывала и разметывала вокругъ кровли мечетей и домовъ; тотъ самый кіоскъ что долженъ былъ служить убѣжищемъ для раненыхъ, былъ превращенъ въ развалины; и когда наконецъ ураганъ стихъ и для раненыхъ найдено было помѣщеніе въ казарменномъ госпиталѣ, полковника Сень-Джона отнесли на берегъ въ дикомъ бреду горячки. Недостатокъ должнаго ухода и суматоха, поднявшаяся на переполненномъ суднѣ во время бури, докончили дѣйствіе удара поразившаго его въ голову, и разумъ и сознаніе оставили его на время.

Въ госпиталѣ онъ ухитрился разъ, избѣжавъ приставленнаго къ нему присмотра, выбѣжать въ корридоры, наполненные стенающими и страждущими людьми. Больше похожій на привидѣніе нежели на человѣка, онъ бродилъ по нимъ, съ лицомъ выражавшимъ даже тутъ необыкновенное страданіе; но его поймали, и когда ложная сила лихорадочнаго напряженія потухла въ немъ, его отнесли на постель, долженствовавшую, по мнѣнію слуги, врача и товарищей, служить ему смертнымъ одромъ. Но вышло не такъ. Актеръ еще не оставляетъ совсѣмъ сцены потому что въ одной какой-нибудь листвѣ услѣхъ кажется безнадежнымъ. Дерево не погибаетъ еще окончательно послѣ того какъ ноябрьскій вѣтеръ срываетъ съ него послѣдніе сухіе, багровые листья, и лишь „черезъ много лѣтъ умираетъ лебедь“; такъ и полковнику Сень-Джону суждено было выздороветь.

Мнѣ слѣдовало лучше сказать остаться въ живыхъ, ибо словомъ выздоровленіе нельзя обозначить состояніе чутъ дышавшаго скелета, сданнаго на бортъ союзнаго фрегата и перевезеннаго наконецъ, когда снова получилъ силу говорить, домой въ Англію.

Мистрисъ Сень-Джонъ, никогда не рѣшившаяся вполне простить Провидѣнію смерть сына своего Филиппа, была можетъ быть не особенно расположена благодарить Провидѣніе за спасеніе своего ласынка, пока не увидала его. Но при видѣ его сердце ея смягчилось; какъ ни была она суетна и полна недостатковъ, она все-таки была женщина и мать, и въ

теченіе многихъ недѣль проведенныхъ имъ въ Кадогенъ-Плесѣ полковнику не пришлось жаловаться на недостатокъ попеченій.

Одно обстоятельство было предано забвенію за все это время, какъ и можно было ожидать,—это завѣщаніе Русскаго.

Находясь вдали отъ его глазъ и памяти, оба креста переданные ему умирающимъ Алексѣемъ были однако въ сохранности, хотя не прежде какъ долгое время спустя по возвращеніи въ Англію они попались на глаза полковнику Сень-Джону. Взятые у него предъ отнятіемъ руки въ палаткѣ хирурга, въ то время какъ онъ находился безъ памяти, они были сохранены и возвращены ему вмѣстѣ съ письмомъ, карманнымъ ножикомъ и другими принадлежавшими ему бездѣлицами. Такъ лежали они въ цѣлости, но забытые съ того часа какъ онъ самъ лежалъ раненый среди мертвыхъ и умирающихъ, подъ кустарникомъ крымскихъ полей. Сначала даже и эти касавшіеся ихъ факты онъ не могъ хорошенько припомнить. Прошло много дней прежде нежели ослабѣвшій мозгъ его могъ снова справиться съ давно потерянною нитью соображенія, и даже и тогда воспоминанія остались неясными. Вещи эти были, безъ сомнѣнія, переданы ему Русскимъ для отправленія ихъ въ Россію. Но кто передалъ ихъ ему? Для кого? Вотъ тутъ-то и была точка преткновенія; и дойдя до этой точки, память его, смутная вообще, измѣняла ему окончательно.

Увы! осиротѣлые родные въ Москвѣ! До нихъ не суждено было дойти; съ этими залогами любви, прощальному привѣту ихъ умершаго Алексѣя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КОЛЕСО ПРОДОЛЖАЕТЪ ВЕРТѢТЬСЯ.

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh

Er träumt von einer Palme.

Heine.

Г Л А В А X.

Р е а к ц і я.

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura,
Che la diritta via era smarrita.

Ahi quanto, a dir qual era, é cosa dura,
Questa selva selvaggia ed aspra e forte,
Che nel pensier rinnova la paura.

Tanto e amara, che poco é più morte.

Inferno: canto I.

Великій лютъ зрѣвшій въ видѣнιάхъ своихъ звѣздные чертоги рая и подземныя сѣни ада не единственный смертный очутившійся въ промежуткѣ между тридцати- и сорокалѣтнимъ возрастомъ среди тѣней „дикаго, суроваго и непроходимаго лѣса“. Не одному Данте пришлось, пройдя чрезъ періодъ душевнаго перелома, оглянуться на него почти съ ужасомъ. Онъ кажется такимъ горькимъ испытаніемъ, что еще немного, и слѣдствіемъ была бы смерть; да и самая смерть едвали тяжѣе подобнаго мрака.

Причина страданія этого — скука; и ошибаются тѣ которые полагаютъ что ей бывають подвержены лишь праздные или лошлые люди. Если подъ скукой мы подразумѣваемъ отсутствіе интереса къ чему-либо, и не только недостатокъ всякой энергіи, подстрекающей къ дѣятельности, но и тотъ глубокій ула-

докъ духа и то болѣзненное состояніе всѣхъ душевныхъ способностей которое заставляетъ насъ глядѣть на прошлое съ разочарованіемъ, на будущее со страхомъ, а въ настоящемъ не находить ничего что бы могло пробудить насъ отъ равнодушія—если это есть не что иное какъ скука въ ужаснѣйшемъ видѣ ея, то ею приходилось страдать и людямъ одареннымъ высокимъ умомъ, и они трепетали подобно великому Флорентинцу подъ темною сѣнью ея. Но онъ и подобныя ему не изнемогали окончательно подъ ея гнетомъ. Они сознавали всѣ ея ужасы, но сумѣли пробить себѣ путь къ избавленію, и боролись противъ тьмы, пока тьма эта не разсѣялась.

Полковнику Сень-Джону пришлось пройти черезъ подобное испытаніе въ теченіе годовъ послѣдовавшихъ за возвращеніемъ его въ Англію и за распаденіемъ домашняго очага его, послѣ бракосочетанія сестры съ полковникомъ Ньюбольдомъ. Анни Сень-Джонъ обвѣнчалась въ снѣжный, весенній день 1855 года, совершенно подобный тому дню въ который женихъ ея отправился на Востокъ въ 1854. Счастливая чета наняла виллу близъ Виндзора, и затѣмъ семья въ Кадогенъ-Плесѣ разошлась. Мистрисъ Сень-Джонъ стала свободно распоряжаться собою какъ ей было угодно, а полковникъ Сень-Джонъ поселился на квартирѣ въ Кёрзонъ-стритъ полновластнымъ господиномъ своей будущности, своей особы и своего времени.

Но полновластіе это оказалось вскорѣ весьма печальнымъ, тѣмъ болѣе что однорукій воинъ продолжалъ, все-таки, быть большимъ человѣкомъ, хотя разумѣется и утверждалъ изо всѣхъ силъ что это вовсе не правда.

Онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ прежнихъ развлеченій своихъ. Ему нельзя было разчитывать болѣе на стрѣляніе дикихъ гусей въ Росшейрѣ; длинный удильный шестъ пришлось отложить въ сторону; для него не существовало болѣе ни билліарда у Пратта, ни крикета въ Гёрстъ-Роялѣ, гдѣ онъ ограничивался лишь ловлей линей въ озерѣ, длинными, безцѣльными прогулками въ сопровожденіи Гельпа, большой собаки, и попытками къ чтенію въ библіотекѣ своего дяди. Но чтеніе есть искусство требующее упражненія, а знаніе — подруга расположеніе которой нельзя пріобрѣсти вдругъ и которая не позволяетъ смотрѣть на себя какъ на *ris-aller*, и потому книги не принесли ему сначала той отрады которой онъ ждалъ отъ нихъ.

Ничто не могло превзойти нѣжности лорда Кендала къ

своему племяннику и удовольствіи которое онъ ощущалъ въ обществѣ его, и потому полковникъ Сень-Джонъ проводилъ съ нимъ большую часть года, но тишина и однообразіе этой жизни были ужасны—ужасны какъ и всякая реакція, потому что всякое могучее усиліе, всякое волненіе и всякое счастье осуждены, по странному велѣнію судьбы, рыть сами себѣ могилу. Дни тянулись безъ конца, и имъ овладѣвала „злая тоска“, тоска вслѣдствіе того что тѣло его, хотя онъ и не хотѣлъ признаться въ этомъ, было еще слабо, а нервы разбиты; вслѣдствіе того что невралгія точила остатокъ его лѣвой руки, что голова его была слишкомъ слаба для научныхъ занятій, что онъ не испыталъ еще на себѣ тайную силу молитвы, любящую самую темную боренія души; вслѣдствіе того, наконецъ, что духъ его страдалъ отъ недостатка дѣятельности, отъ отсутствія обязанностей и недостатка силы, необходимой для благотворнаго усилія надъ собой, при медленномъ, мужественно и терпѣливо переносимомъ выздоровленіи.

Вокругъ одного злополучнаго обстоятельства вертѣлись безъ усталости тревожныя мысли его, вокругъ воспоминанія о молодомъ Русскомъ котораго онъ прострѣдилъ въ грудь и который истекая кровью передалъ врагу своему послѣднія порученія свои на родину. Но какъ ни напрягалъ полковникъ Сень-Джонъ свою память, она оставалась нѣма относительно именъ обѣихъ женщинъ — матери и невѣсты молодаго ратника. Ударъ полученный имъ въ голову или можетъ-быть перенесенная имъ горячка, а пожалуй и оба эти обстоятельства вмѣстѣ, изгладили безвозвратно изъ памяти его слова лишь однажды слышанныя имъ среди волненій смертельно тревожнаго часа; никакія сожалѣнія и усилія не могли принудить память его дать ему отвѣтъ; она молчала, потому что измѣнила ему. Но если она измѣнила ему касательно этого обстоятельства, не могла ли она измѣнить ему и вообще? И тоскливый страхъ умственного недуга овладѣлъ душой изувѣченнаго человѣка, пока онъ не рѣшился наконецъ отправиться съ этимъ страхомъ на душѣ и съ исторіей своихъ обстоятельствъ, въ пріемную знаменитаго лондонскаго медика, которому онъ и показалъ оба русскіе креста, спрашивая его мнѣнія насчетъ своего состоянія. Опытный врачъ задумался.

— Это слѣдствіе удара полученнаго вами, сказалъ онъ; — эти пробѣлы появляющіеся въ памяти не рѣдко бываютъ слѣдствіемъ какого-либо поврежденія головы. Очень можетъ-

быть что эта сторона вашей памяти поражена навсегда, и что вамъ никогда не удастся припомнить эти имена; но есть еще надежда что они окажутся лишь улуценными петлями, и что полное возвращеніе здоровья поможетъ вамъ снова поймать ихъ. Но теперь не мучьте себя мыслями объ нихъ; чего-нибудь болѣе важнаго вамъ опасаться нечего; я бы сказалъ вамъ, еслибъ опасность эта существовала, а когда-нибудь, пожалуй что черезъ нѣсколько лѣтъ, какой-нибудь намекъ, какое-нибудь слово или случайное сходство положеній можетъ навести васъ на слѣдъ, и воспоминаніе объ этомъ случаѣ снова возвратится къ вамъ.

— Тогда, когда будетъ уже поздно.

— Поздно для родныхъ этого бѣднаго юноши, утрата которыхъ принадлежитъ въ настоящее время, къ несчастію, къ числу весьма обыкновенныхъ, но не поздно для успокоенія вашей собственной души. Извините меня за плохую остроу, которую я хочу сказать; но еслибы вамъ удалось забыть теперь, то это послужило бы весьма въ пользу вашей *памяти* въ будущемъ. Тутъ докторъ и пациентъ разстались, и этимъ покончились пока попытки возвратить русскіе кресты законнымъ ихъ владѣльцамъ.

Подобно всѣмъ выздоровленіямъ послѣ тяжкихъ болѣзней, выздоровленіе полковника Сень-Джона тянулось такъ долго и медленно что можно было почти отчаяться въ немъ, и осень 1860 года застала его еще настолько больнымъ и настолько глубоко погруженнымъ въ дебряхъ мрачнаго Дантова лѣса что онъ рѣшился наконецъ отправиться путешествовать и провести зиму въ Римѣ.

Даже для самаго закоренѣлаго ипохондрика заключается какая-то чарующая сила въ словѣ Римъ. Художники и поэты, короли, государственные люди и святые, „юноши и дѣвы“, всѣ находили или могли найти тамъ отраду. Небеса тамъ чисты, самая почва тамъ драгоценный пергаментъ съ исторіей прошлаго, и для каждаго новаго странника эта мать всѣхъ народовъ готова привѣтъ и пріютъ. Разумѣется, странствіе англійскаго гвардейца совершается въ наши дни не по обычаю древнихъ, не въ сандаліяхъ и не въ рясѣ. Разумѣется онъ совершаетъ его подобно всѣмъ своимъ ближнимъ. Онъ отправляется съ приморскимъ поѣздомъ, проводитъ недѣлю въ Парижѣ, обѣдаетъ тамъ въ ресторанѣ, посѣщаетъ театры, слушаетъ новую примадонну и любитъ Маделеной Броганъ, играющею если уже и не во всей красотѣ своей прекрасной молодости,

но за то со всѣмъ совершенствомъ великой артистки. Затѣмъ онъ ѣдетъ въ Лионъ и находитъ какъ Рону, такъ и Саону весьма мутными и бурными вслѣдствіе потоковъ дождя, и не вида въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ ни солнца, ни звѣздъ въ этомъ худшемъ климатѣ всей Франціи, радуется, увидавъ наконецъ снова солнце въ Марсели, а смотря какъ индійская почта извергаетъ пассажировъ своихъ, радуется еще болѣе тому что ему нѣтъ надобности отправляться ни теперь, ни въ послѣдствіи въ Индію.

Изъ Марселя полковникъ Сень-Джонъ намѣревался взять мѣсто на одномъ изъ пароходовъ *Messagerie*, отправляющемся въ Чивита-Веккію, но спутники уговорили его доѣхать съ ними вмѣстѣ до Генуи, и не особенно дорожа уединеніемъ, онъ провель, прѣотившись съ ними, скучный день въ Ливорно, ожидая тамъ парохода долженствовавшаго отплыть на слѣдующій день.

— Это самое лучшее изъ отходящихъ отсюда судовъ? спросилъ полковникъ Сень-Джонъ, объясняясь кое-какъ по-италіянски и стоя наконецъ на палубѣ парохода, казавшагося, не упоминая уже о прочихъ недостаткахъ его, не особенно годнымъ для плаванія.

— Нѣтъ, хорошій пароходъ находится въ починкѣ; это маленькій!

Пассажирамъ оставалось лишь возложить всѣ надежды свои на это увѣреніе, потому что небо хмурилось, вѣтеръ дулъ противный, столъ состоялъ лишь изъ потроховъ и *polenta*, и все устройство было отвратительно. Къ счастью, бѣдняковъ находившихся на этомъ пароходѣ было не много. Былъ тамъ италіянскій офицеръ въ отпуску, нѣмецкій естествоиспытатель, путешествовавшій дешево и соблюдавшій экономію во многихъ предметахъ (особенно же въ стиркѣ своего бѣлья), и собраніе жидовскихъ, турецкихъ и мусульманскихъ кулцовъ, которые всѣ были въ настоящее время очень грязны и должны были навѣрное заболѣть вскорѣ морскою болѣзнью.

San Giuseppe, по причинамъ извѣстнымъ только ему самому, стоялъ въ довольно далекомъ разстояніи отъ гавани, гдѣ къ нему подходили маленькія лодки, и вѣроятно, какъ полагаютъ полковникъ Сень-Джонъ, онъ еще не принялъ на себя полный комплектъ страдальцевъ, ибо приближалась еще лодка, наполненная пассажирами, обратившими на себя всеобщее вниманіе и общавшими быть болѣе пріятными спутниками, нежели всѣ дотолѣ видѣнные.

Представители обоихъ половъ находились, повидимому, въ равномъ количествѣ въ обществѣ десяти особъ, подымавшихся или подымаемыхъ поодиночкѣ, на пароходъ. Сначала появилась свита: камердинеръ, горничная и поваръ—всѣ трое Французы, затѣмъ секретарь Нѣмецъ, и докторъ въ очкахъ, тоже должно-быть Нѣмецъ. За ними слѣдовала сама важная особа, высокій русскій баринъ среднихъ лѣтъ, съ густыми сѣдыми усами, застегнутый на всѣ пуговицы, очевидно служившій въ военной службѣ. Большую жену его подняли на пароходъ на креслѣ, сидя въ которомъ, закутанная въ мѣха и въ шали, она напоминала нѣсколько исполнскую черную кошку; за нею слѣдовала еще другая горничная, происхождение которой трудно было опредѣлить, а наконецъ явилась и барышня, единственная дочь больной, высокая, бѣлокурая и очень хорошенькая дѣвушка лѣтъ двадцати. Monsieur Анелли, курьеръ, заключилъ собою шествіе, держа на рукахъ маленькую, мохнатую, бѣлую собачку; извѣстную въ семействѣ подъ именемъ Зозо, а потомъ втащили наверхъ и безчисленныя принадлежности путешествія, *le gros bagage*: мѣшки, туалетные ящики, аптечки, шали, подушки, самовары и всѣ снаряды неразлучные со знатнымъ русскимъ семействомъ путешествующимъ въ зимнее время, да еще къ тому же, съ цѣлью поправленія здоровья.

Князь Михаилъ Замятинъ только-что провелъ полгода на водахъ въ Луккѣ, и разказы о странствіяхъ его, сообщенные имъ въ этотъ же вечеръ полковнику Сень-Джону, выказали его человѣкомъ которому часто приходилось мѣнять за послѣднее время мѣста своего жительства, но которому не удалось измѣнить при этомъ настроеніе своего духа, томимаго опасеніями насчетъ жизни больной жены.

Много водъ испробовали они, у многихъ врачей спрашивали совѣта, но несмотря на все это князь Михаилъ не могъ не видѣть что жестокія страданія жены скорѣе усилились, нежели уменьшились, и что Анна Федоровна была настолько слаба что не могла перейти изъ одной комнаты въ другую, и даже была не въ силахъ повернуть сама страницу въ книгѣ.

Сидѣлкой и неизмѣнною спутницей ея была, повидимому, единственная дочь ея, долго не появлявшаяся на палубѣ, по случаю удерживавшихъ ее обязанностей, а можетъ-статься и по случаю дурной погоды, ибо вѣтеръ готовился, казалось, обѣжать всѣ стороны компаса и затѣмъ покрыть скрипѣвшаго, и стенающаго *San Giuseppe* волнами и морскою пѣной.

Наконецъ, когда солнце выглянуло изъ-за тучъ, отецъ позвалъ княжну Вѣру на палубу. Г. Волленгауптъ, секретарь, подавъ ей кресло и укрылъ ее пледомъ, но ей скоро надоѣло бездѣйствіе и она стала расхаживать по палубѣ рядомъ съ отцомъ своимъ, смѣясь сама надъ нетвердостью своей поступи.

Бѣдный *monsieur* Волленгауптъ, чувствовавшій себя весьма дурно все время, за исключеніемъ нѣсколькихъ минутъ отдыха, въ продолженіи которыхъ онъ толковалъ объ *Infusoria* съ германскимъ *Naturforsher*-омъ, объявилъ молодой дѣвицѣ что онъ не можетъ побѣдить досады видя ее полную силу и красоты, смѣящеюся, въ то время какъ всѣ остальные изнемогали отъ морской болѣзни. Но для каждаго другаго она представляла собою очень милое зрѣлище; чрезвычайно стройная и тоненькая, она граціозно покачивалась на своихъ маленькихъ изящныхъ ножкахъ; темно-голубые глаза ея были полны жизни, и вѣтеръ, казалось, только возбуждалъ въ ней веселость; онъ не позволялъ вѣроятно шляпѣ держаться на волосахъ ея, и она обвязала вокругъ головы черной кружевной шарфъ, концы котораго, вмѣстѣ съ густыми бѣлокурыми локонами, безпрестанно кружились вокругъ ея шеи. Она была премилою спутницей. Смѣхъ ея звучалъ звонко и серебристо, но она улыбалась чаще нежели смѣялась; все, повидимому, легко забавляло ее, и она съ необыкновенною быстротою схватывала и запоминала каждое иностранное слово касавшееся ея слуха; всѣ движенія ея, проходила ли она одна по палубѣ, садилась ли на свертокъ каната, были полны прелести, и полковникъ Сень-Джонъ нашелъ ее разъ ласкающею своего *Zozo* и напѣвающейю съ сильнымъ тосканскимъ акцентомъ отрывки *stornelli*, перенятые ею отъ луккскихъ крестьянъ:

Guarda che bel vestir che l'é il turchino!

Si vestono di lui l'onde del mare

E se ne veste il ciel quand'è sereno. *

Она пѣла, сопровождая пѣніе свое престранными, тоненькими трелями. Все это, вмѣстѣ съ ея прелестнымъ личикомъ и граціозными движеніями, составляло чарующее зрѣлище для большихъ глазъ, какъ говорятъ Шотландцы, и не маловажное приращеніе къ обществу г. Волленгаупта, неумытаго ученаго и

* Посмотри какъ прекрасна голубая одежда:

Ею одѣваются морскія волны,

Въ нее наряжаются въ ясную погоду и небеса.

даже самого князя, отца ея, добродушнаго и хорошо образованнаго, но немножко тяжеловатаго въ разговорѣ чловѣка.

Въ теченіи разговора между двумя отставными военными зашла рѣчь о послѣдней войнѣ, и со специальной точки зрѣнія, о дѣйствиі артиллеріи на земляныя укрѣпленія. Князь Михаилъ, приписывая потерю лѣвой руки гвардейца безъ сомнѣнія службѣ его во время Крымской войны, относился къ нему съ большимъ уваженіемъ. Между образованными мужчинами ничего не могло быть пріятнѣе подобныхъ отношеній, но когда полковнику Сень-Джону пришлось разъ подать руку Вѣрѣ, для того чтобы помочь ей взойти на лѣстницу, ему вдругъ пришло на память что послѣдняя русская рука до которой ему пришлось коснуться была рука бѣднаго молодаго офицера, предлагавшая ему жалкій кусочекъ чернаго хлѣба вмѣстѣ съ горстью лапирось. Онъ замѣтилъ также при этомъ въ княжѣ одну черту которую припомнилъ потомъ часто въ послѣдующіе годы. Прежде нежели она взяла его протянутую къ ней руку—его единственную руку—она вдругъ перестала смѣяться надъ своими глуссадами, и взглянувъ на другой рукавъ его, едва замѣтно поблѣднѣла, какъ блѣднѣютъ иногда маленькія дѣти, но только глаза ея, не похожіе на глаза ребенка, выражали при этомъ такое нѣжное и почтительное состраданіе что Генри Сень-Джонъ могъ прочесть въ нихъ лишь высокое уваженіе къ своему несчастью.

Дѣло въ томъ, что между тѣмъ какъ молодая дѣвушка рисковала потерять лишь равновѣсіе, въ ту минуту какъ пальцы ея крѣпко ухватились за его руку, крымскій герой рисковалъ потерять свое сердце. Да онъ и потерялъ его въ самомъ дѣлѣ, и несмотря на всѣ ужасы *San Giuseppe*, желалъ отдалить, а не приблизить къ себѣ черту берега, возвѣщавшаго о близкомъ достиженіи римской гавани.

Большую принесли наверхъ и она лежала на палубѣ закутанная въ мѣха.

Полковникъ Сень-Джонъ, котораго ей представили, нашелъ что она хотя и имѣла страшно истощенный и увядшій видъ и представляла собою какъ бы тѣнь красоты своей дочери, была тѣмъ не менѣ женщина немного старѣе сорока лѣтъ, изувѣченная и безпомощная, но обладавшая удивительною прелестью улыбки и разговора, еще молодая душой, любезная и образованная, говорившая чрезвычайно правильно по-англійски. Онъ даже невольно сравнилъ ея полное спокойствіе среди всѣхъ страданій

со своимъ собственнымъ нетерпѣніемъ и плохимъ расположеніемъ духа, хотя послѣднее начало, наконецъ, рѣшительно измѣняться къ лучшему со времени путешествія, и когда поѣздъ понесъ его изъ Чивита - Веккіи, то онъ былъ весь погруженъ въ составленіе различныхъ пріятныхъ плановъ, въ которыхъ новые друзья играли, должно признаться, не маловажную роль.

ГЛАВА XI.

Р и м ъ.

Chi Roma non vede, Roma non crede.

Пословица.

Римъ и станція желѣзной дороги! Возможно ли найти два болѣе противоположныя понятія, или вѣрнѣе сказать факта? Тѣмъ не менѣе станція желѣзной дороги есть фактъ, и строеніе ея, надо сказать, представляетъ собой хотя и современный, но вполнѣ свойственный Риму фактъ. Она мрачно, плохо устроена, а по вечерамъ бываетъ и очень плохо освѣщена, хотя я и не слышалъ чтобы кто-нибудь былъ убитъ тамъ. Она имѣетъ такой видъ какъ будто стыдится сама себя, стоя неуклюжею массою, на одномъ концѣ большой *Piazza delle Terme*. Громадныя арки Діоклетіановыхъ банъ возвышаются противъ нея, а предъ ней простирается широкое пространство земли, покрытое сорною травой, разбитыми черепками и обломками каменныхъ стѣнъ. Вблизи стоятъ казармы, обитаемыя красноногими французскими солдатами, тюрьма и церковь *Santa Maria degli Angeli*, съ исполинскими колоннами, а своротивъ съ этой пустынной площади и пройдя нѣсколько круто-спускающихся внизъ улицъ, вы очутитесь еще на другой площади, среди которой Тритонъ играетъ въ свой рогъ, и увидите направо надъ собою массу дворца Барбарини. Вы спускаетесь еще съ крутаго холма, и карета кардинала, рядомъ съ повозкой запряженною волами, загораживаетъ вамъ путь, въ то время какъ вы хотите повернуть въ *Via Due Macelli*. Но разъ пройдя эти мѣста, вы очутитесь на ровной почвѣ у подножія Испанской лѣстницы, въ центрѣ иностраннаго и моднаго римскаго квартала.

Взойдите на эту лѣстницу, потому что солнце заходитъ. Съ безчисленныхъ колоколенъ раздается благовѣсть къ *Ave Maria*,

а вонъ тамъ, среди города, озаренный золотымъ багрянцемъ заката возвышается громадный куполь Св. Петра; отсюда, съ террасы виллы Медичи, глазамъ вашимъ открывается весь чудный видъ: вдали, вправо отъ васъ, слабо рисуются очерки Соракте, а подъ вами и вокругъ васъ воздымается Городъ о семи холмахъ.

Итальянская пословица говоритъ: „Не довѣряйте никакому дереву при солнечномъ закатѣ, или при лунномъ свѣтѣ“, и потому ступайте домой; но ложась спать возблагодарите Бога за то что вы въ Римѣ и что вы достигли цѣли вашего странствія.

Во снѣ вамъ будетъ грезиться прошлое. Герои, цезари, первосвященники и мудрецы будутъ являться призрачною толпою въ сновидѣнїяхъ вашихъ, пока вы не проснетесь съ внезапнымъ трелетомъ, спрашивая себя, дѣйствительно ли вы находитесь въ Римѣ, или это лишь кажется вамъ во снѣ?

Да, вы въ Римѣ. Слушайте, заря занимается, раздается одинъ ударъ колокола, вслѣдъ за нимъ другой. Первая подаетъ голосъ Santa Maria del Popolo, за ней двѣ церкви на той сторонѣ площади, потомъ San Jacopo degli Incurabili, а послѣ и громче всѣхъ San Carlo въ Корсо. Вы открываете окна. Воздухъ чистъ и прозраченъ, небеса ясны. На вершинѣ Пинчїо цвѣтутъ розы (до Рождества осталось двадцать дней) и аоеся распускаетъ свои зеленые и пурпуровые листья; лучекъ листьевъ растущій внизу террасы есть настоящій *acanthus*—тотъ самый листъя котораго проросли сквозь корзину печальной Коринѣянки. Но что это за странные звуки! Вы смотрите на улицу и предъ образомъ на противоположной стѣнѣ (темною Мадонной въ большомъ позолоченномъ вѣнцѣ) видите смуглаго чело-вѣка въ темныхъ лохмотьяхъ, наигрывающаго что-то въ дудку и поющаго. Звуки этой музыки похожи на *sarabанду*. Но это не то; это гимнъ, ибо теперь Рождественскїй постъ, и онъ величаетъ Дѣву-Матерь и поетъ Ей радости грядущаго Рождества, Великаго дня въ который Она даровала міру Своего Благословеннаго Младенца. Мимо него проходятъ школьники въ красной одеждѣ, вышедшіе изъ одной изъ коллегій, вслѣдъ за ними молодая дѣвушка гонитъ козъ, а у фонтана перемываютъ морковъ. Уличная жизнь началась, и вы видите какъ собаки отбѣгають отъ кучъ всякаго сору, у которыхъ онѣ что-то грызли, для другъ на друга всю ночь и оглашая ее своимъ ужаснымъ воємъ.

Прежде всего вамъ бросаются въ глаза всѣ эти грязныя,

мелкія подробности римской жизни, ибо улицы грязны, народъ бѣденъ, мостовая отвратительна и лица плоха. Но вы скоро забываете все это. Вы въ Римѣ и, странно сказать, въ вашемъ родномъ Римѣ; между тѣмъ какъ во всѣхъ чужестранныхъ городахъ вы чувствовали себя чужимъ, здѣсь вы словно дома. Здѣсь, въ силу историческаго права преемственности и восемнадцати христіанскихъ вѣковъ, вы чувствуете себя дома.

Слѣдуя вашимъ собственнымъ наклонностямъ, вы можете сродниться съ этимъ городомъ и въ другомъ смыслѣ этого слова. Хотя о Римѣ можно сказать то же самое что гжа Свѣчина сказала о жизни, а именно „что вы находите въ первомъ какъ и въ послѣдней лишь то что сами влагаете въ нихъ“, тѣмъ не менѣе терпѣніе самаго жаднаго искателя зрѣлищъ скоро истощается здѣсь.

„Не показывайте мнѣ больше ничего; оставьте меня въ покоѣ, дайте мнѣ только пожить!“ восклицаете вы. И мало-помалу могучее очарованіе этихъ мѣстъ вкрадывается въ душу человека, овладѣваетъ имъ и покоряетъ его; и когда онъ опускается на эту почву, слушая „печальную повѣсть о смерти царей“, самолюбіе и личное горе стихаютъ въ немъ, смутная сладкая радость наполняетъ его душу, потому что прахъ этотъ, гласящій о безсмертіи, миритъ его съ собственною темною долей, храмы эти зовутъ его къ молитвѣ, обычая ему миръ и покой.

Опытъ и страданія научили полковника Сень-Джона цѣнить всѣ эти впечатлѣнія, каждый новый день приносилъ ему новыя удовольствія, и надо признаться что большею частію ихъ онъ былъ обязанъ Замятинимъ. Онъ остановился въ томъ же отелѣ гдѣ и они (въ *Russie*, въ концѣ *Vaubano*), и въ гостиниой ихъ находилъ всегда привѣтъ и пріятное общество. И тамъ-то вдыхалъ онъ въ существо свое, вмѣстѣ съ римскимъ воздухомъ, новое для него ощущеніе—любовь.

Сначала она стала незамѣтно для него самого овладѣвать имъ, но скоро и громко заявила о своемъ присутствіи. 16го января полковникъ Сень-Джонъ впервые замѣтилъ это.

Послѣ обѣда онъ зашелъ узнать о здоровьи княгини Анны Федоровны, но вмѣсто привѣтливаго „*entrez*“, которымъ всегда отвѣчали на его стукъ въ дверь, она была тихонько отворена самою Вѣрой.

— Мама одна и такъ дурно чувствуетъ себя сегодня что не въ

состояніи никого видѣть, прошептала она, —но приходите завтра; она надѣется что ей будетъ лучше. Завтра дель моего рожденія, но мы никого не приглашаемъ кромѣ васъ.

При этихъ словахъ она протянула ему руку, и полковникъ Сень - Джонъ почувствовалъ что готовъ бы отдать полміра за право прижать ее къ губамъ своимъ, но милое блѣдное лицо смотрѣло на него, изъ-за окружавшаго его золотистаго облака кудрей, такими невинными глазами, что онъ не посмѣлъ встревожить ее, боясь въ то же время оскорбить ее, не сумѣвъ дождаться настоящей счастливой минуты.

Онъ пришелъ къ нимъ на слѣдующій вечеръ и нашелъ большую въ лучшемъ состояніи; она была даже въ силахъ заняться туалетомъ своей дочери, въ ту минуту какъ Вѣра, собиравшаяся съ отцомъ на балъ въ посольство, вошла чтобы показаться матери.

Хотя Вѣра и была чужда всякаго кокетства, но тѣмъ не менѣе она, какъ почти и всѣ прекрасныя женщины, находила большое удовольствіе въ своей собственной красотѣ и немалое удовольствіе, свойственное всѣмъ молоденькимъ женщинамъ, въ нарядѣ. Въ этотъ вечеръ она была прелесть какъ хороша. Въ платьѣ изъ блестящей бѣлой матеріи, съ вѣткой розъ, отгнѣявшихъ еще болѣе бѣлизну ея, съ открытою шеей и руками, она казалась еще моложе чѣмъ обыкновенно. Ей было тогда почти двадцать два года; высокая ростомъ, она казалась выше чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе тонкости своего стана и вслѣдствіе того что, какъ часто бываетъ у русскихъ женщинъ, очертанія ея шеи, рукъ и плечъ были необыкновенно нѣжны и чисты.

Она наклонилась къ матери, и отбросивъ назадъ длинныя, похожіе на крылья, рукава, висѣвшіе у нея за плечами, она склонила свою бѣлокурую голову, цѣлуя нѣсколько разъ увядшія щеки своей матери.

— *Félice notte, bel'uccell di Dio* *, сказала ихъ *донна*, вошедшая въ комнату со *scaldino*, грѣлкой для княгининыхъ ногъ; она видѣла эту картину, и прирожденное всѣмъ Италіянкамъ пониманіе красоты объяснило ей всю прелесть и все значеніе ея. „Прощай птичка моя“, повторила и мать ея; и послѣ того какъ и полковникъ Сень-Джонъ пожелалъ ей пріятнаго вечера,

* „Счастливаго вечера, прекрасная Божья птичка“, т.-е. ангелъ.

молодая дѣвушка уѣхала, а герой нашъ возымѣлъ мудрое намѣреніе являться на будущее время почтаще въ обществѣ.

Онъ и исполнилъ это намѣреніе, но не извлекъ изъ этого ни особенной пользы, ни удовольствія, такъ какъ княжна, само-собою разумѣется, одерживала побѣды, а онъ, само-собою разумѣется, ревновалъ ее къ ея поклонникамъ, въ особенности къ тѣмъ которые могли говорить съ нею на ея родномъ, незнакомомъ ему языкѣ; а болѣе всѣхъ къ нѣкоторому князю Сергѣю Донскому, молодому человѣку, обладавшему весьма древними предками, многими совершенствами, нѣкоторыми пороками и пустыми карманами, который въ силу всего этого, а также и прирожденнаго ему хорошаго вкуса, оказывалъ чрезвычайное вниманіе единственной дочери князя Михаила Замятина.

Сергѣй Мартыновичъ, тоже единственный сынъ своихъ родителей, былъ въ то же время красивымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати четырехъ, нѣсколько хитрымъ, хорошо образованнымъ и даровитымъ, извѣстнымъ болѣе въ чужихъ краяхъ, нежели на своей родинѣ, и гораздо чаще появлявшимся въ Жокей-клубѣ и въ баденъ-баденскомъ *Cercle*, нежели среди мрачныхъ лѣсовъ окружавшихъ родовое имѣніе его и праѣдовскую усадьбу. Онъ перелеталъ изъ одной столицы въ другую, и единственною преградой къ наслажденіямъ жизни было для него плохое состояніе его финансовъ, достигшихъ такихъ скромныхъ размѣровъ что управляющій его высылалъ ему тельеръ сумму едва достаточную на перчатки, на сигары и на плату за помѣщеніе во второмъ этажѣ *Hôtel d'Angleterre*. Онъ отъ всей души проклиналъ управляющаго въ присутствіи своихъ пріятелей, какъ бы надѣясь что проклятія эти могутъ превратиться въ рубли.

— Нѣмецкій Жидъ! говорилъ онъ: — еслибы не тоска возиться съ этимъ, я бы самъ взялся управлять своими дѣлами, какъ дѣлалъ, бывало, отецъ мой. Но въ его время дѣла эти обдѣлывались очень просто. Онъ держалъ всѣ деньги свои въ ящикѣ, который былъ то полонъ, то пустъ.

— Но что же снова наполняло его? спросилъ пріятель, задпадному взгляду котораго на банковую систему подобный способъ обращаться съ имуществомъ своимъ казался нѣсколько страннымъ.

— *Le vais je, moi?*— Какой-нибудь счастливый случай—полученный долгъ, заплаченный оброкъ, продажа серебра или сруб-

ка лѣса, все это пополювало ящичь. О! тогда-то мы начинали кутить. У отца моего былъ свой оркестръ и хоръ (не хуже чѣмъ у князя С.), всѣ пѣвчіе были Малороссы, а *maestro di capelle*—Италіянецъ. У насъ былъ также и свой театръ, съ весьма порядочною труппой, и на немъ давали французскія комедіи. Но все это, прошу васъ замѣтить, происходило внизу, а наверху сидѣла бѣдная моя матушка, погруженная въ молитвы. Я самъ рѣдко заходилъ къ ней наверхъ, залахъ всей этой святости: деревяннаго масла, ладава, чая съ лимономъ, не говоря уже о *bouquet des roses*, монахинь и Божьихъ людей, все это не особенно поощряло меня ходить туда. У меня были свои лошади, однимъ словомъ, шло все прекрасно, но лишь пока у насъ были деньги. Я никогда не забуду одного дня, когда къ отцу пришли за деньгами. Онъ читалъ въ эту минуту афишу, но за что-то надо было заплатить. Ахъ, да! за салюги швейцара, который ужъ цѣлый мѣсяцъ ходилъ со столганными каблукъами. Отецъ мой всталъ, понюхалъ табаку—(онъ нюхалъ его ужасно много, также и матушка; это было, кажется, единственное что было у нихъ общаго)—поворчалъ и пошелъ отворять ящичь. *Peste*, онъ былъ пустѣхонекъ, въ немъ валялись лишь три рублевыхъ ассигнаціи, да нѣсколько копѣекъ! Какъ онъ взбѣсился тогда! счелъ нужнымъ перемѣнить воздухъ и отправилася весной за границу. Да, да! Жизнь полна подобныхъ превратностей. Человѣкъ находится то въ выигрышѣ — и смѣется, то въ проигрышѣ, и тоже смѣется!

Но надо сказать что философія князя Сержа требовала постоянныхъ развлеченій и постоянныхъ перемѣнъ мѣста, для того чтобы не измѣнить ему. Однако онъ былъ вовсе не глупый малый; онъ былъ болѣе нежели посредственный музыкантъ и писалъ очень недурные стихи на французскомъ и русскомъ языкахъ, собраніе которыхъ онъ повергъ въ это Рождество къ стопамъ княжны Вѣры. Онъ отлично танцевалъ, и для зарождающейся ревности полковника Сень-Джона, было не особенно пріятно видѣть его вальсирующимъ съ Вѣрой; но за то всѣ другіе любовались ими и говорили, въ то время какъ тонкій профиль и золотистая головка Вѣры мелькала рядомъ съ его смѣло очерченнымъ лицомъ и черными кудрявыми волосами, что они похожи на принца и принцессу на древней медали, и что изъ нихъ выйдетъ очень красивая пара.

На балу всѣ преимущества были, безъ сомнѣнiя, на сторонѣ молодаго Русскаго, но въ послѣобѣденное время полковникъ Сень-Джонъ бывалъ вполнѣ вознагражденъ, ибо одинъ только разъ случилось Сергѣю Мартыновичу сопровождать Замятиныхъ на одной изъ ихъ долгихъ прогулокъ. Они проѣхали черезъ *Porta Salara* къ виллѣ Перона. Но, увы! Великолѣпный полукругъ холмовъ, видъ раскинутой предъ ними долины *Piombino*, глубокое русло рѣки, группы скалъ висящiя на другой сторонѣ Тибра, даже зеленые холмы, лишь одни уцѣлѣвшiе на мѣстѣ на которомъ красовалась когда-то вила тирана, все это, вмѣстѣ съ мрачной повѣстью его убiйства, чудною красотой солнечнаго заката, прозрачнымъ воздухомъ и глухимъ шопотомъ колеблемаго вѣтромъ тростника,—все это пропало даромъ для молодаго варвара. Онъ скучалъ ужаснѣйшимъ образомъ, усѣлся на камень и напѣвалъ мелодiю *Tsardas*, а очутившись снова въ стѣнахъ Рима, сказалъ потихоньку княжнѣ Вѣрѣ:

— Ахъ! Еслибы вы только знали какъ я ненавижу поля!

Она засмѣялась и лукаво возразила ему:

— Мнѣ такъ жаль и такъ досадно что ихъ здѣсь такое множество.

Г Л А В А XII.

В и л л а.

As tu remarqué quelle extraordinaire quantité de femmes singulières le Nord envoie à l'Occident. Pour la plupart elles sont d'origine Slave et presque toutes princesses. Elles ont une teinture de toutes choses.

A. Achard.

Полковникъ Сень-Джонъ, не раздѣлявшiй эту ненависть къ полямъ, часто сопровождалъ Замятиныхъ на ихъ поѣздкахъ къ развалинамъ купаленъ и виллъ, къ могиламъ, настолько же схороненнымъ отъ взоровъ какъ и прахъ который онѣ должны были когда-то хоронить подъ собой, къ галереямъ и къ *scavi* (раскопкамъ), находящимся тамъ гдѣ такъ-называемый „старый Римъ“ возвышается надъ развалинами еще древнѣй-

шаго Рима, скрытаго футовъ на двадцать подъ землей. Князь Замятинъ не получилъ классическаго воспитанія и былъ радъ найти спутника умѣвшаго объяснить ему все хорошенько, прочесть за него латинскую надпись (даже нерѣдко и написанную съ сокращеніями) и отличить флавіанскаго императора отъ юліанскаго.

Вѣра интересовалась болѣе христіанскими, нежели классическими памятниками, но за то любовь къ музыкѣ соединяла между собой все общество, хотя большая княгиня Анна Федоровна могла наслаждаться ею лишь въ частномъ кружкѣ, въ своей собственной комнатѣ или же въ салонѣ одной соотечественницы, имѣвшей въ Римѣ невыразимо прекрасную виллу.

Тамъ гдѣ аквадуки близко сходятся вмѣстѣ у входа въ городъ и взираютъ черезъ кампанью, какъ бы заключенную въ цѣхъ аркахъ, на Альбано и на холмы — стоитъ вилла Б. Потонувъ въ темной зелени оливъ и дубовъ, она изобилуетъ мрачными кипарисами, урнами и величественными остатками древняго искусства, то скрывающимися, то выступающими среди кустовъ фіалокъ и акантуса. Вилла эта обладаетъ великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ, и нигдѣ можетъ-быть нельзя было встрѣтить въ то время болѣе даровитаго и изящнаго общества. Шестъ или семь женщинъ и можетъ-быть слѣшкомъ двойное число музичъ составляли этотъ кружокъ. Пустая свѣтская болтовня не находила мѣста тамъ, гдѣ любимыми предметами для разговора служили искусство, литература и религія, гдѣ любимымъ развлеченіемъ была музыка и гдѣ всѣ собесѣдники были равны другъ другу по своему рожденію или воспитанію, по красотѣ, изяществу и уму.

На полковника Генри Сень-Джона общество это производило какое-то упокительное дѣйствіе. Будь онъ моложе, онъ могъ бы избаловаться свободой съ которой ему удалось найти доступъ туда, но не было человѣка болѣе его привычнаго къ хорошему обществу, а для человѣка всею душой жаждавшаго перемены и интереса въ жизни, ничего не могло быть привлекательнѣе этого соединенія въ разговорѣ вкуса и ума, этой прелести придаваемой жизни талантомъ, а таланту и всѣмъ мелкимъ подробностямъ жизни — настоящимъ образованіемъ.

Въ Аннѣ Федоровнѣ, которая, находясь здѣсь въ совершенно родномъ ей по душѣ кругу, выказывала вполнѣ всѣ свои рѣдкія качества, онъ видѣлъ торжество духа надъ тѣлесными страданіями; вокругъ себя онъ слышалъ разговоры лишенные

всякой натяжки и хвастливости; онъ слышалъ какъ толковали о религіи со рвеніемъ, съ прямодушіемъ и съ теплотой; даже Сержъ Донской, доводившійся племянникомъ хозяйкѣ дома, доставлялъ наслажденіе, передавая на скрилкѣ замѣчательныя музыкальныя произведенія, а у рояля Вѣра производила всегда чарующее впечатлѣніе, акомпанировала ли она ему какую-нибудь сонату, играла ли какое-либо изъ таинственныхъ произведеній Шопена или же забывалась за пѣснями Шуберта, которыхъ свѣжесть, неизъяснимая прелесть, сладкозвучность и задумчивость, чуждая вмѣстѣ съ тѣмъ мрачной скорби, представляли какъ бы выраженіе ея собственной, счастливой и вострутой еще души.

Общество это представляло обширное поле для изученія характера, соединяя въ себѣ людей различныхъ націй и вѣроисповѣданій, но изученіе характера Вѣры Замятиной поглотило собою все вниманіе англійскаго офицера, полюбившаго эту дѣвушку со всею нѣжностью и со всею силой на которую онъ только былъ способенъ. Онъ задавалъ себѣ вопросъ: было ли это чувство дѣйствительною любовью или лишь слѣдствіемъ того что вращаясь въ небольшомъ обществѣ человекъ легко теряетъ равновѣсіе между вкусомъ и разумомъ? Можетъ-быть и былая тоска его и томительное желаніе какой-либо перемѣны были причиной тому что ея общество сдѣлалось для него настолько привлекательнымъ. Въ обоихъ этихъ доводахъ была доля правды, но даже, и объяснивъ себѣ все это, онъ долженъ былъ сознать все очарованіе производимое на него невыразимою прелестью Вѣры.

Одаренная скорѣе большимъ запасомъ здраваго смысла, нежели блестящимъ умомъ, утонченнымъ изяществомъ, приобретеннымъ ею въ средѣ лучшаго европейскаго общества, и большою долей сдержанности, она обладала вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательною своеобразиемъ характера. Въ ней не было и слѣда своеволія, этого нравственнаго клейма, часто выдающаго себя уже и въ раннемъ возрастѣ, какъ бы съ цѣлію обнаружить задатокъ грубой и неблагородной натуры; въ Вѣрѣ же, напротивъ того, тихій, пѣвучій голосъ какъ бы свидѣтельствовавъ о ея врожденной кротости; ни вспышки страстей, ни душевныя бури, ни мелкое соперничество, ни обманутая дружба, ничто еще пока не смущало ея духа, и зеркала ея души—лица ея. Чистая, безстрастная и задумчивая по природѣ,

она была всею душой предана долгу; хотя и воспитанная въ обществѣ, она была привязана къ дому и семьѣ, а вѣра ея должна была служить ей щитомъ въ борьбѣ съ жизнью, ибо она была глубоко, непритворно и непоколебимо набожна.

— Да, это весьма рѣдкій типъ, говорилъ старикъ де-Лормъ, въ ту минуту какъ любимица его встала отъ рояля, слѣша оказать какую-то маленькую услугу княгинѣ Замятиной,—надо быть Славянкой, прибавилъ онъ, выходя въ садъ,—для того чтобы соединять въ себѣ всѣ эти замѣчательныя и противоположныя качества, свойственныя нерѣдко русскимъ женщинамъ. Посмотрите, продолжалъ онъ, указывая рукой по направлению къ виллѣ,—какъ своеобразны эти четыре женщины которыхъ мы сейчасъ только видѣли тамъ.

— Онѣ представляютъ рѣдкое явленіе космополитизма, возразилъ собесѣдникъ его Италіанецъ.

— Согласенъ съ этимъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно то что онѣ столько же, если и не больше, космополитки по природѣ, какъ и по воспитанію. Я замѣчалъ то же самое въ мужчинахъ столько же сколько и въ женщинахъ. Народъ этотъ похожъ на Германцевъ по умственнымъ способностямъ, на Италіанцевъ по пылкимъ страстямъ своимъ и на сѣверныхъ жителей по глубинѣ чувствъ; между тѣмъ они такъ же любятъ общественную жизнь и такъ же способны къ ней какъ и любой изъ нашихъ Парижанъ; они подвижны и уклончивы какъ Греки и въ то же время истинные сыны Востока, какъ по любви своей къ роскоши, такъ и по способности претерпѣвать, а также и причинять жестокости съ нѣкотораго рода равнодушіемъ. Ни одинъ народъ не страдаетъ отъ скуки такъ какъ они, хотя ни одинъ не обладаетъ столькими средствами противъ нея; ихъ способность къ языкамъ и любовь къ музыкѣ вошла въ пословицу, но вмѣстѣ съ тѣмъ они пристрастны ко всѣмъ азартнымъ играмъ. Высшіе классы одарены, повидимому, болѣзненною впечатлительностью самаго тяжелаго и утонченнаго свойства, но со всѣмъ этимъ, со всѣмъ властолюбіемъ предковъ своихъ *боаръ*, они соединяютъ въ себѣ и много терпѣливо-непреклонной выносливости рабовъ, которыхъ они кормили и били въ то же время и грудью которыхъ они всѣ были вскормлены.

Monsieur де-Лормъ устая на обломкѣ колонны, размышляя о сдѣланной имъ характеристикѣ, и затѣмъ направилъ путь свой къ городу, улыбаясь дорогой при мысли о названіи данномъ въ Римѣ, этому городу прозвищъ, княжнѣ Вѣрѣ.

Итальянцы прозвали ее просто *la distinta*, то-есть рѣдкою, выдающеюся.

Придется ли кому-нибудь локорить себѣ и завладѣть этою *distinta*? Достанется ли она въ жены князю Сержу? Откажетъ ли она жениху Англичанину? вотъ какіе вопросы волновали въ это время душу полковника Сень-Джона. Читатель долженъ знать что онъ уже окончательно успокоилъ себя насчетъ того что лордъ Кендалъ будетъ согласенъ на бракъ его съ иностранкой, по крайней мѣрѣ онъ самъ увѣрилъ себя въ этомъ и теперь лишь выжидалъ какого-либо доказательства того что страсть его остается не безъ отвѣта. Онъ видѣлъ что Вѣра была сдержанна, скромна и спокойна, и рѣшилъ, не безъ основанія, что самая сдержанность эта въ существѣ настолькоъ способномъ любить и внушать любовь есть задатокъ великой силы и глубины чувства, лишь бы только имѣть власть пробудить его. Но до сихъ поръ никто еще не смущалъ спокойнаго теченія этихъ водъ, и ихъ тихая и прозрачная глубина отражала въ себѣ лишь одно небо.

Г Л А В А XIII,

въ которой повторяется старая пѣсня.

Jasked her: „Lassie will ye gang
To see the carse o'Gowrie?“

Шотландская пѣсня.

Читатель можетъ-быть спросить меня, неужели во все время близкихъ сношеній съ русскимъ семействомъ полковнику Сень-Джону ни разу не пришли на память русскіе кресты переданные ему при Инкерманѣ?

Оно чуть было и не случилось такъ, но не вслѣдствіе безсердечія со стороны англійскаго офицера, на душѣ котораго такъ долго это обстоятельство лежало тяжкимъ бременемъ. Ставъ для него одно время предметомъ болѣзненной, надъ всѣмъ преобладающей тревоги, естественно было что и это чувство, какъ и всякое другое проявленіе ипохондріи, уступило мѣсто новымъ, болѣе здоровымъ интересамъ жизни. Въ немъ осталось лишь искреннее сожалѣніе, вслѣдствіе невозможности исполнить когда-либо завѣщаніе умирающаго Русскаго, сожалѣніе тѣмъ болѣе горькое что въ настоящее

время ему представлялся чрезъ посредство новыхъ друзей его отличный случай препроводить завѣтъ этотъ въ Россію, вмѣстѣ съ давно лежавшими у него памятниками послѣдняго часа молодого ратника.

Пробѣлъ въ памяти полковника Сень-Джона дѣлалъ это невозможнымъ, и понятно что онъ не особенно желалъ разказывать объ этомъ случаѣ Замятинымъ; это была совершенно безполезна и тяжелая для него исторія, не имѣвшая никакой цѣли; къ чему было ему говорить о печальномъ приключеніи и объ еще печальнѣйшемъ часѣ, не будучи въ состояніи представить ни объясненія, ни возмездія семьѣ этого юноши? Всякій разъ какъ разказъ этотъ готовъ былъ непрошенный сорваться съ языка его, онъ удерживалъ себя, и разъ только намекнулъ на это обстоятельство, оставшись вдвоемъ съ матерью Вѣры.

Насколько она могла узнать что-либо изъ этого разказа и насколько могла бы придти на помощь его памяти, разспросивъ его о возрастѣ, наружности и мундирѣ его жертвы, осталось неизвѣстнымъ, потому что разговоръ ихъ былъ прерванъ въ самомъ началѣ прибытіемъ гостей, и вѣроятно разказъ этотъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія Анны Федоровны, потому что она болѣе никогда не возвращалась къ нему, а полковникъ Сень-Джонъ, разумѣется, не желалъ называть его еще разъ ея вниманію.

Онъ ежедневно выжидалъ удобнаго случая чтобъ объявить Вѣрѣ о любви своей, но до сихъ поръ случай этотъ все не представлялся. Онъ никогда не бывалъ съ нею наединѣ; она имѣла, повидимому, глаза и уши лишь для наблюденій надъ здоровьемъ своей матери; извѣстіе что черезъ нѣсколько дней онъ долженъ будетъ оставить Римъ не произвело на нее впечатлѣнія, а въ гостиной княгини Анны если не шелъ общій разговоръ, то Сержъ Донской завладѣвалъ заразъ и роляемъ, и вниманіемъ ея дочери.

Наканунѣ отъѣзда его изъ Рима, новые друзья отправились вмѣстѣ смотрѣть видъ съ *San Pietro* въ Монторіо, и между тѣмъ какъ больная оставалась въ каретѣ, полковникъ Сень-Джонъ очутился вдругъ вдвоемъ съ Вѣрой, подошедшею къ краю террасы.

— Не говорилъ ли я вамъ что въ качествѣ вашего проводника я приберегъ для васъ лучший видъ къ концу нашего пребыванія? спросилъ онъ ее.

— Это дѣйствительно самый лучший видъ, возразила она, смотря внизъ на Транстеверинскіе сады, разстилавшіеся у ногъ ея, и затѣмъ оглядываясь на окружавшую ихъ дивную панораму. Въ волшебной-прозрачной атмосферѣ апрѣльскаго дня всѣ предметы казались ясны для взора: далекія волны бившіяся о берегъ Остіи, рѣка струившаяся по городу и снѣвшіе вдали чудные очерки холмовъ.

— Это самый лучший видъ, жаль только что онъ послѣдній, прибавила она;—благодарю васъ за то что вы привели меня сюда; я никогда не забуду этого мѣста.

— Такъ; а я по своему самолюбію желалъ бы чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ вы вспоминали иногда и обо мнѣ.

— О, неужели вы можете сомнѣваться въ этомъ? отвѣчала Вѣра съ яснымъ простодушіемъ, подававшимъ мало надежды на отзывъ его нѣжному признанію.—Грустнѣе всего то что, проживъ здѣсь такое славное время и сблизившись съ такими добрыми друзьями, приходится разставаться со всѣмъ этимъ, хотя собственно говоря вы сами оставляете насъ, полковникъ Сень-Джонъ; неужели вамъ дѣйствительно необходимо ѣхать завтра и нѣтъ ли на это какого-нибудь *rimedio*, какъ говорятъ Римляне?

— Къ сожалѣнію нѣтъ; вы знаете, Англія ожидаетъ отъ каждаго человѣка исполненія долга.

— Мнѣ жаль что вамъ приходится возвращаться въ Англію раннею весной; къ тому же я не люблю когда друзья мои находятся въ странѣ которой я никогда не видала.

— Но когда-нибудь вы увидите ее. Не хотите ли познакомиться съ ней и попробовать полюбить ее? Чтò бы вамъ попытаться? Онъ не посмѣлъ прибавить „ради меня“.

— Не сочтите это за нелюбезность съ моей стороны, но знаете ли, мы такъ много путешествовали съ тѣхъ поръ какъ я себя помню что я никогда не мечтаю о новыхъ путешествіяхъ, а думаю лишь какъ бы пожить на родинѣ, еслибъ это было можно.

— А съ Англіей вы не могли бы сродниться?

— Полагаю что никогда; видите ли, мы развѣзжаемъ такъ много по свѣту лишь ради мама, а вашъ климатъ былъ бы ей вовсе не въ пользу. Проведи она мѣсяцъ среди морскихъ вашихъ тумановъ, они убили бы ее. Я иногда думаю, придется ли мнѣ когда-нибудь воротиться въ Россію?

— Развѣ вы такая патриотка и такъ пристрастны къ своему родному?

— Я большая патриотка, но къ своему не пристрастна, потому что слишкомъ мало жила на родинѣ; лишь во время Крымской войны мы прожили тамъ три года, а теперь мама такъ больна что я не думаю чтобы намъ можно было скоро возвратиться. Если купанья въ Исчии окажутъ ей пользу, то мы будемъ ѣздить туда каждый годъ, а зиму будемъ проводить вѣроятно гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Мнѣ бы болѣе всего хотѣлось пріѣхать опять сюда, и знаете ли, мы отправляемся сегодня пить воду въ *Trevi*, такъ вы должны ѣхать съ нами и напиться тоже воды, это будетъ знакомъ какъ нашего, такъ и вашего возвращенія сюда. И затѣмъ Вѣра сѣла въ карету къ матери и покатила съ ней назадъ въ отель.

Среди всей этой милой, веселой болтовни о будущихъ планахъ, могло ли что-либо подать надежду Генри Сень-Джону на сочувствіе его страсти.

Старая лѣсня повторилась снова, и Вѣра прощаясь шесть лѣтъ тому назадъ съ Алексѣемъ, была столько же незнакома съ любовью, какъ и въ настоящую минуту.

Полковникъ Сень-Джонъ почувствовалъ что занималъ лишь мѣсто друга въ ея сердцѣ, и послѣ приведеннаго разговора рѣшилъ что лучше не подвергать себя опасности лишиться и этого мѣста, сдѣлавъ ей формальное предложеніе. У Замятиныхъ были можетъ-быть иные планы касательно будущности ихъ дочери; однимъ словомъ, день прошелъ, а онъ ничего не высказалъ и не сдѣлалъ рѣшительнаго, а при наступленіи вечера убѣдился что ему слѣдуетъ сказать прости всякой надеждѣ и приговорить себя къ вѣчному молчанію.

Изъ всей группы собравшейся вокругъ фонтана въ *Trevi*, Вѣра была самая веселая и оживленная, именно потому что она относилась вѣсхъ равнодушнѣе къ предстоявшей разлукѣ. Она стала на колѣни и почерпнула рукой воды, замочивъ притомъ свое хорошенькое личико и смѣясь этому; кивала головой собранію каменныхъ боговъ, окружающихъ бассейнъ и принимавшихъ исполинскіе размѣры въ мрачной тѣни небольшой, озаренной луннымъ свѣтомъ, площадки. Затѣмъ она непремѣнно захотѣла наполнить водой чашку для матери и отнесла ее сама въ карету.

— Вылейте эту воду и пожелайте притомъ намъ всѣмъ

возвратиться снова сюда на будущую зиму, душевѣйка моя, сказала она ей; Анна Федоровна хлебнула изъ чашки и затѣмъ откинулась назадъ на подушки, думая болѣе „объ источникѣ чистомъ безсмертномъ“, струившемся въ вѣчной обители, гдѣ люди не будутъ знать болѣе жажды.

— Сподоби, о Господи! прошелтала она, — меня и дитя мое вкусить источника жизни тамъ гдѣ въ предвѣчномъ мирѣ Твоемъ покоятся всѣ Святые Твои.

Вѣра между тѣмъ воротилась къ фонтану: она стояла тамъ одна, и полковнику Сень-Джону, не будъ онъ уже убѣжденъ въ ея равнодушіи къ нему, пришлось бы вполнѣ убѣдиться въ этомъ теперь, потому что она почти вовсе не говорила съ нимъ съ тѣхъ поръ какъ они собрались вокругъ фонтана. Его же глаза, напротивъ, не покидали ее. Послѣднимъ воспоминаемъ вынесеннымъ имъ изъ Рима былъ образъ Вѣры, стоявшей одиноко, вся въ бѣломъ, на краю бассейна, наклонившейся затѣмъ къ водѣ, и смочивъ въ ней пальцы, осѣнившей знаменіемъ креста свои губы, лобъ и глаза.

Ему представлялась она въ своей молодости, чистотѣ и непорочной бѣлизнѣ ангеломъ Цѣлительнаго Источника. Какой безумецъ былъ онъ что надѣялся завладѣть ею. Кто изъ странниковъ стремившихся къ Виесаидѣ дерзалъ удержать при себѣ ангела. Миръ и всѣ болящія исцѣлялись всякій разъ какъ его блистающія крылья и бѣлоснѣжныя столпы волновали воду источника; но развѣ самъ ангелъ не оставался вѣчно свободенъ?

Въ маѣ Замятины выѣхали изъ Рима въ Ицію, а въ сентябрѣ вѣсти изъ Россіи отозвали ихъ домой. Князь Михаилъ, находившійся долго въ немилости при дворѣ, былъ назначенъ камергеромъ и долженъ былъ немедленно ѣхать въ Петербургъ. Его жена и дочь медленно послѣдовали за нимъ, нѣсколько времени спустя, и наконецъ тоже достигли Петербурга. Не было человека довольнѣе князя; но не успѣлъ еще онъ принять поздравленія всѣхъ друзей своихъ, какъ Анна Федоровна отлетѣла изъ Сѣверной Венеціи въ страну „гдѣ нѣтъ болѣе волнъ морскихъ“.

— Добраго вечера, мистеръ Дюбуръ, сказала я и повернулась къ двери. Она услышала шаги мои черезъ комнату и позвала меня. Я остановилась. Противъ меня на стѣнѣ висѣло зеркало. Свидѣтельствуясь имъ, могу васъ увѣрить что я остановилась въ самой приличной случаю позѣ. Непринужденность, соединенная съ достоинствомъ; достоинство, смягченное непринужденностью.

— Мме Пратолунго!

— Миссъ Финчъ!

— Вотъ этотъ мужчина, далеко уступающій своему брату. Смотрите.

Она крѣпче обхватила его шею и дала ему, хвастливо дала ему тотъ поцѣлуй, котораго онъ не рѣшался дать ей. Я пошла въ презрительномъ молчаніи къ двери. Моя наружность выражала отвращеніе смѣшанное съ сожалѣніемъ, сожалѣніе съ примѣсью отвращенія.

— Мме Пратолунго!

Я не отвѣтила.

— Вотъ тотъ мужчина котораго я никогда не полюбила бы еслибы встрѣтила брата его перваго. Смотрите!

Она обвила его шею обѣими руками и осыпала его поцѣлуями. Дверь не совсѣмъ была притворена, какъ вошла я въ комнату; я отворила ее, вышла въ переднюю, и очутились лицомъ къ лицу съ Нюджентомъ Дюбуромъ, спокойно стоящимъ у стола, съ ливерпульскимъ письмомъ въ рукѣ. Онъ конечно слышалъ какъ Луцилла бросала мнѣ въ лицо собственныя слова мои, а можетъ-быть слышалъ и еще больше.

Я остановилась на мѣстѣ и поглядѣла на него въ нѣмомъ удивленіи. Онъ улыбулся и подалъ мнѣ развернутое письмо. Не успѣли мы сказать слово, какъ услышали стукъ затворяемой двери. Оскаръ вышелъ вслѣдъ за мною, чтобъ извиниться за Луциллу. Онъ объяснилъ брату что случилось. Нюджентъ кивнулъ головой и потрепалъ рукой свое развернутое письмо.

— Предоставьте мнѣ устроить это. Я найду вамъ занятіе получше, чѣмъ ссориться между собою. Вы сейчасъ услышите въ чемъ дѣло. А пока, мнѣ нужно послать извѣстіе нашему пріятелю трактирщику. Гутриджъ идетъ сюда, чтобы поговорить со мною о перестройкѣ конюшни. Сбѣгай и скажи ему что я теперь занятъ и не могу принять его. Постой! Дай ему кстата эту карточку и полпроси занести въ приходскій домъ.

Онъ вынулъ изъ бумажника визитную карточку, написалъ

на ней нѣсколько словъ карандашомъ и подалъ брату. Оскаръ, всегда готовый исполнять порученія брата, побѣждалъ встрѣчать трактирщика. Нюдженъ обратился ко мнѣ.

— Нѣмецъ въ Англіи, сказалъ онъ.—Теперь я могу заговорить.

— Сейчасъ же? воскликнула я.

— Сейчасъ же. Я только этого и ждалъ, какъ вы знаете.

Пріяель мой будетъ въ Лондонѣ завтра. Я намѣренъ получить сегодня полномочіе посовѣтоваться съ нимъ, а завтра отправиться въ городъ. Приготовьтесь встрѣтить одного изъ самыхъ странныхъ людей, какихъ вы когда-либо видали. Вы замѣтили что я написалъ нѣсколько словъ на карточкѣ. Я писалъ мистеру Финчу, прося его немедленно прибыть къ намъ въ Броундоунъ по важнымъ семейнымъ дѣламъ. Какъ отецъ Луциллы, онъ имѣетъ въ этомъ вопросѣ право голоса. Когда Оскаръ вернется, и присоединится къ намъ ректоръ, нашъ домашній тайный совѣтъ будетъ въ полномъ составѣ.

Онъ говорилъ съ обычною своею веселостью; въ движеніяхъ его высказывалась обычная живость; онъ опять сталъ самимъ собою.

— Я кисну въ этомъ мѣстѣ, сказалъ онъ, видя что я замѣчаю перемѣну въ немъ.—Дѣло оживляетъ меня. Я не таковъ какъ Оскаръ; мнѣ нужна дѣятельность, чтобы расшевелить кровь, чтобы вывести меня изъ безплодныхъ тревогъ. Какъ, думаете вы, нашелъ я свидѣтельницу по дѣлу моего брата? Именно такимъ образомъ. Я сказалъ себѣ: „Я сойду съ ума, если не стану чего-нибудь дѣлать“. Я и сталъ дѣлать, и слава Оскара. И теперь я возьмусь за дѣло. Вспомните мои слова, зрѣніе будетъ возвращено Луциллѣ.

— Это дѣло серьезное, сказала я,—пожалуйста обдумайте его серьезно.

— Обдумать! повторилъ онъ.—Самое слово это мнѣ ненавистно. Я всегда рѣшаюсь мгновенно. Если я ошибаюсь относительно Луциллы, то обдумываніе ни къ чему ровно не поведетъ. Если же я правъ, каждый потерянный день—лишній день слѣпоты для нея. Я дождусь Оскара и Мистера Финча и затѣмъ приступлю къ дѣлу. Для чего мы разговариваемъ въ передней? Войдемте.

Онъ повелъ меня въ гостиную. Мнѣ теперь особенно интересно было вернуться. Однако обращеніе Луциллы тяготило меня. Что если она выкажетъ мнѣ опять такую же холодность,

такое же пренебреженіе? Я остановилась у стола въ передней. Нюджентъ оглянулся на меня черезъ плечо.

— Пустяки! сказалъ онъ.—Я все улажу. Недостойно такой женщины какъ вы придавать значеніе словамъ разсерженной дѣвушки. Пойдемте.

Сомнѣваясь, уступила ли бы я кому-нибудь другому. Но, нѣкоторые люди, какъ хотите, имѣютъ надъ нами какую-то магнетическую власть. Такую власть имѣлъ надо мною Нюджентъ. Противъ воли моей, ибо я дѣйствительно оскорблена была обращеніемъ со мною Луциллы, я пошла съ нимъ назадъ въ гостиную.

Луцилла сидѣла на томъ же мѣстѣ, гдѣ я ее оставила. Услышавъ стукъ двери и мужскіе шаги, она, конечно, предположила что это шаги Оскара. Она догадалась зачѣмъ онъ ушелъ отъ нея вслѣдъ за мною, и злилась еще больше.

— А! Это вы? сказала она. — Вы вернулись наконецъ. Я уже думала что вы вызвались проводить Мме Пратолунго до приходскаго дома. Ея чуткій слухъ замѣтилъ мой приходъ. Оскаръ! воскликнула она.—Что это значитъ? Намъ съ Мме Пратолунго нечего больше говорить другъ другу. Зачѣмъ она вернулась? Отчего вы не отвѣчаете? Это стыдъ! Я уйду отсюда! Эта послѣдняя угроза приведена была въ исполненіе такъ быстро, что Нюджентъ, стоявшій предъ дверью, не успѣлъ посторониться, и Луцилла наткнулась на него.

Она тотчасъ же схватила его за руку и начала сердито трясти.

— Что значитъ ваше молчаніе? По наученью Мме Пратолунго вы оскорбляете меня что ли?

Я только открыла ротъ чтобы сдѣлать еще одну попытку къ примиренію, сказавъ ей нѣсколько успокоительныхъ словъ, какъ она еще разъ кольнула меня. Французская кровь не могла уже этого вынести (объ англійской крови не скажу ничего утвердительно). Я молча повернулась къ Луциллѣ спиной, окончательно взбѣшенная.

Въ ту же минуту глаза Нюджента заблестѣли, какъ будто ему пришла какая-то новая мысль. Онъ выразительно взглянулъ на меня и отвѣтилъ ей отъ лица брата. Овладевъ ли имъ въ эту минуту злобный демонъ, или онъ хотѣлъ примирить ее съ Оскаромъ до его прихода, не знаю. Конечно, мнѣ слѣдовало остановить его. Но я была внѣ себя. Я разозлилась какъ кошка, расшвырнула какъ медвѣдь. Я сказала себѣ: Она лѣзетъ на

непріятность; прекрасно; дѣйствуйте, Мистеръ Нюджентъ. Возмутительно! Непростительно! Нѣтъ словъ достаточно сильныхъ для моего поведенія; браните меня пожалуйста! О Боже! Чтò такое человѣкъ въ раздраженіи! Честное слово, не иное чтò какъ дикій звѣрь! Когда вамъ случится разсердиться, взгляните на себя въ зеркало: вы увидите что душа отлетѣла отъ лица вашего и осталось одно лишь животное, и дурное, презрѣнное животное.

— Вы спрашиваете, чтò значить мое молчаніе? сказала Нюджентъ.

Ему стоило только принять болѣе медленное произношеніе брата, чтобы всякое отличіе между ними исчезло. Въ этихъ немногихъ словахъ онъ сдѣлалъ это такъ ловко, что еслибы не видѣла его предъ собою, я поклялась бы что въ комнатѣ Оскаръ.

— Да, отозвалась Луцилла.—Я это спрашиваю.

— Я молчу, отвѣчалъ онъ,—потому что жду.

— Чего же вы ждете?

— Чтòбъ вы извинились предъ Мме Пратолунго.

Она отступила на шагъ. Покорный Оскаръ въ первый разъ въ жизни заговорилъ съ ней рѣшительнымъ тономъ. Покорный Оскаръ, не ожидая чтò скажетъ она, продолжалъ:

— Мме Пратолунго извинялась предъ вами. Вамъ слѣдовало принять ея извиненія, отвѣтить на нихъ тѣмъ же. Вы оскорбляете вашего лучшаго друга.

Она подняла голову, подняла руки въ изумленіи; она какъ будто не вѣрила ушамъ своимъ.

— Оскаръ!—воскликнула она.

— Я здѣсь, откликнулся Оскаръ, отворяя дверь въ эту минуту.

Она съ быстротой молніи обернулась къ тому мѣсту откуда послышался его голосъ. Она поняла обманъ Нюджента и испустила громкій крикъ негодованія.

Испуганный Оскаръ подбѣжалъ къ ней. Она сердито оттолкнула его.

— Обманъ! воскликнула она.—Низкій, гнусный, презрѣнный обманъ! Оскаръ! Братъ вамъ подражалъ, братъ вашъ говорилъ со мною вашимъ голосомъ. А эта женщина, называющая себя моимъ другомъ, эта женщина стояла тутъ, слушала его и не вывела меня изъ заблужденія. Она поощряла, она наслаждалась. Негодяи! Уведите меня отъ нихъ. Они на все способны.

Она возненавидѣла васъ, милый, съ самаго начала, она лѣнилась вашимъ братомъ, лишь только увидала его. Наша свадьба будетъ не въ Димчорчъ; они не должны знать гдѣ она будетъ. Они въ заговорѣ противъ насъ. Остерегайтесь ихъ, остерегайтесь. Она говоритъ что я влюбилась бы въ вашего брата, еслибы встрѣтилась съ нимъ прежде чѣмъ съ вами. Въ этомъ больше значенія, милый мой, чѣмъ вамъ кажется. Это доказываетъ что они разлучили бы насъ, еслибы могли. А! Кто это движется? Не обмѣнялся ли онъ съ вами мѣстами? Съ вами ли я говорю теперь? О, моя слѣпота, моя слѣпота! О, Боже, изъ всѣхъ твоихъ созданій самое безпомощное, самое несчастное есть то которое не можетъ видѣть!

Я никогда въ жизни не встрѣчала ничего столь ужаснаго, столь жалкаго, какъ злобная подозрительность и страданіе выражавшіяся въ этихъ словахъ. Она задѣла меня за живое. Я говорила необдуманно, я поступала неосторожно, но неужели я это заслужила? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я этого не заслужила! Я сѣла на стулъ и залилась слезами. Слезы раздражали меня, рыданія потрясали. Еслибъ у меня былъ въ рукахъ ядъ, я выпила бы его, такъ была я зла и огорчена, такъ оскорблена была моя честь, такъ уязвлено мое сердце.

Одинъ Нюджентъ рѣшился заговорить съ ней. Не думая о послѣдствіяхъ, стоя на противоположной сторонѣ комнаты, онъ предложилъ ей многозначительный вопросъ, котораго она еще никогда ни отъ кого не слыхала.

— Увѣрены ли вы, Луцилла, что ваша слѣпота неизлѣчима?

Мертвое молчаніе послѣдовало за этими словами.

Я вытерла слезы и подняла глаза.

Оскаръ, какъ я предположила, обнималъ Луциллу, молча успокоивая ее, когда братъ его возвысилъ голосъ. Въ ту минуту какъ я взглянула на нее, она только-что высвободилась отъ него, сдѣлала шагъ впередъ по направленію къ Нюдженту и остановилась, обратившись къ нему лицомъ. Всѣ ея чувства, казалось, были поглощены новою мыслию, имъ вызванною. Ни въ дѣтствѣ, ни въ юности, ни въ зрѣломъ возрастѣ, ни во снѣ, ни наяву, никогда не приходила ей въ голову мысль о возможности прозрѣть. Ни малѣйшаго признака нервнаго страданія, проявлявшагося въ ней до сихъ поръ въ присутствіи Нюджента, не было теперь замѣтно. Единственное чувство которое овладѣло ею теперь всецѣло было удивленіе, поразившее ее безмолвіемъ и выжидавшее безсознательно услышать болѣе.

Я взглянула на Оскара. Его глаза были устремлены на Луциллу. Онъ обратился къ Нюдженту, не глядя на него, побуждаемый, казалось, смутнымъ опасеніемъ за Луциллу, понемногу превращавшимся въ смутное опасеніе за самого себя.

— Подумай что ты дѣлаешь, сказалъ онъ.—Взгляни на нее, Нюджентъ, взгляни.

Нюджентъ подошелъ къ брату, сдѣлавъ обходъ, такъ что Оскаръ очутился между нимъ и Луциллой.

— Не обидѣлъ ли я тебя? спросилъ онъ.

— Могу ли я быть обиженъ тобою послѣ того что ты вытерпѣлъ, что ты простилъ ради меня, сказалъ Оскаръ.

— Однако, настаивалъ тотъ,—ты чѣмъ-то недоволенъ.

— Я пораженъ, Нюджентъ.

— Пораженъ? Чѣмъ?

— Вопросомъ который ты предложилъ Луциллѣ.

— Вы оба сейчасъ поймете меня.

Съ тѣхъ поръ какъ братья заговорили, мое вниманіе было сосредоточено на Луциллѣ. Она медленно повернула голову въ сторону куда перешелъ Нюджентъ, но кромѣ этого не сдѣлала никакого движенія. Повидимому она ничего не слыхала съ тѣхъ поръ какъ вопросъ Нюджента пробудилъ въ ней, въ первый разъ, сомнѣніе въ томъ что она слѣпа на всю жизнь.

— Говорите, сказала я.—Ради Бога не оставляйте ее въ ожиданіи.

Нюджентъ заговорилъ.

— Вы имѣли причину сердиться на меня, Луцилла. Позвольте мнѣ дать вамъ, если будетъ возможно, причину быть мнѣ благодарной. Въ бытность мою въ Нью-Йоркѣ я познакомился съ однимъ глазнымъ докторомъ Нѣйцемъ, составившимъ себѣ въ Америкѣ славу и состояніе своимъ искусствомъ лѣчить глазныя болѣзни. Особенно удачно лѣчилъ онъ слѣпыхъ, признанныхъ другими докторами неизлѣчимыми. Я говорилъ ему о васъ. Онъ, разумѣется, не могъ сказать ничего положительнаго не видавъ васъ. Все что онъ могъ сдѣлать, это предложить мнѣ свои услуги когда будетъ въ Англіи. Я, съ своей стороны, признаю вашу слѣпоту неизлѣчимою только въ томъ случаѣ, если этотъ искусный, человекъ скажетъ что нѣтъ никакой надежды. Если есть хоть малѣйшая возможность возвратить вамъ зрѣніе, одинъ онъ въ состояніи это сдѣлать. Онъ теперь въ Англіи. Дайте позволеніе, и я привезу его въ Димчорчъ.

Она медленно подняла руки и схватилась за голову, какъ бы

пытаясь привести въ порядокъ мысли. Цвѣтъ ея лица превратился изъ блѣднаго въ красный, изъ краснаго опять въ блѣдный. Она вздохнула долгимъ, глубокимъ, тяжелымъ вздохомъ и опустила руки, приходя въ себя. Послѣдовавшая перемѣна заставила насъ всѣхъ затаить духъ. Приятно и страшно было смотрѣть на нее. Нѣмой восторгъ преобразилъ ея лицо; божественная улыбка заиграла на ея губахъ. Она была среди насъ и въ то же время далеко отъ насъ. Въ мягкомъ вечернемъ свѣтѣ, озарившемъ ее изъ окна, она стояла погружившись въ свое счастье и казалась существомъ другаго міра. Была минута когда я смотрѣла на нее съ восторгомъ; была минута когда она внушала мнѣ ужасъ. Оба брата опомнились. Оба показывали мнѣ знаками чтобъ я заговорила съ ней первая.

Я сдѣлала нѣсколько шаговъ. Я старалась придумать что сказать. Напрасно. Я не могла ни думать, ни говорить. Я могла только смотрѣть на нее, я могла только прошептать тревожно:

— Луцилла!

Она возвратилась въ міръ, она возвратилась къ намъ, тихо вздрогнувъ, съ слабою вспышкой румянца на щекахъ. Она обратилась въ мою сторону и прошептала:

— Подойдите.

Я обняла ее. Она опустила голову на мою грудь. Мы поморщились безъ словъ. Мы въ одну минуту сдѣлались опять подругами, сестрами.

— Не былъ ли это обморокъ? Не спала ли я? спросила она меня тихимъ, смущеннымъ голосомъ. Я какъ будто сейчасъ проснулась. Мы въ Броундоунѣ?

Она внезапно подняла голову.

— Нюдженъ! вы здѣсь?

— Здѣсь.

Она тихо высвободилась отъ меня и подошла къ Нюджену.

— Говорили вы со мной сейчасъ? Это вы дали мнѣ надежду что я не обречена на вѣчную слѣпоту? Не можетъ-быть чтобъ это мнѣ только показалось. Говорили вы что человѣкъ придетъ и что время придетъ? Она внезапно возвысила голосъ:— Человѣкъ который выльѣчить меня! Время когда я прозрѣю!

— Я говорилъ это, Луцилла.

— Оскаръ! Оскаръ! Оскаръ!

Я выступила впередъ чтобы подвести ее къ нему. Когда я взяла ея руку, Нюдженъ притронулся ко мнѣ и указалъ на

брата. Оскаръ стоялъ предъ зеркаломъ и смотрѣлъ на свое безобразное отраженіе съ отчаяніемъ, которое я олять вижу когда пишу эти строка. Изъ состраданія къ нему, я не рѣшилась вести Луциллу. Она пошла одна, протянула руку и положила ее на его плечо. Ея прелестное лицо отразилось въ зеркаль рядомъ съ его лицомъ. Она весело наклонилась къ нему и сказала:

— Придетъ, милый мой, время, когда я увижу васъ.

Съ радостнымъ крикомъ, она наклонила къ себѣ его лицо и поцѣловала въ лобъ. Его голова, когда она выпустила ее, опустилась на грудь. Онъ закрылъ лицо руками, стараясь подавить видѣнное проявленіе душевнаго страданія. Я послѣшно отвела ее отъ него, прежде чѣмъ она успѣла замѣтить что не все благополучно. Она сопротивлялась, она спросила меня подозрительно: „зачѣмъ вы уводите меня отъ него?“

Что могла я сказать въ оправданіе? Моя изобрѣтательность истощилась.

Она повторила вопросъ. Въ этотъ разъ судьба пришла намъ на помощь. Когда она старалась высвободиться отъ меня, раздался стукъ въ дверь. „Кто-то идетъ“, сказала я, и въ ту же минуту вошелъ слуга съ письмомъ изъ приходскаго дома.

Г Л А В А XXIX.

Краткій отчетъ о парламентскихъ преніяхъ.

О, желанная помѣха! Послѣ испытаннаго нами, мы всѣ нуждались въ такомъ облегченіи. Намъ отраднo было вернуться къ рутинѣ обыденной жизни. Я спросила кому адресовано письмо. Нюджентъ отвѣчалъ:

— Письмо адресовано мнѣ, а писалъ его мистеръ Финчъ.

Прочитавъ письмо, онъ обратился къ Луциллѣ:

— Я посылаю записку вашему отцу, приглашая его придти сюда, сказалъ онъ.— Въ отвѣтъ мистеръ Финчъ пишетъ что его обязанности удерживаютъ его дома, и что, по его мнѣнію, приходскій домъ самое приличное мѣсто для семейныхъ совѣщаній. Имѣете вы что-нибудь противъ возвращенія домой? Не пойдете ли вы впередъ съ Миссисъ Пратолунго?

Подозрительность Луциллы вспыхнула мгновенно.

— Почему не съ Оскаромъ? спросила она.

— По лисьму вашего отца, началъ Нюджентъ,—я вижу что онъ немного обиженъ моимъ прежнимъ увѣдомленіемъ о происходившемъ здѣсь разговорѣ. Я думалъ что еслибы вы и Мисе Пратолунго пошли впередъ, то вы могли бы помирить насъ съ ректоромъ и увѣрить его что мы не имѣли намѣренія оскорбить его, прежде чѣмъ мы съ Оскаромъ придемъ. Согласитесь что было бы лучше, еслибы вы это сдѣлали.

Разлучивъ такъ ловко Луциллу съ Оскаромъ и выигравъ время усложить и ободрить брата, прежде чѣмъ они опять встрѣтятся, Нюджентъ отворилъ намъ дверь. Мы оставили близнецовъ вдвоемъ въ скромной маленькой комнаткѣ, въ которой произошла сцена одинаково достопамятная для всѣхъ насъ, какъ по своему интересу, такъ и по своимъ послѣдствіямъ.

Полчаса позже мы были всѣ въ сборѣ въ приходскомъ домѣ.

Наши отсроченныя пренія (исключая незначительнаго предложенія сдѣланнаго мною) оказались бесполезными. Результатъ ихъ можетъ быть вѣрно переданъ рѣчью произнесенною мистеромъ Финчемъ.

Въ этомъ случаѣ (имѣя въ виду болѣе важныя обстоятельства) я беру на себя смѣлость сократить рѣчь досточтимаго джентльмена, въ *pendant* къ его фигурѣ. Какъ фигура его коротка, такъ и рѣчь его, въ первый разъ въ его жизни, будетъ коротка.

Досточтимый Финчъ всталъ и заявилъ что онъ протестуетъ противъ всего. Противъ полученія приглашенія на карточкѣ, а не на бумагѣ; противъ предположенія что онъ явится лишь только его позовутъ; противъ того что его увѣдомили послѣ всѣхъ (а не прежде всѣхъ) о безумномъ мнѣніи мистера Нюджента Дюбура о слѣпотѣ его бѣдной дочери; противъ хирурга Нѣмца, какъ несомнѣннаго иностранца, а можетъ-быть и шарлатана; противъ оскорбленія британской медицины приглашеніемъ въ Димчорчъ иностранца; противъ сопряженныхъ съ этимъ расходовъ; наконецъ, противъ самаго предложенія мистера Нюджента Дюбура, какъ предложенія имѣющаго источникомъ возмущеніе противъ мудраго Провидѣнія, а результатомъ смущеніе духа его дочери, „духа подъ моимъ вліяніемъ христіански покорнаго; подъ вашимъ, сэръ, преступно мятежнаго“. Съ этимъ заключительнымъ замѣчаніемъ досточтимый джентльменъ сѣлъ и умолялъ въ ожиданіи отвѣта.

Рѣчь имѣла замѣчательный результатъ, который могъ бы

быть съ пользой допускаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ парламентахъ: никто не возразилъ.

Мистеръ Нюджентъ Дюбуръ всталъ.... нѣтъ! остался на своемъ мѣстѣ и отказался принять какое-либо участіе въ преніяхъ. Онъ готовъ ждать пока наконецъ не оправдаетъ предложенныхъ имъ средствъ. Что же касается до остальнаго, совѣсть его спокойна и онъ вполнѣ готовъ къ услугамъ миссъ Финчъ. (Замѣтка въ скобкахъ: мистеръ Финчъ не отдѣлялся бы такъ легко, еслибы не одно обстоятельство. Я уже говорилъ что въ присутствіи Луциллы онъ могъ легко переговорить Нюджента. Теперь Луцилла присутствовала, и досточтимый Финчъ торжествовалъ.)

Мистеръ Оскаръ Дюбуръ, сидѣвшій притаившись за братомъ, последовалъ примѣру брата.

— Рѣшеніе спорнаго вопроса зависить единственно отъ самой миссъ Финчъ, сказалъ онъ. Своего мнѣнія на этотъ счетъ онъ не имѣеть.

Сама миссъ Финчъ могла заявить только одно: еслибъ она должна была пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ на попытку возвратить себѣ зрѣніе, она пожертвовала бы всѣмъ своимъ состояніемъ. При всемъ своемъ почтеніи къ отцу, она смѣетъ думать что ни онъ и никто другой не въ состояніи понять ея чувствъ въ настоящемъ случаѣ. Она умоляетъ мистера Нюджента Дюбура привезти, не теряя ни минуты, нѣмецкаго хирурга въ Димчорчъ.

Мистрисъ Финчъ, приглашенная вслѣдъ за симъ заявить свое мнѣніе, заговорила послѣ небольшого замедленія, причиненнаго пропажей носоваго платка. Она не имѣеть претензіи перѣчитать своему мужу, который, какъ ей извѣстно, бываетъ всегда и во всемъ правъ, но еслибы нѣмецкій докторъ пріѣхалъ и еслибы мистеръ Финчъ позволилъ, она охотно посоветовалась бы съ нимъ (бесплатно, если возможно) о глазкахъ младенца. Мистрисъ Финчъ начала объяснять что пока еще, сколько она можетъ судить, глазки малютки совершенно здоровы, что ей хотѣлось бы только посоветоваться съ хорошимъ глазнымъ докторомъ на случай если впредь что-нибудь случится, но была призвана къ порядку мистеромъ Финчемъ. Досточтимый джентльменъ обратился въ то же время къ Мисъ Пратолунго съ приглашеніемъ заключить пренія чистосердечнымъ заявленіемъ своего мнѣнія.

Мисъ Пратолунго, говоря въ заключеніе, замѣтила:

Что вопросъ о консультаціи съ нѣмецкимъ хирургомъ она считаетъ (послѣ того что было заявлено самою миссъ Финчъ) вопросомъ рѣшеннымъ. Что поѣтому она предлагаетъ, оставивъ въ сторонѣ рѣшеніе, обратить вниманіе на послѣдствія къ которымъ оно можетъ повести. Что по ея мнѣнію изслѣдованіе шансовъ къ возстановленію зрѣнія миссъ Финчъ повлечетъ за собою послѣдствія столь серіозныя что опасно было бы положиться на рѣшеніе одного человѣка, какъ бы ни былъ онъ искусенъ. Что вслѣдствіе такого мнѣнія она предлагаетъ: во первыхъ, пригласить извѣстнаго англійскаго глазнаго доктора въ одно время съ извѣстнымъ нѣмецкимъ глазнымъ докторомъ; во вторыхъ, чтобъ изслѣдованіе глазъ миссъ Финчъ было произведено обоими докторами вмѣстѣ; въ третьихъ, чтобы рѣшеніе къ которому они придутъ было высказано собранію присутствующихъ здѣсь лицъ и подвергнуто обсужденію до принятія рѣшительныхъ мѣръ. Наконецъ, чтобъ эти ея предложенія были признаны резолюціей и пущены, если нужно, на голоса.

Резолюція, какъ она приведена выше, пущена на голоса.

Большинство утверждаетъ:

Миссъ Финчъ.

Мистеръ Нюджентъ Дюбуръ.

Мистеръ Оскаръ Дюбуръ.

Мме Пратолунго.

Меньшинство отвергаетъ:

Нѣтъ (во избѣжаніе расходовъ), мистеръ Финчъ.

Нѣтъ (потому что мистеръ Финчъ говоритъ „нѣтъ“), мистрисъ Финчъ.

Резолюція принята большинствомъ двухъ голосовъ. Пренія отложены на неопредѣленное время.

На слѣдующее утро, съ первымъ поѣздомъ, Нюджентъ Дюбуръ уѣхалъ въ Лондонъ.

За завтракомъ въ тотъ же день была получена телеграмма, извѣщавшая объ его дѣйствіяхъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я видѣлъ моего друга. Онъ готовъ къ моимъ услугамъ. Онъ также согласенъ посоветоваться съ англійскимъ глазнымъ докторомъ, котораго мы выберемъ и котораго я вѣду отыскивать. Сегодня, позже, будетъ еще телеграмма.“

Вторая телеграмма, полученная вечеромъ, заключалась въ слѣдующемъ:

„Все рѣшено. Доктора выѣзжаютъ завтра со мною изъ Лондона въ двѣнадцать часовъ сорокъ минутъ пополудни.“

Прочитавъ телеграмму Луциллѣ, я послала ее въ Броундоунъ Оскару. Судите сами какъ онъ спалъ и какъ мы спали эту ночь.

Г Л А В А XXX.

Негг Гроссе.

Въ первую половину дня, когда мы ждали докторовъ, случилось нѣсколько происшествій, о которыхъ слѣдовало бы упомянуть здѣсь. Охота передать ихъ у меня большая, умѣнія не хватаетъ.

Когда я оглядываюсь на это достопамятное утро, мнѣ представляется сцена смятенія и ожиданія, одно воспоминаніе о которыхъ даже теперь приводитъ меня въ трепеть. Вещи и лица перепугываются и сливаются. Я вижу предстную фигуру моей слѣлой Луциллы, одѣтой въ розовое и бѣлое, бѣгающей назадъ и впередъ, изъ дома и въ домъ, то сумашествующею отъ нетерпѣнія увидать докторовъ, то содрагающеюся при мысли о предстоящей пыткѣ или объ ожидающемъ ее можетъ-быть разочарованіи. Въ ту же минуту какъ я уловлю его, прекрасный образъ сливается съ жалкою фигурой Оскара, колеблющагося между Броундоуномъ и приходскимъ домомъ, болѣзненно сознающаго новое усложненіе въ своихъ отношеніяхъ съ Луциллой, но недостаточно мужественнаго, даже въ это время, чтобы воспользоваться случаемъ выйти изъ ложнаго положенія. Проходитъ еще минута, и новая фигура, маленькая, горделивая, самоувѣренная фигура врывается на первый планъ, прежде чѣмъ я приготовилась принять ее. Я слышу сильный гомоль, трублящій мнѣ въ уши: „нѣтъ, Мме Пратодунго, ничто не заставитъ меня поддержать моимъ присутствіемъ эту нелѣпую консультацію, эту дерзкую и грѣховную попытку ниспровергнуть опредѣленіе мудраго Провидѣнія чисто человѣческими средствами. Я умываю руки, замѣтите что я употребляю народное выраженіе чтобъ сильнѣе подѣйствовать на ваше воображеніе. Я умываю руки.“ Еще минута, и Финчъ, и его руки исчезаютъ за моимъ умственнымъ горизонтомъ, едва успѣла я уловить ихъ. Сырая мистрисъ Финчъ, съ своимъ младенцемъ, занимаетъ вакантное мѣсто. Она заклинаетъ меня, съ водянистою горячностью, сохранить ея тайну, и повѣряетъ мнѣ о своемъ намѣреніи обмануть, если удастся, бдительность мистера Финча и

привлечь англійскую хирургию и нѣмецкую хирургию къ глазамъ малютки. Вообразите что всѣ эти лица тѣснятся и сталкиваются въ изгибахъ моего ума, какъ будто умъ мой какой-нибудь лабиринтъ; что слова и постулки одного перепутываются со словами и постулками другаго, прибавьте мое собственное волненіе (касавшееся между прочимъ завтрака, приготовленнаго для докторовъ на боковомъ столѣ), и вы не удивитесь, если я перескочу черезъ шесть часовъ драгоценнаго времени и представлю вашимъ взорамъ мою одинокую особу, сидящую въ гостиной въ ожиданіи прибытія докторовъ.

У меня было только два утѣшенія для поддержанія моихъ силъ.

Вопервыхъ, майонезъ изъ цыплятъ моего собственнаго издѣлія, стоявшій на столѣ накрытомъ для завтрака, майонезъ который, какъ произведеніе искусства, былъ положительно восхитителенъ. Вовторыхъ, мое зеленое шелковое платьѣ, отдѣланное знаменитыми кружевами моей матери, другое произведеніе искусства, восхитительное какъ и первое. Смотрѣла ли я на столъ, смотрѣла ли я въ зеркало, я сознавала себя достойною представительницей моей націи, я могла сказать: *France surpète*.

Часы пробили четверть четвертаго. Луцилла, уставъ въ сотый разъ ждать въ своей комнатѣ, показала въ дверяхъ и повторила свой неизмѣнный вопросъ:

- Не видать еще ихъ?
- Нѣтъ, душа моя.
- Когда же они наконецъ пріѣдутъ?
- Терпѣніе, Луцилла, терпѣніе.

Луцилла скрылась съ тяжелымъ вздохомъ. Прошло еще пять минутъ, и въ комнату вошла старая Зилла.

— Пріѣхали, сыдариня, экипажъ уже у воротъ.

Я расправила юбку, я бросила послѣдній выразительный взглядъ на майонезъ. Веселый голосъ Нюджента долетѣлъ до меня изъ сада: „Сюда, господа, за мной.“ Пауза. Шаги. Дверь отворилась. Нюджентъ ввелъ докторовъ.

— Негг Гроссе, изъ Америки. Мистеръ Себрайтъ, изъ Лондона.

Нѣмецъ слегка вздрогнулъ, услыхавъ мое имя. На Англичанина оно не произвело никакого дѣйствія. Негг Гроссе слышалъ о моемъ славномъ Пратолунго. Мистеръ Себрайтъ находился

въ варварскомъ невѣденіи объ его существованіи. Я сначала опишу Гроссе, и опишу съ величайшимъ стараніемъ.

Коренастое, широкое, неуклюжее тѣло колебавшееся на короткихъ, кривыхъ ногахъ; грязное, истасканное, нечищенное платье; большое, широкое, желчно-желтое лицо; щетинистые, густые, съ просѣдью волосы; темныя, выдающіяся брови; вытаращенныя, свирѣпыя черныя глаза, съ большими круглыми очками, стоявшими предъ ними какъ укрѣпленія; жесткая сѣрая съ просѣдью борода; громадный перстень на указательномъ пальцѣ волосатой руки; другая рука безпрестанно погружается въ глубокую серебряную табатерку на подобіе чайницы; грубый, хриплый голосъ; дьявольски-саркастическая улыбка; учтивая, фамиллярная рѣчь; рѣшимость, независимость, сила во всякомъ движеніи,—вотъ портретъ человѣка который держалъ въ своихъ рукахъ (по словамъ Нюджента) судьбу Луциллы.

Англійскій докторъ былъ такъ непохожъ на своего нѣмецкаго коллегу, какъ только одинъ человѣкъ можетъ быть непохожъ на другаго.

Мистеръ Себрайтъ былъ худоцавъ и строенъ и утонченно (непріятно) чистъ и наряденъ. Его мягкіе свѣтлые волосы были тщательно расчесаны; его чисто выбритое лицо обрамлялось небольшими курчавыми баками въ два дюйма длины. Его черное платье сидѣло превосходно; онъ не носилъ никакихъ украшеній, даже часовой цѣпочки; онъ двигался разчитанно, говорилъ обдуманно и спокойно; его сѣрые глаза смотрѣли съ холоднымъ вниманіемъ; его тонкія губы какъ бы говорили: я готовъ, если вы желаете меня видѣть. Очень умный человѣкъ, безъ сомнѣнія, но избави меня Богъ имѣть его единственнымъ спутникомъ въ длинной дорогѣ или сидѣть съ нимъ рядомъ за обѣдомъ.

Я приняла знаменитыхъ посѣтителей такъ любезно какъ только умѣла. Негг Гроссе поздравилъ меня съ моимъ славнымъ именемъ и пожалъ мнѣ руку. Мистеръ Себрайтъ похвалилъ погоду и поклонился. Нѣмецъ остановилъ глаза на столѣ, лишь только оглянулъ комнату. Англичанинъ устался глазами въ окно.

— Не хотите ли закусить, джентльмены.

Негг Гроссе молнулъ своею большою головой съ величайшимъ одобреніемъ. Его дикіе глаза смотрѣли съ жадностью на мой майонезъ.

— Ага! Это я люблю, сказала знаменитый Нѣмецъ, указывая пальцемъ на блюдо.—Вы его умѣете дѣлать, вы дѣлаете его на сливкахъ? Съ цыплятами или съ раками? Я съ раками люблю больше, но и съ цыплятами не дурно. Гарниръ чудесный—анчоусы, оливки, свекла; темное, зеленое, красное, на бѣломъ, жирномъ соусѣ. Вотъ что я называю божественнымъ блюдомъ. Оно прохладительно въ двухъ отношеніяхъ: прохладительно для глазъ, прохладительно для вкуса. So! Мы вторгнемся въ его внутренность. Мадамъ Пратолунго, вамъ начинать.

Такими словами, на странномъ англійскомъ нарѣчьи, употребляя множественное число вмѣсто единственнаго и совершенно исключая изъ англійскаго лексикона союзъ и, Негг Гроссе вѣстилъ о своей готовности приступить къ завтраку. Но англійскій коллега очень вѣжливо попросилъ его заняться паціенткой вмѣсто майонеза.

— Извините, сказала мистеръ Себрайтъ.—Не лучше ли было бы взглянуть на молодую особу, прежде чѣмъ мы займемся чѣмъ-нибудь другимъ. Мнѣ необходимо вернуться въ Лондонъ со слѣдующимъ поѣздомъ.

Негг Гроссе, съ вилокъ въ одной рукѣ, съ ложкой въ другой и съ повязанной уже вокругъ шеи салфеткой, злобно взглянулъ на насъ и скрѣпивъ сердце разстался съ майонезомъ.

— Gut! Сначала сдѣлаемъ свое дѣло, потомъ съѣдимъ свой завтракъ. Гдѣ же паціентка? Скорѣй, скорѣй! Онъ снялъ салфетку, проревѣлъ вздохъ (иначе этого выразить нельзя) и погрузилъ пальцы въ табатерку.—Гдѣ паціентка? повторилъ онъ раздражительно.—Почему она не здѣсь?

— Она ждетъ въ сосѣдней комнатѣ, сказала я.—Я приведу ее сію минуту. Вы извините ее, господа, если найдете ее нѣсколько раздражительною, прибавила я, взглянувъ на докторовъ. Молчаливый Себрайтъ поклонился. Негг Гроссе засмѣялся саркастически.

— Успокойтесь, душа моя, я не такое животное какимъ кажусь.

— Гдѣ Оскаръ? спросилъ Нюджентъ, когда я проходила мимо него, на пути въ комнату Луциллы.

— Передумавъ разъ десять по крайней мѣрѣ, отвѣчала я,—онъ рѣшилъ не присутствовать при изслѣдованіи.

Лишь только я произнесла эти слова, какъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ Оскаръ.

Негг Гроссе, увидавъ его лицо, воскликнулъ:

— Ach, Gott онъ принималъ витратъ серебра. Цвѣтъ лица его испорченъ. Бѣдный малый, бѣдный малый!

Онъ сострадательно покачалъ головой, повернулся и плюнулъ въ уголокъ комнаты. Оскаръ, видимо, обидѣлся; на лицѣ мистера Себрайта выразилось отвращеніе; Нюджента это разсмѣшило. Я вышла изъ комнаты, затворивъ за собою дверь.

Едва сдѣлала я нѣсколько шаговъ по корридору, какъ дверь за мною отворилась. Я оглянулась и увидѣла съ величайшимъ удивленіемъ Негг Гроссе, свирѣло глядѣвшаго на меня сквозь очки и предлагавшаго мнѣ руку.

— Штт! произнесъ славный докторъ грубымъ шелотомъ.— Никому ни слова! я пришелъ помочь вамъ.

— Помочь мнѣ, повторила я.

Негг Гроссе потнудъ головой такъ сильно что громадные очки подпрыгнули на его носу.

— Чтѣ вы сейчасъ сказали? спросилъ онъ.— Вы сказали что пациентка немного раздражительна. Gut! Я просилъ чтобъ идти съ вами вмѣстѣ къ пациенткѣ и помочь вамъ вызвать ее. So! so! Я не такое животное какимъ кажусь. Пойдемъ, скорѣи, скорѣи! Гдѣ она?

Я колебалась съ минуту вести такого страннаго посредника въ спальню Луциллы. Одинъ взглядъ на него убѣдилъ меня. Какъ бы то ни было, онъ докторъ и такой безобразный докторъ! Я взяла его руку.

Мы вошли вмѣстѣ въ комнату Луциллы. Услыхавъ незнакомые шаги рядомъ съ моими, она вскочила съ дивана.

— Кто это? воскликнула она.

— Это я, моя милая, сказалъ Негг Гроссе. — Ach, Gott! какая прекрасная дѣвица! Вотъ цвѣтъ лица по моему вкусу. Удивительный! Я пришелъ посмотрѣть, моя прекрасная миссъ, чтѣ могу я сдѣлать для вашихъ глазокъ. Если я открою вамъ свѣтъ, вы полюбите меня, не правда ли? Вы подѣлуете даже такого безобразнаго Нѣмца какъ я? So! Возьмите мою руку. Мы пойдемъ въ другую комнату. Тамъ другой ждетъ васъ чтобъ открыть вамъ свѣтъ—мистеръ Себрайтъ. Два глазныхъ доктора для одной прекрасной миссъ: англійскій глазной докторъ, нѣмецкій глазной докторъ. Мы выльчимъ прекрасную миссъ. Мадамъ Пратолунго, другая моя рука къ вашимъ услугамъ. Э! Чтѣ такое? Вы смотрите на мой рукавъ. Да, грязень онъ, мнѣ самому совѣстно. Ничего! Въ

другой комнатѣ вы посмотритесь на мистера Себрайтта. Онъ разряженъ, все съ иголочки. Идемъ! Впередъ! Маршъ!

Нюджентъ, ожидавшій насъ въ корридорѣ, растворилъ предъ нами дверь.—Не правда ли, какъ онъ милъ? шепнулъ онъ мнѣ, указывая на своего друга. Мы торжественно вошли въ гостиную. Нашъ Нѣмецъ уже принесъ пользу Луциллѣ. Исслѣдованіе лишилось своего ужаснаго характера по крайней мѣрѣ по вѣшности. Негг Гроссе размѣшилъ ее, Негг Гроссе успокоилъ ее.

Мистеръ Себрайтъ и Оскаръ разговаривали какъ старые знакомые, когда я вернулась въ гостиную. Оскаръ, казалось, понравился сдержанному Англичанину. Даже мистеръ Себрайтъ былъ пораженъ Луциллою: его холодное лицо оживилось, когда его представили ей.

Онъ поставилъ для нея стулъ предъ окномъ. Въ голосѣ его была мягкость, которой я прежде не замѣчала, когда онъ попросилъ ее сѣсть. Она сѣла. Мистеръ Себрайтъ отошелъ въ сторону и поклонился Гроссе, учтиво указывая рукой на Луциллу, что означало: „вы первый“.

Негг Гроссе отвѣчалъ подобнымъ же движеніемъ руки и мотнулъ головой, что означало: „я этого никакъ не ожидалъ“.

— Извините, настаивалъ Себрайтъ.—Какъ старшій, какъ гость въ Англіи, какъ авторитетъ въ нашей профессіи.

Негг Гроссе, въ отвѣтъ, угощая себя табакомъ: щелотку старшему, щелотку гостю въ Англіи, щелотку авторитету. Наступило страшное молчаніе. Ни одинъ изъ докторовъ не хотѣлъ быть первымъ. Нюджентъ вмѣшался.

— Миссъ Финчъ ждетъ, сказалъ онъ.—Идите, Гроссе; вы первый представились ей, вы первый и должны осмотрѣть ее глаза.

Негг Гроссе взялъ двумя пальцами ухо Нюджента и шутя дернулъ его.

— Продувной малый! сказалъ онъ.—У него всегда на языкѣ настоящее слово.

Онъ направился къ стулу Луциллы, но вдругъ остановился съ недовольнымъ взглядомъ. Оскаръ стоялъ наклонясь надъ ней и шепталъ ей на ухо, держа ее руку.

— Э! Что такое? Третій глазной докторъ? Что же вы дѣлаете, милостивый государь? Вы лѣчите глаза молодой особѣ держа руку молодой особы? Вы шарлатанъ! Прочь!

Оскаръ удалился несовсѣмъ довольный. Негг Гроссе поставилъ стулъ противъ Луциллы и снялъ очки. Какъ всѣ близорукие, онъ видѣлъ отлично предметы достаточно къ нему

приближенные. Онъ наклонился къ самому лицу Луциллы и раскрылъ вѣки двумя пальцами, пристально глядя то въ одинъ глазъ, то въ другой.

Была минута величайшаго интереса. Кто могъ сказать какое вліяніе на всю ея будущую жизнь будетъ имѣть этотъ странный, добрый, неуклюжій иностранецъ? Съ какою тревогой смотрѣли мы на его щетинистыя брови, на его вытаращенные глаза. И увы! какъ неутѣшительнъ былъ первый результатъ. Внезапно невольная дрожь отвращенія потрясла Луциллу. Негг Гроссе отскочилъ и взглянулъ на нее съ своею дьявольскою улыбкой.

— Ага! сказалъ онъ.—Понимаю. Я нюхаю, я курю, отъ меня пахнетъ табакомъ. Прекрасная миссъ это чувствуетъ. Она говоритъ въ глубинѣ сердца: Ach Gott, какъ онъ воняетъ!

Луцилла расхохоталась. Негг Гроссе тоже засмѣялся съ не-притворнымъ удовольствіемъ и вытащилъ носовой платокъ изъ кармана ея передника.

— Дайте мнѣ духовъ, сказалъ этотъ милый Нѣмецъ.— Я заткну ей носъ носовымъ платкомъ. Такъ она не будетъ слышать моего табачнаго запаха, все будетъ опять какъ слѣдуетъ, мы будемъ продолжать. Я подала ему бутылку съ лавандовой водой. Онъ смочилъ носовой платокъ и неожиданно ткнулъ его въ носъ Луциллы.—Держите его такъ, миссъ. Теперь вы ни за что не услышите запаха Гроссе. Gut! Мы будемъ продолжать.

Онъ вынулъ изъ кармана жилета увеличительное стекло и дожидаясь пока Луцилла не нахохоталась вдоволь. Тогда изслѣдованіе, столь смѣшное съ виду, столь страшное по своему значенію, пошло опять своимъ порядкомъ. Негг Гроссе разсматривалъ глаза пациентки въ увеличительное стекло; Луцилла сидѣла прислонясь къ спинкѣ кресла и заткнувъ носъ платкомъ.

Прошла минута или немного болѣе, и пытка изслѣдованія кончилась.

Негг Гроссе спряталъ свое увеличительное стекло, перевелъ духъ какъ будто съ облегченіемъ и отнял у Луциллы носовой платокъ.

— Ахъ, какой гадкій запахъ, сказалъ онъ, приложивъ его къ носу, съ гримасой отвращенія.—Табакъ пахнетъ гораздо лучше, прибавилъ онъ, вознаграждая свои ноздри большою щелоткой табаку.—Теперь я приступлю къ разпросамъ, продолжалъ онъ.—Глядите, я стою отъ васъ далеко. Вамъ не нуженъ платокъ, вы не будете слышать моего запаха.

— Моя слѣпота неизлѣчима? спросила Луцилла. Пожалуста скажите мнѣ, сэръ. Буду я слѣпла всю жизнь или нѣтъ?

— Подѣлуете меня, если скажу?

— О, подумайте какъ я безлокоюсь! Пожалуста, пожалуста скажите.

Она хотѣла опуститься на колѣни предъ нимъ. Онъ твердо и ласково удержалъ ее въ креслѣ.

— Ну, ну, ну! будьте умница, скажите-ка мнѣ сначала: когда вы гуляете въ саду, отъ нечего дѣлать, въ ясный, солнечный день, вашимъ глазамъ все равно какъ еслибы вы лежали въ постелѣ среди ночи?

— Нѣтъ.

— А! Нѣтъ. Вы знаете что въ одно время свѣтло, а въ другое страшно темно?

— Да.

— Такъ зачѣмъ же вы у меня спрашиваете останетесь ли вы слѣпою на всю жизнь? Если вы уже столько видите, вы вовсе не слѣпы.

Она захлопала въ ладоши съ слабымъ крикомъ восторга.— О, гдѣ Оскаръ, спросила она тихо.—Гдѣ Оскаръ?

Я оглянулась. Пока мы съ его братомъ слушали, затаивъ духъ, вопросы доктора и отвѣты пациентки, онъ тихо вышелъ изъ комнаты.

Негъ Гроссе всталъ и уступилъ мѣсто мистеру Себрайтту. Въ восторгѣ подтвержденной надежды, Луцилла, казалось, не замѣтила какъ англійскій докторъ усѣлся предъ ней. Его строгое лицо было строже чѣмъ когда-либо. Онъ вынулъ изъ кармана увеличительное стекло и, нѣжно раскрывъ вѣки пациентки, началъ въ свою очередь разсматривать ея глаза.

Исслѣдованіе мистера Себрайтта продолжалось несравненно долѣе чѣмъ исслѣдованіе Гроссе. Онъ производилъ его молча. Кончивъ, онъ всталъ, не сказалъ ни слова и оставилъ Луциллу все въ томъ же состояніи невыразимаго счастья. Она думала, думала, думала о времени когда глаза ея откроются къ новой жизни, когда она прозрѣетъ.

— Ну, спросилъ Нюдженъ нетерпѣливо обращаясь къ мистеру Себрайтту.—Что вы скажете?

— Пока еще ничего. Съ этимъ косвеннымъ упрекомъ Нюджену онъ обратился къ мнѣ.—Сколько мнѣ извѣстно, миссъ Финчъ ослѣпла, или почти ослѣпла, году?

— Да, говорятъ что году, отвѣчала я.

— Нѣтъ ли въ домѣ какой-нибудь особы—родственника или слуги,—кто можетъ передать симптомы замѣченные въ ея младенчествѣ?

Я позвала Зиллу.

— Мать ея умерла, сказала я,—а отецъ ея, по нѣкоторымъ причинамъ, не могъ присутствовать здѣсь сегодня. Ея старая нянька будетъ въ состояніи сообщить все что вы хотите знать.

Зилла пришла. Мистеръ Себрайтъ началъ разспрашивать.

— Были вы въ домѣ когда миссъ Финчъ родилась?

— Да, сударь.

— Было что-нибудь особенное съ ея глазами при рожденіи или вскорѣ потомъ?

— Ничего, сударь.

— Почему вы знаете?

— Я замѣчала что она видитъ. Она глядѣла на свѣчи и хватала все что держали предъ ней, какъ и другія дѣти.

— Какъ вы узнали что она начала слѣпнуть?

— Точно такъ же, сударь. Пришло время когда глаза бѣдняжки сдѣлались безсмысленными, и что бы мы ей ни показывали, утромъ или вечеромъ, она ничего не видѣла.

— Слепота являлась постепенно?

— Да, сударь, какъ говорится, капля по каплѣ. Съ недѣли на недѣлю все хуже и хуже. Ей было немного больше году когда мы убѣдились что она слѣпа.

— Ея отецъ или мать можетъ-быть страдали глазами?

— Никогда, сударь, сколько мнѣ извѣстно.

Себрайтъ обратился къ Гроссе, сидѣвшему за столомъ и не спускавшему глазъ съ майонеза.

— Не желаете ли предложить нянькѣ какой-нибудь вопросъ? спросилъ онъ.

Гроссе пожалъ плечами и указалъ черезъ плечо большимъ пальцемъ въ сторону гдѣ сидѣла Луцилла.

— Ея болѣзнь мнѣ ясна какъ то что два да два—четыре. Ach, Gott, на что мнѣ ваша нянька? Онъ тоскливо повернулся опять къ майонезу.—Мой аппетитъ пропадаетъ! Когда же мы будемъ наконецъ завтракать?

Мистеръ Себрайтъ отпустилъ Зиллу сухимъ наклоненіемъ головы. Его обезкураживающія манеры начинали беспокоить меня. Я рѣшилась спросить пришелъ ли онъ къ какому-нибудь заключенію.

— Позвольте мнѣ переговорить съ моимъ коллегой прежде чѣмъ я вамъ отвѣчу, сказалъ непроницаемый человѣкъ.

Я подошла къ Луциллѣ. Она опять спросила гдѣ Оскаръ. Я сказала что онъ вѣроятно въ саду и увела ее изъ комнаты. Нюдженъ послѣдовалъ за нами. Когда мы проходили мимо стола, Негг Гроссе шепнулъ ему:

— Ради всего святаго приходите скорѣй, будемъ завтракать.

Мы оставили несходную лару совѣщаться въ гостинойю.

Г Л А В А XXXI.

Кто рѣшитъ, когда доктора несогласны?

Прошло не болѣе десяти минутъ какъ мы вышли въ садъ, когда насъ поразили дикіе возгласы на ломаномъ англійскомъ языкѣ, раздававшіеся изъ окна гостинойю.—„Го-го-го! Го-го! Го-го!“ Мы оглянулись и увидали Негг Гроссе, злобно махавшаго намъ въ окно большимъ краснымъ платкомъ.

— Завтракать! Завтракать! кричалъ Нѣмецъ.—Консультація кончена. Сюда! Скорѣй! Скорѣй!

Покоряясь этому повелительному призыву, Луцилла, Нюдженъ и я вернулись въ гостиную. Мы нашли Оскара, какъ я предчувствовала, одиноко бродящимъ по саду. Онъ попросилъ меня знакомъ не говорить объ его присутствіи Луциллѣ и поспѣшилъ скрыться въ одной изъ боковыхъ дорожекъ. Его волненіе было ужасно. Его рѣшительно нельзя было представить Луциллѣ въ эту тревожную минуту.

Когда мы вышли изъ гостинойю, оставивъ докторовъ совѣщаться, я послала съ Зиллой небольшую записку досточтимому Финчу, умоляя его (хоть ради приличія) измѣнить свое рѣшеніе и присутствовать въ великую для его дочери минуту, когда доктора выскажутъ свое мнѣніе объ ея слѣпотѣ. Поднимаясь на лѣстницу, на обратномъ пути, я получила отвѣтъ на клочкѣ бумаги для проповѣдей. „Мистеръ Финчъ отказывается подчинить свои принципы расчетамъ внушаемымъ тщеславіемъ. Онъ желаетъ наломать мадамъ Пратолунго то что она уже слышала отъ него. Иными словами, онъ повторяетъ, и проситъ ее въ этотъ разъ заломнить, что онъ умываетъ руки.“

Возвратясь въ гостиную, мы нашли знаменитыхъ докторовъ сидящими такъ далеко другъ отъ друга какъ только было возможно. Оба были заняты чтеніемъ. Мистеръ Себрайтъ читалъ книгу, Негг Гроссе читалъ майонезъ.

Я сѣла рядомъ съ Луциллою и взяла ея руку. Рука была холодна какъ ледъ. Моя бѣдняжка дрожала. Какія минуты

невъразимаго страданія пережила она въ ожиданіи приговора докторовъ! Я сжала ея маленькую, холодную руку и шепнула: „ободритесь“. Я могу сказать (хотя я не изъ сентиментальныхъ) что сердце мое обливалось кровью за нее.

— Каковъ результатъ, джентльмены, спросилъ Нюджентъ: — согласны вы другъ съ другомъ?

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Себрайтъ, кладя въ сторону книгу.

— Нѣтъ, сказалъ Гроссе, пожирая глазами майонезъ.

Луцилла повернулась ко мнѣ. Она блѣднѣла, дыханіе ея становилось прерывистѣе. Я шепотомъ попросила ее успокоиться:

— Одинъ изъ нихъ во всякомъ случаѣ думаетъ что вамъ можно возвратить зрѣніе. Она меня поняла и тотчасъ же стала спокойнѣе. Нюджентъ продолжалъ предлагать вопросы обоимъ докторамъ вмѣстѣ.

— Въ чемъ же вы несогласны? спросилъ онъ. Позвольте намъ узнать ваши мнѣнія.

Доктора возобновили свое тяжелое состязаніе въ учтивости. Себрайтъ поклонился Гроссе: „вы первый“. Гроссе поклонился Себрайту: „нѣтъ, вы“. Мое терпѣніе не вынесло такого жестокаго и смѣшнаго профессиональнаго этикета.

— Говорите оба разомъ, джентльмены, сказала я рѣзко. — Ради Бога, дѣлайте что угодно, только не заставляйте насъ ждать. Возможно ли нѣтъ возвратить ей зрѣніе?

— Да, сказалъ Негг Гроссе.

Луцилла вскочила съ радостнымъ крикомъ.

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Себрайтъ.

Луцилла упала опять въ кресло и молча положила голову на мое плечо.

— Согласны вы насчетъ причины ея слѣпоты? спросилъ Нюджентъ.

— Причина катарактъ, отвѣчалъ Гроссе.

— Съ этимъ я согласенъ, сказалъ Себрайтъ. — Причина катарактъ.

— Катарактъ излѣчимъ, продолжалъ Нѣмецъ.

— Я опять согласенъ, но съ оговоркой—катарактъ иногда излѣчимъ.

— Этотъ катарактъ излѣчимъ! воскликнулъ Гроссе.

— Съ величайшимъ почтеніемъ я оспариваю это заключеніе, сказалъ Себрайтъ. — Катарактъ миссъ Финчъ неизлѣчимъ.

— Можете вы сказать намъ на чемъ вы основываете это заключеніе, сэръ? спросила я.

— Мое заключеніе основано на медицинскихъ расчетахъ, которыхъ нельзя понять безъ спеціального образованія, возразилъ мистеръ Себрайтъ. — Я могу только сказать что послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія я убѣдился что миссъ Финчъ утратила зрѣніе безвозвратно. Всякая попытка возвратить его посредствомъ операціи была бы, по моему мнѣнію, необъяснима. Молодая особа выдержала бы не только операцію, она должна была бы высиживать въ темной комнатѣ по крайней мѣрѣ шесть недѣль или два мѣсяца. Нечего напоминать вамъ что въ продолженіи этого времени въ ней созрѣла бы сильнѣйшая надежда прозрѣть. Помня это и полагая что ея жертва оказалась бы подъ конецъ бесполезною, я считаю весьма не желательнымъ подвергать нашу пациентку нравственнымъ послѣдствіямъ разочарованія, которое должно сильно подѣйствовать на нее. Она съ дѣтства покорилась своему несчастію. Какъ честный человѣкъ, считающій своимъ долгомъ высказаться прямо, я совѣтую вамъ не смущать ее болѣе. Я объявляю что операція, по моему мнѣнію, будетъ навѣрно бесполезна и можетъ - быть опасна.

Въ такихъ откровенныхъ словахъ Англичанинъ выразилъ свое мнѣніе.

Луцилла держалась за мою руку.

— Жестокій! жестокий! шептала она. Я пожала ея руку, совѣтуя ей потерпѣть и взглянула (какъ и Нюджентъ) въ безмолвномъ ожиданіи на Гроссе. Нѣмецъ всталъ порывисто и подошелъ раскачиваясь ко мнѣ и Луциллѣ.

— Кончилъ ли почтеннѣйшій мистеръ Себрайтъ? спросилъ онъ

Себрайтъ отвѣчалъ своимъ неизмѣннымъ поклономъ.

— Gut! Теперь мой чередъ сказать мое мнѣніе, началъ Гроссе. — Нѣсколько словъ, не болѣе. Съ глубочайшимъ почтеніемъ къ мистеру Себрайту, я опровергаю то что онъ только полагаетъ, тѣмъ что я... Гроссе... вотъ этими моими руками сдѣлалъ. Катарактъ этой миссъ такой катарактъ какіе я уже сдѣлалъ, какіе я вылѣчивалъ. Смотрите!

Онъ внезапно повернулся къ Луциллѣ, взявъ двумя указательными пальцами ея лобъ, и большими тихо отвернулъ ея вѣки.

— Я даю вамъ мое докторское слово что мой ножикъ впуститъ сюда свѣтъ. Эта хорошенькая дѣвушка сдѣлается краше. Моя милая Финчъ должна сначала придти въ свое лучшее здоровье. Потомъ дать мнѣ волю дѣлать что я хочу, и тогда: разъ, два, три — чикъ! Моя милая Финчъ будетъ видѣть! Съ

послѣдними словами онъ опять приподнялъ рѣсницы Луциллы, свирѣло взглянулъ на нее сквозь очки, звучно поцѣловалъ ее въ лобъ, захохоталъ такъ что посуда задрожала и возвратился къ своему посту часового предъ майнезомъ.

— Ну, теперь разговоры кончены, воскликнулъ онъ весело.— Слава Богу, начнется ѣда!

Луцилла встала.

— Негг Гроссе, сказала она, — гдѣ вы?

— Здѣсь, душа моя.

Она подошла къ столу гдѣ онъ сидѣлъ уже занятый разрѣзываніемъ своего любимаго блюда.

— Вы сказали что вамъ нуженъ ножикъ чтобы возвратити мнѣ зрѣніе? спросила она спокойно.

— Да, да! Вы этого не бойтесь. Не очень больно, совсѣмъ не больно.

Она шутливо потрепала его по плечу.

— Встаньте, Негг Гроссе, сказала она.—Если ножикъ съ вами, я готова, сдѣлайте операцию сейчасъ.

Нюджентъ содрогнулся. Себрайтъ содрогнулся. Ея смѣлость поразила ихъ обоихъ. Чтѣ же касается меня, никто въ мірѣ такъ не боится медицинскихъ операций какъ я. Луцилла привела меня въ ужасъ. Я безъ памяти бросилась къ ней. Я была даже такъ глупа что вскрикнула.

Прежде чѣмъ я добѣжала до нея, Негг Гроссе, покоряясь приказанію, всталъ съ лучшимъ кускомъ дыленка на концѣ вилки.

— Ахъ, вы милая дурочка, оказалъ онъ.—Развѣ такъ срѣзаютъ катаракты? Сегодня я сдѣлаю съ вами только одну операцию. Вотъ! Съ этими словами онъ безцеремонно всунулъ кусокъ дыленка въ ротъ Луциллы. Ага! кусайте его хорошенько. Чудесный дыленокъ. Ну чтѣ же? Садитесь всѣ. Завтракать! Завтракать!

Онъ былъ непреклоненъ. Мы всѣ сѣли за столъ.

Мы ѣли. Негг Гроссе поглощалъ. Отъ майнеза къ мармаладному тарту. Отъ мармаладнаго торта опять къ майнезу. Отъ майнеза къ ветчинѣ и къ бланманже. Отъ бланманже (даю честное слово) опять къ майнезу. Пилъ онъ такъ же какъ и ѣлъ. Пиво, вино, водка—онъ ничего не пропустилъ и смѣшивалъ все вмѣстѣ. Чтѣ же касается до лакомствъ—миндаля, изюма, конфектъ, засахаренныхъ фруктовъ, они служили ему приправой ко всему. Блюдо оливокъ пришлось ему особенно по вкусу.

Онъ взялъ ихъ двѣ горсти и опустилъ въ карманы панталонъ.

— Такимъ образомъ, сказалъ онъ,—я избавлю васъ отъ труда передавать мнѣ блюдо и буду имѣть при себѣ столько оливковъ сколько мнѣ нужно.

Когда онъ не могъ уже болѣе ни ѣсть, ни пить, онъ свернулъ салфетку въ комокъ и сдѣлался набожно благодаренъ.

— Какъ милостивъ Богъ, замѣтилъ онъ,—что сотворивъ мѣръ, сотворилъ вмѣстѣ съ нимъ ѣду и питье! Ахъ, вздохнулъ онъ, нѣжно приложивъ растопыренныя руки къ желудку, — какое это для насъ великое счастье!

Мистеръ Себрайтъ взглянулъ на часы.

— Если мы еще будемъ говорить объ операціи, начнемъ немедленно, объявилъ онъ.—У насъ осталось не болѣе пяти свободныхъ минутъ. Вы слышали мое мнѣніе. Я остаюсь при немъ.

Негъ Гроссе вынулъ целотку табаку.

— А я остаюсь при моемъ мнѣніи, сказалъ онъ.

Луцилла обратилась въ сторону мистера Себрайта.

— Я благодарна вамъ, сэръ, за то что вы высказали свое мнѣніе, сказала она спокойно и твердо.—Я рѣшилась подвергнуться операціи. Если она не удастся, я только останусь попрежнему слѣпа. Въ случаѣ успѣха, она дастъ мнѣ новую жизнь. Я все вынесу, я всемъ рискну имѣя надежду прозрѣть.

Такъ она объявила о своемъ рѣшеніи и подготовила этими достопамятными словами событіе которое эти страницы имѣютъ цѣлью описать.

Мистеръ Себрайтъ отвѣчалъ ей съ своимъ неизмѣннымъ благоразуміемъ.

— Я не могу сказать что ваше рѣшеніе меня удивляетъ. Хотя я очень сожалѣю что вы его приняли, я согласенъ что оно самое естественное рѣшеніе въ вашемъ положеніи.

Луцилла обратилась къ Гроссе.

— Назначте какой вамъ угодно день, сказала она.— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Завтра, если возможно.

— Скажите мнѣ, миссъ, спросилъ Нѣмецъ съ внезапною серіозностью въ тонѣ и пріемахъ,—намѣреніе ваше твердо?

Она отвѣчала ему тоже серіозно:

— Мое намѣреніе твердо.

— Gut! Шутка шуткой, милая моя, а дѣло дѣломъ. Теперь о дѣлѣ. Я долженъ сказать вамъ мое послѣднее слово прежде чѣмъ уйду.

И глядя на Луциллу своими дикими черными глазами сквозь

большіе круглыя очки, онъ началъ убѣждать ее на своемъ ломаномъ англійскомъ языкѣ что она должна подумать хорошенько и приготовиться прежде чѣмъ рѣшиться подвергнуться операциі. Для меня было большимъ утѣшеніемъ замѣтить перемѣну въ его обращеніи съ нею. Онъ говорилъ съ авторитетомъ; его она должна будетъ слушаться.

— Вопервыхъ, предупредилъ онъ Лудиллу—въ случаѣ неудачи операциі, повторить се не будетъ возможности. Каковы бы ни были результаты, они будутъ окончательными.

Вовторыхъ, прежде чѣмъ рѣшиться сдѣлать операцию, онъ долженъ быть вполне увѣренъ что нѣкоторыя условія, необходимыя для успѣха, будутъ строго исполнены какъ самою пациенткой, такъ и ея родными и друзьями. Мистеръ Себрайтъ нисколько не преувеличилъ періодъ времени который придется высидѣть послѣ операциі въ темной комнатѣ. Глаза ея не будутъ развязаны ни на минуту раньше шести недѣль. Въ продолженіи всего этого времени, и вѣроятно въ продолженіи еще шести недѣль, пациентка должна быть совершенно здорова, чтобы зрѣніе ея возстановилось вполне. Если тѣло и духъ не будутъ въ наилучшемъ состояніи, никакое искусство не поможетъ. Все что могло бы возбуждать или волновать ее, должно быть изгнано изъ спокойной рутинной обыденной жизни, пока ея докторъ не убѣдится что зрѣніе ея возстановлено. Строгому настаиванію на этихъ условіяхъ онъ обязанъ значительною долей своихъ успѣховъ. Онъ знаетъ по собственному опыту какое важное вліяніе общее здоровье пациента, какъ физическое такъ и нравственное, имѣетъ на успѣхъ операциі, въ особенности операциі надъ такими нѣжными органами какъ глаза.

Высказавъ все это, Негг Гроссе обратился къ ея здравому смыслу, совѣтуя ей обдумать хорошенько свое рѣшеніе и посоветоваться съ родными и друзьями. Словомъ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ по крайней мѣрѣ, ея докторъ долженъ имѣть полное право регулировать ея жизнь и производить въ ней перемѣны какія онъ сочтетъ нужными. Если она и члены ея семейства согласятся покориться этому условію, ей будетъ стоить только написать ему въ его лондонскую гостиницу. На слѣдующій день онъ будетъ въ Димчорчъ и сдѣлаетъ операцию, если найдетъ здоровье больной удовлетворительнымъ.

Закончивъ этимъ общаніемъ, Негг Гроссе выпустилъ остатокъ воздуха глубокимъ горловымъ „Га“ и быстро вскочилъ

на свои короткія ноги. Въ ту же минуту Зилла постучала въ дверь и объявила что экипажъ ожидаетъ джентльменовъ у садовой калитки.

Мистеръ Себрайтъ всталъ, и какъ бы сомнѣваясь что собрать его кончилъ, сказалъ:

— Я васъ не стѣсняю. У меня есть дѣло въ Лондонѣ и мнѣ рѣшительно необходимо вернуться со слѣдующимъ поѣздомъ.

— So! У меня есть тоже дѣло въ Лондонѣ, отвѣчалъ его собрать, — или, лучше сказать, развлеченіе. (Мистеръ Себрайтъ, казалось, былъ неприятно изумленъ, услыжавъ такое откровенное признаніе отъ дѣловаго человѣка). Я страшно люблю музыку, продолжалъ Гроссе, и не хочу опоздать къ оперѣ. Ach, Gott! какъ музыка дорога въ Англии! Я взбираюсь на галерею и плачу пять серебряныхъ шиллинговъ. За пять мѣдныхъ грошей я въ моемъ отечествѣ получилъ бы то же самое, только лучшаго достоинства. Отъ всей души благодарю васъ, сударыня, продолжалъ онъ, дружески прощаясь со мной, отъ всей души благодарю васъ за майонезъ. Пожалуста въ слѣдующій мой пріѣздъ угостите меня опять этимъ чуднымъ блюдомъ. Онъ повернулся къ Луциллѣ и въ послѣдній разъ поднялъ ея вѣки своими большими пальцами. — Помните, моя милая Финчъ, что сказалъ вамъ вашъ докторъ. Я влущу сюда свѣтъ, но когда захочу и какъ захочу. Милое созданіе! и во сколько разъ милѣе будетъ она, когда прозрѣетъ.

Онъ взялъ руку Луциллы и, сентиментально приложивъ ее къ сердцу, прикрылъ другою рукой, какъ бы для того чтобы согрѣть ее. Въ этой вѣжливой позѣ онъ промывалъ громкій вздохъ, мотнулъ головой, подмигнулъ мнѣ сквозь очки и заковылялъ за мистеромъ Себрайтомъ, уже спускавшимся съ лѣстницы. Кто отгадалъ бы что этотъ человѣкъ могъ дать Луциллѣ новую жизнь?

ГЛАВА XXXII.

Нечего и думать о свадьбѣ!

Нюджентъ пошелъ проводить докторовъ къ садовой калиткѣ, и мы остались вдвоемъ.

Теперь, когда мы были однѣ, Луцилла не могла не обратить вниманія на отсутствіе Оскара. Но лишь только она заговорила о немъ, и въ такихъ выраженіяхъ что мнѣ не легко

было бы успокоить ее, насъ прервалъ долетѣвшій изъ сада крикъ младенца. Я подошла къ окну и стала смотрѣть.

Мистрисъ Финчъ дѣйствительно исполнила свое отчаянное намѣреніе подстеречь докторовъ чтобы посоветоваться о глазахъ младенца. Въ ленюарѣ и шали, бросивъ повѣсть на одну сторону лужайки и платокъ на другую, она преслѣдовала докторовъ на ихъ пути къ экипажу. Неггъ Гроссе, мало заботившійся о соблюденіи приличій, бѣжалъ, заткнувъ уши отъ кричавшаго младенца, такъ быстро, какъ только позволяли ему его короткія ноги. Нюджентъ лерегналъ его, слѣдша отворить садовую калитку. Мистеръ Себрайтъ, которому докторское достоинство не позволяло бѣжать, составлялъ аррьергардъ. Мистрисъ Финчъ, слѣдовавшая за нимъ по пятамъ, протягивала ему младенца для осмотра. Мистеръ Себрайтъ, вѣжливо протестуя, отмахивался руками. Нюджентъ съ громкимъ хотомъ отворилъ садовую калитку. Гроссе выбѣжалъ и исчезъ, Себрайтъ послѣдовалъ за Гроссе, мистрисъ Финчъ хотѣла послѣдовать за Себрайтомъ, когда на сценѣ появилось новое лицо. Потревоженный шумомъ въ святлицѣ своего кабинета, ректоръ вышелъ величественно въ садъ и мгновенно остановилъ мистрисъ Финчъ, спросивъ своими глубочайшими басовыми нотами: „Что это за непристойный шумъ?“

Экипажъ тронулся; Нюджентъ затворилъ калитку.

Ректоръ и Нюджентъ обмѣнялись нѣсколькими словами, слышными для меня и относившимися, какъ я предположила, къ посѣщенію докторовъ. Мистеръ Финчъ, очевидно оскорбленный тѣмъ что услышалъ, отвернулся отъ Нюджента и обратился къ Оскару, появившемуся на лужайкѣ, лишь только экипажъ отѣхалъ отъ калитки. Ректоръ дружески взялъ его подъ руку и протянулъ другую мистрисъ Финчъ. Величественно шагая между ними къ дому, досточтимый Финчъ заявлялъ свое достоинство поочередно то Оскару, то женѣ. Его густой башъ, сопровождаемый плачемъ надорвавшагося ребенка, доносился до меня явственно.

Димчорскій папа началъ слѣдующими ужасными словами:

— Оскаръ! Я хочу чтобы вы поняли ясно что я держусъ моего протеста противъ грѣховнаго вмѣшательства въ судьбу моей бѣдной дочери. Мистрисъ Финчъ! я хочу чтобы вы поняли что я прощаю вашу непристойную логоню за двумя незнакомыми докторами, во вниманіе къ положенію въ которомъ вы находитесь теперь. Послѣ вашихъ восьмыхъ родовъ, какъ

мнѣ помнится, вы были истерически-неестественны въ своихъ поступкахъ. Молчите. Вы теперь опять истерически неестественны. Оскаръ! я отказываюсь, изъ уваженія къ собственному достоинству, присутствовать при совѣщаніяхъ которыя могутъ послѣдовать за посвѣщеніемъ этихъ двухъ специалистовъ. Но я не прочь давать вамъ совѣты для вашего блага. Я умываю руки. Умойте и вы свои. Мистрисъ Финчъ! сколько прошло времени съ тѣхъ поръ какъ вы ѣли въ послѣдній разъ? Два часа? Вы вполнѣ увѣрены что два часа? Хорошо. Вамъ необходимо употребить что-нибудь успокоительное. Я предлагаю вамъ теплую ванну и сидѣть въ ней пока я не приду къ вамъ. Оскаръ! въ васъ мало нравственнаго вѣса, другъ мой. Попробуйте воспротивиться рѣшительно всѣмъ планамъ моей дочери и тѣхъ кто руководить ею,—планамъ сопряженнымъ съ большими издержками и повтореніемъ посвѣщенія специалистовъ. Мистрисъ Финчъ! Температура должна быть девяносто восемь, а положеніе наклонное. Оскаръ! я уполномочиваю васъ (если пельза будетъ остановить ихъ иначе) положить на вѣсы мой нравственный вѣсъ. Позволяю вамъ сказать: „Я этому воспротивляюсь съ одобренія мистера Финча. Меня такъ-сказать поддерживаетъ мистеръ Финчъ.“ Мистрисъ Финчъ! я хочу чтобы вы поняли цѣль ванны. Молчите. Цѣль—произвести легкую реакцію на кожу. Одна изъ женщинъ должна смотрѣть на вашу лобъ. Лишь только она замѣтитъ испарину, пусть бѣжитъ за мной. Оскаръ! вы дадите мнѣ знать къ какому результату они придутъ въ комнатѣ моей дочери. То что они скажутъ не тогда, когда только выслушаютъ васъ, но когда мой нравственный вѣсъ будетъ положенъ на вѣсы. Мистрисъ Финчъ! Послѣ ванны вы одѣнетесь полегче. Я запрещаю, изъ опасенія за вашу голову, всякое стѣсненіе шнуровками или тесемками вокругъ талии. По той же причинѣ я запрещаю подвязки. Вы воздержитесь отъ чая и разговора. Вы будете лежать раздѣтая, на сплнѣ. Вы....

Что еще предстояло сдѣлать несчастной женщинѣ, я не слышала. Мистеръ Финчъ скрылся съ ней за угломъ дома. Оскаръ стоялъ у двери нашей половины, пока къ нему не присоединился Нюджентъ, возвращавшійся въ гостиную, гдѣ мы ихъ ожидали.

Спустя нѣсколько минутъ братья вошли.

Я замѣтила что во все время посвѣщенія докторовъ Нюджентъ упорно держался на заднемъ планѣ. Принявъ на свою

отвѣтственность предложить медицинское освидѣтельствованіе глазъ Луциллы, онъ, казалось, рѣшился ни во что болѣе не вмѣшиваться. И теперь, когда нашъ маленькій комитетъ собрался опять для совѣщаній, онъ воздержался отъ активнаго вмѣшательства въ дѣло.

— Я привелъ Оскара, сказалъ онъ Луциллѣ. — Я сказалъ ему какъ далеко несогласны мнѣнія докторовъ. Онъ знаетъ также что вы рѣшились руководствоваться болѣе благоприятнымъ для васъ мнѣніемъ Гроссе. Больше онъ ничего не знаетъ.

Онъ рѣзко оборвалъ рѣчь и сѣлъ отдѣльно отъ насъ въ концѣ комнаты.

Луцилла тотчасъ же накинулась на Оскара.

— Почему вы скрывались? спросила она. — Почему вы не были со мной въ самую важную минуту моей жизни?

— Потому что я слишкомъ горячо сочувствовалъ вашему тяжелому положенію, отвѣчалъ Оскаръ. — Не считайте меня невнимательнымъ къ вамъ, Луцилла. Присутствуя при изслѣдованіи, я не былъ бы въ состояніи управлять собою.

Мнѣ такой отвѣтъ показался слишкомъ ловкимъ чтобъ Оскаръ могъ выдумать его тутъ же. Притомъ, произнося послѣднія слова, онъ взглянулъ на брата. Можно было сказать почти навѣрное, какъ ни коротко было время между ихъ встрѣчей и появленіемъ въ гостиной, что Оскаръ совѣтовался съ Нюджентомъ, и тотъ научилъ его какъ отвѣчать.

Луцилла приняла его извиненіе съ большою готовностью.

— Мистеръ Себрайтъ объявилъ мнѣ, Оскаръ, что зрѣніе мое потеряно безвозвратно, сказала она. — Негг Гроссе, напротивъ, ручается что операція возвратитъ мнѣ его. Нечего и говорить которому изъ двухъ я вѣрю. Еслибъ я могла настоять на своемъ, Гроссе сдѣлалъ бы мнѣ операцію прежде чѣмъ уѣхалъ въ Лондонъ.

— Онъ отказался?

— Да.

— Почему?

Луцилла передала ему причины по которымъ Гроссе считалъ необходимымъ отложить операцію. Оскаръ выслушалъ ее внимательно, и прежде чѣмъ отвѣтить взглянулъ на брата.

— Сколько я понимаю, сказалъ онъ, — вы рѣшаетесь сдѣлать операцію немедленно и затѣмъ выдержать шесть недѣль заключенія въ темной комнатѣ и еще шесть недѣль полной зависи-

мости отъ вашего доктора. Подумали ли вы, Луцилла, что это значитъ отложить нашу свадьбу по крайней мѣрѣ на три мѣсяца?

— Будь вы на моемъ мѣстѣ, Оскаръ, вы тоже отстранили бы все что прелятствовало бы вашему исцѣленію, даже свадьбу. Не говорите мнѣ—подумать, милый мой. Я могу думать только о томъ что увижу васъ.

Это смѣлое, откровенное признаніе заставило его замолчать. Онъ случайно сѣлъ противъ зеркала такъ что могъ видѣть свое лицо. Несчастный быстро передвинулъ стулъ.

Я взглянула на Оскара и поймала его на попыткѣ уловить взглядъ брата. Подученный имъ, въ чемъ я теперь уже не сомнѣвалась, Оскаръ коснулся вопроса не выходившаго у меня изъ головы съ тѣхъ поръ какъ у насъ зашла рѣчь объ операциі.

(Здѣсь надо сказать что свадьба Оскара и Луциллы была еще разъ отложена, вслѣдствіе опасной болѣзни Луциллиной тетки. Миссъ Бечфордъ, приглашенная, конечно, присутствовать при бракосочетаніи, была такъ внимательна что просила не откладывать для нея брака. Но Луцилла не согласилась праздновать свадьбу въ такое время когда женщина которая была для нея второю матерью лежитъ при смерти. Ректоръ, неравнодушный къ деньгамъ миссъ Бечфордъ, одобрилъ рѣшеніе дочери, и Оскаръ принужденъ былъ покориться. Съ тѣхъ поръ прошло уже три недѣли, и мы получили извѣстіе что старушка выздоравливаетъ и черезъ двѣ недѣли будетъ въ состояніи присутствовать на свадьбѣ. Вѣнчальное платье невѣсты было уже привезено, отецъ невѣсты приготовился уже совершить церемонію, и вдругъ возникъ вопросъ объ операциі, угрожавшій новою отерочкой мѣсяца на три по крайней мѣрѣ. Къ этому прибавилось еще слѣдующее усложненіе. Если Луцилла настоитъ на своемъ рѣшеніи, а Оскаръ будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи скрыть отъ нея истину, къ чему это поведетъ? Ни къ чему иному какъ къ слѣдующему: если операциа удастся, Луцилла откроетъ обманъ собственными глазами и откроетъ его до, а не послѣ свадьбы. Какъ она къ нему отнесется, никто изъ насъ не могъ предугадать. Таково было наше положеніе, когда мы сидѣли вмѣстѣ послѣ посвѣщенія докторовъ.)

Не успѣвъ привлечь вниманіе брата, Нюджентъ былъ вынужденъ вмѣшаться лично.

— Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, Луцилла, сказалъ онъ,—что вы обязаны обсудить вопросъ со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе. Впервыхъ, Оскару будетъ,

конечно, очень тяжело покориться новой отсрочкѣ. Вовторыхъ, Негг Гроссе, какъ онъ ни искусенъ, не всемогущъ. Операция можетъ не удался, и трехъ-мѣсячная отсрочка окажется бесполезною. Вы должны объ этомъ подумать. Отложивъ операцию до послѣ-свадьбы, вы примирили бы всѣ интересы и отсрочили бы только на мѣсяць, или около того, время возстановленія вашего зрѣнія.

Луцилла качала головой съ нетерпѣніемъ.

— Еслибы вы были слѣпы, сказала она,—вы неохотно отложили бы время исцѣленія даже на одинъ часъ. Вы говорите мнѣ—подумать. Я прошу васъ тоже подумать о годахъ которые я уже потеряла, с невыразимомъ счастіи которое я буду ощущать стоя съ Оскаромъ предъ алтаремъ и видя мужа которому отдаюсь на всю жизнь. Отложить на мѣсяць! Это все равно что еслибы вы сказали мнѣ умереть на мѣсяць. Сидѣть здѣсь слѣпой и знать что на разстояніи нѣсколькихъ часовъ вьды есть человекъ который можетъ возвратитъ мнѣ зрѣніе! Я говорю вамъ всѣмъ прямо: если вы будете противорѣчить мнѣ, я за себя не ручаюсь. Если Негг Гроссе не будетъ въ Димчорчѣ въ концѣ этой недѣли... я не ребенокъ, я сама поѣду въ Лондонъ.

Оба брата взглянули на меня.

— Вы не имѣете ничего сказать, Мме Пратолувго? спросилъ Нюджентъ.

Оскаръ отъ волненія не могъ говорить. Онъ тихо подошелъ къ моему стулу, опустился предо мной на колѣни и съ умоляющимъ взглядомъ прижалъ мою руку къ губамъ.

Можете считать меня безсердечною женщиной, если угодно, но меня это нисколько не тронуло. Интересы Луциллы и мои интересы были теперь тождественны. Я рѣшила съ самаго начала что она не выйдетъ замужъ не узнавъ напередъ кто человекъ обезображенный синимъ цвѣтомъ лица. Если она слѣдуетъ то что дастъ ей возможность открыть истину собственными глазами до свадьбы, это избавитъ меня отъ тяжелой и щекотливой обязанности, и она выйдетъ замужъ, какъ я и хотѣла, зная всю правду. При такомъ положеніи дѣлъ я не могла содѣйствовать братьямъ въ попыткѣ отложить операцию. Напротивъ, мнѣ слѣдовало поддерживать ее.

— Я не считаю себя въ правѣ вмѣшиваться, отвѣчала я.— На мѣстѣ Луциллы, послѣ двадцати одного года слѣпоты, я

тоже отстранила бы все что мѣшало бы мнѣ возвратить себѣ зрѣніе какъ можно скорѣе.

Оскаръ всталъ, обиженный моимъ отвѣтомъ, и отошелъ къ окну. Лицо Луциллы просіяло благодарностью. „Вы меня понимаете“, сказала она. Нюджентъ всталъ въ свою очередь. Онъ разчитывалъ въ интересахъ брата что бракъ будетъ предшествовать операциіи. Разчетъ оказался ошибочнымъ. Бракъ будетъ теперь зависѣть отъ чувствъ Луциллы послѣ того какъ она откроетъ истину. Лицо Нюджента омрачилось.

— Мнѣ Пратолунго, сказалъ онъ,—вы можете-быть когда-нибудь пожалѣете что избрали такой образъ дѣйствія. Поступайте какъ вамъ угодно, Луцилла; мнѣ больше нечего сказать.

Онъ вышелъ изъ комнаты, спокойно покорившись обстоятельствамъ, которыя какъ нельзя болѣе благопріятствовали ему. Теперь, какъ и всегда, нельзя было не отдать ему преимущества, сравнивая его съ малодушнымъ братомъ. Оскаръ отвернулся отъ окна, намѣреваясь, повидимому, послѣдовать за братомъ. Но сдѣлавъ шагъ, онъ остановился. Оставалось еще сдѣлать послѣднее усиліе. Нравственный вѣсъ досточтимого Финча еще не былъ положенъ на вѣсы.

— Есть еще одно обстоятельство о которомъ вы должны подумать, Луцилла, прежде чѣмъ рѣшитесь, сказалъ онъ.—Я видѣлся съ вашимъ отцомъ. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ что онъ вовсе не одобряетъ опыта который вы намѣрены произвести надъ собою.

Луцилла грустно вздохнула.

— Не въ первый уже разъ убѣждаюсь я что отецъ не почувствуетъ мнѣ, сказала она.—Меня это огорчаетъ, но не удивляетъ. Удивляете меня вы, прибавила она, внезапно возвысивъ голосъ.—Вы, который любите меня, не за одно со мной, когда я стою на пути къ новой жизни! Боже мой! Развѣ мои интересы не ваши интересы? Развѣ не стоить подождать для того чтобъ я могла видѣть васъ, когда дамъ предъ Богомъ обѣтъ любить, почитать и слушаться васъ? Понимаете вы его? внезапно обратилась она ко мнѣ.—Для чего онъ старается создать препятствія? Почему онъ не сочувствуетъ мнѣ?

Я взглянула на Оскара. Вотъ минута уласть къ ея ногамъ и сознаться во всемъ! Вотъ удобный случай, который можетъ-быть никогда не повторится! Я дѣлала ему нетерпѣливые знаки. Онъ попытался, — теперь надо отдать ему справедливость къ которой я тогда была неспособна, — онъ попытался. Онъ

приблизился къ ней, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, онъ сказалъ: „есть причина почему я такъ поступаю“, и остановился; у него захватило духъ. Онъ сдѣлалъ опять усиліе и пробормоталъ еще нѣсколько словъ: „причина въ которой я боялся сознаться...“ и остановился опять, съ каплями пота на мертвенномъ лицѣ.

Луцилла потеряла терпѣніе.

— Какая же причина? спросила она рѣзко.

Тонъ ея голоса отнялъ у него послѣднюю рѣшимость. Онъ отвернулся, чтобы не видать ея лица. Въ послѣднюю минуту, — жалкій, жалкій человѣкъ! — въ послѣднюю минуту онъ приблизился ко жи.

— Я не вѣрю Гроссе, какъ вы ему вѣрите, сказалъ онъ тихо.

Луцилла встала, горько разочарованная въ своемъ ожиданіи, и отворила дверь своей комнаты.

— Еслибы вы были слѣплы, сказала она, — ваша вѣра была бы моею вѣрой, ваша надежда моею надеждой. Я, кажется, ожидала отъ васъ слишкомъ многого. Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Она ушла въ свою комнату и затворила дверь. Я не могла выносить этого долѣе. Я встала съ твердымъ намѣреніемъ послѣдовать за ней и сказать ей то чего онъ не рѣшился сказать. Я уже взялась за ручку двери, когда Оскаръ внезапно схватилъ мою руку. Я повернулась и молча взглянула ему въ лицо.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, смѣло глядя мнѣ въ глаза и не выпуская мою руку. — Я не сказалъ и за меня никто не скажетъ.

— Я выведу ее изъ заблужденія. Она должна знать и узнать, отвѣчала я. — Пустите меня.

— Вы дали мнѣ обѣщаніе не говорить пока я вамъ не позволю. Я не позволяю.

Я щелкнула пальцами моею свободной руки предъ его лицомъ.

— Вотъ вамъ мое обѣщаніе, сказала я. — Ваше недостойное малодушіе подвергаетъ опасности какъ ваше, такъ и ея счастье.

Я повернулась къ двери и крикнула:

— Луцилла!

Онъ крѣпко сжалъ мою руку. Какой-то бѣсъ проснулся въ немъ и смотрѣлъ на меня его глазами.

— Скажите только, дико прошепталъ онъ сквозь зубы, — и я буду опровергать васъ въ глаза. Если вы на все рѣшились, я тоже на все рѣшился. Я не останавлиюсь ни предъ какою ни-

зостью. Я буду опровергать васъ подь честнымъ словомъ; я буду опровергать васъ подь клятвой. Вы слышали что она сказала о васъ въ Броундоунѣ? Она повѣритъ мнѣ, а не вамъ.

Луцилла отворила дверь и остановилась въ ожиданіи на порогѣ.

— Вы меня звали? сказала она спокойно.

Мгновенный взглядъ на Оскара убѣдилъ меня что онъ исполнить свою угрозу, если я не откажусь отъ моего намѣренія. Слабый человѣкъ доведенный до крайности можетъ стать самымъ безсовѣстнымъ, самымъ отчаяннымъ изъ людей. Какъ ни была я разсержена, я не рѣшилась унижить его въ ея глазахъ, что я могла бы сдѣлать противопоставивъ мое упрямство его упрямству. Изъ состраданія къ нимъ обоимъ я уступила.

— Я хочу погулять, милая моя, пока не стемнѣло, отвѣчала я Луциллѣ. — Не могу ли я сдѣлать чего-нибудь для васъ въ деревнѣ?

— Да, отвѣчала она. — Если вы подождете немного, я попрошу васъ отнести письмо на почту.

Она возвратилась въ свою комнату и затворила дверь.

Я не взглянула на Оскара и не сказала ему ни слова, когда мы остались опять вдвоемъ. Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Вы вспомнили свое обѣщаніе и хорошо сдѣлали, сказалъ онъ.

— Я не желаю продолжать разговоръ съ вами, былъ мой отвѣтъ. Я ухожу въ свою комнату.

Онъ съ безпокойствомъ провожалъ меня глазами, пока я шла къ двери.

— Я скажу ей, пробормоталъ онъ угромо, — когда придетъ мое время.

Умная женщина не позволила бы себѣ забытья до того чтобы заговорить съ нимъ опять. Увы, я женщина не умная, то есть не всегда.

— Ваше время! повторила я съ величайшимъ презрѣніемъ, къ какому способна. — Если вы не откроете ей истины до пріѣзда доктора, ваше время уйдетъ безвозвратно. Докторъ сказалъ намъ что послѣ операціи необходимо будетъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ отстранять отъ нея все что можетъ взволновать и огорчить ее. Вы скоро будете имѣть основательную причину молчать, мистеръ Оскаръ Дюбуръ.

Тонъ которымъ я сказала послѣднія слова разозлилъ его.

— Поберегите ваши сарказмы, безсердечная Французенка,

воскликнулъ онъ злобно. — Мнѣ все равно что бы вы ни думали обо мнѣ. Луцилла любить меня, Нюджентъ сочувствуетъ мнѣ.

Мой гадкій характеръ мгновенно внушилъ мнѣ самый жестокій отвѣтъ какой я только могла дать ему.

— Бѣдная, бѣдная Луцилла, сказала я. — Во сколько разъ счастливѣе могла бы она быть теперъ. Какъ жаль, какъ невыразимо жаль что она выходитъ замужъ за васъ, а не за вашего брата.

Лицо его такъ исказилось при этихъ словахъ, какъ будто я ранила его ножомъ. Голова его опустилась на грудь. Онъ отошелъ отъ меня какъ прибитая собака и молча вышелъ изъ комнаты.

Не прошло минуты, какъ гнѣвъ мой остылъ. Я старалась поддержать его: я говорила себѣ что онъ оскорбилъ мою націю, назвавъ меня безсердечною Француженкой. Напрасно! Вопреки самой себѣ я раскаивалась въ томъ что сказала ему.

Еще черезъ минуту я была на лѣстницѣ, надѣясь удержать его. Но было уже поздно. Я услышала скрипъ садовой калитки. Дважды подходила я къ ней чтобы послѣдовать за нимъ и дважды отходила прочь, опасаясь подлить только масла въ огонь. Кончилось тѣмъ что я возвратилась въ гостинную очень недовольная собою.

Первая нарушила мое уединеніе старая нянька Зилла, явившаяся съ письмомъ ко мнѣ, только-что принесеннымъ слугой изъ Броундоуна. Адресъ былъ написанъ рукой Оскара. Я разорвала конвертъ и прочла слѣдующее:

„Мадамъ Пратолунго. Вы разстроили и огорчили меня невыразимо. Я съ своей стороны виноватъ и очень виноватъ, я это знаю. Я искренно прошу у васъ прощенія, если сказалъ или сдѣлалъ что-нибудь обидное для васъ. Я не могу покориться вашему жестокому приговору надо мною. Если бы вы знали какъ я обожаю Луциллу, вы были бы снисходительнѣе ко мнѣ, вы понимали бы меня лучше. Ваши жестокія слова не выходятъ у меня изъ головы. Я не могу встрѣтиться съ вами не получивъ напередъ объясненія. Вы поразили меня въ самое сердце, сказавъ что Луцилла была бы гораздо счастливѣе, если бы вышла замужъ не за меня, а за моего брата. Надѣюсь что вы сказали это не серьезно. Пожалуйста напишите мнѣ—серiously вы это сказали или нѣтъ.

„Оскаръ.“

Написать ему! Не глупо ли что Оскаръ, будучи на разстояніи нѣсколькихъ минутъ ходьбы отъ меня, предпочитаетъ холодную формальность письменнаго объясненія, дружеской свободѣ свиданія? Словесно мы объяснились бы гораздо проще и

скорѣе. Какъ бы то ни было, я рѣшила идти въ Броундоунъ и помириться, *à la voce*, съ бѣднымъ, малодушнымъ, добрымъ, заблуждающимся юношей. Не дико ли было придавать серьезное значеніе тому что онъ сказалъ въ паникѣ нервнаго ужаса? Тонъ его письма такъ разстроилъ меня что за это одно оно стало мнѣ противно. Былъ холодный вечеръ англійскаго іюня. Слабый огонь горѣлъ въ каминѣ. Я скомкала письмо и бросила его, какъ я предполагала, въ огонь. (Въ послѣдствіи оказалось что оно попало въ уголъ каминной рѣшетки.) Затѣмъ я надѣла шляпку и, забывъ о Луциллѣ и что она хотѣла послать что-то на почту, забыжала въ Броундоунъ.

Какъ, вы думаете, принялъ онъ меня? Залерся въ своей комнатѣ! Его болѣзненная застѣнчивость, рѣшительно болѣзненная, заставила его отступить предъ личнымъ объясненіемъ, которое, при моемъ характерѣ, было единственнымъ возможнымъ объясненіемъ въ данныхъ обстоятельствахъ. Только угрозой выломать дверь могла я заставить его выйти и взять мою руку.

Глазъ-на-глазъ съ нимъ я уладила дѣло скоро. Я право думаю что онъ былъ въ припадкѣ безумія, когда угрожалъ оклеветать меня, предъ дверью комнаты Луциллы.

Не къ чему говорить что произошло между нами. Скажу только что въ послѣдствіи я имѣла серьезную причину жалѣть что не воспользовалась смѣлнымъ предложеніемъ Оскара объясниться съ нимъ письменно. Еслибъ я написала то что сказала ему въ примиреніе, это избавило бы отъ лишняго страданія меня и другихъ. Теперь же единственнымъ доказательствомъ что я оправдалась въ его глазахъ было то что онъ дружески протянулъ мнѣ руку при прощаніи за дверью дома.

— Встрѣтили вы Нюджента? спросилъ онъ, провожая меня по двору.

Я пришла въ Броундоунъ кратчайшею дорогою, чрезъ садъ, а не чрезъ деревню. Сказавъ это Оскару, я спросила не въ приходской ли домъ пошелъ Нюджентъ.

— Да, онъ пошелъ повидаться съ вами.

— Зачѣмъ?

— Вы знаете какъ онъ добръ. Онъ раздѣляетъ вашу точку зрѣнія. Онъ засмѣялся, когда я сказалъ ему что написалъ вамъ письмо, и любѣжалъ (милый малый) объясниться съ вами за меня. Вы встрѣтились бы съ нимъ, еслибы пришли сюда деревней.

Возвратясь домой, я разспросила Зиллу. Во время моего отсутствія приходилъ Нюджентъ, ждалъ меня нѣсколько минутъ одинъ въ гостиной, и уставъ ждать, ушелъ. Затѣмъ я спросила о Луциллѣ. Луцилла тоже спрашивала меня, нѣсколько минутъ спустя послѣ ухода Нюджента, и узнавъ что меня въ домѣ нигдѣ нѣтъ, послала Зиллу отнести на почту письмо и ушла въ свою комнату.

Разговаривая съ нянькой, я случайно стояла противъ камина и смотрѣла на потухающій огонь. Я не замѣтила, какъ я теперь отлично помню, никакого слѣда письма Оскара. Въ моемъ положеніи очень естественно было остаться въ заблужденіи что я дѣйствительно сдѣлала то что хотѣла сдѣлать, т.-е. бросила письмо Оскара въ огонь.

Войдя вскорѣ затѣмъ въ комнату Луциллы, чтобъ извиниться что забыла дожидаться ея письма, я нашла ее утомленною всѣми дневными происшествіями и готовящеюся лечь въ постель.

— Я не удивляюсь что вы устали дожидаться, сказала она.— Написать письмо для меня долгая, долгая работа. А это письмо я хотѣла написать собственноручно, если смогу. Можете догадаться кому я писала? Конечно, моя милая. Я написала Негг Гроссе.

— Уже!

— Чего же ждать? Что еще не рѣшено? Я сказала ему что наше семейное совѣщаніе кончено, и что я отдаю въ его распоряженіе на сколько ему угодно времени. И я предупредила его что если онъ отложить свой пріѣздъ, то этимъ только принудитъ меня ѣхать въ Лондонъ. Я выразила это сильно, ручаюсь вамъ. Завтра онъ получитъ письмо, а послѣ-завтра, если только онъ честный человѣкъ, онъ будетъ здѣсь.

— О, Луцилла! не для того чтобы сдѣлать вамъ операцію?

— Для того чтобы сдѣлать мнѣ операцію.

Г Л А В А XXXII.

Промежуточный день.

День между первымъ посѣщеніемъ Гроссе и вторымъ отмѣченъ двумя событіями, о которыхъ необходимо упомянуть здѣсь.

Первымъ событіемъ дня было прибытіе, рано утромъ, тайно переданнаго мнѣ письма Оскара Дюбура. Какъ у многихъ застѣчивыхъ людей, у него была рѣшительная манія, при всякомъ затрудненіи, объясняться съ трудомъ, письменно, вмѣсто того чтобъ объясниться безъ труда, словесно.

Письмо Оскара увѣдомило меня что онъ отправился въ Лондонъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ и что цѣлью этой поѣздки было: объяснить его настоящее положеніе относительно Луциллы человѣку специально знакомому съ причудами слѣпыхъ. Иными словами, онъ рѣшился обратиться за совѣтомъ къ мистеру Себрайту.

„Я полюбилъ мистера Себрайта“, писалъ Оскаръ, „такъ же искренно, какъ возненавидѣлъ Гроссе. Краткій разговоръ который я имѣлъ съ нимъ оставилъ во мнѣ пріятнѣйшее воспоминаніе объ его деликатности и добротѣ. Мнѣ кажется что если я объясню откровенно этому опытному доктору мое непріятное положеніе, онъ броситъ совершенно новый свѣтъ на состояніе духа Луциллы и скажетъ какія перемѣны могутъ произойти въ ней, если ея зрѣніе будетъ дѣйствительно восстановлено. Это можетъ принести мнѣ громадную пользу, указавъ мнѣ способъ открыть ей истину такъ чтобы причинить какъ можно меньше вреда ей и себѣ самому. Пожалуйста не подумайте что я пренебрегаю вашимъ совѣтомъ. Я хочу только заручиться, прежде чѣмъ признаюсь ей, совѣтомъ опытнаго спеціалиста“.

Все это по-моему означало только что нерѣшительному Оскару хотѣлось усложнить свою совѣсть и выиграть время, и что его безразсудная фантазія посоветоваться съ мистеромъ Себрайтомъ была не что иное какъ предлогъ отложить признаніе. Его письмо оканчивалось просьбой сохранить тайну и постараться устроить тайное свиданіе съ нимъ на его возвратномъ пути съ вечерняго поѣзда въ Димчорчъ.

Признаюсь, меня очень интересовало чѣмъ кончится совѣщаніе между робкимъ Оскаромъ и педантичнымъ мистеромъ Себрайтомъ, и около восьми часовъ вечера я постаралась ускользнуть изъ дома и пошла одна по направленію къ станціи желѣзной дороги.

Вторымъ событіемъ дня былъ дружескій разговоръ между Луциллой и мною о предметѣ поглощавшемъ теперь какъ ея такъ и мои мысли,—о восстановленіи ея зрѣнія.

Когда она присоединилась ко мнѣ за завтракомъ, подозрительность ея была сильно возбуждена поступкомъ Оскара. Онъ воспользовался избитою отговоркой „по дѣламъ“, чтобы объяснить ей свою поѣздку въ Лондонъ. Она тотчасъ же заподозрѣла (зная его чувства на этотъ счетъ) что онъ поѣхалъ помѣшать Гроссе сдѣлать ей операцію. Мнѣ удалось разсѣять ея опасенія, увѣривъ ее, со словъ самого Оскара, что онъ терпѣть не можетъ нѣмецкаго доктора.

— Зачѣмъ бы онъ ни поѣхалъ въ Лондонъ, сказала я, но вы можете быть спокойны, моя милая, что нога его не будетъ у Гроссе.

Послѣ долгаго молчанія съ обѣихъ сторонъ, послѣдовавшаго за этими словами, Луцилла подняла голову отъ второй чашки чая и внезапно заговорила объ Оскарѣ совсѣмъ другимъ тономъ, открыла мнѣ новую особенность въ своихъ чувствахъ, принадлежащую исключительно странному темпераменту слѣпыхъ.

— Знаете ли что? сказала она.—Еслибы мнѣ не предстояло выйти замужъ за Оскара, я едвали потревожила бы какого бы то ни было доктора, Англичанина или иностранца, приглашеніемъ въ Димчорчъ.

— Я, кажется, не совсѣмъ понимаю васъ, сказала я.— Вы конечно не хотите сказать что при другихъ обстоятельствахъ вы не желали бы возвратити себѣ зрѣніе?

— Это-то именно я и хочу сказать.

— Какъ! вы слѣпы съ дѣтства и не желаете возвратити себѣ зрѣніе?

— Я хочу только увидѣть Оскара, и хочу увидѣть его только потому что люблю его. Еслибы не это, я не думаю что мнѣ было бы особенно пріятно прозрѣть.

— Не можетъ быть! Я право не могу повѣрити, другъ мой Луцилла, что вы говорите серьезно.

Она засмѣялась и допила свой чай.

— Вы, зрячіе, сказала она,—придаете слишкомъ много значенія вашимъ глазамъ. Я считаю мое осязаніе несравненно болѣе безошибочнымъ, несравненно болѣе тонкимъ чувствомъ чѣмъ ваше зрѣніе. Еслибы, повторяю, желаніе увидѣть Оскара не было моимъ первѣйшимъ желаніемъ, сказать ли вамъ что я не колеблясь предпочла бы зрѣнію, предположивъ что это возможно? Къ несчастію, прибавила она съ комическою покорностью судьбѣ,—къ несчастію это невозможно.

— Что невозможно?

Она внезапно простерла руки надъ столомъ.

— Растягивать ихъ на громадную, неслыханную длину. Вотъ что я предпочла бы, отвѣчала она.—Съ помощью моихъ рукъ я узнавала бы лучше что дѣлается вдали, чѣмъ вы съ помощью вашихъ глазъ и телескоповъ. Сколько вопросовъ разрѣшила бы я человечеству, еслибы могла простирать руки до звѣздъ.

— Это ужъ чистый вздоръ, Луцилла!

— Вы думаете? Скажите мнѣ что полезнѣе въ темнотѣ: мое осязаніе или ваши глаза? Кто обладаетъ чувствомъ которое

можетъ служить ему одинаково въ продолженіи всѣхъ двадцати четырехъ часовъ. Вы или я? Еслибы не Оскаръ, теперь я говорю совершенно серьезно, я предпочла бы усовершенствовать то чувство которымъ уже обладаю, чѣмъ получить новое. Пока я не знала Оскара, я, кажется, никогда искренно не завидовала людямъ обладающимъ зрѣніемъ.

— Вы поражаете меня, Луцилла.

Она нетерпѣливо стучала ложкой въ пустой чашкѣ.

— Можете ли вы всегда положиться на свои глаза даже при яркомъ свѣтѣ? воскликнула она.—Какъ вы часто ошибаетесь въ самыхъ простыхъ вещахъ. О чемъ вы на дняхъ спорили въ саду? Вы глядѣли на какой-то видъ.

— Да, въ глубину аллеи за стѣной церковнаго двора.

— Какой же предметъ въ аллеѣ привлекъ общее вниманіе. Помните?

— Да, предметъ въ самомъ концѣ аллеи.

— Я слышала вашъ споръ. Вы всѣ расходились во мнѣніяхъ, несмотря на ваши хваленые глаза. Отецъ говорилъ что предметъ движется. Вы утверждали что онъ стоитъ неподвижно. Оскаръ говорилъ что это человѣкъ. Мистрисъ Финчъ увѣряла что это теленокъ. Нюджентъ любѣжалъ разсмотрѣть этотъ загадочный предметъ вблизи. Что же оказалось? Это былъ стволъ стараго дерева, сломеннаго ночью вѣтромъ! Могу ли я завидовать людямъ обладающимъ чувствомъ которое шутитъ съ ними такія шутки? Нѣтъ! Нѣтъ! Негг Гроссе срѣжетъ мои катаракты только потому что я выхожу замужъ за человѣка котораго люблю и задалась глупою фантазіей что буду любить его еще сильнѣе, когда буду видѣть его. Можетъ-быть я жестоко ошибаюсь, прибавила она съ досадой.—Можетъ-быть тогда я и вполонину не буду любить его такъ, какъ люблю теперь.

Я вспомнила о лицѣ Оскара, и сердце мое сжалось при мысли что ея предположеніе можетъ оправдаться. Я хотѣла перемѣнить разговоръ. Нѣтъ! Ея сильная фантазія нашла новую область для соображеній, прежде чѣмъ я успѣла вымолвить слово.

— Я соединяю свѣтъ, сказала она задумчиво,—со всѣмъ что прекрасно и божественно, а мракъ со всѣмъ что гадко, ужасно, отвратительно. Желала бы я знать какое впечатлѣніе произведутъ на меня свѣтъ и мракъ когда я ихъ увижу.

— Мнѣ кажется что они удивятъ васъ, отвѣчала я,—оказавшись совсѣмъ не тѣмъ чѣмъ вы ихъ считаете.

Она встрепенулась. Я услугала ее неумышленно.

— Неужели лицо Оскара окажется совсѣмъ не такимъ какимъ я теперь считаю его? спросила она внезапно измѣнившимся тономъ.— Неужели вы хотите сказать что я все это время имѣла о немъ ложное понятіе?

Я сдѣлала опять попытку переимѣнить разговоръ. Что другое могла я сдѣлать, когда языкъ мой былъ связанъ предостереженіемъ Нѣмца что всякое волненіе опасно ей въ виду операціи?

Напрасно. Она продолжала свое, не обращая вниманія на меня.

— Развѣ я не имѣю возможности судить каковъ Оскаръ? сказала она.— Я оцупываю мое лицо, я знаю какъ оно длинно, какъ оно широко; знаю какъ велики различныя черты и какъ онѣ расположены. Потомъ я оцупываю лицо Оскара и сравниваю его съ моимъ лицомъ. Ни одна подробность не ускользнетъ отъ моего вниманія. Я вижу его умственно такъ же ясно, какъ вы меня видите въ эту минуту. Не хотите ли вы сказать что увидавъ его глазами я открою въ немъ что-нибудь совершенно новое для меня? Не думаю! Она встала порывисто и прошла по комнатѣ. О, воскликнула она топнувъ ногой,— зачѣмъ не могу я принять столько опіума или хлороформа чтобы заснуть на слѣдующія шесть недѣль и проснуться когда Нѣмецъ сниметъ повязку съ моихъ глазъ! Она опять сѣла и медленно перешла къ вопросу чисто нравственному.— Скажите мнѣ, начала она,— величайшая изъ добродѣтелей есть та которая труднѣе всѣхъ?

— Должно-быть такъ, отвѣчала я.

Она застучала по столу кулаками, капризно, злобно и такъ сильно какъ только могла.

— Въ такомъ случаѣ, Мме Пратолунго, сказала она,— величайшая изъ добродѣтелей есть терпѣніе. О, другъ мой, какъ я въ эту минуту ненавижу величайшую изъ добродѣтелей!

Послѣ этого разговоръ наконецъ перешелъ къ другимъ предметамъ.

Думая въ послѣдствіи о странныхъ вещахъ которыя сообщила мнѣ Лицилла, я извлекла изъ разговора за завтракомъ слѣдующее утѣшеніе: если предсказаніе мистера Себрайта оправдается, и операція не удастся, я буду знать что слѣвота сама по себѣ не составляетъ для слѣплыхъ такого несчастія какимъ представляется намъ, одареннымъ зрѣніемъ.

Около половины восьмого я пошла одна навстрѣчу Оскару.

На длинной прямой дорогѣ я увидѣла его издали. Онъ шелъ быстрѣе обыкновеннаго и пѣлъ. Несмотря на свой мертвен-

ный цвѣтъ, лицо бѣднаго малаго сіяло счастьемъ. Онъ съ торжествующимъ видомъ размахивалъ тросточкой. „Хорошее извѣстіе!“ крикнулъ онъ во весь голосъ. „Мистеръ Себрайтъ сдѣлалъ меня опять счастливымъ человѣкомъ.“ Никогда не видала я его такъ похожимъ на Нюджента въ пріемахъ, какъ теперь, когда онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ обѣ руки.

— Разкажите мнѣ все, сказала я.

Онъ взялъ меня подъ руку и, разговаривая всю дорогу, мы медленно возвратились въ Димчорчъ.

— Впервыхъ, началъ онъ, — мистеръ Себрайтъ держится твердо своего мнѣнія. Онъ вполне увѣренъ что операція не удастся.

— Такъ это-то ваше хорошее извѣстіе, сказала я съ укоризной.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Хотя, къ стыду моему, я долженъ сказать что одно время желалъ чтобъ она не удалась. Мистеръ Себрайтъ привелъ меня въ лучшее состояніе духа. Мнѣ почти нечего опасаться послѣдствій, если операція какимъ-нибудь чудомъ удастся. Я напомнилъ вамъ мнѣіе мистера Себрайта только для того чтобы дать вамъ понятіе о тонѣ который онъ принялъ со мною сначала. Онъ согласился только послѣ сильнаго протеста предположить возможность того что Луцилла и Негг Гроссе считаютъ вѣрнымъ. „Если это непременно нужно для объясненія вашего положенія“, сказалъ онъ, „я допущу что она можетъ прозрѣть черезъ два мѣсяца. Теперь начинайте“. Я началъ съ того что объявилъ ему о моей помолвкѣ съ Луциллою.

— Сказать вамъ какъ мистеръ Себрайтъ принялъ это извѣстіе? прервала я.—Онъ прикусилъ языкъ и поклонился вамъ.

Оскаръ засмѣялся.

— Вы отгадали, отвѣчалъ онъ. — Затѣмъ я сказалъ ему объ антипатіи Луциллы къ смуглымъ людямъ и вообще къ темнымъ цвѣтамъ. Можете отгадать что онъ сказалъ мнѣ на это?

Я созналась что не настолькоъ познакомилась съ характеромъ мистера Себрайта чтобъ отгадать это.

— Онъ сказалъ что, по его наблюденіямъ, эта антипатія свойственна слѣпотѣ, что это одно изъ множества странныхъ дѣйствій слѣпоты на умъ. „Физическій недостатокъ имѣетъ какое-то загадочное нравственное вліяніе“, сказалъ онъ. „Мы это замѣчаемъ, но объяснить не можемъ. Антипатія о которой вы говорите можетъ пройти только при одномъ условіи—возвращеніи зрѣнія“. Тутъ онъ остановился. Я умолялъ его продолжать. Нѣтъ! Онъ отказался продолжать пока я не скажу ему

все что намѣренъ сказать. Я долженъ былъ сознаться ему во всемъ и сознался.

— Вы не скрыли ничего?

— Ничего. Я откровенно сознался ему въ своемъ малодушіи. Я сказалъ ему что Луцилла до сихъ поръ убѣждена что человекъ съ синимъ лицомъ Нюджентъ. Затѣмъ я спросилъ: какъ мнѣ поступить?

— Что же онъ отвѣтилъ?

— Вотъ что: „если вы меня спрашиваете какъ вамъ поступить въ случаѣ если она останется слѣпа (въ чемъ, повторяю вамъ, не можетъ быть сомнѣнія), то я отказываюсь совѣтовать вамъ. Ваша собственная совѣсть и ваше чувство чести должны рѣшить этотъ вопросъ. Если же вы спрашиваете меня какъ вамъ поступить, если зрѣніе ея будетъ восстановлено, я могу отвѣтить вамъ прямо. Оставьте положеніе дѣлъ какъ оно есть и ждите пока она не прозрѣетъ.“ Это его собственные слова. О, какую тяжесть сняли они съ моей души. Я заставилъ его повторить ихъ. Признаюсь, я боялся вѣрить своимъ ушамъ.

Я понимала причину радости Оскара лучше чѣмъ причину совѣта мистера Себрайта.

— Сказалъ онъ вамъ на чемъ основанъ этотъ совѣтъ? спросила я.

— Вы это сейчасъ узнаете, отвѣчалъ Оскаръ.—Онъ сначала удостоверился что я вполнѣ понимаю мое настоящее положеніе. „Первое условіе для успѣха, какъ объявилъ вамъ Негг Гроссе, есть полное спокойствіе пациентки“, сказалъ онъ. „Если вы откроете ей истину когда возвратитесь въ Димчорчъ, вы такъ встревожите ее что завтра мой нѣмецкій коллега не согласится слѣлать операцию. Если же вы отложите свое признаніе, необходимость заставить васъ молчать пока ея докторъ не объявитъ что лѣченіе кончено. Вотъ ваше положеніе. Я совѣтую вамъ отложить признаніе. Молчите (и заставьте молчать всѣхъ кто знаетъ вашу тайну) пока не обнаружится результатъ операциі“. Тутъ я остановилъ его.

— Не хотите ли вы сказать что мнѣ слѣдуетъ присутствовать когда она будетъ въ первый разъ пробовать свое зрѣніе? спросилъ я. — Могу я показаться ей не предувѣдомивъ ее ни однимъ словомъ о цвѣтѣ моего лица?

Мы были теперь на самомъ интересномъ пунктѣ разговора. Вы, Англичане, когда гуляете и на ходу ведете дружескій раз-

говоръ, никогда не останавливается при самыхъ интересныхъ пунктахъ. Мы, иностранцы, напротивъ, всегда останавливаемся. Я поразила Оскара, задержавъ его внезапно посреди дороги.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Продолжайте, сказала я нетерпѣливо.

— Я не могу продолжать, возразилъ онъ.—Вы меня задерживаете.

Я крѣпко сжала его руку и еще рѣшительнѣе приказала ему продолжать. Оскаръ покорился остановкѣ среди большой дороги.

— Мистеръ Себрайтъ встрѣтилъ мой вопросъ вопросомъ съ своей стороны. Онъ спросилъ какъ я намѣренъ приготовить ее къ цѣлѣ моего лица.

— Что же вы сказали?

— Я сказалъ что намѣревался уѣхать на время изъ Димчорча и письменно уведомить ее что она увидитъ когда я возвращусь.

— Что же онъ сказалъ на это?

— Онъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Онъ сказалъ: „Я твердо совѣтую вамъ присутствовать когда она будетъ въ первый разъ въ состояніи (если только когда-нибудь будетъ) пользоваться своимъ зрѣніемъ. Я считаю очень важнымъ чтобъ она могла исправить свое безобразное и нелѣпое представленіе о вашемъ лицѣ, увидавъ васъ такимъ каковъ вы на самомъ дѣлѣ, при первой возможности.

Мы только-что пошли дальше, когда нѣкоторыя слова въ послѣдней фразѣ поразили меня. Я опять остановилась.

— Безобразное и нелѣпое представленіе, повторила я, вспоминая нашъ утренній разговоръ съ Луциллою. — Что хотѣлъ сказать мистеръ Себрайтъ?

— Я самъ предложилъ ему этотъ вопросъ. Его отвѣтъ интересенъ. Пойдемъ мы дальше?

Мои иностранныя ноги пришли опять въ движеніе, и мы пошли дальше.

— Когда я сообщилъ мистеру Себрайту о предразсудкѣ Луциллы, продолжалъ Оскаръ, — онъ удивилъ меня, сказавъ что, судя по его наблюденіямъ, этотъ предразсудокъ проходитъ только съ возстановленіемъ зрѣнія. Въ подтвержденіе этихъ словъ онъ теперь разказалъ мнѣ два случая изъ своей врачебной практики. Первый случай былъ съ маленькою дочерью одного индійскаго офицера, ослѣпшею, какъ и Луцилла, въ младенчествѣ. Послѣ удачной операціи, пришло время когда онъ могъ позволить своей пациенткѣ испробовать зрѣніе—то-есть сначала

испробовать можетъ ли она различать темные цвѣта отъ свѣтлыхъ. Между домашними, присутствовавшими при первомъ опытѣ, была нянька Индіанка, пріѣхавшая съ семействомъ въ Англію. Первая особа которую увидалъ ребенокъ была его мать, красивая женщина. Дѣвочка съ удивленіемъ всплеснула руками и только. Повернувъ голову, она увидала смуглую Индіанку и вскрикнула отъ ужаса. Мистеръ Себрайтъ признался мнѣ что не можетъ объяснить этого! Ребенокъ не имѣлъ возможности сочетать какія-нибудь понятія съ цвѣтами, тѣмъ не менѣе онъ обнаружилъ сильнѣйшее отвращеніе и страхъ къ темнымъ предметамъ, — отвращеніе и страхъ свойственные слѣпымъ. Первая моя мысль, когда онъ сказалъ это мнѣ, была о моемъ лицѣ и о моихъ будущихъ отношеніяхъ съ Луциллою. Я спросилъ:— привыкъ или нѣтъ ребенокъ къ наружности няньки? я могу передать вамъ отвѣтъ мистера Себрайта его собственными словами: „черезъ недѣлю я засталъ ребенка сидящимъ на колѣняхъ няньки такъ же спокойно какъ я сижу на стулѣ.“ Это утѣшительно, не правда ли?

— Очень утѣшительно. Противъ этого никто не станетъ спорить.

— Второй примѣръ еще интереснѣе. Случай былъ со взрослымъ человѣкомъ, и мистеръ Себрайтъ разказалъ мнѣ его чтобы показать какія странныя фантастическія представленія, совершенно не похожія на дѣйствительность, составляютъ слѣпые объ окружающихъ ихъ людяхъ. Пациентъ былъ женатъ и готовился увидать жену (какъ и Луцилла можетъ-быть когда-нибудь увидитъ меня) въ первый разъ въ жизни. Ему сказали, прежде чѣмъ онъ женился, что жена его изуродована рубцомъ отъ раны на щекѣ. Бѣдная женщина—о, какъ я ее понимаю!— сильно опасалась послѣдствій. Человѣкъ горячо любившій ее пока былъ слѣпъ, могъ возненавидѣть ее увидавъ ея лицо. Мужъ утѣшалъ ее, когда рѣшено было сдѣлать операцію. Онъ увѣрялъ что его собственное осязаніе и описанія другихъ дали ему возможность составить самое вѣрное представленіе о лицѣ жены. Что ни говорилъ ему мистеръ Себрайтъ, ничто не убѣдило его что онъ не имѣлъ физической возможности составить себѣ правильное понятіе о какомъ-нибудь предметѣ, одушевленномъ или неодушевленномъ, не видѣвъ его. Онъ былъ такъ увѣренъ въ себѣ что держалъ руку жены, когда ему снимали повязку. При первомъ взглядѣ на нее, онъ испустилъ крикъ ужаса и упалъ въ обморокъ. Бѣдная жена была въ отчаяніи.

Мистеръ Себрайтъ утѣшалъ ее какъ умѣлъ и ждалъ времени когда ея мужъ будетъ въ состояніи отвѣчать на вопросы. Когда оказалось что представленіе слѣлаго о женѣ и ея недостаткѣ было такъ дико, такъ не похоже на дѣйствительность что внушало смѣхъ и ужасъ. Жена его была прекрасна какъ ангель въ сравненіи съ его любимымъ представленіемъ о ней, но именно потому что это было его любимое представленіе, первый взглядъ на нее внушилъ ему отвращеніе и ужасъ. Спустя нѣсколько недѣль онъ былъ въ состояніи сравнить свою жену съ другими женщинами, смотрѣть на картинки и понять что красиво и что уродливо, и съ этихъ поръ они жили другъ съ другомъ какъ счастливѣйшая чета во всемъ королевствѣ.

Я не совсѣмъ понимала къ чему былъ приведенъ послѣдній примѣръ. Онъ встревожилъ меня, когда я подумала о Луциллѣ. Я остановилась.

— Какъ примѣнилъ мистеръ Себрайтъ второй примѣръ къ Луциллѣ и къ вамъ? спросила я.

— Сейчасъ узнаете, отвѣчалъ Оскаръ.—Онъ привелъ этотъ случай въ доказательство своихъ словъ что представленіе Луциллы обо мнѣ вовсе не похоже на меня. Онъ спросилъ меня согласенъ ли я съ нимъ что она не можетъ имѣть правильного понятія ни о лицахъ, ни о цвѣтахъ, и что ея представленіе о синемъ лицѣ должно быть, по всей вѣроятности, чѣмъ-нибудь фантастическимъ и чудовищно не похожимъ на дѣйствительность. Послѣ того что онъ разказалъ мнѣ, я конечно согласился съ нимъ. „Хорошо“, сказалъ мистеръ Себрайтъ. „Теперь примемъ въ соображеніе что есть значительная разница между случаемъ съ миссъ Финчъ и тѣмъ который я сейчасъ привелъ. Представленіе слѣлаго мужа о своей женѣ было его любимымъ представленіемъ. Первый взглядъ на нее былъ для него жестокимъ разочарованіемъ. Представленіе же миссъ Финчъ о синемъ лицѣ—ненавистное для нея представленіе, образъ внушающій ей отвращеніе. Не естественно ли заключить что первый взглядъ на васъ будетъ для нея облегченіемъ, а не ударомъ. Основываясь на моей опытности я прихожу къ этому заключенію и совѣтую вамъ, для вашего же блага, присутствовать при снятіи повязки. Если даже окажется что я ошибаюсь—если она не примирится немедленно съ вашею наружностію, то примѣръ съ ребенкомъ и индѣйскою нянькой можетъ служить вамъ доказательствомъ что это только вопросъ времени. Рано или поздно она приметъ открытіе какъ приняла бы его всякая другая

дѣвушка. Сначала она будетъ негодовать на васъ за обманъ; потомъ, если вы увѣрены въ ея любви, она кончитъ тѣмъ что проститъ васъ. Вотъ мой взглядъ на ваше положеніе и вотъ данныя на которыхъ я основываю его. вмѣстѣ съ тѣмъ я остаюсь при своемъ мнѣніи. Я твердо увѣренъ что вы никогда не будете имѣть случая воспользоваться моимъ совѣтомъ. Когда повязка будетъ снята, шансы лятьсотъ противъ одного что она не увидитъ васъ." Таковы были его послѣднія слова, и съ этимъ мы разстались.

Оскаръ и я шли нѣсколько времени молча.

Я не могла ничего сказать противъ мнѣній мистера Себрайта; нельзя было сомнѣваться въ профессиональной опытности на которой они были основаны. Относительно слѣлыхъ вообще, я была увѣрена что его совѣтъ хорошъ и заключенія правильны. Но характеръ Луциллы былъ не изъ обыкновенныхъ. Я знала ее лучше чѣмъ зналъ ее мистеръ Себрайтъ, и чѣмъ болѣе думала я о будущемъ, тѣмъ менѣе чувствовала себя расположенною раздѣлять надежды Оскара. Луцилла была именно такая дѣвушка чтобы въ критическую минуту сказать или сдѣлать что-нибудь такое что разрушитъ всѣ предположенія. Будущность Оскара никогда не казалась мнѣ столь мрачною какъ въ эту минуту.

Было бы бесполезно и жестоко сказать ему то что я сейчасъ написала. Я старалась казаться какъ можно веселѣе и спросила намѣренъ ли онъ послѣдовать совѣту мистера Себрайта.

— Да, сказалъ онъ,—но съ однимъ ограниченіемъ, которое пришло мнѣ въ голову послѣ того какъ я ушелъ отъ него.

— Можно узнать что это такое?

— Конечно. Я хочу попросить Нюджента уѣхать изъ Димчорча прежде чѣмъ Луцилла испробуетъ въ первый разъ свое зрѣніе. Я знаю что онъ это сдѣлаетъ для меня.

— И когда онъ уѣдетъ, что же тогда?

— Тогда я, по совѣту мистера Себрайта, буду присутствовать при снятіи повязки.

— Напередъ сказавъ Луциллѣ, вмѣшалась я,—что она увидитъ васъ.

— Нѣтъ. Это-то и есть ограниченіе о которомъ я уломянулъ. Я намѣренъ оставить Луциллу въ заблужденіи что въ отсутствіи нахожусь я, а лицо которое она увидитъ лицо Нюджента. Если предсказаніе мистера Себрайта оправдается, и ея первымъ чувствомъ при взглядѣ на меня будетъ облегченіе, я

открою ей истину въ тотъ же день. Если нѣтъ, я отложу признаніе до тѣхъ поръ пока она не примирится съ моею наружностью. Этотъ планъ устоитъ противъ всевозможныхъ неожиданностей. Это одна изъ немногихъ хорошихъ идей выработанныхъ моею глупою головою съ тѣхъ поръ какъ я поселился въ Димчорчѣ.

Онъ сказалъ послѣднія слова съ такимъ наивно торжествующимъ видомъ что у меня не хватило духу омрачить его радость, высказавъ ему мое мнѣніе объ его идеѣ. Я сказала только:

— Не забывайте, Оскаръ, что самые остроумные планы зависятъ отъ случая. Въ послѣднюю минуту можетъ случиться что-нибудь такое что принудитъ васъ высказаться.

Мы были уже въ виду приходскаго дома, когда я сдѣлала ему это послѣднее предостереженіе. Нюджентъ ходилъ взадъ и впередъ по дорогѣ, поджидая насъ. Я оставила Оскара लेकर сказать снова свою исторію брату и ушла домой.

Дуццлла сидѣла у рояли, когда я вошла въ гостиную. Она не только играла, но и пѣла, что случалось съ нею рѣдко. Пѣсня была,—какъ слова, такъ и музыка,—ея собственнаго сочиненія. „Я увижу его! Я увижу его!“ Этими тремя словами начиналось и кончалось ея произведеніе. Она прилагала ихъ ко всемъ счастливымъ мелодіямъ которыя помнила. Она аккомпанировала имъ руками какъ бы обезумѣвшими отъ радости, руками угрожавшими ежеминутно оборвать струны инструмента. Никогда съ тѣхъ поръ какъ я поселилась въ приходскомъ домѣ, не слыхала я въ нашей тихой гостиной такого грома какъ теперь. Она была въ припадкѣ лихорадочнаго веселія, которое, при моемъ уныломъ состояніи духа, въ эту минуту огорчило и испугало меня. Я стащила ее насильно со стула и заперла рояль.

— Успокойтесь, ради всего святаго, сказала я.—Вы хотите быть спокойною когда завтра пріѣдетъ докторъ?

Эти слова мгновенно образумили ее. Она тотчасъ же притихла съ легкостью ребенка.

— Я забыла, сказала она, усѣвшись въ уголь, съ испуганнымъ лицомъ.—Онъ пожалуй откажется сдѣлать мнѣ завтра операцию. О, другъ мой, успокойте меня какъ-нибудь. Возьмите книгу, почитайте мнѣ.

Я взяла книгу. Бѣдный авторъ! Ни она, ни я не обращали на него никакого вниманія. Хуже, мы сердились на него за то что онъ не интересовалъ насъ, мы порывисто закрыли его,

грубо толкнули на книжную полку, оставили стоять вверх ногами и ушли спать.

Она стояла у окна, когда я вошла къ ней пожелать ей доброй ночи. Блѣдная луна озаряла мягкимъ свѣтомъ ея милое лицо.

— Луна, которую я никогда не видала, прошептала она,—я чувствую что ты смотришь на меня. Придетъ ли когда время что я буду смотрѣть на тебя? Она отвернулась отъ окна и послѣшью приложила мои пальцы къ своему лувьсу.—Спокойна ли я теперь? спросила она.—Найдетъ ли онъ меня здоровою завтра? Поцупайте лувьсъ! Поцупайте! Спокоенъ онъ теперь?

Я поцупала,—лувьсъ бился все скорѣе и скорѣе.

— Сонъ успокоить его, сказала я, и поцуповавъ ее ушла.

Она спала спокойно. Что же касается до меня, я провела такую мучительную ночь и встала до того истомленная что принуждена была уйти послѣ завтрака въ свою комнату и лечь опять. Луцилла сама убѣждала меня отдохнуть.

— Негг Гроссе прѣдетъ сюда послѣ полудня, сказала она.— Отдохните до тѣхъ поръ.

Мы разчитывали такъ не принимая въ соображеніе эксцентричнаго характера нашего нѣмецкаго доктора. За исключеніемъ обязанностей своей профессіи, Негг Гроссе дѣлалъ все по вдохновенію и ничего по правиламъ. Лишь только я впадала въ прерывистый, не освѣжающій сонъ, какъ почувствовала на своемъ плечѣ руку Зиллы и услышала надъ своимъ ухомъ голосъ Зиллы.

— Потрудитесь встать, сударыня. Онъ здѣсь. Онъ прѣхалъ изъ Лондона съ утреннимъ поѣздомъ.

Я послѣшила въ гостиную.

Тамъ у стола сидѣлъ Негг Гроссе, предъ открытымъ ящикомъ съ инструментами; его дикіе черные глаза были устремлены на страшную коллекцію ножницъ, зондовъ и ножей; его истрепанная шляпа, стоявшая тутъ же, была наполнена скомканными бинтами. Рядомъ съ нимъ стояла Луцилла, положивъ фамилиарно одну руку на его плечо, а другою ощупывая одинъ изъ ужасныхъ инструментовъ, чтобъ узнать на что онъ похожъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ.

Я Н В А Р Ъ.

Стр.

Бѣлая Кривица при Амвросіи. Гл. I—IV. <i>Н. И. Субботина.</i>	5
Забывтый вопросъ. Романъ. Часть первая. Гл. I—XI. <i>Б. М. Маркесича</i> (Б. Лѣвницкаго).	67
Авдотья Петровна Нарышкина. Историческая замѣтка <i>П. И. Мельникова.</i>	145
Каширская старина. Драма въ яти дѣйствіяхъ. <i>Д. В. Аверкіева.</i>	160
Въ лѣсахъ. Разказъ. Гл. XXIX—XXXIII. <i>Андрея Печерскаго.</i>	254
Умирающій лебедь. (Изъ Теннисона). Стихотвореніе. <i>Е. Е.</i>	301
Отъ Вѣны до Карлсбада. (Путевыя впечатлѣнія). <i>Т.</i>	303
Подходящая подать въ Англіи. <i>Ө. Б. Мильгаузена</i>	361
Смѣсь: I. Затменіе 14го декабря. — II. Шедо-Феротти о романѣ г. Чернышевскаго. — III. Процессъ Тичборна. — IV. Записки Витберга. — V. Новые отрывки <i>Мертвыхъ душъ.</i> — VI. Дуэль Лермонтова. — VII. Люди прошлаго вѣка. — VIII. Галицкія смуты. — IX. Смерть Тренделенбурга.	393

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Бѣдная миссъ Финчъ. Семейная исторія. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XII—XXI.

Ф Е В Р А Л Ь.

	Стр.
Характеристика Семитическихъ народовъ. <i>Д. А. Хвольсона</i>	423
Забывтый вопросъ. Романъ. Часть первая. Гл. XII—XXI. <i>Б. М. Маркевича</i> (Б. Лѣвницкаго).	476
Послѣ осады. Окончаніе. <i>Г.</i>	568
По поводу новыхъ сочиненій Ревана и Тѣна. <i>Р.</i>	606
Ядовитое вещество и цѣлебное начало въ воздухѣ. Чтеніе доктора Лендера.	624
Замѣчанія на <i>Воспоминанія</i> Екатерины Александровны Хвостовой. <i>Е. А. Ладъженской</i>	637
Источники повальнаго распространенія болѣзней. Санитарный очеркъ. <i>Н. И. Соловьева</i>	663
Жизнь Чарльза Диккенса. Джона Форстера. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. I—III.	693
Декретъ Кутногорскій. Историческій романъ. Иосифа Кэзтана Тыла. Съ чешскаго. Гл. I—VII.	741
Смѣсь: I. Новая лѣса Сарду <i>Рабазасъ</i> . — II. Юность и воспитаніе Австрійскаго императора. — III. Успѣхи воздухоплаванія. — IV. Проектъ тоннеля подъ Падде-Кале. — V. Респираторъ для пожарныхъ. — VI. Коллекція герцога Эдинбургскаго. — VII. Экспедиція сэръ-Самюэля Бекера. — VIII. Работа женщинъ въ Лоуэллѣ. — IX. Глава мормоновъ предъ судомъ. — X. Богумилъ Дависонъ. — XI. Домъ Наполеона въ Чизельгёрствѣ. — XII. Грозная комета. — XIII. Нѣсколько словъ о Русскомъ Собраніи въ Варшавѣ.	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Вѣра. Повѣсть. Автора романа <i>Гостиница Сень-Жанъ</i> . Часть первая. Гл. I—XIII.
Бѣдная миссъ Финчъ. Семейная исторія. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе первой части.

43
47
50
60
62
65
68
69
74

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1872 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1872 году въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки тринадцать рублей пятьдесятъ коп., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи пятнадцать рублей.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—16 р.; въ Италію, Вельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—17 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую и Азіатскую Турцію—18 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—19 р. 50 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Эггельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1872 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1872 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій двѣнадцать рублей сер.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи пятнадцать рублей сер.; съ казенными объявленіями издаваемыми особо три раза въ недѣлю цѣна безъ доставки четырнадцать рублей; съ доставкой и пересылкой семнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о), на Страстномъ бульварѣ.

